К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ
42

3К1

М $\frac{10101-322}{079(02)-74}$ Подписное

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 42 том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса входят произведения, написанные с января 1844 по февраль 1848 года. Том состоит из трех разделов. В первом и во втором разделах помещены произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, написанные до начала их творческого сотрудничества, третий раздел составляют работы, созданные Марксом и Энгельсом после их парижской встречи в августе 1844 года. Эти труды значительно дополняют ранее опубликованные в томах 1—4 произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Они расширяют наши представления о процессе формирования научно-философского, коммунистического мировоззрения Маркса и Энгельса, о разработке ими основ революционной тактики освободительной борьбы пролетариата в период назревания буржуазно-демократических революций в Европе.

Содержание первого раздела составляют в основном экономические работы молодого Маркса: краткий конспект статьи Энгельса «Наброски к критике политической экономии», конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии», большая работа «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» отражают определенный этап в формировании основных составных частей научного мировоззрения пролетариата — экономического учения, диалектико-материалистической философии, научного коммунизма. Их автор предстает как пытливый исследователь и новатор в науке.

С начала экономических занятий Маркса (1843 г.) прошло немного времени, список изученных им трудов был еще невелик, процесс формирования его экономического учения находился

лишь в ранней стадии. Тем не менее «Экономическо-философские рукописи» представляют большую ценность не только как примечательное свидетельство становления нового мировоззрения и как работа, раскрывающая творческую лабораторию Маркса, хотя и с этих точек зрения их значение чрезвычайно велико. Этот выдающийся труд содержит оригинальные мысли и научные открытия. Он относится к истокам «Капитала».

В период написания «Экономическо-философских рукописей» Маркс, изучая тогдашнюю действительность Германии и других стран, историю и опыт Великой французской буржуазной революции, критически анализируя гегелевскую философию, эмпирический материал и теоретические выводы буржуазной политэкономии, наметил некоторые исходные принципы научного коммунизма. Он осознал историческую роль освободительной борьбы пролетариата, увидев в этом восходящем классе единственную силу, способную освободить человечество от всякого гнета. Маркс пришел к выводу, что не правовые отношения и государственные формы, а материальные жизненные отношения составляют фундамент общества. По его убеждению, необходима не только «политическая», изменяющая лишь форму государственной власти, а глубокая социальная революция, охватывающая также и экономический базис. Поэтому на первый план выдвинулось исследование экономической сферы жизни общества.

В этой связи пристальное внимание Маркса привлекла статья Энгельса «Наброски к критике политической экономии», напечатанная в «Deutsch-Französische Jahrbücher» в феврале 1844 года. Он упоминает ее и в предисловии к «Экономическо-философским рукописям». В томе впервые на русском языке публикуется составленный Марксом краткий конспект этой работы Энгельса.

Соответственно установленному А. Смитом делению буржуазного общества на три основных класса — наемных рабочих, промышленную буржуазию и землевладельцев — Маркс рассматривает в «Экономическо-философских рукописях» свойственные этим классам три вида доходов — заработную плату, прибыль на капитал, земельную ренту. Причем в качестве общей основы существования и взаимной борьбы классов, получаемых этими классами доходов, данной антагонистической формы распределения общественного богатства Маркс принимает частную собственность на средства производства, которая, доказывает он, должна быть упразднена. Излагая происхождение, сущность и взаимную связь указанных доходов, Маркс опирается на достижения политической экономии, на труды

А. Смита, Д. Рикардо и других буржуазных экономистов. Он пока еще не дает своего собственного теоретического толкования этих вопросов. Но от предшественников его отличает последовательная классовая позиция убежденного защитника интересов рабочих. Он подчеркивает, что рабочий страдает в условиях любой экономической конъюнктуры буржуазного общества. Эксплуатируемый рабочий не имеет обеспеченного существования, а капиталист по большей мере поступается лишь какой-то частью своих барышей. С развитием фабричной системы производства и ростом накопления капитала положение рабочих, отмечает Маркс, все более ухудшается, они попадают в полную зависимость от произвола капиталистов, от колебаний рынка. Посредством диалектического анализа противоречий капиталистического общества Маркс приближается к пониманию и формулировке закона народонаселения и всеобщего абсолютного закона капиталистического накопления.

Центральное звено в развернутой Марксом в «Экономическо-философских рукописях» критике буржуазных отношений и буржуазной идеологии составляет созданная им материалистическая теория отчуждения, в которой критически перерабатываются известные положения предшествующей философии и политэкономии.

Несколько раньше отдельные положения этой теории Маркс начал формулировать уже при изучении книги Джемса Милля «Основы политической экономии».

Джемс Милль — один из вульгаризаторов учения Рикардо, сторонник количественной школы денежного обращения. В вопросе о земельной ренте он в своей книге дает упрощенное изложение рикардовской теории дифференциальной ренты. Доля рабочих и капиталистов, согласно Миллю, регулируется, как и во всякой свободной торговле, соотношением спроса и предложения. Рост народонаселения давит на уровень заработной платы, поэтому положение народа может быть улучшено сокращением его численности. Эти и подобные рассуждения Маркс красноречиво именует «скучными разглагольствованиями» (см. настоящий том, стр. 9).

По ходу работы над книгой Милля (а к этому времени он уже проштудировал основные сочинения и Смита, и Рикардо) у Маркса возникают общие критические замечания в отношении «школы Рикардо». В частности, он отмечает ту ее ошибку, что она «формулирует *абстрактный закон*, не учитывая изменения и постоянного упразднения этого закона, благодаря чему он только и осуществляется» (там же, стр. 17).

Категория отчуждения рассматривается в конспекте книги Милля применительно к сущности и функциям денег. Сущность денег, указывает Маркс, заключается прежде всего в том, что в них отчуждается опосредствующая деятельность, человеческий, общественный акт, с помощью которого продукты производства взаимно дополняются (там же, стр. 18). Деньги приобретают свойство материальной вещи вне человека, становятся чужим посредником. Вместо того, чтобы сам человек был посредником по отношению к другому человеку, его воля, деятельность, его отношение к другому человеку выражаются через посредство независимой от него силы.

Понятие отчуждения, термины «отчуждение» и «самоотчуждение» были традиционными в прежней философской и социологической литературе, они занимали значительное место в немецкой классической философии, в особенности у Гегеля. Но неоднозначные формы отчуждения и его снятия носили в гегелевской философии спекулятивный характер, были мистифицированы. Они не выражали реальных экономических отношений и социальной жизни буржуазного общества. Гегель отождествлял отчуждение с опредмечиванием, с воплощением труда в предметах производства, с преобразующей предметной деятельностью человека.

В «Экономическо-философских рукописях», исходя из предпосылок политической экономии, из факта частной собственности, Маркс своим анализом процесса материального производства показывает, в отличие от буржуазных экономистов, к каким следствиям ведет господство частной собственности. В силу объективных закономерностей движения частной собственности происходит отделение труда от капитала — накопленного в руках немногих чужого труда, продуктов этого труда. Концентрация капитала с ростом его накопления, по мере роста мощи и размеров производимой продукции сопровождается усилением нищеты лишенных собственности рабочих. Рабочие становятся тем беднее, чем больше богатства они производят. Закрепление труда в некотором предмете, или овеществление труда, есть его опредмечивание. Однако при господстве частной собственности опредмечивание труда неизбежно приводит к отрешению рабочего от радостей жизни, закабалению его предметом его труда. Продукт труда рабочего становится чужим для него продуктом. Опредмечивание труда превращается в отчуждение труда, опредмеченный труд — в отчужденный труд. В этом труде, подчеркивает Маркс, рабочий «чувствует себя не счастливым, а несчастным», не развивает свободно свои физические и духовные силы, а подавляет их, изнуряет

свое тело и разрушает свой дух. В процессе труда он принадлежит не себе, а собственнику капитала. Он сам себе кует цепи (там же, стр. 90, 91).

Открытием отчужденного труда Маркс сделал огромный шаг по сравнению с буржуазной наукой, философией и политэкономией.

Отношением рабочего к продукту своего труда, как к предмету чуждому и над ним властвующему, вытекающим отсюда отношением рабочего к акту производства, к своей собственной деятельности, как тоже к чему-то чуждому, порождается отчуждение индивидуума от общества, превращение общественной жизни человека в простое условие и элементарное средство поддержания его физического существования. В мире частной собственности человек располагает ограниченными возможностями самоутверждения как сознательного общественного существа. В процессе созидания предметного мира, переработки неорганической природы он, по мысли Маркса, как бы уподобляется животному, которое производит лишь то, в чем непосредственно нуждается, производит односторонне, сообразно мерке и потребности своего вида. Он лишается стимулов производить по законам красоты и универсальных потребностей. Отнимая у человека предмет его производства, отчужденный труд, указывает Маркс, тем самым отнимает у него свойственную его роду подлинно человеческую жизнь (там же, стр. 94).

Наконец, прямым следствием отчуждения человека от продукта его труда, его родовой сущности, является отчуждение человека от человека, противостояние одного человека другому.

Маркс четко формулирует еще один весьма важный вывод, отмечает существенную причинно-следственную связь: частная собственность не только решающая причина всякого отчуждения, и прежде всего отчужденного труда, она в то же время «есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда*, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе» (там же, стр. 97). Следовательно, только упразднением частной собственности можно положить конец отчужденному труду, отчуждению человека от его родовой сущности, взаимному отчуждению людей, преодолением отчуждения исключаются условия, порождающие частную собственность.

Представляет интерес глубокая мысль Маркса, что «экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*»; оно обусловливает и охватывает отчуждение в сфере сознания, например религиозное отчуждение, и его устранение, следовательно, является первейшей предпосылкой устранения этой вторичной формы (там же, стр. 117).

Таким образом в отличие от своих предшественников Маркс не только показал характер отчуждения, его обусловленность факторами конкретно-исторической социальной среды, но вместе с тем, подчеркнув необходимость упразднения частной собственности, назвал реальные пути коренного преобразования общества, ведущие к снятию отчуждения. Отчуждение получило трактовку объективной категории, а теория отчуждения в целом предстала как материалистическая теория общественного развития. Это была весьма успешная попытка теоретически осмыслить объективную материальную основу и движущие силы истории, показать историческую неизбежность коммунистической формы организации труда и всех общественных отношений.

Сама по себе такая попытка означала решительную и бескомпромиссную критику гегелевской концепции исторического процесса, своеобразного телеологизма, предполагающего, что внутренняя связь исторических событий подчинена заранее поставленной цели — осуществлению «абсолютной идеи».

Содержащиеся в «Экономическо-философских рукописях» теоретические обобщения, раскрывающие причины, сущность и результаты отчуждения, представляют собой первый опыт широкого научного анализа капиталистического способа производства, выяснения его действительных внутренних связей и закона его движения, который с необходимостью естественно-исторического закона ведет капитализм к гибели, к замене этого несправедливого общественного строя более высокой и разумной социальной структурой. В противовес исходной и по существу главной посылке буржуазных экономистов, Марксом отрицалась вечность капитализма, отвергался тезис о соответствии принципа частной собственности изначальным требованиям природы человека, его сокровенным интересам. Указав на исторически преходящий характер капитализма, Маркс бросил вызов официальной буржуазной науке, начал великое дело революционного переворота в политической экономии.

Правда, сравнительно скоро для Маркса стало очевидным, что понятие отчуждения является слишком общим, чтобы с его помощью можно было детально исследовать анатомию буржуазного общества, а тем более раскрыть разнообразные связи и отношения, присущие живому и действующему экономическому организму. Универсальная теория отчуждения отходит в дальнейшем на задний план. В более поздних произведениях Маркса ей отводится подчиненная роль. Основой и краеугольным камнем экономического учения марксизма ста-

новятся теория трудовой стоимости и теория прибавочной стоимости.

Большой научно-политический интерес представляют страницы «Экономическо-философских рукописей», посвященные критическому разбору доктрин утопического коммунизма, коммунизма «в его первой форме». Незрелость этого «грубого коммунизма» заключается в том, что он стремится противопоставить частной собственности «всеобщую» частную собственность, т. е. ратует за уравнение частного владения и за равенство заработной платы. По сути это лишь форма проявления отношений частной собственности. Это находящийся под влиянием частной собственности уравнительный, или «деспотический», коммунизм. Он отрицает личность человека, ориентируется на всеобщее нивелирование, на минимум потребностей, у него «*определенная ограниченная мера*» (там же, стр. 114—116).

Утопическим, незрелым воззрениям Маркс противопоставляет выдержанное пока еще в философских терминах Фейербаха свое понимание коммунизма: «*Коммунизм* как *положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человечному. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» (там же, стр. 116).

Среди глав о доходах наиболее критична в отношении выводов буржуазной политэкономии глава «Земельная рента». Маркс считает нелепым утверждение Смита, будто интересы земельного собственника всегда идентичны интересам общества. Напротив, интересы земельного собственника враждебно-противоположны интересам арендаторов, батраков, промышленных рабочих и даже капиталистов. Вследствие конкуренции интересы одного земельного собственника отнюдь не идентичны интересам другого. Вовлечение земельной собственности в торговый оборот имеет своим неизбежным результатом окончательное падение старой земельной аристократии, уничтожение различия между капиталистом и земельным собственником. Маркс

отмечает, что в Англии крупное землевладение уже утратило феодальные черты и приобрело предпринимательский характер. И это является необходимым с точки зрения общего исторического прогресса.

Маркс согласен с тезисом буржуазных экономистов о том, что крупная собственность дает определенные экономические выгоды по сравнению с мелкой собственностью. В то же время он показывает, что крупная частная земельная собственность, как и всякая частная собственность, обрекает наемных рабочих на полную нищету. Разрешить противоречия развития богатства, возникающие на основе частной собственности, в том числе и в земледелии, можно лишь устранив эту основу, превратив частную собственность в общественное достояние. «Ассоциация, в применении к земле, — пишет Маркс, — использует выгоды крупного землевладения в экономическом отношении... Точно так же ассоциация восстанавливает разумным путем, а не посредством крепостничества, барства и нелепой собственнической мистики, эмоциональное отношение человека к земле: земля перестает быть объектом торгашества и благодаря свободному труду и свободному наслаждению опять становится подлинным, личным достоянием человека» (там же, стр. 83). Маркс гениально предвосхищает преимущества коммунистической организации сельского хозяйства, показывает, что в этом преобразовании вместе с пролетариатом кровно заинтересовано все трудовое крестьянство. Это положение явилось фактически предпосылкой сделанного позднее Марксом вывода о необходимости прочного союза рабочих и крестьян в классовой, политической борьбе.

В «Предисловии» к «Экономическо-философским рукописям» Маркс указывает, что он намерен в своем сочинении заключительную главу посвятить критическому разбору гегелевской диалектики и немецкой философии вообще в противовес так называемым «критическим критикам» — младогегельянцам, которые, вульгаризируя Гегеля, подменяли революционную теорию и революционное действие высокопарной фразеологией, шумливой, оторванной от жизни, от насущных задач эпохи кампанией в прессе.

В этот период Маркс был восторженным поклонником Фейербаха, видел в его материализме положительное начало гуманистической критики буржуазной идеологии, в том числе буржуазной политэкономии, философскую основу социализма. В ряде мест «Экономическо-философских рукописей» встречаются термины или парафраза отдельных выражений Фейербаха. Правда, Маркс еще в 1843 г. отмечал, что Фейербах слиш-

ком увлечен природой и упускает из виду политику. Уже с начала 40-х гг. для Маркса было характерно критическое восприятие взглядов Фейербаха, подчеркивание того, что его гуманизм в теоретическом плане — абстрактен, а на практике по существу не выходит за рамки радикальных буржуазных преобразований, что его концепция рода человеческого неисторична, игнорирует классовую дифференциацию общества.

Однако критика Марксом Фейербаха пока еще прямо не выражена. Зато подчеркнутый характер носит похвала Фейербаху, а положения его материализма используются как исходные для критической оценки философии Гегеля, особенно в специальном разделе, который, видимо, и является наброском упомянутой заключительной главы.

В этом разделе содержится подробный анализ сочинения Гегеля «Феноменология духа», которое Маркс считает «истоком и тайной гегелевской философии» (там же, стр. 155). Имеются ссылки также и на другие его известные труды.

По мнению Маркса, философия Гегеля — великое приобретение человечества; ее величие, прежде всего, в развитии законов диалектики, «отрицательности», как движущего и порождающего принципа. Однако Гегель идеалист, его логика спекулятивна, рассматриваемые им сущности (богатство, государственная власть и т. д.) — это только мыслительные категории, продукт абстрактного философского мышления.

Истинную сущность человека у Гегеля составляет дух, а истинная форма духа — это дух мыслящий, логический, спекулятивный, гегелевский человек — это самосознание. Между тем, подчеркивает Маркс, человек — природное, чувственное существо, а это значит, что вне себя он имеет предмет, он часть природы, он сам — природа. Он, кроме того, не просто природное существо, а деятельное «человеческое природное существо», часть рода, общества, продукт общественной жизни и общественных отношений.

Исключительную ценность имеет содержащееся в «Экономическо-философских рукописях» указание Маркса на классовую ограниченность Гегеля. Великий философ, говорит Маркс, стоял на точке зрения современной политической экономии, однако он видел «только положительную сторону труда, но не отрицательную» (там же, стр. 159). Это значит, что Гегель был не способен раскрыть диалектику противоречий капитализма и предсказать неизбежность его гибели. Отрицание, упразднение предметом самого себя, Гегель не смог распространить на современные ему экономические и политические отношения. Он примирился с данной социальной действительностью и в этом

заключается его, по выражению Маркса, «некритический позитивизм» (там же, стр. 157).

«Экономическо-философские рукописи» содержат глубокую характеристику диалектики и всей системы Гегеля с позиций материализма. Они представляют собой солидную основу «переворачивания» гегелевской диалектики с головы на ноги и выработки материалистического метода, являющегося прямой противоположностью идеалистического метода Гегеля.

В томе, в третьем его разделе, публикуется набросок статьи К. Маркса о книге немецкого вульгарного экономиста Фридриха Листа «Национальная система политической экономии». Эта книга широко рекламировалась буржуазной прессой, но не в силу ее научных достоинств, — такие как раз отсутствовали, — а потому что в теоретической форме она выражала протекционистские вожделения молодой промышленной буржуазии Германии, жаждавшей высоких барышей, сокрушения конкуренции со стороны пока еще более сильных и опытных иностранных соперников, стремившейся с помощью государства «привести свое фабричное производство к «английскому» расцвету» (там же, стр. 239).

Набросок о Листе — ценная страница истории формирования экономического учения марксизма. Этот документ свидетельствует об исследованиях Маркса в области политэкономии в период между «Экономическо-философскими рукописями» и «Немецкой идеологией». Как и другие работы Маркса, он проникнут революционной страстью, ненавистью к буржуазии, ее защитникам, филистерству. Резко критически оценивает Маркс претензии Листа на «новое слово» в политэкономии и изобличает его в повторении и прямом искажении чужих мыслей. Он показывает несостоятельность положений Листа о меновой стоимости, о производительных силах и некоторых других категориях. Пророчески звучат слова Маркса об обреченности капитализма: «Завтра силы природы и социальные силы, вызванные к жизни промышленностью, разорвут цепи, которыми буржуа отделяет их от человека, превращая их, таким образом, из действительной общественной связи в уродливые оковы общества» (там же, стр. 246).

Второй раздел тома образует группа статей и заметок Энгельса, опубликованных в 1844 г. в чартистской газете «Northern Star». Находясь в Англии, Энгельс принимал непосредственное участие в английском рабочем движении, посещал митинги, организуемые чартистами, следил за их прессой. Осенью 1843 г. он установил контакт с редактором «Northern Star» Джорджем Джулианом Гарни, и с 1844 г. началось его

систематическое сотрудничество в этой газете, продолжавшееся вплоть до революции 1848 года.

Включаемые в Сочинения статьи из «Northern Star» восполняют известный пробел в документах о деятельности молодого Энгельса до его встречи с Марксом, в период, когда каждый из них, самостоятельно совершив переход от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму, направлял свои усилия на разработку научных основ теории и тактики классовой борьбы пролетариата.

В письме в редакцию «Northern Star», напечатанном в газете в начале мая 1844 г., Энгельс определил основные задачи своего сотрудничества в органе чартистов — освещение на его страницах международных событий, состояния общественного мнения, прежде всего успехов рабочего и демократического движения в европейских странах. Через посредство широко распространенной в то время газеты Энгельс стремился содействовать идейному сближению английских и европейских социалистов, приобщению английских чартистов к социалистическим и коммунистическим идеям. Данное письмо является также ценным биографическим документом.

Бóльшая часть публикаций посвящена Германии. В статьях «Пресса и германские деспоты», «Из Германии», «Пивные бунты», «О религиозном ханжестве в Пруссии», печатавшихся под видом корреспонденций из Германии, молодой Энгельс выступает страстным обличителем реакционных порядков, господствовавших в германских государствах, в первую очередь в Пруссии, отмечает засилие военщины и многочисленного чиновничества, влияние духовенства на общественную жизнь страны. В статье «Положение в Пруссии» он с едким сарказмом рисует ханжескую фигуру прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, установившего в Пруссии полицейско-шпионскую систему правления (см. настоящий том, стр. 185). По содержанию и по форме это произведение перекликается с известной статьей Энгельса «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 487—495).

Анализируя политическое положение и развитие общественного движения в Германии, Энгельс подмечает назревание крупных революционных событий в стране. Об этом свидетельствуют, по его мнению, распространение среди прогрессивной интеллигенции республиканских взглядов, студенческие выступления против реакционных порядков в университетах, вызванные усилением налогового гнета серьезные народные волнения, в частности в Баварии. Энгельс разоблачает соглашательскую политику либеральной буржуазии, призывавшей

прусское правительство встать на путь реформ во избежание революции.

Значительный интерес представляет освещение Энгельсом первого классового выступления немецкого пролетариата — восстания силезских ткачей в июне 1844 года. На это крупное событие в истории рабочего движения Энгельс откликнулся тотчас же двумя статьями: «Новости из Пруссии. — Волнения в Силезии» и «Дальнейшие подробности о волнениях в Силезии», в которых вскрыл социальные причины и характер восстания, показал его историческое значение. Энгельс увидел в этом восстании выражение революционного классового протеста немецких рабочих против эксплуататорского строя. Оно явилось неизбежным следствием развития капитализма и присущих ему противоречий. «Становится очевидным, — заключает Энгельс, — что последствия фабричной системы, прогресса машинной техники и т. д. для рабочего класса на континенте совершенно те же самые, что и в Англии: угнетение и изнурительный труд — для большинства, богатство и благополучие — для немногих» (см. настоящий том, стр. 201). Эти ранее неизвестные оценки силезского восстания дают новый материал для понимания процесса формирования взглядов молодого Энгельса на историческую роль рабочего класса, получивших дальнейшее развитие в его книге «Положение рабочего класса в Англии».

В статье «Из Франции», впервые публикуемой на русском языке, Энгельс выделяет как большое событие «серьезную» забастовку шахтеров в Рив-де-Жье (близ Лиона), длившуюся около шести недель. Отмечая, что стачка французских шахтеров по своим целям и формам, в которых она протекала, похожа на стачки английских рабочих, Энгельс усматривает в тождестве условий жизни и труда рабочих разных стран общую социальную причину, толкающую их на борьбу. Интересно, что забастовка шахтеров в Рив-де-Жье, значение которой уже в то время отметил Энгельс, в последующих исследованиях других авторов оценивалась как важная веха в истории французского рабочего движения 40-х годов XIX века. В этой статье Энгельс касается также восстания 1844 г. в Алжире под руководством Абд-эль-Кадира, характеризуя его как национально-освободительное движение против французских завоевателей.

Статья «Новости из Санкт-Петербурга» является первым произведением Энгельса, посвященным России. Выступая в ней с разоблачениями реакционной внутренней и внешней политики царизма, молодой Энгельс сумел уже в 1844 г. подметить основную тенденцию социально-экономического развития страны — упадок феодально-крепостнической системы, с особой

силой проявившийся позднее, в период Крымской войны. Статья свидетельствует о том, что Энгельс с самого начала своей революционной деятельности проявлял большой интерес к внутреннему положению в России.

Ряд статей, публикуемых в третьем разделе тома, дополняет работы Энгельса, написанные им в период пребывания в Бармене (с сентября 1844 по апрель 1845 года). Они отражают активную деятельность Энгельса как соратника Маркса по пропаганде коммунизма в Германии и других странах. После некоторого перерыва Энгельс возобновил сотрудничество в газете английских социалистов-оуэнистов «New Moral World». В сентябре 1844 г. он послал в форме письма в редакцию корреспонденцию — «Континентальный социализм» об успехах коммунистического движения во Франции и Германии. В корреспонденции содержатся также важные биографические сведения о пребывании Энгельса в Париже в конце августа — начале сентября 1844 г., где произошла его встреча с Марксом и были установлены непосредственные связи с деятелями демократического и социалистического движения Франции и других стран, в частности с прогрессивными представителями русской интеллигенции.

К известным «Эльберфельдским речам» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 532—554) непосредственно примыкает публикуемая в томе статья «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний», содержащая важные высказывания Энгельса о коммунизме. Статья имела целью опровергнуть распространенные в то время суждения о неосуществимости коммунистических идей и показать преимущества общественного строя, основанного на коллективной собственности, по сравнению с обществом, покоящимся на частной собственности. Энгельс отмечает здесь такие свойственные коммунистическим колониям особенности, как всеобщий и вместе с тем добровольный труд, социальное равенство, общественное всестороннее воспитание детей, благотворные плоды общего ведения хозяйства, применения технических усовершенствований. Не разделяя взглядов социалистов-утопистов, допускавших постепенный переход к коммунизму через посредство коммунистических колоний, видя в этих колониях лишь подтверждение преимуществ коллективной собственности перед частной, а не средство переустройства общества, Энгельс, однако, в этой работе так же, как и в «Эльберфельдских речах», еще не противопоставляет прямо свои воззрения взглядам утопистов. Вместе с тем, обращаясь к немецким рабочим, для которых и были составлены эти «Описания», он призывает их

объединить свои усилия, ибо, «когда рабочие объединены между собой, держатся вместе и преследуют одну цель, они бесконечно сильнее богатых» (см. настоящий том, стр. 225). Энгельс считает долгом немецких рабочих использовать опыт других стран, где «рабочие образуют ядро партии, добивающейся общности имущества» (там же). В этих высказываниях, как и в статьях о силезском восстании, прослеживаются формирующиеся у Энгельса важные теоретические выводы об исторической роли рабочего класса, о развертывании его борьбы против капитализма как единственном реальном пути к коммунистической революции, об интернациональном характере этой борьбы.

Об активной организаторской и публицистической деятельности Энгельса в Германии свидетельствует публикуемое в приложениях к тому обращение «К читателям и сотрудникам журнала «Gesellschaftsspiegel»». Это Обращение, написанное Энгельсом совместно с М. Гессом, представляет собой проспект социалистического органа, предназначенного специально для защиты прав трудящихся и для обнародования фактов, изобличающих язвы буржуазного общества. Из Обращения видно, что наряду с четко сформулированными задачами социального обследования, исходящими от Энгельса, здесь нашли отражение и сентиментально-филантропические взгляды в духе мелкобуржуазного «истинного социализма», проповедуемого Гессом. Стремление Энгельса, предполагавшего вначале войти в редакцию, придать журналу революционно-критическое направление, не увенчалось успехом. Под редакцией Гесса журнал вскоре отошел от ранее намеченной программы, стал публиковать преимущественно статьи «истинных социалистов». Тем не менее при ограниченных возможностях печатать свои произведения в Германии Маркс и Энгельс считали важным использование этого журнала и других органов, находившихся под влиянием «истинных социалистов», для пропаганды своих коммунистических взглядов и обличения пороков буржуазного общества, используя одновременно эти выступления для критики воззрений своих идейных противников.

Маркс и Энгельс продолжали сотрудничать в немецкой прессе и в период пребывания в Брюсселе (Маркс с февраля 1845 по март 1848 г., Энгельс с апреля по август 1846 года). В январском выпуске 1846 г. «Gesellschaftsspiegel» были напечатаны работа Маркса «Пеше о самоубийстве» и краткий ответ Маркса и Энгельса младогегельянцу Бруно Бауэру в связи с появлением в печати его тенденциозной рецензии на «Святое семейство». В работе «Пеше о самоубийстве» Маркс обличает разложение нравов в буржуазном обществе, его мораль, ис-

пользуя для этого свидетельства одного из представителей этого общества. Отмечая во введении к работе достоинства французской критической литературы — правдивость и яркость описания жизни, широту кругозора, смелость и оригинальность, Маркс особо выделяет критические работы Фурье.

С книгой «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 231—517) непосредственно связана статья Энгельса «Одна из английских забастовок», которая была написана в Брюсселе после выхода книги и в качестве дополнительного материала к ней; статья была опубликована в другом немецком социалистическом органе — журнале «Das Westphälische Dampfboot» в январе — феврале 1846 года. Наряду с подробным описанием стачки строительных рабочих статья содержит ценные свидетельства Энгельса о своей работе над книгой, о тех задачах, которые он ставил перед собой. Особенно важно было, пишет Энгельс, «доказать полную правомерность этой борьбы пролетариата и противопоставить общим красивым фразам английской буржуазии ее гнусные деяния. Моя книга, от первой до последней страницы — это обвинительный акт против английской буржуазии» (см. настоящий том, стр. 270).

Из других работ, относящихся к брюссельскому периоду, в томе публикуются заметки Маркса из записной книжки 1844—1847 гг., в их числе «Набросок плана работы о современном государстве», раскрывающий замысел Маркса написать книгу о Великой французской буржуазной революции конца XVIII века. В том включен важнейший теоретический документ, содержащий, по определению Энгельса, «гениальный зародыш нового мировоззрения» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 371),— «Тезисы о Фейербахе» Маркса в двух имеющихся вариантах: первоначальный рукописный текст и текст, отредактированный Энгельсом при публикации его в 1888 г. (в 3 томе настоящего издания был напечатан лишь один, последний вариант). В томе содержатся также три недавно обнаруженных фрагмента из рукописи первого тома «Немецкой идеологии» и рукописные заметки Энгельса «Фейербах», сделанные, по-видимому, в связи с работой над I главой этого же тома.

Представляет интерес впервые публикуемый на русском языке небольшой, но весьма содержательный документ «План «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов»», составленный Марксом весной 1845 года. Издание такой «Библиотеки» входило и в намерение Энгельса, о чем он не раз писал Марксу в феврале — марте 1845 г., будучи еще в Бармене. Документ показывает, что намечалось выпустить в Германии целую серию

лучших произведений выдающихся французских и английских утопистов с целью пробудить у прогрессивных писателей интерес к социалистической мысли и к критике буржуазного общества.

Вошедшая в том работа Энгельса «Отрывок из Фурье о торговле» представляет собой обширные выдержки из произведения великого французского социалиста-утописта «О трех внешних единствах», которые Энгельс снабдил собственным введением и заключением. Работа первоначально предназначалась для публикации в указанной «Библиотеке». Однако это издание осуществить не удалось, и она была напечатана в виде журнальной статьи в немецком ежегоднике «Deutsches Bürgerbuch» за 1846 год. В литературном наследии Фурье Энгельс особенно ценил критику буржуазного общества. Приведенные им отрывки остро обличают алчность, надувательство, лицемерие, грязные махинации предпринимательской буржуазии и всего так называемого респектабельного общества.

Эта работа Энгельса была вместе с тем и первым печатным выступлением против «истинного социализма» — одной из разновидностей мелкобуржуазного социализма, получившей в то время широкое распространение в Германии. Во введении и заключении к работе Энгельс подверг резкой критике взгляды «истинных социалистов», охарактеризовав их как эклектическое сочетание идей французских утопистов с идеями Гегеля и Фейербаха, как «теорию наихудшего сорта». Энгельс указывает на пренебрежительное отношение «истинных социалистов» к сочинениям Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Р. Оуэна, на полное незнание политической экономии и действительного состояния общества, на опошление ими коммунистического движения (см. настоящий том, стр. 306). Работа Энгельса положила начало той острой идейной борьбе Маркса и Энгельса против «истинных социалистов», которая развернулась в 1846—1847 гг. и получила отражение во втором томе «Немецкой идеологии» и в ряде печатных выступлений Маркса и Энгельса.

Разработку революционной теории Маркс и Энгельс непосредственно связывали с задачами соединения ее с рабочим движением, с борьбой за создание пролетарской партии. В предреволюционные 1847—1848 гг. большой размах приобрела их организаторская и публицистическая деятельность по сплочению пролетарских сил перед лицом надвигавшихся буржуазно-демократических революций в Европе, по налаживанию и укреплению интернациональных связей между участниками социалистического движения разных стран, по выработке общей платформы действий социалистов и прогрессивных де-

мократических кругов в предстоящей борьбе. В ряду многочисленных публицистических статей и корреспонденций Маркса и Энгельса, появлявшихся в то время в рабочей и демократической печати, определенное место занимают и их статьи, вошедшие в настоящий том.

Ряд статей: «Банкет сторонников реформы в Лилле. — Речь г-на Ледрю-Роллена», «Движение за реформу во Франции. — Банкет в Дижоне», «Сенсационные разоблачения. — Абд-эль-Кадир. — Внешняя политика Гизо» — написан Энгельсом для «Northern Star» в период его революционной деятельности в Париже (с августа 1846 до конца января 1848 года). В них широко освещается политическое положение в стране, в частности, развернувшееся в 1847—1848 гг. движение за избирательную реформу, организаторами которого были лидеры французской мелкобуржуазной демократии, группировавшейся вокруг газеты «Réforme». Одобряя в основном приведенные в статье «Движение за реформу во Франции. — Банкет в Дижоне» речи на митингах лидеров французских демократов (Ледрю-Роллена, Луи Блана и других), выступавших против конституционной монархии за установление во Франции демократического республиканского строя, Энгельс вместе с тем не оставил без внимания выдвинутый Луи Бланом тезис об исключительности миссии Франции в мировой истории. Он подверг критике это проявление националистической тенденции, противопоставив национальному высокомерию мелкобуржуазных демократов присущий пролетариату интернационализм. С большой принципиальностью и тактом Энгельс опроверг тезис Луи Блана, показал на исторических примерах вклад и других стран (Англии, Германии) в мировую цивилизацию и освободительную борьбу народов. Эта статья свидетельствует о борьбе Энгельса за принципиальную тактику формирующейся пролетарской партии по отношению к демократическим организациям. В этой и в других статьях о Франции Энгельс показывает ту силу, которую не принимают в расчет буржуазия и ее правительство в своей антинациональной внешней политике. Этой силой, пишет Энгельс, является «благородный, великодушный и мужественный французский народ» (там же, стр. 384).

Публикуемые в томе две корреспонденции Энгельса о чартистском движении дополняют его статьи на эту тему, написанные в период сотрудничества в газете «Réforme» с октября по январь 1848 года. Они представляют собой сделанный Энгельсом перевод чартистских документов и речей лидеров чартистов на массовых митингах, организуемых ими в поддержку требований Народной хартии. Публикацией материалов чартистов

на страницах «Réforme» Энгельс стремился шире ознакомить французских рабочих с чартистским движением, с самоотверженной борьбой чартистов за всеобщее избирательное право, за установление единства действий между рабочими и демократами разных стран. Он приобщал тем самым французских рабочих к идее пролетарского интернационализма, подсказывал необходимость создания самостоятельной классовой организации французских рабочих.

Впервые на русском языке в томе публикуется заметка Маркса «Положение во Франции», напечатанная 16 января 1848 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», а 19 января того же года во французском переводе в «Réforme». В этой лаконичной по форме и глубокой по содержанию заметке определены позиции двух основных классов французского общества в назревающем революционном кризисе и подчеркивается, что единственным классом, способным совершить и довести до конца будущую революцию во Франции, является пролетариат.

Важное место в томе занимают документы, раскрывающие роль Маркса и Энгельса как организаторов и руководителей Союза коммунистов. Здесь публикуются «Проект Коммунистического символа веры», написанный Энгельсом для обсуждения на первом конгрессе Союза коммунистов (в июне 1847 г.), а также — в приложениях к тому — первый вариант Устава Союза коммунистов, в составлении которого принимал участие Энгельс, Циркулярное письмо первого конгресса Союза коммунистов — членам Союза (июнь 1847 г.), Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов (сентябрь 1847 г.) и другие. Все эти документы, обнаруженные лишь в 1968 г., позволяют внести существенные уточнения в историю Союза коммунистов, в первую очередь в разработку Марксом и Энгельсом программы и организационных принципов Союза.

«Проект Коммунистического символа веры» отражает первый этап на пути создания «Манифеста Коммунистической партии», является первоначальным вариантом программы Союза коммунистов. В нем сформулированы цели Союза, дано определение пролетариата как одного из основных классов буржуазного общества, показано его возникновение и формирование как класса, призванного осуществить социалистическую революцию. Энгельс отмечает историческую обусловленность социалистической революции, закономерность коммунистического преобразования общества, намечает пути этого преобразования, определяет задачи рабочего класса после завоевания им политической власти. Важные мысли содержатся в проекте о судьбе наций в будущем обществе, об отношении коммунистов к религии.

Этот программный документ составлен в целом на основе принципов научного коммунизма. В то же время Энгельсу пришлось учитывать, что члены Союза не преодолели еще полностью утопических воззрений, и это нашло свое отражение в формулировках первых шести вопросов и ответов. В дальнейшем Энгельс разработал другой более совершенный проект программы — «Принципы коммунизма», которые затем были использованы им и Марксом в «Манифесте Коммунистической партии» (см. настоящее издание, т. 4). В томе публикуются набросок плана III главы и страница из черновой рукописи «Манифеста Коммунистической партии», отражающие работу Маркса над структурой и текстом «Манифеста».

Публикуемые в томе документы Союза коммунистов свидетельствуют также о том, что Маркс и Энгельс придавали самое серьезное значение организационной структуре формирующейся пролетарской партии. Из этих документов видно, что и во время первого конгресса Союза коммунистов и в период подготовки ко второму конгрессу (состоялся в конце ноября — начале декабря 1847 года) они настойчиво добивались устранения из проекта Устава остатков сектантства и заговорщичества, последовательного проведения принципа демократизма в сочетании с централизмом, неуклонного соблюдения всеми звеньями организации решений ее вышестоящих органов.

В приложениях к тому помимо уже упомянутых документов печатается отчет «Northern Star» о международном митинге в Лондоне 29 ноября 1847 г., посвященном 17-й годовщине польского восстания; две протокольные записи о выступлениях Маркса и Энгельса в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих 30 ноября 1847 г., ряд отчетов «Deutsche-Brüsseler-Zeitung»: о речи Маркса на новогоднем вечере Немецкого рабочего общества в Брюсселе 31 декабря 1847 г., о собрании Демократической ассоциации 9 января 1848 г., на котором Маркс выступал с речью о свободе торговли, о праздновании в Брюсселе второй годовщины Краковского восстания 1846 г. и другие материалы. Все эти документы отражают большую практическую революционную деятельность Маркса и Энгельса по руководству международным рабочим движением накануне буржуазно-демократических революций 1848—1849 годов.

* * *

В том включено 44 произведения Маркса и Энгельса. Из них 7 работ ранее были опубликованы в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и в сборнике «Из ранних произведений», выпущенном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

в 1956 году. Статья Энгельса «Отрывок из Фурье о торговле» в данном томе печатается в полном виде (во 2 томе настоящего издания были опубликованы из нее лишь введение и заключение).

Впервые на русском языке публикуется 22 произведения Маркса и Энгельса. Из них 2 статьи и 6 рукописных набросков Маркса и 14 статей Энгельса, главным образом из газеты «Northern Star». Авторство Маркса и Энгельса для вновь включаемых в Сочинения статей было установлено уже после выхода основных томов настоящего издания за соответствующий период.

Около 20 работ публиковались ранее на русском языке в журналах, а также в различных изданиях Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Теперь они впервые включаются в собрание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Все произведения, включенные в том, печатаются в заново проверенных и уточненных переводах. Всякого рода описки, опечатки, неточности, обнаруженные в процессе работы над текстом, исправлены на основании проверки фактических данных. Проверялись также отсылки на цитируемые источники, уточнялась терминология. Если та или иная цитата приводится Марксом и Энгельсом в сокращенном виде или в виде перефраза, то перевод этой цитаты дается в соответствии с их формой цитирования.

Материалы приложений, за исключением обращения «К читателям и сотрудникам журнала «Gesellschaftsspiegel»», входившего в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, и трех ранее напечатанных документов Союза коммунистов, на русском языке публикуются впервые.

Заглавия вошедших в том произведений даны согласно оригиналу. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка. Отдельные редакционные заголовки заключены в квадратные скобки.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

К. МАРКС

ЯНВАРЬ — АВГУСТ 1844

* КОНСПЕКТ СТАТЬИ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА «НАБРОСКИ К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»[1]

Частная собственность. Ее ближайшее следствие: *торговля*: как и всякая деятельность — *непосредственный* источник дохода для торгующего. Ближайшая обусловленная торговлей категория: *стоимость.* Абстрактная реальная стоимость и меновая стоимость. *Сэй* определяет реальную стоимость полезностью, Рикардо и Милль * — *издержками производства.* У англичан конкуренция выражает по отношению к издержкам производства полезность, у Сэя — издержки производства. *Стоимость* есть отношение *издержек производства* к *полезности.* Ближайшее применение стоимости имеет место при *решении вопроса* о том, следует ли вообще производить, покрывает ли полезность издержки производства. Практическое применение понятия стоимости ограничивается решением вопроса о производстве[2]. Различие между *реальной стоимостью и меновой стоимостью* основывается на том, что даваемый в торговле *эквивалент не* есть *эквивалент. Цена* — отношение издержек производства и конкуренции. Только то, что может быть монополизировано, имеет *цену.* Определение *земельной ренты*, данное Рикардо, неверно, потому что оно предполагает, что падение спроса немедленно отражается на земельной ренте и сразу же забрасывается соответствующее количество самой плохой обрабатываемой земли. Это неверно. Это определение упускает из виду конкуренцию, а определение Смита — плодородие. *Процент с земли* представляет собой отношение между *плодородием почвы* и *конкуренцией. Стоимость земли* следует измерять

* У Энгельса: Мак-Куллох. *Ред.*

производительной способностью равных участков при равном труде.

Отделение капитала от труда. Отделение капитала от прибыли. Разделение прибыли на собственно прибыль и проценты... Прибыль — гиря, которую капитал кладет на чашу весов при определении издержек производства, остается присущей капиталу, а капитал возвращается обратно к труду. Отделение труда от заработной платы. Значение заработной платы. Значение труда для определения издержек производства. Разрыв между землей и человеком. Человеческий труд, разделенный на труд и капитал.

Написано К. Марксом в первой половине 1844 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 3, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* КОНСПЕКТ КНИГИ ДЖЕМСА МИЛЛЯ «ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» [3]

I. О ПРОИЗВОДСТВЕ

[XVIII] «*Для существования труда* необходимо *известное количество пищи* и всех других предметов, используемых *людьми*, которые работают» (стр. 8). «Так как вообще люди не могут *выполнять* большое количество различных операций с такой же скоростью и сноровкой, с какой они, благодаря приобретенному опыту, способны выполнять небольшое количество их, всегда бывает *выгодно ограничить, насколько это возможно, количество операций,* выполнение которых доверяется каждому индивидууму» (стр. 11).

«Чтобы с наибольшей выгодой обеспечить разделение труда и распределение сил людей и машин, в бо́льшинстве случаев необходимо вести производство в крупном масштабе, или, иными словами, производить богатства большими массами. Именно эта выгода обусловливает возникновение крупных фабрик» (там же).

II. О РАСПРЕДЕЛЕНИИ

1) ОБ *АРЕНДНОЙ ПЛАТЕ ЗА ЗЕМЛЮ* ИЛИ О *ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ*

«Земля имеет различные степени плодородия. Есть тип почвы, который можно рассматривать как *ничего не* производящий» (стр. 15). «В ряду степеней плодородия между этим типом почвы и самой плодородной землей располагаются земли промежуточных, переходных степеней плодородия» (стр. 16). «Самые плодородные земли не приносят с той же самой легкостью все то, что они способны произвести. Например, участок земли может приносить ежегодно 10 квартеров зерна или в 2 и 3 раза больше. Однако он даст первые 10 квартеров благодаря вложению определенного количества труда, а следующие 10 — благодаря вложению большего количества труда и так далее, причем производство каждого следующего десятка квартеров требует бо́льших издержек, чем производство предыдущего десятка» (стр. 16—17). «Пока вся совокупность лучших земель не введена в обработку и в ее обработку не вложено определенное количество капитала, весь капитал, применяемый в земледелии, приносит одинаковый продукт. Однако всякий раз, по достижении определенного этапа ни одно дополнительное вложение капитала не может быть произ-

ведено на той же самой земле без некоторого соответственного уменьшения дополнительного продукта. Поэтому во всякой стране, после того как на земле получено некоторое количество зерна, можно получить большее количество зерна только с *соответственно* большими издержками» (стр. [17] — 18). «Когда та часть капитала, которая приносит этот уменьшенный продукт, требуется для земледелия, ее можно применить одним из двух способов: либо на земле второй степени плодородия, которая впервые вводится в обработку, либо на земле первой степени плодородия, на которой уже применялся весь тот капитал и который может быть применен на ней без уменьшения продукта. Будет ли капитал применен теперь на земле второй степени плодородия или на земле первой степени плодородия — это зависит в каждом случае от характера и качества обеих земель. Если тот же самый капитал, будучи применен на лучшей земле, приносит только 8 квартеров, а будучи применен на земле второй степени плодородия, приносит 9 квартеров, то он будет применен на этой последней, и наоборот» (стр. 18—19).

«Пока земля ничего не производит, ее не стоит приобретать. Пока только некоторая часть лучшей земли требуется для введения в обработку, вся та земля, которая не обрабатывается, не производит ничего, т. е. не имеет стоимости. Эта последняя часть земли остается поэтому без собственника, и тот, кто возьмется сделать ее производительной, может превратить ее в свою собственность. В течение этого времени земля не приносит ренты», т. е. имеет место оплата не производительной *силы земли,* а только *процента,* прибыли капитала, применяемого для распашки этой земли (стр. 19—20). «Однако приходит время, когда становится необходимым прибегнуть к обработке второсортной земли или к применению дополнительного капитала на земле первого сорта», и, если капитал, примененный на второсортной земле, приносит 8 квартеров, а капитал, примененный дополнительно на земле № 1, приносит 10, то тот, кто применяет этот капитал, может платить 2 квартера за получение разрешения возделывать землю № 1: «этот платеж составляет *земельную ренту,* плату за аренду земли» (стр. 20—21). «Следовательно, земельная рента увеличивается в такой пропорции, в какой уменьшается эффективность последовательно применяемого на земле капитала» (стр. 21). «Если население возросло до такого уровня, при котором возделываются все земли второго сорта и оказывается необходимым прибегнуть к обработке земель третьего сорта, которые производят вместо 8 квартеров только 6» (то же самое происходит при применении дополнительного капитала, приносящего меньший продукт на лучших землях), то земля № 2 приносит ренту в 2 квартера, а земля № 1 — в 4 квартера (стр. [21]—22). «Следовательно, если капитал применяется либо на землях различных степеней плодородия, либо последовательными порциями на той же самой земле, то одни части применяемого таким образом капитала дают больший продукт, чем другие. Те части, которые дают меньше всего, дают все, что необходимо для возмещения и вознаграждения капиталиста. Капиталист не получит больше, чем это справедливое вознаграждение, за каждое новое вложение капитала, которое он делает, потому что в этом ему воспрепятствует конкуренция других владельцев капитала. Собственник земли может присвоить себе всю ту часть продукта, которую земля приносит сверх этого вознаграждения. Таким образом, земельная рента составляет разницу между продуктом, приносимым той частью капитала, которая применяется с наименьшей эффективностью, и тем продуктом, который приносят все другие части капитала, применяемые с большей эффективностью» (стр. [22]—23). Практическому противоречию (см. Сэй и т. д.), состоящему в том, что в цивилизованной стране земельная рента

выплачивается с каждого участка земли, Сэй противопоставляет то обстоятельство, что даже на плодородной земле плата за аренду земли, земельная рента, вычисляется из избытка совокупного продукта различных капиталов, применяемых на этой земле, над процентами и прибылями этих капиталов. Но кроме того, арендатор применяет и может применять такое количество капитала, которое дает ему только обычную прибыль на капитал, но не приносит ничего для уплаты земельной ренты (стр. 30—31).

[XIX] *2) О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ*

«*Производство* есть результат *труда;* но труд получает от капитала сырье, которое он обрабатывает, и машины, которые помогают ему в этом, или, строго говоря, труд получает от капитала такие предметы, которые представляют собой сам капитал» (стр. 32). В *цивилизованном* обществе «*рабочий* и *капиталист* суть *два разных лица*» (стр. 32—33). «Вместо того чтобы дожидаться, пока продукты будут произведены и их стоимость будет реализована, нашли более удобным для рабочих выплачивать им их долю *авансом. Заработная плата* является той формой, которую нашли подходящей для получения ими их доли. После того как та доля продуктов, которая причитается рабочему, полностью им получена в форме заработной платы, продукты эти принадлежат исключительно капиталисту, так как он фактически купил долю рабочего и уплатил ему за нее авансом» (стр. [33]—34).

§ 1) «В какой пропорции продукты делятся между рабочим и капиталистом», или какая пропорция регулирует уровень заработной платы? (стр. 34). «Определение долей рабочего и капиталиста есть предмет торговой сделки, *торга* между ними. Всякая свободная торговая сделка регулируется конкуренцией, и условия торга меняются в зависимости от изменения соотношения между спросом и предложением» (стр. 34—35). «Предположим, что имеется *определенное* число капиталистов и *определенное* число рабочих. Пропорция, в какой они делят продукт, допустим, каким-либо образом определена». Если возросло число рабочих без увеличения *массы капиталов,* то прибавившаяся часть рабочих «должна попытаться вытеснить ранее занятую часть. Она может добиться этого только предложением своего труда за более низкое вознаграждение. Уровень заработной платы в этом случае с необходимостью понижается» (стр. 35—36). «Предположим, наоборот, что число рабочих остается неизменным, а масса капиталов увеличивается. Капиталисты обладают большим количеством средств для применения труда, добавочным капиталом, из которого они хотят извлечь прибыль. Но для этого нужен прирост числа рабочих. Однако все эти рабочие заняты другими хозяевами и, чтобы привлечь их к себе, есть только одно средство: предложить им бо́льшую заработную плату. Но эти другие хозяева находятся в таком же положении и предложат им еще бо́льшую заработную плату, чтобы побудить их остаться на прежних рабочих местах. Эта конкуренция неизбежна, и ее необходимым следствием является *повышение уровня заработной платы*» (стр. 36). Следовательно, рост населения без увеличения массы капиталов обусловливает понижение заработной платы, а противоположный случай — повышение ее. «Если же обе величины увеличиваются, но в различной пропорции, то следствие окажется таким же, как если бы одна величина вовсе не возросла, а другая получила прирост, равный разнице величин их фактического прироста». Например, если население возросло на $^2/_8$, а масса капиталов на $^1/_8$, то следствие будет таким же, как если бы масса капиталов вовсе не увеличилась, а население возросло на $^1/_8$ (стр. 36—37). Таким образом, «если соотношение между массой капиталов и населением

остается неизменным, то остается прежним также и уровень заработной платы; если отношение массы капиталов к населению увеличивается, то уровень заработной платы повышается, тогда как если увеличивается отношение населения к массе капиталов, то уровень заработной платы понижается» (стр. 37—38). «Исходя из этого закона, легко установить те условия, которые определяют *положение основной массы* народа в любой стране. Если народ живет сытно и уютно, то, чтобы поддерживать это положение, достаточно содействовать тому, чтобы капиталы возрастали так же быстро, как население, или препятствовать тому, чтобы население увеличивалось быстрее, чем капиталы. Если положение народа плохое, то его можно улучшить только посредством ускорения роста капиталов или уменьшения численности населения; то есть путем увеличения существующего соотношения между средствами занятости народа и числом индивидуумов, которые составляют этот народ» (стр. 38). «Если бы капиталы проявляли естественную тенденцию возрастать быстрее, чем увеличивается население, то было бы нетрудно поддерживать народ в состоянии процветания. Напротив, если население проявляет естественную тенденцию увеличиваться быстрее, чем масса капиталов, то возникают весьма большие затруднения. В этом случае заработная плата обнаруживает постоянную тенденцию к падению. Падение заработной платы порождает увеличение нищеты народа, его пороков, его смертности. Какой бы ни оказалась та пропорция, в которой население проявляет тенденцию увеличиваться быстрее, чем капиталы, живущие в этих условиях индивидуумы стали бы умирать в той же самой пропорции, и тогда соотношение между ростом капиталов и увеличением населения оказалось бы прежним, а уровень заработной платы перестал бы падать». Нищета основной массы народа почти во всех странах доказывает наличие как *естественной* тенденции более быстрого возрастания населения, чем капиталов. Без этого обстоятельства такая нищета была бы невозможна. «*Всеобщая нищета человеческого рода* является таким фактом, который можно объяснить, только исходя из одной из этих двух предпосылок: либо население проявляет тенденцию возрастать быстрее, чем капиталы, либо капиталам какими-нибудь средствами препятствовали в проявлении той тенденции к росту, которую они имели» (стр. [38]—40).

§ 2) «Естественную тенденцию народонаселения к увеличению можно вывести»:

Во-первых: из *физиологической конституции* женщины. В минимальном случае женщина может рожать каждые два года *одного* ребенка, по крайней мере будучи в возрасте от 20 до 40 лет. Таким образом, естественное число деторождений для женщины составит десять (стр. [40, 42], 43). Допустим даже, с учетом всех несчастных случаев, бесплодия и т. д., что одна живущая в достатке супружеская пара может воспитать только *пятерых* детей (стр. 44). Даже при этом допущении ясно, что «по истечении немногих лет население удвоится» (стр. 44).

Во-вторых: этому выводу противопоставляют официальные таблицы народонаселения, особенно рождаемости и смертности (стр. 44). Но что доказывают эти таблицы? — Увеличение народонаселения. Если даже в большинстве стран они показывают народонаселение как находящееся в состоянии застоя, то это ничего не доказывает. Отчасти бедность обусловливает преждевременную смертность наибольшей части населения, рожденной в бедности, а отчасти благоразумие препятствует заключению многих браков или превышению некоторого определенного числа деторождений в браках (стр. 45—46).

§ 3) Капиталам свойственна тенденция к небольшому увеличению, так как «всякий рост капитала проистекает из сбережений. Всякий капи-

тал составляет» часть продукта годового производства. «Чтобы отложить часть этого продукта для употребления ее в качестве капитала, тот, кому она принадлежит, должен воздержаться от ее потребления» (стр. 46—47).

Годовой продукт с необходимостью распределяется двояким способом. «Либо основная масса народа в достатке снабжена всем необходимым для поддержания жизни и получения наслаждений, и тогда меньшая часть годового продукта идет на увеличение доходов богатых; либо основная масса народа строго ограничивается удовлетворением самых необходимых потребностей, и тогда, конечно, будет такой класс, доходы которого велики» (стр. 48). В последнем случае класс народа «не в состоянии делать сбережений» (стр. [48]—49); в то же время «класс богатых, окруженный массой бедных, не склонен к бережливости»; у богатых велика «жажда немедленного получения наслаждений; зачем им лишать себя наслаждений в настоящий момент, чтобы накоплять то, использование чего имеет для них столь малое значение?» (стр. 49). В первом случае ни бедный, ни богатый класс «не имеет серьезных мотивов для бережливости»; среди бедного класса такой мотив отсутствует у *большинства*, потому что оно не обладает достаточной рассудительностью, чтобы жертвовать настоящим ради будущего, отсутствует он также и у имеющихся в виде исключения *рассудительных людей*, потому что они понимают, что за отречение от наслаждений в настоящем не получат достаточной компенсации в будущем (стр. 50—51).

См. на следующих страницах продолжение этих скучных разглагольствований.

«Тенденция народонаселения к увеличению, будь она значительна или незначительна, во всех случаях проявляется равномерно. В какой бы пропорции оно ни возросло за данное время, в любое другое время оно будет расти в той же самой пропорции, если окажется в столь же благоприятных условиях. Напротив, чем больше увеличиваются капиталы, тем все более затруднительным делается их увеличение, вплоть до того, что оно становится совершенно невозможным» (стр. 55—[56]).

[XX] Следовательно, «как бы медленно ни происходил рост населения, поскольку рост капиталов происходит еще медленнее, заработная плата будет падать до такого уровня, при котором некоторая часть населения будет постоянно умирать от нищеты» (стр. 56—57).

§ 4) «Главными средствами, с помощью которых во власти законодательства изменять ход человеческих действий, являются *наказания* и *вознаграждения*, но оба средства мало пригодны для того, чтобы сдержать тенденцию человеческого рода к размножению и увеличению» (стр. 57—[58]).

«В случаях, не подверженных прямому воздействию законодательства, оно иногда может достигнуть значительных результатов путем косвенного воздействия». Если оказывается, что законодательство стимулировало увеличение населения, то «такое пагубное законодательство нуждается в исправлении» (стр. 58—59). «Могущественное влияние *народной санкции* могло бы быть применено с большой пользой в этом случае так же, как и во многих других. Возможно, будет достаточно всей силы общественного порицания в отношении тех людей, которые своей неосторожностью и созданием больших семей ввергают себя в бедность и зависимость, и общественного одобрения в отношении тех, которые гарантированы от нищеты и деградации благодаря их мудрому воздержанию» (стр. 59). «Воспитание народа, прогресс законодательства, ослабление предрассудков решат эту трудную задачу» (стр. 59). Что касается ускорения роста капитала, то у законодательства есть средство — это *законы против роскоши и*

расточительства, оно может поставить умеренность в порядок дня и квалифицировать расточительство как недостойный образ действий (стр. 60). Законодательство может воздействовать прямо, *изымая определенную часть чистого годового продукта,* чтобы превратить ее в капитал. Но как? — Посредством *подоходного налога.* «Законодательство могло бы применять созданный таким способом капитал двояко: предоставляя его взаймы лицам, которые применят его, или же оставляя за собой его применение» (стр. 61). «Простейшим способом было бы предоставление его взаймы тем капиталистам и фабрикантам, которые могли бы дать гарантии его возмещения. Процент от этих ежегодных займов можно было бы таким же способом применять как капитал на следующий год. Каждая ежегодная доля образовывала бы таким образом сложный процент, и, если бы сохранялась разумно высокая ставка этого процента, он удваивался бы за очень короткое время. Если бы оказалось, что заработная плата понижается, это значило бы, что настало время повысить подоходный налог. Если бы заработная плата повысилась больше, чем это необходимо, чтобы сделать положение рабочих *в меру* благополучным, то можно было бы понизить подоходный налог» (стр. 61—62). Как следствие этой операции «возрастание населения сделалось бы быстрым; столь же быстро усиливалась бы необходимость применять капиталы на новых землях все *более* низкого качества или последовательными порциями на той же самой земле, приносящими каждый раз все меньший продукт» (стр. 62). «В той пропорции, в какой капиталы приносили бы ежегодно все меньший продукт, капиталисты получали бы все меньший доход. По истечении некоторого времени доход с капитала так уменьшился бы, что только собственники крупных масс капиталов смогли бы извлекать из него средства существования; таков был бы последний результат» вышеупомянутой операции (стр. 62—63). «Предположим, что уровень заработной платы остается тем же самым. Все те индивидуумы, которые живут не трудом, живут на доход с капитала или на земельную ренту. Предположенное положение вещей несет с собой тенденцию к обеднению лиц, живущих на доход с капитала», а также к обогащению собственников земли путем последовательного повышения земельной ренты. «За исключением собственников земли, все остальное общество, рабочие и капиталисты, оказалось бы почти одинаково бедно. Всякий раз, когда земли предлагались бы для продажи, чтобы приобрести их приходилось бы уплачивать крупные суммы капитала; таким образом, каждый мог бы купить лишь весьма ограниченное количество земли» (стр. 63). «В этих условиях продажа земель могла бы происходить *часто* или *редко. Если бы* она происходила *часто,* то земли оказывались бы разделенными на весьма малые участки, занятые многочисленным населением, ни одна часть которого не находилась бы в намного лучшем положении, чем рабочие. Если бы наступили стихийные бедствия, в результате которых продукт данного года или нескольких лет оказывался бы значительно ниже обычного уровня, то распространилось бы всеобщее и непоправимое бедствие, так как только в такой стране, в которой значительная часть населения получает бо́льшие доходы, чем лица, живущие на заработную плату, за счет этих богачей могут быть созданы большие резервы для смягчения последствий образовавшегося дефицита» (стр. [63]—64). «Человеческая *способность к совершенствованию,* или способность постоянно переходить от одной ступени науки и счастья к другой, более высокой, зависит, по-видимому, в значительной степени от класса людей, которые являются господами своего времени, т. е. которые достаточно богаты для того, чтобы быть избавленными от всяких забот о средствах к более или менее обеспеченной жизни. Людьми этого класса культивируется и расширяется область науки; они распространяют

знания; их дети получают лучшее воспитание и подготовляются для выполнения важнейших и деликатнейших функций общества; они становятся законодателями, судьями, администраторами, учителями, изобретателями в различных областях, руководителями всех больших и полезных работ, благодаря которым расширяется господство рода человеческого над силами природы» (стр. 65). «*Самыми счастливыми* людьми являются те, которые обладают *средними* состояниями». Будучи независимыми, «они с необходимостью получают наибольшую сумму наслаждений, приходящихся на весь род человеческий». Поэтому нужно, «чтобы этот класс составлял как можно большую часть общества. Для обеспечения этого отнюдь нельзя допускать, чтобы вследствие усиленного накопления капиталов население возросло до такого уровня, при котором доход с капиталов, применяемых на земле, оказывается очень мал. *Доход с капиталов* должен быть достаточно *велик,* чтобы значительная часть общества была в состоянии пользоваться теми преимуществами, какие дает *досуг*». Если превышается необходимая численность населения, то это обстоятельство, «вместо того чтобы увеличивать избыток годового продукта над тем, что необходимо для возмещения израсходованного капитала и поддержания жизни рабочих, ведет к уменьшению фонда изобилия, от которого в столь значительной степени зависит счастье общества» (стр. 67).

3) О ПРИБЫЛИ НА КАПИТАЛ

«При исследовании всего того, что регулирует заработную плату и прибыль, можно исключить из рассмотрения земельную ренту, так как она является следствием, а не причиной уменьшения продукта, который капиталистам и рабочим приходится делить между собой» (стр. 76). «Если какая-нибудь вещь делится между двумя лицами, то очевидно, что то, что регулирует долю одного, регулирует также и долю другого, так как то, что берется у одного, отдается другому» (стр. 76). «Но так как соотношение между соответственными долями капиталиста и рабочего зависит от соотношения между численностью населения и массой капиталов, а первой свойственна тенденция возрастать быстрее второй, то *активное начало* [XXI] изменения находится на стороне населения и в качестве регулятора можно рассматривать численность населения, а значит заработную плату» (стр. 76—77). «Прибыль — доля капиталистов в совместном продукте труда и капитала — зависит, следовательно, от заработной платы», находится в обратно пропорциональном отношении к ней (стр. 77). «Прибыль зависит не только от той доли, которую получают владельцы того, что они делят, но также и от совокупной стоимости делимого» (там же). «Уменьшение прибыли капитала, применяемого в земледелии, уменьшает прибыль капитала, который применяется в фабричном производстве и во всех других видах промышленности» (стр. 81). «Первое уменьшение неизбежно; но норма прибыли на капитал, применяемый данным способом, определяет норму прибыли на капиталы, применяемые всяким другим способом, потому что ни один человек не захотел бы продолжать применение своего капитала в земледелии, если бы он мог получить большие выгоды, найдя ему другое применение. Поэтому все прибыли понижаются до уровня прибылей в земледелии» (стр. 81—[82]).

«Через какие ступени приходят к этому результату? Когда появляется спрос на такое дополнительное количество зерна, которое может быть произведено только введением в обработку земель более низкого качества или применением новых порций капитала на той же самой земле, приносящих меньшие прибыли, земледельцы, разумеется, сомневаются в целесооб-

разности применения своего капитала менее производительным способом, чем прежде; но тогда спрос на зерно возрастает без соответственного увеличения производства этого товара. Как неизбежное следствие этого повышается меновая стоимость зерна, и тогда земледелец, производя меньше зерна, чем прежде, сможет извлекать из своего капитала такую же прибыль, как и другие владельцы капиталов. Тем самым не его прибыль держится на первоначальном уровне, а все другие прибыли понижаются до того уровня, на который упала его прибыль. Вследствие увеличения стоимости зерна оказывается больше и стоимость труда. Ведь рабочий должен потреблять некоторое количество необходимых для жизни предметов, стоят ли они больше или меньше. Если они стоят больше, чем прежде, то его труд стоит больше, хотя количество потребляемых им жизненных средств и других предметов остается точно таким же. Таким образом, его заработную плату можно рассматривать как повысившуюся, хотя реальное вознаграждение за его труд не увеличилось. Так все капиталисты оказываются вынуждены платить большую заработную плату, а значит их прибыли уменьшаются. По той же причине и фермер оказывается в таком же положении. Таким образом, по мере того как возрастает население и оказывается необходимым применять капиталы на все менее плодородных землях, прибыли на все капиталы постепенно уменьшаются» (стр. 82—[83, 84]).

III. ОБ ОБМЕНЕ

§ 1) *Обмен* основан на наличии излишка продукта собственного производства и потребности в продуктах чужого производства. Агентами обмена «являются *перевозчики* и *купцы*» (стр. 85).

§ 2) «Если количества, в которых один продукт обменивается на другой, зависят от соотношения между спросом и предложением», то спрашивается, «от чего зависит это соотношение» (стр. 89). Это соотношение «зависит в конечном счете от издержек производства» (стр. [91]—92). Эти издержки производства составляет труд. «Таким образом, количество труда определяет то соотношение, в котором продукты обмениваются друг на друга» (стр. 99).

§ 3) *Непосредственный труд;* капитал: *накопленный труд* (стр. 100). «Относительно этих обоих видов труда следует заметить: 1) они не всегда оплачиваются в той же самой пропорции; 2) они не всегда участвуют в той же самой пропорции в производстве всех товаров» (стр. 100—101).

«Оказывается достаточно взять три случая, чтобы пояснить на примерах те различные степени, в которых труд и капитал участвуют в производстве; это два крайних случая и один средний: 1) продукты производятся только *непосредственным* трудом, без участия капитала; 2) продукты производятся наполовину непосредственным трудом, наполовину капиталом; 3) продукты производятся только капиталом, без участия непосредственного труда» (стр. 102—103).

«Если для производства применяются два вида труда и если при повышении цены одного вида цена другого понижается, то меновая стоимость товара, для производства которого применена большая доля первого вида труда, при повышении цены этого вида труда повысится по отношению к меновой стоимости того товара, для производства которого применено меньшее количество этого вида труда. Отношение, в котором происходит это повышение, зависит всякий раз от двух условий: 1) от пропорции, в которой понижается цена одного вида труда при повышении цены другого вида; 2) от соотношения между количеством труда первого вида, примененного для производства первого из рассматриваемых това-

ров, и тем количеством труда первого вида, которое применено для производства другого товара» (стр. [103]—104).

Таким образом, первый и единственный вопрос таков: «В какой пропорции прибыль понижается, если заработная плата повышается? Пропорция, в которой два вида труда участвуют в производстве различных товаров, зависит от условий каждого особого случая» (стр. 104).

«Мы будем обозначать три вышеуказанных случая под номерами 1, 2, 3. Если бы все товары производились в условиях случая *№ 1*, — одним трудом, а капитал применялся бы единственно для выплаты заработной платы, — то прибыль на капитал падала бы в точно такой же пропорции, в какой повышалась бы заработная плата» (стр. 104). «Предположим, что капитал в 1 000 ф. ст. применяется с прибылью в 10%. В этом случае стоимость продуктов будет равна 1 100 ф. ст., так как эта сумма возместит капитал с его прибылью. Эти продукты можно рассматривать как состоящие из 1 100 равных частей, из которых 1 000 принадлежат рабочим, а 100 — капиталисту». Если заработная плата повысится на 5%, то прибыль капиталиста понизится на 5%, так как капиталисту придется теперь платить рабочим 1 050 ф. ст. вместо 1 000, а значит ему останется только 50 ф. ст. вместо 100. «Стоимость его продуктов не повысится, чтобы возместить ему потерю |XXII|, потому что мы предположили, что все товары производятся в условиях одного и того же случая; продукты будут, как и прежде, иметь стоимость 1 100 ф. ст., из которых капиталисту останется только 50 ф. ст.

Если производство всех товаров окажется в условиях случая *№ 2*, то прибыль понизится только на *половину* той величины, на которую повысится заработная плата. Предположим, что применяется капитал в 1 000 ф. ст. для выплаты заработной платы и еще 1 000 ф. ст. в качестве основного капитала, что прибыль составляет, как и прежде, 10% от совокупной величины расходов; тогда стоимость продуктов составит 1 200 ф. ст., потому что эта сумма возместит затраченный капитал с прибылью в 10%. Предположим, что заработная плата повысилась на 5%. Тогда капиталисту придется выплачивать 1 050 вместо 1 000 ф. ст. заработной платы; ему останется 150 ф. ст. прибыли»; таким образом, на каждые сто единиц своего капитала он понесет уменьшение прибыли только на 2,5%, т. е. на половину той нормы, на которую повысилась заработная плата (5%). «Случай остался бы точно таким же, если бы капитал в 1 000 ф. ст., не расходуемый на заработную плату, предназначался в качестве оборотного капитала к потреблению в процессе производственных операций и последующему возмещению. Например, в то же самое время, когда 1 000 ф. ст. расходуются на выплату заработной платы, 500 ф. ст. могли бы быть израсходованы в качестве основного капитала на машины с длительным сроком службы, а 500 ф. ст. — на покупку сырья и другие издержки. При такой смете расходов стоимость продуктов была бы равна 1 700 ф. ст., сумме капитала, подлежащего возмещению с прибылью в 10%. Из этих 1 700 частей продуктов 1 000 частей составили бы долю рабочих; на долю капиталиста пришлось бы 700 частей, из которых 200 представляли бы прибыль. Если бы заработная плата повысилась на 5%, то из 1 700 частей на долю рабочих пришлось бы 1 050 и 650 на долю капиталиста, который, после того как он возместил свои 500 ф. ст. оборотного капитала, имел бы только 150 ф. ст. прибыли; т. е. он потерпел бы уменьшение своей прибыли на 2,5%, как и прежде» (стр. 106—107).

«Если бы производство всех товаров оказалось в условиях случая *№ 3*, то так как здесь не выплачивается заработная плата, ее повышение не может изменить величину прибыли; ясно, что чем больше производство товаров оказывалось бы приближающимся к этому крайнему случаю,

тем меньше величина прибыли изменялась бы вследствие подобного повышения» (стр. 107).

«Если мы предположим (что весьма вероятно), что в действительности имеет место столько же крайних случаев как по одну, так и по другую сторону от середины, то в результате тех взаимных компенсаций, которые произойдут, окажется, что прибыль упадет в точности на половину того, на что повысится заработная плата» (стр. [107]—108).

«Если с повышением заработной платы падают *все* прибыли, то очевидно, что стоимость всех товаров, для производства которых применена меньшая доля труда, чем капитала, понизится по отношению к стоимости тех товаров, которые произведены с большей долей труда. Например, если мы примем за определяющий случай № 1, то стоимость всех товаров, которые произведены в условиях этого случая, останется той же самой, а стоимость всех тех товаров, производство которых подчинено условиям одного из остальных случаев, понизится. Если мы примем за определяющий средний случай № 2, то стоимость всех товаров, которые произведены в условиях этого случая, останется той же самой; стоимость всех тех товаров, условия производства которых приближаются к первому крайнему случаю, повысится, а стоимость всех тех товаров, которые произведены в условиях, приближающихся к последнему крайнему случаю, понизится. Капиталисты, которые производят товары в условиях случая № 1, понесли дополнительные расходы в 5%; но они обменивают свои продукты на товары, произведенные в условиях других случаев. Если они обменивают свои товары на товары, произведенные в условиях случая № 2, в котором капиталисты понесли дополнительные расходы только в 2,5%, то в этих товарах они получают прибавку в 2,5%. Таким образом, приобретая товары, произведенные в условиях случая № 2, они получают некоторую компенсацию и терпят вследствие повышения заработной платы уменьшение своей прибыли только на 2,5%. В этом обмене результат оказывается совершенно противоположным по отношению к капиталистам, которые произвели товары в условиях случая № 2. При производстве своих товаров они уже понесли расходы с увеличением на 2,5%, а получая в обмен на свои продукты товары, произведенные в условиях случая № 1, они терпят новое уменьшение своей прибыли на 2,5%» (стр. 108—109). «Таким образом, в целом результат таков, что все те производители, которые посредством либо производства, либо обмена становятся владельцами товаров, произведенных в условиях случая № 2, терпят убыток в 2,5%; те из них [XXIII], которые становятся владельцами товаров, произведенных в случаях с условиями, приближающимися к последнему крайнему случаю, терпят меньший убыток; наконец, если число первых крайних случаев равно числу последних крайних случаев, то убыток в 2,5% терпят все капиталисты в совокупности и что этот убыток составит тот максимум, на который, как можно предполагать, произойдет уменьшение прибыли на практике» (стр. 110). «Исходя из этих принципов, легко рассчитать, как повышение заработной платы влияет на цены различных продуктов. Все продукты обычно сравнимы с деньгами или с драгоценными металлами. Предположим, — что, вероятно, довольно близко к действительности, — деньги производятся в условиях случая № 2, т. е. равными частями труда и капитала; тогда цены всех товаров, произведенных в подобных условиях, не изменяются вследствие повышения заработной платы; цены товаров, условия производства которых приближаются к первому крайнему случаю, повышаются; цены тех товаров, условия производства которых приближаются к последнему крайнему случаю, понижаются; наконец, на общую массу товаров действует такая компенсация, что цена не испытывает ни повышения, ни понижения» (стр. 110—111).

§ 4) Нации заинтересованы во взаимном обмене своими продуктами: α) если этого требует «правильно понимаемое разделение труда»; β) если товары «могут быть произведены *только* или все же *проще и легче* в определенных местах» по тем причинам, что там либо дешевле жизненные средства, либо больше топлива, либо больше воды для приведения в движение машин (стр. 112—113); γ) «в общем, если то же самое количество труда в одной стране по сравнению с другой производит один из двух товаров в большей пропорции, чем другой, то в *интересах* обеих стран вести обмен друг с другом» (стр. 119).

§ 5) «Выгода, извлекаемая из обмена одного товара на другой, всегда проистекает из *полученного,* а не из *отданного* товара. Поэтому и всякая выгода в торговле одной страны с другой проистекает из *ввезенных* товаров; страна выгадывает на *ввозе* и не на чем ином» (стр. 120). «Если человек обладает некоторым промышленным или продовольственным товаром, то он не сможет выгадать на том, что просто *избавится* от своего товара. Только посредством того, что он избавляется от своего товара, чтобы получить другой товар, он находит выгоду в получении этого последнего: ведь он мог бы удерживать у себя свой товар, если бы считал, что этот товар имеет большую стоимость, чем тот, на который он его обменял. Тот факт, что он предпочел другой товар своему, является доказательством того, что другой товар имеет для него большую стоимость» (стр. 121). Так же обстоит дело и с нациями. «Выгода каждой нации состоит не просто в избавлении от своего продукта, а в том, что она за него получает» (стр. 121).

ПОСРЕДНИК

§ 6) «*Посредник обмена* — это такой предмет, который, чтобы осуществить обмен между двумя другими предметами, сначала принимается в обмен на один из этих двух предметов, а затем отдается в обмен на другой» (стр. 125). Золото, серебро, *деньги.*

§ 7) «*Стоимость денег* равна тому отношению, в котором деньги обмениваются на другие предметы, или тому количеству денег, которое дается в обмен на определенное количество других вещей» (стр. 128).

Это отношение определяется *совокупным количеством* всех денег, имеющихся в данной стране (там же). «Если мы предположим, что собраны вместе все товары данной страны, с одной стороны, и все деньги страны, — с другой, то очевидно, что при обмене обеих масс друг на друга стоимость денег», т. е. то количество товаров, которое обменивается на них, «всецело зависит от их собственного количества» (стр. 128—129). «Совершенно так же дело обстоит и в действительности. Совокупная масса товаров данной страны обменивается на совокупную массу денег не сразу: товары обмениваются частями, часто очень небольшими, и в различные периоды в течение года. Та же самая монета, которая сегодня служила для одного обмена, завтра может служить для другого. Одна часть денег применяется для большого числа обменов, другая — для очень малого, а третья накопляется и вовсе не служит для обмена. В этом многообразии величин можно найти некоторую среднюю норму, основанную на том числе обменов, для которого применялась бы каждая монета, если бы все они опосредовали одинаковое число обменов. Определим эту норму каким-нибудь числом, например 10. Если каждая из монет, имеющихся в стране, послужила для 10 покупок, то это то же самое, как если бы совокупное количество монет удесятерилось и каждая монета служила только для одной покупки. В этом случае стоимость всех товаров страны равна удесятеренной стоимости всех денег страны, потому что стоимость каждой монеты

равна стоимости того количества товаров, на которое ее можно обменять, и потому что каждая монета служит для десяти обменов в год» (стр. 129—130).

[XXIV] «Если вместо того, чтобы каждая монета служила для десяти обменов в год, удесятерилась бы совокупная масса денег и каждая монета служила бы только для одного обмена, то очевидно, что всякое увеличение этой массы вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой из этих монет, взятой в отдельности. Так как мы предположили, что масса товаров, на которую можно обменять все деньги, остается прежней, то *стоимость* совокупной массы денег после увеличения ее количества не сделалась больше, чем прежде. Если мы предположили, что увеличение массы денег произошло на одну десятую, то стоимость каждой из ее частей, например 1 унции, должна уменьшиться на одну десятую. Если совокупная масса денег составляет 1 000 000 унций и она увеличивается на одну десятую, то, каково бы ни было уменьшение стоимости целого, это уменьшение должно пропорционально отразиться на каждой из частей целого; $^1/_{10}$ миллиона относится к миллиону, как $^1/_{10}$ унции к унции» (стр. 130—131). «Если совокупная масса денег составляет только $^1/_{10}$ предположенной суммы, а каждая из ее частей служит для 10 покупок в год, то это то же самое, как если бы эта масса была обменена десять раз на одну десятую совокупной массы товаров; но если одна десятая часть предположенной суммы, т. е. совокупная масса денег увеличивается в некоторой пропорции, то это то же самое, как если бы в этой пропорции увеличилось целое, т. е. предположенная сумма. Таким образом, какова бы ни была степень увеличения или уменьшения совокупной массы денег, если количество остальных вещей остается прежним, то стоимость этой совокупной массы и каждой из ее частей испытывает пропорциональное уменьшение или увеличение. Ясно, что это положение — абсолютная истина. Всякий раз, когда стоимость денег испытывает повышение или понижение, а количество товаров, на которое их можно обменять, и скорость обращения остаются прежними, причиной изменения стоимости должно быть пропорциональное уменьшение или увеличение количества денег, и это изменение нельзя приписать действию никакой иной причины. Если уменьшается масса товаров, в то время как совокупность денег остается прежней, то это то же самое, как если бы увеличилась совокупная масса денег, и, соответственно, наоборот. Подобные изменения являются результатом всякого изменения *скорости обращения*. Под скоростью обращения понимают число покупок, совершаемых в данное время. Всякое увеличение числа этих покупок оказывает такое же действие, как и увеличение совокупной массы денег; уменьшение этого числа производит противоположное действие» (стр. 131—132). «Если некоторая часть годового продукта вовсе не была обменена, — как то, что потребляют сами производители, или то, что не обменивается на деньги, — то эту часть продукта нельзя принимать в расчет, *потому что то, что не обменивается на деньги, находится по отношению к деньгам в таком же положении, как если бы оно вовсе не существовало*» (стр. 132—133).

§ 8) Чем же регулируется количество денег? «Изготовление денег может происходить при двоякого рода обстоятельствах. Правительство может или предоставить свободу увеличению или сокращению денег, или же оно само регулирует это количество и делает его по своему усмотрению большим или меньшим».

В первом случае «оно открывает публике двери монетного двора и всем желающим предоставляет возможность превратить свои слитки в монету. Владельцы слитков могут пожелать этого превращения в деньги только в том случае, если оно отвечает их интересам, т. е. если превра-

щенные в монету слитки обладают большей стоимостью, чем они имели ее в своей прежней форме. А это бывает лишь тогда, когда деньги имеют исключительную стоимость, и одно и то же количество отчеканенного металла может быть обменено на большее количество других товаров, чем при обмене их на тот же металл, но в виде слитков. Поскольку стоимость денег зависит от их количества, то они имеют большую стоимость, когда их мало». Тогда происходит превращение слитка в монету; но именно благодаря этому увеличению восстанавливается прежняя пропорция. Если, следовательно, деньги превышают стоимость слитков, то при свободном течении дел интервенцией частников восстанавливается равновесие путем увеличения количества денег (стр. 134—136). «Если же количество денег в обращении столь велико, что стоимость денег падает ниже стоимости слитков, то прежняя пропорция восстанавливается точно таким же образом путем немедленного превращения монеты в слитки» (стр. 136).

[XXV] «Таким образом, если увеличение или уменьшение количества денег происходит свободно, то это количество регулируется *стоимостью* денежного металла, ибо частные лица заинтересованы в таком увеличении или уменьшении в зависимости от того, превышает ли стоимость денег в форме монеты их стоимость в форме слитка, или наоборот» (стр. 137). «Но если *количество денег* определяется *стоимостью денежного металла*, то что же определяет эту стоимость? Золото и серебро суть товары, продукты, требующие применения труда и капитала. Поэтому стоимость золота и серебра, как и стоимость всех других продуктов, определяется издержками производства» (там же).

Говоря об этом выравнивании денег и стоимости металла и изображая издержки производства в качестве единственного момента, определяющего стоимость, Милль — как и вообще школа Рикардо — совершает ту ошибку, что формулирует *абстрактный закон*, не учитывая изменения и постоянного упразднения этого закона, благодаря чему он только и осуществляется. Если *постоянным* законом является, например, то, что издержки производства в конечном счете — или, вернее, при спорадически, случайно устанавливающемся соответствии спроса и предложения — определяют цену (стоимость), то столь же *постоянным законом* является и то, что такого соответствия нет и что, следовательно, стоимость и издержки производства не находятся в необходимом отношении друг к другу. Спрос и предложение соответствуют друг другу лишь какое-то время, вследствие предшествующих колебаний спроса и предложения, вследствие несоответствия между издержками производства и меновой стоимостью; это колебание и это несоответствие вновь наступают вслед за установившимся на какое-то время соответствием. Это *действительное* движение, лишь абстрактным, случайным и односторонним моментом которого является указанный закон, превращается новейшими политэкономами [4] в акциденцию, в нечто несущественное. Почему? Потому, что при тех строгих и точных формулах, к которым они сводят политическую экономию, основная формула, если бы они

хотели дать абстрактное выражение указанному движению, должна была бы гласить: закон определяется в политической экономии через свою противоположность, через отсутствие закона; истинный закон политической экномии есть *случайность*, из движения которой мы, ученые, произвольно фиксируем в форме законов отдельные моменты. —

Очень удачно выражая суть дела в виде одного понятия, Милль характеризует *деньги* как *посредника* обмена. Сущность денег заключается прежде всего не в том, что в них отчуждается собственность, а в том, что здесь *отчуждается* и становится свойством *материальной вещи*, находящейся вне человека, свойством денег, та *опосредствующая деятельность* или то опосредствующее движение, тот *человеческий*, общественный акт, в результате которого продукты человека взаимно восполняют друг друга. Отчуждая саму эту опосредствующую деятельность, человек может теперь действовать лишь как потерявший себя, как обесчеловеченный человек; само *соотнесение* вещей, человеческое оперирование ими, становится оперированием некой сущности, находящейся вне человека и над человеком. Вместо того чтобы сам человек был посредником для человека, наличие этого *чуждого посредника* приводит к тому, что человек рассматривает свою собственную волю, свою деятельность, свое отношение к другим — как силу, независимую от него и от них. Таким образом его рабство достигает апогея. Так как посредник есть *действительная власть* над тем, с чем он меня опосредствует, то ясно, что этот *посредник* становится *действительным богом*. Его культ становится самоцелью. Предметы, оторванные от этого посредника, утрачивают свою стоимость. Следовательно, они обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они его *представляют*, между тем как первоначально казалось, что посредник обладает стоимостью лишь постольку, поскольку *он их* представляет. Это переворачивание первоначального отношения неизбежно. Этот *посредник* есть поэтому потерявшая самое себя, отчужденная *сущность* частной собственности, ставшая для самой себя внешней, *отчужденная* частная собственность, *отчужденное опосредствование* человеческого производства с человеческим производством, *отчужденная* родовая деятельность человека. Все свойства, принадлежащие этой родовой производственной деятельности человека, переносятся поэтому на этого посредника. Следовательно, человек как человек, то есть в отрыве от этого посредника, становится настолько беднее, насколько этот посредник становится *богаче*. —

Христос первоначально *является представителем*: 1) людей перед богом; 2) бога перед людьми; 3) людей перед человеком.

Так и *деньги,* согласно их понятию, первоначально представляют: 1) частную собственность для частной собственности; 2) общество для частной собственности; 3) частную собственность для общества.

Но Христос есть *отчужденный* бог и отчужденный *человек.* Бог значим теперь лишь постольку, поскольку он представляет Христа, человек — лишь постольку, поскольку он представляет Христа [5]. Точно так же обстоит дело и с деньгами. —

Почему частная собственность неизбежно должна развиваться в *деньги?* Потому, что человек как существо общительное неизбежно должен прийти к *обмену* [XXV], а обмен — при наличии частной собственности как своей предпосылки — неизбежно должен привести к *стоимости.* Дело в том, что опосредствующее движение человека, совершающего обмен, не является при этой предпосылке движением общественным, человеческим, оно не является *человеческим отношением,* это *абстрактное отношение* частной собственности к частной собственности, и это *абстрактное* отношение есть *стоимость. Деньги* только и являются действительным существованием стоимости как стоимости. Так как совершающие обмен люди относятся друг к другу не как люди, то и сама *вещь* утрачивает значение человеческой, личной собственности. Общественное отношение частной собственности к частной собственности является уже таким отношением, в котором частная собственность отчуждена от самой себя. Самостоятельное существование этого отношения — деньги — есть поэтому отчуждение частной собственности, абстракция от ее *специфической,* личной природы. —

Оппозиция новейшей политической экономии по отношению к монетарной системе, système monétaire [6], не может поэтому привести к решающей победе первой, несмотря на все ее умничанье, ибо, если грубое политэкономическое суеверие народа и правительств цепко держится за такой *чувственный, осязаемый, бросающийся в глаза* предмет, как денежный мешок, и поэтому верит в абсолютную стоимость благородных металлов и обладание ими считает единственно реальным богатством и если затем приходит просвещенный, светски образованный политэконом и доказывает им, что деньги есть такой же товар, как и всякий другой, и что в силу этого их стоимость, как и стоимость любого другого товара, зависит от отношения издержек производства к спросу (конкуренция) и предложению, к количеству или конкуренции других товаров, — то такому политэконому справедливо возражают, что *действительная* стоимость вещей заключается все же в их *меновой стоимости,* что эта последняя в конечном счете существует в деньгах, а деньги

существуют в благородных металлах, и что, следовательно, деньги являются *истинной* стоимостью вещей и поэтому — самой желанной вещью. Больше того, доктрины просвещенного политэконома в конечном счете сами сводятся к этой премудрости с той только разницей, что просвещенный политэконом обладает способностью к абстракциям, позволяющей ему распознавать существование денег во всех формах товаров и потому избавляющей его от веры в исключительную стоимость их официального металлического существования. — Металлическое существование денег есть лишь официальное чувственно воспринимаемое выражение той денежной души, которая пронизывает все звенья производства и все движения буржуазного общества.

Противоположность новейшей политической экономии монетарной системе заключается лишь в том, что она *денежную сущность* ухватывает в ее абстрактности и всеобщности и поэтому возвышается над *чувственной* формой суеверия, полагающего, что эта сущность существует исключительно в благородных металлах. На место этого грубого суеверия она ставит суеверие утонченное. Но так как обе, в сущности, имеют один и тот же корень, то просвещенная форма суеверия не в состоянии вытеснить целиком его грубую чувственную форму, ибо критике подвергается не сущность суеверия, а лишь определенная форма этой сущности.

Личностное бытие денег как денег — а не только как внутреннего, в-себе-сущего, скрытого отношения товаров друг к другу в процессе их обращения или обмена, — это бытие тем больше соответствует сущности денег, чем абстрактнее они сами, чем меньше *естественного* отношения они имеют к другим товарам, чем в большей степени они выступают как продукт и в то же время как не-продукт человека, чем в меньшей степени *естественно выросшим* является элемент их бытия, чем в большей степени они созданы человеком или, выражаясь языком политэкономии, чем большим является *обратное* отношение их *стоимости как денег* к меновой стоимости или к денежной стоимости того материала, в котором они существуют. Поэтому *бумажные деньги* и многочисленные *бумажные представители денег* (такие, как векселя, чеки, долговые обязательства и т. д.) являются *более совершенным* бытием *денег как денег* и необходимым моментом в прогрессирующем развитии денег.

В *кредитной системе,* законченным выражением которой является *банковская система,* создается видимость, будто власть этой чуждой материальной силы сломлена, отношение самоотчуждения снято и человек вновь очутился в чело-

вечеських отношениях к человеку. Обманутые этой *видимостью сен-симонисты* рассматривают развитие денег, векселя, бумажные деньги, бумажные представители денег, *кредит и банковскую систему* как ступени преодоления отрыва человека от вещи, капитала от труда, частной собственности от денег, денег от человека, отрыва человека от человека. Поэтому их идеал — организованная *банковская система*. Но это лишь *видимость* преодоления [XXVI] отчуждения, *возврата* человека к самому себе и в силу этого к другому человеку; это тем более *гнусное* и *крайнее* самоотчуждение, обесчеловечение, что его элементом является уже не товар, не металл, не бумажные деньги, а *моральное* бытие, *общественное* бытие, *внутренняя жизнь* самого человека, и это тем отвратительнее, что под видимостью *доверия* человека к человеку здесь скрывается величайшее *недоверие* и полнейшее отчуждение.

Что составляет сущность *кредита?* Мы здесь полностью отвлекаемся от *содержания* кредита, которым опять-таки остаются деньги. Мы отвлекаемся, стало быть, от *содержания* этого доверия, оказываемого одним человеком другому, когда один человек *признает* другого тем, что он ссужает ему те или иные стоимости и, — в лучшем случае, если он не требует платы за кредит, то есть не является ростовщиком, — дарит своему ближнему свое доверие, исходящее из предположения, что этот ближний не плут, а «добропорядочный» человек. Под «добропорядочным» человеком тот, кто дарит свое доверие, разумеет, подобно Шейлоку, «платежеспособного» человека.

Кредит мыслим при наличии двух отношений и при двух различных условиях. Эти два отношения таковы: богатый кредитует бедного, которого он считает прилежным и надежным. Этот вид кредита принадлежит к романтической, сентиментальной части политической экономии, к ее блужданиям, эксцессам, *исключениям*, — не к *правилу*. Но даже если предположить это исключение, если допустить эту романтическую возможность, то для богатого *гарантией* возвращения ссуженных денег служит сама жизнь бедного, его талант и его деятельность; другими словами, все социальные добродетели бедного, все содержание его жизнедеятельности, само его существование служат в глазах богатого залогом возвращения его капитала вместе с обычными процентами. Поэтому смерть бедного рассматривается кредитором как наихудшее зло. Это смерть его капитала вкупе с процентами. Подумать только, сколько низости в такой *оценке* человека в *деньгах*, заключенной в кредитных отношениях! При этом само собой разумеется, что кредитор имеет, кроме *моральных* гарантий, еще и гарантию *юридического*

принуждения, а также более или менее *реальные* гарантии в отношении кредитуемого им человека. Если же кредитуемый сам состоятелен, то *кредит* становится просто-напросто *посредником,* облегчающим обмен, то есть теми же самыми *деньгами,* только возведенными в совершенно *идеальную* форму.

Кредит есть *политэкономическое* суждение относительно *нравственности* человека. В кредите вместо металла или бумаги *посредником* обмена стал сам *человек,* но не в качестве человека, а *как бытие того или иного капитала* и процентов. Таким образом то, что опосредствует обмен, действительно возвратилось и обратно переместилось из своей материальной формы в человека, но только потому, что сам человек переместил себя вовне и сделался какой-то внешней материальной формой. В кредитных отношениях не деньги упразднены человеком, а сам человек превратился в *деньги*, или деньги *обрели* в человеке свое *тело. Человеческая индивидуальность,* человеческая *мораль* сами стали предметом торговли и тем *материалом,* в котором существуют деньги. Материей, телом *денежной* души являются уже не деньги, не бумаги, а мое собственное личное бытие, моя плоть и кровь, моя общественная добродетель и репутация. Кредит вкладывает денежную стоимость уже не в деньги, а в человеческую плоть и в человеческое сердце. Вот до какой степени всякий прогресс и все непоследовательности в рамках ложной системы оказываются величайшим регрессом и величайшей последовательностью гнусности.

В рамках кредитной системы ее отчужденная от человека природа получает двоякого рода подтверждение под видом высшего политэкономического признания человека: 1) Противоположность между капиталистом и рабочим, между крупным и мелким капиталистом становится еще большей, поскольку кредит дается только тому, кто уже является имущим, и поскольку этот кредит предоставляет богатому новый шанс для накопления. Что же касается бедного, то он *все* свое существование видит утверждаемым или отрицаемым в произвольном приговоре, выносимом ему богатым, поскольку все существование бедного всецело зависит от этой случайности. 2) Взаимное лицемерие и ханжество доходят до того, что тому, кого лишают кредита, выносят не только простой приговор о его бедности, но также и моральный приговор о том, что он не заслуживает ни доверия, ни признания и, стало быть, является социальным парием, дурным человеком. Бедный в добавление к своим лишениям получает еще и это унижение: он вынужден обращаться к богатому с унизительной *просьбой* о кредите. [XXVII] 3) В результате этого всецело *идеального* существования денег *фальшивомонет-*

ничество может теперь осуществляться человеком не на каком-нибудь другом материале, а уже только на своей собственной личности: сам человек вынужден превращать себя в фальшивую монету, выманивать кредит хитростью, ложью и т. д., и эти кредитные отношения — как со стороны того, кто оказывает доверие, так и со стороны того, кто в этом доверии нуждается, — становятся предметом торговли, предметом взаимного обмана и злоупотреблений. Здесь вместе с тем в полном блеске обнаруживается, что основой этого политэкономического доверия является *отсутствие доверия:* недоверчивое и расчетливое обдумывание — кредитовать или не кредитовать; слежка за тайнами личной жизни и т. д. человека, ищущего кредит; разглашение временных неудач этого человека для того, чтобы, вызвав внезапное потрясение его кредита, убрать с дороги соперника и т. д. Целая система банкротств, фиктивных предприятий и т. д. ...В *государственном кредите* положение государства совершенно такое же, каково, как было показано выше, положение отдельного человека... В игре государственными ценными бумагами обнаруживается, насколько государство превратилось в игрушку спекулянтов и т. д.

4) *Кредитная система* получает, наконец, свое завершение в *банковском деле.* Созданное банкирами господство банка в государстве, концентрация имущества в руках банкиров, этого политэкономического *ареопага* нации, есть достойное завершение денег.

Так как в кредитной системе *моральное признание человека,* как и *доверие к государству* и т. д., приняло форму *кредита,* то тайна, заключенная во лжи морального признания, *аморальная* низость этой моральности, а также ханжество и эгоизм, образующие основу указанного доверия к государству, выступают наружу и показывают свою действительную природу.

Обмен — как человеческой деятельностью внутри самого производства, так и *человеческими продуктами* — равнозначен *родовой деятельности* и родовому духу, действительным, осознанным и истинным бытием которых является *общественная* деятельность и *общественное* наслаждение. Так как *человеческая* сущность является *истинной общественной связью* людей, то люди в процессе деятельного осуществления своей *сущности творят,* производят человеческую *общественную связь,* общественную сущность, которая не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством. Поэтому указанная *истинная*

общественная связь возникает не вследствие рефлексии; она выступает как продукт *нужды* и *эгоизма* индивидов, то есть как непосредственный продукт деятельного осуществления индивидами своего собственного бытия. От человека не зависит, быть или не быть этой общественной связи; но до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по-человечески, эта *общественная связь* выступает в форме *отчуждения*. Ибо *субъект* этой общественной связи, человек, есть отчужденное от самого себя существо. Люди — не в абстракции, а в качестве действительных, живых, особенных индивидов — *суть* это сообщество. *Каковы* индивиды, такова и сама эта общественная связь. Поэтому идентичными являются положения, что *человек* отчужден от самого себя и что *общество* этого отчужденного человека есть карикатура на его *действительную общественную связь*, на его истинную родовую жизнь; что его деятельность оказывается в силу этого мукой, его собственное творение — чуждой ему силой, его богатство — его бедностью, *сущностная связь*, соединяющая его с другим человеком, — несущественной связью и, напротив, его оторванность от другого человека оказывается его истинным бытием; что его жизнь оказывается принесением в жертву его жизни, осуществление его сущности оказывается недействительностью его жизни, его производство — производством его небытия, его власть над предметом оказывается властью предмета над ним, а сам он, властелин своего творения, оказывается рабом этого творения.

Политическая экономия рассматривает *общественную связь людей*, или их деятельно осуществляющуюся *человеческую* сущность, их взаимное дополнение друг друга в родовой жизни, в истинно человеческой жизни в форме *обмена* и *торговли*.

«*Общество*», — говорит Дестют де Траси, — «это *ряд взаимных обменов*... Оно как раз и есть это движение взаимной интеграции». «*Общество*», — говорит Адам Смит, — «есть *торговое общество*. Каждый из его членов является *торговцем*» [7].

Как видно, эту *отчужденную* форму социального общения политическая экономия *фиксирует* в качестве *существенной* и *изначальной* и в качестве соответствующей человеческому предназначению.

[XXVIII] Политическая экономия — как и действительное движение — исходит из *отношения человека к человеку* как отношения *частного собственника к частному собственнику*. Если человек предполагается в качестве *частного собственника*, то есть, следовательно, в качестве исключительного владельца, который посредством этого исключительного владения утверж-

дает свою личность и отличает себя от других людей, а вместе с тем и соотносится с ними — частная собственность есть его личное, *отличающее* его, а потому его существенное бытие, — то *утрата*, или *упразднение*, частной собственности есть *отчуждение человека* и самой *частной собственности*. Мы остановимся здесь лишь на этом последнем определении. Если я отказываюсь от своей частной собственности в пользу кого-то другого, то она перестает быть *моею;* она становится независимой от меня, *вне* моей сферы находящейся вещью, внешней по отношению ко мне вещью. Я *отчуждаю*, следовательно, мою частную собственность. По отношению к себе я тем самым полагаю ее как *отчужденную* частную собственность. Но если я просто отчуждаю мою частную собственность по отношению к себе, то я полагаю ее только в качестве *отчужденной* вещи вообще, я снимаю лишь мое *личное* отношение к ней, я возвращаю ее во власть *стихийных* сил природы. Отчужденной *частной собственностью* вещь становится лишь тогда, когда она перестает быть *моей* частной собственностью, не переставая от этого быть вообще *частной собственностью*, то есть тогда, когда она вступает в такое же отношение к какому-нибудь *другому* человеку *вне* меня, в каком она находилась ко мне самому, другими словами, — когда она становится частной собственностью какого-нибудь *другого* человека. Если исключить случаи *насилия* — как прихожу я к тому, что вынужден отчуждать другому человеку *мою* частную собственность? Политическая экономия правильно отвечает: в силу *нужды*, в силу *потребности*. Другой человек тоже есть частный собственник, но собственник некоторой *другой* вещи, в которой я нуждаюсь и без которой я не могу или не хочу обходиться, которая представляется мне предметом *потребности*, необходимым для совершенствования моего бытия и для осуществления моей сущности.

Той связью, которая соотносит двух частных собственников друг с другом, является *специфическая природа предмета*, который является материей их частной собственности. Страстное желание иметь два предмета, то есть потребность в них, показывает каждому частному собственнику, заставляет его осознать, что кроме частнособственнического отношения к предметам, он находится еще и в другом *существенном* отношении к ним, что он есть не то обособленное существо, за которое он себя принимает, а *тотальное* существо, потребности которого находятся в отношении *внутренней* собственности также и к продуктам труда другого человека, ибо потребность в какой-нибудь вещи есть самое очевидное, самое неопровержимое доказательство того, что эта вещь принадлежит к *моей* сущности,

что ее бытие для меня, *собственность* на нее является собственностью и своеобразием моей сущности. Таким образом, оба собственника вынуждены отказываться от своей частной собственности, но отказываться так, что они одновременно утверждают частную собственность, или отказываться от нее в рамках отношений частной собственности. Следовательно, каждый отчуждает часть своей частной собственности другому.

Общественная связь, или *общественное* отношение, обоих частных собственников оказывается, следовательно, *взаимным отчуждением* частной собственности, отношением отчуждения с обеих сторон, или *отчуждением* как отношением обоих частных собственников, в то время как в простой частной собственности *отчуждение* было еще только односторонним, еще только по отношению к себе.

Обмен, или *меновая торговля,* есть, стало быть, общественный, родовой акт, общественная связь, социальное общение и интеграция людей в рамках *частной собственности* и потому — внешний, *отчужденный* родовой акт. Именно поэтому он и выступает как *меновая торговля.* В силу этого он вместе с тем является также и противоположностью *общественному* отношению.

Благодаря взаимному отчуждению частной собственности сама *частная собственность* приобретает определение *отчужденной* частной собственности. Во-первых, потому, что она перестает быть продуктом труда владельца этой собственности, исключительным выражением его личности, ибо он ее отчуждает, так что эта собственность уплывает от владельца, продуктом которого она была, и приобретает личное значение для того, чьим продуктом она *не* является. Частная собственность утратила личное значение для владельца. Во-вторых, она была соотнесена с другой частной собственностью, была приравнена к ней. Ее место занимает частная собственность на *другой* предмет, как и она сама заменила частную собственность на *другой* предмет. С обеих сторон частная собственность выступает, следовательно, как представитель частной собственности на другой предмет, как нечто *равное* некоторому *другому* продукту, обладающему другими натуральными свойствами, и обе стороны соотносятся друг с другом таким образом, что каждая из них представляет бытие *другой* и обе взаимно относятся друг к другу как *заместители* самих себя и своего инобытия. Бытие частной собственности как таковой стало поэтому ее бытием в качестве *заменителя, эквивалента.* Вместо непосредственного единства ее с самой собою она теперь выступает лишь как отношение к некоему *другому.* Ее бытие в качестве *эквивалента* уже не есть такое ее бытие, которое составляет ее своеобразие. Она

становится поэтому *стоимостью* и непосредственно *меновой стоимостью*. Ее бытие в качестве *стоимости* есть такое определение [XXIX] *ее самой*, которое отличается от ее непосредственного бытия и является внешним для ее специфической сущности, *отчужденным* определением, некоторым всего лишь *относительным* бытием.

Как эта *стоимость* определяется детальнее и как она превращается в *цену*, следует рассмотреть в другом месте.

Отношение обмена предполагает, что *труд* становится *трудом непосредственно ради заработка*. Это отношение отчужденного труда достигает своей вершины только в результате того, что 1) с одной стороны, *труд ради заработка* — и продукт рабочего — не находится ни в каком *непосредственном* отношении к потребности рабочего и к его *трудовому предназначению*, а определяется, как в том, так и в другом смысле, чуждыми самому рабочему общественными комбинациями; 2) тот, кто *покупает* продукт, сам ничего не производит, а лишь обменивает то, что произведено другим человеком. В упомянутой выше грубой форме *отчужденной* частной собственности, в *меновой торговле*, каждый из обоих частных собственников производит то, к чему его непосредственно побуждает его потребность, его склонность и имеющийся под руками природный материал. Каждый обменивает поэтому только излишек своей продукции. Труд, конечно, был непосредственным *источником существования* того, кто трудится, но вместе с тем он был и деятельным осуществлением его *индивидуального бытия*. В результате обмена его *труд* отчасти становится *источником дохода*. Цель этого труда и его бытие стали различны. Продукт производится как *стоимость*, как *меновая стоимость*, как *эквивалент*, а не ради его непосредственного личного отношения к производителю. Чем разностороннее становится производство, а это значит — чем разностороннее становятся, с одной стороны, потребности и чем одностороннее, с другой стороны, выполняемые производителем работы, тем в большей степени его труд подпадает под категорию *труда ради заработка*, пока наконец все значение его труда не сведется к труду ради заработка и пока не станет совершенно *случайным* и *несущественным*, находится ли производитель в отношении непосредственного потребления и личной потребности к своему продукту и является ли его *деятельность*, выполнение самого труда, для него самоудовлетворением его личности, осуществлением его природных задатков и духовных целей.

В труде ради заработка заключено: 1) отчуждение и случайность труда по отношению к трудящемуся субъекту;

2) отчуждение и случайность труда по отношению к его предмету; 3) то, что назначение рабочего определяется потребностями общества, которые, однако, ему чужды, которым он вынужден подчиняться, в силу эгоистической потребности, в силу нужды и которые для него имеют значение только источника удовлетворения его непосредственных нужд, как и он сам имеет для общества значение только раба потребностей общества; 4) то, что для рабочего сохранение его индивидуального бытия выступает как *цель* его деятельности, а его действительная работа имеет для него значение только средства; так что он живет только для того, чтобы добывать себе *жизненные* средства.

Следовательно, чем больше и многообразнее становится могущество общества в рамках частнособственнических отношений, тем *эгоистичнее,* тем менее общественным, тем более отчужденным от своей собственной сущности становится человек.

Подобно тому как взаимный обмен продуктами *человеческой деятельности* выступает как *меновая торговля,* как *торгашество* [Schacher] [8], так взаимное дополнение и взаимный обмен самой деятельностью выступают как *разделение труда,* которое делает из человека в высшей степени абстрактное существо, токарный станок и т. д., превращает его в духовного и физического урода.

Как раз *единство* человеческого труда рассматривается теперь всего лишь как *разделение* потому, что общественная сущность получает существование только в форме своей противоположности, в форме отчуждения. Вместе с цивилизацией растет и *разделение труда.*

При предпосылке разделения труда продукт, материал частной собственности, все в большей степени приобретает для отдельного человека значение *эквивалента,* и так как человек обменивает теперь уже не свои *излишки,* а предмет своего производства, который может быть ему совершенно *безразличным,* то он уже и не обменивает свой продукт непосредственно на *нужную* ему вещь. Эквивалент получает свое существование эквивалента в *деньгах,* которые теперь являются непосредственным результатом труда ради заработка и *посредником* обмена (см. выше).

В *деньгах* с их полным безразличием как к природе материала, то есть к специфической материи частной собственности, так и к личности частного собственника обнаруживается всеобъемлющее господство отчужденной вещи *над* человеком. То, что выступало как господство личности над личностью, есть теперь всеобщее господство *вещи* над *личностью,* продукта над производителем. Если уже в *эквиваленте,* в *стоимости* заключено

определение *отчуждения* частной собственности, то в *деньгах* это *отчуждение* получает чувственное, даже предметное существование.

[XXX] Ясно само собой, что политическая экономия способна понять все это развитие только как некий факт, как порождение случайной нужды.

Отделение труда от самого себя равнозначно отделению рабочего от капиталиста, отделению труда от капитала, первоначальная форма которого распадается на *земельную собственность* и *движимую собственность*... Первоначальное определение частной собственности — монополия; поэтому, когда частная собственность обретает политическую конституцию, эта конституция является конституцией монополии. Завершенная монополия есть конкуренция. Для политэконома существуют раздельно *производство, потребление* и в качестве посредников между ними *обмен* и *распределение.* Разделение производства и потребления, деятельности и духа между различными индивидами и в одном и том же индивиде есть *отделение труда* от его *предмета* и от самого себя как духа. *Распределение* есть деятельно осуществляющая себя сила частной собственности. — Отделение труда, капитала и земельной собственности друг от друга, а также отделение одного труда от другого, одного капитала от другого, одной земельной собственности от другой и, наконец, отделение труда от платы за труд, капитала от прибыли, прибыли от процентов, наконец, земельной собственности от земельной ренты — приводит к тому, что самоотчуждение выступает как в форме самоотчуждения, так и в форме взаимного отчуждения.

Предположим теперь случай, когда правительство желает фиксировать увеличение или уменьшение денег. «Если оно стремится удерживать количество денег в размерах, которые обеспечивают свободный ход вещей, то повышается стоимость золота, превращенного в деньги, и поэтому все заинтересованы превращать свои слитки в монету. В этом случае возникает подпольная фабрикация, и правительство вынуждено пресекать ее с помощью штрафов. Если правительство желает поддерживать количество денег *выше* необходимого уровня, то оно понижает их стоимость, и тогда каждый старается переплавить их в слитки, против чего снова единственным средством является наказание. Однако надежда приобрести прибыль побеждает страх перед наказанием» (стр. 137—138).

§ 9) «Если два индивидуума должны друг другу по 100 фунтов стерлингов, то вместо того, чтобы расплатиться друг с другом, им достаточно прибегнуть к взаимному обмену обязательствами. Точно так же обстоит дело и между нациями. Отсюда *векселя,* причем они тем более необходимы в такое время, когда недостаточно просвещенная политика запрещала и сурово наказывала *вывоз* благородных металлов» (стр. 142; [143—144]).

§ 10) Сокращение *непроизводительного* потребления благодаря бумажным деньгам (стр. 146 и след.).

§ 11) «Неудобства, с которыми сопряжено применение бумажных денег, таковы: 1) *Уклонение* лиц, выпускающих бумажные деньги, от исполнения своих обязательств. 2) Подделка. 3) Валютный курс, изменение курса» (стр. 149).

§ 12) Благородные металлы являются товарами. «Вывозят же только те товары, которые менее дороги в стране, из которой их отправляют, чем в стране, куда их доставляют, а ввозят только те товары, которые более дороги в стране, куда их доставляют, чем в стране, из которой их отправляют». Таким образом, «от стоимости благородных металлов в данной стране зависит, следует ли их ввозить или вывозить» (стр. 175 и след.).

§ 13) «Стоимость благородных металлов соответствует количеству других вещей, которое дают в обмен на них» (стр. 177). Это отношение различно в разных странах и даже в разных местностях одной и той же страны. «Выражение «жизнь менее дорога» означает, что в определенной местности можно купить жизненные средства на меньшую сумму денег» (стр. 177).

§ 14) Отношение между странами подобно отношению между купцами, «они всегда стараются купить как можно дешевле, а продать как можно дороже» (стр. 215).

IV. О ПОТРЕБЛЕНИИ

«*Производство, распределение, обмен* суть только *средства*. Никто не производит ради производства». Все это — промежуточные, опосредующие операции. «Целью же является *потребление*» (стр. 237).

§ 1) Потребление бывает: 1) *производительным*. Оно включает в себя все, что расходуется с целью производства вещей, охватывает и средства существования рабочих; затем в него входят машины, инструменты, здания и животные, необходимые для производственных операций; наконец, сырье — «либо то, из которого непосредственно формируют производимый предмет, либо то, из которого его извлекают» (стр. 238—239). «Только вещи, входящие во вторую из этих рубрик, не потребляются полностью в процессе производственных операций» (стр. 239).

2) *Непроизводительное* потребление

«Содержание лакеев, всякое потребление, которое совершается не ради продукта, не с целью произвести с помощью одной вещи другую, эквивалентную ей, является непроизводительным» (стр. 240). «Производительное потребление само есть *средство*, а именно — средство для производства; непроизводительное же потребление является не средством, а целью; *наслаждение*, доставляемое этим потреблением, является *мотивом* всех предшествующих ему операций» (стр. 241). Посредством потребления первого рода ничто не утрачивается, а посредством потребления второго рода утрачивается все (там же). «То, что потребляется *производительно*, всегда есть *капитал*. Это — особенно замечательное свойство производительного потребления. Все то, что потребляется производительно», *есть* капитал, и оно «*становится* капиталом» именно благодаря такому потреблению (стр. [241]—242). «Все то, что производительные силы страны создают за год, составляет валовой годовой продукт. Наибольшая часть его предназначена для возмещения потребленного капитала. То, что остается от валового продукта после возмещения этого капитала, составляет чистый продукт; он всегда распределяется как прибыль на капитал или как земельная рента» (стр. [242]—243). «Он является тем фондом, из которого обычно происходит всякое добавление к национальному капиталу»

(стр. 243). *Производительному* и *непроизводительному потреблению* соответствует *производительный* и *непроизводительный* труд (стр. 244).

§ 2) «Все, что производится в течение одного года, потребляется в течение следующего года» — производительно или непроизводительно (стр. 246).

§ 3) «Потребление расширяется по мере производства, человек производит только потому, что ему это *требуется*. Если производимый предмет представляет собой то, в чем человек нуждается, то он, накопив столько, сколько ему нужно, перестает работать». Если он производит больше, то это происходит потому, что он желает путем обмена получить на это «больше» какой-нибудь другой предмет. Он производит данную вещь из желания иметь другую. Производство этой вещи представляет для него единственное средство получить другую вещь, и он получает ее дешевле, чем если бы он был вынужден производить ее сам. При разделении труда он ограничивает себя производством одной определенной вещи или только части ее; только небольшую часть своего собственного производства применяет он для самого себя; все остальное предназначено для того, чтобы покупать другие товары, в которых он нуждается; и если человек ограничивает себя производством одной-единственной вещи и свой продукт обменивает на все другие, то он получает больше от каждой вещи, чем он получал бы, если бы производил ее [XXXI] сам. «Если человек производит для самого себя, то *обмен* не имеет места. Такому человеку не нужно ничего покупать, и он ничего не предлагает для продажи. Он обладает тем или другим предметом, он его произвел и не намерен избавляться от него. Если в порядке метафоры применять здесь термины «предложение и спрос», то предложение и спрос в этом случае полностью совпадают. Что касается предложения и спроса на предметы торговли, то мы можем оставить совершенно в стороне ту часть годового продукта, которую каждый производитель потребляет в той форме, которую он производит или получает» (стр. [249—250], 251).

«Если мы здесь говорим о предложении и спросе, то мы говорим об этом в самом общем виде. Если мы о какой-нибудь определенной стране в определенную эпоху говорим, что ее предложение равно ее спросу, то мы утверждаем это не по отношению к одному или двум товарам: мы хотим сказать, что ее спрос на все товары, взятый в целом, равен всем тем товарам, которые эта страна может предложить в обмен. Несмотря на это равенство предложения и спроса, взятых в их целом, вполне может случиться, что какого-нибудь отдельного товара — или нескольких таких товаров — было произведено слишком много или слишком мало по отношению к спросу на эти товары» (стр. 251—252). «Для конституирования *спроса* необходимы две вещи: желание иметь тот или иной товар и обладание эквивалентным предметом, который можно дать в обмен на желаемый товар. Термин «спрос» обозначает *желание* и *средства* для купли. Если отсутствует одно из этих условий, купля не может состояться. Обладание эквивалентным предметом является необходимой основой всякого спроса. Человек тщетно желает иметь какие-нибудь предметы, если ему нечего дать для того, чтобы приобрести их. Эквивалентный предмет, пускаемый в ход человеком, является *орудием* спроса. Объем его спроса измеряется стоимостью этого предмета. Спрос и эквивалентный предмет — это такие термины, которые могут заменить *друг друга*. Мы уже видели, что каждый человек, производящий что-нибудь, стремится к обладанию другими предметами, отличными от того предмета, в производстве которого он участвовал, и это стремление, это желание *измеряется* совокупностью той его продукции, которую он не хочет удержать у себя для своего собственного потребления. Столь же очевидно и то, что

человек может дать в обмен на другие предметы все то, что он произвел и чего он не хочет потребить сам. Таким образом, *желание покупать* и *средства для купли* равны друг другу, или спрос в точности равен тому его совокупному продукту, который не предназначен для собственного потребления производителя» (стр. 252—253).

Милль здесь со своей обычной циничной остротой и ясностью анализирует обмен на основе частной собственности.

Человек — такова основная предпосылка частной собственности — *производит* только ради того, чтобы *иметь*. Цель производства — *обладание*. И производство имеет не только такого рода *утилитарную* цель; оно преследует *своекорыстную* цель; человек производит лишь ради того, чтобы *иметь* для себя; предмет его производства есть опредмечивание его *непосредственной,* своекорыстной *потребности*. Поэтому человек, сам по себе — в диком, варварском состоянии — имеет меру своего производства в *объеме* той своей непосредственной потребности, содержанием которой *непосредственно* является сам производимый им предмет.

Поэтому человек в этом состоянии производит *не больше* того, в чем он непосредственно нуждается. *Граница его потребности* есть и *граница его производства*. Спрос и предложение поэтому в точности покрывают друг друга. Его производство *измеряется* его потребностью. В этом случае обмен не имеет места, или он сводится к обмену своего труда на продукт своего труда, и этот обмен есть скрытая форма (зародыш) действительного обмена.

Коль скоро имеет место обмен, имеет место производство сверх той непосредственной границы, которая положена непосредственной потребностью. Но это избыточное производство не является возвышением над своекорыстной потребностью. Напротив, оно есть только *средство* для того, чтобы удовлетворить такую потребность, которая находит свое опредмечивание не непосредственно в продукте *данного* производства, а в продукте другого человека. Производство становится *источником дохода,* трудом ради заработка. В то время как при первом отношении мерой производства является потребность, при этом втором отношении производство продукта, или, вернее, *обладание продуктом,* становится мерой того, в какой степени могут быть удовлетворены потребности.

Я производил для себя, а не для тебя, точно так же и ты производил для себя, а не для меня. Результат моего производства сам по себе точно так же не имеет непосредственного отношения к тебе, как результат твоего производства не имеет непосредственного отношения ко мне. Иными словами, наше про-

изводство не есть производство человека для человека как человека, то есть не есть *общественное* производство. Следовательно, в качестве человека ни один из нас не находится в отношении потребления к продукту другого. Как люди, мы не существуем друг для друга в продуктах, производимых каждым из нас. Поэтому и наш обмен не может быть таким опосредствующим движением, которое подтвердило бы, что мой продукт [XXXII] есть продукт для тебя, поскольку он является *опредмечиванием* твоей собственной сущности, твоей потребности. Дело в том, что не *человеческая сущность* образует связь наших производств друг для друга. Обмен может привести в *движение* и подтвердить только *характер* того отношения, которое каждый из нас имеет к своему собственному продукту, а значит и к продукту другого. Каждый из нас видит в своем продукте лишь свою *собственную* опредмеченную корысть и, следовательно, в продукте другого — *иную*, независимую от него, чуждую опредмеченную корысть.

Разумеется, как человек, ты имеешь человеческое отношение к моему продукту; ты испытываешь *потребность* в моем продукте; он, стало быть, наличествует для тебя в качестве предмета твоего желания и твоей воли. Но твоя потребность, твое желание, твоя воля есть в отношении моего продукта бессильная потребность, бессильное желание, бессильная воля. Другими словами, твоя *человеческая* и потому находящаяся в необходимом внутреннем отношении к моей человеческой продукции сущность не является твоей *властью* над этой продукцией, твоей собственностью на нее, ибо не *своеобразие*, не *сила* человеческой сущности признается в моей продукции. Напротив, твоя потребность, твое желание, твоя воля являются таким *связующим началом*, которое делает тебя зависимым от меня, так как они ставят тебя в зависимость от моего продукта. Они ни в какой мере не являются таким *средством*, которое давало бы тебе *власть* над моим продуктом; наоборот, они представляют собой *средство*, дающее мне власть над тобой!

Если я произвожу *сверх* того, что могу сам непосредственно потребить из произведенного мною предмета, то эта моя *сверх*-продукция утонченным образом *рассчитана* на твою потребность. Только по *видимости* я произвожу излишек этого предмета. В действительности я произвожу некоторый *другой* предмет, предмет твоего производства, на который я думаю обменять свой излишек, и этот обмен я мысленно уже совершил. Поэтому и то *общественное* отношение, в котором я нахожусь к тебе, мой труд для твоей потребности является всего лишь *видимостью*, и наше взаимное дополнение друг друга тоже

является всего лишь *видимостью,* в основе которой лежит взаимный грабеж. Подоплекой здесь с необходимостью оказывается намерение ограбить, обмануть; в самом деле, так как наш обмен своекорыстен как с моей, так и с твоей стороны и так как каждая корысть стремится превзойти корысть другого человека, то мы неизбежно стремимся обмануть друг друга. Мера власти моего предмета над твоим предметом, которую я допускаю, нуждается, разумеется, в твоем *признании,* для того чтобы стать действительной властью. Но наше взаимное признание взаимной власти наших предметов есть борьба, а в борьбе побеждает тот, кто обладает большей энергией, силой, прозорливостью или ловкостью. Если достаточна физическая сила, то я прямо граблю тебя. Если царство физической силы сломлено, то мы взаимно стараемся пустить друг другу пыль в глаза, и более ловкий надувает менее ловкого. Кто кого обманет — это для отношения *в целом* случайность. *Идеальное, мысленное* надувательство имеет место с обеих сторон, то есть каждый из нас обоих в своем собственном суждении уже обманул другого.

Итак, обмен с обеих сторон необходимым образом опосредствуется *предметом* производства и владения каждого из обменивающихся лиц. Идеальным отношением к предметам производства каждого из нас является, конечно, потребность каждого из нас. Но *реальным, действительным, истинным,* осуществляющимся на деле отношением оказывается только *взаимно исключающее владение* продуктами каждого из нас. Единственное, что в моих глазах придает твоей потребности в моем предмете *стоимостное значение, достоинство, действенность,* это твой *предмет, эквивалент* моего предмета. Продукт каждого из нас есть, следовательно, *средство, опосредствование, орудие, признанная власть* потребностей каждого из нас друг над другом. Твой *спрос и находящийся в твоем владении эквивалент* — это, стало быть, *равнозначные,* тождественные для меня термины, и твой спрос имеет действенный характер, а потому и *смысл* лишь в том случае, если он имеет смысл и действенный характер по отношению ко мне. Если тебя рассматривать просто как человека, без этого орудия обмена, то твой спрос есть неудовлетворенное стремление с твоей стороны, а для меня пустая фантазия. Следовательно, в качестве человека ты не находишься ни в каком отношении к моему предмету, так как и *я сам* не имею к нему никакого человеческого отношения. Но *средство* есть *истинная власть* над предметом, и поэтому мы обоюдно рассматриваем наш продукт как *силу,* дающую каждому власть над другим и господствующую также и над ним самим, то есть наш собственный продукт встал на дыбы

против нас, он кажется нашей собственностью, а на деле его собственностью являемся мы. Мы сами исключены из *истинной* собственности, так как наша *собственность* исключает другого человека.

Единственно понятный язык, на котором мы говорим друг с другом, — это наши предметы в их отношениях друг к другу. Человеческого языка мы не поняли бы, и он остался бы недейственным; одной стороной он ощущался бы и сознавался бы как просьба, как мольба [XXXIII] и потому как *унижение* и вследствие этого применялся бы с чувством стыда и отверженности, а другой стороной он воспринимался бы и отвергался бы как *бесстыдство* или *сумасбродство*. Мы взаимно до такой степени отчуждены от человеческой сущности, что непосредственный язык этой сущности представляется нам *оскорблением человеческого достоинства*, и, наоборот, отчужденный язык вещных стоимостей представляется чем-то таким, что вполне соответствует законному, уверенному в себе и признающему самое себя человеческому достоинству.

Конечно, в твоих глазах твой продукт является *орудием, средством* для овладения моим продуктом и поэтому для удовлетворения твоей потребности. Но в моих глазах он есть *цель* нашего обмена. Наоборот, ты имеешь в моих глазах значение средства и орудия для производства того предмета, который для меня является целью, а ты, в свою очередь, находишься в таком же отношении к моему предмету. Но 1) каждый из нас действительно *делает* себя тем, чем он является в глазах другого; ты действительно превратил себя в средство, в орудие, в производителя *твоего* собственного предмета для того, чтобы овладеть моим предметом; 2) твой собственный предмет есть для тебя лишь *чувственная оболочка, скрытая форма* моего предмета; ибо твое производство *означает, выражает* стремление *приобрести* мой предмет. Следовательно, на деле ты для самого себя стал *средством, орудием* твоего предмета, *рабом* которого является твое желание, и ты поработал как раб ради того, чтобы предмет твоего желания никогда вновь не оказал тебе милости. Если это взаимное порабощение нас предметом в начале развития и в действительности выступает как отношение *господства* и *рабства*, то это есть лишь *грубое* и *откровенное* выражение нашего *существенного* отношения.

Наша *взаимная* ценность есть для нас *стоимость* имеющихся у каждого из нас предметов. Следовательно, сам человек у нас представляет для другого человека нечто *лишенное ценности*.

Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства *двояким*

образом утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем *производстве* опредмечивал бы мою *индивидуальность*, ее *своеобразие*, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным *проявлением жизни*, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как *предметная, чувственно созерцаемая* и потому *находящаяся вне всяких сомнений* сила. 2) В твоем пользовании моим продуктом или твоем потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена *человеческая* потребность, следовательно, опредмечена *человеческая* сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого *человеческого* существа. 3) Я был бы для тебя *посредником* между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, — и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоем мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твое жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы* и *осуществлял бы* мою истинную сущность, мою *человеческую*, мою *общественную сущность*.

Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность.

Таково было бы положение вещей, при котором с твоей стороны имело бы место то же самое, что имеет место с моей стороны.

Рассмотрим различные моменты, выступающие в нашем предположении.

Мой труд был бы *свободным проявлением жизни* и поэтому *наслаждением жизнью*. При предпосылке частной собственности он является *отчуждением жизни*, ибо я тружусь для того, чтобы *жить*, чтобы добывать себе *средства* к жизни. Мой труд *не есть* моя жизнь.

Во-вторых: в труде я поэтому утверждал бы мою *индивидуальную* жизнь и, следовательно, *собственное своеобразие* моей индивидуальности. Труд был бы моей *истинной, деятельной собственностью*. При предпосылке частной собственности моя индивидуальность отчуждена от меня до такой степени, что эта *деятельность* мне *ненавистна*, что она для меня — *мука* и, скорее, лишь *видимость* деятельности. Поэтому труд является здесь также лишь *вынужденной* деятельностью и возлагается на меня под давлением всего лишь *внешней* случайной нужды, а *не* в силу *внутренней необходимой* потребности.

Мой труд может проявиться в моем предмете только как то, что он собой представляет. Он не может проявиться как то, чего он по своей сущности собой *не* представляет. Поэтому он не проявляется теперь только как предметное, чувственно созерцаемое и вследствие этого находящееся вне всяких сомнений выражение моей *самоутраты* и моего *бессилия*.

3) «Ясно, что каждый человек добавляет к общей массе продуктов, составляющих предложение, совокупность всего того, что он произвел и не намерен потребить сам. В какой бы форме та или иная часть годового продукта ни попала в руки данного человека, если он решает сам ничего из нее не потреблять, то он захочет освободиться от всей этой части продукта; поэтому она целиком идет на увеличение предложения. Если же он сам потребляет часть этого количества продукта, то он хочет освободиться от всего остатка, и весь остаток прибавляется к предложению» (стр. 253). «Так как, следовательно, спрос каждого человека равен той части годового продукта, или, выражаясь иначе, той части богатства, от которой он хочет освободиться, и так как предложение каждого человека представляет собой в точности то же самое, то предложение и спрос каждого индивидуума по необходимости равны. Предложение и спрос находятся в своеобразном соотношении друг с другом. Каждый предлагаемый, выносимый на рынок, продаваемый товар всегда является в то же время *объектом* спроса, а товар, являющийся объектом спроса, всегда составляет в то же время часть общей массы продуктов, образующих предложение. Каждый товар всегда есть *одновременно* предмет спроса и предложения. Когда два человека производят обмен, то один из них приходит не для того, чтобы создать только предложение, а другой — не для того, чтобы создать только спрос; *объект, предмет его предложения* должен доставить ему предмет его спроса, и, следовательно, его спрос и его предложение совершенно равны между собой. Но если предложение и спрос каждого индивидуума всегда равны между собой, то это же относится и к предложению и спросу всех индивидуумов нации, вместе взятых. Поэтому, как бы велика ни была сумма годового продукта, она никогда не может превысить сумму годового спроса. Вся совокупность годового продукта распадается на то или иное число частей, равное числу индивидуумов, между которыми распределен годовой продукт. Вся совокупность спроса равна сумме того, что из всех этих частей их владельцы не удерживают для своего собственного потребления. Но совокупность всех этих частей как раз и равна всему годовому продукту» (стр. 253—255).

Против этого выдвигают то возражение, что «продовольственные или промышленные товары часто оказываются в слишком большом избытке по отношению к спросу. Мы не оспариваем этот факт, но он не опровергает истинности нашего утверждения» (стр. 255).

«Хотя спрос каждого индивидуума, приходящего на рынок, чтобы совершить обмен, равен его предложению, тем не менее может случиться, что он не встретит здесь покупателя такого рода, какого он ищет; может не оказаться никого, кто желает тот предмет, который он хочет обменять. Но ведь совершенно верно и то, что его спрос был равен его предложению, так как он *желал* получить некоторый предмет в обмен на предлагаемый им; так как *деньги* сами являются товаром и никто не хочет иметь деньги с иной целью, как для того чтобы израсходовать их на предметы производительного или непроизводительного потребления» (стр. 256). «Поскольку спрос и предложение каждого индивидуума равны между собой, то если на рынке наличие какого-нибудь товара или жизненного

средства оказывается *выше* спроса, то наличие другого — *ниже* спроса» (там же). Если индивидуальные предложения и спрос уравниваются, то совокупные предложения и спрос всегда равны. «В этом случае избыток какого-нибудь товара не имеет места, как бы ни был велик годовой продукт. Предположим теперь, что это точное соответствие между спросом и предложением частично нарушено, например, что спрос на зерно остается тем же самым, а предложение сукна значительно увеличилось. Тогда оказывается в наличии избыток сукна, потому что спрос на этот товар не увеличился, но зато с необходимостью возникает соответственный дефицит других товаров, так как произведенное дополнительное количество сукна могло быть произведено только одним путем — путем отвлечения некоторого капитала от производства каких-нибудь других товаров и вследствие этого уменьшения произведенного количества их. Но если оказывается, что количество какого-нибудь товара уменьшается, в то время как остается налицо *спрос* на большее количество, то имеет место дефицит этого товара. Поэтому в одной и той же стране один или несколько товаров никогда не могут быть в наличии в количестве, превышающем спрос, без того чтобы один или несколько других товаров не оказались соответственно в количестве меньшем, чем то, на которое имеется спрос» (стр. 256, 257—258).

«Практические последствия недостатка равновесия между спросом и предложением известны. Цена товара, предлагаемого в избытке, падает, а цена дефицитного товара повышается. Падение цены первого товара вскоре, вследствие уменьшения прибыли, отвлекает часть капитала от этого вида производства. Повышение цены товара, оказавшегося в недостатке, привлекает часть капитала в эту отрасль производства. Это движение имеет место до тех пор, пока не выравняются прибыли, т. е. пока не совпадут спрос и предложение» (стр. 258). «Самым сильным доводом, который можно было бы привести в пользу утверждения, что годовой продукт может увеличиваться быстрее, чем потребление, был бы такой случай, когда каждый потреблял бы только предметы первой необходимости и таким образом весь остальной годовой продукт мог бы быть сбережен. Но это невозможный случай, потому что он не совместим, не согласуем с принципами человеческой природы». Тем не менее мы рассмотрим его последствия, чтобы подтвердить наличие равенства между продуктом и спросом на него (стр. 258—259).

«В этом случае часть годового продукта, которая достается каждому индивидууму, — за исключением того, что он потребляет в качестве предметов *первой* необходимости, — была бы употреблена на производство. Весь национальный капитал был бы употреблен на производство сырья и небольшого количества общеупотребляемых товаров, потому что это были бы единственные товары, на которые предъявлялся бы спрос. Так как доля каждого индивидуума в годовом продукте за вычетом того, что он мог бы потребить, употреблялась бы на производство, то она *расходовалась* бы на предметы, служащие для производства сырья и некоторых общеупотребляемых товаров. Но эти предметы сами являются именно сырьем и общеупотребляемыми товарами, а поэтому не только спрос каждого индивидуума целиком заключался бы в этих товарах, но и совокупное предложение также состояло бы из тех же самых товаров. А было доказано, что совокупный спрос равен совокупному предложению, потому что избыток годового продукта над потребленной частью сделался объектом спроса и потому что весь этот избыток стал бы объектом предложения. Таким образом, производство никогда не может увеличиваться слишком быстро по отношению к спросу. Производство является причиной и притом *единственной причиной* спроса. Оно создает предложение, только создавая

спрос, и притом создает их обоих в одно и то же время и равными» (стр. 259—260).

4) «Всякое потребление исходит от индивидуумов или правительства. То, что потребляется правительством, *вместо того чтобы быть потребляемым в качестве капитала и возмещаться в виде продукта,* только потребляется и ничего не производит. Это потребление, однако, является источником той защиты, под которой имеет место всякое производство. Но если бы другие вещи не потреблялись способом, отличным от потребления правительства, то тогда вовсе не было бы продукта».

(То тогда, следовательно, Милль мог бы сказать далее, вовсе не было бы и правительства) (стр. 261—262).

«Государственный доход извлекается из платы за аренду земли, или из земельной ренты, из прибыли на капитал или из заработной платы» (стр. 262). «В какой пропорции и каким способом государственный доход подлежит извлечению из каждого из этих трех источников» (согласно Скарбеку, процент имеет форму: 1) ссудного процента, 2) земельной ренты, 3) арендной платы как особой формы земельной ренты)? «Это единственный интересующий нас здесь вопрос» (стр. 262). Способ извлечения государственного дохода бывает *прямым* или *косвенным.* Мы рассмотрим сначала первый (стр. 262—263).

5) Если государственные расходы покрываются из земельной ренты, то это «не затрагивает промышленности страны. Обработка земли зависит от *капиталиста,* который посвящает себя этому занятию, когда оно приносит ему обычную прибыль на его капитал. Для него безразлично, приходится ли ему уплачивать избыток продукта в форме земельной ренты собственнику земли или в форме налога правительственному сборщику» (стр. 264). Раньше суверен покрывал основную часть своих обычных расходов за счет принадлежавших ему земельных владений (доменов), военные расходы — за счет своих баронов, которым земельные владения предоставлялись только под этим условием. «Таким образом, в то время все правительственные расходы, за небольшим исключением, покрывались за счет земельной ренты» (стр. [264]—265). Поэтому покрытие государственных расходов за счет земельной ренты сопряжено с большой пользой. «Владельцы капиталов извлекали бы прибыль, рабочие получали бы заработную плату без какого-либо вычета, каждый индивидуум применял бы свой капитал наиболее выгодным способом, не будучи вынужденным, вследствие вредного действия налога, переносить свой капитал из какой-либо сферы, весьма производительной для нации, в другую, менее производительную сферу» (стр. 266).

Понятно, что Милль подобно Рикардо протестует против того, чтобы внушить какому-нибудь правительству мысль о том, чтобы сделать земельную ренту единственным источником налогов, так как это было бы пристрастно несправедливым обременением одного особого класса индивидуумов. *Но* — и это важное и коварное «но» — налог на земельную ренту, с точки зрения политэкономической, является единственным не *вредным,* следовательно, единственным, с *политэкономической точки зрения, справедливым налогом.* Единственное опасение, которое выдвигает политическая экономия, скорее заманчивое, чем отпугивающее, состоит в том, что «даже в стране с обычной

плотностью населения и территорией уровень земельной ренты будет превышать потребности правительства». —

«Земельную ренту, как она теперь существует, *покупают* и *продают*, на ней базируются надежды торгующих индивидуумов: следовательно, она должна быть исключена из числа частных налогов», или ей, по меньшей мере, должна быть предоставлена некоторая перспектива на повышение. Торгашеские помыслы людей не посмели бы идти дальше этого. «Предположим теперь, что во власти законодательства, посредством исходящего от него акта и при условии пребывания всех остальных факторов в прежнем состоянии, удвоить размер чистого продукта с земель. В таком случае не было бы правового основания, которое препятствовало бы законодательству воспользоваться этим, но зато имелось бы очень много оснований воспользоваться властью», чтобы «покрывать государственные расходы из этого нового источника и чтобы освободить граждан от всяких иных повинностей на покрытие этих расходов. Такая мера не причинила бы никакой несправедливости земельному собственнику. Его рента в том размере, в каком он ее получал, а по большей части даже в таком размере, в каком он мог рассчитывать получать ее в результате каких-нибудь улучшений в земледелии, осталась бы прежней, а польза для остальных членов общества была бы очень большой» (стр. 268—269).

«Законодательство в действительности обладает предположенной нами властью. Всеми мерами, с помощью которых оно увеличивает численность населения и, следовательно, спрос на жизненные средства, оно увеличивает чистый земледельческий продукт в действительности так же, как если бы это случалось благодаря некоему чудотворному акту. Если же законодательство делает в действительности постепенно то, что в воображении было бы сделано посредством некоей мгновенной прямой операции, то это не изменяет положения дела» (стр. 269—270). «По мере возрастания населения и более или менее производительного применения капитала на земле, все большая доля чистого продукта, приносимого земледелием данной страны, входит в состав земельной ренты, тогда как прибыли на капиталы соответственно уменьшаются. Это непрерывное увеличение земельной ренты, проистекающее из условий, создаваемых *обществом*, а не частным актом земельных собственников, кажется ведет к образованию такого фонда, который в не меньшей степени пригоден для удовлетворения общегосударственных нужд, чем доход с земли в такой стране, в которой никогда не было частной собственности на землю». И собственник, получатель земельной ренты, который сохраняет за собой свой прежний доход, «не в праве жаловаться, если новый источник дохода, который ему ничего не стоит, обращается в фонд, служащий государству» (стр. 270—271).

6) «Прямой налог на *прибыль с капитала* падал бы только на капиталистов и не мог бы быть переложен ни на какую другую часть общества». Впрочем, «стоимость всех вещей осталась бы прежней» (стр. 272—273).

Написано К. Марксом в первой половине 1844 г.

Впервые опубликовано в Marx—Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 3, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке полностью публикуется впервые

* ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИЕ РУКОПИСИ 1844 ГОДА [9]

Написано К. Марксом в апреле—августе 1844 г.

Впервые полностью опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 3, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[XXXIX] [10]

ПРЕДИСЛОВИЕ

В «Deutsch-Französische Jahrbücher» я обещал дать критику науки о праве и государстве в виде критики *гегелевской* философии права [11]. При обработке материалов для печати оказалось, что совмещение критики, направленной только против спекулятивного мышления, с критикой различных предметов самих по себе совершенно нецелесообразно, что оно стесняет ход изложения и затрудняет понимание. Кроме того, обилие и разнородность подлежащих рассмотрению предметов позволили бы втиснуть весь этот материал в *одно* сочинение только при условии совершенно афористического изложения, а такое афористическое изложение, в свою очередь, создавало бы *видимость* произвольного систематизирования. Вот почему критику права, морали, политики и т. д. я дам в ряде отдельных, следующих друг за другом самостоятельных брошюр, а в заключение попытаюсь осветить в особой работе внутреннюю связь целого, взаимоотношение отдельных частей и, наконец, подвергну критике спекулятивную обработку всего этого материала [12]. По этим соображениям в предлагаемой работе связь политической экономии с государством, правом, моралью, гражданской жизнью и т. д. затрагивается лишь постольку, поскольку этих предметов ex professo * касается сама политическая экономия.

Читателя, знакомого с политической экономией, мне незачем уверять в том, что к своим выводам я пришел путем вполне эмпирического анализа, основанного на добросовестном критическом изучении политической экономии.

---

* — специально. *Ред.*

⟨Невежественному же рецензенту *, который, чтобы скрыть свое полное невежество и скудоумие, оглушает положительного критика такими выражениями, как «*утопическая фраза*», «совершенно чистая, совершенно решительная, совершенно критическая критика», «не только правовое, но общественное, вполне общественное общество», «компактная массовая масса», или «ораторствующие ораторы массовой массы», — этому рецензенту [13] надлежит еще сперва представить доказательства того, что помимо своих теологических семейных дел он вправе претендовать на участие в обсуждении также и *мирских* дел.⟩ **

Само собой разумеется, что, кроме французских и английских социалистов, я пользовался трудами также и немецких социалистов [14]. Однако содержательные и *оригинальные* немецкие труды в этой науке сводятся, — не считая сочинений Вейтлинга, — к статьям *Гесса,* помещенным в сборнике «Двадцать один лист» [15], и к *«Наброскам к критике политической экономии» Энгельса,* напечатанным в «Deutsch-Französische Jahrbücher» [16], где я, в свою очередь, в самой общей форме наметил первые элементы предлагаемой работы [17].

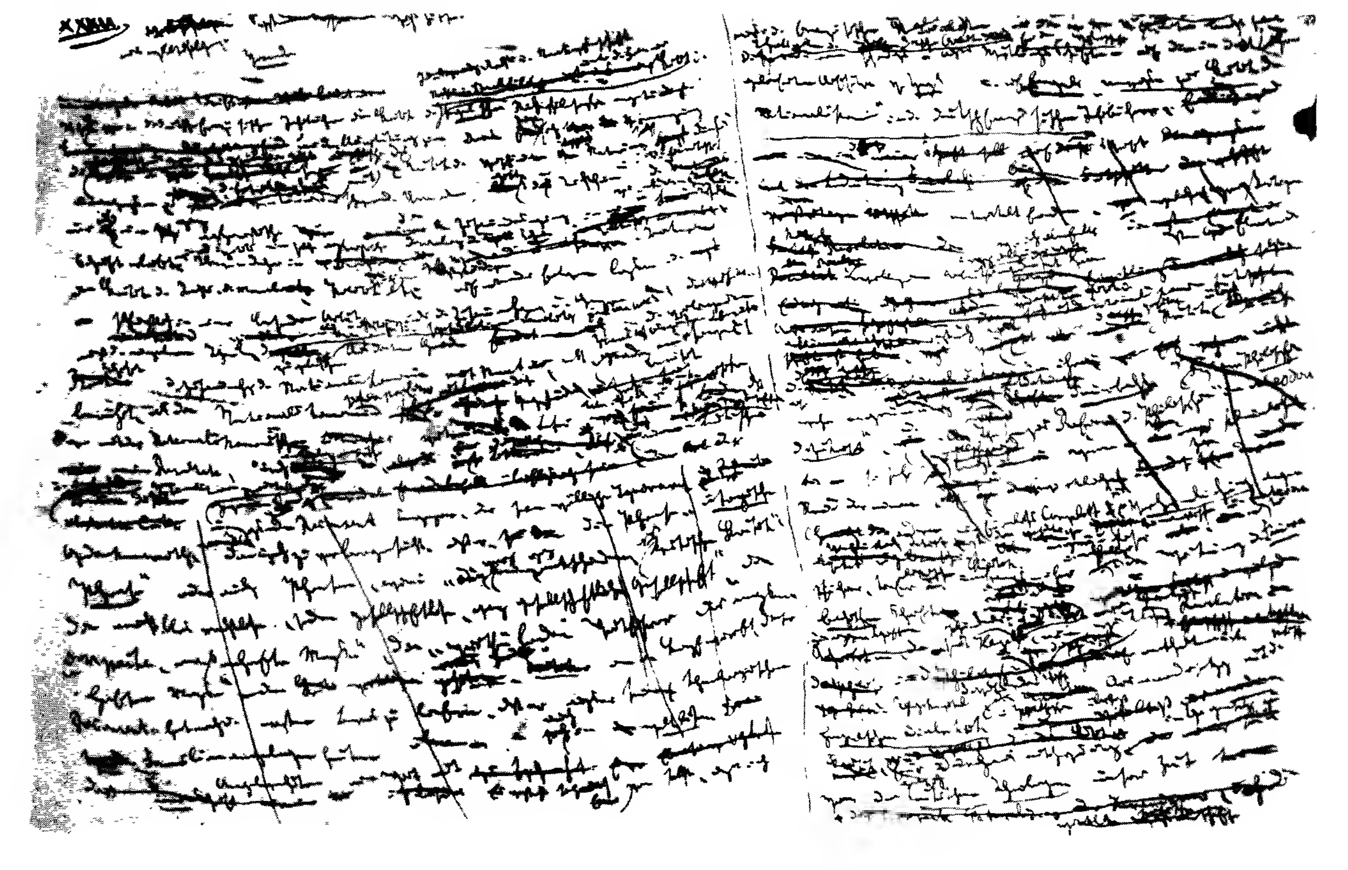
⟨Кроме этих писателей, критически занимавшихся политической экономией, положительная критика вообще, а следовательно и немецкая положительная критика политической экономии, своим подлинным обоснованием обязана открытиям *Фейербаха.* Тем не менее, против его *«Философии будущего»* и напечатанных в «Anekdota» «Тезисов к реформе философии» [18] — несмотря на то, что эти работы молчаливо используются, — был, можно сказать, составлен настоящий заговор *молчания*, порожденный мелочной завистью одних и подлинным гневом других.⟩

Только от *Фейербаха* ведет свое начало *положительная* гуманистическая и натуралистическая критика [19]. Чем меньше шума он поднимает, тем вернее, глубже, шире и прочнее влияние *его* сочинений; после «Феноменологии» и «Логики» Гегеля это — единственные сочинения, которые содержат подлинную теоретическую революцию.

Заключительная глава предлагаемого сочинения — критический разбор *гегелевской диалектики* и философии вообще — представлялась мне совершенно необходимой в противовес *критическому теологу* нашего времени потому, что подобная работа еще не проделана. *Неосновательность* — их неизбежный удел: ведь даже *критический* теолог остается *теологом*, т. е. либо он вынужден исходить из определенных предпосылок

* Имеется в виду Б. Бауэр. *Ред.*

** Абзацы, заключенные в угловые скобки, в рукописи перечеркнуты. *Ред.*

Первая страница предисловия к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» К. Маркса

философии как какого-то непререкаемого авторитета, либо, если в процессе критики и благодаря чужим открытиям в нем зародились сомнения в правильности этих философских предпосылок, он трусливо и неоправданно их покидает, от них *абстрагируется,* причем его раболепие перед этими предпосылками и его досада на это раболепие проявляются теперь только в отрицательной, бессознательной и софистической форме.

⟨Он негативно и бессознательно выражает себя тем, что либо беспрестанно повторяет уверения в *чистоте* своей собственной критики, либо, чтобы отвлечь внимание читателя и свое собственное внимание от *необходимой* полемики *критики* с ее материнским лоном — гегелевской *диалектикой* и немецкой философией вообще, — чтобы уйти от необходимости преодоления современной критикой ее собственной ограниченности и стихийности, более того, он пытается создать такое впечатление, будто критике приходится иметь дело лишь с некоей ограниченной формой критики вне ее — с критикой, остающейся, скажем, на уровне XVIII века, — и с ограниченностью *массы.* И, наконец, когда делаются открытия относительно сущности его собственных философских предпосылок — такие, как открытия *Фейербаха,* — то критический теолог создает видимость, будто сделал эти открытия не кто другой, как *он* сам. Он создает эту видимость будучи неспособным на такие открытия, швыряя, с одной стороны, результаты этих открытий в виде *готовых лозунгов* еще находящимся в плену у философии писателям; с другой стороны, он убеждает себя в том, что по своему уровню он даже возвышается над этими открытиями, с таинственным видом, исподтишка, коварно и скептически оперируя против фейербаховской критики гегелевской *диалектики* теми элементами этой диалектики, которых он еще не находит в этой критике и которые ему еще не преподносятся для использования в критически переработанном виде. Сам он не пытается и не в состоянии привести эти элементы в надлежащую связь с критикой, а просто оперирует ими в той форме, которая *свойственна* гегелевской диалектике. Так, например, он выдвигает категорию опосредствующего доказательства против категории положительной истины, начинающей с самой себя. Ведь теологический критик находит вполне естественным, чтобы философы сами *сделали* все нужное, дабы он мог *болтать* о чистоте и решительности, о совершенно критической критике, и он мнит себя истинно *преодолевшим философию,* когда он, например, *ощущает,* что тот или иной момент Гегеля отсутствует у Фейербаха, — ибо за пределы ощущения

к сознанию теологический критик так и не переходит, несмотря на все свое спиритуалистическое идолослужение «*самосознанию*» и «*духу*».〉

Теологическая критика, которая в начале движения была действительно прогрессивным моментом, при ближайшем рассмотрении оказывается в конечном счете не чем иным, как выродившимся в *теологическую карикатуру* завершением и следствием старой *философской* и в особенности *гегелевской трансцендентности*. В другом месте я подробно покажу эту историческую Немезиду, этот небезынтересный суд истории, которая предназначает теперь теологию, искони являвшуюся гнилым участком философии, к тому, чтобы на себе самой продемонстрировать отрицательный распад философии, т. е. процесс ее гнилостного разложения [20].

〈А в какой мере, напротив, *фейербаховские* открытия относительно сущности философии все еще — по крайней мере для того чтобы *доказать* их — делали необходимым критическое размежевание с философской диалектикой, читатель увидит из самого моего изложения.〉 [XL]

[ПЕРВАЯ РУКОПИСЬ] [21]

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

[I] *Заработная плата* определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста. Объединение капиталистов обычно и эффективно, объединение рабочих запрещено и влечет за собой для них плохие последствия. Кроме того, земельный собственник и денежный капиталист могут присовокупить к своим доходам еще предпринимательскую прибыль, рабочий же к своему промысловому заработку не может присовокупить ни земельной ренты, ни процентов на капитал. Вот почему так сильна конкуренция среди рабочих. Итак, только для рабочего разъединение между капиталом, земельной собственностью и трудом является неизбежным, существенным и пагубным разъединением. Капитал и земельная собственность могут не оставаться в пределах этой абстракции, труд же рабочего не может выйти за эти пределы.

Итак, для рабочего разъединение между капиталом, земельной рентой и трудом смертельно.

Самой низкой и единственно необходимой нормой заработной платы является стоимость существования рабочего во время работы и сверх этого столько, чтобы он мог прокормить семью и чтобы рабочая раса не вымерла. По Смиту, обычная заработная плата есть самый низкий минимум, совместимый с «простой человечностью» [22], т. е. с животным уровнем существования.

Спрос на людей неизбежно регулирует производство людей, как и любого другого товара. Если предложение значительно превышает спрос, то часть рабочих опускается до нищенского уровня или до голодной смерти. Таким образом, существование

рабочего сводится к условиям существования любого другого товара. Рабочий стал товаром, и счастье для него, если ему удается найти покупателя. Спрос же, от которого зависит жизнь рабочего, зависит от прихоти богачей и капиталистов. Если предложение количественно превышает спрос, то одна из составных частей цены (прибыль, земельная рента, заработная плата) выплачивается ниже *цены;* в результате этого соответствующий фактор ценообразования уклоняется от такого применения, и таким путем рыночная цена тяготеет к естественной цене как к некоторому центру. Но, во-первых, рабочему, при значительном разделении труда, труднее всего дать другое направление своему труду, а во-вторых, при подчиненном положении рабочего по отношению к капиталисту, ущерб терпит в первую очередь рабочий.

Итак, при тяготении рыночной цены к естественной цене больше всего и безусловно теряет рабочий. И именно способность капиталиста давать своему капиталу другое направление либо лишает куска хлеба рабочего, ограниченного рамками определенной отрасли труда, либо вынуждает его подчиниться всем требованиям данного капиталиста.

[II] Случайные и внезапные колебания рыночной цены отражаются на земельной ренте меньше, чем на той части цены, которая распадается на прибыль и заработную плату; но и на прибыли они отражаются меньше, чем на заработной плате. В большинстве случаев бывает так, что при повышении заработной платы в каком-нибудь одном месте, в другом она остается *прежней,* а в третьем *падает.*

При выигрыше капиталиста рабочий не обязательно выигрывает, при убытке же капиталиста рабочий обязательно вместе с ним теряет. Так, например, рабочий ничего не выигрывает в тех случаях, когда капиталист — благодаря фабричной или торговой тайне, благодаря монополии или благодаря благоприятному местоположению своего земельного участка — держит рыночную цену выше естественной цены.

Далее: *цены на труд гораздо устойчивее, чем цены на средства к жизни.* Зачастую те и другие находятся в обратном отношении друг к другу. В год дороговизны заработная плата падает вследствие сокращения спроса на труд и повышается вследствие роста цен на средства к жизни. Таким образом, одно уравновешивает другое. Во всяком случае некоторая часть рабочих лишается куска хлеба. В годы дешевизны заработная плата повышается вследствие повышения спроса на труд и падает вследствие падения цен на средства к жизни. Таким образом, одно уравновешивается другим.

Другая невыгодная сторона для рабочего:

Разница в ценах на труд рабочих разных профессий гораздо больше, чем разница в прибылях в разных отраслях приложения капитала. В труде обнаруживается все природное, духовное и социальное различие индивидуальной деятельности и поэтому труд вознаграждается различно, тогда как мертвый капитал всегда шествует одной и той же поступью и равнодушен к *действительным* особенностям индивидуальной деятельности.

Вообще следует заметить, что там, где рабочий и капиталист одинаково терпят ущерб, у рабочего страдает самое его существование, у капиталиста же — лишь барыши его мертвой маммоны.

Рабочему приходится бороться не только за физические средства к жизни, но и за получение работы, т. е. за возможность осуществления своей деятельности, за средства к этому осуществлению своей деятельности.

Возьмем три основных состояния, в которых может находиться общество, и рассмотрим в них положение рабочего.

1) Если богатство общества приходит в упадок, то больше всех страдает рабочий. Ибо, хотя в счастливом состоянии общества рабочий класс не может выиграть столько, сколько выигрывает класс собственников, «*ни один класс не страдает так жестоко, как класс рабочих, от упадка общественного благосостояния*»[23].

[III] 2) Теперь возьмем такое общество, в котором богатство прогрессирует. Это — единственное состояние, благоприятное для рабочего. Здесь среди капиталистов начинается конкуренция. Спрос на рабочих превышает их предложение.

Но, *во-первых:* повышение заработной платы приводит к тому, что рабочие *надрываются за работой.* Чем больше они хотят заработать, тем большим временем вынуждены они жертвовать и, совершенно отказываясь от какой бы то ни было свободы, рабски трудиться на службе у алчности. Тем самым они сокращают продолжительность своей жизни. Это сокращение продолжительности жизни рабочих является благоприятным обстоятельством для рабочего класса в целом, так как благодаря ему непрестанно возникает новый спрос на труд. Этот класс всегда вынужден жертвовать некоторой частью самого себя, чтобы не погибнуть целиком.

Далее: Когда общество находится в процессе прогрессирующего обогащения? При росте капиталов и доходов в стране. Но

α) это возможно лишь благодаря накоплению большого количества труда, ибо капитал есть накопленный труд; следо-

вательно, это возможно лишь благодаря тому, что у рабочего отнимается все больше и больше продуктов его труда, что его собственный труд все в большей и большей степени противостоит ему как чужая собственность, а средства его существования и его деятельности все в большей и большей степени концентрируются в руках капиталиста;

β) накопление капитала усиливает разделение труда, а разделение труда увеличивает количество рабочих; и наоборот — увеличение количества рабочих усиливает разделение труда, так же как разделение труда увеличивает накопление капиталов. По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей. Вместе с тем в результате количественного увеличения [IV] класса людей, живущих только трудом, усиливается конкуренция среди рабочих, и, следовательно, снижается их цена. В фабричной системе это положение рабочего достигает своей высшей точки;

γ) в обществе, благосостояние которого возрастает, только самые богатые могут жить на проценты со своих денег. Все прочие вынуждены с помощью своего капитала заниматься каким-нибудь промыслом или вкладывать свой капитал в торговлю. Благодаря этому растет конкуренция между капиталами, концентрация капиталов возрастает, крупные капиталисты разоряют мелких, и некоторая часть бывших капиталистов переходит в класс рабочих, который вследствие такого прироста частично опять претерпевает снижение заработной платы и попадает в еще большую зависимость от немногих крупных капиталистов. С уменьшением количества капиталистов их конкуренция в погоне за рабочими сходит почти на нет; что же касается рабочих, то по мере роста количества рабочих конкуренция между ними становится все сильнее, противоестественнее и принудительнее. В силу этого часть рабочей массы опускается до нищенства или до состояния погибающих от голода так же неизбежно, как неизбежно часть средних капиталистов опускается до положения рабочих.

Итак, даже при наиболее благоприятном для рабочего состоянии общества для рабочего неизбежны надрыв в процессе работы

и ранняя смерть, принижение рабочего до роли машины, до роли раба капитала, накопление которого противостоит ему как нечто для него опасное, новая конкуренция, голодная смерть или нищенство части рабочих.

[V] Повышение заработной платы порождает в рабочем капиталистическую жажду обогащения, но утолить эту жажду он может лишь путем принесения в жертву своего духа и тела. Повышение заработной платы имеет предпосылкой и следствием накопление капитала; поэтому продукт труда противостоит рабочему как нечто все более и более чуждое. Точно так же и разделение труда делает рабочего все более и более односторонним и зависимым; оно порождает конкуренцию не только людей, но и машин. Так как рабочий низведен до роли машины, то машина может противостоять ему в качестве конкурента. И, наконец, подобно тому как накопление капитала приводит к количественному росту промышленности, а следовательно и рабочих, так благодаря этому накоплению одно и то же количество труда производит *большее количество продукта:* получается перепроизводство и дело кончается либо тем, что значительная часть рабочих лишается работы, либо тем, что их заработная плата падает до самого жалкого минимума.

Таковы последствия наиболее благоприятного для рабочего состояния общества — а именно состояния *растущего, прогрессирующего* богатства.

Но в конце концов это растущее состояние должно когда-нибудь достигнуть своей высшей точки. Каково же тогда будет положение рабочего?

3) «В стране, которая достигла наибольшего благосостояния, и то и другое — и заработная плата и процент на капитал — были бы очень низки. Конкуренция между рабочими в поисках работы была бы столь велика, что заработная плата свелась бы к тому, чего достаточно для содержания данного количества рабочих, а так как страна к этому времени была бы уже достаточно заселена, то это количество не могло бы увеличиваться»[24].

Что сверх этого количества, было бы обречено на умирание.

Итак, при движении общества по наклонной плоскости вниз — прогрессирующая нищета рабочего; при прогрессе общественного благосостояния — особый, сложный вид нищеты; в обществе, достигшем наибольшего благосостояния, — постоянная нищета.

[VI] Но так как, по Смиту, общество не бывает счастливо там, где большинство страдает, — а между тем даже наиболее богатое состояние общества ведет к такому страданию большинства, — и так как политическая экономия (вообще общество,

в котором господствует частный интерес) ведет к этому наиболее богатому состоянию, то выходит, следовательно, что целью политической экономии является *несчастье* общества.

По поводу отношения между рабочим и капиталистом следует еще заметить, что повышение заработной платы более чем компенсируется для капиталиста сокращением общего количества рабочего времени и что повышение заработной платы и увеличение процента на капитал влияют на цену товаров: первое — как простой процент, второе — как сложный процент [25].

Теперь станем целиком на точку зрения политэконома и сопоставим, следуя ему, теоретические и практические притязания рабочих.

Политэконом говорит нам, что первоначально и в соответствии с теорией *весь продукт* труда принадлежит рабочему. Но одновременно с этим он говорит, что в действительности рабочему достается самая малая доля продукта — то, без чего абсолютно нельзя обойтись: лишь столько, сколько необходимо, чтобы он существовал — не как человек, а как рабочий — и плодил не род человеческий, а класс рабов — рабочих.

Политэконом говорит нам, что все покупается на труд и что капитал есть не что иное, как накопленный труд; однако одновременно с этим он говорит, что рабочий не только не может купить всего, но вынужден продавать самого себя и свое человеческое достоинство.

В то время как земельная рента бездеятельного землевладельца в большинстве случаев составляет третью часть продукта земли, а прибыль деятельного капиталиста даже вдвое превышает процент с денег, на долю рабочего приходится в лучшем случае столько, что при наличии у него четырех детей двое из них обречены на голодную смерть.

|VII| [26] Если, согласно политэкономам, труд есть то единственное, посредством чего человек увеличивает стоимость продуктов природы, а работа человека есть его деятельная собственность, то, согласно той же политической экономии, земельный собственник и капиталист, которые в качестве земельного собственника и капиталиста являются всего лишь привилегированными и праздными богами, всюду одерживают верх над рабочим и диктуют ему законы.

По словам политэкономов, труд есть единственная неизменная цена вещей; и в то же время нет ничего более подверженного случайностям и ничто другое не претерпевает больших колебаний, чем цена на труд.

Разделение труда увеличивает производительную силу труда, богатство и утонченность общества, и в то же время оно низводит

рабочего до уровня машины. Труд вызывает накопление капиталов и тем самым рост общественного благосостояния, и в то же время он делает рабочего все более и более зависимым от капиталиста, усиливает конкуренцию среди рабочих, втягивает рабочего в лихорадочную гонку перепроизводства, за которым наступает такой же спад производства.

Согласно политэкономам, интерес рабочего никогда не противостоит интересу общества, тогда как в действительности общество всегда и непременно противостоит интересу рабочего.

По словам политэкономов, интересы рабочих никогда не противостоят интересам общества 1) потому, что повышение заработной платы более чем компенсируется сокращением рабочего времени, наряду с прочими выше охарактеризованными последствиями, и 2) потому, что в отношении общества весь валовой продукт есть чистый продукт и только в отношении частных лиц имеет значение выделение чистого продукта.

А что сам труд — не только при нынешних его условиях, но и вообще постольку, поскольку его целью является лишь увеличение богатства, — оказывается вредным, пагубным, это вытекает из собственных рассуждений политэкономов, хотя они этого и не замечают.

В соответствии с теорией, земельная рента и прибыль на капитал суть *вычеты* из заработной платы. В действительности же заработная плата есть допускаемый землей и капиталом вычет на долю рабочего, уступка продукта труда рабочему, труду.

При упадочном состоянии общества больше всех страдает рабочий. Специфической тяжестью испытываемого им гнета он обязан своему положению как рабочего, но гнетом вообще он обязан данному состоянию общества.

А при прогрессирующем состоянии общества гибель и обнищание рабочего есть продукт его труда и произведенного им богатства. Иными словами, нищета вытекает из *сущности* самого нынешнего труда.

Наиболее богатое состояние общества, этот идеал, который все же приблизительно достигается и который по меньшей мере является целью как политической экономии, так и гражданского общества, означает *постоянную нищету* для рабочих.

Само собой разумеется, что *пролетария*, т. е. того, кто, не обладая ни капиталом, ни земельной рентой, живет исключительно трудом, и притом односторонним, абстрактным трудом, политическая экономия рассматривает только как *рабочего*. В силу этого она может выставить положение, что рабочий,

точно так же как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать. Она не рассматривает его в безработное для него время, не рассматривает его как человека; это она предоставляет уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими.

Поднимемся теперь над уровнем политической экономии и поищем в изложенных выше, переданных чуть ли не собственными словами политэкономов положениях ответа на два вопроса:

1) Какой смысл в ходе развития человечества имеет это сведение большей части человечества к абстрактному труду?

2) Какие ошибки совершают реформаторы en détail *, которые либо хотят *повысить* заработную плату и этим улучшить положение рабочего класса, либо (подобно Прудону) усматривают цель социальной революции в *уравнении* заработной платы?

Труд фигурирует в политической экономии лишь в виде *деятельности для заработка*.

[VIII] «Можно утверждать, что занятия, которые требуют специфических способностей или более продолжительной предварительной к ним подготовки, в общем стали доходнее; а соответственная заработная плата за механически однообразную деятельность, к которой быстро и легко может приспособиться каждый, при росте конкуренции пала и неизбежно должна была пасть. Но именно *этот* вид труда — при нынешнем состоянии его организации — наиболее распространен. Таким образом, если рабочий первой категории зарабатывает теперь в 7 раз больше, а рабочий второй категории столько же, сколько 50 лет тому назад, то *в среднем* оба зарабатывают, конечно, в 4 раза больше прежнего. Однако если в какой-нибудь стране к первой трудовой категории принадлежит только 1 000, ко второй же — миллион людей, то 999 000 человек живут не лучше, чем им жилось 50 лет тому назад, а если одновременно с этим цены на предметы первой необходимости возросли, то им живется *хуже* прежнего. И с помощью такого рода поверхностных *средних исчислений* хотят обмануть себя насчет самого многочисленного класса населения. Кроме того, величина *заработной платы* — это лишь один из моментов при оценке *дохода рабочего*, так как для измерения этого дохода существенное значение имеет еще обеспеченная *длительность* получения им дохода, а об этом не может быть и речи при анархии так называемой свободной конкуренции с ее постоянными колебаниями и периодами застоя. И, наконец, не следует упускать из виду и разницы в обычной продолжительности *рабочего дня* тогда и сейчас. За последние 25 лет, т. е. как раз со времени введения сберегающих труд машин в хлопчатобумажной промышленности, рабочий день английских рабочих этой отрасли промышленности увеличился в результате погони предпринимателей за наживой [IX] до 12—16 часов, а удлинение рабочего дня в одной стране и в одной отрасли промышленности должно было — при всюду еще признаваемом праве неограниченной эксплуатации бедных

---

* — по мелочам. *Ред.*

богатыми — в большей или меньшей мере сказаться и в других местах» (*Schulz*. «Bewegung der Production», p. 65 [27]).

«Однако даже если бы утверждение, что средний доход *всех* классов общества возрос, было настолько же верным, насколько оно в действительности является ошибочным, то все же могли бы увеличиться различия и *относительное* отставание одних доходов от других и в результате этого могла бы резче выступить противоположность между богатством и бедностью. Ибо именно *в силу того,* что вся продукция возрастает, и в меру ее роста растут и потребности, вожделения и притязания, а следовательно может возрастать *относительная* бедность, в то время как *абсолютная* бедность уменьшается. Самоед, потребляющий тюлений жир и прогорклую рыбу, не беден, потому что в его замкнутом обществе у всех имеются одинаковые потребности. Но в *прогрессирующем государстве,* где за какой-нибудь десяток лет совокупная продукция пропорционально к численности населения увеличилась на одну треть, рабочий, зарабатывающий столько же, как и 10 лет тому назад, не остался на прежнем уровне благосостояния, а сделался беднее на одну треть» (ibid., p. 65—66).

Однако политическая экономия видит в рабочем лишь рабочее животное, скотину, потребности которой сведены к самым необходимым физическим потребностям.

«Чтобы народ развивался свободнее в духовном отношении, он не должен быть больше рабом своих физических потребностей, крепостным своего тела. Ему необходимо, следовательно, иметь прежде всего *досуг* для духовной деятельности и духовных наслаждений. Прогресс в деле организации труда дает возможность выкроить для этого время. Ведь в наши дни, при новых двигателях и усовершенствованных машинах, один рабочий хлопчатобумажной фабрики нередко выполняет работу, для которой раньше требовалось 100 и даже 250—350 рабочих. Аналогичные результаты имеются во всех отраслях производства, потому что к участию в человеческом труде все в большей и большей мере привлекаются внешние силы природы. [X] Если затрата времени и человеческой силы, необходимая для удовлетворения некоторого количества материальных потребностей, уменьшилась вдвое, то одновременно с этим, без ущерба для физического благосостояния, в той же мере увеличился досуг для духовной деятельности и духовного наслаждения. Но и в отношении распределения добычи, отвоевываемой нами у старого Кроноса даже в его собственнейшей области, по-прежнему все зависит от слепого несправедливого случая. Во Франции вычислили, что при нынешнем состоянии производства для удовлетворения всех материальных запросов общества было бы достаточно, чтобы каждый работоспособный человек работал в среднем пять часов в день... Несмотря на экономию времени, достигаемую совершенствованием машин, продолжительность рабского труда на фабриках для многочисленного населения лишь возросла» (ibid., p. 67—68).

«Переход от сложного ручного труда предполагает разложение его на простые операции. Но на первых порах только *часть* единообразно повторяемых операций возлагается на машины, другая же часть — на людей. Согласно природе вещей и на основании единодушного опыта можно считать несомненным, что такая постоянно однообразная деятельность столь же вредна для духа, как и для тела. Поэтому при таком *сочетании* машинной работы с простым разделением труда между большим количеством человеческих рук должны выявиться также и все отрицательные стороны этого разделения. В числе прочего показателем пагубности такого разделения труда служит рост смертности среди фабричных

рабочих... [XI] Это огромное различие между работой человека *с помощью* машины и его работой *в качестве* машины... не было принято во внимание» (ibid., p. 69).

«Но в будущей жизни народов действующие в машинах слепые силы природы станут нашими рабами и крепостными» (ibid., p. 74).

«На английских прядильных фабриках работает лишь 158 818 мужчин и 196 818 женщин. На каждые 100 рабочих хлопчатобумажных фабрик Ланкастерского графства приходится 103 работницы, а в Шотландии даже 209. На английских льнопрядильных фабриках Лидса на 100 рабочих-мужчин приходилось 147 женщин-работниц; в Данди и на восточном побережье Шотландии даже 280. На английских шелкопрядильных фабриках много работниц; на шерстяных фабриках, где требуется большая физическая сила, преобладают мужчины. На североамериканских хлопчатобумажных фабриках в 1833 г. наряду с 18 593 мужчинами работало не меньше 38 927 женщин. Таким образом, благодаря изменениям в организации труда круг трудовой деятельности женщин расширился... Экономически женщина стала самостоятельнее... Мужской и женский пол приблизились друг к другу в социальном отношении» (ibid., p. 71—72).

«На английских прядильнях с паровыми и водяными двигателями в 1835 г. работало 20 558 детей в возрасте 8—12 лет, 35 867 в возрасте 12—13 и, наконец, 108 208 в возрасте 13—18 лет... Правда, дальнейшие успехи механизации, все в большей мере освобождающие человека от однообразных трудовых операций, действуют в направлении к постепенному устранению [XII] этого зла. Однако быстрым успехам механизации мешает как раз то обстоятельство, что капиталисты имеют возможность эксплуатировать — вплоть до изнашивания — рабочую силу низших классов, даже их детворы, и это для них легче и обходится им дешевле, чем использование ресурсов механики» (*Schulz*. «Bewegung der Production», p. 70—71).

«Лорд Брум бросает рабочим клич: «Станьте капиталистами!»... Беда в том, что миллионы людей могут добыть себе скудные средства к жизни лишь путем напряженной работы, разрушающей организм, калечащей человека в нравственном и умственном отношении, и что им приходится считать за счастье получение даже *такой*, гибельной для них, работы» (ibid., p. 60).

«Итак, чтобы жить, люди, не имеющие собственности, вынуждены прямо или косвенно поступать *на службу* к собственникам, т. е. ставить себя в зависимость от них» (*Pecqueur*. «Théorie nouvelle d'économie soc. etc.», p. 409 [28]).

«*Домашние слуги* — на *жалованье;* у *рабочих* — *заработная плата;* у *служащих* — *оклад*, или *содержание*» (ibid., p. 409—410).

«Сдавать внаем свой труд», «ссужать свой труд под проценты», «работать вместо другого», с одной стороны.

«Сдавать внаем объект труда», «ссужать объект труда под проценты», «заставлять другого работать вместо себя», с другой стороны (ibid., [p. 411]).

[XIII] «Этот экономический строй обрекает людей на занятия столь отвратительные, на деградацию столь безотрадную и горькую, что быт дикарей по сравнению с этим кажется царской жизнью» (l. c., p. 417—418).

«Продажа собственного тела неимущими во всевозможных ее формах» (p. 421—[422]). Собиратели старого тряпья.

Ч. Лаудон в книге «Разрешение проблемы народонаселения и т. д.», Париж, 1842 [29], исчисляет количество проституток

в Англии в 60—70 тысяч. Столь же велико количество «женщин сомнительной нравственности» (р. 228).

«Средняя продолжительность жизни этих несчастных бездомных созданий с момента их вступления на путь порока — примерно 6—7 лет. Таким образом, чтобы количество проституток держалось на уровне 60—70 тысяч, в Соединенном королевстве этому гнусному ремеслу ежегодно должны посвящать себя не менее 8—9 тысяч новых женщин, примерно по 24 новых жертвы изо дня в день, или в среднем по *одной* в час; если та же пропорция имеет место на всем земном шаре, то общее количество этих несчастных должно постоянно держаться на уровне 1,5 миллиона» (ibid., р. 229).

«Нищее народонаселение растет одновременно с ростом его нищеты; на крайней ступени обнищания человеческие существа теснятся в наибольшем количестве, оспаривая друг у друга право страдать... В 1821 г. население Ирландии исчислялось в 6 801 827 человек. В 1831 г. оно возросло до 7 764 010 человек, т. е. увеличилось на 14% за 10 лет. В Лейнстере, провинции наиболее зажиточной, население увеличилось лишь на 8%, тогда как в Конноте, провинции наиболее нищенской, прирост населения достиг 21% («Extraits des Enquêtes publiées en Angleterre sur l'Irlande». Vienne, 1840)». (*Buret*. «De la misère etc.», t. I, p. [36]—37 [30]).

Политическая экономия рассматривает труд абстрактно, как вещь; «труд есть товар»; если цена высока, значит спрос на товар очень велик; если цена низка, значит предложение очень велико; «цены на труд как на товар должны все больше и больше падать»; к этому вынуждает частью конкуренция между капиталистом и рабочим, частью конкуренция среди рабочих.

«Рабочее население, продающее труд, силой вещей вынуждено довольствоваться самой ничтожной долей продукта... Теория труда-товара, разве это не теория замаскированного рабства?» (l. c., p. 43). «Почему же в труде усмотрели лишь меновую стоимость?» (ib., p. 44). «Крупные предприятия покупают преимущественно труд женщин и детей, потому что он обходится дешевле труда мужчин» (l. c.). «Положение рабочего перед лицом того, кто использует его труд, не есть положение *свободного продавца*... Капиталист всегда волен использовать труд, рабочий же всегда вынужден его продавать. Стоимость труда совершенно уничтожается, если он не продается каждое мгновение. Труд не поддается ни накоплению, ни даже сбережению — в отличие от подлинных товаров. [XIV] Труд — это жизнь, а жизнь, если ее не обменивать ежедневно на пищу, чахнет и скоро гибнет. Для того чтобы жизнь человека была товаром, надо, следовательно, допустить рабство» (l. c., p. 49—50).

Таким образом, если труд есть товар, то это — товар с самыми злосчастными свойствами. Но, даже согласно основным положениям политической экономии, труд не есть товар, так как он не является *свободным «результатом свободной рыночной сделки»* [l. c., p. 50]. Существующий экономический строй

«понижает одновременно и цену и вознаграждение за труд, он совершенствует рабочего и унижает человека» (l. c., p. 52—53). «Промышленность стала войной, а торговля — игрой» (l. c., p. 62).

«Одни только машины, перерабатывающие хлопок, выполняют (в Англии) работу 84 000 000 работников ручного труда» [l. c., p. 193, note].

До сих пор промышленность находилась в состоянии завоевательной войны

«она расточала жизнь людей, образующих ее армию, столь же хладнокровно, как и великие завоеватели. Целью ее было обладание богатством, а не счастье людей» (*Buret*. L. c., p. 20). «Эти интересы» (т. е. интересы экономические), «будучи свободно предоставлены самим себе... неизбежно должны столкнуться друг с другом; у них нет иного арбитра, кроме войны, а приговоры, выносимые войной, обрекают одних на поражение и смерть, чтобы обеспечить другим победу... Наука ищет порядка и равновесия в столкновении противоположных сил: *непрерывная война* есть, по ее мнению, единственный способ добиться мира; эта война называется конкуренцией» (l. c., p. 23).

«Чтобы успешно вести промышленную войну, нужны многочисленные армии, которые можно было бы сосредоточить в одном пункте и бросить в бой, не считаясь с потерями. Солдаты этой армии выносят возлагаемые на них тяготы не из чувства преданности или долга; они делают это лишь для того, чтобы уйти от неизбежно грозящего им голода. Ни привязанности, ни признательности к своим командирам у них нет. Командиры эти не питают к своим подчиненным никаких благожелательных чувств; для них они подчиненные — не люди, а лишь орудия производства, которые должны приносить как можно больше дохода с возможно меньшими издержками. Эти скопления рабочих, все более и более теснимые, не имеют даже уверенности в том, что их всегда будут использовать; промышленность, собравшая их вместе, дает им жить лишь тогда, когда она в них нуждается; а как только она может обойтись без них, она, не задумываясь, предоставляет их собственной участи; и рабочие вынуждены предлагать свою личность и свою силу по той цене, которую им готовы дать. Чем продолжительнее, мучительнее и отвратительнее возлагаемая на них работа, тем хуже она оплачивается; иной раз видишь рабочих, которые, работая с непрерывным напряжением по 16 часов в сутки, едва покупают себе этим право не умереть с голоду» (l. c., p. [68]—69).

[XV] «Мы убеждены — и это наше убеждение разделяют уполномоченные по обследованию условий жизни ручных ткачей, — что крупные промышленные города растеряли бы в короткий срок свое рабочее население, если бы из соседних деревень не было бы непрерывного притока здоровых людей, свежей крови» (l. c., p. 362).

ПРИБЫЛЬ НА КАПИТАЛ *

1) КАПИТАЛ

[I] 1) На чем зиждется *капитал,* т. е. частная собственность на продукты чужого труда?

«Если даже капитал не восходит к грабежу или мошенничеству, то все же необходима помощь законодательства, чтобы освятить наследование» (*Say*. T. I, p. 136, note [31]).

Как человек становится собственником производительных фондов? Как он становится собственником продуктов, производимых с помощью этих фондов?

На основании *положительного права* (*Say*. T. II, p. 4).

Что приобретают люди вместе с капиталом, например, с наследованием крупного состояния?

«Человек, наследующий крупное состояние, непосредственно не приобретает тем самым политической власти. Обладание этим состоянием дает ему прямо и непосредственно лишь *возможность покупать,* распоряжаться всем трудом или всем продуктом труда, имеющимся в данное время на рынке» (*Smith*. T. I, p. 61) [Русский перевод, стр. 38—39].

Итак, капитал есть *командная власть* над трудом и его продуктами. Капиталист обладает этой властью не благодаря своим личным или человеческим свойствам, а лишь как *собственник* капитала. Его сила есть *покупательная* сила его капитала, против которой ничто не может устоять.

В дальнейшем мы увидим, во-первых, как капиталист с помощью своего капитала осуществляет свою командную власть над трудом, а затем мы увидим и командную власть капитала над самим капиталистом.

* В оригинале эта категория обозначается разными терминами: Profit des Kapitals, Gewinn der Kapitalien, Gewinn des Kapitals, Gewinn и др. *Ред.*

Что такое капитал?

«Определенное количество *накопленного* и отложенного про запас *труда*» (*Smith*. Т. II, р. 312) [Русский перевод, стр. 244].

Капитал есть *накопленный труд*.

2) *Фондом* [*fonds*, stock] является любое накопление продуктов земли и промышленного труда. Фонд именуется *капиталом* лишь в том случае, если он приносит своему владельцу доход, или прибыль (*Smith*. Т. II, р. 191) [32].

2) ПРИБЫЛЬ НА КАПИТАЛ

«*Прибыль на капитал* совершенно отлична от *заработной платы*. Различие между ними проявляется двояким образом: во-первых, прибыль на капитал определяется всецело стоимостью вложенного капитала, хотя труд по надзору и управлению при различных капиталах может быть одинаков. Вдобавок к этому, на крупных фабриках весь этот труд доверен главному приказчику, чей оклад отнюдь не пропорционален [II] тому капиталу, за функционированием которого он следит». Несмотря на то, что в данном случае труд собственника сводится почти к нулю, собственник требует себе прибыли в соответствии с величиной своего капитала (*Smith*. Т. I, р. 97—99) [Русский перевод, стр. 51].

На каком основании капиталист требует соблюдения такой пропорции между прибылью и капиталом?

«Для него не представляло бы *интереса* использовать рабочих, если бы от продажи их изделий он не ожидал получить больше того, что необходимо для возмещения фондов», авансированных им на заработную плату; точно так же он не был бы *заинтересован* затрачивать больший капитал, а не меньший, если бы его прибыль не была прямо пропорциональна размеру вложенного капитала ([*Smith*]. Т. I, р. 96—97) [Русский перевод, стр. 51].

Итак, капиталист соотносит прибыль, во-первых, с заработной платой, а во-вторых, с авансированным сырьем.

Каково же соотношение между прибылью и капиталом?

Если уже трудно определить обычную среднюю норму заработной платы в данном месте и в данное время, то еще труднее определить среднюю прибыль на капитал. Изменения в ценах товаров, с которыми имеет дело капитал, удача или неудача его соперников и клиентов, тысячи других случайностей, которым подвержены товары как при перевозке, так и на складах, — все это обусловливает ежедневные, чуть ли не ежечасные изменения в прибыли (*Smith*. Т. I, р. 179—180) [Русский перевод, стр. 80]. При всей невозможности с точностью определить размеры прибылей на капиталы, представление о них можно себе все же составить на основании *денежного процента*. Если, имея деньги, можно путем их применения получить большую прибыль, то за право пользования ими выплачиваются большие проценты; если же прибыль невелика, то и процент бывает невелик (*Smith*. Т. I, р. 181) [Русский

перевод, стр. 80]. «Пропорция, обязательно соблюдаемая между обычной нормой процента и нормой чистой прибыли, неизбежно меняется с возрастанием или падением прибыли. В Великобритании исчисляют в двойном размере по сравнению с процентом то, что торговые люди именуют *подходящей, умеренной, приемлемой прибылью,* все эти выражения означают лишь одно, что это — *средняя, обычная прибыль»* (*Smith.* T. I, p. 198) [Русский перевод, стр. 86].

Какова *самая низкая* норма прибыли? Какова *самая высокая?*

«*Самая низкая норма* обычной прибыли на капитал всегда должна быть *несколько выше* того, что необходимо для возмещения случайных потерь, которым подвержено любое применение капитала. Этот излишек и есть собственно прибыль, или чистый доход». Точно так же обстоит дело и с самой низкой нормой процента (*Smith.* T. I, p. 196) [Русский перевод, стр. 85].

[III] «*Самая высокая* обычная *норма* прибыли может быть такова, что ею поглощается та часть цены большинства товаров, которая должна была бы *приходиться на долю земельной ренты,* оставляя при этом лишь столько, сколько необходимо для оплаты труда по производству и доставке товаров на рынок, причем оплаты по *самой низкой цене,* при которой труд может быть куплен где-либо и которая едва достаточна для существования рабочего. Пока рабочего используют на работе, его так или иначе надо кормить; земельному собственнику не всегда может перепадать что-то». Пример: в Бенгалии агенты Ост-Индской торговой компании (*Smith.* T. I, p. [197]—198) [Русский перевод, стр. 86].

Кроме всех выгод незначительной конкуренции, которые капиталист вправе *использовать* в данном случае, он может, не нарушая благопристойности, держать рыночную цену выше уровня естественной цены:

Во-первых, с помощью *торговой тайны,* когда рынок очень удален от тех, кто сбывает на нем свои товары; в этом случае можно держать в тайне имевшее место изменение цен — их повышение выше естественного уровня. Это соблюдение тайны ведет к тому, что другие капиталисты не бросают своих капиталов в данную отрасль.

Затем, с помощью *фабричной тайны,* дающей возможность капиталисту при меньших издержках производства поставлять свой товар по той же цене или даже дешевле своих конкурентов, получая при этом большую прибыль. — (Обман с помощью соблюдения тайны не безнравственен? Биржевая торговля.) — *Далее:* там, где производство связано с определенной местностью (например, ценные вина) и никогда не может удовлетворить *эффективный спрос. И наконец:* в результате *монополий* отдельных лиц и компаний. Монопольная цена достигает пределов возможного (*Smith.* T. I, p. 120—124) [Русский перевод, стр. 59—61].

Другие случайные причины, могущие повысить прибыль на капитал:

приобретение новых территорий или появление новых отраслей торговли нередко даже в богатой стране увеличивает прибыль на капитал, поскольку это отвлекает часть капиталов из старых отраслей торговли, смягчает конкуренцию, уменьшает количество выбрасываемых на рынок товаров, цены которых в результате этого повышаются; торгующие

этими товарами могут в таком случае оплачивать денежные ссуды более высокими процентами (*Smith*. T. I, p. 190) [Русский перевод, стр. 83—84].

«Чем большей обработке подвергается товар, тем больше возрастает та часть цены, которая распадается на заработную плату и прибыль, по сравнению с той ее частью, которая составляет земельную ренту. С развитием обрабатывающей промышленности не только увеличивается последовательный ряд прибылей, но и каждая последующая прибыль становится больше прибыли, полученной на предыдущей стадии, потому что капитал, [IV] с которого она получается, становится необходимым образом все больше. Капитал, занимающий ткачей, всегда должен быть больше капитала, занимающего прядильщиков, потому что он не только замещает этот последний капитал с его прибылями, но кроме того выплачивает еще заработную плату ткачей, а прибыли всегда должны находиться в определенной пропорции к капиталу» (t. I, p. 102—103) [Русский перевод, стр. 52—53].

Таким образом, присоединение человеческого труда к продукту природы при его обработке и переработке увеличивает не заработную плату, а отчасти количество приносящих прибыль капиталов, отчасти же величину каждого последующего капитала по сравнению с предыдущим.

О выгоде, извлекаемой капиталистом из разделения труда, речь будет ниже.

Капиталист выигрывает двояко: во-первых, от разделения труда, во-вторых, вообще от возрастания доли человеческого труда, присоединяемого к продукту природы. Чем больше доля, внесенная в товар человеком, тем больше прибыль от мертвого капитала.

«В одном и том же обществе средняя норма прибылей на капитал гораздо ближе к единому уровню, чем заработная плата различных видов труда» (t. I, p. 228) [Русский перевод, стр. 97]. «При различных применениях капитала обычная норма прибыли меняется в зависимости от большей или меньшей обеспеченности возврата капитала. Норма прибыли повышается вместе с риском, хотя и не совсем в точной пропорции» (ibid., [p. 226—227]) [Русский перевод, стр. 96].

Само собой разумеется, что прибыли на капитал возрастают также и в результате уменьшения или удешевления средств обращения (например, бумажные деньги).

3) ГОСПОДСТВО КАПИТАЛА НАД ТРУДОМ И МОТИВЫ КАПИТАЛИСТА

«Единственный мотив, побуждающий владельца капитала поместить свой капитал в земледелие, в промышленность или в какую-либо отрасль оптовой или розничной торговли, это — погоня за прибылью. Ему никогда не приходит в голову исчислять, сколько *производительного труда* приведет в движение каждый из этих различных способов применения капитала [V] или насколько он увеличит стоимость годо-

вого продукта земель и труда в его стране» (*Smith*. Т. II, р. 400—401) [Русский перевод, стр. 275—276].

«Для капиталиста самым полезным применением капитала будет то его применение, которое приносит ему при одинаковой надежности наибольшую прибыль. Это применение не всегда будет самым полезным для общества. Самым полезным является то применение капитала, которое направлено на извлечение пользы из производительных сил природы» (*Say*. Т. II, р. [130]—131).

«Важнейшие трудовые операции регулируются и направляются по планам и расчетам тех, кто вкладывает капитал. А целью, которую они себе ставят во всех этих планах и операциях, является *прибыль*. Норма же прибыли не возрастает, как земельная рента и заработная плата, вместе с ростом общественного благосостояния и не падает, как они, вместе с упадком общества. Наоборот, эта норма естественным образом низка в богатых странах и высока в бедных; и нигде она не бывает столь высока, как в тех странах, которые наиболее быстро движутся к полному разорению. Следовательно, интерес этого класса не находится в такой связи с общими интересами общества, в какой находятся интересы двух других классов... Особые интересы тех, кто занимается той или иной особой отраслью торговли или промышленности, в некотором отношении всегда отличны от интереса публики, а зачастую даже ему враждебно противоположны. Купец всегда заинтересован в расширении рынка и в ограничении конкуренции продавцов... Это — тот класс людей, чьи интересы никогда не будут точно совпадать с интересами общества, тот класс людей, который вообще заинтересован в обмане публики и старается обложить ее данью» (*Smith*. Т. II, р. 163—165) [Русский перевод, стр. 195].

4) НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛОВ И КОНКУРЕНЦИЯ СРЕДИ КАПИТАЛИСТОВ

Возрастание капиталов, повышающее заработную плату, имеет тенденцию уменьшать прибыль капиталистов в результате *конкуренции* среди капиталистов (*Smith*. Т. I, р. 179) [Русский перевод, стр. 80].

«Если, например, в каком-либо городе капитал, нужный для бакалейного дела, оказывается поделенным между двумя бакалейщиками, то вследствие конкуренции каждый из них будет продавать дешевле, чем в том случае, когда этот капитал находится в руках одного человека; а если капитал поделен между двадцатью лицами, [VI] то конкуренция будет тем действеннее и будет тем меньше возможности договориться им между собой насчет повышения цен на их товары» (*Smith*. Т. II, р. 372—373) [Русский перевод, стр. 266].

Так как мы уже знаем, что монопольные цены достигают пределов возможного, так как интерес капиталистов, даже согласно общераспространенной политэкономической точке зрения, враждебно противостоит интересу общества и так как повышение прибыли на капитал оказывает на цену товара действие, аналогичное действию сложных процентов [25] (*Smith*. Т. I, р. 199—201) [Русский перевод, стр. 87], — то *конкуренция* есть единственное средство защиты против капиталистов; по словам политэкономов, она благодетельно влияет и на

повышение заработной платы и на дешевизну товаров в интересах потребляющей публики [33].

Однако конкуренция возможна лишь потому, что капиталы увеличиваются, и притом во многих руках. Появление множества капиталов возможно лишь благодаря многостороннему накоплению, так как капитал образуется вообще лишь благодаря накоплению, а многостороннее накопление неизбежно превращается в одностороннее. Конкуренция между капиталами увеличивает накопление капиталов. Накопление, которое при господстве частной собственности является *концентрацией* капитала в руках немногих, есть вообще необходимое следствие, если капиталы предоставлены своему естественному течению; а посредством конкуренции это естественное назначение капитала как раз и прокладывает себе подлинно свободный путь.

Мы уже слышали, что прибыль на капитал пропорциональна его размерам. Поэтому даже если на первых порах совершенно отвлечься от предумышленной конкуренции, крупный капитал накопляется, соответственно своей величине, быстрее, чем мелкий |VI|.

|VIII| Итак, уже совершенно независимо от конкуренции, накопление крупного капитала происходит гораздо быстрее, чем накопление мелкого. Но проследим ход вещей дальше.

С ростом капиталов уменьшаются в силу конкуренции прибыли на капитал. Следовательно, в первую очередь страдает мелкий капиталист.

Рост капиталов и наличие большого количества капиталов имеют своей предпосылкой прогрессирующее богатство страны.

«В стране, достигшей очень высокой ступени богатства, обычная норма прибыли столь мала, что процент, который эта прибыль позволяет выплачивать, слишком низок, чтобы на него мог жить кто-либо, кроме самых богатых людей. Поэтому все люди среднего достатка вынуждены сами пускать в ход свой капитал, применяя его в каком-либо деле или участвуя в какой-либо отрасли торговли» (*Smith.* T. I, p. [196]—197) [Русский перевод, стр. 86].

Это состояние есть излюбленное состояние для политической экономии.

«Соотношение между суммой капиталов и суммой доходов повсюду определяет соотношение между трудолюбием и праздностью: везде, где преобладают капиталы, там господствует трудолюбие; везде, где преобладают доходы, там господствует праздность» (*Smith.* T. II, p. 325) [Русский перевод, стр. 249].

Как же обстоит дело с применением капитала в этих условиях возросшей конкуренции?

«С увеличением капиталов количество фондов для процентных ссуд должно все время расти. С увеличением таких фондов денежный процент уменьшается, 1) потому что рыночная цена всех вещей падает по мере возрастания их количества и 2) потому что *с увеличением капиталов в стране становится все труднее* найти выгодное применение новому капиталу. Между различными капиталами возникает конкуренция, причем владелец одного капитала прилагает всевозможные усилия, чтобы завладеть делом, которое захвачено другим капиталом. Но в большинстве случаев он не может надеяться на вытеснение этого другого капитала, если не предложит своим клиентам более выгодных условий. Ему приходится не только продавать вещь по более низкой цене, но и нередко, чтобы найти случай для продажи, дороже ее покупать. Чем больше фондов предназначается для содержания производительного труда, тем сильнее спрос на труд: рабочие легко находят работу, [IX] а капиталисты наталкиваются на затруднения в поисках рабочих. Конкуренция капиталистов вызывает рост заработной платы и падение прибыли» (*Smith*. T. II, p. 358—359) [Русский перевод, стр. 260].

Таким образом, мелкому капиталисту приходится выбирать одно из двух: 1) либо проедать свой капитал, так как он не может уже жить на проценты, и, следовательно, перестать быть капиталистом; 2) либо самому завести дело, продавать свой товар дешевле и покупать дороже, чем это делает более богатый капиталист, и выплачивать более высокую заработную плату. А так как рыночная цена благодаря уже имеющейся, согласно предположению, сильной конкуренции и без того весьма низка, то мелкий капиталист разоряется. Если, наоборот, крупный капиталист хочет устранить с пути мелкого, то по сравнению с последним на его стороне имеются все те преимущества, которые присущи капиталисту как капиталисту по сравнению с рабочим. Меньшие размеры [нормы] прибыли компенсируются для него большей величиной капитала, и он даже может терпеть временные убытки до тех пор, пока более мелкий капиталист не разорится и он не освободится от его конкуренции. Так накопляет он у себя прибыли мелкого капиталиста.

Далее: крупный капиталист закупает всегда дешевле мелкого, потому что его закупки носят более массовый характер. Поэтому он может без ущерба для себя продавать дешевле.

Но если падение ссудного процента превращает средних капиталистов из рантье в предпринимателей, то и наоборот: рост количества предпринимательских капиталов и обусловленное этим уменьшение [нормы] прибыли вызывает падение ссудного процента.

«Одновременно с уменьшением прибыли, которую можно извлечь из применения капитала, уменьшается необходимым образом и та цена, которую можно платить за пользование этим капиталом» (*Smith*. T. II, p. 359) [Русский перевод, стр. 260].

«Чем больше возрастают богатство, промышленность, народонаселение, тем больше падает ссудный процент, а следовательно и прибыль с капиталов; тем не менее сами капиталы продолжают расти, и притом быстрее прежнего, несмотря на уменьшение прибылей. Крупный капитал, хотя и с малыми прибылями, возрастает, как правило, гораздо быстрее мелкого капитала с большими прибылями. Деньги делают деньги, говорит пословица» ([*Smith*]. Т. I, р. 189) [Русский перевод, стр. 83].

Если же этому крупному капиталу противостоят мелкие капиталы с малыми прибылями, как это имеет место при предположенном нами состоянии сильной конкуренции, то он их целиком и полностью раздавит.

При такой конкуренции необходимым следствием является общее ухудшение качества товаров, фальсификация, подделка, массовое отравление, как это наблюдается в крупных городах.

[X] Важным обстоятельством в конкуренции крупных и мелких капиталов является, далее, соотношение между *основным капиталом* и *капиталом оборотным*.

«*Оборотный капитал* — это капитал, применяемый при производстве предметов питания, в мануфактуре или в торговле. Этот капитал не приносит своему владельцу дохода, или прибыли, пока он остается в его владении или пока он сохраняет свою прежнюю форму. Он постоянно выходит из его рук в какой-нибудь одной определенной форме, чтобы вернуться уже в другой форме, и приносит прибыль только благодаря такому обращению, или таким последовательным превращениям. *Основной капитал* — это тот капитал, который вкладывается в мелиорацию земель, в закупку машин, инструментов, ремесленных орудий и т. п.» (*Smith*. [Т. II], р. 197—198) [Русский перевод, стр. 205—206].

«Любая экономия в расходах по поддержанию основного капитала означает рост чистой прибыли. Совокупный капитал каждого предпринимателя непременно подразделяется на его основной капитал и капитал оборотный. Если общая сумма совокупного капитала остается неизменной, то одна его часть будет тем меньше, чем больше другая. Оборотный капитал расходуется на сырье и заработную плату и приводит в движение производство. Таким образом, любая экономия по части основного капитала, не уменьшающая производительной силы труда, увеличивает фонд, приводящий в движение производство» (*Smith*. Т. II, р. 226) [Русский перевод, стр. 215—216].

Уже с самого начала видно, что отношение основного капитала к оборотному для крупного капиталиста складывается гораздо более благоприятно, чем для более мелкого. Очень крупному банкиру требуется основного капитала лишь немногим больше, чем очень мелкому: и у того и у другого основной капитал сводится к затратам на банкирскую контору. Орудия производства крупного землевладельца увеличиваются отнюдь не пропорционально размерам его земельной площади. Точно так же и кредит, которым располагает крупный капиталист в отличие от мелкого, представляет собой соответственно большую экономию основного капитала, а именно денег, которые

ему всегда нужно иметь наготове. И, наконец, понятно само собой, что там, где промышленный труд достиг высокой ступени развития, там, следовательно, где почти весь ручной труд стал трудом фабричным, там мелкому капиталисту всего его капитала не хватает уже для одного того, чтобы иметь необходимый основной капитал. Известно, что работы в крупном хозяйстве требуют обычно небольшого числа рабочих рук.

Вообще при накоплении крупных капиталов имеет место также и соответственная концентрация и упрощение основного капитала по сравнению с более мелкими капиталистами. Крупный капиталист вводит для себя своего рода [XI] организацию орудий труда.

«Точно так же и в сфере промышленности каждая мануфактура и каждая фабрика является уже более обширным сочетанием более или менее крупного вещественного богатства с многочисленными и многообразными интеллектуальными способностями и техническими сноровками ради *общей* цели производства... Там, где законодательство охраняет незыблемость крупных масс земельной собственности, избыток растущего населения устремляется к промысловой деятельности, и в результате получается, как мы это видим в Великобритании, что главным образом в сфере промышленности скапливаются большие массы пролетариев. Там же, где законодательство допускает непрерывный раздел земли, как это имеет место во Франции, там увеличивается число мелких и задолжавших собственников, которые в процессе дальнейшего дробления земельных участков попадают в класс нуждающихся и недовольных. Когда, наконец, это дробление и задолженность достигают особенно высокой степени, крупное землевладение вновь поглощает мелкое, подобно тому как крупная промышленность уничтожает мелкую; а поскольку опять образуются более или менее крупные комплексы поместий, вся та масса неимущих рабочих, которая не требуется безоговорочно для обработки земли, опять-таки устремляется в промышленность» (*Schulz*. «Bewegung der Production», p. [58]—59).

«Свойства товаров одного и того же рода изменяются в результате изменений в способе производства, особенно в результате применения машин. Лишь в результате выключения человеческой силы появилась возможность из одного фунта хлопка стоимостью в 3 шиллинга 8 пенсов получать 350 мотков пряжи длиною в 167 английских или в 36 немецких миль, стоимостью в 25 гиней» (ibid., p. 62).

«В среднем цены на хлопчатобумажные изделия в Англии за последние 45 лет снизились на $^{11}/_{12}$, и то количество фабриката, за которое еще в 1814 г. платили 16 шиллингов, теперь стоит, согласно вычислениям Маршалла, 1 шиллинг 10 пенсов. Большая дешевизна промышленных продуктов увеличила как потребление внутри страны, так и сбыт на внешнем рынке; в связи с этим в Великобритании численность рабочих хлопчатобумажной промышленности после введения машин не только не уменьшилась, а увеличилась с сорока тысяч до полутора миллионов. [XII] Что же касается дохода промышленных предпринимателей и рабочих, то вследствие роста конкуренции среди фабрикантов прибыль их, в сопоставлении с количеством поставляемой ими продукции, необходимым образом уменьшилась. За 1820—1833 годы валовая прибыль фабрикантов в Манчестере на одном куске ситца уменьшилась

с 4 шиллингов $1^1/_3$ пенса до 1 шиллинга 9 пенсов. Но для возмещения этой потери объем производства был увеличен в еще большей степени. В результате этого в отдельных отраслях промышленности временами наступает перепроизводство; возникают частые банкротства, вследствие которых *внутри* класса капиталистов и хозяев труда происходит неустойчивое колебание и шатание собственности, отбрасывающее некоторую часть экономически разоренных собственников в ряды пролетариата; зачастую при этом внезапно возникает необходимость приостановки или сокращения работы, что всегда очень тяжело отражается на классе наемных рабочих» (ibid., p. 63).

«Сдавать внаем свой труд — значит положить начало своему рабству; сдавать внаем предмет труда — значит утвердить свою свободу... Труд — это человек, в предмете же труда, наоборот, нет ничего от человека» (*Pecqueur*. «Théor. soc. etc.», p. 411—412 [28]).

«*Материальный* элемент, который никак не может создать богатства без другого элемента, *труда,* приобретает магическое свойство плодовитости для владельцев материального элемента, как если бы они своими собственными действиями вложили в нее этот второй необходимый элемент» (ibid., l. c.). «Если предположить, что ежедневный труд рабочего приносит ему в среднем 400 франков в год и что этой суммы достаточно для каждого взрослого, чтобы жить, удовлетворяя самые необходимые потребности, то выходит, что любой обладатель годового дохода в 2 000 франков в виде процентов, арендной платы, квартирной платы и т. д. косвенно заставляет работать на себя 5 человек; 100 000 франков ренты представляют труд 250 человек, а 1 000 000 франков — труд 2 500 человек» (ibid., p. 412—413), — и, следовательно, 300 000 000 франков (Луи-Филипп) — труд 750 000 рабочих.

«Выработанный людьми закон дал собственникам право пользоваться и злоупотреблять своей собственностью, т. е. делать все, что им угодно, с любыми объектами труда... Закон отнюдь не обязывает их всегда и вовремя предоставлять работу тем, кто не имеет собственности, или выплачивать им всегда достаточную заработную плату и т. д.» (l. c., p. 413). «Полная свобода определения характера производства, его количества, его качества, его своевременности, полная свобода потребления богатств, распоряжения объектами всякого труда. Каждый волен обменивать свою вещь, как ему заблагорассудится, учитывая только свой собственный индивидуальный интерес» (l. c., p. 413).

«Конкуренция является лишь выражением произвольного обмена, который в свою очередь есть ближайшее и логическое следствие индивидуального права пользоваться и злоупотреблять орудиями любого производства. Эти три экономические момента, составляющие по сути дела единое целое — право пользования и злоупотребления, свобода обмена и произвольная конкуренция, — влекут за собой такие последствия: каждый производит, что ему угодно, как ему угодно, когда ему угодно, где ему угодно; производит хорошо или производит плохо, слишком много или недостаточно, слишком рано или слишком поздно, слишком дорого или слишком дешево; никто не знает, удастся ли ему продать, как он продаст, когда он продаст, где он продаст, кому он продаст. Точно так же обстоит дело и с закупками. [XIII] Производителю не известны ни потребности, ни ресурсы, ни спрос, ни предложение. Он продает, когда он хочет и когда он может, где ему угодно, кому угодно, по угодной ему цене. Точно так же он и покупает. Во всем этом он всегда является игрушкой случая, рабом закона, продиктованного более сильным, тем, кто менее стеснен в своих действиях, тем, кто побогаче... В то время как в одном пункте имеется недостаток богатства, в другом пункте

наблюдается избыток и расточительство. В то время как один производитель продает много или очень дорого и с огромной прибылью, другой не продает ничего или продает себе в убыток... Предложение не знает спроса, а спрос не знает предложения. Вы производите, полагаясь на вкус и моду, которые наблюдаются среди потребителей; но когда вы изготовили соответствующий товар, то оказывается, что эта их фантазия уже миновала и их помыслы прикованы теперь к другого рода продукту... Неизбежные следствия всего этого — непрерывность и универсальность банкротств; просчеты, внезапное разорение и неожиданное обогащение; торговые кризисы, закрытие предприятий, периодическое переполнение рынка товарами или товарный голод; неустойчивость и падение заработной платы и прибылей; потеря или чудовищное расточение богатств, времени и усилий на арене ожесточенной конкуренции» (l. c., p. 414—416).

Рикардо в своей книге (земельная рента): нации суть лишь производственные мастерские; человек есть машина для потребления и производства; человеческая жизнь — капитал; экономические законы слепо управляют миром. Для Рикардо люди — ничто, продукт — все. В 26-й главе французского перевода говорится:

«Человеку, имеющему капитал в 20 000 франков, приносящий ему ежегодно 2 000 франков прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1 000 человек... Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей». «Поистине», говорит г-н де Сисмонди (t. II, p. 331), «остается только пожелать, чтобы король, оставшись в полном одиночестве на своем острове, поворачивая все время рукоятку, заставлял автоматы выполнять всю работу в Англии» [34].

«Хозяин, покупающий труд рабочего по цене столь низкой, что ее едва хватает рабочему для удовлетворения самых необходимых потребностей, не виновен ни в недостаточности заработной платы, ни в чрезмерной продолжительности работы: он сам повинуется тому закону, который навязывает другим... Источником нищеты являются не столько люди, сколько сила вещей» ([*Buret*]. L. c., p. 82).

«В Англии есть много местностей, где жителям не хватает капиталов для надлежащего возделывания своих земель. Значительная часть шерсти из южных графств Шотландии должна совершать длинное сухопутное путешествие по плохим дорогам, чтобы перерабатываться в Йоркшире, потому что на месте ее производства отсутствуют капиталы для мануфактуры. В Англии существует много мелких фабричных городов, жителям которых не хватает капитала для перевозки их промышленного продукта на отдаленные рынки, где этот продукт находит спрос и потребителей. Имеющиеся здесь купцы являются [XIV] лишь агентами более богатых купцов, проживающих в тех или других крупных торговых городах» (*Smith*. Т. II, p. 382) [Русский перевод, стр. 269]. «Чтобы увеличить стоимость годового продукта земли и труда, нет другого способа как: либо увеличить *количество производительных рабочих*, либо повысить *производительность труда тех рабочих*, которые работали раньше... И в том и в другом случае почти всегда требуется некоторый добавочный капитал» (*Smith*. Т. II, p. 338) [Русский перевод, стр. 253].

«Итак, поскольку по самой природе вещей *накопление* капитала является необходимым предшественником разделения труда, дальнейшее разделение труда может происходить лишь по мере все большего и большего накопления капиталов. Чем больше образуется видов труда, тем больше возрастает количество материалов, которое может быть переработано одним и тем же числом людей; а так как задача каждого рабочего должна все более и более упрощаться, то изобретаются все новые и новые машины, чтобы облегчить и ускорить решение этих задач. Поэтому с ростом разделения труда, для того чтобы дать постоянное занятие тому же самому числу рабочих, необходимо предварительно накопить такое же количество средств к жизни, что и раньше, и гораздо большее количество сырья, орудий и инструментов, чем это требовалось раньше, при менее развитых условиях. В любой отрасли производства количество рабочих возрастает одновременно с ростом в ней разделения труда, или, вернее, именно это увеличение их количества и создает для них возможность такого рода подразделения на отдельные группы и разряды» (*Smith*. Т. II, р. 193—194) [Русский перевод, стр. 203—204].

«Подобно тому как значительный рост производительной силы труда не может иметь место без предварительного накопления капиталов, так и накопление капиталов естественно вызывает этот рост. С помощью своего капитала капиталист стремится произвести возможно большее количество продукта, а поэтому он старается провести среди своих рабочих наиболее целесообразное разделение труда и снабдить их возможно лучшими машинами. Его возможности преуспеть в том и другом направлении [XV] зависят от величины его капитала и от количества людей, которым этот капитал может дать занятие. Поэтому не только количество труда возрастает в стране по мере *роста капитала*, приводящего его в движение, но кроме того, вследствие этого рода капитала, одно и то же количество труда производит гораздо большее количество продукта» (*Smith*. [L. с.], р. 194—195) [Русский перевод, стр. 204].

Отсюда *перепроизводство*.

«Более широкие комбинации производительных сил... в промышленности и торговле благодаря объединению более многочисленных и более многообразных сил человека и сил природы для предприятий более крупного масштаба. Там и сям... уже более тесное соединение основных отраслей производства друг с другом. Так, например, крупные фабриканты стараются приобрести также и крупную земельную собственность, чтобы получать хотя бы часть требуемого для их промышленных предприятий сырья не из третьих рук; или в связи со своими промышленными предприятиями они развертывают торговлю, не только для сбыта своих собственных фабрикатов, но и для закупки продуктов иного рода и для продажи их своим рабочим. В Англии, где отдельные фабриканты имеют иной раз 10—12 тысяч рабочих,.. уже нередко встречаются такого рода соединения различных отраслей производства под началом *одного* руководящего лица, такие, так сказать, маленькие государства, или провинции, внутри государства. Так, например, в последнее время владельцы рудников под *Бирмингемом* берут в свои руки *весь* процесс производства железа, тогда как раньше это производство было распределено между различными предпринимателями и владельцами. См. статью «Der bergmännische Distrikt bei Birmingham» в журнале «Deutsche Vierteljahrs Schrift» № 3, 1838 год. И, наконец, в столь многочисленных ныне крупных акционерных компаниях мы видим обширные комбинации денежных сил *многих* участников с научными и тех-

ническими знаниями и навыками других лиц, на которых возлагается самое выполнение работы. Этим путем капиталисты получают возможность использовать свои сбережения более многообразными способами и даже одновременно в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, в силу чего их интересы становятся более многосторонними [XVI], а противоположности между интересами земледелия, промышленности и торговли смягчаются и уничтожаются. Но сама эта возросшая возможность разнообразного использования капитала необходимым образом способствует углублению противоположности между имущими и неимущими классами» (*Schulz*. L. c., p. 40—41).

Огромная прибыль, извлекаемая домовладельцами из нищеты. Квартирная плата находится в обратном отношении к промышленной нищете.

Извлекаются проценты и из пороков разоренных пролетариев (проституция, пьянство, ростовщик).

Накопление капиталов возрастает, а их конкуренция уменьшается, когда капитал и землевладение оказываются в одних руках, а также в том случае, когда капитал благодаря своим крупным размерам становится способным объединять различные отрасли производства.

Безразличное отношение к людям. Двадцать лотерейных билетов Смита [35].

Валовой и чистый доход у Сэя. [XVI]

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

[I] *Право земельных собственников* ведет свое начало от грабежа (*Say*. Т. I, р. 136, note). Земельные собственники, как и все люди, любят пожинать там, где они не сеяли, и требуют ренту даже за естественные плоды земли (*Smith*. Т. I, р. 99) [Русский перевод, стр. 52].

«Можно было бы подумать, что земельная рента есть лишь прибыль на капитал, израсходованный собственником на мелиорацию земли... Бывают случаи, когда земельная рента частично может быть такого рода прибылью... Однако 1) земельный собственник требует ренту даже за неулучшенную землю, а то, что можно рассматривать как процент или прибыль на издержки по мелиорации, в большинстве случаев есть лишь надбавка (добавление) к этой первоначальной ренте; 2) кроме того, такая мелиорация производится не всегда за счет капитала земельных собственников — порой на это расходуются капиталы арендаторов; тем не менее, когда встает вопрос о возобновлении аренды, земельный собственник обычно требует такого увеличения ренты, как если бы вся эта мелиорация была произведена за счет его собственного капитала. 3) Более того, он требует порой ренту даже за то, что вообще никак не может быть улучшено человеком» (*Smith*. Т. I, р. 300—301) [Русский перевод, стр. 120].

В качестве примера, иллюстрирующего последний случай, Смит указывает на солянку (Seekrapp, salicorne)

«— вид морского растения, — дающую после сожжения щелочную соль, которая применяется при изготовлении стекла, мыла и т. д. Растет это растение в Великобритании, преимущественно в Шотландии, в различных местах, но только на таких скалах, которые расположены ниже уровня морских приливов; два раза в день их покрывают морские волны, и поэтому их продукт не связан с приложением человеческого труда. Тем не менее собственник такого земельного участка, где растет этот вид растения, требует себе ренту точно так же, как и с площади, засеянной хлебными злаками. Близ Шетландских островов море чрезвы-

чайно богато рыбой. Значительная часть их обитателей [II] живет рыбной ловлей. Но чтобы можно было пользоваться продуктом моря, необходимо иметь жилище на прилегающих к морю участках суши. Земельная рента здесь пропорциональна не тому, что арендатор может извлечь из земли, а тому, что он может получить от земли и моря в совокупности» (*Smith*. T. I, p. 301—302) [Русский перевод, стр. 120—121].

«Земельную ренту можно рассматривать как продукт тех *сил природы*, пользование которыми собственник предоставляет арендатору в порядке ссуды. Этот продукт бывает больше или меньше в зависимости от размеров соответствующей силы природы, иными словами, в зависимости от степени естественного или искусственно созданного плодородия земли. Это тот продукт природы, который остается за вычетом или после сбалансирования всего того, что можно рассматривать как дело рук человека» (*Smith*. T. II, p. 377—378) [Русский перевод, стр. 268].

«*Земельная рента*, рассматриваемая в качестве цены, уплачиваемой за пользование землей, есть, таким образом, конечно, *монопольная цена*. Она отнюдь не пропорциональна улучшениям, внесенным в землю земельным собственником, или тому, что последний должен забрать себе, чтобы не быть в убытке, но она соответствует тому, что может дать арендатор без убытка для себя» (*Smith*. T. I, p. 302) [Русский перевод, стр. 121].

«Из трех основных классов класс земельных собственников является таким классом, которому его доход не стоит ни труда, ни забот: доход этот притекает к нему, так сказать, сам собой, без какого-либо умысла или плана со стороны этого класса» (*Smith*. T. II, p. 161) [Русский перевод, стр. 194].

Мы уже слышали, что величина земельной ренты зависит от степени *плодородия* почвы.

Другой момент, определяющий ее, это — *местоположение*.

«Рента изменяется в зависимости от *плодородия* почвы, каков бы ни был ее продукт, и в зависимости от *местоположения* земельного участка, каково бы ни было плодородие почвы» (*Smith*. T. I, p. 306) [Русский перевод, стр. 122].

«Если различные земельные участки, рудники или рыболовные участки обладают одинаковым естественным плодородием, то количество получаемого от их использования продукта будет находиться в зависимости от размеров и от более [III] или менее умелого применения капиталов, расходуемых на их обработку и эксплуатацию. Если же капиталы одинаковы и одинаково умело применяются, то продукт будет пропорционален естественной производительности этих земель, рудников или рыболовных участков» ([*Smith*]. T. II, p. 210) [Русский перевод, стр. 209—210].

Эти положения Смита важны потому, что при одинаковых издержках производства и одинаковых размерах капитала они сводят земельную ренту к большему или меньшему плодородию почвы. Это ясно свидетельствует об извращении понятий в политической экономии, которая превращает плодородие земли в свойство землевладельца.

Однако теперь рассмотрим земельную ренту, как она образуется в действительных отношениях.

Размер земельной ренты определяется в результате *борьбы между арендатором* и *земельным собственником*. Всюду в политической экономии мы видим, что основой общественной организации признается враждебная противоположность интересов, борьба, война.

Посмотрим же, каковы отношения между земельным собственником и арендатором.

«При определении условий арендного договора земельный собственник стремится по возможности оставить арендатору не больше того, что необходимо для возмещения капитала, расходуемого на семена, оплату труда, рабочий скот и другие орудия производства, и для получения прибыли, обычной для фермерских хозяйств в данном районе. Совершенно очевидно, что это — наименьшая доля, которой может довольствоваться арендатор, не терпя убытка, а земельный собственник редко расположен оставлять ему больше. Все, что остается от продукта или его цены сверх этой доли, каков бы ни был этот остаток, собственник старается закрепить за собой в качестве земельной ренты — наибольшей, какую только способен уплатить арендатор при данном состоянии земли [IV]. Этот излишек всегда можно рассматривать как естественную земельную ренту, или как ту ренту, за которую естественным образом сдается в аренду большинство земельных участков» (*Smith*. T. I, p. 299—300) [Русский перевод, стр. 120].

«Земельные собственники», — говорит Сэй, — «осуществляют своего рода монополию в отношении арендаторов. Спрос на их товар, землю, может расти безостановочно; но количество их товара простирается лишь до известного пункта... Сделка, заключаемая между земельным собственником и арендатором, всегда насколько возможно выгодна для первого... Кроме выгод, извлекаемых им из природы вещей, он извлекает еще выгоды из своего положения, из своего более крупного состояния, кредита, престижа; но уже первых выгод достаточно для того, чтобы он всегда имел возможность *один* воспользоваться всеми благоприятными обстоятельствами, связанными с данным участком земли. Проведение канала или дороги, рост населения и благосостояния данного района всегда повышают арендные ставки... Правда, арендатор и сам может улучшать почву за собственный счет; но выгоды из вложенного в мелиорацию капитала он извлекает лишь на протяжении действия арендного договора, с истечением же срока договора весь барыш переходит к земельному собственнику; с этого момента последний извлекает проценты, хотя он и не произвел никаких затрат: арендная плата соответственно возрастает» (*Say*. T. II, p. [142]—143).

«Вот почему земельная рента, рассматриваемая как цена, уплачиваемая за пользование землей, естественно оказывается наивысшей ценой, какую только способен уплачивать арендатор при данном состоянии земельного участка» (*Smith*. T. I, p. 299) [Русский перевод, стр. 120].

«В силу этого земельная рента за пользование поверхностью земли, составляет в большинстве случаев одну треть совокупного продукта и обычно является величиной постоянной, не зависящей от случайных колебаний [V] урожая» (*Smith*. T. I, p. 351) [Русский перевод, стр. 137]. «Эта рента редко бывает меньше одной четверти совокупного продукта» (ibid., t. II, p. 378) [Русский перевод, стр. 268].

Земельная рента может выплачиваться не со всех товаров. Так, например, за камни в некоторых местностях земельной ренты не платят.

«Продукты земли, как правило, доставляются на рынок в таком количестве, чтобы их обычная цена была достаточна для возмещения капитала, затраченного на их транспортировку, и для получения обычной прибыли. Если обычная цена превышает эту норму, то избыток ее идет на земельную ренту. Если же цены хватает лишь на возмещение затрат капитала, товар можно, конечно, доставить на рынок, но на уплату земельной ренты землевладельцу ничего не остается. Будет ли цена более чем достаточной для покрытия всех издержек производства, это зависит от спроса» (*Smith.* Т. I, p. 302—303) [Русский перевод, стр. 121].

«Земельная рента входит в состав *цены товаров* совершенно *другим способом,* чем заработная плата и прибыль на капитал. *Высокий или низкий уровень заработной платы и прибыли* является *причиной* высокой или низкой цены товаров, а высокий или низкий уровень земельной ренты является *результатом* этой цены» (*Smith.* Т. I, p. 303—[304]) [Русский перевод, стр. 121].

К числу тех *продуктов,* которые всегда приносят *земельную ренту,* принадлежат *предметы питания.*

«Так как люди, как и все животные, размножаются в соответствии с наличием у них средств существования, то на предметы питания всегда имеется больший или меньший спрос. На предметы питания всегда можно будет купить больше или меньше [VI] труда, и всегда найдутся охотники выполнить какую-нибудь работу, чтобы получить предметы питания. Правда, вследствие того, что иногда за труд приходится выплачивать высокую заработную плату, количество труда, которое можно получить в обмен на определенное количество предметов питания, не всегда *равняется* тому количеству труда, содержание которого может быть обеспечено при наиболее экономном их расходовании. Однако на предметы питания всегда можно приобрести количество труда, достаточное для содержания данного вида труда в соответствии с обычным в данной местности уровнем его существования. Почти при всех возможных ситуациях земля производит больше продуктов питания, чем требуется для прокормления всего труда, участвующего в производстве этой пищи вплоть до доставки ее на рынок. Избытка этой пищи всегда более чем достаточно для того, чтобы возместить с прибылью капитал, приводящий этот труд в движение. Таким образом, всегда остается кое-что для выплаты ренты земельному собственнику» (*Smith.* Т. I, p. 305—306) [Русский перевод, стр. 122]. «Земельная рента не только имеет своим первоисточником продукты питания; однако если в дальнейшем и другие продукты земли начинают приносить ренту, этой прибавкой стоимости получатель ренты обязан опять-таки росту производительной силы труда, производящего пищевые продукты, являющемуся результатом прогресса в обработке и улучшении почвы» (*Smith.* Т. I, p. 345) [Русский перевод, стр. 135]. «Итак, пищевые продукты всегда дают возможность уплаты земельной ренты» (t. I, p. 337) [Русский перевод, стр. 132]. «Численность населения страны соответствует не тому количеству людей, которое данная страна может одеть и разместить в жилищах, а тому количеству, которое она может прокормить своим продуктом» (*Smith.* Т. I, p. 342) [Русский перевод, стр. 134].

«Две важнейшие человеческие потребности после питания — это потребности в одежде и в жилище» (с отоплением). В большинстве случаев предметы, служащие для удовлетворения этих потребностей, приносят земельную ренту, но это бывает не всегда обязательно (ibid., t. I, p. [337]—338) [Русский перевод, стр. 133]. [VI]

[VIII] Посмотрим теперь, как собственник земли эксплуатирует все выгоды общества.

1) Земельная рента увеличивается с ростом населения[36] (*Smith*. T. I, p. 335) [Русский перевод, стр. 132].

2) Мы слышали уже от Сэя, как увеличивается земельная рента с проведением железных дорог и т. д., по мере совершенствования, увеличения безопасности и расширения средств сообщения.

3) «Всякое улучшение в условиях жизни общества имеет тенденцию *прямо* или *косвенно* повышать земельную ренту, увеличивать реальное богатство земельного собственника, т. е. его способность покупать чужой труд или его продукт... Прогресс в мелиорации и в возделывании почвы ведет к этому прямым путем. С возрастанием продукта необходимо возрастает и доля земельного собственника в этом продукте... Рост реальных цен на эти виды сырья, например рост цен на скот, тоже ведет прямым путем к увеличению земельной ренты, и притом в еще большей пропорции. Возрастает не только реальная стоимость доли земельного собственника и тем самым его реальная власть над чужим трудом, — с возрастанием реальной стоимости продукта необходимо возрастает также и относительная величина доли земельного собственника в совокупном продукте. После возрастания реальной цены на данный продукт производство его не требует большего труда, чем раньше, а потому для возмещения примененного капитала с его обычными прибылями теперь нужна меньшая доля продукта, чем раньше. Таким образом, остающаяся доля продукта, принадлежащая земельному собственнику, будет, по сравнению с совокупным продуктом, теперь гораздо больше, чем раньше» (*Smith*. T. II, p. 157—159) [Русский перевод, стр. 193].

[IX] Увеличение спроса на сырье и вытекающее отсюда повышение его стоимости частично может быть результатом роста населения и возрастания его потребностей. Но и каждое новое изобретение, каждое новое применение промышленностью вовсе не использовавшегося раньше или мало использовавшегося сырья увеличивает земельную ренту. Так, например, с появлением железных дорог, пароходов и т. д. земельная рента с каменноугольных копей неимоверно возросла.

Кроме этой выгоды, извлекаемой земельным собственником из промышленности, из открытий, из труда, мы сейчас увидим еще и другую выгоду.

4) «Те способы повышения производительной силы труда, которые непосредственно ведут к понижению действительной цены промышленных изделий, косвенно приводят к повышению действительной земельной ренты. На изделия промышленности земельный собственник меняет именно ту часть своего сырого продукта, которая остается от его личного по-

требления, или цену этой части. Все, что уменьшает действительную цену продуктов промышленности, увеличивает действительную цену продуктов сельского хозяйства. Отныне то же количество сырого продукта будет соответствовать уже большему количеству продуктов промышленности, и земельный собственник получает возможность доставлять себе больше удобств, приобретать больше украшений и предметов роскоши» (*Smith*. Т. II, p. 159) [Русский перевод, стр. 193].

Но когда Смит на том основании, что земельный собственник эксплуатирует все выгоды общества, [X] заключает (t. II, p. 161) [Русский перевод, стр. 194], что интерес земельного собственника всегда идентичен интересу общества, то это нелепо. Согласно политической экономии, при господстве частной собственности заинтересованность индивидуума в обществе прямо противоположна заинтересованности общества в нем, подобно тому как заинтересованность ростовщика в расточителе отнюдь не идентична интересам расточителя.

Мы лишь мимоходом упомянем о страсти земельного собственника к монополии, направленной против земельной собственности зарубежных стран; отсюда ведут свое начало, например, хлебные законы. Точно так же мы здесь не будем говорить о средневековом крепостничестве, о рабстве в колониях, о нищете сельскохозяйственных рабочих в Великобритании. Будем придерживаться положений самой политической экономии.

1) Земельный собственник заинтересован в благосостоянии общества, гласят положения политической экономии; он заинтересован в росте населения, промышленной продукции, в умножении потребностей общества, одним словом, в росте его богатства, а этот рост, как мы видели из предыдущего, идентичен росту нищеты и рабства. Связь между растущей квартирной платой и ростом нищеты является примером заинтересованности земельного собственника в обществе, ибо с ростом квартирной платы увеличивается земельная рента — процент на ту землю, на которой стоит дом.

2) Согласно самим экономистам, интересы земельного собственника находятся во враждебной противоположности интересам арендатора, т. е. уже значительной части общества [37].

[XI] 3) Так как земельный собственник может требовать от арендатора тем больше ренты, чем меньше заработной платы выплачивает арендатор, и так как арендатор тем больше снижает заработную плату, чем больше земельной ренты требует от него собственник земли, то интересы земельного собственника в такой же мере враждебны интересам батраков, в какой интересы владельца промышленного предприятия враждебны интересам его рабочих. Интерес земельного собственника тоже низводит заработную плату до минимума.

4) Так как реальное снижение цен на продукты промышленности увеличивает земельную ренту, то землевладелец прямо заинтересован в снижении заработной платы промышленных рабочих, в конкуренции среди капиталистов, в перепроизводстве, во всех бедствиях, порождаемых развитием промышленности.

5) Если, таким образом, интересы земельного собственника далеко не идентичны интересам общества и находятся во враждебной противоположности интересам арендаторов, батраков, промышленных рабочих и капиталистов, то, с другой стороны, интересы одного земельного собственника отнюдь не идентичны интересам другого земельного собственника — вследствие конкуренции, которую мы теперь и рассмотрим.

Уже в самом общем виде взаимоотношение между крупной земельной собственностью и мелкой таково же, как взаимоотношение между крупным и мелким капиталом. Но к этому присоединяются еще особые обстоятельства, безусловно вызывающие накопление крупной земельной собственности и поглощение ею мелкой.

|XII| 1) Нигде относительное количество рабочих и орудий труда не уменьшается с увеличением размеров предприятия так сильно, как в земледелии. Точно так же нигде возможность всесторонней эксплуатации, экономия на сокращении издержек производства и искусное разделение труда не возрастают — с увеличением размеров предприятия — так сильно, как в земледелии. Как бы мал ни был земельный участок, количество орудий труда, необходимых для его обработки, вроде плуга, пилы и т. д., наталкивается на известную границу, дальше которой оно уменьшаться уже не может, тогда как размеры земельного владения могут уменьшаться значительно ниже этой границы.

2) Крупный земельный собственник присваивает процент на капитал, вложенный арендатором в дело улучшения почвы. Мелкий земельный собственник вынужден вкладывать в это дело свой собственный капитал. Для него вся эта прибыль, стало быть, отпадает.

3) Если каждое общественное усовершенствование идет на пользу крупной земельной собственности, то мелкой оно вредит, так как оно всегда требует от нее все большего количества наличных денег.

4) При рассмотрении этой конкуренции надо остановиться еще на двух важных законах:

α) Рента с земельных участков, возделываемых для производства продуктов питания, регулирует ренту большей части других возделываемых земель (*Smith*, Т. I, р. 331) [Русский перевод, стр. 130].

Такие средства пропитания, как скот и т. д., может производить в конце концов только крупное земельное владение. Следовательно, оно регулирует ренту с прочих земель и может снижать ее до минимума.

В этих случаях мелкий земельный собственник, который сам работает на своем земельном участке, оказывается по отношению к крупному земельному собственнику в таком же положении, как ремесленник, имеющий *собственный* инструмент, по отношению к фабриканту. Мелкий земельный собственник становится просто орудием труда. [XVI] Для мелкого земельного собственника земельная рента совершенно исчезает, ему остается в лучшем случае процент на его капитал и его заработная плата; ибо в результате конкуренции земельная рента может снизиться до того, что она будет представлять собой как раз лишь процент на капитал, вложенный не самим землевладельцем.

β) Кроме того, мы уже знаем, что при одинаковом плодородии и одинаково умелой эксплуатации земельных участков, рудников или рыболовных участков продукт пропорционален размерам капитала. Стало быть, победу одерживает крупная земельная собственность. Точно так же при равных капиталах доход пропорционален степени плодородия земли. Следовательно, при равных капиталах победа на стороне собственника более плодородных земельных участков.

γ) «Относительно какого-нибудь рудника можно вообще говорить богат он или беден в зависимости от того, является ли количество минерала, извлекаемого из него посредством применения определенного количества труда, большим или меньшим, чем то количество минерала, которое при затрате такого же труда можно извлечь из большинства других рудников того же рода» (*Smith*. T. I, p. 345—346) [Русский перевод, стр. 135]. «Цена продукции наиболее богатой шахты регулирует цену угля для всех других шахт, расположенных по соседству. Земельный собственник и предприниматель оба считают — один, что его рента будет выше, другой, что его прибыль возрастет, если они будут продавать продукт по цене более низкой, чем их соседи. В этом случае и соседи вынуждены продавать свою продукцию по той же цене, хотя они менее способны это делать и хотя эта цена продолжает понижаться и порой не оставляет им ни ренты, ни прибыли. Некоторые шахты в результате этого совсем забрасываются, другие не приносят уже никакой ренты и в дальнейшем могут эксплуатироваться только самим собственником земли» (*Smith*. T. I, p. 350) [Русский перевод, стр. 137]. «После открытия перуанских рудников большинство серебряных рудников в Европе было заброшено... То же самое произошло с рудниками Кубы и Сан-Доминго и даже со старыми рудниками в Перу после открытия рудников в Потоси» (t. I, p. 353) [Русский перевод, стр. 138].

То, что Смит говорит здесь о рудниках, в большей или меньшей степени применимо к земельной собственности вообще.

δ) «Следует заметить, что обычная рыночная цена на землю всегда зависит от обычной рыночной нормы процента... Если бы земельная рента упала значительно ниже денежного процента, то никто не стал бы покупать земельные участки, что в скором времени вызвало бы снижение рыночных цен на землю. И наоборот, если бы преимущества земельной ренты более чем компенсировали нормальную разницу между уровнем денежного процента и уровнем земельной ренты, то все бросились бы покупать землю, что опять-таки в скором времени восстановило бы ее обычную рыночную цену» ([*Smith*]. Т. II, p. [367]—368) [Русский перевод, стр. 263—264].

Из этого взаимоотношения между земельной рентой и денежным процентом следует, что земельная рента должна неуклонно падать, так что в конце концов на земельную ренту могут жить только самые богатые люди. Следовательно, конкуренция среди земельных собственников, не сдающих своих земель в аренду, непрерывно возрастает. Разорение одной части этих земельных собственников. Новая концентрация крупной земельной собственности.

[XVII] Эта конкуренция ведет, далее, к тому, что значительная часть земельной собственности попадает в руки капиталистов и капиталисты таким образом становятся вместе с тем и земельными собственниками, точно так же как и вообще менее крупные земельные собственники существуют теперь уже только в качестве капиталистов. Наряду с этим некоторая часть крупных земельных собственников становится в то же время промышленниками.

Таким образом, конечным результатом является уничтожение различия между капиталистом и земельным собственником, так что в общем и целом остается уже только два класса населения: рабочий класс и класс капиталистов. Это вовлечение земельной собственности в торговый оборот, превращение земельной собственности в товар означает окончательное падение старой аристократии и окончательное утверждение денежной аристократии.

1) Сентиментальные слезы, которые по этому поводу проливает романтика [38], нам чужды. Она постоянно смешивает два момента: гнусность, заключающуюся в *торгашеских махинациях* [39] *с землей,* и то вполне рациональное, в пределах частной собственности необходимое и желательное последствие, которое заключено в *торгашеских махинациях с частной собственностью* на землю. Во-первых, феодальная земельная собственность уже по самому существу своему есть результат торгашеских махинаций с землей, превращение ее в землю, отчужденную от человека и вследствие этого противостоящую ему в образе тех или иных немногих крупных господ.

Уже феодальное землевладение заключает в себе господство земли над людьми как власть какой-то чуждой силы. Крепостной есть придаток земли. Точно так же и владелец майората, первородный сын, принадлежит земле. Она его наследует. Вообще господство частной собственности начинается с землевладения; землевладение является ее основой. Но при феодальном землевладении владелец по крайней мере *с виду кажется* королем земельного владения. Вместе с тем там еще существует видимость более интимного отношения между владельцем и землей, чем узы просто *вещественного* богатства. Земельный участок индивидуализируется вместе со своим хозяином, имеет его титул, баронский или графский, его привилегии, его юрисдикцию, его политическое положение и т. д. Земельный участок является как бы неорганическим телом своего хозяина. Отсюда поговорка nulle terre sans maître *, в которой нашло свое выражение срастание господского величия с земельным владением. Точно так же и господство земельной собственности не выступает здесь непосредственно как господство голого капитала. Те, кто принадлежит к этой земельной собственности, относятся к ней скорее как к своему отечеству. Это — национализм весьма ограниченного характера.

[XVIII] Точно так же феодальная земельная собственность дает имя своему владельцу, как королевство дает имя своему королю. Его семейная генеалогия, история его дома и т. д. — все это индивидуализирует для него его земельную собственность, превращает ее форменным образом в его дом, персонифицирует ее. Точно так же и те, кто обрабатывает его земельное владение, находятся не в положении *наемных поденщиков*, а частью сами, как крепостные, являются его собственностью, частью же состоят к нему в отношениях почитания, подданства и определенных повинностей. Позиция землевладельца по отношению к ним является поэтому позицией непосредственно политической и имеет вместе с тем некоторую *эмоциональную* сторону. Нравы, характер и т. д. меняются от одного земельного участка к другому; они как бы срослись с клочком земли, тогда как позднее человека связывает с земельным участком только его кошелек, а не его характер, не его индивидуальность. И, наконец, феодальный землевладелец не стремится извлекать из своего земельного владения максимально возможную выгоду. Напротив, он потребляет то, что там имеется, а заботу о добывании новых средств он спокойно предоставляет крепостным и арендаторам. Таково отношение *дворянства* к земельному

---

* — нет земли без господина. *Ред.*

владению, окружающее хозяина земли некоторым романтическим ореолом.

Необходимо, чтобы эта видимость исчезла, чтобы земельная собственность, этот корень частной собственности, была целиком вовлечена в движение частной собственности и стала товаром; чтобы господство собственника выступило как чистое господство частной собственности, капитала, вне всякой политической окраски; чтобы взаимоотношение между собственником и работником свелось к экономическому отношению эксплуататора и эксплуатируемого; чтобы всякое персональное взаимоотношение между собственником и его собственностью прекратилось и чтобы эта собственность стала лишь *вещественным*, материальным богатством; чтобы место почетного брачного союза с землей занял брак по расчету и чтобы земля, точно так же как и человек, опустилась на уровень торгашеской стоимости. Необходимо, чтобы то, что составляет корень земельной собственности, — грязное своекорыстие, — выступило также и в своей циничной форме. Необходимо, чтобы неподвижная монополия превратилась в подвижную и беспокойную монополию, в конкуренцию, а праздное наслаждение плодами чужого кровавого пота — в активную торговлю ими. И, наконец, необходимо, чтобы в процессе этой конкуренции земельная собственность в образе капитала продемонстрировала свое господство как над рабочим классом, так и над самими собственниками, разоряемыми или возносимыми выше согласно законам движения капитала. Тем самым место средневековой поговорки nulle terre sans seigneur * занимает поговорка нового времени l'argent n'a pas de maître **, ярко выражающая господство мертвой материи над людьми.

[XIX] 2) Что касается спора о делимости или неделимости земельных владений, то надо заметить следующее:

Раздел земельных владений есть отрицание *крупной монополии* земельной собственности; он ее устраняет, но лишь посредством придания этой монополии *всеобщего характера*. Основу монополии — частную собственность — раздел земельных владений не устраняет. Он посягает на данную форму существования, а не на сущность монополии. В результате этого раздел земельных владений становится жертвой законов частной собственности. Дело в том, что раздел земельных владений соответствует движению конкуренции в сфере промышленности. Кроме экономических невыгод от раздела орудий и от распыления труда (надо отличать это от разделения труда: работа здесь

* — нет земли без сеньора. *Ред.*
** — деньги не имеют господина. *Ред.*

не разделяется между многими, а одна и та же работа выполняется каждым изолированно, т. е. имеет место многократное повторение одной и той же работы), этот раздел, как и вышеупомянутая конкуренция, опять-таки неизбежно превращается в накопление и концентрацию.

Поэтому там, где имеет место раздел земельных владений, не остается ничего иного, как либо вернуться к монополии в еще более отвратительном виде, либо подвергнуть отрицанию, упразднить самый раздел земельных владений. Но это уже не возврат к феодальному землевладению, а устранение частной собственности на землю вообще. Первое уничтожение монополии всегда равносильно приданию ей всеобщего характера, расширению рамок ее существования. Устранение монополии, достигшей своей наиболее широкой и всеобъемлющей формы существования, равносильно ее полному уничтожению. Ассоциация, в применении к земле, использует выгоды крупного землевладения в экономическом отношении и впервые реализует первоначальную тенденцию раздела — равенство. Точно так же ассоциация восстанавливает разумным путем, а не посредством крепостничества, барства и нелепой собственнической мистики, эмоциональное отношение человека к земле: земля перестает быть объектом торгашества и благодаря свободному труду и свободному наслаждению опять становится подлинным, личным достоянием человека. Большое преимущество раздела земельных владений заключается в том, что здесь масса, которая не может больше решиться на крепостную кабалу, гибнет от собственности иначе, чем в промышленности.

Что касается крупного землевладения, то его защитники всегда софистически отождествляли экономические выгоды крупного земледелия с крупной земельной собственностью, как будто не видно, что эти выгоды как раз только с отменой [этой] собственности [XX] получают, с одной стороны, наибольший простор, а с другой стороны, впервые оказываются социально-полезными. Точно так же эти защитники крупной земельной собственности нападали на торгашеский дух мелкого землевладения, как будто крупное землевладение, даже уже в его феодальной форме, не заключало в себе торгашества в скрытом виде. Не говоря уже о современной английской форме земельной собственности, где феодализм землевладельца переплетается с торгашеским духом и промышленным предпринимательством арендатора.

Подобно тому как крупная земельная собственность может в свою очередь бросить упрек разделу земельных владений в монополии, потому что этот раздел базируется на монополии

частной собственности, точно так же и раздел земельных владений может бросить крупному землевладению упрек в разделе, потому что и здесь господствует раздел, только в неподвижной, замороженной форме. Вообще частная собственность покоится на разделе. Впрочем подобно тому как раздел земельных владений приводит снова к крупному землевладению капиталистического типа, так и феодальная земельная собственность, как бы она ни изворачивалась, неизбежно должна подвергнуться разделу или, по крайней мере, попасть в руки капиталистов.

Это происходит потому, что крупная земельная собственность, как это мы видим в Англии, толкает подавляющее большинство населения в объятия промышленности и низводит своих собственных рабочих на ступень полной нищеты. Таким образом, она порождает и увеличивает могущество своего врага — капитала, промышленности, отбрасывая на его сторону бедноту и всю деятельность в стране. Крупная земельная собственность делает большинство населения страны промышленным и поэтому превращает его в противника крупной земельной собственности. Если промышленность достигла высокой степени могущества, как мы это видим теперь в Англии, то она шаг за шагом выбивает из рук крупной земельной собственности ее монополию по отношению к зарубежным странам и вынуждает ее конкурировать с зарубежными землевладельцами. Дело в том, что при господстве промышленности земельная собственность могла обеспечивать себе свое феодальное величие только посредством монополии по отношению к зарубежным странам, защищая себя таким путем от общих законов торговли, противоречащих ее феодальной сущности. Будучи втянута в орбиту конкуренции, земельная собственность следует законам конкуренции, как и любой другой товар, подчиненный конкуренции. Она в такой же мере теряет устойчивость, то сокращается, то увеличивается, переходит из рук в руки, и никакое законодательство не может уже удержать ее в немногих предопределенных к тому руках [XXI]. Непосредственным результатом является ее распыление по многим владельцам и во всяком случае — подчинение власти промышленного капитала.

И, наконец, такое крупное землевладение, которое насильственно сохраняется и которое рядом с собой породило могучую промышленность, приводит к кризису еще скорее, чем такой раздел земельных владений, при котором промышленность по своей силе остается все еще на втором месте.

Крупное землевладение, как мы это видим в Англии, уже утратило свой феодальный характер и приобрело характер предпринимательский, поскольку оно стремится делать возмож-

но больше денег. Оно приносит собственнику максимально возможную земельную ренту, а арендатору — максимально возможную прибыль на его капитал. В результате этого заработная плата сельскохозяйственных рабочих уже доведена до минимума, а класс арендаторов представляет уже внутри землевладения силу промышленности и капитала. Вследствие конкуренции с заграницей земельная рента в большинстве случаев перестает быть таким доходом, который сам по себе достаточно обеспечивал бы землевладельца. Значительная часть земельных собственников вынуждена занять место арендаторов, а эти последние частично опускаются в ряды пролетариата. С другой стороны, многие арендаторы завладевают земельной собственностью; это происходит потому, что крупные собственники, спокойно получающие свои доходы, по большей части предаются расточительству и, как правило, непригодны для руководства земледелием в крупном масштабе: у них обычно нет ни капитала, ни способности эксплуатировать землю. Таким образом, часть их тоже совершенно разоряется. И, наконец, сведенную до минимума заработную плату приходится снижать еще больше, чтобы можно было выдержать новую конкуренцию. А это неизбежно ведет к революции.

Земельная собственность должна была развиваться и тем и другим путем, чтобы в том и другом случае прийти к своей неизбежной гибели, подобно тому как промышленность и в форме монополии и в форме конкуренции должна была прийти к разорению, чтобы научиться верить в человека. [XXI]

[ОТЧУЖДЕННЫЙ ТРУД]

[XXII] Мы исходили из предпосылок политической экономии. Мы приняли ее язык и ее законы. Мы предположили как данное частную собственность, отделение друг от друга труда, капитала и земли, а также заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты; далее, разделение труда, конкуренцию, понятие меновой стоимости и т. д. На основе самой политической экономии, пользуясь ее собственными словами, мы показали, что рабочий низведен до положения товара, притом самого жалкого, что нищета рабочего находится в прямом * отношении к мощи и размерам его продукции, что необходимым результатом конкуренции является накопление капитала в руках немногих, т. е. еще более страшное восстановление монополии, и что в конце концов исчезает различие между капиталистом и земельным рантье, между хлебопашцем и промышленным рабочим, и все общество неизбежно распадается на два класса — *собственников* и лишенных собственности *рабочих*.

Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает. *Материальный* процесс, проделываемый в действительности частной собственностью, она укладывает в общие, абстрактные формулы, которые и приобретают для нее затем значение *законов*. Эти законы она не *осмысливает*, т. е. не показывает, как они вытекают из самого существа частной собственности. Политическая экономия не дает нам ключа к пониманию основы и причины отделения труда от капитала и капитала от земли. Так, например, когда она определяет взаимоотношение между заработной платой и прибылью на капитал, то последней причиной является для нее интерес

* В оригинале описка: обратном. *Ред.*

капиталистов; иными словами, она предполагает как данное то, что должно быть установлено в результате анализа. Точно так же всюду вклинивается конкуренция. Объяснение для нее ищут во внешних обстоятельствах. При этом политическая экономия ничего не говорит нам о том, в какой мере эти внешние, с виду случайные обстоятельства являются лишь выражением некоторого необходимого развития. Мы видели, что самый обмен представляется ей случайным фактом. Единственными маховыми колесами, которые пускает в ход политэконом, являются *корыстолюбие* и *война между корыстолюбцами — конкуренция*.

Именно вследствие непонимания политической экономией взаимосвязи изучаемого ею движения можно было, например, учение о конкуренции противопоставлять учению о монополии, учение о свободе промыслов — учению о корпорации, учение о разделе земельных владений — учению о крупной земельной собственности, ибо конкуренция, свобода промыслов, раздел земельных владений мыслились и изображались только как случайные, преднамеренные, насильственные, а не как необходимые, неизбежные, естественные следствия монополии, корпорации и феодальной собственности.

Итак, нам предстоит теперь осмыслить существенную взаимосвязь между частной собственностью, корыстолюбием, отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, между обменом и конкуренцией, между стоимостью человека и его обесценением, между монополией и конкуренцией и т. д., между всем этим отчуждением и *денежной* системой.

Мы не последуем примеру политэконома, который, желая что-либо объяснить, переносится в вымышленное им первобытное состояние. Такое первобытное состояние ничего не объясняет. Ссылаясь на первобытное состояние, политэконом только отодвигает вопрос в серую туманную даль. Он предполагает в форме факта, события то, что он должен дедуцировать, а именно — необходимое взаимоотношение между двумя вещами, например, между разделением труда и обменом. Таким же образом теолог объясняет происхождение зла грехопадением, т. е. он предполагает как факт, в форме исторического события, то, что он должен объяснить.

Мы берем отправным пунктом *современный* экономический факт:

Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции [40]. Рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше товаров он создает. В прямом соответствии с *ростом стоимости*

мира вещей растет *обесценение* человеческого мира. Труд производит не только товары: он производит самого себя и рабочего как *товар,* притом в той самой пропорции, в которой он производит вообще товары.

Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо,* как *сила, не зависящая* от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключение* рабочего *из действительности,* опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом,* освоение предмета — как *отчуждение* [41].

Осуществление труда выступает как выключение из действительности до такой степени, что рабочий выключается из действительности вплоть до голодной смерти. Опредмечивание выступает как утрата предмета до такой степени, что у рабочего отнимают самые необходимые предметы, необходимые не только для жизни, но и для работы. Да и сама работа становится таким предметом, овладеть которым он может лишь с величайшим напряжением своих сил и с самыми нерегулярными перерывами. Освоение предмета выступает как отчуждение до такой степени, что чем больше предметов рабочий производит, тем меньшим количеством их он может владеть и тем сильнее он подпадает под власть своего продукта, капитала.

Все эти следствия уже заключены в том определении, что рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чужому* предмету. Ибо при такой предпосылке ясно: чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит. Точно так же обстоит дело и в религии. Чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем самом [42]. Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету. Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого. Поэтому, чем больше этот продукт, тем меньше он сам. *Отчуждение* рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает *внешнее* существование, но еще и то значение, что его труд существует *вне его,* независимо от него, как нечто

чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая.

[XXIII] Рассмотрим теперь подробнее *опредмечивание*, производство продукта рабочим, и в этом опредмечивании *отчуждение, утрату* предмета, т. е. произведенного рабочим продукта.

Рабочий ничего не может создать без *природы*, без *внешнего чувственного мира*. Это — тот материал, на котором осуществляется его труд, в котором развертывается его трудовая деятельность, из которого и с помощью которого труд производит свои продукты.

Но подобно тому как природа дает труду *средства к жизни* в том смысле, что без предметов, к которым труд прилагается, невозможна *жизнь* труда, так, с другой стороны, природа же доставляет *средства к жизни* и в более узком смысле, т. е. средства физического существования самого *рабочего*.

Таким образом, чем больше рабочий с помощью своего труда *осваивает* внешний мир, чувственную природу, тем в большей мере лишает он себя *средств к жизни* в двояком смысле: во-первых, чувственный внешний мир все больше и больше перестает быть таким предметом, который неотъемлемо принадлежал бы его труду, перестает быть *жизненным средством* его труда; во-вторых, этот внешний мир все в большей мере перестает давать для него *средства к жизни* в непосредственном смысле — средства физического существования рабочего.

Итак, рабочий становится рабом своего предмета в двояком отношении: во-первых, он получает *предмет для труда*, т. е. *работу*, и, во-вторых, он получает *средства существования*. Только этот предмет дает ему, стало быть, возможность существовать, во-первых, как *рабочему* и, во-вторых, как *физическому субъекту*. Венец этого рабства в том, что он уже только в качестве *рабочего* может поддерживать свое существование как *физического субъекта* и что он является рабочим уже только в качестве *физического субъекта*.

(Согласно законам политической экономии, отчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам; чем могущественнее труд, тем немощнее рабочий; чем замысловатее выполняемая им работа, тем большему умственному опустошению и тем большему закабалению природой подвергается сам рабочий.)

Политическая экономия замалчивает отчуждение в самом существе труда тем, что она не подвергает рассмотрению ***непосредственное*** *отношение между* ***рабочим*** (трудом) *и производимым им продуктом.* Конечно, труд производит чудесные вещи для богачей, но он же производит обнищание рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих.

Непосредственное отношение труда к его продуктам есть отношение рабочего к предметам его производства. Отношение имущего к предметам производства и к самому производству есть лишь *следствие* этого первого отношения и подтверждает его. Эту другую сторону вопроса мы рассмотрим позже.

Итак, когда мы спрашиваем, какова сущность трудовых отношений, то мы спрашиваем об отношении *рабочего* к производству.

До сих пор мы рассматривали отчуждение рабочего лишь с одной стороны, а именно со стороны его *отношения к продуктам своего труда.* Но отчуждение проявляется не только в конечном результате, но и в самом *акте производства*, в самой *производственной деятельности.* Мог ли бы рабочий противостоять продукту своей деятельности как чему-то чуждому, если бы он не отчуждался от себя в самом акте производства? Ведь продукт есть лишь итог деятельности, производства. Следовательно, если продукт труда есть отчуждение, то и само производство должно быть деятельным отчуждением, отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения. В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение в деятельности самого труда.

В чем же заключается отчуждение труда?

Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то *внешним,* не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — *принудительный труд*. Это не удовлетворение потребности в

труде, а только *средство* для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому. Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, т. е. в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность [43]. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще располагаясь у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному.

Правда, еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер.

Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда, с двух сторон. Во-первых, отношение рабочего к *продукту труда,* как к предмету чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему. Во-вторых, отношение труда к *акту производства* в самом процессе *труда.* Это отношение есть отношение рабочего к его собственной деятельности, как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскопление, *собственная* физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это есть *самоотчуждение,* тогда как выше речь шла об отчуждении *вещи.*

[XXIV] Теперь нам предстоит на основании двух данных определений *отчужденного труда* вывести еще третье его определение.

Человек есть существо родовое, не только в том смысле, что и практически и теоретически он делает своим предметом род — как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле — и это есть лишь другое выражение того же самого, — что он относится к самому себе как к наличному живому роду, относится к самому себе как к существу *универсальному* и потому свободному [44].

Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. Подобно тому как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т. д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое* тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы.

Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека *род*: он превращает для человека *родовую жизнь* в средство для поддержания индивидуальной жизни. Во-первых, он отчуждает родовую жизнь и индивидуальную жизнь, а во-вторых, делает индиви-

дуальную жизнь, взятую в ее абстрактной форме, целью родовой жизни, тоже в ее абстрактной и отчужденной форме [45].

Дело в том, что, во-первых, сам труд, сама *жизнедеятельность,* сама *производственная жизнь* оказываются для человека лишь *средством* для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования. А производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека. Сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни.*

Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность.* Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо. Или можно сказать еще так: он есть сознательное существо, т. е. его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо. Только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность. Отчужденный труд переворачивает это отношение таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою *сущность* только лишь в средство для поддержания своего *существования.*

Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу. Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим

организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты.

Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо.* Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание родовой жизни человека:* человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд, отнимая у человека предмет его производства, тем самым отнимает у него его *родовую жизнь,* его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращает для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу.

Подобным же образом отчужденный труд, принижая самодеятельность, свободную деятельность до степени простого средства, тем самым превращает родовую жизнь человека в средство для поддержания его физического существования.

Присущее человеку сознание его родовой сущности видоизменяется, стало быть, вследствие отчуждения так, что родовая жизнь становится для него средством.

Таким образом, отчуждение труда приводит к следующим результатам:

3) *Родовая сущность человека* — как природа, так и его духовное родовое достояние — превращается в *чуждую* ему сущность, в *средство* для поддержания его *индивидуального существования.* Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую* сущность.

4) Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является *отчуждение человека* от *человека.* Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит *другой* человек. То, что можно сказать об отношении человека к своему труду, к продукту своего труда и к самому себе, то же можно сказать и об отношении человека к другому человеку, а также к труду и к предмету труда другого человека.

Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности.

Отчуждение человека, вообще любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношениях человека к другим людям.

Следовательно, в условиях отчужденного труда каждый человек рассматривает другого, руководствуясь масштабом и отношением, в котором находится он сам как рабочий.

[XXV] Мы исходили из экономического факта — отчуждения рабочего и его продукции. Мы сформулировали понятие этого факта: *отчужденный* труд. Это понятие мы подвергли анализу. Мы анализировали, стало быть, лишь экономический факт.

Теперь посмотрим, как это понятие отчужденного труда выражено и представлено в реальной действительности.

Если продукт труда мне чужд, если он противостоит мне в качестве чуждой силы, кому же в таком случае он принадлежит?

Если моя собственная деятельность принадлежит не мне, а есть деятельность чуждая, вынужденная, кому же принадлежит она в таком случае?

Некоторому *иному,* чем я, существу.

Что же это за существо?

Не *боги* ли? Правда, на первых порах главная производственная деятельность, например строительство храмов и т. д. в Египте, в Индии, в Мексике, шла по линии служения богам, и самый продукт принадлежал богам. Однако боги никогда не были одни хозяевами труда. Не была хозяином и *природа.* Да и каким противоречием было бы такое положение, при котором чем больше человек благодаря своему труду подчиняет себе природу и чем больше чудеса богов становятся излишними благодаря чудесам промышленности, тем больше человек должен был бы в угоду этим силам отказываться от радости, доставляемой производством, и от наслаждения продуктом!

Чуждым существом, которому принадлежит труд и продукт труда, существом, на службе которого оказывается труд и для наслаждения которого создается продукт труда, таким существом может быть лишь сам *человек.*

Если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит *другому человеку, не рабочему.* Если деятельность рабочего для него самого является мукой, то кому-то другому она должна доставлять *наслаждение*

и жизнерадостность. Не боги и не природа, а только сам человек может быть этой чуждой силой, властвующей над человеком.

Необходимо еще принять во внимание выставленное выше положение о том, что отношение человека к самому себе становится для него *предметным, действительным* лишь через посредство его отношения к другому человеку. Следовательно, если человек относится к продукту своего труда, к своему опредмеченному труду, как к предмету *чуждому, враждебному,* могущественному, от него не зависящему, то он относится к нему так, что хозяином этого предмета является другой, чуждый ему, враждебный, могущественный, от него не зависящий человек. Если он относится к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, то он относится к ней как к деятельности, находящейся на службе другому человеку, ему подвластной, подчиненной его принуждению и игу.

Всякое самоотчуждение человека от себя и от природы проявляется в том отношении к другим, отличным от него людям, в которое он ставит самого себя и природу. Вот почему религиозное самоотчуждение с необходимостью проявляется в отношении мирянина к священнослужителю или — так как здесь дело касается интеллектуального мира — также к некоему посреднику и т. д. В практическом действительном мире самоотчуждение может проявляться только через посредство практического действительного отношения к другим людям. То средство, при помощи которого совершается отчуждение, само есть *практическое* средство. Таким образом, посредством отчужденного труда человек порождает не только свое отношение к предмету и акту производства как к чуждым и враждебным ему силам, — он порождает также и то отношение, в котором другие люди находятся к его производству и к его продукту, а равно и то отношение, в котором сам он находится к этим другим людям. Подобно тому как он свою собственную производственную деятельность превращает в свое выключение из действительности, в кару для себя, а его собственный продукт им утрачивается, становится продуктом, ему не принадлежащим, точно так же он порождает власть того, кто не производит, над производством и над продуктом. Отчуждая от себя свою собственную деятельность, он позволяет другому человеку присваивать деятельность, ему не присущую.

До сих пор мы рассматривали это отношение только со стороны рабочего; позднее мы рассмотрим его также и со стороны не-рабочего.

Итак, посредством *отчужденного труда* рабочий порождает отношение к этому труду некоего человека, чуждого труду и стоящего вне труда. Отношение рабочего к труду порождает отношение к тому же труду капиталиста, или как бы там иначе ни называли хозяина труда. Стало быть, *частная собственность* есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда,* внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе.

Таким образом, к *частной собственности* мы приходим посредством анализа понятия *отчужденного труда,* т. е. *отчужденного человека,* отчужденной жизни.

Правда, понятие *отчужденного труда (отчужденной жизни)* мы получили, исходя из политической экономии, как результат *движения частной собственности.* Но анализ этого понятия показывает, что, хотя частная собственность и выступает как основа и причина отчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием, подобно тому как боги *первоначально* являются не причиной, а следствием заблуждения человеческого рассудка. Позднее это отношение превращается в отношение взаимодействия.

Только на последней, кульминационной стадии развития частной собственности вновь обнаруживается эта ее тайна: частная собственность оказывается, с одной стороны, *продуктом* отчужденного труда, а с другой стороны, *средством* его отчуждения, *реализацией этого отчуждения.*

Это развитие сразу же проливает свет на различные до сих пор не разрешенные коллизии.

1) Политическая экономия исходит из труда как подлинной души производства, и тем не менее труду она не дает ничего, а частной собственности отдает все. Прудон сделал из этого противоречия выводы в пользу труда, против частной собственности. Но мы видим, что это очевидное противоречие есть противоречие *отчужденного труда* с самим собой и что политическая экономия сформулировала лишь законы отчужденного труда.

Поэтому мы видим также, что *заработная плата* идентична *частной собственности,* ибо заработная плата, где продукт, предмет труда оплачивает самый труд, есть лишь необходимое следствие отчуждения труда: ведь в заработной плате и самый труд выступает не как самоцель, а как слуга заработка. Позднее мы подробно остановимся на этом, а сейчас сделаем еще только несколько [XXVI] выводов.

Насильственное *повышение заработной платы* (не говоря уже о всех прочих трудностях, не говоря уже о том, что такое повы-

шение как аномалию можно было бы сохранять тоже только насильственно) было бы, как это вытекает из вышеизложенного, не более чем *лучшей оплатой раба* и не завоевало бы ни рабочему, ни труду их человеческого назначения и достоинства.

Даже *равенство заработной платы,* как его требует Прудон, имело бы лишь тот результат, что оно превратило бы отношение нынешнего рабочего к его труду в отношение всех людей к труду. В этом случае общество мыслилось бы как абстрактный капиталист [46].

Заработная плата есть непосредственное следствие отчужденного труда, а отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности. Поэтому с падением одной стороны должна пасть и другая.

2) Из отношения отчужденного труда к частной собственности вытекает далее, что эмансипация общества от частной собственности и т. д., от кабалы, выливается в *политическую* форму *эмансипации рабочих,* причем дело здесь не только в *их* эмансипации, ибо их эмансипация заключает в себе общечеловеческую эмансипацию; и это потому, что кабала человечества в целом заключается в отношении рабочего к производству и все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения.

Как из понятия *отчужденного труда* мы получили путем *анализа* понятие *частной собственности,* точно так же можно с помощью этих двух факторов развить все экономические *категории,* причем в каждой из категорий, например торговле [Schacher], конкуренции, капитале, деньгах, мы найдем лишь то или иное *определенное* и *развернутое выражение* этих первых основ.

Однако прежде чем рассматривать это становление, мы попытаемся разрешить еще две задачи:

1) Определить всеобщую *сущность частной собственности,* как результата отчужденного труда, в ее отношении к *истинно человеческой* и *социальной собственности.*

2) Мы приняли, как факт, *отчуждение труда,* и этот факт мы подвергли анализу. Спрашивается теперь, как дошел *человек до отчуждения* своего *труда?* Как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития? Для разрешения этой задачи многое нами уже получено, поскольку вопрос о *происхождении частной собственности сведен* нами к вопросу об отношении *отчужденного труда* к ходу развития человечества. Ведь когда говорят о *частной собственности*, то думают, что имеют дело с некоей вещью вне человека. А когда говорят о труде, то имеют дело непосредственно с самим человеком.

Эта новая постановка вопроса уже включает в себя его разрешение.

К пункту 1: Всеобщая сущность частной собственности и ее отношение к истинно человеческой собственности.

Отчужденный труд распался у нас на две составные части, которые взаимно обусловливают друг друга, или являются лишь различными выражениями одного и того же отношения: *присвоение, освоение,* выступает как *отчуждение,* а *отчуждение* выступает как *присвоение,* как подлинное *приобретение прав гражданства.*

Мы рассмотрели одну сторону, *отчужденный* труд в его отношении к самому *рабочему,* т. е. *отношение отчужденного труда к самому себе.* В качестве продукта или необходимого результата этого отношения мы нашли *отношение собственности не-рабочего к рабочему и к труду. Частная собственность,* как материальное, резюмированное выражение отчужденного труда, охватывает оба эти отношения: *отношение рабочего к труду, к продукту своего труда* и *к не-рабочему* и отношение *не-рабочего к рабочему* и *к продукту его труда.*

Мы видели, что для рабочего, который посредством труда *осваивает* природу, это освоение ее оказывается отчуждением, самодеятельность — деятельностью для кого-то другого и как бы деятельностью кого-то другого, жизненный процесс оказывается принесением жизни в жертву, производство предмета — утратой предмета, переходящего к чужой власти, к *чужому* человеку. Теперь рассмотрим отношение этого *чуждого* труду и рабочему человека к рабочему, к труду и к предмету труда.

Прежде всего необходимо заметить, что все то, что у рабочего выступает как *деятельность отчуждения,* у не-рабочего выступает как *состояние отчуждения.*

Во-вторых, *реальное, практическое отношение* рабочего в процессе производства и его отношение к продукту (как душевное состояние) у противостоящего ему не-рабочего выступает как *теоретическое* отношение.

[XXVII] *В-третьих,* не-рабочий делает против рабочего все то, что рабочий делает против самого себя, но этот не-рабочий не делает против самого себя того, что он делает против рабочего.

Рассмотрим подробнее эти три отношения. [XXVII]

[ВТОРАЯ РУКОПИСЬ]

[ОТНОШЕНИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ]

[........] [XL] образует проценты на его капитал [47]. Таким образом, в лице рабочего субъективно существует то, что капитал есть полностью потерявший себя человек, подобно тому как в лице капитала объективно существует то, что труд есть человек, потерявший самого себя. Но *рабочий* имеет несчастье быть *живым* и потому *испытывающим нужду* капиталом, который в тот момент, когда он не работает, теряет свои проценты, а тем самым и свое существование. В качестве капитала *стоимость* рабочего возрастает в зависимости от спроса и предложения, да и *физически* его *существование,* его *жизнь* рассматривались и рассматриваются как предложение *товара*, как это происходит с любым другим товаром. Рабочий производит капитал, капитал производит рабочего, следовательно, рабочий производит самого себя, и продуктом всего этого движения является человек как *рабочий,* как *товар*. Человек есть уже только *рабочий,* и в качестве рабочего он обладает лишь теми человеческими свойствами, которые нужны *чужому* для него капиталу. А так как капитал и рабочий друг другу чужды и потому находятся в безразличных, внешних и случайных взаимоотношениях, то эта отчужденность должна выступать также и *реально*. Поэтому, как только капиталу вздумается — в силу необходимости или произвола — перестать существовать для рабочего, сам рабочий перестает существовать для себя: у него *нет* работы, а потому *нет* и заработной платы, и так как он обладает существованием не *как человек*, а *как рабочий*, то его преспокойно можно похоронить, дать ему умереть с голоду и т. д. Рабочий только тогда существует как рабочий, когда

он является *для себя* капиталом, и он только тогда является капиталом, когда *для него* имеется налицо какой-нибудь *капитал*. Существование капитала есть *его* существование, его *жизнь*, подобно тому как оно определяет содержание его жизни безразличным для него способом. Поэтому политическая экономия не знает незанятого рабочего, не знает человека труда, поскольку он оказывается вне этой сферы трудовых отношений. Плут, мошенник, нищий, безработный; умирающий с голоду, нищенствующий и совершающий преступления человек труда, все это — *фигуры*, существующие не *для политической экономии*, а только для других глаз, для глаз врача, судьи, могильщика, надзирателя за бедными и т. д.; это призраки, витающие вне сферы политической экономии. Вот почему потребности рабочего превращаются для нее только в *потребность* содержать *его во время работы*, и притом лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы *рабочее поколение* не вымерло. В силу этого заработная плата имеет совершенно тот же смысл, как и *содержание, сохранение в исправности* любого другого производительного инструмента, как *потребление капитала* вообще, которое необходимо для воспроизводства капитала вместе с процентами, или как смазочное масло, применяемое для колес, чтобы поддерживать их движение. Вот почему заработная плата принадлежит к числу необходимых *издержек* капитала и капиталиста и не должна выходить за рамки этой необходимости. Поэтому вполне последовательным был образ действий английских фабрикантов, которые до нового закона о бедных, введенного в 1834 г. [48], вычитали из заработной платы рабочего те общественные благотворительные пособия, которые рабочий получал за счет налога в пользу бедных, и рассматривали их как составную часть заработной платы.

Производство производит человека не только в качестве *товара*, не только *человека-товар*, человека с определением *товара*, оно производит его, сообразно этому определению, как существо и *духовно* и физически *обесчеловеченное*. — Аморальность, вырождение, отупение и рабочих и капиталистов. — Продукт этого производства есть *товар, обладающий сознанием* и *самостоятельной деятельностью*,.. *человек*-товар... Крупный шаг вперед, сделанный Рикардо, Миллем и т. д. по сравнению со Смитом и Сэем, заключается в том, что вопрос о *бытии* человека — большей или меньшей человеческой производительности этого товара — они объявили *безразличным* и даже *вредным*. С их точки зрения подлинной целью производства является не то, сколько рабочих капитал содержит, а то, сколько процентов он приносит, этой целью является сумма ежегодных

сбережений. Точно так же крупным и последовательным шагом вперед со стороны новейшей [XLI] английской политической экономии[4] было то, что, возведя *труд* в *единственный* принцип политической экономии, она вместе с тем с полной ясностью вскрыла *обратную* пропорциональность между заработной платой и процентами на капитал, показав, что капиталист, как правило, может повысить свой доход *только* путем снижения заработной платы, и наоборот. Не обсчитывание потребителя, а обоюдное обсчитывание капиталиста и рабочего есть *нормальное* взаимоотношение. Отношение частной собственности содержит в себе в скрытом виде отношение частной собственности как *труда* и ее отношение как *капитала*, а также *отношение* обоих этих выражений друг к другу. Производство человеческой деятельности как *труда*, т. е. деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению, *абстрактное* существование человека исключительно лишь как *человека труда*, который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие. Как и, с другой стороны, производство предмета человеческой деятельности как *капитала*, где *стерта* всякая природная и общественная определенность предмета и где частная собственность утратила свои природные и общественные качества (стало быть, утратила все политические и социальные иллюзии и не имеет даже *видимости* человеческих отношений), *один и тот же* капитал в самых разнообразных формах природного и общественного бытия остается *одним и тем же*, совершенно безразличным к своему *действительному* содержанию — эта противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения.

Поэтому опять-таки большим достижением новейшей английской политической экономии является то, что она определила земельную ренту как разницу между процентами с самой плохой обрабатываемой земли и самой хорошей, вскрыла романтические представления земельного собственника — его мнимую социальную важность и мнимую идентичность его интересов и интересов общества, как это еще утверждает, следуя за физиократами, *Адам Смит*[87]; она предвосхитила и подготовила то реальное движение, которое превратит земельного собственника в самого обыкновенного, прозаического капиталиста, и тем самым упростит и заострит противоположность и вместе с тем ускорит ее уничтожение. *Земля* как *земля*, *земельная рента* как *земельная рента* тем самым утратили свое *сословное отличие* и превратились

и ничего не говорящие или, лучше сказать, говорящие только языком денег *капитал* и *проценты*. *Различие* между капиталом и землей, между прибылью и земельной рентой, между ними обоими и заработной платой, между *промышленностью* и *земледелием*, между *недвижимой* и *движимой* частной собственностью есть различие все еще *историческое*, а не заложенное в самой сущности вещи. Это различие представляет собой исторически *фиксированный* момент образования и возникновения противоположности между капиталом и трудом. В промышленности и т. д. в противоположность недвижимой земельной собственности выражены лишь способ возникновения и та противоположность по отношению к земледелию, в которой развивалась промышленность. В качестве *особого* вида труда, в качестве *существенного, важного, объемлющего всю жизнь* различия это различие существует лишь до тех пор, пока промышленность (городская жизнь) формируется *в противовес* землевладению (феодальной дворянской жизни) и носит еще в самой себе феодальный характер своего антипода в форме монополии, цеха, гильдии, корпорации и т. д., когда труд еще имеет *по видимости общественное* значение, значение *действительной* общности, когда он еще не дошел до *безразличного* отношения к своему содержанию и до полной обособленности, т. е. до абстракции от всякого другого бытия, а следовательно, и до *получившего свободу действий* капитала.

[XLII] Но необходимым *развитием* труда является получившая свободу действий и в качестве таковой самостоятельно конституирующаяся *промышленность* и *получивший свободу действий капитал*. Власть промышленности над противостоящим ей землевладением сказывается тотчас же в возникновении *земледелия* как подлинно промышленной деятельности, тогда как раньше землевладелец предоставлял главную работу земле и *рабу* этой земли, при посредстве которого земля возделывалась. С превращением раба в *свободного* рабочего, т. е. в *наемника*, землевладелец, по сути дела, превратился в промышленника, в капиталиста, и это превращение происходит на первых порах через посредствующее звено — *арендатора*. Но *арендатор* есть представитель земельного собственника, его раскрывшаяся *тайна*; только благодаря арендатору земельный собственник обладает *экономическим* бытием, существует как частный собственник, ибо земельная рента с его земли получается лишь благодаря конкуренции арендаторов. Таким образом, в лице *арендатора* землевладелец в сущности уже *превратился* в *обыкновенного* капиталиста. И это превращение должно совершиться также и в действительности: занимающийся земледелием

капиталист, арендатор, должен стать земельным собственником, или наоборот. *Промышленные махинации* арендатора суть промышленные махинации *земельного собственника*, потому что бытие первого обусловливает бытие второго.

Но вот они вспоминают о своем противоположном возникновении, о своем происхождении, и тогда получается, что земельный собственник видит в капиталисте своего зазнавшегося, получившего свободу действий и обогатившегося вчерашнего раба и усматривает с его стороны угрозу себе как *капиталисту*, а капиталист видит в земельном собственнике праздного, жестокого и эгоистичного вчерашнего сеньора; он знает, что земельный собственник наносит ему, как капиталисту, ущерб, хотя и обязан промышленности всем своим теперешним общественным значением, своим имуществом и своим наслаждением; капиталист видит в земельной собственности нечто прямо противоположное *свободной* промышленности и *свободному*, не зависящему от какого бы то ни было природного определения капиталу. Это подчеркивание противоположности между капиталом и земельной собственностью носит в высшей степени ожесточенный характер, и обе стороны говорят друг другу правду. Стоит только почитать нападки недвижимой собственности на движимую и наоборот, чтобы составить себе наглядное представление о гнусности как той, так и другой. Земельный собственник щеголяет дворянским происхождением своей собственности, своим феодальным прошлым, своими реминисценциями, поэтическими воспоминаниями, своей экзальтированностью, своим политическим значением и т. д., а если он выражается на языке политической экономии, то он говорит: производительно *только* земледелие. Вместе с тем он изображает своего противника хитрым мошенником, маклером-надувателем, продажным корыстолюбцем; мятежным, бессердечным и бездушным, чуждым общественному духу, запросто торгующим интересами общества спекулянтом, ростовщиком, сводником, холопом, ловким льстецом, расчетливым *денежным плутом*, порождающим, вскармливающим, раздувающим конкуренцию и, следовательно, пауперизм и преступления, вызывающим распад всех социальных уз; бесчестным, беспринципным, без поэзии, субстанции, не имеющим ничего за душой (см. среди других физиократа *Бергасса*, которого бичевал уже Камилль Демулен в своем журнале «Révolutions de France et de Brabant»; см. фон Финке, Ланцицолле, Галлера, Лео *, Козегартена,

* Ссылаясь на г-на Лео, напыщенный старогегельянский теолог *Функе* рассказывает со слезами на глазах, как при отмене крепостничества один раб отказался не быть больше *дворянской собственностью*. См. также «*Патриотические фантазии*»

а также *Сисмонди*). Движимая собственность в свою очередь козыряет чудесами промышленности и движения, она — детище новейшего времени и его законнорожденная дочь; она высказывает сожаление по поводу своего противника как *не понимающего* своей сущности (и это — совершенно верно) тупицы, который на место морального капитала и свободного труда хочет водворить грубое антиморальное насилие и крепостничество. Она изображает его Дон-Кихотом, который под маской *прямоты, честности, служения общественному интересу, постоянства* прячет неспособность к движению, своекорыстную жажду наслаждений, себялюбие, узость интересов, злонамеренность; она объявляет его продувным *монополистом;* его реминисценции, его поэзию, его экзальтированность она заглушает историческим и саркастическим перечислением гнусностей, жестокостей, мотовства, проституции, бесчестия, анархии, мятежей, питомниками которых были романтические замки.

[XLIII] Это она, мол, добыла народу политическую свободу, она разбила оковы гражданского общества, связала воедино миры, создала гуманную торговлю, чистую мораль, галантную образованность; на место грубых потребностей она породила в народе цивилизованные потребности и дала средства для их удовлетворения, тогда как земельный собственник, этот праздный и только мешающий делу хлебный ростовщик, удорожает для народа самые необходимые средства к жизни, тем самым вынуждая капиталиста повышать заработную плату без возможности увеличения производительной силы; тем самым земельный собственник препятствует росту годового дохода нации, препятствует накоплению капиталов и, следовательно, сокращает возможность предоставления народу работы, а стране богатства; в конечном счете земельный собственник совершенно уничтожает эту возможность, ведет дело к всеобщему упадку и ростовщически эксплуатирует *все* выгоды современной цивилизации, ничего для нее не делая и даже не отказываясь от своих феодальных предрассудков. И, наконец, пусть взглянет он только на своего *арендатора* — он, для которого землевладение и сама земля существуют лишь в качестве дарованного ему источника денег, — и пусть скажет, не является ли он *лицемерным, начиненным фантазиями, хитрым* плутом, который в глубине своего сердца и в действительности уже давным-давно принадлежит *свободной* промышленности и

Юстуса Мёзера, которые отличаются тем, что они ни на минуту не выходят за пределы ограниченного, мещанского, *«доморощенного», обычного* горизонта добропорядочного филистера и тем не менее представляют собой *чистейшей воды* фантазии. Это противоречие и сделало их столь привлекательными для немецкого духа.

милой торговле, как бы он этому ни противился и сколько бы он ни болтал об исторических воспоминаниях, о нравственных и политических целях. Все, что он действительно приводит в свою пользу, справедливо лишь в применении к *земледельцу* (капиталисту и батраку), а ведь *земельный собственник* им скорее *враг;* он аргументирует, следовательно, против самого себя. *Без* капитала, — указывают представители этого последнего,— земельная собственность есть мертвая, лишенная ценности материя. Цивилизирующая победа капитала заключается, мол, как раз в том, что вместо мертвой вещи он открыл и вызвал к жизни человеческий труд как источник богатства (см. Поля Луи Курье, Сен-Симона, Ганиля, Рикардо, Милля, Мак-Куллоха, Дестюта де Траси и Мишеля Шевалье).

Из *действительного* хода развития (вставить сюда) с необходимостью вытекает победа *капиталиста*, т. е. развитой частной собственности над неразвитой, половинчатой частной собственностью, т. е. над *земельным собственником*, подобно тому как уже и вообще движение должно одержать победу над неподвижностью, открытая, сознающая себя подлость — над подлостью скрытой и бессознательной, *стяжательство* — над *жаждой наслаждений*, откровенно безудержный, изворотливый эгоизм *просвещения* — над местным, осмотрительным, простоватым, ленивым и фантастическим *эгоизмом суеверия*, *деньги* — над иными формами частной собственности.

Те государства, которые почуяли опасность завершенной свободной промышленности, завершенной чистой морали и завершенной человеколюбивой торговли, пытаются — но совершенно безрезультатно — задержать капитализацию земельной собственности.

Земельная собственность, в отличие от капитала, есть такая частная собственность, такой капитал, который еще обременен *местными* и политическими предрассудками, такой капитал, который еще не вполне пришел к самому себе из своей переплетенности с окружающим миром, капитал еще *незавершенный*. В процессе своего *всемирного развития* он должен достичь своего абстрактного, т. е. *чистого* выражения.

Отношение *частной собственности* — это труд, капитал и их взаимоотношение. Движение, которое должны проделать члены этого отношения, таково:

Во-первых — *непосредственное* или *опосредствованное единство обоих.*

Вначале капитал и труд еще объединены; затем они хотя и разъединены и отчуждены, но обоюдно поднимают и стимулируют друг друга как *положительные* условия.

[Во-вторых] — противоположность обоих по отношению друг к другу. Они исключают друг друга; рабочий видит в капиталисте (и обратно) свое собственное небытие; каждый из них стремится отнять у другого его существование.

[В-третьих] — противоположность каждого *по отношению к* самому себе. Капитал = накопленному труду = труду. В качестве такового он распадается на *самого себя* и на свои *проценты*, а последние в свою очередь распадаются на *проценты* и *прибыль*. Полное принесение капиталиста в жертву. Он скатывается в рабочий класс, подобно тому как рабочий — однако лишь в виде исключения — становится капиталистом. Труд как момент капитала, как его *издержки*. Следовательно, заработная плата — жертва, приносимая капиталом.

Труд распадается на *самого себя* и *заработную плату*. Сам рабочий есть капитал, товар.

Враждебная взаимная противоположность. [XLIII]

[ТРЕТЬЯ РУКОПИСЬ]

[СУЩНОСТЬ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОТРАЖЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ]

К стр. XXXVI[49].— *Субъективная сущность* частной собственности, *частная собственность* как обособленная деятельность, как *субъект*, как *личность*, это — *труд*. Вполне понятно, стало быть, что только ту политическую экономию, которая признала своим принципом *труд* (*Адам Смит*), т. е. которая уже перестала видеть в частной собственности всего лишь некое *состояние* вне человека, только эту политическую экономию следует рассматривать как продукт действительной *энергии* и действительного *движения* частной собственности, как продукт современной *промышленности;* (она есть отложившееся в сознании самостоятельное движение частной собственности, современная промышленность как самость); а с другой стороны, именно она ускорила и прославила энергию и развитие этой *промышленности,* превратила их в силу *сознания.* Вот почему *идолопоклонниками, фетишистами, католиками* кажутся этой просвещенной политической экономии, раскрывшей — в рамках частной собственности — *субъективную сущность* богатства, приверженцы монетарной и меркантилистской системы [50], усматривающие в частной собственности некоторую *только предметную* сущность для человека. Поэтому *Энгельс* был совершенно прав, назвав *Адама Смита Лютером политической экономии* [51]. Подобно тому как Лютер признал *религию, веру* сущностью внешнего *мира* и на этом основании восстал против католического язычества, как он отменил *внешнюю* религиозность, превратив религиозность во *внутреннюю* сущность человека, как он отверг находящихся вне мирянина попов потому, что он пересадил попа в сердце мирянина, — подобно этому отвер-

гается находящееся вне человека и не зависящее от него, — т. е. подлежащее сохранению и утверждению лишь внешним способом, — богатство; иными словами, отвергается эта его *внешняя, бессмысленная предметность,* поскольку частная собственность воплощается в самом человеке и сам человек признается ее сущностью, но именно в силу этого сам человек берется в аспекте частной собственности, как у Лютера он берется в аспекте религии. Таким образом, под видом признания человека политическая экономия, принципом которой является труд, оказывается, скорее, лишь последовательным проведением отрицания человека, поскольку сам человек не находится уже в отношении внешнего напряжения к внешней сущности частной собственности, а стал сам этой напряженной сущностью частной собственности. То, что раньше было *внешним* по отношению к человеку бытием, реальным его отчуждением, стало лишь актом отчуждения. Поэтому если вышеупомянутая политическая экономия начинает с видимости признания человека, его самостоятельности, самодеятельности и т. д. и, перенося частную собственность в самую сущность человека, не может больше связывать себя местными, национальными и прочими *определениями частной собственности* как *вне человека существующей сущности* и, стало быть, развивает *космополитическую,* всеобщую, ломающую любые пределы, любые узы энергию, чтобы водвориться на их место в качестве *единственной* политики, единственной всеобщности, единственного предела и единственной связи, — то в процессе дальнейшего развития политическая экономия должна отбросить это *лицемерие* и выступить *во всем* своем *цинизме.* Она так и поступает: не обращая внимания на все бросающиеся в глаза противоречия, в которые запутывает ее эта теория, она гораздо *одностороннее* и потому *резче* и *последовательнее* развивает положение о *труде* как единственной *сущности богатства,* выявляет, в противоположность указанной первоначальной концепции, *враждебный человеку* характер вытекающих из этого учения выводов и, наконец, наносит смертельный удар последней *индивидуальной, природной,* независимо от движения труда существующей форме частной собственности и источника богатства — *земельной ренте,* этому ставшему уже вполне экономическим и потому неспособному сопротивляться политической экономии выражению феодальной собственности. (Школа *Рикардо.*) *Цинизм* политической экономии растет не только относительно от Смита через Сэя к Рикардо, Миллю и т. д., поскольку перед взором последних те результаты, к которым приводит *промышленность,* выступают в более развитом и более противоречивом виде, но и положительно экономисты

всегда, и притом сознательно, идут по пути отчуждения от человека дальше своих предшественников, однако *только* потому, что их наука становится более последовательной и более истинной. Так как они превращают в субъект частную собственность в ее деятельной форме, т. е. объявляют сущность в одно и то же время человека как такового и человека как некое изуродованное существо [Unwesen], то противоречие, имеющееся в самой действительности, вполне соответствует той противоречивой сущности, которую они признали в качестве принципа. Разорванная [II] *действительность промышленности* не только не опровергает, но, наоборот, подтверждает их *внутренне разорванный* принцип. Ведь их принцип и является принципом этой разорванности.

Физиократическое учение д-ра *Кенэ* образует переход от меркантилистской системы к Адаму Смиту. *Физиократия* непосредственно представляет собой *экономическое* разложение феодальной собственности, но именно поэтому она столь же непосредственно является и *экономическим преобразованием*, восстановлением этой феодальной собственности, и только язык ее при этом становится уже не феодальным, а экономическим. Все богатство заключается в *земле* и *земледелии* (агрикультуре). Земля еще не есть *капитал*, это еще некоторая *особая* форма его существования, имеющая силу и значение в своей природной особенности и *вследствие* этой ее природной особенности. Но все же земля есть некоторый всеобщий природный *элемент*, тогда как меркантилистская система признает только *благородный металл* как бытие богатства. Таким образом, у физиократов *предмет* богатства, его материя, сразу же достиг наивысшей всеобщности в *рамках природы* (поскольку он, в качестве части *природы*, все еще является непосредственно предметом богатства). А для *человека* земля существует только благодаря труду, земледелию. Следовательно, субъективная сущность богатства уже переносится в труд. Но вместе с тем земледелие объявляется *единственно производительным* трудом. Таким образом, труд еще не мыслится в его всеобщности и абстрактности, он еще привязан к некоторому особому *элементу природы как к своей материи*, а потому и признается еще только в некоторой *особой, определяемой природой, форме существования*. Вследствие этого он является только некоторым *определенным, особым* отчуждением человека, подобно тому как и его продукт мыслится еще только как некоторое определенное богатство, обязанное своим происхождением в большей мере природе, чем самому труду. Земля признается здесь еще как не зависящее от человека природное бытие, еще не как капитал, т. е. не как момент самого

труда. Скорее, наоборот, труд фигурирует как *ее* момент. Но так как фетишизм прежнего внешнего, существующего только как предмет, богатства сведен здесь к некоторому весьма простому элементу природы, а сущность богатства уже признана — хотя только частично, на особый манер — в его субъективном существовании, то необходимый дальнейший шаг вперед заключается в том, что познается *всеобщая сущность* богатства и что поэтому в *принцип* возводится *труд* в его полнейшей абсолютности, т. е. абстракции. Физиократам возражают, что в экономическом, т. е. в единственно правомерном, отношении *земледелие* ничем не отличается от любой другой отрасли производства и что, следовательно, *сущностью* богатства является не какой-либо *определенный* труд, не какое-либо особое проявление труда, связанное с каким-нибудь особым элементом, а *труд вообще*.

Объявляя *сущностью* богатства труд, физиократическая теория тем самым отрицает *особое*, внешнее, только предметное богатство. Но для физиократов труд есть *субъективная сущность* только земельной собственности (физиократы отправляются от того вида собственности, который исторически выступает как господствующий и общепризнанный); у них только земельная собственность становится *отчужденным человеком*. Физиократы уничтожают ее феодальный характер, объявляя, что *сущность* земельной собственности заключается в *производстве* (земледелии); но они отрицательно относятся к миру промышленности и признают феодализм, поскольку они объявляют *земледелие единственным* производством.

Вполне понятно, что когда теперь предметом рассмотрения становится *субъективная сущность* промышленности, конституирующейся в противоположении к земельной собственности, т. е. конституирующейся как промышленность, то эта сущность включает в себя и ту свою противоположность. Ибо подобно тому как промышленность охватывает снятую земельную собственность, так и *субъективная* сущность промышленности охватывает вместе с тем и субъективную сущность *земельной собственности*.

Подобно тому как земельная собственность является первой формой частной собственности, а промышленность на первых порах выступает против нее в истории только как особый вид собственности — или, лучше сказать, является вольноотпущенным рабом земельной собственности, — точно так же этот процесс повторяется при попытках науки ухватить *субъективную* сущность частной собственности, т. е. *труд*, и труд на первых порах выступает только как *земледельческий труд*, но затем получает признание как *труд* вообще.

[III] Всякое богатство стало *промышленным* богатством, *богатством* труда, и *промышленность* есть не что иное, как завершенный труд, а *фабричная система* есть развернутая сущность *промышленности,* т. е. труда, точно так же как *промышленный капитал* есть завершенная объективная форма частной собственности.

Итак, мы видим, что только теперь частная собственность может завершить свое господство над человеком и стать всемирно-исторической силой в своей наиболее всеобщей форме.

[КОММУНИЗМ]

[I] *К стр. XXXIX.* — Однако противоположность между *отсутствием собственности* и *собственностью* является еще безразличной противоположностью; она еще не берется в ее *деятельном соотношении,* в ее *внутреннем* взаимоотношении и еще не мыслится как *противоречие*[52], пока ее не понимают как противоположность между *трудом* и *капиталом.* Эта противоположность может выражаться в *первой* форме и без наличия развитого движения частной собственности (в Древнем Риме, в Турции и т. д.). В таком виде эта противоположность еще не *выступает* как обусловленная самой частной собственностью. Но труд, субъективная сущность частной собственности, как нечто исключающее собственность, и капитал, объективированный труд, как нечто исключающее труд, — такова *частная собственность* как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности, а потому как энергичная, побуждающая к разрешению этого противоречия.

К той же странице. — Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение. Вначале *частная собственность* рассматривается только со своей объективной стороны,— но труд все же мыслится как ее сущность. Ее формой существования является поэтому *капитал,* подлежащий уничтожению «как таковой» (Прудон). Или же *особый характер* труда — труд нивелированный, раздробленный и поэтому несвободный — мыслится как источник *пагубности* частной собственности и ее отчужденного от человека существования; *Фурье,* который, подобно физиократам, опять-таки считает *земледельческий труд*

по меньшей мере *наилучшим* видом труда [53], тогда как по *Сен-Симону*, наоборот, суть дела заключается в *промышленном труде* как таковом, и он в соответствии с этим домогается *безраздельного* господства промышленников и улучшения положения рабочих [54]. И, наконец, *коммунизм* есть *положительное* выражение упразднения частной собственности; на первых порах он выступает как *всеобщая* частная собственность [55]. Беря отношение частной собственности в его *всеобщности*, коммунизм

1) в его первой форме является лишь *обобщением* и *завершением* этого отношения [56]. Как таковой он имеет двоякий вид: во-первых, господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, на началах *частной собственности*, не могут обладать все; он хочет *насильственно* абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое *обладание* представляется ему единственной целью жизни и существования; категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей; наконец, это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность, выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет *браку* (являющемуся, действительно, некоторой *формой исключительной частной собственности*) *общность жен*, где, следовательно, женщина становится *общественной* и *всеобщей* собственностью. Можно сказать, что эта идея *общности жен* выдает *тайну* этого еще совершенно грубого и неосмысленного коммунизма. Подобно тому как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции *, так и весь мир богатства, т. е. предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом. Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют

* Проституция является лишь некоторым *особым* выражением *всеобщего* проституирования *рабочего*, а так как это проституирование представляет собой такое отношение, в которое попадает не только проституируемый, но и проституирующий, причем гнусность последнего еще гораздо больше, то и капиталист и т. д. подпадает под эту категорию.

даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* [IV] простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее[57].

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общиной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* — как предназначение каждого, а *капитал* — как признанная всеобщность и сила всего общества.

В отношении к *женщине*, как к *добыче* и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в которой человек оказывается по отношению к самому себе, ибо тайна этого отношения находит свое *недвусмысленное*, решительное, *открытое*, явное выражение в отношении *мужчины* к *женщине* и в том, как мыслится *непосредственное*, *естественное* родовое отношение. Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. В этом *естественном* родовом отношении отношение человека к природе непосредственно заключено его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное *природное* предназначение. Таким образом, в этом отношении *проявляется* в *чувственном* виде, в виде наглядного *факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека. Из характера этого отношения видно, в какой мере *человек* стал для себя *родовым существом*, стал для себя *человеком* и мыслит себя таковым. Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью, т. е. в какой мере *другой* человек

в качестве человека стал для него потребностью, в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом.

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности.*

2) Коммунизм α) еще политического характера, демократический или деспотический; β) с упразднением государства, но в то же время еще незавершенный и все еще находящийся под влиянием частной собственности, т. е. отчуждения человека. И в той и в другой форме коммунизм уже мыслит себя как реинтеграцию или возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения; но так как он еще не уяснил себе положительной сущности частной собственности и не постиг еще *человеческой* природы потребности, то он тоже еще находится в плену у частной собственности и заражен ею. Правда, он постиг понятие частной собственности; но не уяснил еще себе ее сущность.

3) *Коммунизм* как *положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человечному. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение [58].

[V] Поэтому все движение истории есть, с одной стороны, *действительный* акт порождения этого коммунизма — роды его эмпирического бытия, — а с другой стороны, оно является для мыслящего сознания *постигаемым* и *познаваемым* движением его *становления.* Вышеуказанный же, еще незавершенный коммунизм ищет для себя *исторического* доказательства в отдельных противостоящих частной собственности исторических образованиях, ищет доказательства в существующем, вырывая отдельные моменты движения (особенно любят гарцевать на этом коньке Кабе, Вильгардель и др.) и фиксируя их в доказательство своей исторической чистокровности; но этим он только

доказывает, что несравненно большая часть исторического движения противоречит его утверждениям и что если он когда-либо существовал, то именно это его *прошлое* бытие опровергает его претензию на *сущность*.

Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике.

Эта *материальная*, непосредственно *чувственная* частная собственность является материальным, чувственным выражением *отчужденной человеческой жизни*. Ее движение — производство и потребление — есть *чувственное* проявление движения всего предшествующего производства, т. е. оно представляет собой осуществление или действительность человека. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному* бытию. Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*, — его упразднение охватывает поэтому обе стороны. Понятно, что если у различных народов это движение *начинается* либо в одной, либо в другой из этих областей, то это зависит от того, протекает ли подлинная *признанная* жизнь данного народа преимущественно в сфере сознания или же в сфере внешнего мира, является ли она больше идеальной или же реальной жизнью. Коммунизм сразу же начинает с атеизма (*Оуэн*) [59], атеизм же на первых порах далеко еще не есть *коммунизм;* ведь и тот атеизм, с которого начинает коммунизм, есть еще преимущественно абстракция. Поэтому филантропия атеизма первоначально есть лишь *философская,* абстрактная филантропия, тогда как филантропия коммунизма сразу же является *реальной* и нацелена непосредственно на *действие.*

Мы видели, как при предположении положительного упразднения частной собственности человек производит человека — самого себя и другого человека; как предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности его индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого. Но точно таким же образом и материал труда и человек как субъект являются и результатом и исходным

пунктом движения (в том, что они должны служить этим *исходным пунктом,* в этом и заключается историческая *необходимость* частной собственности). Таким образом, *общественный* характер присущ всему движению; *как* само общество производит *человека* как *человека,* так и он *производит* общество. Деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по *способу существования,* носят *общественный* характер: *общественная* деятельность и *общественное* пользование. *Человеческая* сущность природы существует только для *общественного* человека; ибо только в обществе природа является для человека *звеном, связывающим* человека с *человеком,* бытием его для другого и бытием другого для него, жизненным элементом человеческой действительности; только в обществе природа выступает как *основа* его собственного *человеческого* бытия. Только в обществе его *природное* бытие является для него его *человеческим* бытием и природа становится для него человеком. Таким образом, *общество* есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы.

[VI] Общественная деятельность и общественное пользование существуют отнюдь не *только* в форме *непосредственно* коллективной деятельности и непосредственно *коллективного* пользования, хотя *коллективная* деятельность и *коллективное* пользование, т. е. такая деятельность и такое пользование, которые проявляются и утверждают себя непосредственно в *действительном общении* с другими людьми, окажутся налицо всюду, где вышеуказанное *непосредственное* выражение общественности обосновано в самом содержании этой деятельности или этого пользования и соответствует его природе.

Но даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью, — деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, — даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как *человек.* Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель, — но и мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо.

Мое *всеобщее* сознание есть лишь *теоретическая* форма того, *живой* формой чего является *реальная* коллективность, общественная сущность, но в наши дни *всеобщее* сознание представляет собой абстракцию от действительной жизни и в качестве

такой абстракции враждебно противостоит ей. Поэтому и *деятельность* моего всеобщего сознания как таковая является моим *теоретическим* бытием как общественного существа.

Прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*. Индивидуальная и родовая жизнь человека не являются чем-то *различным*, хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более *особенной*, либо *всеобщей* индивидуальной жизнью.

Как *родовое сознание*, человек утверждает свою реальную *общественную жизнь* и только повторяет в мышлении свое реальное бытие, как и наоборот, родовое бытие утверждает себя в родовом сознании и в своей всеобщности существует для себя как мыслящее существо.

Поэтому, если человек есть некоторый *особенный* индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное *индивидуальное* общественное существо, то он в такой же мере есть также и *тотальность*, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества, подобно тому как и в действительности он существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование им, а с другой стороны — как тотальность человеческого проявления жизни.

Таким образом, хотя мышление и бытие и *отличны* друг от друга, но в то же время они находятся в *единстве* друг с другом.

Смерть кажется жестокой победой рода над *определенным* индивидом и как будто противоречит их единству; но определенный индивид есть лишь некое *определенное родовое существо* и как таковое смертен.

4) Подобно тому как *частная собственность* является лишь чувственным выражением того, что человек становится в одно и то же время *предметным* для себя и вместе с тем чужим для самого себя и бесчеловечным предметом, что его проявление жизни оказывается его отчуждением от жизни, его приобщение к действительности — выключением его из действительности, *чужой* для него действительностью, — точно так же и положительное упразднение частной собственности, т. е. *чувственное* присвоение человеком и для человека человеческой сущности

и человеческой жизни, предметного человека и человеческих *произведений*, надо понимать не только в смысле *непосредственного*, одностороннего *пользования* вещью, не только в смысле *владения, обладания*. Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек. Каждое из его *человеческих* отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, желание, деятельность, любовь, словом, все органы его индивидуальности, равно как и те органы, которые непосредственно по своей форме есть общественные органы, [VII] являются в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении к предмету*, присвоением последнего. Присвоение *человеческой* действительности *, ее отношение к предмету, это — *осуществление на деле человеческой действительности*, человеческая *действенность* и человеческое *страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление человека.

Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его *потребляем*, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как *средство к жизни*, а та жизнь, для которой они служат средством, есть *жизнь частной собственности* — труд и капитализирование.

Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания*. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство. (О категории *обладания* см. статью *Гесса* в сборнике «Двадцать один лист» [60].)

Поэтому уничтожение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали *человеческими* как в субъективном, так и в объективном смысле. Глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека. Поэтому *чувства* непосредственно в своей практике стали *теоретиками*. Они имеют от-

---

* Поэтому человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности* и человеческая *деятельность*.

ношение к *вещи* ради вещи, но сама эта вещь есть *предметное человеческое* отношение к самой себе и к человеку *, и наоборот. Вследствие этого потребность и пользование вещью утратили свою *эгоистическую* природу, а природа утратила свою голую *полезность,* так как польза стала *человеческой* пользой.

Точно так же чувства и наслаждения других людей стали моим *собственным* достоянием. Поэтому, кроме этих непосредственных органов, образуются *общественные* органы, в *форме* общества. Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т. д. стала органом *проявления* моей *жизни* и одним из способов усвоения *человеческой* жизни.

Ясно, что *человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое *ухо* — иначе, чем грубое, неразвитое ухо, и т. д.

Мы видели, что человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете.

Поэтому, с одной стороны, по мере того как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предметом становится *он сам.* То, *как* они становятся для него *его* предметами, зависит от *природы предмета* и от природы соответствующей *ей сущностной силы;* ибо именно *определенность* этого отношения создает особый, *действительный* способ утверждения. *Глазом* предмет воспринимается иначе, чем *ухом,* и предмет глаза — иной, чем предмет *уха.* Своеобразие каждой сущностной силы — это как раз ее *своеобразная сущность,* следовательно и своеобразный способ ее опредмечивания, ее *предметно-действительного,* живого *бытия.* Поэтому не только в мышлении, [VIII] но и *всеми* чувствами человек утверждает себя в предметном мире.

С другой стороны, со стороны субъективной: только музыка пробуждает музыкальное чувство человека; для немузыкаль-

---

* Я могу на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку.

ного уха самая прекрасная музыка не имеет *никакого* смысла, она для него не является предметом, потому что мой предмет может быть только утверждением одной из моих сущностных сил, следовательно, он может существовать для меня только так, как существует для себя моя сущностная сила в качестве субъективной способности, потому что смысл какого-нибудь предмета для меня (он имеет смысл лишь для соответствующего ему чувства) простирается ровно настолько, насколько простирается *мое* чувство. Вот почему *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие *чувства,* которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории. *Чувство,* находящееся в плену у грубой практической потребности, обладает лишь *ограниченным* смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается это поглощение пищи от поглощения ее *животным.* Удрученный заботами, нуждающийся человек *нечувствителен* даже по отношению к самому прекрасному зрелищу; торговец минералами видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала; у него нет минералогического чувства. Таким образом, необходимо опредмечивание человеческой сущности — как в теоретическом, так и в практическом отношении, — чтобы, с одной стороны, *очеловечить чувства* человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство,* соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности.

Подобно тому как благодаря движению *частной собственности,* ее богатства и нищеты — материального и духовного богатства и материальной и духовной нищеты — возникающее общество находит перед собой весь материал для этого *образовательного процесса, так возникшее* общество производит, как свою постоянную действительность, человека со всем этим бо-

гатством его существа, производит *богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях* человека.

Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу.

Мы видим, что история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил,* чувственно представшей перед нами человеческой *психологией* [61], которую до сих пор рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности, потому что, — двигаясь в рамках отчуждения, — люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и *человеческую родовую деятельность* только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д. [IX] В *обыкновенной, материальной промышленности* (которую в такой же мере можно рассматривать как часть вышеуказанного всеобщего движения, в какой само это движение можно рассматривать как *особую* часть промышленности, так как вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, т. е. промышленностью, отчужденной от самой себя деятельностью) мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов,* под видом отчуждения, *опредмеченные сущностные силы* человека. Такая *психология,* для которой эта книга, т. е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и *реальной* наукой. Что вообще думать о такой науке, которая *высокомерно* абстрагируется от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все это богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином *«потребность», «обыденная потребность»*?

Естественные науки развернули колоссальную деятельность и накопили непрерывно растущий материал. Но философия осталась для них столь же чуждой, как и они оставались чужды

философии. Кратковременное объединение их с философией было лишь *фантастической иллюзией*. Налицо была воля к объединению, способность же отсутствовала. Даже историография принимает во внимание естествознание лишь между прочим, как фактор просвещения, полезности отдельных великих открытий. Но зато тем более *практически* естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало ее и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обесчеловечение человеческих отношений. *Промышленность* является *действительным* историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания к человеку. Поэтому если ее рассматривать как *экзотерическое* раскрытие человеческих *сущностных сил*, то понятна станет и *человеческая* сущность природы, или *природная* сущность человека; в результате этого естествознание утратит свое абстрактно материальное или, вернее, идеалистическое направление и станет основой *человеческой* науки, подобно тому как оно уже теперь — хотя и в отчужденной форме — стало основой действительно человеческой жизни, а принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит с самого начала допускать ложь. Становящаяся в человеческой истории — этом акте возникновения человеческого общества — природа является *действительной* природой человека; поэтому природа, какой она становится — хотя и в *отчужденной* форме — благодаря промышленности, есть истинная *антропологическая* природа.

Чувственность (см. Фейербаха) должна быть основой всей науки. Наука является *действительной* наукой лишь в том случае, если она исходит из чувственности в ее двояком виде: из *чувственного* сознания и из *чувственной* потребности; следовательно, лишь в том случае, если наука исходит из природы. Вся история является подготовкой к тому, чтобы *«человек»* стал предметом *чувственного* сознания и чтобы потребность «человека как человека» стала [естественной, чувственной] потребностью. Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука.

[X] *Человек* есть непосредственный предмет естествознания; ибо непосредственной *чувственной природой* для человека непосредственно является человеческая чувственность (это — тождественное выражение), непосредственно как *другой* чувственно воспринимаемый им человек; ибо его собственная чувственность

существует для него самого, как человеческая чувственность, только через *другого* человека. А *природа* есть непосредственный предмет *науки о человеке.* Первый предмет человека — человек — есть природа, чувственность; а особые человеческие чувственные сущностные силы, находящие свое предметное осуществление только в предметах *природы,* могут обрести свое самопознание только в науке о природе вообще. Даже элемент самого мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли — *язык,* — имеет чувственную природу. *Общественная* действительность природы и *человеческое* естествознание, или *естественная наука о человеке,* это — тождественные выражения.

Мы видим, как на место экономического *богатства* и экономической *нищеты* становятся *богатый человек* и богатая *человеческая* потребность. *Богатый* человек — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда.* Не только *богатство* человека, но и *бедность* его получает при социализме в равной мере *человеческое* и потому общественное значение. Она есть пассивная связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой* человек. Господство предметной сущности во мне, чувственная вспышка моей сущностной деятельности есть *страсть,* которая, таким образом, становится здесь *деятельностью* моего существа.

5) Какое-нибудь *существо* является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим *существованием* самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом. Но я живу целиком милостью другого, если я обязан ему не только поддержанием моей жизни, но сверх того еще и тем, что он мою *жизнь создал,* что он — *источник* моей жизни; а моя жизнь непременно имеет такую причину вне себя, если она не есть мое собственное творение. Вот почему *творение* является таким представлением, которое весьма трудно вытеснить из народного сознания. Народному сознанию *непонятно* чрез-себя-бытие природы и человека, потому что это чрез-себя-бытие противоречит всем *осязательным фактам* практической жизни.

Представление о сотворении *земли* получило сокрушительный удар со стороны *геогнозии* [62], т. е. науки, изображающей образование земли, становление ее как некий процесс, как самопорождение. Generatio aequivoca [63] является единственным практическим опровержением теории сотворения.

Легко, конечно, сказать отдельному индивиду то, что говорил уже Аристотель: Ты рожден твоим отцом и твоей матерью; значит, в случае с тобой соединение двух человеческих существ, т. е. родовой акт людей произвел человека. Ты видишь, стало быть, что человек и физически обязан своим бытием человеку. Значит, ты должен иметь в виду не только *одну* сторону — *бесконечный* прогресс, в силу которого ты продолжаешь спрашивать: кто породил моего отца? кто породил его деда? и т. д. Ты должен иметь в виду также и то *круговое движение*, которое чувственно-наглядным образом дано в этом бесконечном прогрессе, — круговое движение, в силу которого человек в деторождении повторяет себя самого и, следовательно, субъектом всегда остается *человек*. Однако ты ответишь: я признаю это круговое движение, так признай же и ты вышеуказанный бесконечный прогресс, который гонит меня все дальше и дальше, пока я не спрошу, кто же породил первого человека и природу вообще. На это я могу тебе ответить только следующее: самый твой вопрос есть продукт абстракции. Спроси себя, как ты пришел к этому вопросу; спроси себя, не продиктован ли твой вопрос такой точкой зрения, на которую я не могу дать ответа, потому что она в корне неправильна. Спроси себя, существует ли для разумного мышления вышеуказанный бесконечный прогресс как таковой. Задаваясь вопросом о сотворении природы и человека, ты тем самым абстрагируешься от человека и природы. Ты полагаешь их *несуществующими* и тем не менее хочешь, чтобы я доказал тебе их *существование*. Я говорю тебе: откажись от своей абстракции, и ты откажешься от своего вопроса; если же ты хочешь придерживаться своей абстракции, то будь последователен, и когда ты мыслишь человека и природу *несуществующими*, [XI] то мысли несуществующим и самого себя, так как ты тоже — и природа и человек. Не мысли, не спрашивай меня, ибо, как только ты начинаешь мыслить и спрашивать, твое *абстрагирование* от бытия природы и человека теряет всякий смысл. Или, быть может, ты такой эгоист, что полагаешь все несуществующим, а сам хочешь существовать?

Ты можешь мне возразить: я вовсе не предполагаю природу несуществующей; я спрашиваю тебя об *акте* ее *возникновения*, как спрашивают анатома об образовании у зародыша костей и т. д.

Но так как для социалистического человека *вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, то у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего *порождения* самим собою, *процесса* своего *воз-*

никновения. Так как для социалистического человека *существенная реальность* человека и природы приобрела практический, чувственный, наглядный характер, причем человек наглядно стал для человека бытием природы, а природа наглядно стала для него бытием человека, то стал практически невозможным вопрос о каком-то *чуждом* существе, о существе, стоящем над природой и человеком, — вопрос, заключающий в себе признание несущественности природы и человека. *Атеизм*, как отрицание этой несущественности, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является *отрицанием бога* и утверждает *бытие человека* именно посредством этого отрицания; но социализм, как социализм, уже не нуждается в таком опосредствовании: он начинается с *теоретически и практически чувственного сознания* человека и природы как *сущности*. Социализм есть *положительное*, уже не опосредствуемое отрицанием религии *самосознание* человека, подобно тому как *действительная жизнь* есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, *коммунизмом*. Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества. [XI]

[ПОТРЕБНОСТИ, ПРОИЗВОДСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА]

[XIV] 7) Мы видели, какое значение имеет при социализме *богатство* человеческих потребностей, а следовательно, и какой-нибудь *новый способ производства* и какой-нибудь новый *предмет* производства: новое проявление *человеческой* сущностной силы и новое обогащение *человеческого* существа. В рамках частной собственности все это имеет обратное значение. Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения,* а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь *чуждую* сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую *возможность* взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в *деньгах,* чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его *денег* падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания *власти* денег. — Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает. — *Количество* денег становится все в большей и большей мере их единственным *могущественным* свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее

абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к *количественной* сущности. *Безмерность* и *неумеренность* становятся их истинной мерой.

Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится *изобретательным* и всегда *расчетливым* рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и *надуманных* вожделений. Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в *человеческую* потребность. Ее *идеализм* сводится к *фантазиям, прихотям, причудам,* и ни один евнух не льстит более низким образом своему повелителю и не старается возбудить более гнусными средствами его притупившуюся способность к наслаждениям, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, старающийся хитростью выудить для себя гроши, выманить золотую птицу из кармана своего христиански возлюбленного ближнего (каждый продукт является приманкой, при помощи которой хотят выманить у другого человека его сущность — его деньги; каждая действительная или возможная потребность оказывается слабостью, которая притянет муху к смазанной клеем палочке; всеобщая эксплуатация общественной человеческой сущности, подобно тому как каждое несовершенство человека есть некоторая связь с небом — тот пункт, откуда сердце его доступно священнику; каждая нужда есть повод подойти с любезнейшим видом к своему ближнему и сказать ему: милый друг, я дам тебе то, что тебе нужно, но ты знаешь conditio sine qua non *, ты знаешь, какими чернилами тебе придется подписать со мной договор; я надуваю тебя, доставляя тебе наслаждение), — для этой цели промышленный евнух приспосабливается к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем нездоровые вожделения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность.

Отчасти же это отчуждение обнаруживается в том, что утонченность потребностей и средств для их удовлетворения, имеющая место на одной стороне, порождает на другой стороне скотское одичание, полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей или, лучше сказать, только воспроизводит самое себя в своем противоположном значении. Даже потребность в свежем воздухе перестает быть у рабочего потребностью. Человек поселяется снова в пещерах, которые, однако, ныне отравлены удушливым чумным дыханием цивилизации и в

* — непременное условие. *Ред.*

которых он чувствует себя *неуверенно,* как по отношению к чуждой силе, могущей в любой день ускользнуть от него, и из которых его могут в любой день выбросить, если он [XV] не уплатит за жилье. Рабочий должен *оплачивать* эти мертвецкие. *Светлое* жилище, называемое Прометеем у Эсхила одним из тех великих даров, посредством которых он превратил дикаря в человека, перестает существовать для рабочего. Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже *животным* чистоплотность перестают быть потребностью человека. *Грязь,* это состояние человека опустившегося, загнивающего, *нечистоты* (в буквальном смысле этого слова) цивилизации становятся для него *жизненным элементом.* Полная *противоестественная* запущенность, гниющая природа становится его *жизненным элементом.* Ни одно из его чувств не существует больше не только в его человеческом виде, но и в *нечеловеческом,* следовательно, не существует больше даже в его животном виде. Происходит возврат к самым грубым *способам* (и *орудиям*) человеческого труда: так, например, *ступальное колесо* римских рабов стало орудием производства и средством существования для многих английских рабочих. Человек лишается не только человеческих потребностей — он утрачивает даже *животные* потребности. Ирландец знает только одну потребность — потребность в *еде,* притом состоящей только из *картофеля люмпен-пролетариев,* картофеля самого плохого качества. Но в каждом промышленном городе Англии и Франции уже имеется своя *маленькая* Ирландия. У дикаря, у животного все-таки есть еще потребность в охоте, в движении и т. д., в общении с себе подобными. — Упрощение машины, труда используется для того, чтобы из совершенно еще не развившегося, только формирующегося человека, из *ребенка* сделать рабочего, в то время как рабочий стал заброшенным ребенком. Машина приноравливается к *слабости* человека, чтобы превратить *слабого* человека в машину.

⟨Каким образом рост потребностей и средств для их удовлетворения порождает отсутствие потребностей и отсутствие средств для их удовлетворения, это политэконом (и капиталист: вообще мы всегда имеем в виду *эмпирических* дельцов, когда обращаемся к политэкономам, являющимся их *научной* совестью и их научным бытием) доказывает следующим образом: 1) он сводит потребности рабочего к самому необходимому и самому жалкому поддержанию физической жизни, а его деятельность — к самому абстрактному механическому движению; стало быть, говорит он, у человека нет никакой иной потребности ни в деятельности, ни в наслаждении; ибо *даже* такую жизнь полит-

эконом объявляет *человеческой* жизнью и *человеческим* существованием; 2) возможно, более *скудную* жизнь (существование) он принимает в своих *расчетах* за масштаб и притом за всеобщий масштаб — всеобщий потому, что он имеет силу для массы людей. Политэконом превращает рабочего в бесчувственное и лишенное потребностей существо, точно так же как деятельность рабочего он превращает в чистую абстракцию от всякой деятельности. Поэтому всякая *роскошь* у рабочего представляется ему недопустимой, а все, что выходит за пределы самой наиабстрактной потребности — будь то пассивное наслаждение или активное проявление деятельности, — кажется ему роскошью. Вследствие этого политическая экономия, эта наука о *богатстве,* есть в то же время наука о самоотречении, о лишениях, о *бережливости,* и она действительно доходит до того, что учит человека *сберегать* даже *потребность* в чистом *воздухе* или физическом *движении.* Эта наука о чудесной промышленности есть в то же время наука об *аскетизме,* и ее истинный идеал, это — *аскетический,* но *занимающийся ростовщичеством* скряга и *аскетический,* но *производящий* раб. Ее моральным идеалом является *рабочий,* откладывающий в сберегательную кассу часть своей заработной платы, и она даже нашла для этого своего излюбленного идеала нужное ей холопское *искусство* — в театре ставили сентиментальные пьесы в этом духе. Поэтому политическая экономия, несмотря на весь свой мирской и чувственный вид, есть действительно моральная наука, наиморальнейшая из наук. Ее основной тезис — самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты *сберегаешь,* тем *больше* становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем, — твой *капитал.* Чем ничтожнее твое *бытие,* чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое *имущество,* тем больше твоя *отчужденная* жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Всю [XVI] ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде *денег* и *богатства,* и все то, чего не можешь ты, могут твои деньги: они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть — все это они *могут* тебе присвоить; все это они могут купить; они — настоящая *сила.* Но чем бы это все ни было, деньги *не могут* создать ничего, кроме самих себя, не могут купить ничего, кроме самих себя, потому что все

остальное ведь их слуга, а когда я владею господином, то я владею и слугой, и мне нет нужды гнаться за его слугой. Таким образом, все страсти и всякая деятельность должны потонуть в *жажде наживы*. Рабочий вправе иметь лишь столько, сколько нужно для того, чтобы хотеть жить, и он вправе хотеть жить лишь для того, чтобы иметь [этот минимум].⟩

Правда, в политической экономии возникает разноголосица. Одна сторона (Лодердель, Мальтус и др.) рекомендует *роскошь* и проклинает бережливость; другая (Сэй, Рикардо и др.) рекомендует бережливость и проклинает роскошь. Но первая признает, что она хочет роскоши, чтобы производить *труд* (т. е. абсолютную бережливость); а вторая признает, что она рекомендует бережливость, чтобы производить *богатство*, т. е. роскошь. Первая сторона предается *романтическим* фантазиям, требуя, чтобы не одна только жажда наживы определяла потребление богачей, и она противоречит выдвинутым ею самою законам, выдавая *расточительность* непосредственно за средство обогащения. Поэтому противная сторона весьма серьезно и обстоятельно доказывает ей, что расточительностью я свое *имущество* уменьшаю, а не умножаю. Эта другая сторона лицемерно отказывается признать, что именно прихоти и капризы определяют производство; она забывает об «утонченных потребностях», забывает, что без потребления не было бы и производства; забывает, что вследствие конкуренции производство неизбежно становится лишь более всесторонним, более роскошным; она забывает, что, согласно ее же теории, стоимость вещи определяется потреблением и что мода определяет потребление; она желает, чтобы производилось только «полезное», забывая, что производство слишком большого количества полезных вещей производит слишком много *бесполезного* населения. Обе стороны забывают, что расточительность и бережливость, роскошь и лишения, богатство и бедность равны друг другу.

И экономить ты должен не только на твоих непосредственных чувственных потребностях, на еде и прочем, но и на участии в общих интересах, на сострадании, доверии и т. д.; во всем этом ты должен проявлять максимальную бережливость, если ты хочешь поступать согласно политической экономии и не хочешь погибнуть от своих иллюзий.

⟨Все, что у тебя есть, ты должен пускать в *продажу*, т. е. извлекать из этого пользу. Если я задам политэконому вопрос: повинуюсь ли я экономическим законам, когда я извлекаю деньги из продажи своего тела для удовлетворения чужой похоти (фабричные рабочие во Франции называют проституцию своих жен и дочерей добавочным рабочим часом, и это буквально

так и есть), и разве я не действую в духе политической экономии, когда я продаю своего друга марокканцам (а непосредственная продажа людей, в виде торговли рекрутами и т. д. имеет место во всех культурных странах), — то политэконом мне отвечает: ты не поступаешь вразрез с моими законами; но посмотри, что скажут тетушка Мораль и тетушка Религия; моя *экономическая* мораль и моя *экономическая* религия не имеют ничего возразить против твоего образа действий, но... — Но кому же мне больше верить — политической экономии или морали? Мораль политической экономии — это *нажива,* труд и бережливость, трезвость, но политическая экономия обещает мне удовлетворить мои потребности. — Политическая экономия морали — это обладание, богатство такими вещами, как чистая совесть, добродетель и т. д.; но как я могу быть добродетельным, если я вообще не существую? Как я могу иметь чистую совесть, если я ничего не знаю? — В самой сущности отчуждения заложено то, что каждая отдельная сфера прилагает ко мне другой и противоположный масштаб: у морали один масштаб, у политической экономии — другой, ибо каждая из них является определенным отчуждением человека, каждая... фиксирует⟩ [XVII] особый круг отчужденной сущностной деятельности и каждая относится отчужденно к другому отчуждению. Так, г-н *Мишель Шевалье* упрекает Рикардо в том, что тот абстрагируется от морали. Но у Рикардо политическая экономия говорит на своем собственном языке. Если этот язык не морален, то это не вина Рикардо. Поскольку Мишель Шевалье морализирует, он абстрагируется от политической экономии; а поскольку он занимается политической экономией, он необходимым образом абстрагируется фактически от морали. Ведь если отнесение политической экономии к морали не является произвольным, случайным и потому необоснованным и ненаучным, если оно проделывается не для *видимости,* а мыслится как коренящееся в *сущности* вещей, то оно может означать только причастность политэкономических законов к области морали; а если в действительности это не имеет места или, вернее, имеет место прямо противоположное, то разве в этом повинен Рикардо? К тому же и самая противоположность между политической экономией и моралью есть лишь *видимость* и, *будучи* противоположностью, в то же время не есть противоположность. Политическая экономия выражает моральные законы, но только *на свой лад.*

⟨Подавление потребностей, как принцип политической экономии, *с наибольшим блеском* обнаруживается в ее *теории народонаселения.* Существует слишком *много* людей. Даже существование людей есть чистейшая роскошь, и если рабочий

«морален» (Милль предлагает объявлять общественную похвалу тем, кто показывает себя воздержанным в половом отношении, и общественное порицание тем, кто грешит против этого бесплодного брака... Разве это не мораль, не учение аскетизма? [64]), то он будет *бережлив* по части деторождения. Производство человека выступает как общественное бедствие.⟩

Смысл и значение производства, имеющего в виду богатых, *открыто* обнаруживают себя в производстве, рассчитанном на бедных; по отношению к вышестоящим это выражается всегда утонченно, замаскированно, двусмысленно — одна видимость; по отношению к нижестоящим это выражается грубо, открыто, откровенно — сущность. *Грубая* потребность рабочего — гораздо больший источник дохода, чем *утонченная* потребность богача. Подвальные помещения в Лондоне приносят своим хозяевам больше дохода, чем дворцы, т. е. они являются в отношении приносимого ими дохода *бо́льшим богатством* и, значит, выражаясь на языке политической экономии, бо́льшим *общественным* богатством.

И подобно тому как промышленность спекулирует на утонченности потребностей, она в такой же мере спекулирует и на их *грубости,* притом на искусственно вызванной грубости их. Поэтому истинным наслаждением для этой грубости является *самоодурманивание,* это *кажущееся* удовлетворение потребности, эта цивилизация *среди* грубого варварства потребностей. Вот почему английские кабаки являются *наглядными* символами частной собственности. Их *роскошь* показывает истинное отношение промышленной роскоши и богатства к человеку. Поэтому они по праву являются единственными воскресными развлечениями народа, к которым английская полиция относится по меньшей мере снисходительно. [XVII]

[XVIII] Мы уже видели, какими многообразными способами политэконом устанавливает единство труда и капитала: 1) капитал есть *накопленный труд;* 2) назначение капитала в самом производстве — отчасти воспроизводство капитала с прибылью, отчасти капитал как сырье (материал труда), отчасти как само *работающее орудие* (машина — это непосредственно отождествленный с трудом капитал) — состоит в *производительном труде;* 3) рабочий есть капитал; 4) заработная плата принадлежит к издержкам капитала; 5) по отношению к рабочему труд есть воспроизводство его жизненного капитала; 6) по отношению к капиталисту он есть момент деятельности его капитала.

И, наконец, 7) политэконом исходит из предположения о первоначальном единстве того и другого как единстве капиталиста

и рабочего; это — райское первобытное состояние. Каким образом эти два момента [XIX] вдруг выступают друг против друга как два лица, это является для политэконома каким-то *случайным* происшествием, которое поэтому должно объясняться лишь внешними причинами. (См. Милля.)

Те народы, которые еще ослеплены чувственным блеском благородных металлов и поэтому еще поклоняются металлическим деньгам как какому-то фетишу, не являются еще завершенными денежными нациями. Противоположность между Францией и Англией. — В какой мере разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредствуется практически, в какой мере истинная практика является условием действительной и положительной теории, видно, например, на *фетишизме*. Чувственное сознание у фетишиста иное, чем у грека, потому что его чувственное бытие еще иное. Абстрактная вражда между чувством и духом необходима до тех пор, пока собственным трудом человека еще не созданы человеческий вкус к природе, человеческое чувство природы, а значит и *естественное* чувство *человека*.

Равенство есть не что иное, как немецкая формула «я=я», переведенная на французский язык, т. е. на язык политики. Равенство как *основа* коммунизма есть его *политическое* обоснование. Это то же самое, что имеет место, когда немец обосновывает для себя коммунизм тем, что он мыслит человека как *всеобщее самосознание*. Вполне понятно, что уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является *господствующей* силой: в Германии это — *самосознание*, во Франции это — *равенство*, так как там преобладает политика, в Англии это — действительная, материальная, измеряющая себя только самой собой *практическая* потребность. Под этим углом зрения надо критиковать и признавать Прудона.

Если мы даже *коммунизм* называем — так как он является отрицанием отрицания — присвоением человеческой сущности, которое опосредствует себя с собою через отрицание частной собственности, а посему еще не *истинным*, начинающим с самого себя положением, а только таким, которое начинает с частной собственности, [. . . . .] *. Действительное отчуждение человеческой жизни остается в силе и даже оказывается тем большим отчуждением, чем больше его

---

* В рукописи здесь оборван левый нижний угол страницы, в результате чего пострадали последние шесть строк текста; восстановить их содержание не представляется возможным. *Ред.*

сознают как отчуждение... Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие. История принесет с собой это коммунистическое действие, и то движение, которое мы *в мыслях* уже познали как само себя снимающее, будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс. Но мы должны считать действительным шагом вперед уже то, что мы с самого начала осознали как ограниченность, так и цель этого исторического движения, и превзошли его в своем сознании.

Когда между собой объединяются коммунистические *ремесленники,* то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д. Но в то же время у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью. К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих. Курение, питье, еда и т. д. не служат уже там средствами объединения людей, не служат уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство.

[XX] ⟨Утверждая, что спрос и предложение всегда покрывают друг друга, политическая экономия тотчас же забывает, что, согласно ее собственному утверждению, предложение *людей* (теория народонаселения) всегда превышает спрос на них и что, следовательно, в существенном результате всего производства — в существовании человека — получает свое наиболее решительное выражение диспропорция между спросом и предложением.

В какой мере деньги, которые выступают как средство, являются подлинной *силой* и единственной *целью,* в какой мере вообще *то средство,* которое делает меня сущностью и присваивает мне чужую предметную сущность, является *самоцелью*, это можно видеть из того, что земельная собственность — там, где источником существования является земля, — и *конь* и *меч* — там, где они являются *истинными средствами существования,* — признаются также и истинными политическими жизненными силами. В средние века сословие становилось свободным, как только оно получало право носить *меч*. У кочевников обладание *конем* делает человека свободным, дает ему возможность принимать участие в жизни общины.

Мы сказали выше, что человек возвращается к *пещерному жилищу,* но возвращается к нему в отчужденной, враждебной форме. Дикарь в своей пещере — этом элементе природы, свободно предоставляющем себя ему для пользования и защиты, — чувствует себя не более чуждо, или, лучше сказать, не менее дома, чем *рыба* в воде. Но подвальное жилище бедняка, это — враждебное ему жилище, это «чужая сила, это закабаляющее его жилище, которое отдается ему только до тех пор, пока он отдает ему свой кровавый пот»; он не вправе рассматривать его как свой родной дом, где он мог бы, наконец, сказать: здесь я у себя дома; наоборот, он находится в *чужом* доме, в доме *другого* человека, который его изо дня в день подстерегает и немедленно выбрасывает на улицу, как только он перестает платить квартирную плату. И точно так же он знает, что и по качеству своему его жилище образует полную противоположность *потустороннего,* пребывающего на небе богатства, человеческого жилища.

Отчуждение проявляется как в том, что *мое* средство существования принадлежит *другому,* что предмет *моего* желания находится в недоступном мне обладании *другого,* так и в том, что каждая вещь сама оказывается *иной,* чем она сама, что моя деятельность оказывается чем-то *иным* и что, наконец, — а это относится и к капиталисту, — надо всем вообще господствует *нечеловеческая* сила.

Предназначение употребляемого только для наслаждения, недеятельного и расточительного богатства, когда наслаждающийся этим богатством человек, с одной стороны, *ведет* себя как лишь *преходящий,* дающий волю своим страстям индивид и рассматривает чужой рабский труд, человеческий *кровавый пот* как добычу своих вожделений, а потому самого человека — следовательно и себя самого — как приносимое в жертву, ничтожное существо (когда презрение к людям выражается отчасти в виде надменного расточения того, что могло бы сохранить сотню человеческих жизней, а отчасти в виде подлой иллюзии, будто его необузданная расточительность и безудержное непроизводительное потребление обусловливают *труд,* а тем самым *существование* другого), такое предназначение ведет к тому, что осуществление человеческих *сущностных сил* мыслится только как осуществление чудовищных прихотей и странных, фантастических причуд. Но, с другой стороны, богатство рассматривается всего лишь как средство и как нечто заслуживающее только уничтожения. Поэтому наслаждающийся богатством в одно и то же время и раб и господин своего богатства, в одно и то же время великодушен и низок, капризен, надменен, предан диким

фантазиям, тонок, образован, умен. — Он еще не ощутил *богатство* как некую совершенно *чуждую силу,* стоящую над ним самим. Он скорее видит в богатстве лишь свою собственную силу, и последней, конечной целью [для него является не] богатство, а *наслаждение* [. . . .]*.

Этой... [XXI] блестящей, ослепленной чувственной видимостью иллюзии о сущности богатства противостоит *деловитый, трезвый, экономически мыслящий, прозаически настроенный,* просвещенный насчет сущности богатства промышленник, и если он создает для жаждущего наслаждений расточителя новые, более широкие возможности и всячески льстит ему своими продуктами — все его продукты являются низкими комплиментами вожделениям расточителя, — то он умеет при этом присвоить самому себе единственно *полезным* образом ту силу, которая ускользает от расточителя. Если, в соответствии с этим, на первых порах промышленное богатство выступает как результат расточительного, фантастического богатства, то в дальнейшем собственное движение промышленного богатства вытесняет расточительное богатство также и активным образом. Понижение *денежного процента* является необходимым следствием и результатом промышленного развития. Таким образом, средства расточительного рантье уменьшаются ежедневно в *обратном* отношении к увеличению средств и соблазнов наслаждения. Поэтому он должен либо проесть свой капитал, т. е. разориться, либо сам стать промышленным капиталистом... Правда, с другой стороны, непосредственно в результате промышленного развития постоянно повышается *земельная рента,* но, как мы уже видели, наступает необходимым образом момент, когда земельная собственность, как и всякая другая собственность, должна перейти в категорию воспроизводящего себя с прибылью капитала, а это является результатом того же самого промышленного развития. Следовательно, и расточительный землевладелец должен либо проесть свой капитал, т. е. разориться, либо сам стать арендатором своей собственной земли, т. е. превратиться в возделывающего землю предпринимателя.

Поэтому уменьшение денежного процента, — рассматриваемое Прудоном как упразднение капитала и как тенденция к его социализации, — является непосредственно, наоборот, только симптомом полной победы работающего капитала над расточительным богатством, т. е. симптомом превращения всякой част-

* Рукопись здесь в нескольких местах повреждена; нижняя часть страницы оборвана, недостает трех или четырех строк текста. *Ред.*

ной собственности в промышленный капитал. Это есть полная победа частной собственности над всеми *по видимости* еще человеческими качествами ее и полное подчинение частного собственника сущности частной собственности — *труду*. Конечно, и промышленный капиталист тоже потребляет и наслаждается. Он отнюдь не возвращается к противоестественной простоте потребностей. Но его потребление и наслаждение есть нечто только побочное; оно для него — отдых, подчиненный производству; при этом оно — *рассчитанное,* т. е. тоже *экономическое* наслаждение, ибо капиталист причисляет свое наслаждение к издержкам капитала, и он поэтому вправе тратить деньги на свое наслаждение лишь в таких пределах, чтобы эти его траты могли быть возмещены с лихвой путем воспроизводства капитала. Таким образом, наслаждение подчинено капиталу, наслаждающийся индивид — капитализирующему индивиду, тогда как раньше имело место обратное. Поэтому снижение процента является симптомом упразднения капитала лишь в том смысле, что оно является симптомом его завершающегося господства, симптомом завершающегося и потому устремляющегося к своему уничтожению отчуждения. Это вообще — единственный способ, каким существующее утверждает свою противоположность.〉

Поэтому спор политэкономов о роскоши и бережливости есть лишь пререкание между политической экономией, уяснившей себе сущность богатства, и той политической экономией, которая находится еще во власти романтических антипромышленных воспоминаний. Но обе стороны не умеют свести предмет спора к его простому выражению и потому не могут справиться друг с другом. [XXI]

[XXXIV] Далее *земельная рента* была ниспровергнута как земельная рента, поскольку новейшая политическая экономия — в противоположность физиократам, утверждавшим, что земельный собственник есть единственный подлинный производитель, — доказала, что земельный собственник, как таковой, является скорее единственным совершенно непроизводительным рантье. Согласно новейшей политической экономии, земледелие есть дело капиталиста, который дает такое применение своему капиталу, если от этого применения он может ожидать нормальную прибыль. Поэтому тезис физиократов о том, что земельные собственники, в качестве единственно производительных собственников, должны одни платить государственные налоги и, значит, одни только имеют право вотировать их и принимать участие в государственных делах, — этот тезис превращается в противоположное утверждение, что налог на земельную ренту

есть единственный налог на непроизводительный доход и, следовательно, единственный налог, не наносящий вреда национальному производству. Ясно, что при таком понимании вещей и политические привилегии земельных собственников уже не могут вытекать из того факта, что они — главные налогоплательщики.

Все то, что Прудон считает движением труда против капитала, есть лишь движение труда в форме капитала, т. е. движение *промышленного капитала,* против капитала, потребляемого не *в качестве* капитала, т. е. не промышленным образом. И это движение идет своим победоносным путем, т. е. путем победы *промышленного* капитала. — Мы видим, таким образом, что лишь в том случае, если *труд* рассматривается как сущность частной собственности, можно уяснить себе действительную природу также и политэкономического движения как такового.

Общество — каким оно выступает для политэконома — есть *буржуазное общество,* где каждый индивид представляет собой некоторый замкнутый комплекс потребностей и [XXXV] существует для другого лишь постольку, — а другой существует для него лишь постольку, — поскольку они обоюдно становятся друг для друга средством. Подобно политикам в их рассуждениях о *правах человека,* и политэконом сводит все к человеку, т. е. к индивиду, у которого он отнимает все определенные свойства, чтобы рассматривать его только как капиталиста или рабочего.

Разделение труда есть экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения. Иначе говоря, так как *труд* есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, проявление жизни как ее отчуждение, то и *разделение труда* есть не что иное, как *отчужденное,* полагание человеческой деятельности в качестве *реальной родовой деятельности,* или в качестве *деятельности человека как родового существа.*

Относительно *сущности разделения труда,* — которое, с тех пор как *труд* был признан *сущностью частной собственности,* естественно должно было рассматриваться как один из главных двигателей производства богатства, — т. е. относительно этой *отчужденной формы человеческой деятельности как родовой деятельности,* политэкономы высказываются очень неясно и противоречиво.

Адам Смит:

«*Разделение труда* обязано своим происхождением не мудрости человеческой. Оно есть необходимый результат медленного и постепен-

ного развития склонности к обмену и взаимной торговле продуктами. Эта склонность к обмену есть, вероятно, необходимое следствие способности рассуждать и дара речи. Она свойственна всем людям и не встречается ни у одного животного. Животное, как только оно достигло зрелого возраста, живет само по себе, совершенно независимо от других. Человек же постоянно нуждается в помощи других людей, и он тщетно ожидал бы такой помощи от одной только их доброжелательности. Гораздо надежнее будет апеллировать к их личной заинтересованности и убедить их в том, что их собственная выгода диктует им делать то, чего он от них желает. Имея дело с другими людьми, мы взываем не к их *человечности*, а к их *эгоизму*. Мы никогда не говорим им о *наших потребностях*, а говорим всегда о *их выгоде*. — Так как, стало быть, мы получаем большинство взаимно необходимых нам услуг благодаря обмену, торговле, купле-продаже, то именно эта склонность к *обмену* и породила *разделение труда*. Например, в каком-нибудь племени охотников или пастухов какой-нибудь человек изготовляет луки и тетивы проворнее и искуснее, чем другие. Он часто обменивает эти продукты своего труда на скот и дичь своих соплеменников. Скоро он замечает, что таким способом он может добыть их себе легче, чем если бы он сам ходил на охоту. Движимый соображениями расчета, он делает поэтому своим главным занятием изготовление луков и т. д. Различие *природных дарований* у индивидов есть не столько *причина*, сколько *следствие* разделения труда... Не будь у человека склонности к обмену и торговле, каждый индивид был бы вынужден сам изготовлять себе все необходимое для существования и жизненных удобств. Каждому приходилось бы выполнять *одну и ту же повседневную работу*, и не было бы того огромного *разнообразия занятий*, которое только и может породить значительное различие в дарованиях. — Как эта склонность к обмену порождает среди людей различие дарований, так та же самая склонность делает это различие полезным. Многие породы животных, хотя они принадлежат к одному и тому же виду, имеют от природы столь различный характер и столь различные предрасположения, что эти различия являются более разительными, чем различия, наблюдаемые среди необразованных людей. От природы между философом и грузчиком различие и в половину не столь велико — в смысле дарования и ума, — как различие между дворняжкой и борзой, между борзой и лягавой, между лягавой и овчаркой. Тем не менее эти различные породы животных, несмотря на их принадлежность к одному и тому же виду, не приносят почти никакой пользы друг другу. Дворовый пес, обладая преимуществом своей силы, [XXXVI] не получает никакой пользы от быстроты и легкости борзой, и т. д. Вследствие отсутствия способности или склонности к торговле и обмену результаты деятельности этих различных дарований или ступеней интеллигентности не могут быть собраны вместе и ни малейшим образом не способствуют *выгоде* или *общим удобствам всего вида*. Каждое животное вынуждено само себя содержать и защищать, независимо от других; оно не может извлечь ни малейшей пользы из различия тех способностей, которыми природа наделила других животных того же вида. У людей, наоборот, самые различные дарования оказываются полезными друг другу, потому что, благодаря склонности всех людей к обмену и торговле, *различные продукты* их различных деятельностей собираются, так сказать, в одну общую массу, где каждый человек может, сообразно своим потребностям, купить себе известную часть продуктов труда других людей. — Так как источником *разделения труда* является эта склонность к *обмену*, то отсюда следует, что *рост этого разделения труда* всегда ограничен *способностью к обмену*, или, другими словами, *размерами*

рынка. Если рынок очень мал, то никто не захочет отдаться целиком одному какому-нибудь занятию — за отсутствием возможности обменивать излишек продуктов своего труда, ненужный для его собственного потребления, на подобный же излишек тех продуктов чужого труда, которые он хотел бы получить...». В *цивилизованном* состоянии «каждый человек живет обменом и становится своего рода *торговцем,* а *само общество* есть, собственно говоря, *торговое* общество» (см. Дестют де Траси. «Общество, это — ряд взаимных обменов; в *торговле* — вся суть общества» [7]). «...Накопление капиталов растет вместе с разделением труда, и наоборот».

Так говорит *Адам Смит* [65].

«Если бы каждая семья производила всю совокупность предметов своего потребления, то общество могло бы существовать и при отсутствии какого бы то ни было обмена. — Хотя обмен *не* является *основой* общества, без него, однако, нельзя обойтись в цивилизованном состоянии нашего общества. — Разделение труда есть умелое применение сил человека; оно умножает продукты общества, увеличивает его мощь и его наслаждения, но оно же ограничивает, уменьшает способность каждого человека, взятого в отдельности. — Производство не может иметь места без обмена».

Так говорит *Ж. Б. Сэй* [66].

«Присущие человеку от природы силы, это — его разум и его физическая способность к труду. Силы же, проистекающие из общественного состояния, заключаются в способности *разделять труд* и *распределять среди различных людей различные работы...* и в *способности* обмениваться *взаимными услугами* и продуктами, образующими средства существования. Мотив, по которому один человек оказывает услуги другому, — эгоистического порядка: человек требует вознаграждения за услуги, оказанные другому. — Право исключительной частной собственности является необходимым условием для того, чтобы среди людей мог установиться обмен». «Обмен и разделение труда взаимно обусловливают друг друга».

Так говорит *Скарбек* [67].

Милль изображает развитой обмен, *торговлю,* как *следствие разделения труда:*

«Деятельность человека можно свести к весьма простым элементам. В сущности говоря, он может делать только одно: производить движение; он может передвигать вещи, [XXXVII] чтобы приблизить их друг к другу или удалить друг от друга; все остальное делают свойства материи. Применяя труд и машины, люди часто замечают, что эффект может быть усилен путем умелого распределения операций, а именно путем отделения друг от друга операций, друг другу мешающих, и соединения всех тех операций, которые тем или иным способом могут друг другу содействовать. Как общее правило, люди не могут выполнять множество различных операций с такой же быстротой и ловкостью, с какой они благодаря навыку научаются выполнять небольшое число операций. Поэтому всегда бывает выгодно как можно больше ограничивать количество операций, поручаемых каждому отдельному индивиду. — Для наивыгоднейшего разделения труда и наивыгоднейшего

распределения сил людей и машин в очень многих случаях необходимо действовать в крупном масштабе, другими словами, производить богатства большими массами. Эта выгода является причиной возникновения крупных мануфактур. Иногда небольшое количество таких мануфактур, основанных при благоприятных условиях, снабжает не только одну страну, а несколько стран всем требующимся там количеством производимых ими предметов».

Так говорит *Милль*[68].

Однако все современные политэкономы согласны между собой в том, что разделение труда и богатство производства, разделение труда и накопление капитала взаимно обусловливают друг друга и что *освобожденная от пут*, предоставленная самой себе частная собственность одна только может создать наиболее полезное и всеобъемлющее разделение труда.

Рассуждения *Адама Смита* можно резюмировать следующим образом:

Разделение труда сообщает труду бесконечную производительность. Оно коренится в *склонности* к *обмену* и *торговле*, специфически человеческой склонности, которая, вероятно, не случайна, а обусловлена применением разума и языка. Мотив, которым руководствуются обменивающиеся между собой люди, это — не *человеколюбие*, а *эгоизм*. Разнообразие человеческих дарований — скорее следствие, чем причина разделения труда, т. е. обмена. Только обмен и делает полезным это разнообразие. Особые свойства разных пород животных одного вида различаются между собой от природы больше, чем различаются между собой у разных людей те или другие способности и деятельности. Но так как животные неспособны к *обмену*, то ни одному животному индивиду не приносят никакой пользы отличающиеся от его породы свойства животного того же вида, но другой породы. Животные не могут складывать вместе различные свойства своего вида; они не могут ничего сделать для *общей* пользы и для *общих* удобств своего вида. Иное дело *человек*. Здесь самые разнообразные дарования и виды деятельности оказываются полезными друг другу, *потому что* люди умеют собирать свои *различные* продукты в одну общую массу, откуда каждый может покупать себе то, что ему нужно. Так как разделение труда возникает из склонности к *обмену*, то оно растет и удерживается в определенных границах в зависимости от *размеров обмена, рынка*. В цивилизованном состоянии каждый человек является *торговцем*, а общество является *торговым обществом*.

Сэй считает *обмен* чем-то случайным, не основным. Общество могло бы существовать и без него. Обмен становится необходимым в цивилизованном состоянии общества. Тем не менее

производство не может иметь места *без обмена*. Разделение труда есть *удобное, полезное* средство, умелое применение человеческих сил для создания общественного богатства, но оно уменьшает *способности каждого человека*, взятого *в отдельности*. Это последнее замечание является шагом вперед со стороны Сэя.

Скарбек отличает *индивидуальные, от природы присущие человеку* силы — разум и физическую способность к труду, от сил, *проистекающих* из общества, — *обмена* и *разделения труда*, которые взаимно обусловливают друг друга. А необходимой предпосылкой обмена является, по Скарбеку, *частная собственность*. Скарбек выражает здесь в объективной форме то, что говорят Смит, Сэй, Рикардо и др., когда они указывают на *эгоизм, частный интерес*, как на основу обмена, или когда они называют *торговлю существенной* и *адекватной* формой обмена.

Милль изображает *торговлю* как следствие *разделения труда*. *Человеческая* деятельность сводится, по его мнению, к *механическому движению*. Разделение труда и применение машин способствуют богатству производства. Каждому человеку следует поручать возможно меньший круг операций. Со своей стороны, разделение труда и применение машин обусловливают массовое производство богатства, следовательно, продуктов. Это и является причиной возникновения крупных мануфактур.

[XXXVIII] Рассмотрение *разделения труда* и *обмена* представляет величайший интерес, потому что это — *наглядно отчужденные* выражения человеческой *деятельности*, как *родовой* деятельности, и человеческой *сущностной силы*, как *родовой* сущностной силы.

Сказать, что *разделение труда* и *обмен* покоятся на *частной собственности*, равносильно утверждению, что *труд* является сущностью частной собственности, — утверждению, которое политэконом не может доказать и которое мы намерены доказать за него. Именно то обстоятельство, что *разделение труда* и *обмен* суть формы частной собственности, как раз и служит доказательством как того, что *человеческая* жизнь нуждалась для своего осуществления в *частной собственности*, так, с другой стороны, и того, что теперь она нуждается в упразднении частной собственности.

Разделение труда и *обмен*, это — те два *явления*, при рассмотрении которых политэконом кичится общественным характером своей науки и тут же, не переводя дыхания, бессознательно высказывает заключающееся в ней противоречие, а именно обоснование общества при помощи необщественных, частных интересов.

Нам надлежит рассмотреть следующие моменты:

Во-первых, *склонность к обмену*, основу которой политэкономы находят в эгоизме, рассматривается как причина или взаимодействующий фактор разделения труда. Сэй считает обмен чем-то не *основным* для сущности общества. Богатство, производство объясняются разделением труда и обменом. Признается, что разделение труда вызывает обеднение и деградацию индивидуальной деятельности. Обмен и разделение труда признаются причинами великого *разнообразия человеческих дарований*, разнообразия, которое становится *полезным* опять-таки благодаря обмену. Скарбек делит производственные или производительные сущностные силы человека на две части: 1) на индивидуальные, от природы присущие человеку силы — его разум и специальная склонность или способность к определенному труду, и 2) на *проистекающие* из общества, а не из реального индивида, силы — разделение труда и обмен. — Далее: разделение труда ограничено *рынком*. — Человеческий труд есть простое *механическое движение;* самое главное выполняют материальные свойства предметов. — Каждому отдельному индивиду следует поручать возможно меньше операций. — Раздробление труда и концентрация капитала, неэффективность индивидуального производства и массовое производство богатства. — Значение свободной частной собственности для разделения труда.

[ДЕНЬГИ]

[XLI] Если *ощущения* человека, его страсти и т. д. суть не только антропологические определения в [узком] смысле, но и подлинно *онтологические* утверждения сущности (природы) и если они реально утверждают себя только тем, что их *предмет* существует для них *чувственно*, то вполне понятно, 1) что способ их утверждения отнюдь не один и тот же и что, более того, различный способ утверждения образует особенность их бытия, их жизни; каким образом предмет существует для них, это и составляет своеобразие каждого специфического *наслаждения;* 2) там, где чувственное утверждение является непосредственным уничтожением предмета в его самостоятельной форме (еда, питье, обработка предмета и т. д.), это и есть утверждение предмета; 3) поскольку человек *человечен*, а следовательно, и его ощущение и т. д. *человечно*, постольку утверждение данного предмета другими людьми есть также и его собственное наслаждение; 4) только при помощи развитой промышленности, т. е. через посредство частной собственности, онтологическая сущность человеческой страсти осуществляется как во всей своей целостности, так и в своей человечности; таким образом, сама наука о человеке есть продукт практического самоосуществления человека; 5) смысл частной собственности, если ее отделить от ее отчужденности, есть *наличие существенных предметов* для человека как в виде предметов наслаждения, так и в виде предметов деятельности.

Деньги, обладающие *свойством* все покупать, свойством все предметы себе присваивать, представляют собой, следовательно, *предмет* в наивысшем смысле. Универсальность этого их *свой-*

ства есть всемогущество их сущности; поэтому они слывут всемогущими. Деньги — это *сводник* между потребностью и предметом, между жизнью и жизненными средствами человека. Но *то, что* опосредствует мне *мою* жизнь, *опосредствует мне* и существование другого человека для меня. Вот что для меня означает *другой* человек.

«Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова
И зад — твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы — не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!»

Гёте. «Фауст» (слова Мефистофеля) *.

Шекспир в «*Тимоне Афинском*»:

«...Золото? Металл
Сверкающий, красивый, драгоценный?
Нет, боги! Нет, я искренно молил...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее — белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым и свежим!
...Это
От алтарей отгонит ваших слуг
Из-под голов больных подушки вырвет.
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов; вдове, давно отжившей,
Даст женихов; раздушит, расцветит,
Как майский день, ту жертву язв поганых,
Которую и самый госпиталь
Из стен своих прочь гонит с отвращеньем! —
Ступай назад, проклятая земля,
Наложница всесветная, причина
Вражды и войн народов...».

И затем дальше:

«О милый мой цареубийца! Ты,
Орудие любезное раздора
Отцов с детьми; ты, осквернитель светлый
Чистейших лож супружеских; ты, Марс

* *И. В. Гёте*. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). *Ред.*

Отважнейший; ты, вечно юный, свежий
И взысканный любовию жених,
Чей яркий блеск с колен Дианы гонит
Священный снег; ты, *видимый нам бог,*
Сближающий *несродные предметы,*
Велящий им лобзаться, говорящий
Для целей всех на каждом языке;
[XLII] Ты, оселок сердец, — представь, что люди,
Твои рабы, вдруг взбунтовались все,
И силою своею между ними
Кровавые раздоры *посели,*
Чтоб сделались царями мира звери» *.

Шекспир превосходно изображает сущность *денег.* Чтобы понять его, начнем сперва с толкования отрывка из Гёте.

То, что существует для меня благодаря *деньгам,* то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — *я сам,* владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и сущностные силы. Поэтому то, что я *есть* и что я *в состоянии* сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я *уродлив,* но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив,* ибо действие *уродства,* его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой,* но деньги добывают мне 24 ноги; значит я не хромой. Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец. Деньги являются высшим благом — значит, хорош и их владелец. Деньги, кроме того, избавляют меня от труда быть нечестным, — поэтому заранее считается, что я честен. Я *скудоумен,* но деньги — это *реальный ум* всех вещей, — как же может быть скудоумен их владелец? К тому же он может купить себе людей блестящего ума, а тот, кто имеет власть над людьми блестящего ума, разве не умнее их? И разве я, который с помощью денег способен получить *все,* чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями? Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?

Если *деньги* являются узами, связывающими меня с *человеческою* жизнью, обществом, природой и людьми, то разве они не узы всех *уз?* Разве они не могут завязывать и расторгать любые узы? Не являются ли они поэтому также и всеобщим *средством разъединения?* Они, поистине, и разъединяющая людей *«разменная монета»* и подлинно *связующее средство;* они — [...] ** *химическая* сила общества.

* *Шекспир.* «Тимон Афинский», акт IV, сцена третья. *Ред.*
** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

Шекспир особенно подчеркивает в деньгах два их свойства:

1) Они — видимое божество, превращение всех человеческих и природных свойств в их противоположность, всеобщее смешение и извращение вещей; они осуществляют братание невозможностей.

2) Они — наложница всесветная, всеобщий сводник людей и народов.

Извращение и смешение всех человеческих и природных качеств, братание невозможностей, — эта *божественная* сила денег — кроется в *сущности* денег как отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущности* человека. Они — отчужденная *мощь человечества.*

То, чего я как *человек* не в состоянии сделать, т. е. чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи *денег.* Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в ее *противоположность.*

Когда мне хочется какого-нибудь кушанья или когда я хочу воспользоваться почтовой каретой, ввиду того что я недостаточно силен, чтобы проделать путь пешком, то деньги доставляют мне и кушанье и почтовую карету, т. е. они претворяют и переводят мои желания из чего-то пребывающего в представлении, из их мыслимого, представляемого, желаемого бытия в их *чувственное, действительное* бытие, из представления в жизнь, из воображаемого бытия в бытие реальное. В качестве такого опосредствования деньги — это *подлинно творческая* сила.

Спрос имеется, конечно, и у того, у кого нет денег, но такой спрос есть нечто пребывающее только в представлении, нечто не оказывающее на меня, на другого, на третьего [XLIII] никакого действия, нечто лишенное существования и, следовательно, остающееся для меня самого чем-то *недействительным, беспредметным.* Различие между спросом эффективным, основанным на деньгах, и спросом неэффективным, основанным на моей потребности, моей страсти, моем желании и т. д., есть различие между *бытием* и *мышлением,* между представлением, *существующим* лишь во мне, и таким представлением, которое для меня существует вне меня в качестве *действительного предмета.*

Если у меня нет денег для путешествия, то у меня нет и *потребности,* т. е. действительной и претворяющейся в действительность потребности в путешествии. Если у меня есть *призвание* к научным занятиям, но нет для этого денег, то у меня

нет и призвания, т. е. *действенного, настоящего* призвания к этому. Наоборот, если я на самом деле *не* имею *никакого* призвания к научным занятиям, но у меня есть желание *и* деньги, то у меня есть к этому *действенное* призвание. *Деньги* — как внешнее, проистекающее не из человека как человека и не из человеческого общества как общества всеобщее *средство* и *способность* превращать *представление в действительность,* а *действительность в простое представление* — в такой же мере превращают *действительные человеческие и природные сущностные силы* в чисто абстрактные представления и потому в *несовершенства,* в мучительные химеры, в какой мере они, с другой стороны, превращают *действительные несовершенства и химеры,* действительно немощные, лишь в воображении индивида существующие сущностные силы индивида в *действительные сущностные силы* и *способности.* Уже согласно этому определению деньги являются, следовательно, всеобщим извращением *индивидуальностей,* которые они превращают в их противоположность и которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам.

В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей.* Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость.

Так как деньги, в качестве существующего и действующего понятия стоимости, смешивают и обменивают все вещи, то они представляют собой всеобщее *смешение* и *подмену* всех вещей, следовательно, мир навыворот, смешение и подмену всех природных и человеческих качеств.

Кто может купить храбрость, тот храбр, хотя бы он и был трусом. Так как деньги обмениваются не на какое-нибудь одно определенное качество, не на какую-нибудь одну определенную вещь или определенные сущностные силы человека, а на весь человеческий и природный предметный мир, то, с точки зрения их владельца, они обменивают любое свойство и любой предмет на любое другое свойство или предмет, хотя бы и противоречащие обмениваемому. Деньги осуществляют братание невозможностей; они принуждают к поцелую то, что противоречит друг другу.

Предположи теперь *человека* как *человека* и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на дове-

рие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением* твоей *действительной индивидуальной* жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя *человеком любимым*, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье. [XLIII]

[КРИТИКА ГЕГЕЛЕВСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ И ФИЛОСОФИИ ВООБЩЕ]

[XI] 6) В этом пункте, быть может, уместно будет — в целях разъяснения и обоснования правомерности развиваемых здесь мыслей — привести некоторые соображения как относительно гегелевской диалектики вообще, так, в особенности, о ее изложении в «Феноменологии» и «Логике» и, наконец, об отношении к Гегелю новейшего критического движения.

Современная немецкая критика так много занималась содержанием старого мира, ее развитие до такой степени было сковано критикуемой материей, что в результате получилось совершенно некритическое отношение к методу самой критики и полное отсутствие сознательности по отношению к *внешне формальному*, но в действительности *существенному* вопросу о том, в каких же взаимоотношениях мы находимся с гегелевской *диалектикой?* Бессознательность по вопросу об отношении современной критики к гегелевской философии вообще и к диалектике в частности была так велика, что такие критики, как *Штраус* и *Бруно Бауэр,* все еще находятся — первый целиком и полностью, а второй в своих «Синоптиках» [69] (где он, в противоположность Штраусу, ставит «самосознание» абстрактного человека на место субстанции «абстрактной природы») и даже еще в «Раскрытом христианстве» [70] по меньшей мере потенциально полностью — во власти гегелевской логики. Так, например, в «Раскрытом христианстве» говорится:

«Как будто самосознание, которое полагает мир, полагает различие и в том, что оно творит, творит само себя, так как оно снова уничтожает различие своего творения от самого себя и является самим собою только в акте творения и в движении, — как будто это самосознание

не имеет своей цели в этом движении» и т. д. Или: «Они» (французские материалисты) «еще не могли усмотреть того, что движение вселенной становится действительно движением для себя лишь как движение самосознания, достигая в последнем единства с самим собой».

Эти выражения даже по языку ничем не отличаются от гегелевских взглядов и скорее повторяют их дословно.

[XII] Как мало во время акта критики (Бауэр, «Синоптики») было налицо сознания в отношении гегелевской диалектики и как мало было этого сознания и после акта предметной критики, это доказывает Бауэр, если он в своем «Правом деле свободы» [71] отделывается от дерзкого вопроса г-на Группе: «Ну, а как же обстоит дело с логикой?» — тем, что отсылает его к будущим критикам [72].

Но и теперь, после того как *Фейербах* и в своих «Тезисах» в «Anekdota» и подробнее в «Философии будущего» опрокинул в корне старую диалектику и философию, после того как, наоборот, вышеуказанная критика, не сумевшая выполнить это дело, увидела, что это дело выполнено, и провозгласила себя чистой, решительной, абсолютной, все себе уяснившей критикой, после того как она в своем спиритуалистическом высокомерии свела все историческое движение к отношению остального мира (зачисленного ею, в отличие от нее самой, в категорию «массы») к ней самой и растворила все догматические противоположности в *одной* догматической противоположности между собственной своей мудростью и глупостью мира, между критическим Христом и человечеством как *«толпой»*, после того как она ежедневно и ежечасно доказывала свои собственные превосходные качества путем выявления скудоумия массы, после того как она в печати заявила о своем решительном превосходстве как над человеческими ощущениями, так и над миром, над которым она возвышается в царственном одиночестве, разражаясь лишь время от времени саркастическим смехом олимпийских богов, после того как, наконец, она возвестила критический *страшный суд*, заявив, что близится день, когда против нее ополчится все погибающее человечество, которое будет разбито ею на группы, причем каждая особая группа получит свое testimonium paupertatis *, — после всех этих забавных кривляний умирающего в форме критики идеализма (младогегельянства) этот идеализм не высказал даже и отдаленного намека на то, что пора критически размежеваться со своей матерью, гегелевской диалектикой, и даже не сумел [ничего] сообщить о своем критическом отношении к фейербаховской

* — свидетельство о бедности. *Ред.*

диалектике. Это — совершенно некритическое отношение к самому себе.

Фейербах — единственный мыслитель, у которого мы наблюдаем *серьезное, критическое* отношение к гегелевской диалектике; только он сделал подлинные открытия в этой области и вообще по-настоящему преодолел старую философию. Величие сделанного Фейербахом и скромная простота, с какой он выступает перед миром, находятся в поразительном контрасте с тем, что наблюдается в этом отношении у критики.

Подвиг Фейербаха заключается в следующем:

1) в доказательстве того, что философия есть не что иное, как выраженная в мыслях и логически систематизированная религия, не что иное, как другая форма, другой способ существования отчуждения человеческой сущности, и что, следовательно, она также подлежит осуждению;

2) в основании *истинного материализма* и *реальной науки*, поскольку общественное отношение «человека к человеку» Фейербах также делает основным принципом теории;

3) в том, что отрицанию отрицания, утверждающему, что оно есть абсолютно положительное, он противопоставляет покоящееся на самом себе и основывающееся положительно на самом себе положительное.

Фейербах следующим образом толкует гегелевскую диалектику (тем самым обосновывая необходимость исходить из положительного, из чувственно-достоверного):

Гегель исходит из отчуждения (логически: из бесконечного, абстрактно-всеобщего), из субстанции, абсолютной и неподвижной абстракции, т. е., выражаясь популярнее, он исходит из религии и теологии.

Во-вторых, он снимает бесконечное и полагает действительное, чувственное, реальное, конечное, особенное (философия, снятие религии и теологии).

В-третьих: он снова снимает положительное и восстанавливает абстракцию, бесконечное. Восстановление религии и теологии.

Таким образом, Фейербах рассматривает отрицание отрицания *только* как противоречие философии с самой собой, как философию, утверждающую теологию (трансцендентность и т. д.), после того как она подвергла ее отрицанию, т. е. утверждающую теологию вопреки самой себе.

То положение, или самоутверждение и самоподтверждение, которое заключено в отрицании отрицания, рассматривается Фейербахом как еще неуверенное в самом себе и содержащее

поэтому в самом себе свою противоположность, как сомневающееся в самом себе и поэтому нуждающееся в доказательстве, следовательно, как не доказывающее само себя своим бытием, как непризнанное [XIII] положение, и поэтому ему прямо и непосредственно противопоставляется чувственно-достоверное, основывающееся на самом себе положение *.

А так как Гегель рассматривал отрицание отрицания с положительной, заключенной в нем, стороны как подлинно и единственно положительное, с отрицательной, заключенной в нем, стороны — как единственно истинный акт и акт самоосуществления всякого бытия, то он нашел лишь *абстрактное, логическое, спекулятивное* выражение для движения такой истории, которая не есть еще *действительная* история человека как уже предположенного субъекта, а есть только *акт порождения, история возникновения* человека.

Мы постараемся объяснить как абстрактную форму этого движения у Гегеля, так и те отличительные черты, которые присущи ему в противоположность современной критике, т. е. в противоположность изображению того же процесса в фейербаховской «Сущности христианства», или, вернее, мы постараемся выяснить *критическую* форму этого, у Гегеля еще некритического, движения.

Взгляд на гегелевскую систему. Нужно начать с гегелевской «*Феноменологии*», истинного истока и тайны гегелевской философии.

Феноменология.

A) *Самосознание.*

I. *Сознание.* α) Чувственная достоверность, или «это», и *мнение.* β) *Восприятие,* или вещь с ее свойствами, и *иллюзия.* γ) Сила и рассудок, явление и сверхчувственный мир.

II. *Самосознание.* Истина собственной достоверности. a) Самостоятельность самосознания и его несамостоятельность, господство и рабство. b) Свобода самосознания. Стоицизм, скептицизм, несчастное сознание.

III. *Разум.* Достоверность и истина разума. a) Наблюдающий разум; наблюдение природы и самосознания. b) Осуществление разумного самосознания посредством самого себя. Удовольствие и необходимость. Закон сердца и безумие самомнения. Добродетель и обычное течение жизни. c) Индивидуальность, реальная в себе и для самой себя. Духовное

---

* В этом месте Маркс сделал приписку: «Фейербах рассматривает отрицание отрицания, конкретное понятие, так же как и мышление, превосходящее себя в мышлении и, в качестве мышления, желающее быть непосредственно созерцанием, природой, действительностью» [78]. *Ред.*

животное царство и обман, или само дело. Законодательный разум. Исследующий законы разум.

B) *Дух.*

I. *Истинный* дух; нравственность. II. Отчужденный от себя дух, образование. III. Удостоверившийся в себе дух, моральность.

C) Религия. *Естественная* религия, *художественная религия,* религия *откровения.*

D) *Абсолютное знание.*

Так как «*Энциклопедия*» Гегеля начинает с логики, с *чистой спекулятивной мысли* и кончает *абсолютным знанием,* самосознательным, постигающим самого себя философским или абсолютным, т. е. сверхчеловеческим абстрактным духом, то вся «Энциклопедия» есть не что иное, как *развернутая сущность* философского духа, его самоопредмечивание; а философский дух есть не что иное, как отчужденный дух мира, мысленно, т. е. абстрактно, постигающий себя внутри своего отчуждения. *Логика — деньги* духа, спекулятивная, *мысленная стоимость* человека и природы, их ставшая совершенно равнодушной ко всякой действительной определенности и потому недействительная сущность — *отчужденное,* а поэтому абстрагирующее от природы и от действительного человека *мышление: абстрактное* мышление. — *Внешность этого абстрактного мышления... природа,* как она есть для этого абстрактного мышления. Она является внешней для него, она — его самоутрата; и оно, это абстрактное мышление, постигает ее тоже внешним образом, как абстрактную мысль, но как отчужденное абстрактное мышление. — Наконец, *дух,* это возвращающееся в свое собственное материнское лоно мышление, которое в качестве антропологического, феноменологического, психологического, нравственного, художественного, религиозного духа все еще не является для себя самим собою, пока оно, в конце концов, не находит себя как *абсолютное* знание и потому как абсолютный, т. е. абстрактный дух, где оно относится только к самому себе и получает свое сознательное и соответствующее себе бытие. Ибо его действительное бытие есть *абстракция.*

У Гегеля имеется двоякая ошибка.

Первая яснее всего выступает в «Феноменологии» как истоке гегелевской философии. Когда, например, он рассматривает богатство, государственную власть и т. д. как сущности, отчужденные от *человеческой* сущности, то он берет их только в их мысленной форме. Они — мысленные сущности и поэтому только отчуждение *чистого,* т. е. абстрактного философского мышления. Поэтому все движение заканчивается абсолютным

знанием. То, от чего отчуждены эти предметы и чему они противостоят с притязанием на действительность, — это именно абстрактное мышление. *Философ* — сам абстрактный образ отчужденного человека — делает себя *масштабом* отчужденного мира. Поэтому вся *история отчуждения* и все *устранение* отчуждения есть не что иное, как *история производства* абстрактного, т. е. абсолютного [XVII] * мышления, логического, спекулятивного мышления. Вследствие этого *отчуждение,* образующее собственный интерес этого отчуждения и снятия этого отчуждения, представляет собой у Гегеля противоположность между *в-себе* и *для-себя,* между *сознанием* и *самосознанием,* между *объектом* и *субъектом,* т. е. противоположность между абстрактным мышлением и чувственной действительностью, или действительной чувственностью, в пределах самой мысли. Все другие противоположности и движения этих противоположностей суть только *видимость, оболочка, экзотерическая* форма этих единственно интересных противоположностей, которые образуют *смысл* других, вульгарных противоположностей. В качестве полагаемой и подлежащей снятию сущности отчуждения здесь выступает не то, что человеческая сущность *опредмечивается бесчеловечным образом,* в противоположность самой себе, а то, что она *опредмечивается* в *отличие* от абстрактного мышления и в *противоположность* к нему.

[XVIII] Следовательно, присвоение сущностных сил человека, ставших предметами, притом чужими предметами, есть, *во-первых,* только такое *присвоение,* которое совершается в *сознании,* в *чистом мышлении,* т. е. в *абстракции,* есть присвоение этих предметов как *мыслей* и *движений мыслей;* поэтому уже в «Феноменологии» — несмотря на ее решительно отрицательный и критический вид и несмотря на действительно содержащуюся в ней, часто далеко упреждающую позднейшее развитие, критику, — уже заключен в скрытом виде, в качестве зародыша, потенции, тайны, некритический позитивизм и столь же некритический идеализм позднейших гегелевских произведений, это философское разложение и восстановление наличной эмпирии. *Во-вторых,* требование возвращения предметного мира человеку — например, уразумение того, что *чувственное* сознание есть не *абстрактно* чувственное сознание, а *человечески* чувственное сознание, что религия, богатство и т. д. являются только отчужденной действительностью *человеческого* опредмечивания, отчужденной действительностью объективированных *человеческих* сущностных сил и что поэтому

---

* Здесь в рукописи авторская отсылка к стр. XIII. *Ред.*

они являются только *путем* к истинно *человеческой* действительности, — это присвоение человеческих сущностных сил или уразумение этого процесса имеет поэтому у Гегеля такой вид, что *чувственность, религия,* государственная власть и т. д. являются *духовными* сущностями, ибо только *дух* есть *истинная* сущность человека, а истинная форма духа — это мыслящий дух, логический, спекулятивный дух. *Человечность* природы и природы, созданной историей, продуктов человека, обнаруживается в том, что они являются *продуктами* абстрактного духа и постольку, стало быть, *духовными* моментами, *мысленными сущностями*. Поэтому «Феноменология» есть скрытая, еще неясная для самой себя и имеющая мистический вид критика; но поскольку она фиксирует *отчуждение* человека, — хотя человек выступает в ней только в виде духа, — постольку в ней заложены в скрытом виде *все* элементы критики, *подготовленные* и *разработанные* часто уже в форме, высоко поднимающейся над гегелевской точкой зрения. Отделы о «несчастном сознании», о «честном сознании», о борьбе «благородного и низменного сознания» и т. д. и т. д. содержат в себе — хотя еще в отчужденной форме — *критические* элементы целых областей, таких, как, например, религия, государство, гражданская жизнь и т. д. И подобно тому как *сущность, предмет* выступают у Гегеля как мысленные сущности, так и *субъект* есть всегда *сознание* или *самосознание,* или, вернее, предмет выступает только как *абстрактное* сознание, а человек только как *самосознание*. Поэтому различные выступающие в «Феноменологии» формы отчуждения являются только разными формами сознания и самосознания. Подобно тому как абстрактное сознание — в качестве какового рассматривается предмет — есть *в себе* только один из моментов самосознания, полагающего свои собственные различия, так и в качестве результата всего этого движения получается тождество самосознания с сознанием, абсолютное знание, или такое движение абстрактного мышления, которое направлено уже не вовне, а совершается уже только внутри самого себя, т. е. в качестве результата получается диалектика чистой мысли *. [XVIII]

[XXIII] ** Величие гегелевской «*Феноменологии*» и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как рас-

* В рукописи имеется авторская оговорка: продолжение см. на стр. XXII, однако такой страницы в рукописи нет. *Ред.*

** Здесь в рукописи авторская отсылка к стр. XVIII. *Ред.*

предмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*. *Действительное, деятельное* отношение человека к себе как к родовому существу, или проявление им себя на деле как действительного родового существа, т. е. как человеческого существа, возможно только тем путем, что человек действительно извлекает из себя все свои *родовые силы* (что опять-таки возможно лишь посредством совокупной деятельности человечества, лишь как результат истории) и относится к ним как к предметам, а это опять-таки возможно сперва только в форме отчуждения.

Односторонность и ограниченность Гегеля мы подробно покажем на примере заключительной главы «Феноменологии» об абсолютном знании; эта глава содержит в виде сжатого резюме как дух «Феноменологии», ее отношение к спекулятивной диалектике, так и *понимание* Гегелем их обеих и их взаимоотношения.

Предварительно мы заметим еще лишь следующее. Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии. Он рассматривает *труд* как *сущность*, как подтверждающую себя сущность человека; он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную. Труд есть *для-себя-становление человека* в рамках *отчуждения*, или в качестве *отчужденного* человека. Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный* труд. Таким образом, Гегель признает за сущность труда то, что вообще образует *сущность* философии, а именно — *отчуждение знающего себя человека*, или *мыслящую себя отчужденную* науку; он умеет поэтому, в противоположность предшествующей философии, собрать воедино ее отдельные моменты и представить свою философию как философию *по преимуществу*. То, что другие философы считали при рассмотрении отдельных моментов природы и человеческой жизни моментами самосознания, притом абстрактного самосознания, Гегель *считает делом* самой философии. Поэтому его наука абсолютна.

Перейдем теперь к нашему предмету.

Абсолютное знание. Последняя глава «Феноменологии».

Суть дела в том, что *предмет сознания* есть по Гегелю не что иное, как *самосознание*, или что предмет есть лишь *опредмеченное самосознание*, самосознание как предмет (приравнивание человека к самосознанию).

Поэтому речь идет о том, чтобы преодолеть *предмет сознания*. *Предметность* как таковая считается *отчужденным*,

не соответствующим *человеческой сущности* (самосознанию) отношением человека. Поэтому *обратное присвоение* порождаемой как нечто чужое, под категорией отчуждения, предметной сущности человека имеет значение не только снятия *отчуждения,* но и снятия *предметности,* т. е. человек рассматривается как *непредметное, спиритуалистическое* существо.

Движение *преодоления предмета сознания* Гегель описывает следующим образом:

Предмет являет себя не только как *возвращающийся* в *самость* [das *Selbst*] (это по Гегелю — *одностороннее,* т. е. схватывающее лишь одну сторону, понимание этого движения). Человек приравнивается к самости. Но самость есть лишь *абстрактно* мыслимый и абстракцией порожденный человек. Человек *есть* самоустремленное [selbstisch] существо. Его глаз, его ухо и т. д. *самоустремлены;* каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности.* Но именно поэтому совершенно неверно говорить: *самосознание* обладает глазом, ухом, сущностной силой. *Самосознание* есть скорее качество человеческой природы, человеческого глаза и т. д., а не человеческая природа есть качество [XXIV] *самосознания.*

Абстрагированная и фиксированная в виде самостоятельного существа самость, это — человек как *абстрактный эгоист,* это — *эгоизм,* поднятый до своей чистой абстракции, до сферы мышления (ниже мы к этому вернемся).

Человеческая сущность, человек для Гегеля равнозначны *самосознанию.* Поэтому всякое отчуждение человеческой сущности для него — *не что иное,* как *отчуждение самосознания.* Отчуждение самосознания не рассматривается как *выражение,* как отражающееся в знании и мышлении выражение *действительного* отчуждения человеческой сущности. Напротив, *действительное,* являющееся реальным отчуждение есть по своему *внутреннейшему* скрытому — и раскрываемому только философией — существу не что иное, как *проявление* отчуждения подлинной человеческой сущности, *самосознания.* Поэтому наука, постигающая это, называется *феноменологией.* Поэтому всякое обратное присвоение отчужденной предметной сущности выступает как включение ее в самосознание: овладевающий своей сущностью человек есть *только* самосознание, овладевающее предметной сущностью. Поэтому возвращение предмета в самость и есть обратное присвоение предмета.

Всесторонне выраженное *преодоление предмета сознания* состоит, по Гегелю, в том,

1) что предмет как таковой представляется сознанию как исчезающий;

2) что отчуждение самосознания есть то, что полагает вещность;

3) что это отчуждение имеет не только *отрицательное*, но и *положительное* значение;

4) что оно имеет это значение не только *для нас*, или в себе, но и *для самого сознания;*

5) что *для сознания* отрицание предмета, или упразднение предметом самого себя, приобретает *положительное* значение благодаря тому (или оно *сознает* это ничтожество предмета благодаря тому), что оно отчуждает само себя, ибо в этом отчуждении оно полагает *себя* как предмет, или полагает предмет как само себя, в силу нераздельного единства *для-себя-бытия;*

6) с другой стороны, здесь заключен вместе с тем и второй момент, именно — что оно в такой же степени сняло и вобрало обратно в себя это отчуждение и эту предметность и, следовательно, в *своем* инобытии *как таковом* все же находится *у себя;*

7) это есть движение сознания, и в этом движении сознание есть совокупность своих моментов;

8) сознание должно было относиться к предмету тоже согласно совокупности своих определений и рассматривать его с точки зрения каждого из этих определений. Эта совокупность определений сознания делает предмет *в себе духовной сущностью,* а для сознания он поистине становится таковой благодаря постижению каждого отдельного определения предмета как *самости,* или благодаря вышеуказанному *духовному* отношению к ним [74].

К пункту 1-му. — То, что предмет как таковой представляется сознанию как исчезающий, это есть вышеупомянутое *возвращение предмета в самость.*

К пункту 2-му. — *Отчуждение самосознания* полагает *вещность.* Так как человек равнозначен самосознанию, то его отчужденная предметная сущность, или *вещность* (то, *что* есть *для него предмет,* а предметом поистине является для него только то, что есть для него существенный предмет, что, следовательно, есть его *предметная* сущность. Так как субъектом делается не *действительный человек* как таковой и, следовательно, не *природа* — ведь человек есть *человеческая природа,* — а только абстракция человека, самосознание, то вещность может быть только отчужденным самосознанием), тождественна с *отчужденным самосознанием,* и *вещность* положена этим отчуждением. Вполне естественно как то, что живое, природное, наделенное и одаренное предметными, т. е. материальными, сущностными силами существо обладает также *действительными* природными *предметами* своей сущности, так и то, что

его самоотчуждение есть полагание некоторого *действительного,* но выступающего в форме *внешности* и, значит, не принадлежащего к его сущности и господствующего над ним предметного мира. В этом нет ничего непонятного и загадочного. Скорее, было бы загадочно обратное. Но столь же ясно и то, что *самосознание* посредством своего отчуждения может полагать только *вещность,* т. е. опять-таки только абстрактную вещь, вещь абстракции, а не *действительную* вещь. [XXVI] * Далее ясно, что вещность не представляет поэтому ничего *самостоятельного, существенного* по отношению к самосознанию, а является только чистым созданием, чем-то *полагаемым* им и что это полагаемое, вместо того чтобы подтверждать само себя, есть только подтверждение акта полагания, закрепляющего на мгновение свою энергию в виде продукта и сообщающего ему для *видимости,* — но опять-таки только на мгновение, — роль самостоятельного, действительного предмета.

Когда действительный, телесный *человек,* стоящий на прочной, хорошо округленной земле, вбирающий в себя и излучающий из себя все природные силы, *полагает* благодаря своему отчуждению свои действительные, предметные *сущностные силы* как чужие предметы, то не *полагание* есть субъект: им является субъективность *предметных* сущностных сил, действие которых должно поэтому быть тоже *предметным.* Предметное существо действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении. Оно только потому творит или полагает предметы, что само оно полагается предметами и что оно с самого начала есть *природа.* Таким образом, дело обстоит не так, что оно в акте полагания переходит от своей «чистой деятельности» к *творению предмета,* а так, что его *предметный* продукт только подтверждает его *предметную* деятельность, его деятельность как деятельность предметного природного существа.

Мы видим здесь, что последовательно проведенный натурализм или гуманизм отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их обоих истиной. Мы видим в то же время, что только натурализм способен понять акт всемирной истории [75].

Человек является непосредственно *природным существом* [76]. В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен *природными силами, жизненными силами,* являясь *деятельным* природным сущест-

* При пагинации рукописи страница XXV Марксом не была обозначена. *Ред.*

вом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде *влечений;* а с другой стороны, в качестве природного, телесного, чувственного, предметного существа он, подобно животным и растениям, является *страдающим,* обусловленным и ограниченным существом, т. е. *предметы* его влечений существуют вне его, как не зависящие от него *предметы;* но эти предметы суть *предметы* его *потребностей;* это — необходимые, существенные для проявления и утверждения его сущностных сил *предметы.* То, что человек есть *телесное,* обладающее природными силами, живое, действительное, чувственное, предметное существо, означает, что предметом своей сущности, своего проявления жизни он имеет *действительные, чувственные предметы,* или что он может *проявить* свою жизнь только на действительных, чувственных предметах. *Быть* предметным, природным, чувственным — это все равно, что иметь вне себя предмет, природу, чувство или быть самому предметом, природой, чувством для какого-нибудь третьего существа. *Голод* есть естественная *потребность;* поэтому для своего удовлетворения и утоления он нуждается в *природе* вне его, в *предмете* вне его. Голод — это признанная потребность моего тела в некотором *предмете,* существующем вне моего тела и необходимом для его восполнения и для проявления его сущности. Солнце есть *предмет* растения, необходимый для него, утверждающий его жизнь предмет, подобно тому как растение есть предмет солнца в качестве *обнаружения* животворной силы солнца, его *предметной* сущностной силы.

Существо, не имеющее вне себя своей природы, не есть *природное* существо, оно не принимает участия в жизни природы. Существо, не имеющее никакого предмета вне себя, не есть предметное существо. Существо, не являющееся само предметом для третьего существа, не имеет своим *предметом* никакого существа, т. е. не ведет себя предметным образом, его бытие не есть нечто предметное.

[XXVII] Непредметное существо есть *невозможное, нелепое существо* [*Unwesen*].

Представьте себе такое существо, которое и само не есть предмет и не имеет предмета. Подобное существо было бы, во-первых, *единственным* существом, вне его не существовало бы никакого существа, оно существовало бы одиноко, одно. Ибо, как только я приму, что вне меня имеются предметы, что я существую не *один,* мне придется признать, что я — нечто *другое,* некая *другая действительность,* чем предмет вне меня. Стало быть, для этого третьего предмета я — *другая действительность,* чем он, т. е. я — *его* предмет. Таким

образом, существо, не являющееся предметом другого существа, предполагает, что не существует *ни одного* предметного существа. Как только я имею какой-нибудь предмет, этот предмет имеет меня своим предметом. А *непредметное* существо, это — недействительное, нечувственное, только мыслимое, т. е. только воображаемое существо, продукт абстракции. Быть *чувственным,* т. е. быть действительным, это значит быть предметом чувства, быть *чувственным* предметом, т. е. иметь вне себя чувственные предметы, предметы своей чувственности. Быть чувственным значит быть *страдающим* [77].

Поэтому человек как предметное, чувственное существо есть *страдающее* существо; а так как это существо ощущает свое страдание, то оно есть существо, обладающее *страстью.* Страсть — это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека.

⟨Но человек — не только природное существо, он есть *человеческое* природное существо, т. е. существующее для самого себя существо и потому *родовое существо.* Он должен проявить и утвердить себя как родовое существо и в своем бытии и в своем знании. Таким образом, подобно тому как *человеческие* предметы не являются природными предметами в том виде, как эти последние непосредственно даны в природе, так и *человеческое чувство,* как оно *есть* непосредственно, в своей непосредственной предметности, не есть *человеческая* чувственность, человеческая предметность. Ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана *человеческому* существу адекватным образом.⟩ И подобно тому как все природное должно *возникнуть,* так и *человек* имеет свой акт возникновения, *историю,* которая, однако, отражается в его сознании и потому в качестве акта возникновения является сознательно снимающим себя актом возникновения. История есть истинная естественная история человека. — (К этому надо еще вернуться.)

В-третьих, так как это полагание вещности есть само только видимость, такой акт, который противоречит сущности чистой деятельности, то оно должно быть снова снято, а вещность должна подвергнуться отрицанию.

К пунктам 3, 4, 5, 6-му. — 3) Это отчуждение сознания имеет не только *отрицательное,* но и *положительное* значение, и 4) оно имеет это положительное значение не только *для нас,* или в себе, но и для него самого, для сознания. 5) *Для сознания* отрицание предмета, или упразднение предметом самого себя, приобретает *положительное* значение благодаря тому (или оно *сознает* это ничтожество предмета благодаря тому), что оно

отчуждает само *себя,* ибо в этом отчуждении оно *знает* себя как предмет, или предмет как само себя, в силу нераздельного единства *для-себя-бытия.* 6) С другой стороны, здесь заключен вместе с тем и второй момент, именно — что оно в такой же степени сняло и вобрало обратно в себя это отчуждение и эту предметность и, следовательно, в своем *инобытии как таковом* все же находится *у себя.*

Мы уже видели, что присвоение отчужденной предметной сущности, или упразднение предметности, выступающей под определением *отчуждения,* — которое должно развиваться от безразличной чуждости до действительного враждебного отчуждения, — имеет для Гегеля вместе с тем, или даже главным образом, значение упразднения самой *предметности,* ибо для самосознания предосудительным моментом и отчуждением является не этот *определенный* характер предмета, а самый его *предметный* характер. Поэтому предмет есть нечто отрицательное, само себя упраздняющее, есть *ничтожество.* Это ничтожество предмета имеет для сознания не только отрицательное, но и *положительное* значение, ибо *ничтожество* предмета есть именно *самоутверждение* непредметности, [XXVIII] *абстракции,* его самого. Для *самого сознания* ничтожество предмета имеет положительное значение потому, что оно *знает* это ничтожество, предметную сущность, как свое *самоотчуждение,* знает, что это ничтожество существует только благодаря его самоотчуждению...

Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — *знание.* Знание есть его единственный акт. Поэтому нечто возникает для сознания постольку, поскольку оно *знает* это *нечто.* Знание есть его единственное предметное отношение. — Сознание знает ничтожество предмета, т. е. неотличимость предмета от него, небытие предмета для него, благодаря тому, что оно знает, что предмет есть его *самоотчуждение,* т. е. оно знает себя (знание как предмет) благодаря тому, что предмет есть только *видимость* предмета, некое марево, а по своей сущности есть не что иное, как само знание, которое противопоставляет себя самому себе и поэтому противопоставило себе *ничтожество,* нечто не имеющее *никакой* предметности вне знания; иначе говоря, знание знает, что, когда оно относится к какому-нибудь предмету, оно только находится *вне* себя, отчуждается от себя, что *оно само принимает* для себя вид предмета, или что то, что представляется ему как предмет, есть лишь оно само.

С другой стороны, по словам Гегеля, здесь имеется в то же время и другой момент, именно — что самосознание в такой

же степени сняло и вобрало в себя обратно это отчуждение и эту предметность и, следовательно, в своем *инобытии как таковом* все же находится *у себя*.

В этом рассуждении мы имеем собранными воедино все иллюзии спекуляции.

Во-первых: в *своем инобытии как таковом* сознание, самосознание находится *у себя*. Поэтому оно, или, — если мы абстрагируемся здесь от гегелевской абстракции и вместо самосознания поставим самосознательного человека, — поэтому он в своем *инобытии как таковом* находится *у себя*. В этом заключено, во-первых, то, что сознание, т. е. знание как знание, мышление как мышление, выдает себя непосредственно за *другое* себя самого, за чувственность, действительность, жизнь, — мышление, превосходящее себя в мышлении (Фейербах). Эта сторона заключена здесь постольку, поскольку сознание, трактуемое только как сознание, усматривает предосудительную для себя помеху не в отчужденной предметности, а в *предметности как таковой*.

Во-вторых, здесь заключено то, что поскольку самосознательный человек познал как самоотчуждение и снял духовный мир — или всеобщее духовное бытие своего мира, — он все же снова утверждает его в этом отчужденном виде, выдает его за свое истинное бытие, восстанавливает его, уверяет, что он в *своем инобытии как таковом* находится *у самого себя;* следовательно, после снятия, например, религии, после признания в религии продукта самоотчуждения он все же считает себя подтвержденным в *религии* как *религии*. Здесь *заключается* корень *ложного* позитивизма Гегеля, или его лишь *мнимого* критицизма, — то, что Фейербах называет полаганием, отрицанием и восстановлением религии или теологии, но что следует рассматривать в более общем виде. Таким образом, разум находится у самого себя в неразумии как неразумии. Человек, понявший, что в праве, политике и т. д. он ведет отчужденную жизнь, ведет в этой отчужденной жизни как таковой свою истинную человеческую жизнь. Таким образом, истинным *знанием* и истинной *жизнью* оказывается самополагание, самоутверждение *в противоречии* с самим собой, в противоречии как с знанием, так и с сущностью предмета.

Таким образом, теперь не может уже быть и речи о том, что Гегель просто приспосабливался к религии, к государству и т. д., так как эта ложь есть ложь его принципа.

[XXIX] Если я *знаю*, что религия есть *отчужденное* человеческое самосознание, то я знаю, стало быть, что в ней, как в религии, утверждается не мое самосознание, а мое отчуж-

денное самосознание. Значит, я знаю, что мое, принадлежащее самому себе, своей сущности, самосознание утверждается не в *религии*, а, напротив, в *уничтоженной*, *упраздненной* религии.

Поэтому у Гегеля отрицание отрицания не есть утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности, а представляет собой утверждение мнимой или отчужденной от себя сущности в ее отрицании, или отрицание этой мнимой сущности как предметной, находящейся вне человека и независящей от него сущности и превращение ее в субъект.

Поэтому своеобразную роль играет у него *снятие*, в котором соединены как отрицание, так и сохранение, утверждение.

Так, например, в гегелевской философии права снятое *частное право* равняется *морали*, снятая мораль равняется *семье*, снятая семья равняется *гражданскому обществу*, снятое гражданское общество равняется *государству*, снятое государство равняется *всемирной истории*. В реальной *действительности* частное право, мораль, семья, гражданское общество, государство и т. д. продолжают существовать по-прежнему, они только стали *моментами*, формами существования и наличного бытия человека, которые не имеют силы изолированно друг от друга, отменяют друг друга, порождают друг друга и т. д. *Моменты движения*.

В их действительном существовании эта их *подвижная* сущность скрыта. Она обнаруживается, раскрывается впервые только в мышлении, в философии, и поэтому мое истинное религиозное бытие есть мое бытие в *философии религии*, мое истинное политическое бытие есть мое бытие в *философии права*, мое истинное природное бытие есть мое бытие в *философии природы*, мое истинное художественное бытие есть мое бытие в *философии искусства*, мое истинное *человеческое* бытие есть мое бытие в *философии*. Таким же образом истинное существование религии, государства, природы, искусства, это — *философия* религии, *философия* природы, *философия* государства, *философия* искусства. Но если истинным бытием религии является для меня только философия религии и т. д., то я поистине религиозен лишь в качестве *философа религии* и таким образом я отрицаю *действительную* религиозность и действительно *религиозного* человека. Однако в то же время я их и *утверждаю*, отчасти в рамках моего собственного бытия или в рамках того чужого бытия, которое я им противопоставляю (ибо это *есть* лишь *философское* выражение их самих), отчасти же в их собственной первоначальной форме, ибо я считаю их

только *кажущимся* инобытием, аллегориями, скрытыми под чувственными оболочками формами их собственного истинного, т. е. моего *философского* бытия.

Точно таким же образом снятое *качество* равняется *количеству,* снятое количество равняется *мере,* снятая мера равняется *сущности,* снятая сущность равняется *явлению,* снятое явление равняется *действительности,* снятая действительность равняется *понятию,* снятое понятие равняется *объективности,* снятая объективность равняется *абсолютной идее,* снятая абсолютная идея равняется *природе,* снятая природа равняется *субъективному* духу, снятый субъективный дух равняется *нравственному,* объективному духу, снятый нравственный дух равняется *искусству,* снятое искусство равняется *религии,* снятая религия равняется *абсолютному знанию.*

С одной стороны, это снятие есть снятие мысленной сущности и, значит, *мысленная* частная собственность снимается в *мысленную идею* морали. А так как мышление воображает себе, что оно непосредственно есть другое себя самого, а именно *чувственная действительность,* так как оно, стало быть, считает свое действие также и *чувственным действительным* действием, то это мысленное снимание, оставляющее в действительности нетронутым свой предмет, полагает, что оно его действительно преодолело; а с другой стороны, так как этот предмет стал теперь для мышления мысленным моментом, то он представляется ему также и в своей действительности самоутверждением его самого, самосознания, абстракции.

[XXX] Поэтому, с одной стороны, то бытие, которое Гегель *снимает,* переводя его в философию, не есть вовсе *действительная* религия, государство, природа, а религия в том ее виде, в каком она сама уже является предметом знания, — *догматика;* то же самое относится к *юриспруденции,* к *науке о государстве,* к *естествознанию.* Таким образом, с одной стороны, Гегель занимает такую позицию, которая является противоположностью как к *действительной* сущности, так и к непосредственной, нефилософской *науке,* или к нефилософским *понятиям* об этой сущности. Поэтому он противоречит их ходячим понятиям.

С другой стороны, религиозный и т. д. человек может найти себе у Гегеля свое последнее утверждение.

Теперь следует рассмотреть — в рамках категории отчуждения — *положительные* моменты гегелевской диалектики.

а) *Снятие* как предметное движение, которое *вбирает в себя обратно* отчуждение. Это — выраженная в рамках отчуждения идея о *присвоении* предметной сущности путем снятия ее от-

чуждения; это — отчужденное усмотрение *действительного опредмечивания* человека, действительного присвоения им своей предметной сущности путем уничтожения *отчужденного* определения предметного мира, путем его снятия в его отчужденном бытии, подобно тому как атеизм, в качестве снятия бога, означает становление теоретического гуманизма, а коммунизм, в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни, как неотъемлемой собственности человека, означает становление практического гуманизма; другими словами, атеизм есть гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия религии, а коммунизм — гуманизм, опосредствованный с самим собой путем снятия частной собственности. Только путем снятия этого опосредствования, — являющегося, однако, необходимой предпосылкой, — возникает положительно начинающий с самого себя, *положительный* гуманизм.

Но атеизм, коммунизм, это — вовсе не бегство, не абстракция, не утрата порожденного человеком предметного мира, не утрата принявших предметную форму сущностных сил человека, не возвращающаяся к противоестественной, неразвитой простоте нищета. Они, наоборот, впервые представляют собой действительное становление, действительно для человека возникшее осуществление его сущности, осуществление его сущности как чего-то действительного.

Таким образом, Гегель, рассматривая — хотя опять-таки в отчужденной форме — *положительный* смысл отнесенного к самому себе отрицания, рассматривает вместе с тем самоотчуждение человека, отчуждение его сущности, его распредмечивание и деградацию — как самоприобретение, проявление сущности, опредмечивание, реализацию. Короче говоря, он рассматривает — в рамках абстракции — труд как акт *самопорождения* человека, отношение к себе как к чужой сущности и осуществление себя как чужого существа — как становящееся *родовое сознание* и становящуюся *родовую жизнь*.

b) Но у Гегеля — помимо или, вернее, как следствие уже описанного выше извращения понятий — этот акт, *во-первых*, носит *только формальный* характер, потому что он абстрактен, потому что человеческая сущность сама признается только как *абстрактная мыслящая сущность*, как самосознание, а

во-вторых, так как эта точка зрения *формальна* и *абстрактна*, то снятие отчуждения становится утверждением отчуждения, иначе говоря, для Гегеля вышеупомянутое движение *самопорождения*, *самоопредмечивания* как *самоотчуждения* есть *абсолютное* и поэтому последнее, имеющее целью самое себя,

успокоившееся в себе и дошедшее до своей сущности *человеческое проявление жизни.*

Поэтому это движение в его абстрактной |XXXI| форме, как диалектика, рассматривается как *истинно человеческая жизнь;* а так как оно все же абстракция, отчуждение человеческой жизни, то оно рассматривается как *божественный процесс,* но как божественный процесс человека, процесс, который проделывает его отличная от него, абстрактная, чистая, абсолютная сущность.

В-третьих, этот процесс должен иметь носителя, субъекта; но субъект возникает лишь как результат; поэтому этот результат — знающий себя как абсолютное самосознание субъект — есть *бог, абсолютный дух, знающая себя и осуществляющая себя идея.* Действительный человек и действительная природа становятся просто предикатами, символами этого скрытого недействительного человека и этой недействительной природы. Поэтому отношение между субъектом и предикатом абсолютно извращено: это — *мистический субъект-объект,* или *перекрывающая объект субъективность, абсолютный субъект* как *процесс,* как *отчуждающий* себя и возвращающийся к себе из этого отчуждения и в то же время вбирающий его обратно в себя *субъект,* и субъект как этот процесс; это — чистое, *безостановочное* кружение в самом себе [78].

К пункту первому: формальное и абстрактное понимание акта самопорождения или самоопредмечивания человека.

Так как Гегель приравнивает человека к самосознанию, то отчужденный предмет человека, его отчужденная сущностная действительность есть не что иное, как *сознание* отчуждения, всего лишь мысль об отчуждении, его *абстрактное* и потому бессодержательное и недействительное выражение — *отрицание.* Поэтому и снятие отчуждения есть тоже не что иное, как абстрактное, бессодержательное снятие этой бессодержательной абстракции — *отрицание отрицания.* Поэтому содержательная, живая, чувственная, конкретная деятельность самоопредмечивания становится всего лишь абстракцией этой деятельности — *абсолютной отрицательностью,* абстракцией, которая в свою очередь фиксируется как таковая и мыслится как самостоятельная деятельность, как просто деятельность. Так как эта так называемая отрицательность есть не что иное, как *абстрактная, бессодержательная* форма вышеуказанного действительного живого акта, то и содержание ее может быть только *формальным,* полученным путем абстрагирования от всякого содержания. Поэтому это — всеобщие, абстрактные, присущие всякому содержанию и вследствие этого одновре-

менно и безразличные ко всякому содержанию и именно потому имеющие силу для всякого содержания *формы абстракции*, формы мышления, логические категории, оторванные от *действительного* духа и от *действительной* природы. (Ниже мы разберем *логическое* содержание абсолютной отрицательности.)

Положительная сторона сделанного здесь Гегелем в его спекулятивной логике заключается в том, что *определенные понятия*, всеобщие *неподвижные формы мышления* представляют собой в их самостоятельности по отношению к природе и духу необходимый результат всеобщего отчуждения человеческой сущности, а значит и человеческого мышления, и что Гегель поэтому изобразил их как моменты процесса абстракции и представил как связное целое. Так, например, снятое бытие есть сущность, снятая сущность — понятие, снятое понятие... абсолютная идея. Ну а что такое абсолютная идея? Она, в свою очередь, опять-таки снимает самое себя, если она не хочет опять проделать сначала весь акт абстракции и довольствоваться тем, чтобы быть совокупностью абстракций или постигающей себя абстракцией. Но абстракция, постигающая себя как абстракцию, знает, что она есть ничто; она должна отказаться от себя, абстракции, и этим путем она приходит к такой сущности, которая является ее прямой противоположностью, к *природе*. Таким образом, вся логика является доказательством того, что абстрактное мышление само по себе есть ничто, что абсолютная идея сама по себе есть ничто, что только *природа* есть нечто.

[XXXII] Абсолютная идея, *абстрактная* идея, которая,

«*рассматриваемая* со стороны своего единства с собою, есть *созерцание*» («Энциклопедия» Гегеля. Издание третье [79], стр. 222), которая «в своей абсолютной истине *решается* свободно отпустить *из самой себя* момент своей особенности, или первого определения и инобытия, *непосредственную* идею как свое отражение, т. е. решается *из самой себя* свободно *отпустить* себя в качестве *природы*» (там же),

вся эта столь странно и причудливо ведущая себя идея, заставившая гегельянцев так страшно ломать себе голову, есть не что иное, как *абстракция* — т. е. абстрактный мыслитель, — которая, умудренная опытом и уяснив себе свою собственную истинную суть, решается, под некоторыми — ложными и тоже еще абстрактными — условиями, *отказаться от себя* и поставить на место своего у-себя-бытия (в силу которого она есть ничто), на место своей всеобщности и неопределенности свое инобытие, т. е. особенное, определенное; решается *свободно отпустить из самой себя природу*, скрывавшуюся в ней только в качестве абстракции, в качестве

мысленной вещи, т. е. покинуть абстракцию и взглянуть, наконец, на *свободную* от нее природу. Абстрактная идея, становящаяся непосредственно *созерцанием*, есть не что иное, как такое абстрактное мышление, которое отказывается от себя и решается стать *созерцанием*. Весь этот переход от логики к философии природы есть не что иное, как столь трудный для абстрактного мыслителя и поэтому столь фантастически описываемый им переход от *абстрагирования* к *созерцанию*. *Мистическое* чувство, которое гонит философа из области абстрактного мышления в сферу созерцания, это — *скука*, тоска по содержанию.

(Отчужденный от самого себя человек, это также — отчужденный от своей *сущности*, т. е. от своей природной и человеческой сущности, мыслитель. Поэтому его мысли, это — какие-то застывшие духи, обитающие вне природы и вне человека. Гегель собрал воедино и запер в своей «Логике» всех этих застывших духов, рассматривая каждого из них сперва как отрицание, т. е. как *отчуждение человеческого* мышления, а затем как отрицание отрицания, т. е. как снятие этого отчуждения, как *действительное* проявление человеческого мышления; но находясь еще в плену отчуждения, само это отрицание отрицания есть отчасти восстановление первоначальных застывших духов в их отчуждении, отчасти остановка на последнем акте, отнесение себя к самому себе в отчуждении, как истинном бытии этих застывших духов *; отчасти же, поскольку эта абстракция постигает самое себя и испытывает бесконечную скуку от самой себя, отказ от абстрактного, только в мышлении движущегося мышления, существующего без глаз, без зубов, без ушей, без всего, выступает у Гегеля как решение признать в качестве сущности *природу* и отдаться созерцанию.)

[XXXIII] Но и *природа*, взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*. Само собой понятно, что абстрактный мыслитель, решившийся перейти к созерцанию, созерцает природу абстрактно. Подобно тому как прежде природа была заперта мыслителем в его для него самого таинственной и загадочной форме абсолютной идеи, мысленной вещи, абстракции, так и теперь,

* Т. е. Гегель на место этих застывших абстракций ставит кружащийся в самом себе акт абстракции; благодаря этому он смог указать источник всех этих, принадлежащих по своему первоначальному происхождению отдельным философам, ненадлежащих понятий, смог охватить их единым взглядом и создать, в качестве предмета критики, вместо какой-нибудь одной определенной абстракции абстракцию исчерпывающего, всеобъемлющего типа. (Мы позже увидим, почему Гегель отделяет мышление от *субъекта*; но и теперь уже ясно, что если нет человека, то и проявление его сущности не может быть человеческим, а потому и мышление не могло рассматриваться в качестве проявления сущности человека как человеческого и природного, наделенного глазами, ушами и т. д., живущего в обществе, в мире и природе, субъекта.)

когда он ее выпустил из самого себя, он на самом деле выпустил из себя только эту *абстрактную природу,* только *голую абстракцию* природы, однако с тем значением, что она есть инобытие мысли, действительная, созерцаемая, отличная от абстрактного мышления природа. Или, — если говорить человеческим языком, — созерцая природу, абстрактный мыслитель узнает, что те сущности, относительно которых он в божественной диалектике думал, что он их создает из ничего, из чистой абстракции, как чистые продукты в самой себе вращающейся и нигде не заглядывающей в реальную действительность мыслительной работы, суть не что иное, как *абстракции определений природы.* Таким образом, вся природа является для него только повторением, в чувственной, внешней форме логических абстракций. Он снова *анализирует* ее и эти абстракции. Таким образом, его созерцание природы есть лишь акт утверждения его абстрагирования от созерцания природы, есть лишь сознательно повторяемый им процесс порождения его абстракций. Так, например, время равняется отрицательности, отнесенной к самой себе (цит. соч., стр. 238). Снятому становлению как наличному бытию соответствует в природной форме снятое движение как материи. Свет есть *природная* форма *рефлексии в себя.* Тело в качестве *луны* и *кометы,* это — *природная* форма той *противоположности,* которая, согласно «Логике», есть, с одной стороны, *покоящееся на самом себе положительное,* а с другой стороны, покоящееся на самом себе *отрицательное.* Земля есть *природная* форма логического *основания* как отрицательного единства противоположностей и т. д.

Природа как природа, т. е. поскольку она еще отличается чувственно от этого тайного, скрытого в ней смысла, природа, отделенная, отличная от этих абстракций, есть *ничто, обнаруживающее себя как ничто.* Она *бессмысленна* или имеет только смысл внешности, которая должна быть снята.

«В точке зрения конечной *телеологии* заключается та правильная предпосылка, что природа не содержит абсолютной цели в самой себе» (стр. 225).

Ее цель состоит в утверждении абстракции.

«Природа получилась как идея в *форме инобытия.* Так как *идея,* таким образом, выступает здесь как отрицание самой себя, или как *внешняя себе,* то дело обстоит не так, что природа является внешней только в относительном смысле, по отношению к этой идее, а так, что *внешность* составляет то определение, в котором идея выступает как природа» (стр. 227).

Внешность следует понимать здесь не как *проявляющуюся вовне* и открывающуюся для света, для чувственного человека

чувственность; внешность надо здесь понимать в смысле отчуждения, в смысле недостатка, порока, которого не должно быть. Ибо истинное все еще есть идея. Природа есть только *форма* ее *инобытия*. А так как абстрактное мышление есть *сущность,* то то, что внешне по отношению к нему, есть по самой сущности своей нечто лишь *внешнее*. Абстрактный мыслитель признает, что сущностью природы является *чувственность, внешность* в противоположность *внутри себя* движущемуся мышлению. Но вместе с тем он выражает эту противоположность таким образом, что эта *внешность природы,* ее *противоположность* мышлению есть ее *недостаток,* что, поскольку она отличается от абстракции, она есть несовершенное существо. [XXXIV] Существо, несовершенное не только для меня, не только с моей точки зрения, а несовершенное в самом себе, имеет вне себя нечто такое, чего ему недостает, т. е. его сущность есть что-то иное, чем оно само. Поэтому для абстрактного мыслителя природа должна снять самое себя, ибо он уже положил ее как потенциально *снятую* сущность.

«*Для нас* дух имеет своей *предпосылкой природу,* будучи сам ее *истиной,* а значит и чем-то *абсолютно первичным* по отношению к ней. Природа *исчезла* в этой истине, и дух получился как достигшая своего для-себя-бытия идея, *объектом* которой, а в то же время и *субъектом,* является *понятие*. Это тождество есть *абсолютная отрицательность,* потому что в природе понятие имеет свою полную внешнюю объективность, но теперь это его отчуждение снято, и оно, понятие, в этом отчуждении стало для себя тождественным с самим собой. Таким образом, оно есть это тождество только в качестве возвращения из природы» (стр. 392).

«*Откровение,* которое, в качестве *абстрактной идеи,* есть непосредственный переход к природе, ее *становление,* есть, в качестве откровения свободного духа, *полагание* им природы как *своего* мира, — полагание, которое, в качестве рефлексии, есть в то же время *предполагание* мира как самостоятельной природы. Откровение в понятии есть сотворение духом природы как своего бытия, в котором он дает себе *утверждение* и *истину* своей свободы. — *Абсолютное есть дух;* это есть высшее определение абсолютного» [80]. [XXXIV]

Paris, 1844. Nr 66.

Abonnements-Preise:

in Paris:

Ein Jahr. . . . . 24 Francs.
Sechs Monate. . . . 13 „
Drei Monate. . . . 8 „

Auswärts:

Ein Jahr. . . . . 28 Francs.
Sechs Monate. . . . 15 „
Drei Monate. . . . 9 „

Insertionen: die Zeile à 50 Centimes.

Vorwärts!

Man abonnirt:
für Paris:
im Bureau central pour l'Allemagne, rue des Moulins, 32, und in der Buchhandl. von Jules Renouard et Cie, rue de Tournon, 6;
in den Departements:
bei allen Postämtern und Messagerien;
Deutschland, Schweiz, England:
in allen Buchhandlungen;
Belgien:
bei den Messagerien;
Nord-Amerika:
bei den Herren Eichthal und Bernhard, Spruce Street, Nr. 3, in New York.

Erscheint Mittwoch und Sonnabends.

(Sonnabend.) Pariser Deutsche Zeitschrift. (17. August)

ИЛЛЮСТРАЦИИ К НОВЕЙШИМ СТИЛИСТИЧЕСКИМ УПРАЖНЕНИЯМ ФРИДРИХА-ВИЛЬГЕЛЬМА IV В ОБЛАСТИ КАБИНЕТСКИХ УКАЗОВ [81]

«Я не могу, хотя бы и на короткое время, покинуть родную землю, не выразив публично глубокого чувства благодарности от имени своего и королевы *, которым преисполнено наше сердце. Оно порождено многочисленностью устных и письменных проявлений любви к нам, которая была вызвана покушением 26 июля, — той любви, которая уже в самый момент преступления восторженно неслась нам навстречу, когда рука всевышнего отвела смертоносную пулю от моей груди и отбросила ее наземь. Устремляя взор к божественному спасителю, я с бодрым духом приступаю к моим повседневным делам, дабы завершить начатое, осуществить подготовленное, с новой уверенностью в победе бороться против зла и быть для моего народа тем, к чему мое высокое призвание меня обязывает и чего любовь моего народа заслуживает.

Эрдмансдорф, 5 августа 1844

(подпись) *Фридрих-Вильгельм*» [82].

Непосредственное чувство — плохой сочинитель. Письмо, которое влюбленный в глубоком волнении пишет своей возлюбленной, не есть образец стилистики, но именно эта *неясность* выражения является *наиболее ясным*, очевидным и трогающим сердце выражением той власти, какую имеет любовь над автором письма. Власть любви над автором письма не что иное, как власть возлюбленной над ним. Эта порожденная страстью неясность и полнейшая путаница в стиле льстит поэтому сердцу возлюбленной; ибо рефлектированная, всеобщая и потому не внушающая доверия природа языка приобрела здесь характер непосредственно-индивидуальный, чувственно-властный и вследствие этого внушает абсолютное доверие. Свободная от всяких сомнений вера в неподдельность любви, которую выражает

* — Елизаветы. *Ред.*

возлюбленный, есть для возлюбленной высшее наслаждение собой, есть ее вера в самое себя.

Из этих предварительных замечаний вытекает следующее: мы окажем *прусскому* народу неизмеримую услугу, если поставим вне всяких сомнений истинную *неподдельность* королевской благодарности. Но мы поставим эту неподдельность вне всякого сомнения, если покажем, какую власть имеет над венценосным сочинителем чувство благодарности, а докажем власть этого чувства над венценосным сочинителем тем, что покажем всю *стилистическую путаницу благодарственного* кабинетского указа. Мы надеемся поэтому, что цель нашего патриотического анализа не будет ложно истолкована.

«Я не могу, хотя бы и на короткое время, покинуть родную землю, не выразив публично глубокого чувства благодарности от имени своего и королевы, которым преисполнено наше сердце».

По построению этой фразы в первую минуту можно подумать, что королевские сердца преисполнены своим собственным *именем*. Озадаченные этим странным переполнением, мы после размышления обнаруживаем, что придаточное предложение: «*которым* преисполнено наше сердце» относится не к «*имени*», а к стоящему дальше «чувству *благодарности*». Единственное число — «*наше сердце*» — для обозначения сердца короля и сердца королевы может быть оправдано как поэтическая вольность, как сердечное выражение сердечного согласия сердечной высокой четы. Лаконичность оборота: «от имени своего и королевы» — вместо «от своего имени и от имени королевы» — легко приводит к ложному толкованию. Под словами «от имени своего и королевы» можно понимать имя *одного только* короля, так как имя мужа есть имя и мужа и жены. Правда, это привилегия великих людей — равно как и детей — вместо слова «я» употреблять в качестве подлежащего свое *имя*. Так, Цезарь позволял себе — вместо «я победил» — говорить: «Цезарь победил». Также и дети не говорят: «Я хочу посещать школу в Вене», а говорят: «Фридрих, Карл, Вильгельм и т. д. хочет посещать школу в Вене». Но было бы опасным новшеством превращать свое «я» в подлежащее и одновременно уверять, что это «я» говорит от своего «собственного» имени. Подобное утверждение могло бы показаться признанием в том, что человек обычно говорит не по собственному побуждению. «Я не могу, хотя бы и на короткое время, покинуть родную землю». Тоже не очень удачный и уже во всяком случае не облегчающий понимание оборот для передачи выражения: «Я не могу покинуть даже на короткое время родную землю, не выразив...»

и т. д. Здесь трудность для понимания возникла в результате сочетания трех мыслей: 1) что король покидает свою родную землю, 2) что он покидает ее лишь на короткое время, 3) что он чувствует потребность выразить благодарность народу. Опубликованное слишком сжатое выражение этих трех мыслей создает впечатление, будто король высказал свою *благодарность* только потому, что покидает родную землю. Но если эта благодарность была высказана всерьез, исходила из глубины сердца, то выражение ее не могло иметь место по такому случайному поводу. Переполненное чувствами сердце дает им выход при любых обстоятельствах.

«Она» (благодарность) «порождена многочисленностью устных и письменных проявлений любви к нам, *которая* была вызвана покушением 26 июля, — *той* любви, которая уже в самый момент преступления восторженно неслась нам навстречу, когда рука всемогущего отвела смертоносную пулю от моей груди и отбросила ее наземь».

Неизвестно, вызвало ли покушение любовь или проявление этой любви, тем более, что слово «любовь» в родительном падеже вновь появляется после вводного предложения, как главная и выделяемая часть речи предложения. Стилистическая вольность повторения этого родительного падежа бросается в глаза. Трудность возрастает, когда мы рассматриваем содержание этого предложения. Может ли любовь, которая устно и письменно проявлялась, непосредственно обозначаться как субъект, который шумел на улице? Не требует ли хронологическая правда, чтобы сначала было сказано о той любви, которая проявилась тут же во время события, и лишь затем — о более поздних проявлениях любви в письменной и устной форме?

Не надо ли было избежать подозрения в том, что королю захотелось одновременно польстить и аристократии и народу? *Аристократии,* — поскольку устные и письменные проявления ее любви, хотя по времени они имели место позднее, чем проявления любви со стороны народа, все же по своему воздействию сумели раньше пробудить чувство благодарности в сердце короля; *народу,* — поскольку его ликующая любовь объявляется здесь однозначной по своему существу с письменными и устными проявлениями любви аристократии; следовательно, для любви отменяется знатность происхождения. Наконец, кажется, не очень уместно заставлять бога непосредственно отводить своей рукой «смертоносную пулю»; всякое мало-мальски последовательное мышление может на этом основании прийти к ложному выводу, будто бог одновременно и наводил на короля руку преступника и отводил от короля

смертоносную пулю; ибо как можно предполагать одностороннее действие бога?

«Устремляя взор к божественному спасителю, я с бодрым духом приступаю к моим повседневным делам, чтобы завершить начатое, осуществить подготовленное, с новой уверенностью в победе бороться против зла и быть для моего народа тем, к чему мое высокое призвание меня обязывает и чего любовь моего народа заслуживает».

Пожалуй, нельзя сказать: «я приступаю», «чтобы быть чем-то». В лучшем случае, можно приступить, «чтобы стать чем-то». Движение в смысле становления предстает, по крайней мере, как результат движения «приступания», хотя мы и этот последний оборот речи не склонны рекомендовать как правильный. То обстоятельство, что его величество «*приступает, устремляя взор к богу*», чтобы «завершить начатое, осуществить подготовленное», не сулит, кажется, ни успешного завершения, ни успешного осуществления. Чтобы завершить начатое и осуществить подготовленное, для этого необходимо твердо направить свой взор на это начатое и подготовленное, а не взирать в туманную даль, отвлекаясь от этих предметов. Тот, кто действительно «приступает, устремляя взор к богу», «не *растворится*» ли сам «в созерцании бога»? Не *улетучатся* ли все его *мирские* планы и помыслы? Обособленная заключительная фраза, выделенная запятой, как нечто самодовлеющее, — «любовь моего народа заслуживает», как будто намекает на недосказанное, скрытое окончание придаточного предложения, которое бы гласило, примерно, так: «заслуживает кнута моего зятя Николая и политики моего кума Меттерниха», или же «заслуживает куцей конституции рыцаря Бунзена» [83].

Написано К. Марксом около 15 августа 1844 г.

Напечатано без подписи в газете «Vorwärts!» № 66, 17 августа 1844 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЯНВАРЬ — АВГУСТ 1844

ПРЕССА И ГЕРМАНСКИЕ ДЕСПОТЫ [84]

Наши читатели уже знают о быстром распространении в Германии республиканских и коммунистических принципов, успех которых вызвал в последнее время необычайный ужас у коронованных разбойников и их советников в этом великом союзе государств [85]. Поэтому приводятся в действие дополнительные репрессивные меры, чтобы воспрепятствовать росту этих «опасных доктрин», в частности, в Пруссии. Как выяснилось, в 1834 г. в Вене состоялась тайная конференция полномочных представителей, принявшая протокол, который был лишь недавно опубликован; он предусматривал строжайшие ограничения для прессы и провозгласил «божественное право» государей, как стоящее выше всех законодательных и любых других народных органов. Как образчик принципа «Священного союза», проведенного в этом ужасном протоколе, приведем статью восемнадцатую, которая гласит [86]:

«Государям, которым угрожает со стороны их сословных собраний какое-либо нарушение предписаний, вытекающих из постановлений Союзного сейма 1832 г., надлежит распустить эти собрания и получить военную помощь в качестве поддержки со стороны остальных членов Союза».

Можно добавить в доказательство того, как понимается справедливость и свобода печати в Пруссии, что цензорам в Кёльне, Мюнстере и других католических городах было строго-настрого приказано не разрешать ни одной перепечатки материалов о происходящих сейчас судебных процессах в Ирландии [87]. Одна немецкая газета намеревалась послать репортера или корреспондента в Дублин, но не было никакой надежды, что разрешат опубликовать хотя бы его письмо. Но свобода все равно восторжествует, несмотря на тюрьмы и штыки германских деспотов.

Написано Ф. Энгельсом
в конце января — начале февраля 1844 г.

Напечатано без подписи
в газете «The Northern Star»
№ 325, 3 февраля 1844 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «THE NORTHERN STAR» [88]

Я намерен посылать вам для «*Star*» * корреспонденции, освещающие успехи партии движения на континенте, выдержки из немецких газет и из собственной переписки с хорошо осведомленными лицами в Париже и в Германии. Я с удовлетворением отмечаю, что ваша газета помещает более обширную и лучшую информацию о состоянии общественного мнения во Франции, чем все другие английские газеты вместе взятые; и я хотел бы поставить вас в такое же положение в отношении Германии. С каждым днем политическое положение в Германии приобретает все большее значение. В ближайшее время мы увидим там революцию, которая может окончиться лишь установлением федеративной республики [89]. В то же время я не ограничусь Германией, а буду сообщать вам и о Швейцарии, Австрии, Италии, России и т. д. все то, что сможет представить интерес для ваших читателей; и я полностью оставляю за вами право использовать присланные мной материалы, как вы сочтете нужным.

Написано Ф. Энгельсом в конце апреля 1844 г.

Напечатано без подписи в газете «The Northern Star» № 338, 4 мая 1844 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 11, 1970 г.

* — «The Northern Star». *Ред.*

The Northern Star,
AND LEEDS GENERAL ADVERTISER.
VOL. VII. NO. 338. SATURDAY, MAY 4, 1844.

...when they ...engaged as one of universal moment.

It prides us to learn that our means of usefulness in *this* department are likely to be considerably increased. What we have done, has induced those who can aid us to make honourable and willing offer of service. Not long ago we gave in successive numbers of the *Star* an interesting and eloquent exposition of "*Continential Communism*" from the pen of one who was master of his subject, because he knew the facts with which he made the public acquainted. The insertion of those valuable papers, and the pursuance of our general policy to record Foreign Movements in aid of Labour's cause, has induced the writer of the aforenamed exposition, to make a proposal in the following terms:—

"I propose furnishing you with reports concerning the progress of the movement party on the Continent for the *Star*, extracts from the German papers, and of my correspondence with well informed men in Paris and Germany. I see with pleasure, that your paper contains more and better information about the state of public opinion in France than all other English papers together; and I should like to place you in the same position as far as regards Germany. The political state of Germany is becoming more important every day. We shall have a revolution there very shortly, which cannot but end in the establishment of a Federal Republic. At the same time, I shall not confine myself to Germany; but report to you everything about Switzerland, Austria, Italy, Russia, &c., which will be likely to prove interesting to your readers; and I shall leave it entirely to yourself to make what use you think proper of the materials furnished by me."

With alacrity we accept the offer of our friend. With him, we believe that the Continent of Europe will shortly be the scene of startling and important events in connexion with the world's progression; and to have it in our power to give the English Democrats correct notions of the several movements made—the end and aim of the parties engaged in them—their probable tendency, and the chances of success or failure, will indeed be of value and use.

Отрывок из письма Ф. Энгельса в «Northern Star», процитированный в редакционной статье газеты от 4 мая 1844 года

* ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ [90]

Когда Фридрих-Вильгельм IV взошел на престол, во всей Европе не было более популярного монарха. Теперь же нет более непопулярного; ни один не может с ним сравниться, даже русский царь Николай, которого, по крайней мере, почитают его униженные рабы в своей бессловесной животной тупости. Прусский король, который подчеркнуто называет себя «христианским королем» и превратил свой двор в самое смехотворное сборище хныкающих святош и лицемерных придворных ханжей, сделал все, что было в его силах, чтобы раскрыть глаза нации, и не безуспешно. Он начал с показного либерализма, затем стал укреплять феодализм и закончил установлением полицейско-шпионской системы правления. Пресса подвергается строжайшей цензуре и судебным преследованиям, причем судьи, оплачиваемые королем и сменяемые им, ведут судебные процессы без участия присяжных и при закрытых дверях. Репрессии стали обычным делом. Берлинские студенты начали было созывать собрания и обсуждать политические вопросы; эти собрания были прекращены полицией, ораторы арестованы, подвергнуты судебному преследованию, а некоторые из них были исключены из университета. Доктор Науверк, преподаватель университета, читал курс лекций по современной политике и не боялся высказывать свои республиканские взгляды; его лекции стали посещать шпионы из министерства и, в конце концов, около месяца тому назад, они были запрещены противозаконным вмешательством министра *.

* — И. Эйххорна. *Ред.*

Университет опротестовал такое вмешательство, а несколько профессоров опубликовали протест; и за это ужасное преступление они теперь подвергаются преследованиям. В ходе некоторых студенческих демонстраций, состоявшихся в феврале, раздавались громкие приветствия в адрес профессора Гофмана, который был уволен за опубликование сатирических стихов. Последствием этого явилось новое исключение из университета полдюжины студентов, что лишало их права занимать какие-либо должности в правительственных учреждениях или вести медицинскую практику. В Дюссельдорфе, на Рейне, ежегодное маскарадное шествие во время карнавала было остановлено полицией из-за некоторых политических намеков, и бедным дюссельдорфцам даже не разрешили отправиться в Кёльн, чтобы там принять участие в процессии.

Это всего лишь немногие из тех репрессивных мер, в которых правительство обнаружило свои намерения, и эти меры оказали поразительное воздействие на развитие общественного мнения. Они вывели нацию из состояния политической летаргии и настолько взбудоражили ее, что даже старейшие и наиболее ревностные приверженцы «христианского короля» начинают опасаться за прочность существующего порядка. Недовольство растет повсюду и стало почти всеобщим в Рейнской провинции, Восточной Пруссии, Познани, в Берлине и во всех крупных городах. Народ твердо решил добиться для начала свободы печати и конституции. Но по всей Германии накопилось столько горючего материала, а оттенки мнений так разнообразны, что невозможно предсказать, где остановится движение, коль скоро оно фактически началось. Во всяком случае, оно будет развиваться в направлении к демократии; это совершенно очевидно.

Написано Ф. Энгельсом в конце апреля 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 338, 4 мая 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* ИЗ ГЕРМАНИИ [91]

В палате депутатов великого герцогства Баденского либеральный депутат г-н Велькер, местный лорд Джон Рассел, умолял правительство предпринять что-нибудь для выполнения неудовлетворенных желаний народа.

«Ибо, — сказал он, — я много путешествовал по всем частям Германии и встречался с большим количеством людей из разных слоев и из различных частей страны; и я бы солгал, я бы не выполнил своих обязанностей как представитель народа, если бы не заявил, что повсюду принцип монархического правления с каждым днем все больше утрачивает свою опору в сознании всех классов германской нации. Поэтому я умоляю министров не препятствовать дольше течению общественного мнения, ибо, если не будет что-нибудь сделано в ближайшее время, если трещина между правительствами нашего отечества и народом станет еще больше углубляться, то ни у кого не может возникнуть ни малейшего сомнения относительно того, каковы будут последствия».

Свидетельство г-на Велькера о распространении республиканских взглядов в Германии следует расценивать как наиболее неоспоримое из всех возможных, поскольку успех этого движения пугает его самого даже больше, чем правительство, и поскольку эти взгляды совершенно противоречат его собственным надеждам.

Г-н Фридрих Штейнман, находившийся некоторое время под следствием за опубликование книги с резкой критикой австрийского правительства, приговорен к восьмимесячному заключению в крепости, хотя и проживает он в Пруссии и там же выпустил свою книгу [92]. Судебному преследованию подвергло его не австрийское, а прусское правительство, и судил его прусский суд.

Д-р Штраус, автор «Жизни Иисуса», готовит аналогичную работу о «Деяниях Апостолов» [93], которые он, разумеется, будет трактовать так же, как он трактовал Евангелие в своем предыдущем труде.

В настоящее время русская дипломатия очень активно действует при различных германских дворах с целью добиться принятия некоторых мер против резкой критики, которой немецкая пресса подвергает политику царя *. Антирусские настроения, ставшие теперь почти всеобщими в Германии, нашли свое выражение за последнее время во всех газетах и в большом количестве брошюр, что встревожило самодержца. Но, к счастью, он не в силах приостановить их публикацию.

СЕРЬЕЗНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В МЮНХЕНЕ

3-го числа текущего месяца в Мюнхене произошли волнения, вызванные повышением цен на пиво. Беспорядки приняли серьезный характер, и при подавлении их не обошлось без кровопролития вследствие применения войск, которые, выполняя прямые приказы короля **, открыли огонь по безоружной толпе, убив несколько человек и ранив других. Нижеприведенные дальнейшие сведения показывают, что народ одержал победу, а король вынужден был уступить; дело в том, что этот коронованный убийца *опасался, как бы его собственное орудие — войска — не обратилось против него самого!*

Мюнхен, 5 мая.

«Спокойствие восстановлено в нашем городе, но нельзя отрицать, что авторитет короля значительно пострадал в ходе улаживания конфликта. Король, после того, как он продемонстрировал свое явное нежелание пойти на какое-либо примирение или компромисс, после того, как самолично отдал приказ солдатам стрелять в народ, и притом в его присутствии, кончил тем, что пивоварам предложил уступить требованиям народа. Сегодня утром на перекрестках всех улиц были вывешены объявления о том, что повышения цен на пиво не будет, и народ казался удовлетворенным, но в то же время затаил скрытую враждебность к королю за то, что тот отдал приказ стрелять в него, приказ, который стоил жизни нескольким жителям этого города. По-видимому, король уступил главным образом из-за того, что войска обнаружили весьма умеренную к нему преданность и не проявили никакого желания стрелять в народ».

Написано Ф. Энгельсом в первой половине мая 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 340, 18 мая 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — Николая I. *Ред.*
** — Людвига I. *Ред.*

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ [94]

Графу Адаму Гуровскому, принимавшему активное участие в революции 1830 г. [95], а впоследствии предавшему свою партию, было разрешено вернуться на родину; здесь он приобретает весьма незавидную известность благодаря некоторым изданиям, в которых советует своим соотечественникам рассматривать уничтожение их независимости как божью кару, чему они должны смиренно покориться и искать убежища у трона могущественного царя, в руки которого бог вложил их судьбы [96]. Он говорил им, что Польша не могла бы испытать лучшей участи, чем попасть под русское иго, что их прямым долгом является отказ от всяких надежд на независимость и что, наконец, царское правительство — наилучшее из правительств, существующих на свете. Он рассчитывал, разумеется, получить вознаграждение от Николая, но самодержец был слишком осторожен, чтобы доверять предателю. Он использовал его и бросил, предоставив ему второстепенную должность, от которой Гуровский отказался, когда увидел, что нет никакой надежды на продвижение по службе; он даже не смог восстановить право подданства, которое утратил из-за участия в восстании; и, в конце концов, решил снова покинуть Польшу, чтобы искать убежища в Пруссии, а приехав в Бреслау *, обратился к властям с просьбой рассматривать его как военного дезертира. Презираемый своими соотечественниками, чье дело он предал, презираемый всеми партиями в Европе, покинутый царем, он намеревается уехать в Америку, надеясь,

* Современное название Вроцлав. *Ред.*

вероятно, что его репутация не последует за ним за океан.

Железная система, при помощи которой русский деспотизм правит Польшей, и в настоящее время действует столь же-неумолимо, как и всегда. Делается все возможное, чтобы на каждом шагу напоминать несчастному поляку, что он раб. Даже на указательных столбах на обочинах надписи должны быть на русском языке и русскими буквами; ни одного польского слова употреблять не разрешается. Польский язык изгнан из всего судопроизводства. Немецкая песня «Цыганский мальчик на севере», которая не содержит ни малейшего намека ни на Россию, ни на Польшу, а выражает лишь огромное желание вернуться на родину, была переведена на польский язык, но запрещена русской цензурой, как патриотическая, и поэтому, разумеется, крамольная песня. И неудивительно, что Николай стремится заставить замолчать немецкую прессу, тот единственный канал, по которому мир узнает о подобных фактах. Я должен сообщить, однако, еще один факт: шесть поляков, солдат русского пограничного полка, дезертировали, но были пойманы, не успев достигнуть Пруссии. Они были приговорены к 1 500 ударов кнутом каждый; наказание имело место, их родным было приказано присутствовать при этом; только трое из шести выдержали это телесное наказание.

Написано Ф. Энгельсом в первой половине мая 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 340, 18 мая 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ПИВНЫЕ БУНТЫ [97]

Баварское пиво — самый прославленный из всех сортов этого напитка, изготовляемых в Германии, и, вполне понятно, что жители Баварии весьма охотно употребляют его и в довольно больших количествах. Правительство установило новый налог в 100 шиллингов ad valorem * на пиво, вследствие чего вспыхнул бунт, который продолжался более четырех дней. Рабочие собирались большими толпами, устраивали уличные шествия, осаждали пивные лавки, разбивая окна, ломая мебель и разрушая все, что встречалось на пути, чтобы таким способом отомстить за повышение цен на их излюбленный напиток. Были вызваны войска, но один конногвардейский полк, когда была дана команда «по коням», *отказался ее выполнить.* Полицейских, ненавистных, как и всюду, народу, жестоко избили и сильно помяли участники бунта; на всех участках, охраняемых ранее полицией, пришлось расставить солдат, которые, будучи в хороших отношениях с народом, вызывали меньше озлобления и проявляли *явное нежелание вмешиваться* в это дело. Они вмешались только тогда, когда подвергся нападению королевский дворец, и при этом они довольствовались тем, что заняли лишь позицию, позволявшую не допустить бунтовщиков ко дворцу. На следующий день вечером (2 мая) король **, приняв в своем дворце много знатных гостей по случаю только что отпразднованной свадьбы одного из членов королевской семьи, отправился в театр; но

---

* — от стоимости. *Ред.*

** — Людвиг I. *Ред.*

когда после первого акта у театра собралась толпа, угрожая напасть на него, все зрители покинули зал, чтобы узнать, в чем дело. Его величеству и его знатным гостям пришлось последовать за публикой, дабы не остаться в одиночестве на своем месте. Французские газеты утверждают, что король по этому случаю отдал приказ солдатам, выставленным у театра, открыть по народу огонь, но *что солдаты отказались*. Немецкие газеты не упоминают об этом, как это и следовало ожидать от подцензурной печати. Но поскольку французские газеты нередко бывают плохо осведомлены о внешних событиях, мы не можем ручаться за достоверность этого утверждения. Из всего этого, однако, видно, что король-поэт (Людвиг, король Баварии — автор трехтомного собрания неудобочитаемых стихов, путеводителя по одному из его дворцов [98] и т. п.) оказался в очень затруднительном положении во время этого бунта. В Мюнхене, в городе, заполненном солдатами и полицией, резиденции королевского двора, бунт продолжался четыре дня, и несмотря на большое количество войск, его участники в конце концов добились своей цели. Король восстановил спокойствие, издав указ о снижении цены на кварту пива с 10 крейцеров (3 $^1/_4$ пенса) до 9 крейцеров (3 пенса). А коль скоро народ узнал, что может, напугав правительство, заставить его отказаться от своей налоговой системы, то он скоро поймет, что также легко будет напугать правительство и когда речь пойдет о более серьезных делах.

Написано Ф. Энгельсом в середине мая 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 341, 25 мая 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* О РЕЛИГИОЗНОМ ХАНЖЕСТВЕ В ПРУССИИ [99]

Поповщина этой страны, пользуясь особым покровительством и благосклонностью нынешнего правительства, с каждым днем становится все более заносчивой. Так, например, недавно в Берлине несколько пасторов один за другим отказались совершить обряд бракосочетания в субботу; свой отказ они объясняли тем, что в воскресенье утром новобрачные едва ли смогут подняться в должном состоянии духа для того, чтобы отпраздновать божий день, если они были обвенчаны накануне! Разумеется, берлинцы, которые очень мало заботятся о надлежащем праздновании воскресенья, а напротив, сделали его самым веселым днем недели, объявляют во всеуслышание, что правящая партия намеревается ввести у них *«английское воскресенье»*, страшнее которого они ничего не знают. И действительно, английское воскресенье в высшей степени чуждо нравам и обычаям всех наций европейского континента.

Написано Ф. Энгельсом в середине мая 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 341, 25 мая 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* НОВОСТИ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В Санкт-Петербурге произошли важные изменения в составе кабинета [100]. Министр финансов г-н Канкрин попал в немилость, то же самое сообщается относительно министра полиции известного графа Бенкендорфа. Николай явно прилагает максимум усилий к тому, чтобы поддержать систему, которая быстро разрушается. Антирусские настроения в Германии и других европейских странах непрерывно растут, несмотря на все усилия оплачиваемой Николаем армии литераторов. Финансовое положение правительства составляет главное затруднение; роскошь двора, неисчислимая армия полицейских и шпионов, расходы на дипломатов, шпионов, репортеров, тайные интриги и подкупы по всей Европе, на армию и флот и на бесконечные войны против черкесов поглотили все, что можно было наскрести путем налогов и займов [101]. Охранительная политика г-на Канкрина в области торговли сделала внешнюю торговлю в некоторых частях империи почти невозможной и потерпела провал в попытке создания в стране системы отечественной промышленности. Среди дворянства отчетливо различаются три группировки — придворные, старое поместное дворянство и офицеры армии. Постоянно интригуя друг против друга, они преследуют в конечном счете одну цель — приобрести исключительное влияние на личность императора, который, как и все деспоты, в конце концов, является только орудием в руках своих фаворитов.

Написано Ф. Энгельсом в середине мая 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 341, 25 мая 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 11, 1970 г.

* ИЗ ФРАНЦИИ [102]

В Рив-де-Жье, недалеко от Лиона, произошла серьезная забастовка шахтеров, вызванная недовольством заработной платой и другими обидами. Эта забастовка протекала в основном в таких же формах, как и английские стачки: процессии с флагами, митинги, угрозы в адрес штрейкбрехеров и т. д. Стачка продолжалась около шести недель; несколько человек были посажены в тюрьму по обвинению в заговоре, хотя, как будто, никаких серьезных беспорядков не было. По сообщениям, рабочие, в конце концов, вернулись в шахты, но ничего не говорится о том, достигнута ли цель стачки.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Нижеследующее сообщение корреспондента «Weekly Dispatch» о собрании республиканских сил по случаю похорон г-на Лаффита [103] представляет интерес как свидетельство большого влияния республиканцев в Париже и несомненной близости революции в этой стране.

«Хотя во время похорон известного Жака Лаффита, 30 прошлого месяца *, не произошло никаких беспорядков, республиканская партия, тем не менее, провела мощную демонстрацию своих сил. Пять тысяч студентов медицинских и юридических учебных заведений собрались, чтобы почтить память человека, вся жизнь которого (кроме одного рокового исключения) была посвящена делу политической свободы. Эту единственную ошибку — а именно, возведение на трон Луи-Филиппа — он отчасти искупил в палате депутатов, испросив прощения у бога и людей за тот страшный вред, который при его содействии был причинен Франции и всему цивилизованному миру. Пять тысяч студентов, которые провожали Лаффита в последний путь, верны республиканскому

* — 30 мая 1844 г. *Ред.*

духу; все они горячие поборники политической свободы. Эти благородные молодые люди, вместе с военизированными студентами политехнических школ, являются надеждой молодой Франции. Пусть только они искоренят в своих сердцах это нелепое чувство вражды к Англии, которое способно снова ввергнуть их в войну исключительно из-за национального соперничества, пусть только они научатся уважать своего островного союзника как силу, идущую с ними рука об руку по пути цивилизации, — и настанет день, когда эти молодые люди — подрастающее поколение, презрительно третируемое консервативной прессой обеих стран, будет призвано решать судьбы Франции. В революции 1830 г. военизированные студенты в возрасте 16—18 лет стали военачальниками народа в этой страшной борьбе против королевских войск. После смерти Луи-Филиппа республиканцы, несомненно, провозгласят свои принципы единственно приемлемыми для Франции и французских интересов; и молодые студенты Парижа должны объединиться с народом на политической арене, стать его советчиками с той же готовностью и преданностью, с которой четырнадцать лет тому назад они вели его к победе. Но демонстрация республиканских сил по случаю похорон г-на Лаффита не ограничивалась только студентами-медиками и юристами. Тайные общества тоже не бездействовали. Члены этих грозных политических объединений собрались в огромном количестве. Это большей частью респектабельные торговцы, мастера и ремесленники, и они ни в коей мере не являются тем презренным и ничтожным сбродом, каким их представляют в ряде случаев «*Times*» и «*Journal des Débats*». Они образовали колонну по четыре в ряд и выступили непосредственно перед студентами. Третье подразделение республиканской партии также провожало Лаффита на кладбище Пер-Лашез. Это были рабочие, опрятно одетые, респектабельные по виду и с образцовой выдержкой. Итак, друзья свободы в связи с этим событием продемонстрировали свою силу. В самом деле, не абсурдно ли со стороны консервативной прессы отрицать тот факт, что численность и моральное влияние республиканской партии огромны. Насчитывая в своих рядах наиболее выдающихся людей Франции, имена которых известны в области военного дела, литературы, искусства, науки и политики, — с каждым днем набирая силы благодаря присоединению к ней всех тех, кого тирания короля отдалила от Орлеанского дома, и отстаивая принципы, которые соответствуют новым интересам и новым потребностям цивилизации, — республиканская партия является той партией, к которой обратятся все взоры в тот момент, когда какой-либо непредвиденный случай или естественный ход событий пошатнет правление Орлеанской династии».

«СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Император Марокко * объявил «священную войну» против Франции и французов и призывает к оружию все народы и племена, обитающие как в его владениях, так и по соседству, для защиты единой веры и для истребления «неверных». Абд-эль-Кадир, африканский Уоллес, является вождем этого национального движения, имеющего целью ниспровержение и изгнание французских завоевателей [104]. Согласно последним

* — Абд-эр-Рахман. *Ред.*

сообщениям, передовые части марокканской армии находятся как будто бы в пределах видимости французских войск.

Из сообщений, полученных из Константины, можно заключить, что герцог Омальский потерпел некоторое поражение, что явилось, видимо, результатом его собственной опрометчивости и отсутствия опыта. Как видно из нижеприведенного отрывка, небольшой отряд войск, оставленный для защиты Бискры, подвергся неожиданному нападению, французский гарнизон перебит, а весь обоз, боевые припасы и имущество увезены местными жителями.

В письме из Тулона от 3-го сообщается:

«Мы получили самые тревожные известия из провинции Константины, датированные 20 числом прошлого месяца. Герцог Омальский оставил в Бискре очень небольшой гарнизон, состоявший только из лейтенанта Петигана, коменданта, младшего лейтенанта Крошара, военного врача Арселена и около 40 солдат из батальона стрелков провинции Константины. Предполагалось, что этот маленький отряд составит ядро нового батальона, набранного среди племен в окрестностях Бискры. Из всех этих лиц спасся бегством только старший сержант по имени Пелисс. Новобранцы открыли ночью ворота крепости Мухаммеду Сегхиру, халифу Абд-эль-Кадира, и его сторонникам, которые напали врасплох на наших спящих солдат и всех их перебили. Начался общий грабеж, и 70 000 франков, оставленных коменданту для выплаты жалования его солдатам, все пушки, мушкеты, боевые припасы и другое имущество было увезено. Говорят, что эта неудача воодушевила соседние племена взяться за оружие. Печальные известия дошли до принца *, когда он находился в горах Улед-Султан, и он сразу же пошел маршем на Бискру с колонной в 3 000 человек. Он прибыл на место 18-го, но халиф покинул город на день раньше. Третий батальон африканской легкой пехоты вышел 24-го из Константины в Бискру, чтобы образовать ее гарнизон».

В пятницу ** палата депутатов проголосовала большинством в 190 голосов против 53 за ассигнования в 7 500 000 франков для покрытия расходов на увеличение находящихся в настоящее время военных сил Франции в Алжире (к 96 000 добавляется еще 15 000); таким образом, число штыков в Алжире доводится до 111 000.

Написано Ф. Энгельсом в первой половине июня 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 344, 15 июня 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — герцога Омальского. *Ред.*

** — 7 июня 1844 г. *Ред.*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ВАЛЕ [105]

Долина реки Роны от ее истоков у подножья *Ронского ледника* до Женевского озера — одно из красивейших мест в мире. По обеим сторонам расположены высочайшие в Европе горы — две непрерывные горные цепи высотой в среднем 12 000 футов, покрытые вечными снегами, которые питают бесчисленные ручьи, впадающие в Рону и орошающие луга и поля долины. Здесь, в нескольких часах ходьбы от вечной зимы, встречаются каштан и виноградная лоза, которые произрастают под солнцем, почти столь же щедро излучающим тепло, как и в вечнозеленых долинах Ломбардии. Эта долина называется Вале и населена частично немцами, частично французами. Немцы, пришедшие в страну с северо-востока, занимают более высокую и гористую часть долины, где местность непригодна для земледелия, но зато прекрасно приспособлена для разведения скота; в соответствии с этим эта часть населения остается до настоящего времени почти в таком же естественном состоянии, в каком пребывали его предки при заселении Верхнего Вале. Политическое и религиозное образование целиком находится в руках немногих аристократических семейств и духовенства, которые, конечно, делают все возможное, чтобы держать народ во власти невежества и суеверий. Французы, наоборот, осели в Нижнем Вале, где более широкая долина позволяет заниматься земледелием и развивать другие промыслы. Французы основали самые значительные города Вале, они образованны и цивилизованны и благодаря тому, что граничат с озером и с радикальным кантоном Во, связаны с внешним миром и имеют возможность идти

в ногу с идейным развитием своих соседей. Тем не менее грубые горцы Верхнего Вале, я не знаю, сколько веков тому назад, подчинили себе французский Нижний Вале, и продолжали рассматривать эту часть страны как завоеванную провинцию, не допуская ее жителей к какому-либо участию в управлении.

В 1798 г., когда французы свергли старую аристократическую систему швейцарского патрицианского деспотизма, Нижний Вале был допущен к участию в управлении, но не в той полной мере, на какую он имел право. В 1830 г., когда демократическая партия во всей Швейцарии одержала верх, конституция была изменена на основе справедливых и демократических принципов. Но порабощенные церковью пастухи Верхнего Вале и их полновластные духовные повелители — священники пытаются с тех пор добиться перемены в пользу старой несправедливой системы. Радикальная партия для защиты от этих поползновений образовала вместе с радикалами кантона Во ассоциацию под названием «Молодая Швейцария» — «*La Jeune Suisse*» [106]. Члены ассоциации подвергались весьма сильным нападкам и клевете со стороны духовенства и обычно обвинялись в безбожии — обвинение, которое в Европе в состоянии скорее вызвать смех, чем ужас. В 1840 г. произошла первая вылазка против «Молодой Швейцарии», но, столкнувшись с хорошо подготовленными силами демократов, эти жертвы невежества и суеверий ретировались за свои неприступные горные перевалы, чтобы в марте 1844 г. выступить снова. На этот раз им удалось захватить радикалов врасплох, воспользовавшись общей реакцией в пользу консервативных принципов, а также тем обстоятельством, что ведущий кантон Люцерн (местопребывание федерального правительства) является консервативным кантоном. Демократическая партия в Вале временно потерпела поражение. Потребуется вмешательство федерального правительства; будущее покажет, какую пользу извлекут из этой победы священники, сопровождавшие и возглавившие консервативную армию. Но при любых обстоятельствах у них даже теперь нет ни малейших шансов восстановить что-либо похожее на старую систему или удержать Нижний Вале и его энергичных жителей в подчинении. Пройдет немного лет или даже месяцев и демократическая партия снова одержит верх.

Написано Ф. Энгельсом в первой половине июня 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 344, 15 июня 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 11, 1970 г.

* НОВОСТИ ИЗ ПРУССИИ. — ВОЛНЕНИЯ В СИЛЕЗИИ [107]

Народ добился большой победы; своим неуклонным и упорным сопротивлением он заставил короля * отказаться от его любимого детища — проекта нового закона о разводе. Ныне действующий в этой области закон весьма либерален и, конечно, никогда не нравился христианскому королю. С момента своего вступления на престол он горел желанием внести в этот закон изменение, допускающее развод только в очень редких случаях. Необходимо было укрепить, насколько возможно, святость брачных уз и предоставить священникам еще один повод для вмешательства в чужие семейные дела. Разум нации, однако, восстал против такого закона; пресса выступила против него, и, когда одной демократической газете ** удалось заполучить и опубликовать извлечение из подлинного текста законопроекта, против последнего со всех концов страны поднялся всеобщий протест [108]. Тем не менее, король упорствовал в своем намерении. Законопроект был представлен в Тайный совет с целью подготовки его для провинциальных ландтагов [109], рекомендация которых требуется по прусской конституции. Трудно сказать, встретил ли законопроект сильную оппозицию уже в Тайном совете, или король убедился, что подобная мера никогда не получит одобрения провинциальных ландтагов; но уже достаточно и того, что в Тайный совет был направлен королевский указ от 11-го числа сего месяца, согласно которому законопроект забирался обратно, от его принципов

* — Фридриха-Вильгельма IV. *Ред.*
** — «Rheinische Zeitung». *Ред.*

полностью отказывались и заявлялось, что король удовлетворится изменениями нескольких формальностей действующего закона. Эта весьма важная победа оппозиции должна укрепить народную партию и будет встречена громким одобрением в каждой деревушке королевства. Она покажет народу, что он обладает силой и, объединившись, может провалить любой неугодный ему закон; более того, она покажет, что даже просто демонстрируя свою силу, он может держать правительство в страхе и заставить его делать все, что угодно народу.

В промышленном округе Силезии произошли весьма серьезные волнения *; рабочее население данной местности, целиком зависящее от производства льняных тканей и испытывающее тяжелую нужду, так как оно не в состоянии выдержать конкуренцию изделий английской машинной промышленности, с некоторого времени оказалось в положении, подобном положению английских ручных ткачей. Задавленные гнетом конкуренции, машинного производства и алчных предпринимателей, рабочие в конце концов подняли восстание в Петерсвальдау (Силезия), разрушили дом одного предпринимателя и были разогнаны лишь прибывшими войсками. В Лангенбилау произошли волнения подобного же характера; войска встретили отпор со стороны народа и смогли восстановить порядок, только получив подкрепление и открыв огонь по восставшим, из которых несколько человек было убито. В других округах происходили бурные собрания, даже в столице провинции (Бреслау **) спокойствие было нарушено.

Таким образом, становится очевидным, что последствия фабричной системы, прогресса машинной техники и т. д. для рабочего класса на континенте совершенно те же самые, что и в Англии: угнетение и изнурительный труд — для большинства, богатство и благополучие — для немногих; неуверенность в завтрашнем дне, недовольство и возмущение имеют место и на холмах Силезии точно так же, как в перенаселенных городах Ланкашира и Йоркшира [110].

Написано Ф. Энгельсом в середине июня 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 346, 29 июня 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 11, 1970 г.

---

* См. настоящий том, стр. 202—204. *Ред.*

** Современное название Вроцлав. *Ред.*

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОДРОБНОСТИ О ВОЛНЕНИЯХ В СИЛЕЗИИ [111]

Волнения начались, как я уже писал в своей последней корреспонденции *, в Петерсвальдау, округе Райхенбах, центре промышленной части Силезии. Ткачи собрались перед домом одного из самых респектабельных предпринимателей по имени Цванцигер, распевая песню, в которой осуждалось его обращение с рабочими и которая, по-видимому, была сочинена по этому случаю [112]. Г-н Цванцигер послал за полицией и добился ареста нескольких зачинщиков; толпа народа перед его домом все увеличивалась, с угрозами требуя освободить арестованных, а поскольку их не освободили, она тут же принялась за разрушения. Двери были сорваны, окна выбиты, толпа ворвалась в дом, уничтожая все, что встречалось на ее пути. Домашние Цванцигера едва успели спастись, в них непрерывно швыряли камнями, так что женщин пришлось прикрыть подушками и перинами и отправить в карете в Швейдниц. Туда также были посланы гонцы, чтобы призвать на помощь войска, но командир ответил, что он ничего не может сделать без приказа провинциальных властей в Бреслау. Народ тем временем полностью разрушил жилой дом г-на Цванцигера, а затем ворвался в складское помещение, где уничтожил все конторские книги, векселя и другие документы, выбросил наличные деньги в сумме более 1 000 фунтов стерлингов на улицу, где они были подобраны шайкой контрабандистов из Богемии, перешедших границу в расчете поживиться чем-нибудь во время волнений. Кипы и мешки хлопка так же, как пряжа и

* См. предыдущую статью. *Ред.*

готовые изделия, были, насколько возможно, уничтожены или приведены в негодность, а машины на близлежащей фабрике совершенно разбиты.

Покончив с этим, восставшие покинули развалины разрушенных строений и двинулись в Лангенбилау; рабочие этого города тотчас присоединились к ним, местная фабрика и склад, принадлежащие г-ну Диригу, подверглись нападению. Г-н Диригу сперва пытался откупиться, но, уплатив часть условленной суммы, он узнал, что войска находятся в пути, и сразу же отказался от выплаты остальной части. Толпа немедленно ворвалась в дом и разрушила все, точно так же, как это было сделано в Петерсвальдау. Тем временем подоспел отряд пехотинцев в 160 человек и гражданские власти; был зачитан акт о мятеже, в ответ народ засыпал солдат градом камней, тогда последовала команда открыть огонь, и 12 человек из восставших было убито и многие ранены. Разъяренная толпа бросилась на солдат и ранила камнями стольких из них, что командир, которого стащили с лошади и жестоко избили, вынужден был отступить вместе со своим отрядом, чтобы дождаться подкреплений, в то время как разрушение имущества еще продолжалось. Наконец, появились два батальона пехоты, рота стрелков, небольшое подразделение кавалерии и артиллерии, и восставшие были разогнаны. Дальнейшие попытки подобного рода были подавлены войсками, занявшими город и его окрестности, и, как обычно бывает, когда все уже закончилось, на сцену выступили местные власти с соответствующими обращениями, объявили округ на осадном положении и пригрозили самым страшным наказанием за любое нарушение общественного порядка.

Волнения не ограничились этими двумя городами. В Альтфриленде и Лейтмансдорфе произошли подобные же сцены, хотя и не сопровождались столь резкими проявлениями ненависти к предпринимателям; несколько человек получили переломы рук, некоторое количество окон было разбито, прежде чем войска смогли восстановить спокойствие. Население всего округа воспользовалось случаем, чтобы показать фабрикантам свои чувства таким образом, чтобы у тех не осталось никаких сомнений в их характере.

Причиной этих волнений явились невероятные страдания ткачей-бедняков, вызванные низкой заработной платой, введением машин, скупостью и алчностью фабрикантов. Просто не верится, что заработная плата отдельной семьи из этого угнетенного класса, в которой за ткацким станком трудятся отец, мать и дети, едва лишь достигает суммы, на которую

можно купить не больше, чем на шесть шиллингов в Англии. Кроме того, все ткачи обременены долгами, что совсем не удивительно, когда заработная плата так низка, а фабриканты охотно ссужают их небольшими суммами, которые рабочие никогда не смогут выплатить, но которых вполне достаточно, чтобы обеспечить хозяину полную власть над ними и превратить их в рабов фабрикантов. А тут еще наряду с этим действовала конкуренция английских изделий, которые имеют преимущество перед немецкими в силу более совершенных машин и низкой заработной платы на английских фабриках, способствуют понижению заработной платы и у силезских ткачей. Короче говоря, именно фабричная система со всеми ее последствиями угнетает силезских ткачей так же, как она угнетала и теперь угнетает фабричных рабочих и ручных ткачей Англии, именно она породила больше вспышек недовольства и возмущения в этой стране, чем что-либо другое.

Следует заметить, что во время всех этих волнений, как свидетельствуют все немецкие газеты, со стороны голодающих ткачей не было совершено ни одного грабежа. Они выбрасывали деньги на улицу, не использовав для своих нужд ни гроша. Заниматься воровством и грабежами они предоставили контрабандистам и браконьерам из Богемии.

Написано Ф. Энгельсом во второй половине июня 1844 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 346, 29 июня 1844 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 11, 1970 г.

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СЕНТЯБРЬ 1844 — ФЕВРАЛЬ 1848

THE
NEW MORAL WORLD:
AND
GAZETTE OF THE RATIONAL SOCIETY.
Enrolled under Acts of Parliament, 10 Geo. IV. c. 56, and 4, 5, Will. IV. c. 40.

"ANY GENERAL CHARACTER, FROM THE BEST TO THE WORST, FROM THE MOST IGNORANT TO THE MOST ENLIGHTENED, MAY BE GIVEN TO ANY COMMUNITY, EVEN TO THE WORLD AT LARGE, BY THE APPLICATION OF PROPER MEANS, WHICH MEANS ARE TO A GREAT EXTENT AT THE COMMAND AND UNDER THE CONTROL OF THOSE WHO HAVE INFLUENCE IN THE AFFAIRS OF MEN."—Robert Owen.

W. JOHNSTON, PRINTER, LITTLE RED LION COURT, CHARTERHOUSE LANE, LONDON.

No. 15. Vol. VI. *Third Series* SATURDAY, OCTOBER 5, 1844. Price 2d.

CONTENTS.

Ф. ЭНГЕЛЬС

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ [113]

Континентальный социализм как будто заслуженно привлекает к себе в настоящее время значительное общественное внимание. Посылаю вам некоторые выдержки из письма, полученного мною из Бармена в Пруссии от бывшего сотрудника «*New Moral World*».

«В Париже [114], по пути домой, я посетил коммунистический клуб мистической школы. Я был представлен одним русским *, который в совершенстве говорит по-французски и по-немецки и который очень остроумно противопоставлял мистическим коммунистам учение Фейербаха **. Они понимают под термином бог то же самое, что хэм-коммонские социалисты [115] — под *духом любви*. Они, впрочем, заявили, что это — вопрос второстепенный, в практическом отношении во всем соглашались с нами и сказали: «*enfin, l'athéisme, c'est votre religion*» — в конце концов, атеизм это и есть ваша религия. «Religion» по-французски означает *убеждение, чувство*, а не культ. Они утверждали, что вся шумиха и болтовня *буржуазии*, то есть среднего класса, против Англии — сущий вздор, и всячески убеждали нас, что им совершенно чужды какие бы то ни было национальные предрассудки, что французские рабочие вовсе не заинтересованы в Марокко [116] и знают, что *les ouvriers*, рабочие, всех стран являются союзниками, так как имеют одинаковые интересы. Французская буржуазия столь же эгоистична, скупа и несносна в обществе, как и английская, но французские *рабочие* —

---

* По-видимому, М. А. Бакуниным. *Ред.*

** Сведение идеи божества к *человеку*.

славные ребята. Мы сделали большие успехи среди русских в Париже. Три или четыре дворянина и владельца крепостных, находящиеся сейчас в Париже, стали радикальными коммунистами и атеистами. Мы имеем в Париже немецкую коммунистическую газету, *«Vorwärts!»*, выходящую два раза в неделю. В Бельгии ведется активная коммунистическая агитация, а в Брюсселе выходит газета *«Le Débat Social»*. В Париже имеется около полдюжины коммунистических газет. Слова *социалистический, социалитарный* — весьма модные во Франции, а Луи-Филипп, этот первый *буржуа,* поддерживает *«Démocratie pacifique»* деньгами и покровительством. Внешняя религиозность французских социалистов по большей части лицемерна; народ совершенно перелигиозен, и первой жертвой ближайшей революции будут священники. В Кёльне наши люди добились огромных успехов. Когда мы собрались в одном общественном здании, мы заполнили большое помещение своей компанией, состоявшей в большинстве своем из адвокатов, врачей, артистов и других, а также трех или четырех лейтенантов артиллерии, причем один из них очень толковый парень. В Дюссельдорфе у нас есть несколько человек и среди них весьма талантливый поэт *. В Эльберфельде с полдюжины моих друзей и некоторые другие являются коммунистами. Фактически, едва ли найдется хотя бы один город в Северной Германии, где бы у нас не было несколько радикалов, противников собственности и атеистов. Эдгар Бауэр, из Берлина, был недавно приговорен к трехлетнему тюремному заключению за свою последнюю книгу».

Полагая, что приведенные выше факты представят интерес для ваших читателей, посылаю их вам для помещения в вашей газете.

Написано Ф. Энгельсом около 20 сентября 1844 г.

Напечатано в газете «The New Moral World» № 15, 5 октября 1844 г.
Подпись: Англо-германец

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* По-видимому, Вильгельм Мюллер. *Ред.*

Deutsches

Bürgerbuch

für 1845.

Herausgegeben

von

H. Püttmann.

Darmstadt, 1845.

Druck und Verlag von C. W. Leske.

Обложка ежегодника «DEUTSCHES BÜRGERBUCH FÜR 1845»,
в котором опубликована статья Ф. Энгельса «Описание
возникших в новейшее время и еще существующих
коммунистических колоний»

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОПИСАНИЕ ВОЗНИКШИХ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ И ЕЩЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ КОЛОНИЙ[117]

Когда беседуешь с людьми о социализме или коммунизме, то нередко обнаруживаешь, что твои собеседники по существу дела совершенно согласны с тобой и признают коммунизм прекрасной вещью; «но, — говорят они, — невозможно когда-либо осуществить что-нибудь подобное». Это возражение повторяется так часто, что автору этих строк кажется полезным и необходимым ответить на него описанием некоторых фактов, еще очень мало известных в Германии и полностью опровергающих подобное возражение. Коммунизм, общественная жизнь и деятельность на основе общности имущества, не только возможен, но уже фактически осуществляется во многих общинах в Америке и в одной местности в Англии и осуществляется, как увидим, с полным успехом.

Впрочем, если ближе рассмотреть это возражение, то окажется, что оно распадается на два других. Во-первых, говорят, что не найдется рабочих, которые согласились бы выполнять унизительные и неприятные физические работы; во-вторых, что при наличии равного права на общую собственность, общинники станут спорить из-за нее и община, таким образом, снова распадется. — На первое возражение ответить нетрудно: эти работы, раз они носят общественный характер, перестают быть унизительными; кроме того, от них можно будет почти совсем избавиться посредством усовершенствованных приспособлений, машин и т. п. Так, например, в Нью-Йорке, в одной большой гостинице обувь чистится силой пара, а в коммунистической колонии «Гармония» в Англии (о ней речь пойдет ниже) отхожие места, удобно устроенные на английский

манер (water-closets), не только очищаются сами, но и снабжены трубами, отводящими нечистоты прямо в большую выгребную яму. — Что касается второго возражения, то заметим, что за последние 10—15 лет все коммунистические колонии так сильно разбогатели, что они имеют все, чего можно желать и в большем количестве, чем могут потребить, следовательно, у них нет никакого повода для спора.

Читатель увидит, что большинство из описанных ниже колоний ведет свое начало от различных религиозных сект, имеющих чаще всего весьма вздорные и нелепые представления о разных вещах. На это автор лишь кратко заметит, что эти представления не имеют никакого отношения к коммунизму. И также совершенно безразлично верят ли те, кто доказывает на деле осуществимость общности, в одного бога, в двадцать богов или же совсем не верят в бога; если вера их неразумна, то это является препятствием на пути общности, если же, тем не менее, общность здесь претворяется в жизнь, то насколько она была бы более возможна среди людей, свободных от подобных предрассудков. Почти все недавно созданные колонии совершенно свободны от религиозных надувательств, и английские социалисты, хотя и очень веротерпимы, почти все не признают никакой религии, за что их и осыпают всяческой клеветой и бранью в ханжеской Англии. Но даже сами их противники, как только дело доходит до доказательств, вынуждены признать, что все эти наветы не имеют под собой никакой почвы.

Первыми, кто создал в Америке и вообще в мире общество на основе общности имущества, были так называемые шейкеры. Это особая секта, с очень своеобразными религиозными взглядами, не признающая брака и вообще не допускающая половых отношений и тому подобного. Но этого мы здесь не касаемся. Секта шейкеров возникла приблизительно лет семьдесят тому назад. Основателями ее были бедняки, которые объединились, чтобы жить вместе в братской любви и общности имущества и почитать своего бога по-своему. Несмотря на то, что их религиозные воззрения и особенно запрещение брака многих отпугивали, у них нашлись приверженцы, и теперь они образуют *десять больших общин,* каждая из которых насчитывает от трехсот до восьмисот членов. Каждая из этих общин представляет собой красивый, правильно распланированный город, с жилыми домами, фабриками, мастерскими, зданиями для собраний, амбарами; у них имеются в изобилии цветники, огороды, фруктовые сады, леса, виноградники, луга и пахотная земля; кроме того, есть всякого рода скот:

лошади, коровы, овцы, свиньи, домашняя птица больше, чем им может требоваться, и притом самых лучших пород. Их амбары всегда полны зерна, а кладовые — ткани для одежды; один английский путешественник *, посетивший их, даже сказал, что не понимает, почему эти люди, у которых всего в избытке, все еще работают; по-видимому, они работают исключительно ради времяпрепровождения, ибо, в противном случае, им незачем было бы это делать. Среди них нет ни одного человека, который бы работал против своего желания, и ни одного, который бы тщетно искал работу. У них нет приютов для бедных и богаделен, ибо нет ни одного бедняка и нуждающегося, нет беспомощных вдов и сирот; они не знают нужды и могут ее не страшиться. В их десяти городах нет ни одного жандарма или полицейского; нет судей, адвокатов и солдат; нет тюрем и исправительных домов; и, однако, все идет своим чередом. Законы страны существуют не для них; и если бы иметь в виду только их, то эти законы можно было бы с успехом отменить и на это никто не обратил бы внимания; ибо они самые мирные из граждан, *ни разу еще не поставили тюрьмам ни одного преступника*. Как уже сказано, они живут на основе полной общности имущества и в сношениях между собой не знают ни торговли, ни денег. В прошлом году английский путешественник по имени Финч посетил один из этих городов, Плезант-Хилл близ Лексингтона в штате Кентукки. Вот как он описывает его:

«Плезант-Хилл состоит из множества больших красивых кирпичных и каменных домов, фабрик, мастерских, конюшен и амбаров; все эти здания содержатся в образцовом порядке и являются лучшими во всем Кентукки. Пашню шейкеров легко было узнать по прекрасной окружающей ее каменной стене и по замечательной обработке; большое количество хорошо упитанных коров и овец паслось на полях, а множество жирных свиней поедали во фруктовых садах опавшие плоды. Шейкеры владеют здесь почти четырьмя тысячами американских моргенов земли, из которых около двух третей возделывается. Эта колония была основана около 1806 г. одной-единственной семьей, позднее к ней присоединились другие семьи, и таким образом колония постепенно разрослась; одни принесли с собой небольшую сумму денег, другие совсем ничего. Им пришлось бороться со многими трудностями и терпеть вначале большие лишения, так как в большинстве своем они были очень бедны; но благодаря труду, бережливости, умеренности они преодолели все; теперь у них имеется все в избытке, и они никому не должны ни копейки. В настоящее время это общество насчитывает около трехсот членов, в том числе пятьдесят или шестьдесят — детей моложе шестнадцати лет. Среди шейкеров нет ни господ, ни слуг и, тем более, нет рабов; они свободны, богаты и счастливы. У них две школы: одна для

* — Дж. Финч. *Ред.*

мальчиков, другая для девочек; там обучают чтению, письму, счету, английскому языку и основам их религии; они не обучают детей наукам, ибо полагают, что последние не нужны для спасения души. Поскольку они не признают брака, то неизбежно вымерли бы, если бы к ним постоянно не прибывали новые члены; и хотя запрещение брака отпугивает очень многих и некоторые из лучших членов из-за этого даже уходят, однако к ним постоянно приходит столько новых членов, что число их непрерывно растет. Они занимаются скотоводством, хлебопашеством и полеводством, сами возделывают лен, изготовляют шерсть и шелк, которые прядут и ткут на собственных фабриках. То, что они производят сверх своих потребностей, они продают или обменивают у своих соседей. Обычно они работают до темноты. В управлении имеется открытая для всех контора, в которой ведутся книги и счетоводство, и каждый член общины имеет право просмотреть это счетоводство, когда только пожелает. Сами они не знают, насколько богаты, так как не ведут описи своего имущества; им достаточно знать, что все, чем они располагают, принадлежит им, так как они никому ничего не должны. Лишь один раз в году они подсчитывают суммы, которые им должны соседи.

Община делится на пять семей (отделений), насчитывающих от сорока до восьмидесяти членов каждая; каждая семья имеет свое отдельное хозяйство и живет в одном большом красивом доме; *каждый получает из общего склада общины все, что ему надо, бесплатно, и в таком количестве, какое ему требуется* *. В каждой семье есть дьякон, который заботится о том, чтобы все получили то, в чем *нуждаются,* и по возможности *предупреждает* желания каждого. Их одежда, наподобие квакерской, проста, чиста и опрятна; их пища весьма *разнообразна и всегда лучшего качества.* Каждый вновь принимаемый член должен, по уставу общины, передать в общую собственность все, что у него есть, и не имеет права ни при каких обстоятельствах потребовать это обратно, даже в случае выхода из общины; и, несмотря на это, община возвращает каждому, покидающему ее, столько, сколько он принес с собой. Если выходит член, не принесший с собой ничего, то, согласно уставу, он не вправе также потребовать никакого вознаграждения за свой труд, поскольку он питался и одевался за общий счет все то время, пока работал; но обычно и в этом случае каждому дают на дорогу подарок, если он уходит с миром.

Управление у них строится по образцу первых христиан. В каждой общине есть два священнослужителя — мужчина и женщина, имеющие в свою очередь двух заместителей. Эти четыре духовных лица стоят во главе общины и решают все споры. В каждой семье в общине есть опять-таки двое старейшин с двумя заместителями и один дьякон, или управитель. Имуществом общины распоряжается совет, состоящий из трех членов, который наблюдает за всем заведением, руководит работами и ведет торговлю с соседями. Он не имеет права покупать или продавать землю без согласия общины. Кроме того, имеются, конечно, надзиратели и заведующие в различных отраслях труда; но у них стало правилом, что *никто никогда ни от кого не получает приказов, а на всех следует воздействовать убеждением*» [118].

Вторую колонию шейкеров, Нью-Либанон в штате Нью-Йорк, посетил в 1842 г. другой английский путешественник по имени Питкетли. Г-н Питкетли тщательнейшим образом осмотрел

* Здесь и ниже в цитируемом тексте курсив Энгельса. *Ред.*

весь город, насчитывающий около восьмисот жителей и владеющий семью-восемью тысячами моргенов земли, обследовал его мастерские и фабрики, кожевенные заводы, лесопильни и так далее и нашел все заведение *совершенным*. Он тоже удивляется богатству этих людей, которые начали с ничего, а теперь с каждым годом становятся богаче, и говорит:

«Среди них все счастливы и веселы; тут нет раздоров, наоборот, во всем селении царят дружба и любовь, во всех звеньях наблюдаются порядок и аккуратность, не имеющие себе равных» [119].

Таковы факты, касающиеся шейкеров. Они живут, как сказано, на основе полной общности имущества, у них десять таких общин в Соединенных Штатах Северной Америки.

Помимо шейкеров в Америке существуют еще и другие колонии, основанные на общности имущества. В первую очередь, следует здесь упомянуть *рапистов*. *Рапп*, проповедник из *Вюртемберга*, в 1790 г. вместе со своими прихожанами отошел от лютеранской церкви и, преследуемый правительством, уехал в 1802 г. в Америку. Его приверженцы последовали за ним в 1804 г., и, таким образом, он, вместе с сотней семейств, поселился в Пенсильвании. У них было в общей сложности около 25 000 талеров, на которые они купили земельный участок и орудия. Земля представляла собой нетронутый девственный лес, и цена ее равнялась всему их состоянию; но эту сумму они выплачивали в рассрочку. Они объединились на основе общности имущества и заключили между собой следующий договор:

1) Каждый вносит в общину все, что имеет, не требуя себе за это никаких преимуществ. В общине все равны.

2) Законы и правила общины одинаково обязательны для всех.

3) Все трудятся только на благо всей общины, а не каждый для одного себя.

4) Кто покидает общину, не может требовать вознаграждения за свой труд, но получает обратно все, что внес; а тот, кто не внес ничего и уходит с миром и дружбой, тот получает на дорогу добровольный дар.

5) Община обязуется снабжать каждого члена и его семью всем необходимым для жизни и обеспечивать необходимый уход во время болезни и в старости; если же родители умрут или выйдут из общины, оставив своих детей, то община возьмет на себя воспитание этих детей.

В первые годы существования общины, когда ей надо было осваивать целину и выплачивать при этом ежегодно 7 000 та-

леров за земельный участок, людям, естественно, пришлось туго. Это отпугнуло кое-кого из более богатых, они вышли из общины и забрали свои деньги, что еще больше увеличило трудности поселенцев. Но большинство из них держалось стойко, и уже через пять лет, в 1810 г., они выплатили все свои долги. В 1815 г. они по разным причинам продали свое поселение и снова купили двадцать тысяч моргенов девственного леса в штате Индиана. Через несколько лет они основали здесь красивый город *«Новая Гармония»*, освоили значительную часть земли, развели виноградники, вспахали поля под зерновые, построили шерстяную и хлопчатобумажную фабрику и становились с каждым днем все богаче. В 1825 г. они продали всю свою колонию за двести тысяч талеров г-ну Роберту Оуэну и в третий раз переселились на жительство в девственный лес. На этот раз они поселились на берегу большой реки Огайо и построили город *«Экономия»*, который был больше и красивее, чем все те, в каких они жили раньше. В 1831 г. в Америку приехал граф Леон с группой немцев, около тридцати человек, чтобы присоединиться к ним. Они охотно приняли этих новых пришельцев; но граф восстановил часть членов против Раппа, в связи с этим на одном из собраний всей общины было решено, что Леон со своими приверженцами должен уйти. Оставшиеся выплатили недовольным свыше *ста двадцати тысяч талеров*, и на эти деньги Леон основал вторую колонию, которая, однако, из-за плохого управления потерпела крах; участники ее затем рассеялись, а *граф Леон* вскоре после того умер в Техасе как *бродяга*. Колония *Раппа*, напротив, процветает и по сей день. О ее теперешнем положении упомянутый выше путешественник Финч сообщает следующее:

«Город *«Экономия»* состоит из трех длинных и широких улиц, пересекаемых пятью такими же широкими поперечными улицами; в нем имеется церковь, гостиница, шерстяная, хлопчатобумажная и шелковая фабрика, специальное помещение для разведения шелковичных червей, общественный товарный склад для удовлетворения потребностей членов общины и для продажи посторонним, естественноисторический музей, различные ремесленные мастерские, хозяйственные постройки и прекрасные большие жилые дома для отдельных семейств с большим садом при каждом доме. На земле, принадлежащей городу, — протяженностью в два часа ходьбы, а шириной в четверть часа — находятся большие виноградники, фруктовый сад в тридцать семь моргенов, поля и луга. Членов общины насчитывается около четырехсот пятидесяти; все они прекрасно одеты, хорошо питаются и великолепно живут; это веселые, довольные, счастливые и добродетельные люди, не знающие уже много лет никакой нужды.

У них тоже было одно время большое предубеждение против брака, но теперь они женятся, имеют семьи и очень хотели бы увеличить число

членов общины, если бы к ним явились подходящие люди. Их религия основывается на Новом завете, но *они не придерживаются особого вероисповедания и разрешают каждому иметь свои собственные взгляды,* лишь бы он не мешал другим и не заводил споров о вере. Они называют себя *гармонистами.* У них нет оплачиваемых священников; г-н Рапп, которому больше восьмидесяти лет, не только священник, но и управитель и судья. Они охотно занимаются музыкой, устраивают иногда концерты и музыкальные вечера. За день до моего приезда, начало жатвы было отмечено большим концертом в поле. В их школах обучают чтению, письму, счету и языку, но не обучают наукам, совсем как у шейкеров. Они работают гораздо больше, чем это им необходимо: зимой и летом от восхода до захода солнца; работают все, а тот, кто зимой не работает на фабриках, находит работу на молотьбе, по уходу за скотом и т. д. У них 75 молочных коров, большие стада овец, много лошадей, свиней и птицы; из своих сбережений они ссудили большие суммы купцам и менялам, и хотя вследствие банкротств они потеряли значительную часть этих вкладов, все же количество *свободных денег* у них увеличивается с каждым годом.

С самого начала у них было стремление производить самим все, в чем они нуждаются, чтобы как можно меньше покупать у других и в конечном счете производить больше, чем им потребуется; позднее они приобрели стадо в сто испанских овец для улучшения овцеводства, уплатив за это пятнадцать тысяч талеров. Они были в числе первых, кто начал в Америке изготовлять шерстяные товары. Затем они начали разводить виноградники, возделывать лен, построили хлопчатобумажную фабрику и стали заниматься разведением и обработкой шелка. Но во всех случаях они в первую очередь заботятся о том, чтобы полностью обеспечить самих себя, прежде чем продавать что-нибудь.

Они живут семьями в двадцать — сорок человек, причем каждая семья имеет отдельный дом и отдельное хозяйство. Все необходимое семья получает с общественных складов. *Они имеют всего в изобилии для всех и получают все бесплатно и столько, сколько пожелают.* Когда им требуется одежда или обувь, они отправляются к портному, портнихе или сапожнику и им изготовляются вещи по их вкусу. Мясо и другие пищевые продукты выдаются каждой семье по числу ее членов, у них всего *вдоволь и в избытке*»[120].

Другая община, созданная на основе общности имущества, поселилась в *Зоаре,* в штате Огайо. Эти люди также являются *сепаратистами из Вюртемберга,* отошедшими от лютеранской церкви одновременно с Раппом; после десятилетних преследований со стороны церковных властей и правительства они тоже эмигрировали. Они были очень бедны и смогли достигнуть своей цели только благодаря поддержке со стороны филантропов-квакеров в Лондоне и Америке. Они прибыли в Филадельфию осенью 1817 г. во главе со своим священником *Боймлером* и купили у одного квакера земельный участок в семь тысяч моргенов, которым владеют и поныне. Покупную цену, около шести тысяч талеров, надо было выплачивать по частям. Когда они прибыли на место и подсчитали свои деньги, то оказалось, что на каждого человека приходилось ровно по шести талеров. Это было все, что они имели; за землю еще не было

уплачено ни гроша, и на эти несколько талеров они должны были приобрести семена, земледельческие орудия и припасы до ближайшего урожая. Они нашли лес с несколькими срубами, и этот лес им предстояло сделать пригодным для обработки; но они энергично принялись за работу, вскоре привели свои поля в пригодное для возделывания состояние и уже на следующий год построили зерновую мельницу. *Вначале они разделили свою землю на небольшие участки,* каждый из которых обрабатывался отдельной семьей за ее собственный счет и как ее *частная собственность. Но они вскоре увидели, что это не годится:* так как каждый работал только *для себя,* то они не могли с достаточной быстротой вырубить лес и сделать землю пригодной для обработки; они вообще не могли *как следует помогать друг другу,* благодаря чему многие впали в долги и *им грозило полное обнищание.* Поэтому через полтора года, в апреле 1819 г., они *объединились в общину на основе общности имущества,* набросали устав и единогласно избрали директором своего пастора Боймлера. Теперь они выплатили все долги членов общины, получили двухгодичную отсрочку для уплаты денег за землю и стали работать с удвоенным рвением и объединенными силами. При этой новой организации дела пошли настолько хорошо, что они уже за четыре года до назначенного срока смогли выплатить за землю всю покупную сумму вместе с процентами; впрочем, о том, как им живется, может дать представление следующее описание, принадлежащее двум очевидцам.

Один американский купец, очень часто наезжающий в Зоар, описывает это место как совершенный образец чистоты, порядка и красоты; в нем имеется прекрасная гостиница, дворец, в котором живет старый Боймлер, великолепный общественный сад в два моргена величиной, с большой оранжереей, и красивые благоустроенные дома и сады. Он изображает этих людей как очень счастливых и довольных, трудолюбивых и честных. Его описание было помещено в газете города Питтсбург (Огайо) («Pittsburg Daily Advocate and Advertiser», 17 июля 1843) [121].

Неоднократно упоминаемый *Финч* заявляет, что эта община самая совершенная из всех общин, созданных в Америке на основе общности имущества. Он приводит длинный список ее богатств, рассказывает, что они имеют льнопрядильню и шерстяную фабрику, кожевенный и чугунолитейный заводы, две зерновые мельницы, две лесопильни, две молотилки и множество всевозможных ремесленных мастерских. К этому он прибавляет, что их поля обработаны лучше, чем все те, которые он видел в Америке. — «Pfennig-Magazin» оценивает

имущество сепаратистов в 170 000—180 000 талеров; эти деньги они заработали за 25 лет, а начали с того, что имели только по 6 талеров на душу. Их насчитывается около двухсот человек. Они также одно время воздерживались от брака, но, подобно раппистам, отказались от этого и теперь вступают в брак.

Финч приводит текст конституции этих сепаратистов, которая в существенных чертах сводится к следующему.

Все должностные лица общины выборные; выбирают их все члены общины старше двадцати одного года из собственной среды. Эти должностные лица следующие:

1) *Три попечителя*, из которых один ежегодно переизбирается и которые в любое время могут быть смещены общиной. Они ведают всем имуществом общины и обеспечивают ее членов необходимыми для жизни припасами, жилищем, одеждой, питанием в той мере, в какой это позволяют обстоятельства, и не взирая на лица. Они назначают себе помощников по различным отраслям работы, разрешают мелкие споры и могут, совместно с общинным советом, издавать новые правила, которые, однако, не должны противоречить конституции.

2) *Директор*, который остается на своем посту до тех пор, пока пользуется доверием общины, и который ведет все дела ее в качестве высшего должностного лица; он имеет право покупать и продавать, заключать контракты, но во всех важных вопросах может действовать только с согласия троих попечителей.

3) *Общинный совет*, состоящий из пяти членов, из которых ежегодно выбывает один, и представляющий высшую власть общины; вместе с попечителями и директором он издает законы, контролирует прочих должностных лиц и разрешает споры, если стороны недовольны решением попечителей;

4) Наконец, *казначей*, избираемый на четыре года; из всех членов и должностных лиц лишь он один имеет право хранить *деньги*.

Кроме того, конституция предусматривает устройство учебно-воспитательного заведения, обязывает всех членов общины передавать всю свою собственность общине навечно и без права возврата; новые члены принимаются лишь после того, как они прожили год в общине и по единогласному решению всех членов; конституция может быть изменена только в том случае, если за это выскажется две трети членов.

Не трудно было бы продолжить эти описания, ибо почти все путешественники, направляющиеся в глубь Америки, посещают ту или другую из упомянутых колоний и *почти во*

всех описаниях путешествий говорится о них. Но *ни один* из этих путешественников не смог сказать об этих людях ничего дурного; напротив, все только хвалят их, и единственное, за что их можно порицать, в особенности шейкеров, это за религиозные предрассудки, не имеющие, однако, ничего общего с учением об общности имущества. Так, я мог бы привести еще труды г-жи Мартино, гг. Мелиша и Бакингэма и многих других, но так как выше сказано уже достаточно и все авторы сообщают то же самое, то в этом нет необходимости.

Успех шейкеров, гармонистов и сепаратистов, а также всеобщая потребность в новом устройстве человеческого общества и вытекающие отсюда усилия социалистов и коммунистов побудили за последнее время многих других в Америке предпринять подобные же попытки. Так, г-н *Гиналь, немецкий проповедник* в Филадельфии, образовал общество, которое закупило 37 000 моргенов леса в штате Филадельфия, построило там свыше восьмидесяти домов и уже насчитывает свыше пятисот человек, *по большей части немцев*. У них имеется большой кожевенный завод и гончарное производство, много мастерских и складов, и дела идут у них очень хорошо. Само собой разумеется, они живут на основе *общности имущества* равно как и все общины, о которых речь пойдет ниже. — Некий г-н *Хизби*, железозаводчик из Питтсбурга (Огайо), основал в своем родном городе подобную же общину, которая закупила в прошлом году около 4 000 моргенов земли вблизи Питтсбурга и намерена создать колонию на основе общности имущества. — Далее, в штате Нью-Йорк, в *Скенительсе*, существует такая же колония, основанная весной 1843 г. * английским социалистом *Дж. А. Коллинзом* вместе с тридцатью единомышленниками; кроме того, в *Миндене*, в штате Массачусетс, где со времени 1842 г. поселилось около ста человек; далее *две* общины в *Пайк-Каунти*, в штате Пенсильвания, которые также были основаны недавно; затем одна в *Брук-Фарме*, в Массачусетсе, где на 200 моргенах земли живут пятьдесят членов общины и тридцать школьников, построивших отличную школу под руководством унитарианского священника [122] *Дж. Рипли*; далее, в Нортгэмптоне, в том же штате, с 1842 г. существует община, насчитывающая 120 членов, которые на своих 500 моргенах земли занимаются земледелием, скотоводством и имеют лесопильни, шелковые фабрики и красильни, и, наконец, колония английских эмигрантов-социалистов в *Экволити*, близ *Милуоки*, в штате *Висконсин*, которая была основана в прошлом году

* В оригинале опечатка: 1813 г. *Ред.*

Томасом *Хантом* и быстро развивается. Помимо этих колоний за последнее время как будто было основано еще несколько общин, но об этом пока нет сведений. — Во всяком случае, ясно одно, что американцы и особенно бедные рабочие больших городов Нью-Йорка, Филадельфии, Бостона и т. д. приняли это дело близко к сердцу и основали много обществ для устройства подобных колоний и что новые общины возникают все время. Американцам надоело оставаться и дальше рабами кучки богачей, живущих трудом народа, а при энергии и упорстве этой нации очевидно, что общность имущества скоро будет введена в значительной части страны.

Однако не только в Америке, но и в Англии сделаны попытки осуществить общность имущества. Здесь это учение проповедовал в течение тридцати лет гуманист *Роберт Оуэн,* который пожертвовал все свое большое состояние без остатка на основание ныне существующей колонии «*Гармония*» в *Гэмпшире*. Созданное им для этой цели общество купило участок земли в 1 200 моргенов и основало там общину согласно предложениям Оуэна. Она насчитывает теперь свыше ста членов, живущих вместе в большом здании и занимающихся пока что главным образом земледелием. Так как предполагалось с самого начала сделать из этой общины образец нового общественного строя, то потребовался значительный капитал, и до настоящего времени в дело уже вложено около двухсот тысяч талеров. Часть этой суммы была взята взаймы и должна была время от времени выплачиваться; это вызвало ряд затруднений, и из-за недостатка денег многие сооружения не могли быть завершены и стать доходными. А так как члены общины были не единственными собственниками предприятия, а во главе его стояла дирекция общества социалистов, которому оно принадлежит, то вследствие этого тоже возникали иногда недоразумения и недовольство. Но, несмотря на все это, дело идет своим чередом; члены общины, по свидетельству всех посетителей, относятся друг к другу как нельзя лучше, оказывают взаимную помощь, и, вопреки всем затруднениям, существование предприятия теперь все же обеспечено. Главное состоит в том, что все затруднения проистекают не из общности, а из того, что эта общность еще не проведена полностью. Будь это сделано, члены общины не должны были бы употреблять весь свой заработок на выплату взятой взаймы ссуды и процентов по ней, а могли бы использовать его для завершения и усовершенствования этого предприятия; кроме того, они могли бы сами выбирать свое управление, а не зависеть постоянно от дирекции общества.

О самом предприятии один экономист-практик, объехавший всю Англию с целью ознакомления с состоянием земледелия и описавший свои впечатления в лондонской газете «Morning Chronicle» под псевдонимом: «Один из тех, кто сам ходил за плугом» *, сообщает следующее («Morning Chronicle», 13 декабря 1842 г.) [123]:

Проехав плохо возделанную, поросшую скорее сорняком, чем злаками, местность, он впервые в своей жизни услышал в одной близлежащей деревне кое-что о социалистах из «Гармонии». Один состоятельный человек рассказал ему там, что они возделывают, и притом очень хорошо, большой участок земли, что все распространяемые о них ложные слухи — неверны, что священник мог бы только гордиться, если бы хотя половина жителей его прихода вела себя так достойно, как эти социалисты, и что было бы также очень желательно, чтобы землевладельцы окружающей местности давали беднякам столько же работы и на таких же выгодных условиях, как это делают эти люди. У них свои особые взгляды на собственность, но, при всем том, они ведут себя очень хорошо и показывают хороший пример всей округе. Он добавил, что их религиозные взгляды различны: одни ходят в одну церковь, другие — в другую, и они никогда не говорят о религии или политике с жителями деревни. На его вопрос двое из них ответили, что у них нет каких-либо определенных религиозных взглядов и каждый может верить во что он хочет. Мы все были очень озадачены, когда услыхали, что они прибыли сюда, но теперь находим, что они очень хорошие соседи, подают нашим односельчанам хороший пример нравственности, предоставляют работу многим нашим беднякам, и так как они никогда не стараются навязать нам своих взглядов, то у нас нет никаких оснований быть недовольными ими. Они все отличаются приличным поведением и благовоспитанностью, и никто здесь, в окрестностях, не может ничего сказать дурного об их образе жизни.

Услышав и от других то же самое, наш автор отправился затем в «Гармонию». Проехав снова мимо плохо возделанных полей, он натолкнулся на очень хорошо обработанное свекловичное поле с прекрасным богатым урожаем и сказал своему приятелю, местному арендатору: если это социалистическая свекла, то выглядит она неплохо. Вскоре затем он встретил социалистическое стадо в семьсот овец, которые тоже были прекрасны, а потом пришли к большому, со вкусом построенному солидному жилому дому. Однако в нем все было еще не

* Псевдоним Александра Сомервилла. *Ред.*

закончено: валялись кирпичи и строевой лес, наполовину была сделана облицовка, не засыпаны ямы. Они вошли в дом, где их вежливо и радушно приняли и повели по всему зданию. На первом этаже была большая столовая и кухня, откуда полные блюда подавались с помощью машины в столовую, а пустая посуда возвращалась на кухню. Эту машину посетителям показывало несколько детей, которые отличались чистой опрятной одеждой, здоровым видом и уменьем себя держать. Женщины на кухне имели тоже очень чистый и пристойный вид; и посетитель очень удивился, что они среди грязной посуды — обед только что кончился — могли выглядеть такими миловидными и чистыми. Сама кухня была неописуемо красиво оборудована, и лондонский архитектор, построивший ее, сказал, что даже в Лондоне найдется очень мало кухонь, снабженных таким совершенным и дорогостоящим оборудованием — с этим замечанием согласен и наш рассказчик. — Возле кухни были расположены удобные прачечные, ванные комнаты, погреба и отдельные помещения, где каждый член может умыться по возвращении с работы.

На втором этаже помещался большой танцевальный зал, а над ним очень удобно устроенные спальные комнаты.

Сад, в двадцать семь моргенов величиною, был в отличном порядке; и вообще повсюду была заметна кипучая деятельность. Здесь изготовляли кирпичи, жгли известь, строили и прокладывали улицы; уже было засеяно пшеницей сто моргенов и предполагалось вспахать под пшеницу еще больше земли; был вырыт пруд для стока жидкого удобрения, а из небольшого леса, расположенного на территории колонии, был привезен перегной для удобрения, — словом, было сделано все, чтобы повысить урожайность почвы.

Наш автор пишет в заключение:

«Я полагаю, что арендная плата за их земельный участок должна составлять в среднем три фунта (двадцать один талер) за морген в год, а они платят только пятнадцать шиллингов (пять талеров). — Сделка, которую они совершили, очень выгодна, если только они будут разумно хозяйничать; и что бы ни говорили об их общественных домах, следует признать, что свои земельные владения они обрабатывают превосходно».

Добавим к этому описанию еще несколько слов о внутреннем устройстве этой общины. Члены ее живут вместе в большом доме, причем у каждого своя отдельная спальня, устроенная удобнейшим образом; домашнее хозяйство ведется для всех сообща частью женщин, в результате чего сберегается, естественно, очень много времени и труда, которые затрачиваются при ведении многих маленьких хозяйств, благодаря

чему создаются большие удобства, совершенно недоступные в маленьких хозяйствах. Так, например, кухонный очаг служит одновременно источником для обогревания теплым воздухом всех комнат в доме; холодная и теплая вода подается по трубам в каждую комнату и вообще имеются другие подобные удобства и преимущества, которые возможны лишь в общественных сооружениях. Детей отдают в школу, связанную с предприятием, и они воспитываются там за общественный счет. Родители могут видеть их, когда хотят, а воспитание рассчитано на физическое и духовное развитие и жизнь в коллективе. Детей не мучат религиозно-богословскими спорами, латынью и греческим языком, но тем больше внимания они уделяют изучению природы, развитию своего собственного тела и своих духовных способностей и отдыхают на лоне природы от сидения, правда, непродолжительного, за партами; ибо преподавание ведется не только в помещении, но очень часто под открытым небом, и труд является частью воспитания. Нравственное воспитание сводится к применению одного правила: не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы другие делали тебе, следовательно, к проведению полного равенства и братской любви.

Колония находится, как сказано, под руководством председателя и дирекции общества социалистов; эта дирекция избирается ежегодно съездом, на который каждое отделение этого общества посылает одного делегата; она обладает неограниченными полномочиями в рамках устава общества и ответственна перед съездом. Община, следовательно, управляется людьми, живущими вне ее, и при таких условиях дело не может обойтись без недоразумений и дрязг; однако если бы даже опыт с «Гармонией» не удался из-за этого и вследствие денежных затруднений, чего, впрочем, нет основания ожидать, то это было бы только лишним аргументом в пользу общности имущества, ибо причиной в обоих случаях служит то, что общность не проведена до конца. Но, несмотря на все это, существование колонии обеспечено, и хотя она не могла так быстро добиться успеха и завершить свое устройство, но все же и противники общины не будут иметь случая торжествовать по поводу ее гибели.

Итак, мы видим, что общность имущества не представляет ничего невозможного и что, наоборот, все эти попытки вполне удались. Мы видим также, что люди, живущие общиной, живут лучше, затрачивая меньше труда, имеют больше свободного времени для своего духовного развития и что они лучше и нравственнее, чем их соседи, сохранившие частную собственность. Все это уже поняли американцы, англичане, французы

и бельгийцы, а также многие немцы. Во всех странах имеется известное число людей, занимающихся распространением этого учения и объявивших себя сторонниками общности.

Если этот вопрос важен для всех вообще, то в высшей степени он важен для бедных рабочих, у которых нет никакой собственности, которые уже назавтра проедают полученную сегодня заработанную плату и в любой момент могут остаться без куска хлеба из-за непредвиденных и неизбежных случайностей. Рабочим здесь открывается перспектива независимого, обеспеченного и свободного от забот существования, полного равноправия с теми, кто в настоящее время, благодаря своему богатству, может превращать рабочих в своих рабов. Этих рабочих данный вопрос затрагивает больше всего. В других странах рабочие образуют ядро партии, добивающейся общности имущества, и долг немецких рабочих также серьезно задуматься над этим вопросом.

Когда рабочие объединены между собой, держатся вместе и преследуют одну цель, они бесконечно сильнее богатых. И если к тому же они будут иметь в виду такую разумную, направленную на благо всех людей, цель, как общность имущества, то само собой разумеется, лучшие и наиболее рассудительные из богатых заявят о своем согласии с рабочими и их поддержат. Имеется уже большое число состоятельных и образованных людей во всех частях Германии, которые открыто высказались в пользу общности имущества и защищают права народа на земные блага, захваченные имущим классом.

Написано Ф. Энгельсом
в середине октября 1844 г.

Напечатано без подписи в ежегоднике «Deutsches Bürgerbuch für 1845». Darmstadt, 1845

Печатается по тексту ежегодника

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ГЕГЕЛЕВСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ [124]

1) Самосознание вместо человека. Субъект — объект.

2) *Различия* вещей не важны, потому что субстанция берется как саморазличение, или же потому, что саморазличение, различение, деятельность рассудка берется как существенное. Гегель дал поэтому — в рамках спекуляции — действительные, схватывающие суть дела, различения.

3) Уничтожение *отчуждения* отождествлено с уничтожением *предметности* (одна сторона, развитая в особенности Фейербахом).

4) Твое *уничтожение представляемого* предмета, предмета как предмета сознания, отождествлено с *действительным предметным* уничтожением, с отличным от мышления чувственным *действием, практикой* и *реальной деятельностью*. (Следует еще развить.)

Написано К. Марксом, по всей вероятности, в ноябре 1844 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 5, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* НАБРОСОК ПЛАНА РАБОТЫ О СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ [125]

1) *История происхождения современного государства* или *французская революция.*

Самопревознесение политической сферы — смешение с античным государством. Отношение революционеров к гражданскому обществу. Удвоение всех элементов на гражданские и государственные.

2) *Провозглашение прав человека* и *конституция государства.* Индивидуальная свобода и публичная власть.

Свобода, равенство и единство. Суверенитет народа.

3) *Государство* и *гражданское общество.*

4) *Представительное государство* и *хартия.*

Конституционное представительное государство, демократическое представительное государство.

5) *Разделение властей.* Законодательная и исполнительная власть.

6) *Законодательная власть* и законодательные палаты. Политические клубы.

7) *Исполнительная власть.* Централизация и иерархия. Централизация и политическая цивилизация. Федеративная система и индустриализм. *Государственное управление* и *коммунальное управление.*

8') *Судебная власть* и *право.*

8'') *Национальность* и *народ.*

9') *Политические партии.*

9'') *Избирательное право,* борьба за *уничтожение* [Aufhebung] государства и гражданского общества.

Написано К. Марксом, вероятно, в ноябре 1844 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 5, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

*О КНИГЕ ФРИДРИХА ЛИСТА «НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» [126]

[I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИСТА]

... [2] так как предчувствие гибели буржуазии уже проникло даже в сознание немецкого буржуа, то немецкий буржуа настолько наивен, что он сам признает наличие у себя этого «печального обстоятельства»:

«Поэтому-то *столь печально,* что те беды, которыми в наши дни сопровождается развитие промышленности, выдвигаются иногда в качестве доводов против самой промышленности. Есть гораздо большие беды, чем сословие *пролетариев:* пустая казна — национальное бессилие — национальное рабство — национальная смерть» (стр. LXVII).

Поистине печально то обстоятельство, что пролетариат уже существует и уже предъявляет требования, и уже внушает страх, еще до того как немецкий бюргер достиг стадии промышленного развития. Что касается самого пролетария, то он, конечно, найдет свое положение радостным, когда господствующая буржуазия будет располагать полной казной и национальным могуществом. Г-н Лист говорит только о том, что *печальнее* для буржуа. И мы признаем, что для него очень печально то, что он хочет установить господство промышленности как раз в тот неподходящий момент, когда порожденное господством промышленности рабство большинства сделалось общеизвестным фактом. Немецкий буржуа является *рыцарем печального образа,* который захотел ввести странствующее рыцарство как раз тогда, когда получили распространение полиция и деньги.

3) Большим затруднением (препятствием), стесняющим немецкого буржуа в его стремлении к промышленному богатству, является его прежний *идеализм.* Как этот народ *«духа»* вдруг пришел к тому, чтобы в ситцах, вязальной пряже, сельфакторах,

в толпе фабричных рабов, в материализме машинной техники, в набитых мошнах господ фабрикантов найти высшие блага человечества? Пустой, поверхностный, сентиментальный идеализм немецкого бюргера, за которым скрывается самый мелочный, самый грязный торгашеский дух, прячется самая трусливая душа, пришел к такой эпохе, когда он неизбежно вынужден выдать свою тайну. Но он выдает ее опять-таки истинно немецким, экзальтированным образом. Он ее выдает с идеалистически-христианской стыдливостью. Он отрицает богатство, добиваясь его. Он облачает для себя в идеалистические одежды бездушный материализм и лишь тогда отваживается гнаться за ним.

Вся [...] * теоретическая часть системы Листа представляет собой не что иное, как облачение промышленного материализма откровенной экономии в идеальные фразы. Он повсюду оставляет положение вещей таким, какое оно есть, но идеализирует его выражение. Мы проследим это в отдельных случаях. Именно эта пустая идеалистическая фразеология и дает ему здесь способность игнорировать те *реальные* преграды, которые противостоят его благочестивым пожеланиям, и предаваться самым нелепым фантазиям (что сталось бы с английской и французской буржуазией, если бы она сперва испрашивала у высокого дворянства, досточтимой бюрократии и родовых правящих династий разрешение ввести «промышленность в силу закона»?).

Немецкий бюргер религиозен, даже когда он выступает как промышленник. Он не решается говорить о скверных меновых стоимостях, о которых он воздыхает, и говорит о производительных силах; он не решается говорить о конкуренции и говорит о некоей национальной конфедерации национальных производительных сил; он не решается говорить о своих частных интересах и говорит о национальных интересах. Когда в противовес откровенному, классическому цинизму, с которым английская и французская буржуазия, по крайней мере в начале своего господства, в лице своих первых, научных глашатаев в политической экономии, сделала богатство богом и беспощадно приносила ему, этому Молоху, также и в науке в жертву все, рассматриваешь идеализирующую, фразерствующую, напыщенную манеру г-на Листа, который, в рамках самой политической экономии, презирает богатство «праведных мужей» и ведает более высокие цели, то приходится признать «поистине печальным», что нынешний день — уже не время для богатства.

* Здесь три слова в рукописи написаны неразборчиво. *Ред.*

Г-н Лист говорит всегда в стихотворном размере моло́сс [127]. Важничая, он постоянно впадает в неуклюжий и многословный пафос, мутные воды которого неизменно гонят его в конце концов на отмель и лейтмотив которого сводится, при постоянном повторении, к покровительственным пошлинам и «истинно немецким» фабрикам. Он все время чувственно сверхчувствен.

Немецкий идеализирующий филистер, который хочет стать богатым, должен, разумеется, предварительно создать себе новую теорию богатства, которая сделает последнее достойным того, чтобы он его домогался. Буржуа во Франции и в Англии видят, как приближается гроза, которая практически уничтожит *действительную* жизнь того, что до сих пор называли богатством, а немецкий буржуа, который еще не пришел к этому скверному богатству, пытается создать новую, «спиритуалистическую» интерпретацию таковою. Он создает себе некую «идеализирующую» политическую экономию, не имеющую ничего общего с нечестивой французской и английской политической экономией, чтобы оправдать себя перед самим собой и перед миром в том, что он тоже хочет стать богатым. Немецкий буржуа начинает свое созидание богатства с сотворения некоей сентиментально напыщенной, лицемерно идеализирующей политической экономии.

3. Как г-н Лист толкует историю и как он относится к Смиту и его школе.

Насколько почтительно г-н Лист ведет себя по отношению к дворянству, к родовым правящим династиям, к бюрократии, настолько «дерзко» он выступает против той французской и английской политической экономии, главой которой является Смит, которая цинично выдала *тайну* «богатства» и сделала невозможными все иллюзии относительно его природы, тенденции и движения. Г-н Лист обозначает всех представителей этой политэкономии именем «школа». Так как для немецкого буржуа речь идет прежде всего о покровительственных пошлинах, то для него, разумеется, не имеет никакого смысла все развитие политической экономии со времени Смита, потому что для всех ее самых выдающихся представителей предпосылкой является нынешнее буржуазное общество конкуренции и свободы торговли.

Немецкий филистер многосторонним образом показывает здесь свой «национальный» характер.

1) Он видит во всей политической экономии не более как системы, придуманные в кабинетах ученых. О том, что развитие такой науки, как политическая экономия, связано с действи-

тельным движением общества, или является лишь его теоретическим [3] выражением, г-н Лист, конечно, не подозревает. Немецкий теоретик.

2) Так как его собственное сочинение (его собственная теория) скрывает в себе некую тайную цель, он повсюду подозревает тайные цели.

Как истинно немецкий филистер, г-н Лист, вместо того чтобы изучать действительную историю, ищет тайные скверные цели индивидов и благодаря своей пронырливости весьма преуспевает в выискивании (в вымучивании) таковых. Он делает великие открытия, вроде того, что якобы Адам Смит своей теорией хотел обмануть мир и что весь мир позволял ему обманывать себя до тех пор, пока великий г-н Лист не вывел мир из состояния грез, — примерно таким же способом, как один дюссельдорфский судебный советник выдавал историю Рима за выдумку средневековых монахов с целью обосновать господство Рима.

Но подобно тому как немецкий буржуа вообще не умеет выступать против своего противника, иначе как приписывая ему моральные пороки, подвергая сомнению его взгляды, выискивая дурные мотивы для его поступков, короче, делая его объектом *злобной молвы* и бросая тень подозрения на его личность, так и г-н Лист наводит подозрение на английских и французских экономистов, распускает о них сплетни, и, подобно тому как немецкий филистер в торговле не брезгует самой мелкой прибылишкой и жульничеством, так и г-н Лист не брезгует жульническим утаиваньем слов из приводимых им цитат, чтобы извлечь для себя барыши из этих цитат; не брезгует тем, что наклеивает на свои собственные плохие фабрикаты этикетку своего соперника, чтобы опорочить его, фальсифицируя эти фабрикаты; не брезгует даже тем, что измышляет явную ложь о своем конкуренте, чтобы подорвать доверие к нему.

Приведем несколько образцов применяемых г-ном Листом методов:

Известно, что немецкие попы полагали, что легче всего нанести Просвещению основательный смертельный удар, распространяя нелепый анекдот и ложь о том, что-де Вольтер на смертном одре отрекся от своего учения. Г-н Лист тоже подводит нас к смертному одру Смита и сообщает нам, что тут обнаружилось, что-де Смит не был искренен в своем учении. Однако послушайте самого г-на Листа и его дальнейшее суждение о Смите. Мы приводим рядом с ним источник его премудрости.

Лист:

«Я напомнил факт биографии [Смита], написанной Дагалдом Стюартом о том, как этот великий ум не мог спокойно умереть, пока не были сожжены все его рукописи, — этим я хотел дать понять, насколько серьезным является подозрение в том, что эти бумаги содержали доказательства против его искренности» (стр. LVIII). «Я показал, как английские министры использовали его теорию, чтобы пускать пыль в глаза другим нациям к выгоде Англии» (стр. LVIII—LIX). «Учение Адама Смита, в том, что касается национальных и международных отношений, есть лишь продолжение физиократической системы. Подобно этой системе, оно игнорирует природу национальностей и предполагает, как уже существующие, вечный мир и всеобщий союз» (стр. 475).

F. L. A. Ferrier. «Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce». Paris, 1805:

«Возможно ли, чтобы Смит был искренен, когда он нагромоздил так много ложных рассуждений в пользу свободы торговли?.. У Смита была тайная цель: распространить в Европе такие принципы, о которых он очень хорошо знал, что их принятие обеспечит его стране мировой рынок» (стр. 385, 386). «Мы даже имеем полное право полагать, что Смит не всегда проповедовал одну и ту же доктрину; да и как же иначе объяснить те муки, которые причинил ему на смертном одре страх перед тем, что рукописи его лекций переживут его» (стр. 386). Он [Ферье] [там же, стр. 388] упрекает Смита в том, что тот был таможенным комиссаром. «Смит почти всегда рассуждал, как экономисты» (физиократы), «не принимая во внимание различия интересов различных наций и исходя из предположения, что в мире будет существовать только одно общество» (стр. 381). «Оставим все эти проекты союза» (стр. 15).

(Г-н Ферье был таможенным инспектором при Наполеоне и любил свое ремесло.)

Политическую экономию *Ж. Б. Сэя* г-н Лист трактует как неудавшуюся спекуляцию. Мы сейчас полностью приведем его окончательное суждение о жизни Сэя. Но перед этим еще один пример того, как он списывает у других авторов и при списывании фальсифицирует их, чтобы сразить своих противников.

Лист:

«*Сэй* и *Мак-Куллох,* кажется, видели или читали не больше, чем заголовок этой книги» (книги Антонио Серра из Неаполя) [128]; «оба высокомерно отбрасывают ее в сторону с замечанием: в ней речь идет-де только о деньгах, и уже ее заголовок доказывает, что автор заблуждается, рассматривая благородные металлы как

Граф *Пеккьо.* «*История политической экономии в Италии*» и т. д. Париж, 1830:

«Иностранцы пытались отрицать заслугу Серра в том, что он первым изложил начала этой науки» (политической экономии). «То, что я только что сказал, вовсе не относится к г-ну *Сэю,* который, упрекая Серра в том, что тот рассматривал как богатство только материю золота и серебра, тем не менее признавал за ним славу человека, впервые

единственные предметы богатства. Если бы они прочитали дальше» и т. д. (стр. 456).

показавшего производительную силу промышленности... Мой упрек направлен в адрес г-на Мак-Куллоха... Если бы г-н Мак-Куллох прочитал немного больше, чем заголовок» и т. д. (стр. 76, 77).

Видите, как г-н Лист *преднамеренно* искажает Пеккьо, у которого он списывает, чтобы опорочить г-на Сэя. Не менее ложны и те биографические сведения, которые он сообщает о Сэе.

Г-н Лист говорит о нем:

«Сперва купец, потом фабрикант, затем неудавшийся политик, Сэй прибегнул к политической экономии, как прибегают к некоему новому предприятию, когда старое больше не ладится... Ненависть к континентальной системе, которая разорила его фабрику, и к творцу этой системы, который удалил его из Трибуната, побудила его стать сторонником абсолютной свободы торговли» (стр. 488, 489).

Итак, Сэй сделался сторонником системы свободы торговли, *потому что* его фабрика была разорена континентальной системой! А что если он написал свой «Трактат по политической экономии» *до того, как* стал владельцем фабрики? Сэй сделался сторонником системы свободы торговли, потому что Наполеон удалил его из Трибуната! [129] А что если он написал эту книгу, *будучи членом Трибуната?* Что если Сэй, который, согласно г-ну Листу, был неудавшимся коммерсантом, усмотревшим в литературе лишь одну из отраслей предпринимательской деятельности, уже с ранней молодости играл некоторую роль во французском литературном мире?

Откуда взял г-н Лист свои новости? — Из предпосланной «Полному курсу политической экономии» «Исторической справки о жизни и произведениях Ж. Б. Сэя», написанной *Шарлем Контом*. Что же сообщает эта справка? Она содержит нечто противоположное всему тому, что сообщает Лист. Послушайте:

«Ж. Б. Сэй определен своим отцом, который был купцом, [4] к торговой деятельности. Однако склонности Сэя влекли его к литературе. В 1789 г. он опубликовал брошюру в защиту свободы печати. С начала революции он сотрудничал в газете «Courrier de Provence», которую издавал Мирабо. Он работал также в канцелярии министра Клавьера. Его склонность «к гуманитарным и политическим наукам», а также банкротство его отца побудили его полностью оставить торговлю и сделать научную деятельность своим единственным занятием. В 1794 г. он стал главным редактором журнала «Décade philosophique, littéraire et politique». Наполеон назначил его в 1799 г. членом Трибуната. Тот досуг, который ему оставляла служба в качестве члена Трибуната, он использовал для разработки своего «Трактата по политической экономии», который он опубликовал в 1803 году. Он был уволен из Трибуната за то, что принадлежал к числу тех немногих, которые отваживались вступать

в оппозицию к политике Наполеона. Ему предложили занять доходную должность в ведомстве финансов, но он отказался, хотя и был обременен содержанием шестерых детей и не имел почти никакого состояния.., так как не мог бы исполнять обязанности по предложенной ему должности, не содействуя осуществлению такой системы, которую он считал пагубной для Франции. Затем он завел хлопкопрядильную фабрику» и т. д.

Если та хула, которую г-н Лист возводит здесь на Ж. Б. Сэя, возникла с помощью фальсификации, то совершенно так же возникла та хвала, которую он воздает его брату, Луи Сэю. Чтобы доказать, что *Луи Сэй* разделяет листовское мнение, Лист фальсифицирует одно место из сочинения этого автора.

Г-н Лист говорит на стр. 484 своей книги:

«По его» (Луи Сэя) «мнению, богатство народов состоит не в материальных благах и их меновой стоимости, а в *способности непрерывно производить эти блага*».

Согласно г-ну Листу, собственные слова Луи Сэя суть следующие:

Луи Сэй г-на Листа:	*Действительный Луи Сэй:*
«Богатство заключается не в вещах, которые удовлетворяют наши потребности или наши вкусы, а в возможности пользоваться ими ежегодно» («Études sur la richesse des nations etc.» [Paris, 1836], p. 10).	«Хотя богатство заключается не в вещах, которые удовлетворяют наши потребности или наши вкусы, а в *доходе* или в возможности пользоваться ими ежегодно...» [стр. 9—10].

Сэй говорит, таким образом, не о возможности производить, а о возможности пользоваться, о возможности, которую нации дает «доход». Из отсутствия пропорциональности между производительной силой и доходом как нации в целом, так и всех ее классов в особенности, как раз и возникли такие наиболее враждебные г-ну Листу теории, как, например, теории Сисмонди и Шербюлье.

Приведем теперь пример невежества, проявляемого г-ном Листом в его суждениях о «школе». Он говорит о Рикардо (Лист к вопросу о производительных силах):

«Вообще школа со времен Адама Смита была несчастлива в своих исследованиях природы земельной ренты. Рикардо, а за ним Милль, Мак-Куллох и другие полагают, что ренту платят за естественную производительность, присущую участкам земли. Рикардо построил на этом мнении целую систему... Так как он видел перед собой только английские условия, то он впал в заблуждение, будто эти английские пашни и луга, за мнимо естественную производительность которых в настоящее время платят такую прекрасную ренту, были точно такими же пашнями и лугами во всякое время» (стр. 360).

Рикардо же говорит:

«Если тот прибавочный продукт, который образует земельную ренту, является преимуществом, то было бы желательно, чтобы с каждым годом вновь создаваемые машины оказывались менее производительными, чем старые; ведь это сообщало бы большую стоимость товарам, производимым по всей стране, и всем владельцам наиболее производительных машин платилась бы рента». «Земельная рента растет тем быстрее, чем сильнее уменьшаются производительные силы земель, которыми можно располагать. Богатство возрастает в тех странах, где благодаря усовершенствованиям в земледелии можно увеличить количество продуктов без соответствующего увеличения количества труда и где, следовательно, земельная рента растет очень медленно» (*Рикардо*. «Начала политической экономии». Париж, 1835. Т. I, [стр. 77 и 80—82]) [Русский перевод, стр. 71 и 72—73].

Согласно учению Рикардо, земельная рента далеко не является следствием естественной производительности, присущей земле, напротив, она является следствием все усиливающейся *непродуктивности* земли, следствием цивилизации и увеличивающегося народонаселения. Согласно Рикардо, пока в распоряжении еще имеются неограниченные количества самой плодородной земли, никакой земельной ренты не существует. Таким образом, земельная рента определяется отношением численности населения к количеству земель, которыми можно располагать.

Что касается учения Рикардо, которое служит теоретической основой для всей Лиги против хлебных законов в Англии и для движения против ренты в североамериканских свободных штатах, то если предположить, что г-н Лист знаком с этим учением больше, чем понаслышке, он должен был фальсифицировать его уже потому, что оно доказывает, насколько «свободные, могущественные и богатые буржуа» далеки от склонности «усердно» работать над увеличением «земельной ренты» и приносить им [земельным собственникам] мед из улья. Учение Рикардо о земельной ренте есть не что иное, как экономическое выражение той борьбы не на жизнь, а на смерть, которую промышленные буржуа ведут против земельных собственников.

Г-н Лист поучает нас далее относительно Рикардо следующим образом:

«В настоящее время теория меновых стоимостей стала настолько бессильной.., что Рикардо... имел право сказать: «определение законов, согласно которым продукт земли распределяется между землевладельцами, арендаторами и рабочими, является главной задачей политической экономии»» (стр. 493). Сделать необходимые замечания по этому поводу в надлежащем месте.

[5] Г-н Лист достигает вершины гнусности в своем суждении о Сисмонди.

Лист:	*Сисмонди:*
«Он» (Сисмонди) «хочет, например, чтобы дух изобретательства обуздывался» (стр. XXIX).	«Я возражаю не против машин, не против изобретений, не против цивилизации, я возражаю лишь против *современной организации общества,* которая лишает человека труда всякой иной собственности, кроме его рабочих рук, и в то же время не дает ему никакой гарантии против конкуренции, жертвой которой он неизбежно должен пасть. Предположите, что все люди будут делить между собой поровну продукты труда, в котором они участвовали, и тогда каждое техническое изобретение будет во всех случаях благодеянием для них всех» («Nouveaux principes d'économie politique». Paris, 1827. T. II [p. 433]) [Русский перевод, стр. 208].

Если Смита и Сэя г-н Лист ставит под подозрение в моральном отношении, то теорию г-на Сисмонди он может себе объяснить только из его *физических* недостатков. Он говорит:

«Г-н Сисмонди видит своими глазами все красное черным; кажется, что его духовный взгляд в вопросах политической экономии страдает таким же недостатком» (стр. XXIX).

Чтобы по достоинству оценить всю низкопробность этого излияния, надо знать то место, откуда г-н Лист взял свое замечание. Сисмонди в своих «Очерках политической экономии», там, где он говорит о разорении Римской Кампании, замечает:

«Роскошные краски Римской Кампании... даже полностью ускользают от наших глаз, для которых не существует красный луч» (стр. 6 в брюссельской перепечатке 1838 года [т. II]).

Он объясняет это тем, что для него разрушено «то очарование, которое манит к Риму всех других путешественников», и у него «поэтому тем более открыты глаза, чтобы видеть действительное печальное положение жителей Кампании».

Если Сисмонди не видел багряных красок неба, которые в глазах г-на Листа магически освещают всю (фабричную) промышленность, то он видел *красного петуха* на крышах (фронтонах) этих фабрик. Позднее нам представится случай [рассмотреть] суждение Листа о том, что

«сочинения г-на Сисмонди в том, что касается международной торговли и торговой политики, не имеют никакой ценности» [стр. XXIX].

Если г-н Лист объясняет систему Смита, исходя из его личного честолюбия (стр. 476) и скрытого духа английского лавочника, систему Сэя — из его мстительности и как некое

коммерческое предприятие, то в своем суждении о Сисмонди он опускается так низко, что объясняет его систему недостатками его телесной конституции.

[5] *4. ОРИГИНАЛЬНОСТЬ Г-НА ЛИСТА*

Для г-на Листа в высшей степени характерно, что несмотря на все свое хвастовство он не представил *ни одного положения*, которое не было бы выдвинуто задолго до него не только защитниками запретительной системы, но даже представителями «школы», изобретенной г-ном Листом, — если Адам Смит является теоретическим исходным пунктом политической экономии, то ее действительным исходным пунктом, ее действительной школой является «гражданское общество», различные фазы развития которого в точности можно проследить в политической экономии. Г-ну Листу принадлежат только иллюзии и идеализирующие фразы (язык). Мы считаем важным детально продемонстрировать это читателю и вынуждены занимать его внимание этой скучной работой. Он почерпнет отсюда убеждение в том, что немецкий буржуа выходит на сцену post festum *, что для него так же невозможно двинуть дальше политическую экономию, исчерпывающе развитую англичанами и французами, как для них было бы, скажем, невозможно прибавить еще что-либо новое к развитию философии в Германии. Немецкий буржуа может прибавить к французской и английской действительности всего лишь свои иллюзии и фразы. Но если он лишен возможности дать новое развитие политической экономии, то еще более невозможным является для него на практике двинуть дальше промышленность, которая уже почти исчерпала свое развитие на прежних основах общества.

5. Итак, мы ограничим нашу критику теоретической частью книги Листа, да и в этой части только его главными «открытиями».

Каковы те главные положения, которые хочет доказать г-н Лист? Зададимся вопросом о той цели, которую он хочет достигнуть.

1) Буржуа хочет от государства покровительственных пошлин, чтобы захватить в свои руки государственную власть и богатство. Но так как [в Германии] он не располагает, в отличие от Англии и Франции, государственной властью и поэтому не может повелевать ею, а вынужден обращаться к ней с просьбами, то ему приходится изображать свои требования по отношению к государству, образ действий (деятельность) которого

* — с опозданием. *Ред.*

он хочет регулировать сообразно своим интересам, в виде некоей *уступки,* которую он якобы делает государству в то время, как на самом деле *уступок* от государства требует он. Таким образом, он через посредство г-на Листа доказывает государству, что его теория отличается от всех других теорий тем, что он позволяет государству вмешиваться в дела промышленности и регулировать ее, что он имеет самое высокое мнение об экономическом благоразумии государства и просит его лишь о том, чтобы оно предоставило полный простор проявлению своей мудрости, конечно, с тем условием, чтобы проявление этой мудрости ограничилось установлением «мощных» покровительственных пошлин. Свое требование, чтобы государство действовало сообразно его интересам, он изображает как признание государства, признание того, что государство имеет право вмешиваться в мир гражданского общества.

2) Буржуа хочет стать *богатым,* хочет делать деньги; но в то же время ему нужно достигнуть соглашения с прежним идеализмом немецкой публики и с собственной совестью. Поэтому он силится доказать, что не гонится за земными, материальными благами, а вместо скверных, конечных *меновых стоимостей* стремится к некоей *духовной сущности,* к бесконечной *производительной силе.* В действительности же эта духовная сущность такова, что этот *«бюргер»* по сему случаю наполняет собственные карманы мирскими меновыми стоимостями.

[6] 2. Так как буржуа помышляет ныне стать богатым главным образом с помощью «покровительственных пошлин» и так как покровительственные пошлины смогут обогатить его лишь постольку, поскольку уже не англичане, а сам немецкий буржуа будет *эксплуатировать* своих *соотечественников,* эксплуатировать даже *больше,* чем их до того эксплуатировали внешние силы; так как покровительственные пошлины требуют жертв в виде меновых стоимостей со стороны потребителей (главным образом рабочих, которые будут вытеснены машинами, и всех тех, кто получает фиксированный доход, каковы чиновники, получатели земельной ренты и т. д.), то промышленный буржуа должен доказать, что он, весьма далекий от погони за материальными благами, не хочет ничего иного, кроме принесения в жертву меновых стоимостей, материальных благ ради духовной сущности. Стало быть, по существу речь здесь идет только о *самопожертвовании,* об *аскетизме,* о христианском *величии души.* Ведь это же чистая случайность, что А приносит жертву, а Б кладет эту жертву себе в карман. Немецкий буржуа слишком бескорыстен, чтобы помышлять при этом о своей частной выгоде, которая случайно оказывается связанной с этой *жертвой.*

Но если бы оказалось, что тот класс, в дозволении которого немецкий буржуа нуждается для своей эмансипации, не сможет ужиться с такой духовной теорией, то в этом случае придется здесь отказаться от нее и в противовес школе [130] пустить в ход именно теорию меновых стоимостей.

3) Так как все желание буржуазии сводится к тому, чтобы привести свое фабричное производство к «английскому» расцвету и сделать индустриализм регулятором общества, то есть вызвать дезорганизацию общества, то немецкий буржуа должен доказать, что его заботит только гармония всего общественного производства, организация общества. Внешнюю торговлю он ограничит посредством покровительственных пошлин, а земледелие, как он утверждает, быстро достигнет своего высшего расцвета благодаря фабрично-заводской промышленности. Таким образом, организация общества резюмируется в фабриках. Они являются организаторами общества, и режим конкуренции, который они порождают, есть самая прекрасная конфедерация общества. Та организация общества, которую создает фабричное производство, есть *истинная организация общества.*

Буржуазия, конечно, права, когда понимает свои интересы в общем как тождественные, подобно тому как *волк* как *волк* имеет тождественный интерес со своими сородичами-волками, как ни велик интерес одного волка к тому, чтобы именно он, а не другой волк набросился на добычу.

6) Наконец, для теории г-на Листа, как и для всей немецкой буржуазии, характерно то, что для защиты своих эксплуататорских вожделений она повсюду вынуждена прибегать к «социалистическим» фразам и таким образом всеми силами поддерживать давно опровергнутый обман. В соответствующих местах мы покажем, что фразы г-на Листа, если из них сделать последовательные выводы, являются *коммунистическими.* Мы, конечно, весьма далеки от того, чтобы упрекать в коммунизме какого-то г-на Листа и его немецкую буржуазию, но это представляет нам новое доказательство внутренней слабости, лживости и гнусного лицемерия «добродушного» «идеалистического» буржуа. Это представляет нам доказательство того, что идеализм в своей практике является не чем иным, как бессовестной и лишенной мысли маскировкой некоего отвратительного материализма.

Характерно, наконец, что немецкая буржуазия начинает с той лжи, которой *кончает* французская и английская буржуазия, после того как она оказалась в таком положении, что вынуждена заниматься самоапологетикой, оправдыванием своего существования.

7) Так как г-н Лист прежнюю, якобы космополитическую политическую экономию отличает от своей национальной политической экономии таким образом, что первая основывается-де на меновых стоимостях, а вторая на производительных силах, то нам придется начать с его учения на этот счет. Далее, так как конфедерация производительных сил должна представлять нацию в ее единстве, то перед означенным различием двух политических экономий нам придется рассмотреть также и учение об этой конфедерации. Оба эти учения образуют *действительную* основу национальной политической экономии в отличие от политической экономии.

Г-ну Листу, по-видимому, никогда не приходит в голову, что действительная организация общества представляет собой некий бездушный материализм, некий индивидуальный спиритуализм, индивидуализм. Г-ну Листу никак не может прийти в голову, что экономисты лишь дали этому общественному строю соответствующее теоретическое выражение. Ведь в противном случае он должен был бы направить свою критику против теперешней *организации общества,* вместо того чтобы направлять ее против экономистов. Он обвиняет их в том, что они не нашли для безотрадной действительности некоего приукрашивающего выражения. Поэтому он хочет оставить эту действительность повсюду такой, какова она есть, и изменить лишь ее выражение. Он нигде не критикует действительное общество, а как истинный немец критикует теоретическое выражение этого общества и упрекает это выражение в том, что оно является выражением действительности, а не фантазий о действительности.

Фабрика превращена в некую богиню, богиню промышленной силы.

Фабрикант является жрецом этой силы.

|7| *II. ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ТЕОРИЯ МЕНОВЫХ СТОИМОСТЕЙ*

1) Учение г-на Листа о «производительных силах» ограничивается следующими основными положениями:

a) *Причины* богатства суть нечто совсем иное, чем само богатство; сила, способная создавать богатства, бесконечно важнее, чем само богатство [*Лист.* Цит. соч., стр. 201];

b) Лист далек от того, чтобы отвергать теорию космополитической экономии, он лишь полагает, что следует научно развивать также и политическую экономию [там же, стр. 187];

c) «Что же является причиной труда?., что побуждает к производству человеческие головы и человеческие руки и что сообщает действенность этим усилиям? Что это, как не *дух,* который вселяет в индивидов животвор-

ную силу, как не общественный строй, который оплодотворяет их деятельность, как не силы природы, используемые индивидами?» [там же, стр. 205].

6) Смит «сбился на ложный путь объяснения духовных сил из материальных отношений» [стр. 207].

7) «Это та наука, которая учит, как пробуждаются и культивируются *производительные силы* и как они подавляются или уничтожаются» [там же].

8) Пример [различия] между отцами двух семейств, христианская религия, моногамия и т. д. [там же, стр. 208—209].

9) «Можно устанавливать понятия стоимости и капитала, прибыли, заработной платы, земельной ренты, разлагать их на их составные части, умозрительно рассуждать о том, что может оказывать влияние на их повышение и падение, и т. д., не принимая при этом во внимание политические отношения наций» [там же, стр. 211].

Переход.

10) Заводы и фабрики являются лоном и детищем гражданской свободы [там же, стр. 212].

11) Теория о производительных и непроизводительных классах. Первые «производят меновые стоимости, вторые производят производительные силы» [там же, стр. 215].

12) Внешнюю торговлю нельзя оценивать только с точки зрения теории стоимостей [там же, стр. 216].

13) «Нация должна жертвовать материальными благами, чтобы приобрести духовные или общественные силы. Покровительственные пошлины для созидания промышленной силы» [там же, стр. 216—217].

14) «Поэтому если в результате действия покровительственных пошлин приносится жертва *стоимостями*, то эта жертва возмещается благодаря приобретению производительных сил, которые обеспечивают нации не только бесконечно большую сумму материальных благ на будущее, но также и промышленную независимость на случай войны» [там же, стр. 217].

15) «Однако во всех этих отношениях главное зависит от состояния общества, в котором формируется индивид, от того, процветают или нет мастерство и науки» (стр. 206).

2) Г-н Лист столь основательно находится в плену экономических предрассудков старой политической экономии, — как мы увидим, в большей мере, чем другие экономисты «школы», — что для него «материальные блага» и «меновые стоимости» полностью совпадают. Но меновая стоимость полностью независима от специфической природы «материальных благ». Она независима от качества так же, как и от количества материальных благ. Меновая стоимость падает, когда количество материальных благ возрастает, хотя последние как до, так и после этого пребывают в том же самом отношении к человеческим потребностям. Меновая стоимость не совпадает с качеством. Самые полезные вещи, такие, как знание, не имеют меновой стоимости. Таким образом, г-ну Листу следовало бы уразуметь, что превращение материальных благ в меновые стоимости есть продукт существующего общественного строя, общества развитой частной собственности. *Упразднение меновой стоимости*

есть *упразднение частной собственности* и *частного приобретательства.* Напротив, г-н Лист настолько наивен, что признает, что с помощью теории меновых стоимостей

«можно устанавливать понятия стоимости и капитала, прибыли, заработной платы, земельной ренты, разлагать их на составные части, умозрительно рассуждать о том, что может оказывать влияние на их повышение и падение, и т. д., не принимая при этом во внимание политические отношения наций» (стр. 211).

Итак, все это можно «устанавливать», не принимая во внимание «теорию производительных сил» и «политические отношения наций». Что же устанавливают с помощью этого? Действительность. Что устанавливают, например, с помощью заработной платы? Жизнь рабочего. Далее, с помощью заработной платы устанавливают, что рабочий является рабом капитала, что он является «*товаром*», меновой стоимостью, более высокий или более низкий уровень которой, ее повышение или падение зависит от конкуренции, от спроса и предложения; с помощью заработной платы устанавливают, что его деятельность не есть свободное проявление его человеческой жизни, что она, напротив, есть продажа его сил, отчуждение (продажа) [131] капиталу его односторонних способностей, одним словом, что она есть «*труд*». Нам предлагают забыть об этом. «*Труд*» есть живая основа частной собственности, частная собственность как творческий источник себя самой. Частная собственность есть не что иное, как *овеществленный* труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на *вещественное состояние*, но и как на *деятельность*, как на *труд*. Одно из величайших недоразумений — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. «Труд» по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Таким образом, упразднение частной собственности становится действительностью только тогда, когда оно понимается как упразднение «*труда*» (такое упразднение, которое, конечно, сделалось возможным только в результате самого труда, то есть в результате материальной деятельности общества, и которое никоим образом нельзя понимать как замену одной категории другою). Поэтому некая «организация труда» есть противоречие. *Той* наилучшей организацией, которую может получить труд, является его теперешняя организация, свободная конкуренция, разложение всех его прежних мнимо «общественных» организаций.

Итак, если заработную плату можно «устанавливать» с помощью теории стоимостей, если тем самым «устанавливается», что сам человек является меновой стоимостью, что большинство нации представляет собой некий *товар*, который можно определять, не принимая во внимание «политические отношения наций», — то что же все это доказывает, как не то, что этому большинству нации не приходится принимать во внимание «политические отношения», что таковые представляют собой для него сплошную *иллюзию;* что учение, которое в действительной жизни опускается до этого грязного материализма, превращающего большинство нации в «товар», в «меновую стоимость» и подчиняющего их всецело материальным отношениям меновой стоимости, есть гнусное лицемерие и идеалистическое приукрашивание (вранье), когда оно, по отношению к другим нациям, с высокомерным презрением взирает на скверный «материализм» «меновых стоимостей» и печется якобы только о «производительных силах»? Далее, если отношения капитала, земельной ренты и т. д. можно «устанавливать», не принимая во внимание «политические отношения» наций, — то что же это доказывает, как не то, что промышленный капиталист и получатель земельной ренты руководствуются в своих действиях в своей действительной жизни прибылью, меновыми стоимостями, а не соображениями о «политических отношениях» и «производительных силах», и что их болтовня о цивилизации и производительных силах есть приукрашивание узкоэгоистических тенденций?

Буржуа говорит: разумеется, исходя из внутренних соображений, нельзя подрывать теорию меновых стоимостей, большинство нации должно оставаться всего лишь «меновой стоимостью», «товаром», и притом таким товаром, который вынужден сам искать себе покупателя, таким товаром, которого не продают, а который продает себя сам. Вас, пролетариев, и даже друг друга взаимно мы, буржуа, рассматриваем как меновые стоимости, здесь действует закон всеобщего *торгашества* [132]. Но вот по отношению к другим нациям нам нужно приостановить действие этого закона. Как нация, мы не можем продавать себя другим нациям. Так как большинство нации «без обращения внимания» на «политические отношения наций» отдано во власть законов торгашества, то приведенное рассуждение не имеет, стало быть, иного смысла, кроме следующего: «Мы, немецкие буржуа, не хотим подвергаться эксплуатации со стороны английских буржуа таким же образом, как вы, немецкие пролетарии, подвергаетесь эксплуатации с нашей стороны и как мы сами взаимно эксплуатируем друг друга. Мы не хотим отдавать

себя во власть тех же самых законов меновой стоимости, во власть которых мы отдаем вас. Мы больше не хотим признавать в отношении других стран те экономические законы, которые мы признаем внутри страны».

[8] Итак, чего же хочет немецкий филистер? Он хочет быть *буржуа,* эксплуататором внутри страны, но он также хочет не подвергаться эксплуатации вне страны. Он пыжится как «нация» вне страны и говорит: «Я не подчиняю себя законам конкуренции, это претит моему национальному достоинству; как нация я — существо, возвышающееся над торгашеством».

Национальность рабочего — не французская, не английская, не немецкая, его национальность — это *труд, свободное рабство, самораспродажа.* Его правительство — не французское, не английское, не немецкое, его правительство — это *капитал.* Его родной воздух — не французский, не немецкий, не английский, его воздух — это *фабричный воздух* [133]. Принадлежащая ему земля — не французская, не английская, не немецкая, она лежит на несколько футов *ниже поверхности земли.* Внутри страны деньги — отечество промышленника. Таким образом, немецкий филистер хочет, чтобы законы конкуренции, меновой стоимости, торгашества утратили свою силу перед заставами его страны! Он желает признавать силу буржуазного общества лишь постольку, поскольку это соответствует *его интересам,* интересам его класса! Он не желает пасть жертвой той силы, которой он хочет *приносить в жертву* других, а в пределах своей страны приносит в жертву самого себя! Вне страны он желает показывать себя и встречать к себе отношение как иное существо, чем то, каким он является и действует сам внутри страны! Он хочет сохранить *причину* и упразднить одно из ее *следствий!* Мы докажем ему, что самораспродажа внутри страны имеет своим необходимым следствием распродажу вне страны; что конкуренция, которая является его силой внутри страны, не может воспрепятствовать тому, чтобы сделаться вне страны его бессилием; что государство, которое он подчиняет буржуазному обществу внутри страны, не может защитить его от активности буржуазного общества вне страны.

Как бы активно отдельный буржуа ни боролся против других буржуа, буржуазия как *класс* имеет общие интересы, и эта общность интересов, будучи внутри страны обращена против пролетариата, вне страны обращена против буржуа других наций. Это буржуа называет своей *национальностью.*

2) Конечно, промышленность можно рассматривать с совсем иной точки зрения, чем точка зрения грязного торгашеского интереса, с которой ее ныне взаимно рассматривают не только

отдельный купец и отдельный фабрикант, но также и производящие и торгующие нации. Промышленность можно рассматривать как великую мастерскую, в которой человек впервые присваивает самому себе свои собственные силы и силы природы, опредмечивает себя, создает себе условия для человеческой жизни. Когда промышленность рассматривают таким образом, то *абстрагируются* от тех *обстоятельств,* в рамках которых она ныне действует, в рамках которых она существует *как промышленность;* в этом случае стоят уже *не* в промышленной эпохе, а *над* нею, рассматривают промышленность не по тому, чем она ныне является для *человека,* а по тому, чем нынешний человек является для *человеческой истории,* чем он является исторически; оценивают не *промышленность* как таковую, не ее нынешнее *существование,* а, напротив, ту силу, которая заключается в промышленности помимо ее сознания и против ее воли и которая *уничтожает* ее и создает основу для *человеческого* существования. (Полагать, что каждый народ внутри самого себя проделывает это развитие, было бы столь же нелепо, как полагать, что каждому народу следовало бы проделать политическое развитие Франции или философское развитие Германии. То, что нации сделали как нации, они сделали для человеческого общества, только вся их ценность состоит в том, что каждая нация разработала для других наций одно из тех главных определений (главных аспектов), в рамках которых проделывает свое развитие человечество, и, таким образом, после того как были разработаны: промышленность в Англии, политика во Франции, философия в Германии, они разработаны для всего мира, и их всемирно-историческое значение, как и всемирно-историческое значение этих наций, тем самым завершилось.)

Указанная оценка есть в то же время признание того, что наступил час устранить, или упразднить, те материальные и общественные условия, в рамках которых человечество вынуждено было развивать свои способности в положении раба. Ибо когда в промышленности будут видеть уже не торгашеский интерес, а развитие человека, тогда человека, вместо торгашеского интереса, сделают принципом и дадут тому, что в промышленности могло развиваться только в противоречии с нею самою, такую основу, которая будет находиться в соответствии с тем, что надлежит развивать.

Но то убожество, которое не идет дальше нынешнего строя, желая лишь поднять его до того уровня, которого этот строй еще не достиг в его собственной стране, и с алчной завистью взирает на другую нацию, которая достигла этого уровня, — разве

это убожество вправе усматривать в промышленности что-нибудь иное, кроме торгашеского интереса? Разве оно вправе сказать, что для него дело состоит только в развитии человеческих способностей и в человеческом присвоении сил природы? Ведь это — такая же *гнусность,* как если бы надсмотрщик над рабами стал похваляться, что-де он размахивает кнутом над своими рабами для того, чтобы они имели удовольствие упражнять свою *мышечную силу.* Немецкий филистер — это надсмотрщик над рабами, который размахивает кнутом покровительственных пошлин, чтобы придать своей нации дух «промышленного воспитания» и дать ей почувствовать силу своих мускулов.

Сен-симонистская школа представила нам поучительный пример того, куда ведет такая постановка вопроса, когда ту *производительную силу,* которую промышленность создает вопреки своей воле и помимо своего сознания, ставят в заслугу нынешней промышленности и смешивают одно с другим: *промышленность* и те *силы,* которые промышленность вызывает к жизни помимо своего сознания и своей воли и которые лишь тогда сделаются человеческими силами, могуществом человека, когда промышленность будет упразднена. Это такая же нелепость, как если бы буржуа захотел поставить себе в заслугу то обстоятельство, что *его* промышленность создает пролетариат, а в лице пролетариата — силу нового общественного строя. Силы природы и социальные силы, которые вызывает к жизни (заклинает) промышленность, находятся в том же самом отношении к ней, что и пролетариат. Сегодня они еще являются рабами буржуа, в которых он видит только орудия (носителей) своей эгоистической (грязной) жажды прибыли; завтра они разобьют свои цепи и проявят себя носителями человеческого развития, которое взорвет буржуа на воздух вместе с его промышленностью, принявшей лишь грязную оболочку, которую он считает ее сущностью, проявят себя настолько, что ее человеческое ядро приобретет достаточную силу, чтобы взорвать эту оболочку и явиться в своем собственном образе. Завтра силы природы и социальные силы, вызванные к жизни промышленностью, разорвут цепи, которыми буржуа отделяет их от человека, превращая их, таким образом, из действительной общественной связи в уродливые оковы общества.

Сен-симонистская школа пела дифирамбы производительной силе промышленности. Она сваливала в одну кучу те силы, которые промышленность вызывает к жизни, с самой промышленностью, то есть с нынешними жизненными условиями, которые промышленность предоставляет этим силам. Мы, конечно, весьма

далеки от того, чтобы ставить на одну доску сен-симонистов с такими людьми, как Лист или немецкий филистер. Первый шаг к тому, чтобы порвать оковы промышленности, заключался в том, чтобы абстрагироваться от тех условий, от тех денежных цепей, в которых действуют ныне ее силы, и рассматривать последние сами по себе. Это был первый призыв к людям: эмансипировать их промышленность от торгашества и понять нынешнюю промышленность как некую переходную эпоху. Сенсимонисты к тому же *не остановились* на этом толковании. Они пошли дальше — к нападениям на меновую стоимость, на организацию нынешнего общества, на частную собственность. На место конкуренции они поставили ассоциацию. Но их первоначальная ошибка отомстила им за себя. Указанное выше смешение не только ввергло их в дальнейшую иллюзию, состоявшую в том, что они стали усматривать в грязном буржуа некоего жреца, но и привело к тому, что [9] после первого этапа внешней борьбы они снова впали в старую иллюзию (в старое смешение) — однако теперь уже лицемерно, ибо как раз в ходе этой борьбы обнаружилась противоположность обеих этих сил, которые они раньше смешали. Прославление сен-симонистами промышленности (производительных сил промышленности) сделалось славословием в адрес буржуазии, и г-н Мишель Шевалье, г-н Дювейрье, г-н Дюпуайе перед всей Европой пригвоздили самих себя и буржуазию к позорному столбу, — после чего те тухлые яйца, которые бросает им в лицо история, превращаются с помощью волшебства буржуазии в золотые яйца, — поскольку первый сохранил старые фразы, но придал им содержание нынешнего буржуазного режима, второй сам занимается торгашеством в крупном масштабе и возглавляет распродажу французских газет, а третий сделался самым ярым апологетом нынешних условий и превосходит в бесстыдстве (бесчеловечности) всех прежних английских и французских экономистов. — Немецкие буржуа и г-н Лист начинают с того, на чем кончилась сен-симонистская школа, — с *лицемерия, обмана* и *фраз.*

3) Промышленная тирания Англии над миром есть господство промышленности над миром. Англия господствует над нами потому, что над нами господствует промышленность. Мы сможем освободиться во внешних делах от Англии только в том случае, если освободимся от промышленности внутри своей страны. Мы сможем ликвидировать господство Англии в области конкуренции только в том случае, если преодолеем конкуренцию в пределах своей страны. Англия имеет власть над нами потому, что мы сделали промышленность властью над нами.

То, что промышленный общественный строй есть самый лучший мир для буржуа, строй, наиболее пригодный для того, чтобы развивать его «способности» как буржуа и способность эксплуатировать как людей, так и природу, — кто будет оспаривать эту *тавтологию?* Кто оспаривает, что все, именуемое ныне «добродетелью», индивидуальной или общественной добродетелью, идет на пользу буржуа? Кто оспаривает, что политическая власть есть средство его богатства, что даже наука и духовные блага суть его рабы? Кто оспаривает это? Кто оспаривает, что для него все превосходно..? Кто оспаривает, что для него все сделалось средством богатства, «производительной силой богатства»?

4) Нынешняя политическая экономия исходит из общественного строя конкуренции. Свободный труд, то есть косвенное, само себя выносящее на продажу рабство, есть ее принцип. Ее первые положения посвящены разделению труда и машине. А это разделение, как признает сама нынешняя политическая экономия, может быть доведено до своего наивысшего развития только на фабриках. Таким образом, нынешняя политическая экономия исходит из фабрик как из своего творческого принципа. Она предполагает нынешние общественные отношения. Поэтому она не нуждается в пространных разглагольствованиях о промышленной силе.

Если «школа» не дала никакой «*научной разработки*» учению о производительных силах *наряду* с учением о меновых стоимостях и *в отрыве* от него, то это потому, что такого рода отрыв представляет собой произвольную абстракцию, потому, что он невозможен и неизбежно свелся бы к общим фразам.

5) «Причины богатства суть нечто совсем иное, чем само богатство. Сила, способная создавать богатства, бесконечно важнее, чем само богатство» [*Лист.* Цит. соч., стр. 20].

Производительная сила выступает как сущность, бесконечно более возвышенная, чем меновая стоимость. Сила претендует на положение внутренней сущности, а меновая стоимость занимает положение преходящего явления. Сила выступает как бесконечная, а меновая стоимость как конечная, первая как нематериальная, а вторая как материальная — и все эти противоположности мы находим у г-на Листа. Поэтому на место материального мира меновых стоимостей у него ставится сверхчувственный мир сил. Если низость того обстоятельства, что нация жертвует собой ради меновых стоимостей, низость человеческой жертвы ради вещей, является самоочевидной, то силы, в противоположность этому, представляются самостоятельными

духовными сущностями, призраками и чистыми персонификациями, божествами, а ведь немецкому народу мы, мол, имеем полное право предъявить требование, чтобы он жертвовал скверными меновыми стоимостями ради призраков! Меновая стоимость, деньги всегда кажутся внешней целью, а производительная сила кажется такой целью, которая вытекает из самой моей природы, — самоцелью. Таким образом, то, чем я жертвую в виде меновых стоимостей, выступает как нечто внешнее по отношению ко мне; то, что я приобретаю в виде производительных сил, выступает как мое самоприобретение. — Так это *кажется,* если довольствуются словом или, подобно идеализирующему немцу, не желают знать о той грязной действительности, которая лежит за этим высокопарным словом.

Чтобы рассеять тот мистический ореол, который преображает «производительную силу», достаточно лишь раскрыть первый попавшийся статистический обзор. Там говорится о силе воды, силе пара, человеческой силе, лошадиной силе. Все это — «производительные силы». Высоко ли такое признание достоинств человека, в котором он фигурирует как «сила», наряду с лошадью, паром, водой?

При нынешней системе, если искривленный позвоночник, вывихнутые суставы, одностороннее развитие и силовое напряжение определенных мышц и т. д. делают тебя работоспособнее (производительнее), то твой искривленный позвоночник, твои вывихнутые члены, одностороннее движение твоих мышц являются некоей производительной силой. Если твоя духовная пустота производительнее, чем твоя всесторонняя духовная деятельность, то твоя духовная пустота является некоей производительной силой и т. д. и т. д. Если монотонность какой-нибудь производственной операции делает тебя более способным к выполнению этой самой операции, то, значит, монотонность является некоей производительной силой.

Разве буржуа, фабриканту есть дело до того, чтобы рабочий развивал все свои способности, проявлял в действии свои производительные потенции, приводил в действие самого себя по-человечески и поэтому вместе с тем развивал в своей деятельности человеческие качества?

Предоставим ответ на этот вопрос английскому *Пиндару* фабричной системы, г-ну Юру:

' «Постоянная цель и тенденция всякого усовершенствования системы машин в действительности состоит в том, чтобы сделать труд человека совершенно излишним или уменьшить его цену, заменяя труд взрослых рабочих трудом женщин и детей или труд весьма искусных рабочих трудом неискусных (неумелых) рабочих» («Philosophie des manufactures

etc.», Paris, 1836. T. I, p. 34). «Такова слабость человеческой природы, что чем рабочий искуснее, тем он своевольнее и тем труднее подчинить его дисциплине, а следовательно, тем менее пригоден он для системы *машин*... Поэтому для современного фабриканта самое важное состоит в том, чтобы посредством соединения науки со своими капиталами свести задачу своих рабочих к проявлению бдительности» и т. д. (там же, т. I, стр. 30).

СИЛА, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ СИЛА, ПРИЧИНЫ

«Причины богатства суть нечто совсем иное, чем само богатство» [*Лист*. Цит. соч., стр. 201].

Но если следствие отлично от причины, то разве характер следствия не должен содержаться в причине уже включенным в нее? Уже причина должна нести в себе то определение, которое позднее проявится в следствии. Философия г-на Листа не идет дальше тезиса о том, что причина и следствие суть «нечто совсем иное».

Нечего сказать, хорошенькое признание достоинства человека, низводящее человека до положения «*силы*», способной создавать богатства! Буржуа видит в пролетарии не *человека*, а *силу*, способную создавать богатства, такую силу, которую он к тому же еще может сравнивать с другими производительными силами — с животным, с машиной, — и, если такое сравнение окажется не в пользу человека, то сила, носителем которой является человек, будет вынуждена уступить свое место силе, носителем которой является животное или машина, причем человек также и в этом случае будет иметь честь (будет наслаждаться честью) фигурировать в качестве «производительной силы».

Если я определяю человека как «меновую стоимость», то в этом выражении уже заключается то обстоятельство, что общественные отношения превратили его в некую «вещь». Если я рассматриваю его как «производительную силу», то я ставлю на место действительного субъекта иного субъекта, подменяю первого иным лицом, и он существует теперь лишь как причина богатства.

Все человеческое общество становится лишь машиной, предназначенной для создания богатства.

Причина никоим образом не есть нечто более возвышенное, чем *следствие*. Следствие есть лишь открыто *проявившаяся* причина.

Лист делает вид, будто он повсюду интересуется производительными силами ради них самих, независимо от скверных меновых стоимостей.

Некоторые разъяснения о сущности нынешних «производительных сил» мы получаем уже из того обстоятельства, что при

нынешнем строе производительная сила состоит не только в том, что она делает, быть может, труд человека эффективнее или силы природы и социальные силы результативнее; она в такой же мере состоит в том, что делает труд дешевле, или *непроизводительнее* для рабочего. Производительная сила, таким образом, с самого начала определяется меновой стоимостью. Здесь имеет место в такой же мере повышение *...

[III. ИЗ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ]

[ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА]

...[22] земельная рента исчезает. Эти возросшие цены на хлеб должны быть вычтены из прибылей господ промышленников, — Рикардо достаточно благоразумен, чтобы предполагать, что дальнейшее снижение заработной платы невозможно.

Следовательно, происходящее сокращение прибылей и повышение заработной платы — поскольку рабочий всегда потребляет известное количество хлеба, как бы дорог он ни был; номинальная заработная плата рабочего при повышении хлебных цен возрастает, даже если она понижается реально, — вследствие роста хлебных цен повышает издержки производства для промышленников, затрудняет тем самым для них накопление и конкуренцию, сковывает, одним словом, *производительную силу* страны. Таким образом, скверная «меновая стоимость», которая в виде земельной ренты к величайшему ущербу *(без всякой пользы)* для производительной силы страны попадает в карманы земельных собственников, должна быть тем или иным способом *принесена в жертву* всеобщему благу — путем свободной торговли хлебом, путем перекладывания на земельную ренту всех налогов или же путем полного присвоения земельной ренты, то есть земельной собственности, государством (этот последний вывод сделали, в числе прочих, Милль, Хильдич, Шербюлье).

Г-н Лист не посмел, конечно, сообщить немецкому землевладельческому дворянству этот вывод промышленной производительной силы, ужасный для земельной собственности. Поэтому он поносит Рикардо, который выдал столь неприятные истины, вкладывает в его уста противоположное мнение, мнение физиократов, согласно которому земельная рента есть не что иное, как доказательство естественной производительной силы земли, и фальсифицирует взгляды Рикардо.

* Здесь заканчивается текст, заполняющий четвертую страницу 9-го листа рукописи. Листы 10—21-й, содержавшие, вероятно, конец II главы и начало следующей III главы, до нас не дошли. *Ред.*

Лист:

«Вообще школа со времен Адама Смита была несчастлива в своих исследованиях природы земельной ренты. Рикардо, а за ним Милль, Мак-Куллох и другие полагают, что ренту платят за *естественную производительность,* присущую участкам земли. Рикардо построил на этом мнении целую систему... Так как он видел перед собой только английские условия, то он впал в заблуждение, будто эти английские пашни и луга, за мнимо естественную производительность которых в настоящее время платят такую прекрасную ренту, были точно такими же пашнями и лугами во всякое время» (*Лист.* Цит. соч., стр. 360).

Рикардо:

«Если тот прибавочный продукт, который образует земельную ренту, является преимуществом, то было бы желательно, чтобы с каждым годом вновь создаваемые машины оказывались *менее производительными,* чем старые, ведь это сообщало бы большую стоимость товарам, производимым по всей стране, и всем владельцам наиболее производительных машин платилась бы рента» («Des principes de l'économie politique etc.», Paris, 1835. T. 1, p. 77) [Русский перевод, стр. 71]. «Богатство возрастает в тех странах, где благодаря *усовершенствованиям* в земледелии можно увеличить количество продуктов без соответствующего увеличения количества труда и где, следовательно, земельная рента растет лишь постепенно» (ebenda, p. 81—82) [там же, стр. 72—73].

Таким образом, по отношению к высокому дворянству г-н Лист не осмеливается вести игру в тени «производительных сил». Он хочет соблазнить его «меновыми стоимостями» и поэтому злобствует на школу Рикардо, который не рассматривает ни земельную ренту с точки зрения производительной силы, ни производительную силу с точки зрения современного крупного фабричного производства.

Так г-н Лист оказывается лжецом вдвойне. Однако в этом вопросе нам следует отдать справедливость г-ну Листу. В одной крупной вюртембергской фабрике (если мы не ошибаемся, Кёхлина) участвует сам король вюртембержцев *, вложив в нее большую сумму. В вюртембергских, а в большей или меньшей степени также и в баденских фабриках значительное участие посредством акций принимают дворяне-землевладельцы. Таким образом, здесь дворяне участвуют в «промышленной силе» не в качестве земельных собственников, а вкладывая в нее деньги, сами выступая в качестве буржуа и фабрикантов, и

. . . .

...[24] и возникает «преемственность и непрерывность производства» целого ряда поколений — завуалированный коммунист Лист учит также и этому — таким образом, эта «преемственность и непрерывность производства» оказывается наследст-

* Имеется в виду король Вюртемберга Вильгельм I. *Ред.*

венной собственностью *не* господ промышленников, *а* целых поколений (см., например, Брея [134]).

Высокая земельная рента обеспечивалась в Англии лендлордам (земельным собственникам) только посредством разорения арендаторов и низведения батраков до уровня ирландской нищеты (настоящих нищих). И все это несмотря на различные хлебные законы, независимо от того, что сами получатели земельной ренты часто бывали вынуждены уступать ее на треть, на половину своим арендаторам. С 1815 г. было принято три различных хлебных закона с целью улучшения положения и морального поощрения арендаторов. В течение этого периода было назначено пять парламентских комиссий, чтобы выявить наличие бедственного состояния земледелия и расследовать его причины. Непрерывное разорение арендаторов, несмотря на доведенную до предела эксплуатацию батраков и максимально возможное снижение их заработной платы, с одной стороны, и наличие частых случаев, когда землевладельцы бывали вынуждены отказываться от части земельной ренты, — с другой, доказывают, что даже и в Англии — несмотря на все ее фабрики и заводы — не производилось высоких земельных рент. Ибо с экономической точки зрения нельзя рассматривать в качестве земельной ренты такое явление, когда часть издержек производства посредством договоров и других отношений, имеющих место вне сферы экономики, направляется вместо кармана арендатора в карман получателя земельной ренты. Если бы земельный собственник сам обрабатывал свою землю, то он, конечно, поостерегся бы зачислять часть обычной прибыли производительного капитала в рубрику «земельная рента».

Писатели XVI, XVII и даже первых двух третей XVIII столетия все еще рассматривали вывоз зерна Англией как главный источник ее богатства. Старинная английская промышленность, — главную отрасль которой составляла обработка овечьей шерсти, а менее важные отрасли которой обрабатывали материалы, поставлявшиеся главным образом самой этой отраслью, — была всецело *подчинена* земледелию. Ее главным сырьем были продукты английского земледелия. Само собой разумеется, что она, таким образом, стимулировала развитие земледелия. Позднее, когда появилось собственно фабричное производство, уже через короткое время стала ощущаться и необходимость в законах о хлебных пошлинах. Но они оставались номинальными. Быстрый рост населения, наличие больших площадей плодородной земли, которые еще предстояло обработать, появление изобретений — все это, конечно, привело к развитию на первых порах также и земледелия. Особенно

этому способствовала война против Наполеона, которая создала для английского сельского хозяйства настоящую запретительную систему. Но в 1815 г. обнаружилось, сколь мало увеличилась в действительности «производительная сила» земледелия. В среде землевладельцев и арендаторов поднялся всеобщий вопль, и тогда были изданы теперешние хлебные законы [135]. В самой сущности современной фабричной промышленности заложена, во-первых, тенденция отчуждать [zu entfremden] промышленность от отечественной почвы, поскольку эта промышленность обрабатывает главным образом сырье, ввозимое из-за границы, и опирается на внешнюю торговлю. В ее сущности заложена тенденция вызывать рост населения в таком масштабе, которому не соответствует использование земли в условиях частной собственности. В ее сущности заложена, далее, — если она порождает хлебные законы, как она до сих пор всегда порождала их в Европе, — тенденция посредством высокой земельной ренты и эксплуатации земельной собственности фабричными методами превращать крестьян в самых нищих пролетариев. Если же ей удается воспрепятствовать изданию хлебных законов, то она изымает из обработки массу земель, подчиняет цены на хлеб внешним случайностям и подвергает страну полному отчуждению, делая получение самых необходимых для нее жизненных средств зависимым от торговли, которая подрывает *земельную собственность* в качестве самостоятельного источника собственности. Последнее является целью Лиги против хлебных законов в Англии и движения против земельной ренты в Северной Америке [136], ибо *земельная рента* есть экономическое выражение *земельной собственности*. Поэтому тори постоянно указывают на опасность того, что Англия сделается зависимой в получении жизненных средств, например, от *России*.

Крупной фабричной промышленности — разумеется, здесь не идут в счет такие страны, как Северная Америка, которым еще предстоит пустить в обработку колоссальные массивы земель (а ведь покровительственные пошлины не очень-то увеличивают площадь земли) — безусловно присуща тенденция *сковывать* производительную силу земли, как только ее эксплуатация достигнет известной ступени, так же как, с другой стороны, ведению земледелия фабричными методами присуща тенденция вытеснять людей и превращать все земли — разумеется, в известных пределах — в пастбища, так что место людей занимает скот.

Учение Рикардо о земельной ренте сводится, в немногих словах, к следующему:

Земельная рента ничего не прибавляет к производительности земли. Наоборот, ее повышение является доказательством того, что производительная сила земли падает. Она определяется именно отношением площади пригодных для обработки земель к численности населения и к уровню цивилизации вообще. Цена на хлеб определяется издержками производства хлеба на самой неплодородной земле, обработки которой требуют потребности населения. Если приходится прибегать к обработке земли худшего качества или делать с меньшей отдачей вложения капитала в тот же участок земли, то собственник самой плодородной земли продает свой продукт столь же дорого, как тот, кто обрабатывает самую плохую землю. Он кладет себе в карман разницу между издержками производства хлеба на самой лучшей и на самой неплодородной земле. Таким образом, чем менее плодородная земля пускается в обработку или с чем меньшей отдачей делаются вторые, третьи вложения капитала в тот же участок земли, одним словом, чем больше убывает относительная производительная сила земли, тем выше поднимается земельная рента. Если представить землю плодородной повсеместно *...

IV. Г-Н ЛИСТ И ФЕРЬЕ

Книга *Ферье,* помощника таможенного инспектора во времена Наполеона — «О правительстве с точки зрения его взаимоотношений с торговлей». Париж, 1805 — является тем сочинением, с которого списывает г-н Лист. В книге Листа нет ни одной основной мысли, которая не высказана в книге Ферье и не высказана в ней лучше.

Ферье был чиновником Наполеона. Он защищал континентальную систему [137]. Он говорит не о *протекционистской системе,* а о *запретительной системе.* Он далек от того, чтобы сочинять фразы о *союзе* всех народов или о *вечном мире* внутри страны. У него, разумеется, еще нет и социалистических фраз. Мы приведем краткие выдержки из его книги, чтобы показать читателю этот тайный источник листовской премудрости. Если г-н Лист фальсифицирует *Луи Сэя,* чтобы представить его в качестве своего союзника, то он, напротив, нигде не ссылается на Ферье, у которого списывает повсюду. Он хотел бы ввести читателя в заблуждение.

Мы уже цитировали суждение Ферье о Смите. Ферье еще более откровенно выражает свою приверженность к старой запретительной системе.

* Здесь заканчивается текст последнего из нумерованных листов. *Ред.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО. БЕРЕЖЛИВОСТЬ НАЦИЙ

«Существует бережливость и расточительность наций, но нация бывает расточительной или бережливой только в своих отношениях с *другими* народами» ([*Ферье*. Цит. соч.], стр. 143).

«Неверно, что применение капитала, являющееся наиболее выгодным для того, кто им обладает, необходимо оказывается наиболее выгодным также и для промышленности... Интерес капиталистов далеко не совпадает со всеобщим интересом и почти всегда находится в противоположности к нему» (стр. 168—169).

«Существует бережливость наций, но совершенно отличная от смитовской... Она состоит в том, чтобы покупать заграничные продукты лишь в таком количестве, какое можно оплатить своими продуктами. А иногда она состоит в том, чтобы совсем обходиться без заграничных продуктов» (там же, стр. 174—175).

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ

«Принципы бережливости наций, установленные Смитом, имеют своим основанием различение между производительным и непроизводительным трудом... Это различение неправильно по существу. Непроизводительного труда вовсе не существует» (там же, стр. 141).

«Он» (Гарнье) «усматривает в *серебряных деньгах* только *стоимость* серебра, не размышляя о том их *свойстве*, которое они имеют в качестве денег: делать обращение более активным и, следовательно, умножать продукты труда» (там же, стр. 18). «Поэтому когда правительства стараются предотвратить утечку наличных денег за границу,.. то это делается не ради их *стоимости*.., а потому, что та *стоимость*, которая поступает взамен их, не может вызвать в обращении тот же самый эффект, что они сами.., не может при каждом переходе из рук в руки вызвать к жизни новое производство» (там же, стр. 22, 23). «Слово «богатство» применительно к деньгам, обращающимся в качестве денег, следует понимать в смысле тех актов воспроизводства, которые они облегчают,.. и в этом смысле страна обогащается, когда она увеличивает количество своих наличных денег, потому что вместе с этим увеличением количества наличных денег возрастают все *производительные силы* труда» (там же, стр. 71). «Когда говорят, что богатство какой-нибудь страны равняется двум миллиардам,.. то под этим понимают, что эта страна имеет *средства*, чтобы с помощью этих двух миллиардов поддерживать обращение стоимостей, которые в 10, 20, 30 раз больше этой суммы, или, что то же самое, что она может *произвести* эти стоимости. Вот эти-то *средства производства*, которыми страна обязана деньгам, и называют богатством» (стр. 22).

Итак, Ферье отличает *меновую стоимость*, которую имеют деньги, от *производительной силы* денег. Даже независимо от того, что Ферье вообще называет средства производства богатством, не было ничего легче, как применить ко всем капиталам то различение, которое он провел между *стоимостью* и *производительной силой* денег.

Но Ферье идет еще дальше, он вообще защищает запретительную систему с помощью того аргумента, что она обеспечивает нациям их *средства производства:*

«Таким образом, запреты полезны всякий раз, когда они помогают нациям обзавестись *средствами* удовлетворения своих потребностей... Я сравниваю нацию, которая на свои наличные деньги покупает вне своей страны те товары, которые она сама может изготовлять, хотя бы и менее добротно, с таким садовником, который, будучи недоволен теми фруктами, которые он собирает в своем саду, стал бы покупать более вкусные плоды у своих соседей, давая им взамен свои садоводческие орудия» (стр. 288). «Внешняя торговля выгодна всякий раз, когда она имеет тенденцию увеличивать *производительные капиталы*. Она неблагоприятна, когда вместо того, чтобы приумножать капиталы, она требует их отчуждения» (стр. 395—396).

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ

«Следует ли правительству поощрять торговлю и фабрики предпочтительно перед земледелием? Этот вопрос все еще является одним из тех вопросов, по которым правительства и писатели не могут прийти к согласию» (стр. 73).

«Успехи промышленности и торговли связаны с успехами цивилизации, с прогрессом в искусствах, в науках, в судоходстве. Правительство, которое почти ничего не может сделать для земледелия, может сделать почти все для промышленности. Если нация имеет привычки или вкусы, способные задержать ее развитие, то правительству следует применить все свои средства, чтобы бороться с ними» (стр. 84).

«Действительное средство поощрения земледелия есть поощрение фабрично-заводской промышленности» (стр. 225). «Ее сфера» (сфера промышленности, под которой г-н Ферье понимает фабрично-заводскую промышленность) «не ограничена ни ее успехами, ни средствами ее усовершенствования... Ее творческая мощь — всеохватывающая, подобно воображению, подобно ему пребывающая в движении и плодотворная — не имеет иных границ, кроме границ самого человеческого духа, от которого она повседневно получает все новый блеск» (стр. 85).

«Истинным источником богатства для аграрно-промышленной нации является *воспроизводство* и труд. Она должна давать своим капиталам аграрно-промышленное применение и заботиться о том, чтобы перевозить и продавать свои собственные товары, прежде чем она сможет заняться перевозкой и продажей товаров других наций» (стр. 186). «Этот рост богатства человека следует приписать преимущественно внутренней торговле, которая задолго предшествовала обмену народа с народом» (стр. 145). «Согласно самому Смиту, из двух капиталов, из которых один вложен во внутреннюю торговлю, а другой — во внешнюю, первый оказывает промышленности страны поддержку и поощрение в двадцать четыре раза более значительные» (стр. 145—146).

Но г-н Ферье по крайней мере понимает, что внутренняя торговля не может существовать без внешней (там же, [стр. 146]).

«Допустим, что несколько частных лиц вывезут из Англии 50 000 штук бархата — в этой торговой операции они выручат много денег и очень легко сбудут свой товар. Но тем самым они сократят отечественную промышленность и оставят без работы 10 000 рабочих» (стр. 170; ср. стр. 155—156).

Г-н Ферье, как и Лист, обращает внимание на отличие промышленных и торговых городов от только потребляющих городов (стр. 91), но он по крайней мере настолько честен, что

ссылается при этом на самого Смита. Он ссылается на столь милый сердцу г-на Листа *Метуэнский договор*[138] и отмечает практичную осторожность Смита в его суждениях об этом договоре (стр. 159). Мы уже видели, как его суждение о Смите в общем почти дословно совпадает с суждением Листа. См. также о *торговле иностранными товарами, перевозимыми из одной страны в другую,* стр. 186 и в других местах.

Различие между Ферье и Листом состоит в том, что первый пишет в защиту всемирно-исторического предприятия — континентальной системы, а второй — в защиту мелочной, слабоумной буржуазии.

Читатель согласится, что весь г-н Лист in nuce* содержится в приведенных выдержках из Ферье. Если к этому добавить еще те фразы, которые он заимствует из последующего развития политической экономии, имевшего место со времени Ферье, то на его долю останется лишь пустое *идеализирование,* производительная сила которого заключается в словах, и [...]** лицемерие стремящегося к господству немецкого буржуа.

Написано в марте 1845 г.

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Вопросы истории КПСС» № 12, 1971 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* — вкратце, в самом сжатом виде. *Ред.*

** Здесь одно слово в рукописи написано неразборчиво. *Ред.*

К. МАРКС

* ПЛАН «БИБЛИОТЕКИ ВЫДАЮЩИХСЯ ИНОСТРАННЫХ СОЦИАЛИСТОВ» [139]

Морелли

Мабли

Бабёф

Буонарроти

Социальный кружок [140]

Эбер

Леру *

Леклерк

Бентам

Годвин

Гольбах

Фурье

Гельвеций

Сен-Симон

Оуэн

(Лаланд) [141]

Консидеран

Произведения школы

«Producteur». «Globe»;

Кабе

Дезами. Гей и *х*

«Fraternité», l'égalitaire и т. д. l'humanitaire [142]

Прудон

Написано К. Марксом между 7 и 17 марта 1845 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 5, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* Очевидно, имеется в виду Жак Ру. *Ред.*

К. МАРКС

* ЗАМЕТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ [143]

Божественный эгоист в противоположность эгоистическому человеку.

Заблуждение во время революции относительно античной государственности.

«Понятие» и *«субстанция».*

Революция — История происхождения современного государства.

Написано К. Марксом приблизительно в апреле 1845 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 5, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ [144]

(ТЕКСТ 1845 ГОДА)

1) К «ФЕЙЕРБАХУ»

1

Главный недостаток всего предшествовавшего материализма (включая и фейербаховский) заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта, или* в форме *созерцания,* а не как *чувственно-человеческая деятельность, практика;* не субъективно. Поэтому *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась абстрактно идеализмом — который, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, — действительно отличными от мысленных объектов, но саму человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязноторгашеской форме ее проявления [145]. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности.

2

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос.

3

Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает, что обстоятельства изменяются людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно вынуждено поэтому делить общество на две части — из которых одна возвышается над обществом.

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*.

4

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный и земной. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Но то, что земная основа отделяет себя от самой себя и строит себе некое самостоятельное царство в облаках, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя должна не только быть в самой себе понята в своем противоречии, но и практически революционизирована. Следовательно, после того, как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть теоретически и практически уничтожена.

5

Недовольный *абстрактным мышлением,* Фейербах требует *созерцания;* но он не рассматривает чувственность как *практическую,* человечески-чувственную деятельность.

6

Фейербах сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [Gemüt] обособленно и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида;

2) сущность может поэтому рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов *природными* узами.

7

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть общественный продукт и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, принадлежит к определенной форме общества.

8

Всякая общественная жизнь является по существу *практической.* Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

9

Самое большее, к чему приходит созерцательный материализм, т. е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это — созерцание отдельных индивидов и гражданского общества.

10

Точка зрения старого материализма есть гражданское общество, точка зрения нового материализма есть человеческое общество или общественное человечество.

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

Написано К. Марксом весной 1845 г.

Данный вариант впервые опубликован в 1924 г. на немецком языке в «Marx — Engels Archiv». Bd. I и на русском языке в издании: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», Книга первая

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС

* ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ

МАРКС О ФЕЙЕРБАХЕ *

1

Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта,* или в форме *созерцания,* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика,* не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но саму человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязно-торгашеской форме ее проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», практически-критической деятельности.

2

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос.

* Вариант, опубликованный Энгельсом в 1888 году. *Ред.*

3

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика.

4

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована.

5

Недовольный *абстрактным мышлением*, Фейербах апеллирует к *чувственному созерцанию*; но он не рассматривает чувственность как практическую, человечески-чувственную деятельность.

6

Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [Gemüt] обособленно и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами.

7

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной форме общества.

8

Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

9

Самое большее, до чего доходит *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это — созерцание им отдельных индивидов в «гражданском обществе».

10

Точка зрения старого материализма есть *«гражданское»* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество.

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

Написано К. Марксом весной 1845 г.

Впервые опубликовано Ф. Энгельсом в приложении к книге: F. Engels. «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie». Stuttgart, 1888

Печатается по тексту приложения к книге

Перевод с немецкого

Das

Westphälische Dampfboot.

Eine Monatsschrift.

Redigirt

von

Dr. Otto Lüning.

Zweiter Jahrgang.

Bielefeld, 1846.

Verlag von A. Helmich. — Druck von J. D. Küster, Witwe.

Обложка журнала «Das Westphälische Dampfboot», в котором опубликована статья Ф. Энгельса «Дополнение к характеристике положения рабочего класса в Англии»

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОПОЛНЕНИЕ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ [146]

I. ОДНА ИЗ АНГЛИЙСКИХ ЗАБАСТОВОК

В своей книге, посвященной вышеуказанному предмету, я не имел возможности привести фактические доказательства по отдельным пунктам. Чтобы не сделать книгу слишком толстой и неудобочитаемой, я должен был считать свои утверждения в достаточной мере обоснованными, если подтверждал их данными из официальных документов, работ незаинтересованных авторов или из сочинений сторонников тех партий, против интересов которых я выступал. Этого было достаточно, чтобы оградить меня от возражений в тех случаях, когда я основывался не на собственных наблюдениях при детальном описании конкретных случаев из жизни. Но этого было недостаточно, чтобы породить в читателе ту непоколебимую уверенность, которая может быть создана лишь яркими неопровержимыми *фактами* и которую невозможно вызвать, особенно в век, доведенный бесконечной «мудростью отцов» до скептицизма, одними голыми рассуждениями, на какие бы авторитеты они ни опирались. Когда дело идет о важных выводах, когда на основе фактов выявляются общие принципы, когда требуется изобразить не положение отдельных небольших групп народа, а взаимоотношение целых классов — тогда факты особенно необходимы. В своей книге я не мог всюду привести их по вышеуказанным причинам. Теперь я восполню здесь этот неизбежный пробел, сообщая время от времени факты, почерпнутые из имеющихся в моем распоряжении источников. Чтобы одновременно доказать, что мое описание остается верным еще и сегодня, я приведу только такие факты, которые имели место после моего отъезда из Англии в прошлом году

и стали мне известны лишь со времени выхода моей книги из печати.

Читатели моей книги вспомнят, что в ней я уделил внимание главным образом описанию взаимоотношений буржуазии и пролетариата и неизбежности борьбы между этими двумя классами; особенно для меня важно было доказать полную правомерность этой борьбы пролетариата и противопоставить общим красивым фразам английской буржуазии ее гнусные деяния. Моя книга, от первой до последней страницы — это обвинительный акт против английской буржуазии. Теперь я представлю еще некоторые убедительные доказательства. Впрочем, я уже достаточно излил свой гнев на этих английских буржуа и в своих дополнительных заметках уже не намерен больше выходить из себя и постараюсь, насколько это в моих силах, сохранить душевное равновесие.

Первым нам встречается почтенный гражданин и добропорядочный отец семейства — один наш старый знакомый, или вернее двое наших старых знакомых. Гг. *Полинг* и *Хенфри* еще в 1843 г. — бог знает в который раз — имели столкновение со своими рабочими, которые, несмотря ни на какие доводы, не хотели отказываться от своего требования — получать за дополнительный труд дополнительную плату — и прекратили работу. Гг. Полинг и Хенфри — крупные строительные подрядчики, у которых на стройках занято много обжигальщиков кирпича, плотников и т. д., наняли других рабочих; это вызвало конфликт, который вылился в конце концов в настоящее кровопролитное сражение с применением ружей и дубинок на кирпичном заводе Полинга и Хенфри и закончился, как об этом можно подробнее прочесть в моей книге, ссылкой полдюжины рабочих на Вандименову землю [147]. Но гг. Полингу и Хенфри непременно надо ежегодно конфликтовать со своими рабочими, иначе они не могут быть спокойны, и вот в октябре 1844 г. они опять затеяли с ними споры. На этот раз подрядчики-филантропы задумали облагодетельствовать именно плотников. С незапамятных времен среди плотников Манчестера и его окрестностей укоренился обычай не «зажигать света» от сретения * до 17 ноября, то есть в длинные дни работать с 6 утра до 6 вечера, а когда день начинает укорачиваться, приступать к работе с рассветом и кончать ее с наступлением темноты. С 17 ноября уже зажигали свет и работали полное время. Полинг и Хенфри давно были недовольны этим «варварским» обычаем и решили при помощи газового освещения покончить с этим

* — 2 февраля по старому стилю. *Ред.*

пережитком «темных времен»; поэтому, когда однажды вечером плотники, которые не могли уже ничего видеть еще до 6 часов, сложили инструменты и стали одеваться, мастер включил газ и заявил им, что они обязаны проработать до шести часов. Плотники, которым это не понравилось, созвали общее собрание рабочих своей профессии. Весьма удивленный г-н Полинг спросил у своих рабочих, что вызвало их недовольство и побудило созвать собрание. Некоторые из рабочих заметили, что не они непосредственно, а правление ремесленного союза созвало собрание. На это г-н Полинг ответил, что ему нет дела до союза, однако он готов предложить им следующее: если рабочие согласятся на то, чтобы зажигали свет, то по субботам он будет отпускать их на три часа раньше урочного времени, и кроме того, — о, великодушие! — разрешит им ежедневно работать сверхурочно четверть часа, за которые они будут получать особую плату! Но за это, правда, они должны будут, когда все остальные мастерские начнут зажигать свет, работать на полчаса больше! Рабочие обдумали это предложение и подсчитали, что таким образом гг. Полинг и Хенфри за период коротких дней будут ежедневно выгадывать по целому часу, а каждому рабочему придется отработать сверхурочно в общем 92 часа, то есть $9^1/_4$ дней, не получая за это ни одного пфеннига, и что за счет заработной платы всех занятых в фирме рабочих господа предприниматели получат за зимние месяцы 400 ф. ст. (2 100 талеров) экономии. Итак, рабочие провели намеченное собрание и растолковали своим товарищам по профессии, что если одной какой-нибудь фирме удастся осуществить этот план, ее примеру последуют и другие, вследствие чего произойдет всеобщее косвенное снижение заработной платы, которое обойдется плотникам их округа приблизительно в 4 000 ф. ст. ежегодно. Было поэтому решено, что в ближайший понедельник все плотники, работающие у Полинга и Хенфри, подадут заявление о своем намерении оставить работу через три месяца и, если хозяева будут упорствовать, прекратят ее по истечении этого срока. За это ремесленный союз обещал — в случае возможной безработицы — поддержать их путем всеобщего сбора средств.

В понедельник, 14 октября, рабочие пришли сделать свое заявление, на это им ответили, что они могут уходить хоть сейчас, что они, разумеется, и сделали. В тот же вечер состоялось второе собрание всех строительных рабочих, на котором рабочие, занятые в различных областях строительных работ, обещали свою поддержку безработным. В среду и четверг все плотники окрестности, работающие у Полинга и Хенфри,

также прекратили работу, и *забастовка,* таким образом, развернулась полностью.

Оказавшись так внезапно в затруднении, строительные подрядчики немедленно разослали своих людей во все стороны, даже в Шотландию, нанимать рабочих, так как во всей округе нельзя было найти ни одного человека, который согласился бы поступить к ним. Через несколько дней из Стаффордшира прибыло ровно тридцать человек. Но когда стачечникам представился случай поговорить с ними и объяснить, из-за каких разногласий и по каким причинам прекращена работа, некоторые из вновь прибывших отказались продолжить работу. Против этого у хозяев имелось практическое средство: строптивых рабочих вместе с их «соблазнителем» вызвали к мировому судье, г-ну *Даниелу Моду*. Но, прежде чем последовать туда за ними, мы должны сперва представить в надлежащем свете добродетели г-на Даниела Мода.

Г-н Даниел Мод является манчестерским «stipendiary magistrate», или мировым судьей на жалованьи. Обычно английские мировые судьи назначаются министерством из числа богатых буржуа или землевладельцев, а иногда и священников. Но так как эти «Догберри»[148] ничего не смыслят в законах, то они допускают грубейшие промахи, срамят буржуазию и вредят ей: даже перед лицом рабочего, если его защищает умелый адвокат, они нередко приходят в замешательство и при вынесении приговора, либо пренебрегают законными формами, что влечет за собой успешный исход апелляции, либо вынуждены согласиться на оправдательный приговор. К тому же, богатые фабриканты больших городов и промышленных округов вовсе не имеют времени ежедневно скучать в суде и предпочитают выставлять вместо себя заместителей. Поэтому в таких городах, по их просьбе, большей частью назначаются оплачиваемые мировые судьи, знающие юристы, которые умеют использовать в интересах буржуазии все тонкости и крючкотворства английского права и вносить в него в случае надобности дополнения и поправки. Как они при этом ведут себя, мы увидим по следующему примеру.

Г-н Даниел Мод — один из трех либеральных мировых судей, которые в большом количестве были назначены при министерстве вигов. Из всех его подвигов в манчестерском городском суде и вне его мы упомянем два. Когда в 1842 г. фабрикантам удалось спровоцировать рабочих южного Ланкашира на восстание, которое вспыхнуло в начале августа в Стейлибридже и Аштоне, около 10 000 рабочих во главе с чартистом *Ричардом Пиллингом* 9 августа направились оттуда в Манчестер,

«чтобы вступить в переговоры с фабрикантами на манчестерской бирже, а также посмотреть, как обстоят дела на местном рынке» [149].

При входе в город их встретил г-н Даниел Мод со всей достопочтенной полицией, отрядом кавалерии и ротой стрелков. Но это было только для проформы, так как фабриканты и либералы были заинтересованы в том, чтобы восстание распространилось и привело к отмене хлебных законов [135]. Г-н Даниел Мод был в этом пункте вполне солидарен со своими почтенными коллегами; он вступил в переговоры с рабочими и разрешил им войти в город при условии, что они будут «соблюдать спокойствие» и пройдут по определенному маршруту. Он прекрасно понимал, что восставшие не выполнят этого условия, да он этого и не хотел: проявив некоторую энергию, он мог в зародыше подавить спровоцированное восстание, но в таком случае он действовал бы не в интересах своих друзей, добивавшихся отмены хлебных законов, а в интересах г-на *Пиля;* поэтому он распорядился отвести войска и впустил рабочих в город, где они немедленно остановили работу на всех фабриках. Но когда восстание приняло решительный характер, направленный *против* либеральной буржуазии, и совершенно игнорировало «адские хлебные законы», г-н Даниел Мод вспомнил о своем судейском сане, стал арестовывать рабочих целыми десятками и без пощады отправлять их в тюрьму за «нарушение спокойствия»; таким образом, он сначала спровоцировал нарушение спокойствия, а потом за него наказал.

А вот другая характерная черта из карьеры этого манчестерского Соломона. После того как Лига против хлебных законов не раз оказывалась публично побитой, она стала устраивать в Манчестере закрытые собрания, вход на которые разрешался лишь по билетам, однако резолюции и петиции этих закрытых собраний выдавались перед широкой публикой за постановления публичных собраний, за выражение «общественного мнения» Манчестера. Чтобы положить конец этому лживому бахвальству либеральных фабрикантов, три или четыре чартиста — в числе их мой хороший друг *Джемс Лич* — раздобыли билеты и отправились на одно из таких собраний. Когда г-н *Кобден* поднялся, чтобы взять слово, Джемс Лич задал председателю собрания вопрос, является ли собрание публичным. Вместо ответа председатель вызвал полицию и приказал немедленно арестовать Лича! Тот же вопрос повторил второй чартист, за ним третий, четвертый, и все они были схвачены «сырыми раками» (полицейскими), которые в большом количестве стояли у дверей, и отправлены в ратушу. На следующее утро они предстали перед г-ном Даниелом Модом,

который уже был обо всем осведомлен. Им предъявили обвинение в нарушении порядка на собрании, едва дали произнести несколько слов, а затем заставили прослушать торжественную речь г-на Даниела Мода, который заявил, что знает их, что они — политические бродяги, только тем и занимаются, что поднимают скандал на всех собраниях, беспокоят порядочных, солидных людей и что этому должен быть положен конец. Г-н Даниел Мод отлично знал, что не имеет права приговорить их к настоящему наказанию, поэтому он присудил их на этот раз к уплате судебных издержек.

Вот перед этим г-ном *Даниелом Модом*, буржуазные добродетели которого мы только что обрисовали, и предстали непокорные рабочие *Полинга* и *Хенфри*. Но они предусмотрительно привели с собой адвоката. Первым предстал перед судьей тот вновь прибывший рабочий из Стаффордшира, который отказался работать там, где другие, в целях самозащиты, прекратили работу. Гг. Полинг и Хенфри имели в руках письменное обязательство прибывших из Стаффордшира рабочих *, которое и предъявили мировому судье. Защитник рабочих заметил, что это соглашение подписано в воскресенье, следовательно, оно недействительно. Г-н Даниел Мод с достоинством согласился, что «деловые соглашения», заключенные в воскресенье, не имеют силы; но он-де не может поверить, чтобы гг. Полинг и Хенфри считали эту бумагу «деловым соглашением»! Поэтому он разъяснил бедняге-рабочему, не спросив его, «считает» ли он этот документ «деловым соглашением», что ему придется либо продолжать работу, либо три месяца плясать на ножной мельнице. — О, манчестерский Соломон! — Закончив с этим, гг. Полинг и Хенфри перешли к другому обвиняемому. Его звали *Салмоном;* это был один из старых рабочих фирмы, прекративших работу. Его обвиняли в том, что он запугивал новых рабочих, подстрекая их тоже прекратить работу. Свидетель — один из числа вновь прибывших — заявил, что Салмон схватил его руку и говорил с ним. Г-н Даниел Мод задал вопрос, не прибегал ли обвиняемый к угрозам, не применял ли насилие? — Нет, ответил свидетель. — Г-н Даниел Мод, обрадовавшийся случаю блеснуть своим беспристрастием — после того, как он

---

* Содержание этого контракта было следующее: рабочий брал на себя обязательство проработать *шесть месяцев* для Полинга и Хенфри и *довольствоваться платой, которую они ему положат;* но Полинг и Хенфри не были обязаны держать его шесть месяцев и могли в *любое время* уволить, предупредив за неделю. Полинг и Хенфри, правда, оплачивали его путевые расходы от Стаффордшира до Манчестера, но с тем, чтобы они были возмещены путем еженедельных вычетов по 2 шиллинга (20 зильбергрошей) из его заработной платы! — Как вам нравится такой изумительный контракт?

уже выполнил свои обязанности по отношению к буржуазии, — объявил, что обвиняемому ничего нельзя инкриминировать. Он-де имеет полное право расхаживать по улицам и разговаривать с другими людьми, пока не уличен в каких-либо угрозах словом или действием, — поэтому он объявляется невиновным. Но гг. Полинг и Хенфри получили по крайней мере удовлетворение от того, что за уплату ими судебных издержек Салмону пришлось одну ночь провести под арестом — а это уже что-то значило. Впрочем, радость Салмона длилась недолго. Освобожденный в четверг 31 октября, он уже во вторник 5 ноября снова предстал перед г-ном Даниелом Модом по обвинению в нападении на улице на гг. Полинга и Хенфри. В тот самый четверг, когда Салмон был оправдан, в Манчестер прибыла партия шотландцев, которых заманили под фальшивыми предлогами, будто с раздорами покончено, Полинг и Хенфри не могут найти в своей местности достаточное число рабочих для выполнения более крупных подрядов и т. д. В пятницу к прибывшим явилось несколько шотландских столяров, которые давно работали в Манчестере и намеревались разъяснить своим землякам причины забастовки. Большая толпа их товарищей по профессии — около 400 человек — собралась возле постоялого двора, где разместились шотландцы. Но последних держали там взаперти, поставив у двери в качестве часового одного из мастеров. Через некоторое время появились гг. Полинг и Хенфри, пожелавшие лично проводить своих новых рабочих к мастерским. Когда все вышли на улицу, собравшиеся там рабочие стали уговаривать шотландцев не соглашаться работать в нарушение правил ремесла, принятых в Манчестере, и не позорить этим своих земляков. Двое из шотландцев действительно несколько отстали, и г-н Полинг сам подбежал к ним, чтобы потащить их вперед. Толпа вела себя спокойно, лишь препятствуя быстрому продвижению шествия и призывала шотландцев не вмешиваться в чужие дела, вернуться домой и т. д. Это, наконец, разозлило г-на Хенфри; он заметил в толпе некоторых своих старых рабочих и среди них Салмона; чтобы положить конец этому делу, он схватил его за руку, г-н Полинг — за другую, и оба они во весь голос стали звать полицию. Подошел полицейский комиссар и спросил, в чем они обвиняют этого человека? Этот вопрос поставил обоих компаньонов в довольно затруднительное положение; но, сказали они, «мы знаем этого человека». О, ответил комиссар, этого уже достаточно, а пока его можно отпустить. Гг. Полинг и Хенфри, вынужденные предъявить хоть какое-то обвинение Салмону, ломали себе голову над этим несколько дней, пока, наконец, по совету своего

адвоката, не остановились на вышеуказанном обвинении. Когда были допрошены все свидетели, дававшие показания против Салмона, внезапно поднялся в защиту обвиняемого *У. П. Робертс,* «генеральный поверенный углекопов», гроза всех мировых судей, и спросил, может ли он привести своих свидетелей, так как против Салмона не выставлено никакого обвинения? Г-н Даниел Мод разрешил ему допросить свидетелей, которые показали, что Салмон держал себя спокойно, пока г-н Хенфри не схватил его за руку. Когда окончились все речи pro и contra *, Даниел Мод заявил, что приговор он объявит в субботу. Очевидно, присутствие генерального поверенного Робертса заставляло его дважды подумать, прежде чем высказаться.

В субботу Полинг и Хенфри выдвинули против трех своих старых рабочих, *Салмона, Скотта* и *Меллора,* помимо прежнего, еще одно, *уголовное,* обвинение в заговоре и запугивании. Они намеревались нанести таким образом смертельный удар ремесленному союзу, а чтобы обезопасить себя от страшного Робертса, они пригласили из Лондона известного юриста, г-на *Монка.* Г-н Монк выставил в качестве свидетеля одного из недавно нанятых шотландцев, *Гибсона,* который уже в прошлый вторник выступал в качестве свидетеля против Салмона. Гибсон заявил, что в пятницу 1 ноября, когда он с товарищами вышел с постоялого двора, их окружила толпа людей, которые тащили и толкали их в разные стороны, и что эти трое обвиняемых были среди толпы. Теперь к допросу этого свидетеля приступил Робертс; он устроил Гибсону очную ставку с другим рабочим и задал вопрос, не говорил ли он, Гибсон, вчера вечером этому рабочему, что в прошлый вторник он при своем показании *не знал, что его допрашивали под присягой* и что он вообще не знал, как ему себя вести на суде и что говорить. Гибсон ответил, что он не знает этого человека, с ним вчера вечером было двое, но так как было темно, он не может сказать, является ли этот человек одним из них; возможно, *что он и говорил нечто подобное,* ибо форма присяги в Шотландии иная, чем в Англии, хотя в точности он ее не помнит. Тут поднялся г-н Монк и заявил, что г-н Робертс не имеет права задавать подобные вопросы; на это г-н Робертс возразил, что такой упрек вполне уместен, когда приходится защищать дурное дело, но что он имеет право задавать любые вопросы, не только о том, где родился свидетель, но и о том, где он находился с тех пор каждый день и что он ел каждый день. Г-н Даниел Мод подтвердил, что г-н Робертс имеет

* — за и против. *Ред.*

на это право, но дал ему отеческий совет держаться возможно ближе к делу. После того, как г-н Робертс установил, на основании показаний самого свидетеля, что тот действительно начал работать у Полинга и Хенфри лишь на следующий день после инкриминируемого события, то есть 2 ноября, он его отпустил. Тогда выступил в качестве свидетеля сам г-н Хенфри и рассказал об инциденте то же самое, что говорил Гибсон. В ответ на это г-н Робертс задал ему вопрос: не добиваетесь ли Вы несправедливого преимущества перед Вашими конкурентами? Г-н Монк снова возразил против подобных вопросов. Хорошо, сказал Робертс, я их сформулирую более точно. Известно ли Вам, г-н Хенфри, что часы работы плотников регулируются в Манчестере определенными правилами?

Г-н Хенфри: Мне нет дела до этих правил, я имею право устанавливать собственные правила.

Г-н Робертс: Совершенно верно. Но, г-н Хенфри, скажите под присягой, не требуете ли Вы от своих рабочих более продолжительного рабочего времени, чем прочие строительные подрядчики и владельцы плотницких мастерских?

Г-н Хенфри: Да.

Г-н Робертс: На сколько часов примерно?

Г-н Хенфри не знал этого в точности, но вынул свою записную книжку, чтобы произвести необходимый подсчет.

Г-н Даниел Мод: Вам незачем заниматься длинным подсчетом, скажите нам лишь приблизительно, сколько это составляет часов?

Г-н Хенфри: Приблизительно час утром и час вечером в течение шести недель до того времени, когда обычно зажигают свет, и столько же часов в течение шести недель после того дня, когда обычно прекращают зажигать свет.

Г-н Даниел Мод: Это составляет, следовательно, 72 часа до того времени, когда начинают зажигать свет, и 72 часа после этого, то есть 144 часа, которые каждый рабочий должен перерабатывать в течение 12 недель?

Г-н Хенфри: Да.

Это заявление вызвало сильное недовольство у публики. Г-н Монк злобно посмотрел на г-на Хенфри, а г-н Хенфри смущенно на своего адвоката; г-н Полинг стал дергать г-на Хенфри за сюртук, но уже было поздно. Г-н Даниел Мод, увидев, что и на этот раз ему придется разыграть роль беспристрастного судьи, принял к сведению это признание и огласил его.

После того как были допрошены еще два второстепенных свидетеля, г-н Монк заявил, что этим исчерпываются его материалы против обвиняемых.

Тогда г-н Даниел Мод сказал, что обвиняющая сторона не представила оснований для обвинения подсудимых в уголовном преступлении, так как не доказала, что шотландцы, подвергшиеся угрозам, были приняты на работу к Полингу и Хенфри ранее первого ноября, поскольку не было предъявлено ни договора о найме, ни какого-либо другого подтверждения того, что люди начали работать ранее *второго* ноября, между тем как жалоба была подана *первого* ноября; в этот день, следовательно, шотландцы еще не были на службе у Полинга и Хенфри, и обвиняемые имели право удерживать их всеми законными средствами от поступления на службу к Полингу и Хенфри. — На это г-н Монк ответил, что жалобщики были наняты к тому моменту, когда они покинули Шотландию и сели на пароход. Г-н Даниел Мод заметил, что вообще утверждали, будто подобный договор о найме был заключен, однако этот документ не был предъявлен. Г-н Монк ответил, что этот документ находится в Шотландии, и он просит г-на Мода приостановить дело, пока его не доставят сюда. Тут вмешался Робертс, заметив, что это для него новость. Уже объявлено, что материалы обвинения исчерпаны, а жалобщик, тем не менее, требует отложить дело до представления им новых документов. Робертс настаивает на продолжении дела. Г-н Даниел Мод объявил и то и другое излишним, поскольку нет обоснованного обвинения, — после чего обвиняемые были отпущены.

Тем временем и рабочие не бездействовали. Каждую неделю они устраивали собрания в помещении союза плотников или в зале социалистов, обращались за поддержкой к различным ремесленным союзам, щедро откликавшимся на эти призывы, продолжали повсюду оповещать о действиях Полинга и Хенфри и, наконец, разослали во все концы делегатов, чтобы всюду, где Полинг и Хенфри вербовали рабочих, разъяснить своим товарищам по профессии причину этой вербовки и таким образом удержать их от поступления на службу в эту фирму. Уже через несколько недель после начала забастовки в разъездах находилось семь делегатов; объявления, вывешенные на углах улиц во всех крупных городах страны, предостерегали безработных плотников относительно Полинга и Хенфри. 9 ноября несколько возвратившихся делегатов представили отчет о своей миссии. Один из них, по имени *Джонсон*, побывавший в Шотландии, рассказал, что агент Полинга и Хенфри уже нанял было тридцать рабочих в Эдинбурге; но, как только те узнали от него об истинном положении вещей, они заявили, что лучше умрут с голоду, чем отправятся при таких обстоятельствах в Манчестер. Другой делегат был в Ливерпуле и наблюдал за

прибытием пароходов; но не приехало ни одного человека, и ему оказалось нечего делать. Третий делегат объехал Чешир, но куда бы он ни приезжал, ему также не находилось дела, так как «Northern Star», газета рабочих, повсюду оповестила о действительном положении дел и отбила у людей всякое желание ехать в Манчестер; в одном городе — в Маклсфилде — плотники провели уже сбор средств для поддержки стачечников и обещали, в случае нужды, внести для них дополнительно еще по 1 шиллингу с человека. В других местах делегат побудил товарищей по профессии провести такие же сборы.

Чтобы еще раз предоставить гг. Полингу и Хенфри возможность договориться с рабочими, в понедельник 18 ноября в помещении союза плотников собрались рабочие всех профессий, занятых в строительном деле, выбрали депутацию для передачи этим господам адреса и направились процессией, со знаменами и эмблемами, к помещению фирмы Полинга и Хенфри. Впереди шла депутация, за ней комитет по организации забастовки, затем плотники, формовщики и обжигальщики кирпича, поденщики, каменщики, пильщики, стекольщики, штукатуры, маляры, группа музыкантов, камнетесы, мебельщики. Они прошли мимо гостиницы, где остановился их генеральный поверенный Робертс, и приветствовали его на ходу громким «ура». Подойдя к помещению фирмы, депутация вышла из рядов, а масса направилась дальше, чтобы провести публичное собрание в Стивенсон-сквере. Депутация была встречена полицией, которая, прежде чем пропустить депутатов, потребовала их имена и адреса. Когда они вошли в контору, компаньоны, гг. *Шарпс* и *Полинг,* заявили им, что не примут никакого письменного адреса от толпы, которая была собрана исключительно в целях запугивания. Депутация отвергла это намерение, ссылаясь на то, что процессия даже не остановилась и сразу последовала дальше. В то время как эта процессия, насчитывавшая 5 000 человек, продолжала свой путь, депутацию, наконец, допустили и ввели в комнату в присутствии начальника полиции, одного офицера и трех газетных корреспондентов. Г-н Шарпс, компаньон Полинга и Хенфри, самочинно занял председательское место, заметив при этом, что депутации следует быть осторожной в своих выражениях, ибо все сказанное будет надлежащим образом запротоколировано и, при случае, может быть использовано на суде против нее. — Затем депутатов стали спрашивать, на что они жалуются, и т. д.; сказали, что рабочим будет предоставляться работа согласно правилам, общепринятым в Манчестере. Депутация спросила, работают ли набранные в Стаффордшире и Шотландии рабочие согласно установленным

в Манчестере правилам ремесла? — Нет, последовал ответ, с этими людьми у нас имеется особое соглашение. — Следовательно, ваши рабочие снова получат работу и притом на обычных условиях? — О, мы не ведем переговоров с депутацией; но пусть люди придут и узнают, на каких условиях мы намерены предоставить им работу. — Г-н Шарпс добавил, что все фирмы, в которых значится его имя, всегда хорошо относились к рабочим и платили самую высокую заработную плату. Депутация ответила, что если он является участником фирмы Полинг, Хенфри и К°, как они слышали, то эта фирма оказывала сильное противодействие удовлетворению самых насущных интересов рабочих. — Одного из членов делегации — обжигальщика кирпичей, спросили, на что же жалуются его товарищи по профессии. — О, в данный момент ни на что, но раньше мы имели для этого достаточно поводов *. — Ах, у вас их было достаточно? — издевательски ответил г-н Полинг и воспользовался случаем, чтобы прочитать длинную лекцию о ремесленных союзах, забастовках и т. д. и о той нищете, до которой они доводят рабочих. — На это один член депутации заметил, что рабочие вовсе не намерены допускать, чтобы у них отнимали одно за другим все их права и, например, заставляли отрабатывать даром 144 часа ежегодно, как этого от них сейчас требуют. — Г-н Шарпс заметил, что следует также подсчитать и убыток, понесенный участниками процессии вследствие того, что они не работали целый день, издержки по забастовке, потерю стачечниками заработной платы и т. д. — На это один из депутатов ответил: это касается только нас, и мы не собираемся просить на это из вашего кармана ни гроша. На этом депутация удалилась, доложила обо всем рабочим, собравшимся в помещении союза плотников, при этом выяснилось, что для участия в процессии явились не только все рабочие, работавшие на Полинга и Хенфри в этом округе (они не были плотниками и потому не бастовали), но что в тот же день утром прекратили работу и многие из вновь привезенных шотландцев. Один маляр также заявил, что Полинг и Хенфри предъявили к ним такие же несправедливые требования, как и к столярам, и что они тоже намерены оказать сопротивление. Было решено, что для ускорения дела и сокращения срока борьбы должны объявить забастовку все строительные рабочие фирмы Полинг и Хенфри. Это было выполнено. В ближайшую субботу прекратили работу маляры, а в понедельник — стекольщики на строительстве нового театра, для сооружения которого Полинг и Хенфри заклю-

* См. выше — о кровавом сражении на кирпичном заводе Полинга и Хенфри.

чили контракт, через несколько дней вместо 200 человек работало всего лишь два каменщика и четверо поденщиков. Прекратили работу и многие из вновь прибывших рабочих.

Полинг, Хенфри и К° неистовствовали. Когда еще трое из новых рабочих прекратили работу, их в пятницу, 22 ноября, потащили к г-ну Даниелу Моду. Прежние неудачи ничему их не научили. Первым предстал перед судьей некий *Рид*, обвиняемый в нарушении контракта; при этом был предъявлен контракт, подписанный обвиняемым в Дерби. Робертс, снова занявший свое место, тут же заметил, что между контрактом и обвинением нет никакой связи, что это две совершенно разные вещи. Г-н Даниел Мод сразу это понял, так как это сказал грозный Робертс, но ему стоило немало труда растолковать это защитнику противной стороны. Наконец, последний попросил разрешения изменить обвинение и через некоторое время явился с новым обвинением, которое было еще хуже, чем первое. Убедившись в том, что и это не пойдет, он попросил о новой отсрочке, и г-н Даниел Мод дал ему срок на обдумывание, до пятницы 29 ноября *, то есть целую неделю. Добился ли он своего на этот раз, я не могу сказать, так как у меня отсутствует как раз тот номер газеты, в котором должно было быть напечатано решение. Между тем Робертс перешел в наступление и, со своей стороны, привлек к суду несколько навербованных рабочих и одного из мастеров Полинга и Хенфри за то, что они вторглись в дом одного стачечника и оскорбили его жену; в двух других случаях подверглись нападению некоторые бастующие рабочие. Г-н Даниел Мод вынужден был, к своему сожалению, осудить всех обвиняемых, но он постарался обойтись с ними возможно мягче, потребовав лишь внести залог в качестве поручительства за хорошее поведение в будущем.

Наконец, в последние дни декабря гг. Полингу, Хенфри и К° удалось добиться приговора в отношении двух своих противников, также за причинение телесных повреждений одному из их рабочих. Но на этот раз суд не был столь мягок; он сразу приговорил рабочих к месяцу тюремного заключения и к залогу в качестве поручительства за хорошее поведение после отбытия срока.

С этого момента сообщения о стачке становятся скудными. 18 января она была еще в полном разгаре. Более поздних сведений я не обнаружил [150]. Вероятно, она закончилась, как и большинство других стачек; с течением времени Полинг, Хенфри и К° набрали себе достаточное количество рабочих из

* В журнале, видимо, опечатка: 30 ноября. *Ред.*

отдаленных местностей и отдельных перебежчиков из числа стачечников; большинство стачечников нашли себе работу где-нибудь в другом месте после более или менее продолжительной безработицы и связанной с ней нуждой, утешением в которой им служило сознание, что они не поступились своим достоинством и поддержали уровень заработной платы своих товарищей. Что касается спорных пунктов, то Полинг, Хенфри и К° должны были убедиться, что им не удастся полностью их осуществить, так как и для них стачка была связана с крупными убытками, прочие же предприниматели, после такой упорной борьбы, вряд ли скоро попытаются изменить старые правила плотницкого ремесла.

Брюссель

Написано Ф. Энгельсом во второй половине 1845 г.

Напечатано в журнале «Das Westphälische Dampfboot» за январь и февраль 1846 г.
Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВИЗИТ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ. — РАЗДОРЫ МЕЖДУ «КОРОЛЕВСКИМИ СЕМЬЯМИ». — ССОРА ВИКИ С НЕМЕЦКОЙ БУРЖУАЗИЕЙ. — ПРИГОВОР ПАРИЖСКИМ ПЛОТНИКАМ [151]

Ваша маленькая королева доставила немало неприятностей во время своего визита в Пруссию. С королем * она обходилась настолько непочтительно, что тот был рад от нее избавиться, и это он откровенно показал после ее отъезда. Буржуазия была также возмущена ее высокомерным обращением с представительницами «haute bourgeoisie» ** Кёльна. Дочь кёльнского бургомистра поднесла «ее величеству» чашку чая, но Вика не приняла чашки, потому что к ней прикоснулась рука не «знатной» особы (!). Она взяла лишь ложечку, с которой и пила глотками чай, отвернувшись при этом в сторону и изъявляя девице явно подчеркнутое пренебрежение. Бедная девица вся дрожала, не зная оставаться ей или уйти. Поделом ей; при всей своей ловкости эти кичащиеся богатством буржуа являются со своим культом королей и королев в конечном счете лишь *простофилями* и как таковые заслужили подобного обращения. Ваша королева проявила свое пренебрежение столь откровенно, что заставила их, как ни мало у них гордости, оказать ей некоторое противодействие. Она пожертвовала 3 500 долларов (500 фунтов стерлингов) в строительный фонд кёльнского собора, а оскорбленные кёльнские буржуа созвали собрание, чтобы обсудить, как вернуть ей эти деньги! Собрание было разогнано полицией и войсками. Однако, как я слышал, они все же имеют намерение собрать эту сумму по подписке и отослать деньги в Англию или Ирландию, чтобы оказать помощь

---

* — Фридрихом-Вильгельмом IV. *Ред.*

** — «высшей буржуазии». *Ред.*

вашим голодающим беднякам. Надеюсь, что это будет сделано. У Джона Буля изрядно вымогали деньги в пользу кровопийц — немецких принцев, и будет только справедливо, если немецкая буржуазия вернет хотя бы немного бедному, бессовестно обобранному Джону. Явная непочтительность, которую ваша королева проявила к нашему дражайшему королю и его двору, проистекала, как я узнал, из того факта, что хромая королева Пруссии * отказалась опереться на руку принца Альберта и отдала предпочтение австрийскому эрцгерцогу Фридриху, как более знатному по происхождению. Весьма забавно наблюдать распри между этими царствующими особами и ссоры буржуазии с ними; и никто из них, как правило, не замечает того движения, которое назревает повсюду в глубине, в низших слоях, и не заметит опасности до тех пор, пока не станет уже слишком поздно.

В «Star» ** все еще не был опубликован приговор, вынесенный парижским трибуналом бастовавшим плотникам, которым было предъявлено обвинение в незаконной коалиции [152]. Венсан, руководитель, приговорен к трем годам, двое других — к году и еще несколько человек — кажется, к шести месяцам (тюрьмы). Тем не менее плотники все еще не приступают к работе, по крайней мере те, чьи хозяева не пошли на уступки. Две трети предпринимателей согласились с требованиями рабочих, но в связи с вышеупомянутым приговором пильщики (scieurs-à-long) и другие строительные рабочие тоже прекратили работу. Это дело принесло огромную пользу.

Написано Ф. Энгельсом между 14 и 18 сентября 1845 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 410, 20 сентября 1845 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

---

* — Елизавета. *Ред.*

** — «Northern Star». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

«МОЛОДАЯ ГЕРМАНИЯ» В ШВЕЙЦАРИИ [153]

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА!

«*Constitutionnel Neuchâtelois*» публикует пространный, по-видимому, официальный отчет об «обширном заговоре атеистов, получившем распространение по всей Швейцарии». Мы приводим следующие выдержки из этого отчета:

После того как недавно было раскрыто коммунистическое тайное общество в кантоне Невшатель, была обнаружена другая, более опасная организация, раскинувшая свои сети по всему Швейцарскому союзу и имеющая целью ниспровергнуть с *помощью атеизма* основные принципы морали и революционизировать Германию любым способом, *не исключая цареубийства*. Члены этой организации, известной под именем «*Молодой Германии*»[154] или «*Леманской конфедерации*», — почти все без исключения немецкие рабочие, а также несколько давнишних политических эмигрантов. На основании сведений, полученных в штаб-квартире заговорщиков, в Лозанне, руководители большого клуба в Шо-де-Фоне были арестованы и назначена следственная комиссия, которая выявила следующие факты. Это тайное общество, существующее с 1838 г., возглавляется гг. Штандау и Дёлеке — преподавателями немецкого языка, В. Марром — редактором их газеты * и Гофманом — аптекарем. С этим обществом, по-видимому, были также связаны д-р Файн и д-р Раушенплатт — немецкие эмигранты; первый арестован в Люцерне по обвинению в участии в недавней гражданской войне **; второй — в Страсбурге.

Устав этой организации содержит следующие пункты: общество по существу и по необходимости является тайным, его цель — политическая пропаганда. Каждый член общества обязан оставаться в ее рядах до 40-летнего возраста, посвящая все свои силы достижению ее целей, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Каждый член обязуется уничтожать все письменные документы, которые могут навести на след организации или ее членов. В Швейцарии образован центр, который

---

* — «Blätter der Gegenwart für sociales Leben». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 198—199. *Ред.*

поддерживает связь со всеми членами организации, возвращающимися в Германию, и руководит всей деятельностью. Никто не может быть принят в члены организации, если открыто не признает себя *атеистом и революционером*.

Благодаря невероятной активности своих членов среди немецких рабочих, которые составляют в Швейцарии текучее население около 25 000 человек, этому обществу удалось организовать филиальные клубы в следующих 26 городах Швейцарии: Каруж, Нион, Роль, Обонн, Морж, Лозанна, Эгль, Веве, Ивердон, Мудон, Пайерн, Шо-де-Фон, Флерье, Берн, Биль, Сент-Имье, Поррантрюи, Бургдорф, Кур, Цуг, Цюрих, Винтертур, Базель, Люцерн, Фрибург и Женева; кроме того, два клуба существуют во Франции — в Страсбурге и Марселе. Каждые шесть месяцев делегаты клубов собираются в одном из этих пунктов, на клуб которого в течение последующих шести месяцев возлагаются функции руководства общими делами. Невероятная активность и поистине дьявольские методы, которые используют эти пропагандисты для привлечения немцев, действительно страшны. Один из них пишет из Цюриха в центр:

«Мы вынуждены соблюдать чрезвычайную осторожность, ибо большинство вновь прибывающих людей запугано указами и угрозами германских правительств. Они ни за что не вступят в клуб, если им не скажут, что это не политический клуб. Поэтому мы обязаны обращаться с ними очень осторожно, чтобы наставить их шаг за шагом на правильный путь, и главная задача в этом отношении — показать им, что религия является лишь сплошной нелепостью и старым хламом. Единственное, что мы можем сделать здесь, это подготовить их для вступления в клубы Французской Швейцарии, и туда мы направляем тех, кто намерен покинуть Цюрих».

Когда клуб города Морж решил наладить связь с жестянщиками этого города, среди которых не было ни одного члена, руководители клуба немедленно написали в центр письмо с просьбой прислать им жестянщика, достаточно толкового, чтобы привлечь этих рабочих в общество. Все клубы вели переписку как между собой, так и с центром. Эта корреспонденция частично захвачена, и ее содержание показывает, насколько весь заговор пропитан революционным духом. В каждом клубе имелся комитет по подготовке вопросов для дискуссии. Дебаты охватывали все политические, социальные и религиозные вопросы. Некоторые клубы были сравнительно богаты и имели библиотеку, читальню, пианино и т. д.; они были снабжены всем, что могло привлечь рабочих. Наиболее влиятельные клубы были в Женеве, Берне, Цюрихе, Лозанне и Шо-де-Фоне; последний (находясь в очень маленьком городе) насчитывал 200 членов; и если мы учтем, что в этом городе, кроме «Молодой Германии», существовал еще очень многочисленный Коммунистический клуб, то мы смело можем сказать, что атеисты и коммунисты в Швейцарии исчисляются тысячами. В организации имелся тайный агитационный комитет, который вообще не был известен широкому кругу членов, однако в каждом клубе были один или два таких «пропагандиста», задачей которых являлось поддерживать энтузиазм, направлять заседания и развивать атеистический и революционный дух. К сожалению, они весьма преуспели в этом, о чем свидетельствует тот факт, что «дьявольский» периодический орган «Молодой Германии», издаваемый Марром, насчитывал около 500 подписчиков только среди рабочих. Эта газета открыто провозглашает атеизм своим принципом. «Германия, — пишет газета, — нуждается в политической, религиозной и социальной революции; и если религия и политика в ходе этой революции развеятся как дым, тем лучше; социально преобразованный человек выйдет из этого чистилища лучше и чище».

Таков отчет, который всецело написан в подлом и клеветническом духе. «Молодая Германия» существовала в Швейцарии с 1831 г., когда в результате многих волнений в Германии большое число молодых людей, студентов, рабочих и т. д. вынуждены были покинуть свою страну. После периода значительной активности эта организация пришла в упадок в 1837 г., когда вообще во всей Европе *буржуазным* правительствам удалось подавить дух политической агитации. Вскоре, однако, коммунистические клубы стали возникать в тех же местах, где раньше зародилась «Молодая Германия», на берегах Леманского озера *, и началась оживленная полемика между ними и этой чисто политической организацией. Эта полемика перешла в постоянный спор и решительную вражду между обеими партиями; главным результатом было, однако, то, что «Молодая Германия» вынуждена была расширить поле своей деятельности и не только более четко определить свои политические принципы как радикальные, республиканские и демократические, но и заняться также социальными вопросами. В то время как буржуазия Германии убивает свое время на движение «немецких католиков» и на «реформу протестантской церкви», в то время как она носится с Ронге и участвует в игре «Друзей света»[155], делая таким образом своей главной целью достижение нескольких очень незначительных, почти незаметных и никчемных (но зато буржуазных) реформ в религиозной области, рабочие нашей страны читают и усваивают произведения таких великих немецких философов, как Фейербах и др., и берут на вооружение результаты их исследований, какими бы радикальными эти выводы ни казались. Немецкий народ не религиозен. Иначе возможно ли было бы отвлечь от религии такое множество людей не только в Швейцарии, но и во Франции, Англии и у нас в Германии за такой короткий срок? Я отсылаю читателей к тому, что говорил на предпоследней неделе относительно движения буржуазии и движения рабочего класса[156]. Думаю, что раскрытые факты подкрепляют мое утверждение.

Написано Ф. Энгельсом между 20 и 26 сентября 1845 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 411, 27 сентября 1845 г. с пометкой редакции: «От нашего немецкого корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 11, 1970 г.

---

* Французское название Женевского озера. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ВЫСЫЛКИ КОММУНИСТОВ

ГЕРМАНИЯ

11 октября власти великого герцогства Гессен конфисковали в Дармштадте в помещении издательства первый номер коммунистического журнала «*Rheinische Jahrbücher*» *, редактируемый Пютманом. Однако было найдено только 55 экземпляров, остальная часть тиража была уже распродана. Издатель, г-н Леске, был тогда же предупрежден, что журнал будет поставлен под надзор полиции, которой придется предварительно предъявлять каждый номер для получения специального разрешения на выпуск; в случае неподчинения издателю грозит штраф в 500 флоринов (45 фунтов стерлингов), или в зависимости от существа дела, — тюремное заключение. Этот удар, направленный против коммунистов и одновременно против той немногочисленной свободной прессы, которую мы имеем в Германии, однако не достигнет цели. Существуют сотни способов избежать этого противозаконного вмешательства, которое, несомненно, явилось следствием подстрекательства со стороны ненавистного прусского правительства. Это же прусское правительство добилось от саксонских властей высылки нескольких известных писателей из Лейпцига, в том числе г-на В. Марра, одного из руководителей того тайного заговора «Молодой Германии» в Швейцарии [154], о котором я упоминал в своей последней корреспонденции **. В этом случае, так же как и в деле Вейтлинга в прошлом году [157], власти побоялись арестовать и предать суду представителей этого направления, хотя имели законный предлог; они ограничились их высылкой.

* — «Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 285—287. *Ред.*

ШВЕЙЦАРИЯ

Демократическое правительство выслало из кантона Во г-на А. Беккера, талантливого немецкого писателя-коммуниста, а также г-на С. Шмидта и д-ра Кульмана, принадлежащих к той же партии, и распустило Немецкий коммунистический клуб в Лозанне. Радикальное правительство в Цюрихе поступило таким же образом, выслав д-ра Пютмана, редактора вышеупомянутого «*Rheinische Jahrbücher*», также принадлежащего к коммунистической партии.

Написано Ф. Энгельсом в середине октября 1845 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 415, 25 октября 1845 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПЕШЕ О САМОУБИЙСТВЕ [158]

Французская критика *общества* обладает, по крайней мере отчасти, тем большим преимуществом, что она показала противоречия и уродство современной жизни не только во взаимоотношениях отдельных классов, но и во всех сферах и проявлениях нынешних форм общения [Verkehr], причем сделала это в описаниях, полных непосредственной жизненной правды, широты кругозора, светской манеры и смелой оригинальности, которые мы напрасно стали бы искать у представителей других наций. Достаточно, например, сравнить критические описания Оуэна и Фурье, поскольку они касаются живых отношений, чтобы получить представление о превосходстве французов. И не только у собственно «социалистических» писателей Франции надо искать критическое изображение состояния общества; мы найдем его у писателей любой области литературы, но в особенности в романах и мемуарной литературе. В качестве примера этой французской критики я приведу несколько выдержек о *«самоубийстве»* из книги Жака *Пеше* «Мемуары, извлеченные из архива полиции» и т. д., которые вместе с тем должны показать, насколько обосновано представление буржуазных филантропов, будто все дело сводится к тому, чтобы дать пролетариям немного хлеба и образования, будто только рабочий страдает при нынешнем состоянии общества, а в остальном существующий мир есть лучший из миров.

У Жака Пеше, как и у многих принадлежащих к старшему поколению, теперь почти вымершему, французских практиков, переживших многочисленные перевороты, имевшие место с 1789 г., многочисленные заблуждения, увлечения, консти-

Обложка журнала «Gesellschaftsspiegel»,
в котором опубликованы статья К. Маркса и Ф. Энгельса
«Ответ на антикритику Б. Бауэра»
и работа К. Маркса «Пеше о самоубийстве»

туции, смены властителей, поражения и победы, — критика существующих имущественных, семейных и прочих частных отношений, одним словом, *частной жизни* является неизбежным результатом их политического опыта.

Жак Пеше (родился в 1760 г.) перешел от изящной литературы к медицине, от медицины к юриспруденции, от юриспруденции к административной деятельности и к полицейскому делу. Перед началом французской революции он работал вместе с аббатом Морелле над торговым словарем, причем появился только проспект его, и занимался тогда преимущественно вопросами политической экономии и администрации. Лишь очень недолгое время Пеше был сторонником французской революции; очень скоро он примкнул к роялистской партии, в течение некоторого времени был главным редактором «La Gazette de France» и позднее принял даже от *Малле дю Пана* пресловутый роялистский «Mercure» *. Впрочем лавировал Пеше очень ловко в годы революции, то подвергаясь преследованиям, то занимая должности в департаменте управления и полиции. Выпущенная им в 1800 г. «Коммерческая география»[159] в 5 томах большого формата привлекла к нему внимание *Бонапарта*, первого консула, и он был назначен членом совета торговли и искусств. Позднее, при министерстве Франсуа де Нёфшато, Пеше занял более высокий административный пост. В 1814 г., при Реставрации, он стал цензором. Во время Ста дней[160] он отошел от дел. По восстановлении власти Бурбонов он получил пост хранителя архива полицейской префектуры в Париже, который занимал до 1827 года. *Пеше* и непосредственно и в качестве писателя оказывал известное влияние на ораторов Учредительного собрания, Конвента, Трибуната, а также палаты депутатов в период Реставрации. Среди его многочисленных, преимущественно экономических, работ, кроме упомянутой уже «Коммерческой географии», наиболее известной является «Статистика Франции» (1807 г.)[161].

Пеше написал свои мемуары, материал для которых он собрал отчасти в полицейских архивах Парижа, отчасти в ходе своей долголетней практики в полиции и в административном ведомстве, уже будучи *стариком*, и разрешил напечатать их только *после своей смерти;* так что его ни в коем случае нельзя причислить к *«скороспелым»* социалистам и коммунистам, которым, как известно, недостает поразительной основательности и всеобъемлющих знаний большинства наших заурядных писателей, чиновников и практичных буржуа.

* — «Mercure de France». *Ред.*

Послушаем, что говорит наш хранитель архива полицейской префектуры Парижа о *самоубийстве!*

Ежегодное число самоубийств, которое является у нас до некоторой степени нормальным и периодическим, следует рассматривать как симптом плохой организации нашего общества; ведь во время застоя промышленности и ее кризисов, в периоды дороговизны съестных припасов и в суровые зимы этот симптом всегда более очевиден и принимает эпидемический характер. Проституция и воровство растут тогда в той же пропорции. Хотя нужда является самой главной причиной самоубийства, мы тем не менее встречаем его во всех классах, среди праздных богачей, как и среди художников и политических деятелей. Разнообразие толкающих на самоубийство причин является как бы вызовом однообразному и черствому порицанию моралистов.

Чахотка, против которой современная наука инертна и бессильна, попранная дружба и обманутая любовь, посрамленное честолюбие, семейные неурядицы, подавленный дух соперничества, пресыщение монотонной жизнью, не находящий применения энтузиазм — являются, бесспорно, побудительными причинами самоубийства у более богатых натур, и сама любовь к жизни, эта наиболее мощная движущая сила отдельной личности, очень часто ведет к тому, чтобы покончить с вызывающим отвращение существованием.

Мадам *де Сталь* *, самая большая заслуга которой состоит в том, что она блестяще стилизовала общие места, пыталась показать, что самоубийство противоестественный поступок и что его нельзя считать актом мужества; она прежде всего установила, что более достойно бороться против отчаяния, чем поддаваться ему. Такого рода доводы мало действуют на души, сломленные несчастьем. Если они религиозны, то рассчитывают на лучший мир; если, наоборот, ни во что не верят, то ищут покоя в небытии. Философские тирады в их глазах не имеют никакого значения и являются слабым прибежищем против страдания. Прежде всего, нелепо утверждать, будто поступок, который столь часто совершается, является противоестественным; самоубийство ни в какой мере не противоестественно, раз мы каждый день бываем его свидетелями. То, что противоестественно, не происходит. Напротив, *в природе нашего общества* порождать большое количество самоубийств, между тем как у татар, например, не бывает самоубийств. *Не все общества, следовательно, порождают одинаковые плоды,* — вот что надо помнить, если хочешь работать над преобразованием нашего общества и поднять его на более высокую ступень. Что же касается мужества, то если мужественным считается тот, кто среди бела дня, в возбуждающей обстановке сражения, смотрит прямо в глаза смерти, то ничто не доказывает отсутствия мужества у человека, который сам лишает себя жизни в мрачном одиночестве. Такой спорный вопрос не разрешается оскорблением мертвых.

Все, что было сказано против самоубийства, вращается в том же кругу идей. Ему противопоставляют веления провидения, но самое наличие самоубийства есть открытый протест против этих невразумительных велений. Нам говорят о наших обязанностях по отношению к этому обществу, не указывая, с другой стороны, на наши права в этом обществе и не осуществляя их; считается, наконец, в тысячу раз большей заслугой преодолеть страдание, чем поддаться ему, заслугой столь же печальной, как и перспектива, которую она открывает. Одним словом, самоубийство

---

* Здесь и далее в цитируемом тексте курсив Маркса. *Ред.*

объявляют актом трусости, преступлением против законов, общества * и чести.

Почему же, несмотря на столь многочисленные анафемы, люди сами лишают себя жизни? Потому что в жилах отчаявшихся людей кровь течет не так, как кровь холодных существ, которые находят время расточать эти бесплодные речи. *Человек кажется загадкой для другого; его умеют только порицать, но его не знают.* Когда видишь, как легкомысленно распоряжаются жизнью и смертью народов институты, под господством которых живет Европа, как цивилизованная юстиция окружает себя богатым арсеналом тюрем, наказаний, орудий смерти для санкционирования своих сомнительных решений; когда видишь неслыханное число людей различных классов, обрекаемых со всех сторон на нищету, и социальных париев, к которым относятся заведомо с грубым презрением, возможно, чтобы избавить себя от хлопот вырвать их из грязи; когда видишь все это, то становится непонятным, на каком основании можно предписывать отдельной личности дорожить существованием, как таковым, если при этом попираются наши привычки, наши предрассудки, наши законы и вообще наши нравы.

Полагали, что можно удержать от самоубийства унизительными наказаниями и чем-то вроде позора, которым клеймят память виновных. Нужно ли говорить, как недостойно клеймить позором людей, которых уже нет среди живых, чтобы защитить себя? Впрочем, несчастных это мало волнует; и если самоубийство обвиняет кого, то прежде всего тех людей, которые остались в живых, так как в этой массе ни один не заслужил того, чтобы ради него продолжать жить. Имели ли успех придуманные людьми наивные и жестокие меры в борьбе против нашептываний отчаяния? Какое дело человеку, желающему бежать из этого мира, до тех оскорблений, которые мир обещает нанести его трупу? Он видит в этом только еще одно проявление подлости со стороны живущих. *Что это, в самом деле, за общество, где испытываешь самое глубокое одиночество среди многих миллионов, где можно поддаться непреодолимому желанию лишить себя жизни, причем так, чтобы никто об этом не догадался? Это общество — не общество; оно, как говорит Руссо, пустыня, населенная дикими зверями.* На тех должностях, которые я занимал в полицейском управлении, самоубийства ** относились отчасти к моей компетенции. Я хотел узнать, нет ли среди побуждающих к ним мотивов таких, действие которых можно было бы предупредить. Я предпринял на этот предмет огромную работу. Я нашел, что кроме *коренного преобразования существующего общественного порядка* все остальные попытки будут напрасны ***.

Среди причин отчаяния, которые побуждают очень нервных, страстных и глубоко чувствующих людей искать смерти, я обнаружил в качестве преобладающего явления, дурное обращение, несправедливости, тайные наказания, которым суровые родители и начальники подвергают лиц, от них зависящих. *Революция уничтожила не все виды тирании; зло, в котором упрекали самодержавную власть, существует еще в семьях; оно вызывает здесь кризисы, аналогичные революциям.*

Соотношение интересов и чувств, подлинные отношения между людьми, *по существу,* только еще предстоит создать среди нас, и *самоубийство лишь один из тысячи и одного симптома всеобщей, всегда готовой к новым проявлениям, социальной борьбы;* от этой борьбы очень многие борющиеся

---

* Слово: «общества» вставлено Марксом. *Ред.*

** У Пеше: «следствия о *самоубийствах*». *Ред.*

*** Эта фраза добавлена Марксом. У Пеше вместо нее сказано: «Не вдаваясь в теории, я приведу факты». *Ред.*

устраняются, так как устали числиться среди жертв, или возмущаются при одной мысли о возможности занять почетное место среди палачей. Если требуются некоторые примеры, я могу извлечь их из подлинных протоколов.

В июле 1816 г. дочь одного портного была обручена с мясником, хорошо воспитанным молодым человеком, бережливым и трудолюбивым, сильно влюбленным в свою красавицу-невесту, которая в свою очередь была ему очень предана. Молодая девушка была швеей; она пользовалась уважением всех знавших ее, и родители жениха нежно ее любили. Эти славные люди не упускали случая завоевать симпатии своей невестки; придумывали развлечения, где она была царицей и идолом.

Наступило время свадьбы; все распоряжения между обоими семействами были сделаны, все соглашения заключены. В тот вечер, который был назначен, чтобы отправиться в муниципалитет, молодая девушка и ее родители должны были ужинать в семье жениха. Но этому помешал малозначительный непредвиденный случай. Исполнение заказа для одного из его богатых клиентов задержало портного и его жену дома. Они извинились. Но мать жениха сама пришла за своей невесткой, получившей разрешение родителей отправиться с ней.

Несмотря на отсутствие двух главных гостей, ужин был чрезвычайно веселый. Очень много шутили на семейные темы, которые допускала перспектива свадьбы. Пили, пели. Говорили о будущем. Очень живо обсуждались радости счастливого брака. За столом засиделись до глубокой ночи. По легко понятному снисхождению родители молодого человека не обращали внимания на молчаливую договоренность обрученных. Рука искала руку, любовь и близость ударили им в голову. Кроме того, на брак смотрели как на заключенный, молодые люди уже давно посещали друг друга и не подавали повода ни к малейшему упреку. Умиление родителей жениха, поздний час, взаимные страстные желания, поощряемые снисходительностью их менторов, непринужденное веселье, которое обыкновенно царит при таких пиршествах, все это вместе взятое, и легко представившийся случай, и вино, которое горячило голову, — все благоприятствовало исходу, который легко можно было предвидеть. Любящие нашли друг друга в темноте, когда свечи погасли. Все делали вид, что ничего не замечают и не подозревают. Здесь счастье молодых людей вызывало лишь радость и никакой зависти.

Молодая девушка вернулась только на следующее утро к своим родителям. Как мало она считала себя виновной, видно уже из того, что она вернулась одна. Она проскользнула в свою комнату и привела в порядок свой туалет. Но как только родители увидели свою дочь, они с яростью набросились на нее, стали осыпать ее бранью и самыми постыдными именами. Соседи были свидетелями этого, скандал не имел границ. Можно представить себе потрясение этого ребенка, чувства, которые испытывала девушка от позора и оскорбительного нарушения самой ее тайны. Напрасно доказывала потрясенная девушка своим родителям, что они сами компрометируют ее, что она признает свою неправоту, свою глупость, свое непослушание, но что все можно исправить. Ее доводы и ее страдание не подействовали на портного и его супругу.

Самые трусливые, неспособные к сопротивлению люди становятся неумолимыми там, где они *могут проявить абсолютный родительский авторитет*. *Злоупотребление последним* является для них *грубым вознаграждением* за ту покорность и зависи-

мость, которые они добровольно или против воли проявляют в буржуазном обществе.

На шум сбежались кумовья и кумушки и составили хор. Чувство стыда за эту отвратительную сцену привело девушку к решению лишить себя жизни; быстрыми шагами спустилась она по лестнице, пробежала через толпу позорящих и проклинающих ее кумушек, с блуждающим взглядом устремилась к Сене * и бросилась в реку. Лодочники вытащили ее из воды уже мертвой в свадебном наряде. Как и следовало ожидать, те, кто вначале кричали на дочь, тотчас же обрушились на родителей: катастрофа напугала их ничтожные души. Спустя несколько дней родители пришли в полицию потребовать золотую цепь, которую девушка носила на шее, подарок ее будущего свекра, серебряные часы и многие другие драгоценности — все предметы, которые были доставлены в отделение. Я не упустил случая со всей силой упрекнуть этих людей в их неблагоразумии и жестокости. Сказать этим безумцам, что им придется держать ответ перед богом, было бы бесполезно; это произвело бы на них очень слабое впечатление ввиду узких предрассудков и своеобразной религиозности, господствующей в низших меркантильных классах.

Жадность привела их сюда, а не желание обладать двумя или тремя реликвиями; я считал возможным наказать именно их жадность. Они требовали драгоценности своей юной дочери; я отказал им в выдаче, задержал свидетельства, необходимые для получения вещей из кассы, куда они были сданы на хранение. Пока я находился на этом посту, все их требования были напрасны, и я находил удовлетворение в том, что противостоял их оскорблениям.

В том же году ко мне в отделение явился молодой креол, очаровательной наружности, из одной из самых богатых семей Мартиники. Он категорически возражал против выдачи трупа молодой женщины, своей золовки, заявителю — его собственному брату, ее мужу. Она утопилась. Этот вид самоубийства чаще всего встречается. Тело было найдено служащими, назначенными для вылавливания трупов, недалеко от набережной д'Аржантёй. Из известного инстинкта стыдливости, свойственного женщинам даже в момент самого глубокого отчаяния, утопленница тщательно обернула ноги подолом своего платья. Эта стыдливая предосторожность ясно указывала на самоубийство. Сейчас же после того, как она была найдена, она была доставлена в морг. Ее красота, ее молодость и богатая одежда дали повод к тысяче предположений о причине катастрофы. Отчаяние ее мужа, который первым ее опознал, было безгранично; он не мог осмыслить своего горя, — по крайней мере так мне сказали; я сам никогда прежде его не видел. Я доказывал креолу, что требование мужа, который тут же заказал мраморный памятник для своей несчастной жены, должно быть уважено в первую очередь. «После того, как он ее убил, чудовище!» — с яростью кричал креол, бегая взад и вперед по комнате.

По возбуждению, по отчаянию этого молодого человека, по его мольбам удовлетворить его желание, по его слезам я смог заключить, что он ее любил, и сказал ему об этом. Он сознался в своей любви, но с жаром уверял, что его золовка никогда об этом ничего не знала. Он клялся в этом. Только для спасения репутации своей золовки, самоубийство которой общественное мнение, по обыкновению, припишет какой-нибудь интриге, он хочет придать гласности жестокие поступки своего брата, если бы даже ему самому пришлось из-за этого сесть на скамью подсудимых. Он просил о моей поддержке. Вот что я мог понять из его отрывочных, страстных

* Слова: «устремилась к Сене» добавлены Марксом. *Ред.*

объяснений. Г-н М., его брат, богатый человек, ценитель искусства, любитель роскоши и высших кругов, женился около года тому назад на этой молодой женщине, — как казалось, по взаимному влечению. Это была самая красивая пара, какую только можно было встретить. После женитьбы в организме молодого супруга внезапно и с большой силой обнаружился какой-то, — возможно, наследственный, — порок в крови. Этот человек, прежде так гордившийся своей красивой внешностью, своей изящной осанкой, беспримерным совершенством и законченностью форм, вдруг сделался жертвой неизвестной болезни, против разрушительного действия которой наука была бессильна; он ужасным образом изменился с головы до ног. Он лишился всех волос, позвоночник его искривился. С каждым днем худоба и морщины все больше уродовали его, по крайней мере, в глазах других, так как из самолюбия он пытался отрицать самое очевидное. Но, несмотря на все это, он не слег в постель; железная сила, казалось, торжествовала над приступами этой болезни. Он отчаянно преодолевал свое собственное разрушение. Тело превратилось в развалины, а душа была бодра. Он продолжал задавать пиры, устраивать охоты и вести богатый и пышный образ жизни, что, казалось, было законом его характера и натуры. Однако оскорбления, остроты и шутки школьников и уличных мальчишек, когда он на прогулках объезжал свою лошадь, невежливые и иронические насмешки, услужливые предупреждения друзей относительно бесчисленных проявлений комизма его упорного стремления сохранить галантность с дамами — все это уничтожило, наконец, его иллюзии и сделало его осмотрительным по отношению к самому себе. Как только он осознал свое безобразие и свое уродство, как только он ясно понял это, его характер ожесточился, он пал духом. Он стал менее усердно водить свою жену на вечера, балы, концерты; он переселился в свой загородный дом, прекратил все приглашения, стал избегать людей под всякими предлогами. Любезности его друзей по отношению к его жене, которые он терпел, пока гордость давала ему уверенность в своем превосходстве, сделали его ревнивым, вспыльчивым, подозрительным. В каждом, кто продолжал его упорно посещать, он видел твердую решимость покорить сердце его жены, которая оставалась его последней гордостью и последним утешением. В это время прибыл наш креол с Мартиники по делам, от успеха которых зависело, казалось, возвращение Бурбонов на французский престол. Его золовка приняла его очень хорошо. При крушении бесчисленных связей, которые у нее были, вновь прибывший имел преимущество, которое ему совершенно естественно давало положение брата в глазах г-на М. Наш креол предвидел изоляцию, которая создастся вокруг дома его брата, как вследствие прямых ссор его брата со многими друзьями, так и вследствие тысячи его косвенных способов отваживать и обескураживать посетителей. Не отдавая себе самому отчета в любовных мотивах, которые делали его самым ревнивым, креол одобрял это стремление изолироваться и даже благоприятствовал ему своими советами. Г-н М. кончил тем, что совсем удалился в красивый особняк в Пасси, который через короткое время превратился в пустыню. Ревность питается самыми мелкими поводами; если она не знает, к чему привязаться, она пожирает самое себя и становится изобретательной; все служит ей пищей. Возможно, что молодая женщина стремилась к развлечениям, свойственным ее возрасту. Стены скрывали вид на соседние дома; ставни с утра до вечера были закрыты.

Несчастная женщина была осуждена на невыносимое рабство, и г-н М. лишь осуществлял это рабство, опираясь на Code civil и на право собственности, опираясь на такой общест-

венный строй, при котором любовь не зависит от свободного изъявления чувств любящих и ревнивому супругу разрешается держать свою жену за семью замками, подобно тому, как скряге — свой сундук с деньгами, ибо она является лишь частью его имущества.

Г-н М. рыскал ночью с оружием вокруг дома, обходил его с собаками. Ему казалось, что он видит следы на песке, он путался в странных предположениях по поводу лестницы, которая очутилась на другом месте при содействии садовника. Сам садовник, почти 60-летний пьяница, был приставлен к воротам в качестве сторожа. Дух фанатизма не знает границ в своих сумасбродных действиях и доходит до нелепости. Брат, невинный соучастник всего этого, понял, наконец, что он содействует несчастью молодой женщины, которую стерегли изо дня в день, оскорбляли, лишали всего, что могло развлечь богатую и счастливую фантазию; она стала столь же мрачна и меланхолична, сколь прежде была свободна и весела. Она плакала и скрывала свои слезы, но следы их были очевидны. Креола стали мучить угрызения совести. Решившись открыто объясниться со своей золовкой и исправить ошибку, происшедшую, без сомнения, из скрытого чувства любви, он пробрался однажды утром в рощицу, куда пленница ходила иногда подышать воздухом и ухаживать за своими цветами. Пользуясь этой ограниченной свободой, она, по-видимому, знала, что находится под надзором своего ревнивого супруга, так как при виде своего деверя, очутившегося в первый раз и неожиданно в ее присутствии, молодая женщина была чрезвычайно потрясена. Ломая себе руки, она с испугом крикнула ему: «Уходите, ради бога! Уходите!»

И, действительно, едва успел он скрыться в оранжерее, как вдруг появился г-н М. Креол услышал крик. Он стал прислушиваться; биение его сердца мешало ему разобрать хоть одно слово объяснения, которому это бегство, если бы супруг его обнаружил, могло придать печальный исход. Этот случай взбудоражил деверя. Он понял необходимость с этого дня стать защитником жертвы. Он решился отказаться от всякой сокровенной любовной мысли. Любовь может всем пожертвовать, но не своим правом покровительства, так как эта последняя жертва была бы жертвой труса. Он продолжал посещать своего брата, готовый открыто поговорить с ним, быть с ним откровенным, все ему сказать. Г-н М. не питал еще никаких подозрений с этой стороны, но эта настойчивость брата вызвала их. Неулавливая ясно причины его интереса, г-н М. стал недоверчиво относиться к брату, заранее рассчитав, к чему это может привести. Креол вскоре заметил, что его брат не всегда отсутствовал, как он потом утверждал, когда посетители напрасно звонили у ворот дома в Пасси. Слесарь-подмастерье изготовил ему ключ по образцу тех, которые его хозяин сделал для г-на М. После десятидневного отсутствия креол, мучимый страхом и самыми безумными химерами, ночью перебрался через стену, взломал решетку у главных ворот, взобрался на крышу по лестнице и спустился по водосточной трубе под окно амбара. Громкие стоны побудили его незаметно добраться до стеклянной двери. То, что он увидел, заставило сердце его сжаться. Свет лампы освещал альков. За занавесками, с растрепанными волосами, с лицом красным от ярости, г-н М., полунагой, скорчившись возле своей жены, на кровати, которую она не решалась оставить, хотя и отстранялась всячески от него, осыпал ее колкими упреками и походил на тигра, готового разорвать ее на части. «Да, говорил он ей, я безобразен, я чудовище, и я это слишком хорошо знаю, я внушаю тебе страх. Ты желаешь, чтобы тебя освободили от меня, чтоб мой вид не удручал тебя.

Ты жаждешь того момента, который освободит тебя. Не возражай мне, я угадываю твои мысли по твоему испугу, по твоему сопротивлению. Ты краснеешь от недостойных насмешек, которые я вызываю; ты внутренне возмущаешься против меня! Ты, без сомнения, считаешь минуты, когда я больше не буду досаждать тебе своими физическими недостатками и своим присутствием. Довольно! Мной овладевают отвратительные желания, стремление обезобразить тебя, сделать тебя похожей на меня, чтобы у тебя не осталось надежды утешаться с любовниками в том несчастии, что ты меня когда-то знала. Я разобью все зеркала этого дома, чтобы не видеть в них контраста, чтобы они больше не служили пищей для твоей гордости. Неправда ли, я должен был вывозить тебя в свет или пускать тебя одну, чтобы видеть, как каждый будет поощрять твою ненависть ко мне? Нет, нет, ты не оставишь этого дома, не убив меня! Убей меня, сделай то, что я каждый день чувствую искушение сделать сам». И дикарь катался по кровати с громким криком, со скрежетом зубовным, с пеной на губах, с тысячью симптомов бешенства, сам нанося себе удары в своей ярости, вблизи этой несчастной женщины, которая расточала ему самые нежные ласки и патетические мольбы. Наконец она его укротила. Сострадание, без сомнения, заменило любовь; но его было недостаточно этому, ставшему столь страшным, человеку, страсти которого сохранили еще всю свою силу. Эта сцена повергла креола в глубокое уныние, он впал в оцепенение. Его охватил страх, и он не знал, к кому обратиться, чтобы спасти несчастную от этих пыток. Такие сцены, очевидно, повторялись каждый день, так как во время припадков судорог, которые за ними следовали, г-жа М. прибегала к пузырькам с лекарствами, которые были для этой цели приготовлены, чтобы несколько успокоить своего палача. Креол в данный момент был единственным представителем семейства г-на М. в Париже. В таких именно случаях особенно заслуживает проклятия медлительность судебных процедур, беззаботность законов, которые не могут ни на шаг отступиться от своей рутины, в особенности, когда дело касается женщины, существа, которому законодатель предоставил минимальные гарантии. Приказ об аресте, какая-либо другая произвольная мера могли бы предупредить несчастье, которое свидетель этой неистовой злобы слишком хорошо предвидел. Он, однако, решился испробовать все средства, взять на себя последствия, так как его состояние давало ему возможность принести огромные жертвы и не бояться ответственности за слишком смелое предприятие. Уже несколько врачей из числа его друзей, такие же решительные, как и он, подготовляли вторжение в дом г-на М., чтобы констатировать моменты этого безумия и насильно разлучить супругов, когда случай самоубийства оправдал слишком запоздалые предупредительные меры и помог выйти из положения.

Конечно, для каждого, кто не ограничивается буквальным смыслом слов, это самоубийство было *убийством*, совершенным мужем *; но оно было также результатом припадка необыкновенной ревности. Ревнивец нуждается в рабе, ревнивец может любить, но любовь для него только роскошь, дополняющая чувство ревности **. *Ревнивец прежде всего частный собственник*. Я помешал креолу учинить бесполезный и опасный скандал, опасный прежде всего для памяти любимой им женщины, так как праздная публика обвинила бы жертву в супружеской измене и в связи с братом мужа. Я присутствовал на похоронах. Никто, кроме брата и меня, не знал истины. Я слышал вокруг недостойные разговоры по поводу этого

* Слова: «совершенным мужем» добавлены Марксом. *Ред.*

** Эта и следующая фраза, выделенная Марксом курсивом, заимствованы им из описания Пеше другого случая самоубийства. *Ред.*

самоубийства, но не обращал на них внимания. Краску стыда вызывает общественное мнение, когда наблюдаешь его вблизи, с его трусливым озлоблением и грязными предположениями. Общественное мнение слишком расколото изолированностью людей, слишком невежественно, слишком испорчено, так как каждый чужд себе, и все взаимно чужды друг другу *.

Редко, впрочем, проходила неделя, которая бы не приносила мне других разоблачений подобного рода. В том же году я зарегистрировал любовные связи, окончившиеся, вследствие нежелания родителей дать свое согласие, двумя выстрелами из пистолета.

Я отмечал также самоубийства светских людей, доведенных до импотентности во цвете лет, которых злоупотребление наслаждением привело в состояние непреодолимой меланхолии.

Многие люди лишают себя жизни под гнетом мысли, что медицина, после долгих бесполезных мучений посредством изнуряющих врачебных предписаний, окажется неспособной избавить их от их недугов.

Можно было бы составить замечательный сборник из цитат знаменитых авторов и стихотворений, написанных отчаявшимися людьми, желавшими обставить свою смерть с определенным блеском. В тот момент удивительного хладнокровия, который следует за решением умереть, в душе является какое-то заразительное воодушевление, и оно изливается на бумагу, даже у представителей тех классов, которые лишены всякого образования. Собираясь с мыслями перед жертвой, глубину которой они обдумали, они всю свою силу сосредоточивают на том, чтобы излить себя в каком-нибудь одном ярком и характерном выражении.

Некоторые из этих стихотворений, погребенные в архивах, представляют собой мастерские произведения. Какой-нибудь тупоголовый буржуа, который всю душу свою вложил в дело, а бога видит в торговле, может найти все это очень романтичным и, пожалуй, с насмешкой отнесется к страданиям, которых он не понимает; его пренебрежение нас не удивит.

Чего же другого можно ожидать от тех трехкопеечных душонок, которые даже не подозревают, что они ежедневно и ежечасно, по частям сами убивают себя, свою человеческую природу!

Но что сказать о тех добрых людях, которые мнят себя богобоязненными, образованными, а между тем, повторяют эти гнусности? Без сомнения чрезвычайно важно, чтобы бедняки переносили такую жизнь, хотя бы лишь в интересах привилегированных классов этого мира, которых разорило бы массовое самоубийство черни; но разве нет другого средства сделать сносным существование этого класса, кроме оскорблений, насмешек и красивых слов? Притом, эти нищие обладают, по-видимому, известным величием души, если они, решив умереть, сами себя уничтожают, а не избирают путь к самоубийству через эшафот. Правда, чем больше продвигается вперед наша торговая эпоха **, тем реже становятся эти благородные самоубийства, совершаемые нищетой, их место занимает сознательная враждебность, и нищие без оглядки пускаются по пути воровства и убийства. Легче добиться смертной казни, чем работы.

Перебирая полицейские архивы, я нашел только один-единственный очевидный пример трусости в списке самоубийств. Речь шла о молодом

* Эта фраза заимствована Марксом из другого описанного Пеше случая самоубийства и воспроизведена в вольной передаче; заключительные слова: «так как каждый чужд себе, и все взаимно чужды друг другу» добавлены Марксом. *Ред.*

** У Пеше: «эпоха неверия». *Ред.*

американце, Уилфриде Рамсее, который лишил себя жизни, чтобы не драться на дуэли.

Классификация различных причин самоубийства является классификацией *пороков самого нашего общества*. Один лишил себя жизни, потому что интриганы похитили его изобретение, а он, впав в самую ужасную нужду вследствие того, что должен был проделать долгие научные исследования, не мог даже оплатить патент. Другой лишил себя жизни, чтобы избегнуть огромных расходов и унизительного преследования в момент денежных затруднений, которые, впрочем, настолько обычны, что люди, уполномоченные руководить общественными интересами, ни в малейшей степени ими не интересуются. Третий лишил себя жизни, потому что не мог найти работы после того как долгое время страдал от оскорблений и скаредности тех, кто у нас бесконтрольно распределяет работу.

Один врач советовался однажды со мной по поводу смерти, в которой он считал виновным самого себя.

Однажды вечером при возвращении в Бельвиль, где он жил, он был остановлен на маленькой улице, в глубине которой находилась его дверь, женщиной под вуалью. Дрожащим голосом она попросила выслушать ее. В некотором отдалении прогуливался человек, черты лица которого он не мог разглядеть. За ней следил какой-то мужчина. «Милостивый государь, — сказала она ему, — я беременна, и если это откроется, я буду опозорена. Моя семья, мнение света, порядочные люди мне не простят. Женщина, доверие которой я обманула, сойдет с ума и непременно разведется со своим мужем. Я защищаю не свое личное дело. Я являюсь причиной скандала, предотвратить который может только моя смерть. Я хотела лишить себя жизни, но хотят, чтобы я жила. Мне сказали, что вы сострадательный человек, и это дало мне уверенность, что вы не захотите быть соучастником убийства ребенка, если даже этого ребенка еще нет на свете. Вы видите, речь идет об аборте. Я не унижусь до просьбы, до оправдания того, что кажется мне самым предосудительным преступлением. Я уступила только чужим просьбам, обратившись к вам, так как сумею умереть. Я призываю смерть, и для этого мне никого не нужно. Достаточно создать видимость, что находишь удовольствие в поливке сада: надеть для этого деревянные башмаки, выбрать скользкое место, где каждый день ходят за водой, устроить так, чтобы исчезнуть в водоеме, а люди потом скажут, что случилось «несчастье». Я все предусмотрела, милостивый государь. Я хотела, чтобы это произошло завтра утром, я всей душой к этому готова. Все подготовлено. Мне велели вам это сказать, и я вам говорю. Вы должны решить, произойдет ли одно убийство или два убийства, так как я малодушно дала клятву, что все без утайки предоставлю вашему решению. — Решайте!»

«Эта альтернатива, продолжал врач, привела меня в ужас. Голос этой женщины звучал чисто и гармонично; ее рука, которую я держал в своей, была тонка и нежна, ее открытое и решительное отчаяние указывало на большой ум. Но речь шла об одном пункте, по поводу которого я действительно испытывал страх, хотя в тысяче случаев, — например, при тяжелых родах, когда перед хирургом встает вопрос, кого спасать мать или ребенка, политика или человечность без колебаний по своему усмотрению решают этот вопрос».

«Бегите за границу», сказал я. «Невозможно, ответила она, об этом нечего и думать».

«Примите надлежащие меры предосторожности». «Я не могу их принять; я сплю в одной комнате с той женщиной, дружбу которой я предательски обманула». «Это ваша родственница?» «Я не могу вам больше отвечать».

«Я бы многое отдал аа то, продолжал врач, чтобы спасти эту женщину от самоубийства или от преступления или чтобы она вышла из этого конфликта без моей помощи. Я обвинял себя в жестокости, так как испугался соучастия в убийстве. Борьба была ужасная. Затем демон стал мне нашептывать, что желание охотно умереть еще не есть самоубийство; что, отнимая у скомпрометированных людей возможность сделать зло, принуждаешь их отказаться от своих пороков. Я догадывался о роскоши по вышивкам на ее рукавах и о богатстве по изящной дикции ее речи. Ведь есть такой взгляд, что к богатым надо проявлять меньше сострадания. Мое чувство собственного достоинства возмущалось против мысли соблазна деньгами, хотя этот вопрос не был даже затронут, что было лишним доказательством деликатности и уважения ко мне. Я дал *отрицательный* ответ; дама быстро удалилась; стук кабриолета убедил меня, что я не могу уже исправить того, что сделал.

«Через две недели газеты принесли мне разгадку этой тайны. Молодая племянница парижского *банкира*, не старше 18 лет, любимая воспитанница своей тетки, которая не отпускала ее от себя со времени смерти ее матери, поскользнувшись, упала в ручей в имении ее опекунов, в Вильмомбле, и утонула. Ее опекун был безутешен; этот трусливый соблазнитель мог, в качестве дяди, предаваться своему горю на глазах общества».

Как мы видим, за отсутствием лучшего выхода, самоубийство часто является последним средством против неурядиц личной жизни.

Среди причин самоубийства мне очень часто приходилось отмечать потерю должности, отказ в работе, внезапное понижение заработной платы, вследствие чего семьи лишались необходимых средств к существованию, так как большая часть из них живет без всяких сбережений.

В то время, когда в королевском дворце сокращали гвардию, вместе с другими был уволен один порядочный человек, — как и остальные, без особых церемоний. Его возраст и отсутствие протекции не давали ему возможности вновь поступить в армию; в промышленности он не мог найти работы вследствие своей неподготовленности. Он старался поступить в гражданское управление; многочисленные конкуренты, как и везде, преградили ему и этот путь. Он впал в тупое отчаяние и лишил себя жизни. В кармане у него нашли письмо с объяснением его положения. Жена его была бедной швеей; его две дочери, 16 и 18 лет, работали вместе с ней. *Тарно,* наш самоубийца, в оставленных им бумагах говорил: «так как он не может больше быть полезным своей семье и принужден быть в тягость жене и детям, он счел своим долгом лишить себя жизни, чтобы избавить их от этого дополнительного бремени; он поручает своих детей попечению герцогини Ангулемской, он надеется, что герцогиня, в своей доброте, будет иметь сострадание к их несчастью». Я составил доклад полицейскому префекту Англесу и, после того как бумаги прошли все инстанции, герцогиня послала несчастному семейству *Тарно* 600 франков.

Несомненно, это была жалкая помощь после такой утраты! Но как могла бы одна семья * помочь всем несчастным, если, учитывая все, целая Франция в настоящий момент не в состоянии их прокормить. Благотворительности богатых не хватило бы для этого, если бы даже вся наша нация была религиозна, а она далека от этого. *Самоубийство устраняет самую значительную часть затруднений, эшафот — остальные. Только от преобразования всей нашей системы сельского хозяйства и промышленности*

* У Пеше: «королевская семья». *Ред.*

можно ожидать источников дохода и действительного богатства. На пергаментной бумаге легко можно провозгласить конституцию — право каждого гражданина на образование, на труд и прежде всего на известный минимум средств существования. Но тем, что все эти великодушные пожелания записаны на бумаге, сделано еще далеко не все; остается еще непосредственная задача претворить эти либеральные идеи в материальные и разумные социальные * институты.

Античный, языческий мир оставил на земле великолепные творения; отстанет ли современная свобода от своего соперника? Кто спаяет воедино оба эти мощные фактора силы?

Так пишет *Пеше*.

В заключение мы приведем одну из его таблиц о ежегодных самоубийствах в Париже.

Как следует из другой, приведенной *Пеше* таблицы, за время 1817—1824 гг. (включительно) в Париже ** отмечено 2 808 случаев самоубийства. В действительности, разумеется, число их больше. Например, об утопленниках, трупы которых выставляются в морге, только в очень редких случаях известно, были ли они самоубийцами или нет.

Таблица самоубийств в Париже в течение 1824 года

Число { 1-е полугодие — 198; 2-е полугодие — 173 }	Итого	371
Из них после попытки самоубийства остались в живых		125
Из них после попытки самоубийства погибли		246
Мужского пола		239
Женского »		132
Холостые		207
Женатые		164
Вид смерти	Бросились с высоты	47
	Удавились	38
	Зарезались	40
	Застрелились	42
	Отравились	28
	Отравление угарным газом	61
	Утопились	115

* Слово: «социальные» добавлено Марксом. *Ред.*

** У Пеше: «в департаменте Сены». *Ред.*

Мотивы	Любовная страсть, семейная ссора и огорчение	71
	Болезни, пресыщение жизнью, слабость духа	128
	Дурное поведение, игра, лотерея, боязнь упреков и наказаний	53
	Нищета, нужда, потеря места, прекращение работы	59
	Неизвестные мотивы	60

Написано К. Марксом
во второй половине 1845 г.

Напечатано в журнале
sellschaftsspiegel», Bd. II, № 7, 1846
Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОТРЫВОК ИЗ ФУРЬЕ О ТОРГОВЛЕ [162]

[ВВЕДЕНИЕ]

Немцы постепенно начинают опошлять и коммунистическое движение. И здесь, как всегда, последние и самые бездеятельные, они думают, что смогут пренебрежительным отношением к своим предшественникам и философским пустословием прикрыть свою отсталость. Коммунизм едва только появился в Германии, а им уже завладевает с целью нажить капитал целая армия спекулятивных голов, которые воображают, что совершили чудеса, если перевели положения, ставшие уже во Франции и Англии тривиальными, на язык гегелевской логики и теперь преподносят миру эту новую премудрость как нечто небывалое, как «истинную, немецкую теорию», чтобы затем в свое полное удовольствие поносить «дурную практику» и «смехотворные» социальные системы ограниченных французов и англичан. Эта всегда готовая немецкая теория, которой выпало безграничное счастье немного понюхать гегелевской философии истории и быть посвященной кем-либо из их высохших берлинских профессоров в схему вечных категорий, теория, которой, быть может, затем довелось перелистать Фейербаха, несколько немецких коммунистических статей и работу г-на Штейна о французском социализме [163] — эта немецкая теория наихудшего сорта [164] без всяких затруднений уже сконструировала себе надлежащим образом французский социализм и коммунизм по г-ну Штейну, отвела ему подчиненное место, *«преодолела»* его, *«подняла»* его на «более высокую ступень развития» всегда готовой «немецкой теории». Ей, конечно, и в голову не приходит хоть сколько-нибудь самой познакомиться с предметом, подлежащим возведению на более высокую ступень, заглянуть в сочинения Фурье,

Сен-Симона, Оуэна и французских коммунистов, — для нее вполне достаточно тощих извлечений г-на Штейна, чтобы провозгласить эту блестящую победу немецкой теории над жалкими потугами заграницы.

В противовес этой смехотворной спеси бессмертной немецкой теории совершенно необходимо, наконец, показать немцам все то, чем они обязаны загранице, с тех пор как занимаются социальными вопросами. Во всех напыщенных фразах, которые теперь в немецкой литературе крикливо преподносятся в качестве основных принципов истинного, чистого, немецкого, теоретического коммунизма и социализма, до сих пор нет ни единой идеи, которая бы выросла на немецкой почве. То, что французы или англичане сказали уже десять, двадцать, даже сорок лет тому назад, — и сказали очень хорошо, очень ясно, очень красивым языком, — то́ немцы только за последний год, наконец, урывками узнали и огегельянили или, в самом лучшем случае, с опозданием открыли еще раз и опубликовали в гораздо худшей, более абстрактной форме в качестве совершенно нового открытия. Я не делаю здесь исключения и для своих собственных работ. Что у немцев своего, так это только скверная, абстрактная, невразумительная и корявая форма, в которой они выразили эти идеи. И как подобает истым теоретикам, они сочли достойным внимания у французов — англичан они еще почти совсем не знают — кроме *самых общих* принципов лишь самое плохое и самое абстрактное: схематизацию будущего общества, *социальные системы*. Лучшую сторону, *критику существующего общества*, действительную основу, главную задачу всякого исследования социальных вопросов, они преспокойно отбросили. Нечего и говорить, что об единственном немце, который *действительно* что-то сделал, *о Вейтлинге*, эти мудрые теоретики обычно тоже отзываются пренебрежительно или совсем не упоминают.

Я хочу предложить этим премудрым господам небольшую главу из Фурье, которая сможет послужить им образцом. Правда, Фурье исходил не из гегелевской теории и поэтому — увы! — не мог прийти ни к познанию абсолютной истины, ни даже к абсолютному социализму; правда, вследствие этого изъяна Фурье, к сожалению, дал совлечь себя с пути истинного и пришел — вместо абсолютного метода — к методу серий и к таким построениям, как превращение моря в лимонад, couronnes boréale и australe *, анти-лев и совокупление планет [165]. Пусть так! И все же мне легче поверить вместе с веселым Фурье

* — северный и южный венцы. *Ред.*

во все эти чудеса, чем верить в абсолютное царство духа, где совсем нет никакого лимонада, или в тождество бытия и небытия и совокупление вечных категорий. Французский вздор по крайней мере весел, тогда как немецкий мрачен и глубокомыслен. Но кроме того Фурье подверг существующие социальные отношения такой резкой, такой живой и остроумной критике, что ему охотно прощаешь его космологические фантазии, которые тоже основаны на гениальном миропонимании.

Сообщаемый мной здесь отрывок был найден среди литературного наследства Фурье и напечатан в первой книжке журнала «Phalange» *, издаваемого фурьеристами с начала 1845 года. Я опускаю из него то, что относится к позитивной системе Фурье, и вообще то, что не представляет интереса, словом — с текстом обращаюсь с вольностью, которая совершенно необходима для того, чтобы произведения иностранных социалистов, написанные с определенными целями, сделать доступными публике, чуждой этим целям. Этот отрывок отнюдь не самое гениальное из того, что было написано Фурье, и даже не лучшее из того, что он написал о торговле, — и все-таки ни один немецкий социалист или коммунист, за исключением Вейтлинга, еще не написал ничего, что хотя бы в самой отдаленной степени могло бы сравняться с этим черновым наброском.

Чтобы избавить немецкую публику от напрасного труда читать самый журнал «Phalange», я должен заметить, что этот журнал — чисто денежная спекуляция фурьеристов и публикуемые в нем рукописи Фурье имеют очень различную ценность. Издающие этот орган господа фурьеристы стали похожими на немцев напыщенными теоретиками, и на место юмора, с которым их учитель разоблачал буржуазный мир, они поставили священную, основательную, теоретическую, угрюмую ученость, за что они по заслугам были осмеяны во Франции, а в Германии получили признание. Сочиненное ими описание воображаемых успехов фурьеризма в первой книжке «Phalange» могло бы привести в восторг профессора абсолютного метода.

Я начинаю свое сообщение с тезиса, который уже был опубликован в «Теории четырех движений». Там же была опубликована значительная часть предлагаемого отрывка, из которой, однако, я приведу лишь самое необходимое.

---

* «La Phalange». Revue de la science sociale, XIV, année, 1-re série in 8°, Paris, aux Bureaux de la Phalange. 1845. — Publication des Manuscrits de Fourier, section ébauchée des trois unités externes, p. 1—42 des Januar-und Februarheftes [«Фаланга». Социально-научное обозрение, XIV-й год издания, 1-я серия, in 8°, Париж, издательство «Фаланги», 1845. — Публикация рукописей Фурье, набросок секции о трех внешних единствах. Январь — февраль, стр. 1—42].

I [166]

«Мы касаемся теперь самого чувствительного места цивилизации; это весьма неприятная задача — поднимать голос против нынешней глупости, против химер, принявших прямо эпидемический характер. Говорить ныне против нелепостей торговли — значит выставлять себя на предание анафеме, как если бы в XII в. стали говорить против тирании пап и баронов. Если бы надо было выбирать между двумя опасными ролями, то, полагаю я, менее опасно было бы уязвить горькими истинами какого-нибудь самодержца, чем оскорбить дух торгашества, который ныне как деспот господствует над цивилизацией и даже над самодержцами.

Все же и поверхностный анализ покажет, что наша система торговли снижает и дезорганизует цивилизацию и что в торговле, как и во всех других делах, под влиянием сомнительных наук мы все больше и больше сбиваемся на ложный путь.

Спор о торговле ведется каких-нибудь полстолетия, а уже породил тысячи томов; но его инициаторы не увидели, что механизм торговли по своему устройству резко противоречит всякому здравому смыслу. Он подчинил все общество одному классу паразитирующих и непроизводительных агентов — торговцам *. Все основные классы общества ** — собственник ***, земледелец, фабрикант и даже правительство находятся в подчинении у второстепенного, побочного класса — у торговца, который должен был бы быть их подчиненным, их служащим, сменяемым и ответственным агентом, но который, однако, по своему усмотрению направляет и сдерживает все пружины обращения.

В отношении других заблуждений, не касающихся торговли, общественное мнение и ученые корпорации уже более сговорчивы; в основном сходятся во мнении, что философские системы являются опасными иллюзиями, что опыт опровергает наши притязания на способность к совершенствованию, что наши теории свободы несовместимы с цивилизацией, что наши добродетели — социальная комедия, а наше законодательство — лабиринт; подшучивают даже над предметом модных споров — идеологией [167]. Но болтовня о торговле, с ее теориями торгового баланса, противовеса, равновесия, гарантии стали святая святых, перед которым все склоняется. Вот, следовательно, та иллюзия, которую мы должны рассеять.

Прежде всего необходимо показать, что наша система торговли, ныне предмет тупого почитания, представляет собой антипод истины, справедливости, а следовательно, и единства.

Трудно объяснить веку, что именно та операция, которую он рассматривает как образец премудрости, есть не что иное, как наложенная на всю его политику печать невежества. Посмотрим хотя бы на известные уже результаты: морскую монополию, монополию фискальную, увеличение государственного долга, следующие одно за другим банкротства из-за бумажных денег, возрастающее мошенничество во всех деловых отношениях. Можно уже теперь заклеймить позором механизм *свободной торговли* ****, т. е. *свободного обмана*, эту истинную промышленную анархию, эту чудовищно проявляющуюся силу в обществе *****.

---

* Немецкими словами «Kaufmann» и «Kaufleute» Энгельс переводит употребляемые Фурье термины: «marchand» и «négociant». *Ред.*

** Слово: «общества» добавлено Энгельсом. *Ред.*

*** Не следует забывать, что Фурье не был коммунистом.

**** Здесь и далее в цитируемом тексте курсив Энгельса. *Ред.*

***** Слова: «в обществе» добавлены Энгельсом. *Ред.*

Как же получается, что *самый лживый* класс общественного организма пользуется наибольшим покровительством у *«апостолов истины»?* *. Как же получается, что ученые, которые учат презирать низменные богатства, превозносят ныне лишь тот класс, который стремится к богатству *per fas et nefas* **, класс биржевых игроков и скупщиков? Раньше философы единогласно порицали известные корпорации, которые посредством гибкой совести отстаивали положение, что брать и красть — разные вещи. Как же те самые философы превратились теперь в апологетов класса, еще более безнравственного, поскольку он утверждает, что торгашество — не обман, что надувать покупателя не значит его обкрадывать, что биржевая игра и скупка — отнюдь не означают грабеж производительного класса, словом, что работать следует только ради денег, а не ради славы; таков припев, который торговцы хором повторяют: «Мы ничего не делаем ради славы» ***. Нужно ли еще удивляться, что новейшие науки сбились с истинного пути, если они защищают дело людей, открыто исповедующих подобные принципы?..

Торговля принимает различные формы на различных ступенях социального развития, ибо, будучи фокусом всякой социальной жизни, торговля существует, пока есть вообще налицо социальное состояние. Народ становится социальным, образует общество с того момента, как начинает производить обмен. Поэтому торговля имеет место уже при строе *дикости*, где она носит форму прямого обмена. При *патриархате* она приобретает форму косвенного обмена; при *варварстве* основу торгового метода образуют монополии, максимальные и регламентированные цены, принудительные правительственные реквизиции, а при *цивилизации* — индивидуальная конкуренция, или лживая и беспорядочная борьба ****.

О прямом обмене у дикарей, не знающих денег, нам нет необходимости много говорить. Одному повезло на охоте, и он обменивает штуку дичи на стрелы, изготовленные другим, который не был на охоте и нуждается в съестных припасах. Такой способ не есть еще торговля, это — обмен.

Второй способ, косвенный обмен, и есть первоначальная торговля. Она осуществляется посредником, который *становится собственником того, чего он не производил и не собирается потреблять*. Этот метод, как бы он ни был плох и какой бы большой простор ни оставлял произволу, однако, очень полезен в следующих трех случаях:

1) В молодых странах, где существует только земледелие без промышленности; в таком положении находятся все колонии на первых порах.

2) В труднодоступных странах, как Сибирь или пустыни Африки; торговец, который преодолевает зной и стужу, чтобы доставить необходимые предметы в такую даль, — человек весьма полезный.

3) В угнетенных и порабощенных странах, где бедуины грабят караваны, вымогают выкуп у купца, а нередко и убивают его, следует оказывать всяческое покровительство тому, кто вопреки этим опасностям доставляет припасы в отдаленную страну. Если такой купец богатеет, он того заслужил.

В этих трех случаях торговцы не являются ни биржевыми игроками, ни скупщиками; они не перепродают, как один спекулянт другому, пред-

---

* Слова: «апостолов истины» взяты в кавычки и выделены курсивом Энгельсом. *Ред.*

** — *всеми правдами и неправдами. Ред.*

*** Буквально такая же поговорка имеется и у немецких торговцев.

**** В данном абзаце передано в собственном изложении Энгельса содержание таблицы Фурье «Последовательный ряд торговых методов, применяемых в различные периоды». *Ред.*

назначенные для потребления предметы. По прибытии они открыто предлагают их потребителю в торговом помещении или на рыночной площади; они ускоряют промышленное развитие. Они хотят заработать — нет ничего более справедливого в цивилизованном мире; кто посеял, заслуживает того, чтобы пожать плоды. Но очень редко бывает, чтобы купцы довольствовались этой своей функцией; в одиночку или объединившись, они интригуют, чтобы затормозить обращение товаров и немедленно повысить цены.

Торговля приобретает порочный характер с того момента, когда посредники вследствие своего чрезмерного количества становятся паразитами на социальном теле * и вступают в соглашение, чтобы устранить товары, повысить цены под предлогом недостатка, который они же искусственно вызвали, словом, чтобы обирать одновременно и производителя и потребителя с помощью спекулятивных приемов, вместо того, чтобы открыто служить тому и другому в качестве простого посредника. Такое открытое посредничество можно встретить еще на наших маленьких рынках в деревнях и городах. Тот, кто покупает сотню телят или баранов, является полезным посредником для двадцати крестьян, которым иначе пришлось бы потерять целые рабочие дни, чтобы доставить их в город на рынок. Если, прибыв на рынок, он открыто выставляет свой скот на продажу, то он оказывает тем самым услугу и потребителям; но если он при помощи бог знает каких уловок сговаривается с другими «друзьями торговли»** с целью припрятать три четверти баранов, сказать мясникам, что бараны стали редкостью, что он может снабдить лишь немногих *друзей*, если он продает под этим предлогом на половину дороже, вызывает среди покупателей тревогу, а затем начинает выводить одного за другим спрятанных им баранов, продавать их по непомерным ценам, в связи с поднятой ранее тревогой и вымогает таким образом большие деньги у потребителей, — то это уже не простое обращение, открытое, бесхитростное выставление товара, — это сложное обращение, с его бесконечно разнообразными ухищрениями, порождающее тридцать шесть характерных пороков нашей торговой системы и равносильное узаконенной монополии. Когда завладевают хитростью всем продуктом, чтобы удорожить его, то это значит осуществляют посредством интриг гораздо бо́льший грабеж, чем это делает монополия вооруженной рукой.

Я не останавливаюсь дольше на методе, свойственном варварству. Он включает максимальные цены, реквизиции и монополии, которые еще весьма употребительны и при строе цивилизации. Как я уже говорил в другом месте, различные образы действия, свойственные отдельным периодам, переходят в другие; поэтому не следует удивляться тому, что цивилизация заимствует отдельные черты как у высших, так и у низших ступеней развития. Таким образом, наш цивилизованный механизм торговли является смесью характерных особенностей всех периодов, с преобладанием, однако, характерных для ступени цивилизации, — а последние еще более отвратительны, чем черты, свойственные периоду варварства; ибо под личиной законности наша торговля являет собой не что иное, как организованный и узаконенный грабеж, при котором скупщики-посредники могут сговариваться, чтобы вызывать искусственное удорожание всех продовольственных товаров и грабить как производителей, так и потребителей, поспешно сколачивая скандальные 50-миллионные состояния, владельцы которых еще жалуются на то, что торговле якобы не покровительствуют, что торговцы не могут существовать, что ничего не делается

* Слова: *«на социальном теле»* добавлены Энгельсом. *Ред.*

** Слова: «друзья торговли» здесь и далее взяты в кавычки Энгельсом. *Ред.*

и что государство погибнет, если торговца доведут до того, что он не сможет заработать больше 50 миллионов!

Между тем некая новая * наука учит нас, что этим людям следует предоставить полную свободу. Только предоставьте торговцам свободу действий, говорят нам; без этой свободы такой скупщик, который и так заработал лишь 50 миллионов, возможно ограничился бы каким-нибудь одним-единственным миллионом и его почтенной семье пришлось бы существовать на 50 тысяч франков ренты.

Dii, talem avertite casum! **

Презрение к торговле, презрение, врожденное у всех народов, преобладало у всех заслуживающих уважения наций, за исключением некоторых приморских торговых племен, которые извлекали выгоду из торгашеских вымогательств и мошенничеств. Афины, Тир и Карфаген, получавшие барыши от торговли, не могли выражать к ней презрения; каждый воздерживается от шуток по поводу путей, приведших его к богатству, и менее всего станет финансист высмеивать искусство, с которым можно приписать нули в счетах или же предоставить врагу завладеть бухгалтерскими книгами, убрав при этом кассу в безопасное место, но заявив, что он и ее захватил вместе с книгами.

В действительности у древних народов, как и у людей нового времени, торговля была предметом насмешек со стороны всех почтенных классов. Как можно уважать насквозь мошенническую профессию, как можно ценить людей, в каждом слове которых обнаруживается обман и которые при помощи этого чистого искусства сразу зарабатывают миллионы, тогда как честный землевладелец, который благодаря своему богатому опыту, труду и напряжению обрабатывает свой земельный участок, едва добивается небольшого увеличения своего незначительного дохода?

Между тем вот уже столетие, как новая наука, именуемая экономией, вознесла на вершину почестей торгашей, биржевых игроков, скупщиков, ростовщиков и банкротов, монополистов и торговых паразитов; правительства, обремененные возрастающими с каждым днем долгами и постоянно изыскивающие способы, как бы одолжить деньги, вынуждены были скрывать свое презрение и щадить этот класс торгашей-кровопийц, который держит под замком денежный сундук цивилизации и выколачивает все сокровища из земледельческого и промышленного производства под предлогом обслуживания его. Никто не отрицает, что торговля обеспечивает транспорт, снабжение, продовольствие и распределение, но она действует как слуга, который, производя действительную работу стоимостью в 1 000 франков, крадет у своего хозяина 10 000 франков в год, в десять раз больше того, что он для него производит.

Подобно тому как молодой мот втайне презирает еврея, к которому каждую неделю ходит, позволяя ему драть с себя шкуру, но все же каждый раз весьма вежливо его приветствует, так и нынешние правительства сочли необходимым заключить полное явного презрения перемирие с торговлей, приобретающей, впрочем, тем больший вес, чем она искуснее умеет смешиваться с теми самыми фабрикантами, которых она обирает. Экономисты, которые нашли в этом торгашеском вертепе рассадник новых догм, кладезь систем, низвергли мораль вместе со своими мечтами о правде, чтобы возвести на престол своих любимцев — биржевых игроков и банкротов. Вслед за тем все ученые стали состязаться друг с другом в самоунижении;

* Слово: «новая» добавлено Энгельсом. *Ред.*

** Боги, избавьте нас от подобного случая! (Перефразированная строка из поэмы Вергилия «Энеида», кн. III.) *Ред.*

сперва наука начинает допускать этих «друзей торговли» *, как равных,— Вольтер посвятил трагедию одному английскому купцу **. Ныне эти биржевые игроки изрядно посмеялись бы, если бы ученый позволил себе посвятить им трагедию! Биржевая игра сбросила маску, она не нуждается больше в фимиаме ученых; она хочет тайного, — а *скоро захочет и узаконенного участия в правительстве!* Ведь мы видели, что конгресс в Аахене не мог ничего решить до приезда двух банкиров [168].

Но экономические системы, как бы они ни прославляли золотого тельца торговли, не смогли, однако, уничтожить то естественное презрение, какое питают к нему нации. Торговля все еще остается предметом презрения у дворянства, духовенства, собственника, чиновника, юриста, ученого, ее презирают художник, солдат, любой класс, заслуживающий уважения. Тщетно она доказывала им при помощи бесконечных софизмов, что следует почитать кровопийц-биржевиков, — все еще преобладает прирожденное пренебрежение к этой категории выскочек. Каждый поддается влиянию догмы, которой благоприятствует фортуна, но каждый продолжает втайне презирать гидру торгашества, которая нисколько этим не смущается и следует по пути своих захватов.

Как могло случиться, что наш век, опубликовавший труды о преступлениях стольких категорий граждан, даже о преступлениях федератов [169], которые просуществовали лишь один месяц в 1815 г., как случилось, что этот век, не пощадивший в своих сводах и публикациях о преступлениях ни королей, ни пап, ни разу не подумал предать гласности преступления торговцев? Между тем писатели единодушно жалуются, что им недостает материала. Чтобы показать им, насколько благодатен этот материал, я подверг систематическому анализу лишь одну (из тридцати шести) *** разновидностей преступлений торговли при цивилизации. Вот эти тридцать шесть отрицательных особенностей нашей торговли при господстве индивидуальной конкуренции и хаотической борьбы, основанной на обмане.

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТОРГОВЛИ ПРИ ЦИВИЛИЗАЦИИ ****

Узловые пункты: посредническая собственность и раздробленность сельского хозяйства:

1) Двойственность торговли.
2) Произвольное определение стоимости.
3) Свобода обмана.
4) Несолидарность, отсутствие взаимных обязательств *****.
5) Хищение, отвлечение капиталов.
6) *Падение заработной платы.*
7) *Искусственный затор источников снабжения.*
8) *Изобилие, вызывающее депрессию.*
9) Обратный захват.

---

* Слова: «друзей торговли» добавлены Энгельсом. *Ред.*

** *Ф. Вольтер.* «Заира» (трагедия посвящена английскому негоцианту Эверарду Фолкнеру, поклоннику и покровителю автора). *Ред.*

*** Слова в скобках добавлены Энгельсом. *Ред.*

**** Эта таблица в работе Фурье дана во вводном разделе «Постановка вопроса» (ряд пунктов приведен Энгельсом в вольном переводе; курсив принадлежит ему). *Ред.*

***** Слова: «отсутствие взаимных обязательств» добавлены Энгельсом. *Ред.*

10) Разрушительная политика.
11) *Застой, или всеобщая некредитоспособность* (обратное и отраженное действие).
12) *Фиктивные деньги.*
13) Финансовый хаос.
14) *Эпидемия преступлений.*
15) Обскурантизм.
16) *Паразитизм.*
17) *Скупка* (accaparement).
18) *Биржевая игра.*
19) *Ростовщичество.*
20) *Бесплодный труд.*
21) Промышленные лотереи (азартные спекуляции).
22) Косвенные монополии замкнутых корпораций.
23) *Казенная монополия, государственное управление, вынужденное фальсификацией.*
24) Экзотическая или *колониальная монополия.*
25) *Морская монополия.*
26) *Феодальная,* кастовая *монополия.*
27) Необоснованная * провокация.
28) Убыток.
29) *Подделка.*
30) Разрушение здоровья.
31) *Банкротство.*
32) *Контрабанда.*
33) Пиратство.
34) Установление максимума и реквизиции.
35) *Спекулятивное рабство.*
36) *Всеобщий эгоизм.*

Из этих тридцати шести особенностей мы рассмотрим подробно только одну, банкротство; предварительно я скажу еще несколько слов о некоторых других.

II

ЛОЖНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ, КАСАЮЩИХСЯ ОБРАЩЕНИЯ

(ДОКАЗЫВАЕТСЯ НА ПРИМЕРЕ ТРЕХ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТОРГОВЛИ, ОБОЗНАЧЕННЫХ В ТАБЛИЦЕ ПОД №№ 7, 8, 12: ИСКУССТВЕННЫЙ ЗАТОР ИСТОЧНИКОВ СНАБЖЕНИЯ, ИЗОБИЛИЕ, ВЫЗЫВАЮЩЕЕ ДЕПРЕССИЮ, ФИКТИВНЫЕ ДЕНЬГИ.)

Наш век, столь плодовитый теориями о движении промышленности, все еще не умеет отличать обращение от затора. Он смешивает непрерывное обращение с обращением перемежающимся, простое со сложным. Оставим, впрочем, эти сухие различия; пусть говорят факты, пусть они послужат нам основой для установления принципов, прямо противоположных принципам экономии.

Правительства, как и народы, согласны в том, что следует карать смертью подделывателей как денег, так и государственных фондовых бумаг. Осуждают также на смертную казнь подделывателей банкнот и монет. Весьма мудрая мера предосторожности. *Но почему же торговля*

* Слово: «необоснованная» добавлено Энгельсом. *Ред.*

пользуется этим правом на подделку монет, если за это другие люди попадают на виселицу?

Каждый выданный торговцем вексель таит в себе возможность подделки, так как нет никакой уверенности, что он будет когда-нибудь оплачен. Каждый, кто замышляет банкротство, наводняет обращение своими векселями, по которым вовсе не намерен когда-либо заплатить. Тем самым он фактически сфабриковал и распространил фальшивые деньги.

Могут возразить, что и другой пользуется той же привилегией, что любой собственник, подобно торговцу, может пускать в обращение векселя.

Это не так. Собственник не имеет этой возможности. Право иллюзорно, если не можешь его осуществить. Свидетельство тому — конституционное право народа на суверенитет, пышная прерогатива, при которой плебей не имеет возможности даже пообедать, когда у него в кармане нет ни одного су. А ведь очень далеко от притязания на суверенитет до претензии на обед. Многие права существуют таким же образом, на бумаге, а не в действительности, и предоставление их является оскорблением для тех, кто не может добиться даже во сто крат менее значительных прав.

Точно такое же положение у собственника с выдачей векселей. Он имеет право выдавать векселя, как плебей — притязать на суверенитет; но обладать правом и осуществлять его — две весьма различные вещи. Если собственник выдает вексель, то не находит никого, кто бы принимал его без гарантии, и к нему относятся, как к человеку, который намерен выпустить фальшивые деньги. Потребуют закладную на вполне свободную от долгов недвижимость, а сверх того еще ростовщические проценты. По такой цене его векселя будут размещены и при таком обеспечении станут деньгами действительной ценности, а не фиктивными деньгами, каковыми являются векселя торгаша, который, в силу своего титула «друга торговли», находит средство пустить в обращение на миллион «хороших» векселей, не имея за душой, в качестве гарантии за этот миллион, и сотой его части, даже 10 000 франков.

Как ловко дают надувать себя правительства, которые, позволяя лишать себя этой способности, гарантируют ее торговцу! * Торговец, владея обеспечением в десять тысяч франков, пускает в обращение векселей на сумму в один миллион; если ему угодно, он получает на это право и покровительство; он имеет право пускать в обращение эту массу ценных бумаг, и закон не может расследовать, как он размещает свой капитал, каким обеспечением располагает. Фиск, представляющий гарантию в десять миллионов, имел бы право, при таком соотношении, выпускать на один миллиард ценных бумаг. Но если бы какое-нибудь правительство попыталось так поступить, не посоветовавшись с общественным мнением, не сообщив ему свои мотивы, оно подорвало бы свой кредит, ввергло бы свою страну в политические беспорядки; оно сделало бы лишь то же самое, использовало бы ту же привилегию, которой пользуется так много интриганов, зачастую не представляющих и сотой доли этих гарантий и совершенно не справляющихся со своими делами.

Могут ответить, что эти интриганы умеют уговорить дураков, умеют втереться в их доверие; этим самым возводится в принцип торговли, что искусство одурачивать добродушных и доверчивых людей заслуживает всяческого покровительства, причем это покровительство должно ограничиваться торговцами и не распространяться на правительство. Я не утверждаю, что это благородное искусство должно быть разрешено обоим, напротив, его следует запретить торговцам, как оно запрещено правителям.

* У Фурье: «tripoteur» (спекулянт). *Ред.*

Из сказанного следует, что торговец обладает способностью *выпускать фиктивные деньги в форме векселей* (двенадцатая характерная особенность), — преступление, равносильное преступлению фальшивомонетчика, за что другие категории мошенников отправляются на виселицу, — и что торговая система цивилизованных народов узаконяет и защищает *соревнование в обмане* (третья характерная особенность).

В ответ на обвинение в подделке монет и на другие пункты обвинения могут ответить, что торговцы необходимы для осуществления обращения и что деловые отношения станут невозможными, если у этих агентов будут связаны руки, что государство подорвет тогда государственный кредит и поставит на карту всю свою промышленность.

Совершенно верно, что торговля обладает свойством *все сильнее заковывать нас в цепи, когда социальное тело проявляет признаки сопротивления.* Лишь только какая-либо административная мера стесняет махинации торговли, торговля ограничивает кредит, парализует обращение, и государство, пожелавшее устранить прежний порок, в конечном счете создало еще новые. Это воздействие обозначено в таблице под названием отраженное действие (одиннадцатая характерная особенность).

Ссылаясь на эту опасность, выдвигают принцип: только предоставьте торговцам свободу действий, их полная свобода гарантирует обращение. В высшей степени ложный принцип, ибо именно эта полная свобода порождает все столь вредные для обращения ухищрения: биржевую игру, скупку, банкротство и т. п., из которых вытекают две характерные особенности:

7) Искусственный затор источников снабжения.

8) Изобилие, вызывающее депрессию.

Посмотрим, какое влияние эти две особенности оказывают на обращение.

Торговля не довольствуется передачей товаров из рук производителя в руки потребителя, она интригует посредством скупки и биржевой игры, чтобы вызвать искусственное вздорожание тех съестных припасов, которых в данный момент нет в изобилии. В 1807 г. в результате биржевой игры цена сахара в мае внезапно повысилась до пяти франков, а в июле тот же сахар упал в цене до двух франков, хотя никакого нового подвоза не было. Но биржевую игру расстроили посредством ложного сообщения, и таким путем сахар был доведен до его действительной стоимости; интриги и искусственно созданное опасение прекращения подвоза были устранены. Подобная игра интриг и искусственной паники ведется ежедневно в отношении того или другого продукта питания и *создает* его нехватку, хотя в действительности недостатка в нем нет. В 1812 г., когда урожай был обеспечен и скупщики оказались обманутыми в своих надеждах, можно было видеть, как вдруг из их амбаров потекли огромные количества зерна и муки. Следовательно, никакого недостатка не было и не было бы вообще никакой угрозы голода, если бы только эти съестные припасы были разумно распределены. Но торговля имеет свойство, еще *до* наступления опасности, в предвидении ее возможности, прекращать подвоз, застопоривать обращение, создавать панические страхи и искусственный голод.

То же воздействие имеет место и в случае изобилия, когда торговля тормозит подвоз, искусственно вызывая опасения избытка. В первом случае она действует положительно, скупая и изымая из обращения съестные припасы; во втором случае она действует отрицательно, не покупая товары и допуская падение цены до такого уровня, что крестьянин не может даже вернуть себе своих издержек производства. Отсюда проистекает восьмая характерная особенность торговли — изобилие, вызывающее депрессию.

Торговля отвечает, что ей незачем покупать, раз не предвидится прибыли, и что она не настолько безрассудна, чтобы перегружать свои амбары зерном, если нет никакой надежды на повышение цены и если она может с гораздо большей пользой вложить свои капиталы в такие товары, нехватка которых, легко увеличиваемая посредством скупки, сулит ей прибыль.

Не правда ли, удобные и приятные принципы в социальной системе, где только и говорят, что о взаимных гарантиях? Итак, торговля, когда ей заблагорассудится, освобождается от обязанности служить социальному телу. Это похоже на то, как если бы армии позволяли уклоняться от боя в момент опасности и нести службу, считаясь только со своими интересами, а не с интересами государства. Такова наша торговая политика, так односторонне понимает она все обязательства *.

В 1820 г. в различных провинциях, где цена в 4 франка лишь покрывает издержки производства, хлеб упал в цене ниже трех франков. Этого не случилось бы, если бы французская торговля, как это должно было быть при системе взаимности, приспособляющейся к интересам обеих сторон, заблаговременно закупила бы продовольствие для снабжения 30 миллионов населения в течение шести месяцев. Эта резервная масса, извлеченная из обращения и скрытая в амбарах, поддержала бы цену остатка зерновых, и крестьянин не страдал бы от обесценения своих продуктов и невозможности их продать. Но наша торговая система действует как раз в противоположном смысле; она усиливает гнет от изобилия и бедствие голода и, таким образом, действует разрушительно в обоих направлениях.

Я выбрал восьмую особенность — изобилие, вызывающее депрессию, чтобы показать, что существующий метод торговли таит в себе пороки как отрицательные, так и положительные и часто грешит невмешательством и неумением оказать в случае необходимости даже легко выполнимую услугу. Ибо, когда во время голода требуется 500 миллионов для скупки зерна, то они сейчас же оказываются налицо; но если эта сумма нужна для мер предосторожности, для пополнения амбаров в период избытка, то не найдется и пятисот талеров **. Нет ни взаимности, ни гарантии в договоре, заключенном между социальным телом и корпорацией торговцев. Торговая корпорация служит только своим собственным интересам, а не интересам общества, и в результате получается, что многочисленные капиталы, которые она пускает в оборот, *представляют собой кражу, совершенную у производства в целом*. Это хищение я назвал в таблице в пятом пункте характерных особенностей: «отвлечением капиталов».

Таким образом, на обоих полюсах торговли не существует ни малейших обязательств в отношении социального тела, которое, связанное по рукам и ногам, отдается на пожирание Минотавру и гарантирует ему деспотическую власть над капиталом и жизненными средствами. Именно деспотическую власть! Ибо после стольких громких слов, сказанных против деспотизма, все еще не обнаружили того *действительного* деспотизма, каким является *деспотизм торговли*, этот истинный сатрап цивилизованного мира! ***

Из всего сказанного следует, что механизм цивилизации обеспечивает торговцам полную безнаказанность за подделку денег, преступление, наказуемое у других категорий смертью, и что предлогом для этой безнаказанности является помощь, которую торговцы якобы оказывают обращению; на самом же деле они ему в этой услуге отказывают: в положительном

* Далее два абзаца работы Фурье опущены Энгельсом. *Ред.*

** У Фурье: «экю». *Ред.*

*** В данном абзаце текст Фурье передан Энгельсом в несколько сокращенном и вольном переводе. *Ред.*

смысле — путем искусственного затора источников снабжения, в отрицательном — посредством изобилия, вызывающего депрессию.

К такой обманчивости результатов присоединяется еще отсутствие каких-либо принципов. Экономисты признают, что их наука вовсе не имеет определенных принципов; и это, действительно, верх беспринципности — предоставить полную свободу действия категории до такой степени развращенных агентов, каковыми являются торговцы.

В результате развитие торговли происходит скачкообразно, судорожно, с неожиданностями и эксцессами всякого рода, как это можно ежедневно наблюдать при нынешнем механизме торговли, который порождает лишь обращение прерывистое, лишенное равномерных переходов, равновесия и надежности.

Один из любопытных результатов этого беспорядка заключается в том, что народ отваживается упрекать правительство в финансовых злоупотреблениях, в которых никогда не осмеливается упрекнуть торговлю. Свидетельство тому — два банкротства: банковых билетов Ло и ассигнатов [170]. Это не были внезапные банкротства, их приближение наблюдалось давно; их можно было бы предотвратить путем своевременной частичной жертвы. Несмотря на эти смягчающие обстоятельства, публика не дала никакой пощады. Она справедливо объявила банковые билеты Ло и ассигнаты фальшивыми деньгами, вооруженным грабежом.

Но почему же эта самая публика добродушно терпит со стороны торговцев подобный выпуск фальшивых денег, которого не прощает правительствам даже тогда, когда последние проявляют достаточную осторожность, подготавливая банкротство путем медленного обесценения, предоставляющего владельцам бумаг возможность избежать краха? Такой возможности не существует для владельцев ценных бумаг. Банкротство настигает их, как удар грома. Тот или другой человек, засыпая сегодня владельцем 300 000 франков, просыпается наутро владельцем всего лишь 100 000, вследствие банкротства. Национальный Конвент подражал этому маневру в операции консолидирования трети номинальной стоимости [171]; ему неустанно ставилось это в упрек, как вполне доказанное воровство. И все же каждому торговцу предоставляют право совершать еще более вызывающие грабежи и, при объявлении несостоятельности, присваивать две трети того, что он получил взамен, между тем как Конвент не выплатил двух третей сумм, которые никогда не получал. Насколько возмутительнее выглядят преступления торговли, если сравнить их с прочими даже величайшими политическими подлостями! *

Дальнейшие подробности покажут, что нынешняя политика, предоставив торговлю свободным торговцам, совершенно освобожденным от всяких обязательств, тем самым пустила волка в овчарню и спровоцировала всякого рода разбой.

Перейдем теперь к банкротству, чтобы описать его несколько подробнее.

III

ИЕРАРХИЯ БАНКРОТСТВА

Когда преступление совершается очень часто, к нему привыкают и становятся равнодушными свидетелями его [172]. В Италии или Испании смотрят весьма хладнокровно, как убийца из-за угла поражает кинжалом намеченную жертву и бежит в церковь, где он пользуется безнаказанностью.

---

* У Фурье далее следуют слова: «как злодейства Конвента». *Ред.*

В Италии можно видеть, как родители калечат и убивают своих детей, чтобы совершенствовать их голос, и служители «бога мира» поощряют эти жестокости, чтобы получить хороших певчих для церковного хора. Подобные мерзости вызвали бы возмущение у любой другой цивилизованной нации, случись они у нее, — зато, в свою очередь, у каждой из них * существуют иные возмутительные обычаи, от которых у итальянца закипела бы кровь.

Но если одна нация так сильно отличается от другой своими обычаями и мнениями при цивилизации, то насколько же будет отличаться в этом отношении одна социальная эпоха от другой, насколько отвратительными покажутся пороки, терпимые в эпоху цивилизации, в другие, менее несовершенные социальные эпохи! Трудно будет поверить, чтобы в странах, называющих себя благоустроенными, могли терпеть, хотя бы на один миг, такие мерзости, как банкротство **.

Банкротство представляет собой самое изобретательное и самое бесстыдное мошенничество, какое когда-либо существовало; оно обеспечивает каждому торговцу возможность нагреть публику на некоторую сумму, соответствующую его состоянию или кредиту, так что богатый человек может сказать: я открываю торговое дело в 1808 г.; к такому-то дню 1810 г. я собираюсь похитить столько-то миллионов, кому бы они ни принадлежали.

Оставим в стороне временное явление — новый французский кодекс [173] и его намерение карать за банкротство. Так как мнения об успехе этого замысла расходятся и уже находятся средства, чтобы обойти новые законы, то предоставим практике решение данного вопроса, а пока положены в основу нашего рассуждения известные до настоящего времени факты; рассмотрим непорядки, являющиеся следствием философской системы и принципа: предоставлять торговцам полную свободу, не требуя никакой гарантии благоразумия, честности и платежеспособности каждого из них.

Отсюда проистекает, наряду с другими злоупотреблениями, банкротство, грабеж гораздо более отвратительный, чем грабеж на большой дороге. Однако к нему привыкли и терпят его до такой степени, что признают даже еще *честные банкротства,* такие, при которых спекулянт похищает только половину.

Перейдем к детальному изображению этого малоизвестного у древних народов геройства. Оно с тех пор получило блестящее развитие. Оно предоставляет аналитикам возможность наблюдать ряд стадий развития, которые свидетельствуют в пользу успехов нашей способности к совершенствованию.

ИЕРАРХИЯ БАНКРОТСТВА. 31-я ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТОРГОВЛИ. СВОБОДНАЯ СЕРИЯ В ТРЕХ РАЗРЯДАХ, ДЕВЯТИ РОДАХ, ТРИДЦАТИ ШЕСТИ ВИДАХ [174]

ПРАВОЕ, ИЛИ ВОСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО. — ЛЕГКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ

I. НЕВИННЫЕ

1) Банкротство ребяческое.
2) Банкротство очертя голову.
3) Банкротство втихомолку.
4) Посмертное банкротство.

---

* Фурье указывает эти нации: «французы, немцы, русские, англичане». *Ред.*

** Последняя фраза приведена Энгельсом в сокращенном переводе. *Ред.*

II. ПОЧТЕННЫЕ

5) Банкротство простофили.
6) Сумасбродное банкротство.
7) Беспринципное банкротство.

III. ОБОЛЬСТИТЕЛИ

8) Банкротство полюбовное.
9) Банкротство хорошего тона.
10) Галантное банкротство.
11) Банкротство из милости.
12) Сентиментальное банкротство.

ЦЕНТР СЕРИИ. — ГРАНДИОЗНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

IV. ТАКТИКИ

13) Банкротство жирное.
14) Банкротство космополитическое.
15) Многообещающее банкротство.
16) Трансцендентное банкротство.
17) Постепенное банкротство.

V. МАНЕВРИРУЮЩИЕ

18) Банкротство беглым огнем.
19) Банкротство сомкнутой колонной.
20) Банкротство походным порядком.
21) Банкротство рассыпным строем.

VI. ВОЗМУТИТЕЛИ

22) Банкротство крупного масштаба.
23) Банкротство широкого охвата.
24) Банкротство в духе Атиллы.

ЛЕВОЕ, ИЛИ НИСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО. — НЕЧИСТОПЛОТНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

VII. КОВАРНЫЕ ПЛУТЫ

25) Банкротство с целью возмещения убытков.
26) Банкротство вне ряда.
27) Банкротство crescendo *.
28) Банкротство ханжеское.

VIII. ПАЧКУНЫ

29) Банкротство на почве иллюзии.
30) Банкротство по инвалидности.
31) Банкротство от отчаяния.
32) Банкротство по-свински.

---

* — с нарастающей силой. *Ред.*

IX. ФАЛЬШИВЫЕ БРАТЬЯ

33) Банкротство мошенническое.
34) Банкротство висельника.
35) Банкротство наутек.
36) Банкротство насмех.

IV

ВОСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО БАНКРОТОВ

В очень развращенный, весьма алчный век выставишь себя на всеобщее посмешище, если вознамеришься тоном школьного учителя возражать против общепринятых пороков. Гораздо разумнее поступать согласно господствующему тону и рассматривать социальные преступления с их забавной стороны. Следовательно, я буду доказывать, что банкротство — гораздо более смешное мошенничество, чем это полагают его пособники и защитники, которые в его торгашеских грабежах видят лишь милые пустячки.

Все относительно в пороке, как и в добродетели. И у разбойников есть свои понятия о справедливости и чести. Не следует поэтому удивляться, что и банкроты допускают в своей среде известные принципы и различные градации подлости. Это я и положил в основу своей таблицы. Я подразделил ее согласно обычному правилу на три отдела, из коих первый заключает в себе легкие, грациозные оттенки, второй — внушительные, возвышенные характеры, третий — посредственные, тривиальные разновидности. Правое крыло открывает шествие.

НЕВИННЫЕ

1) *Банкротство ребяческое* — это банкротство желторотого юнца, который совершает первые шаги в своей карьере и необдуманно, без подготовительной тактики выкидывает фортель, объявляя себя банкротом. Нотариусу нетрудно уладить дело. Он изображает его как юношескую безрассудную выходку и говорит: юность рассчитывает на вашу снисходительность, господа кредиторы *. Неприятная история заканчивается всеобщим весельем, ибо банкротства таких юнцов всегда разнообразятся забавными инцидентами: обманутые ростовщики, мистифицированные скряги ** и т. п.

Банкрот этого вида может отважиться на множество мошеннических дел: сокрытие товаров, скандальные займы, обкрадывание родственников, друзей, соседей; все сводится на нет доводом какого-нибудь сообщника, который заявляет обозленным кредиторам: «Чего вы хотите? Это же — ребенок, не смыслящий в делах, приходится смотреть на это сквозь пальцы, со временем он повзрослеет».

Эти банкроты-юнцы имеют на своей стороне большую поддержку — насмешку. В торговле много зубоскальства; здесь больше склонны высмеять обманутых, чем осудить мошенников, и если банкрот имеет насмешников на своей стороне, то может быть уверен, что большинство его кредиторов скоро капитулирует, и он сразу добьется соглашения.

* Слова: «господа кредиторы» добавлены Энгельсом. *Ред.*

** У Фурье: «мистифицированные «гарпагоны»» (Гарпагон — главное действующее лицо комедии Мольера «Скупой»). *Ред.*

2) *Банкротство очертя голову* — это банкротство некоторых начинающих игроков на квит или на двойной выигрыш, людей, которые скачут во весь опор, пускаются в безрассудные аферы и спекуляции, тратят огромные деньги, корчат из себя важных особ, чтобы с налету получить временный кредит и умело сохранить его за собой посредством некоторых скрытых жертв. Раз пустившись в спекуляцию, эти сорвиголовы делают один промах за другим и заканчивают обычно бегством. Дело оправдывают как пачкотню, и его легко улаживают, поскольку оно, как и предыдущее, дает пищу для насмешек.

Эти сорвиголовы — явление весьма обычное во Франции, где их удостаивают названия спекулянтов. Очень верная игра для них состоит в ускорении развязки таким образом, чтобы их падение произошло в тот момент, когда полагают, что они все только еще начинают и каждый дает им кредит на первое дело, думая: не провалится же он сразу в первый же год.

3) *Банкротство втихомолку,* под сурдинку — это такое банкротство, при котором находящийся в затруднении должник предлагает «небольшое соглашение», скидку в 25%, или покрытие товарами с наценкой в 25%. Посредник разъясняет кредиторам, что это для них очень выгодно, ибо если оказывать давление на данное лицо и вынудить его объявить себя несостоятельным, то убыток составит по меньшей мере 50%.

В торговле очень настаивают на такого рода относительных расчетах. Встречается множество мошенников, которые, обобрав вас на 30%, потом еще доказывают вам, что вы заработали массу денег, поскольку они не выкачали у вас все 50%. Другие утверждают, что терпят большие убытки, потому что зарабатывают на вас не более 40%, тогда как следовало бы заработать 60%. Такой способ подсчета, кажущийся смешным, в торговле общепризнан; своего полного успеха он достигает в банкротстве под сурдинку. Вам доказывают, что эта небольшая скидка в 25% составляет чистую прибыль по сравнению с теми 50%, в которые бы обошлось банкротство. Потрясенные силой подобного доказательства, кредиторы подписывают «небольшое соглашение». Тот, кому причиталось 4 000 франков, получает 3 000, и это отнюдь не называется банкротством.

4) *Посмертное банкротство* объявляется после смерти героя; она становится оправданием покойного, который, дескать, надеялся снова привести в порядок свои дела и, несомненно, сделал бы это с честью, если бы остался жив. Затем начинают восхвалять его превосходные качества, сердечно сочувствуют его бедным сиротам. Разве захотят кредиторы тревожить безутешную вдову! Особенно, если она красива, — это было бы варварством! Между тем вдова с помощью нескольких доверенных лиц произвела перед опечатанием изрядные изъятия. Недочеты припишут покойному, который не имел времени привести дела в порядок, и уже не вернется, чтобы разоблачить эту ложь. Если было 25% дефицита, то его сумели довести до 50%; и это не стоит большого труда, раз уж принялись за дело; к тому же, каким безумием было бы объявлять несостоятельность при 25%, раз банкротство при 50% еще считается честным — особенно если виноват весьма почтенный покойник, компрометировать память которого было бы отвратительно!

ПОЧТЕННЫЕ

Описанные четыре вида принадлежат к разряду фиктивной невиновности. Теперь мы рассмотрим по порядку виды действительной невиновности. Было бы несправедливо заклеймить всю массу несостоятельных должников из-за того, что девять десятых из них — мошенники. Я приведу три категории, действительно заслуживающих оправдания. Нам предстоит

еще обвинять очень много виновных; поэтому поищем с самого начала несколько честных людей среди этой братии, ставшей столь многочисленной со времен революции *, что в некоторых городах уже не спрашивают, кто обанкротился, а спрашивают, кто *не* обанкротился.

5) *Банкротство простофили* — это банкротство несчастного, который не похищает ни гроша, отдает все кредиторам и без всякого обмана сдается на их милость. Прочие банкроты насмехаются над ним и объявляют его простофилей **, который должен был бы, по крайней мере, обеспечить себя; и действительно, такой честный человек не достоин нашего века — века способности к совершенствованию.

6) *Сумасбродное банкротство* является делом того, кто впал в отчаяние, считает себя обесчещенным и иногда стреляется или бросается в воду. Но ведь это означает почти совсем не находиться на высоте положения — быть честным человеком в XIX веке и что еще хуже — в торговле!

Во всяком случае, мне приятно сказать, что такие люди еще встречаются в области торговли, однако, весьма редко, *rari nantes in gurgite vasto* ***. Каждый им предсказывает их судьбу, поскольку известно, что из десяти мошенников, которые пускаются в торговлю, девять добиваются успеха, между тем как из десяти честных людей девять разоряются.

7) *Беспринципное банкротство* — это банкротство простака, который допускает вмешательство правосудия и вынесение судебных решений, которые позорят его и отнимают у него все до последней нитки, вместо того чтобы действовать подобно большинству ловких людей, умеющих выйти из такого затруднительного положения с честью и выгодой. — Эти три честных рыцаря так мало достойны высочайшей братии, что я спешу с ними закончить. Перейдем к категории лиц, более заслуживающих одобрения знатоков.

ОБОЛЬСТИТЕЛИ

Почему бы не дать обольстить себя банкротами, как и многими другими категориями порочных лиц. Рассмотрим сейчас одну категорию, полную всяких прелестей и созданную для завоевания всех сердец.

8) *Банкротство полюбовное,* экономичное банкротство — дело слащавого человечка, который желает своим кредиторам только блага и был бы в отчаянии, если бы ему пришлось ввести их в расходы, и убеждает их согласиться на 50%, чтобы избежать вмешательства правосудия, которое поглотило бы все. Он дает понять кредиторам, что хочет обращаться с ними как с друзьями, интересы которых ему дороги. Исполненный благодарности за оказанные ему дружеские услуги, он дрожит при мысли о предстоящих им судебных издержках. Такими льстивыми словами и другими уловками соблазняют одних, а другие уступают из страха перед все поглощающим правосудием.

9) *Банкротство хорошего тона* — банкротство людей, весьма известных в высшем свете и дом которых до последнего момента содержится на широкую ногу. Поскольку эти люди вполне comme il faut ****, у них масса протекций, и если они урывают себе не больше 60%, то легко добиваются соглашения; особенно, если хозяйки и дочери хозяев дома выступают в роли просительниц, да еще используют наставление Санчеса [175],

---

* У Фурье: «возрождения» (régénération). *Ред.*

** У Фурье: «Жокриссом». *Ред.*

*** — *редкие пловцы в безбрежной пучине (Вергилий. «Энеида», книга первая). Ред.*

**** — порядочные. *Ред.*

позволяющее им носить очень прозрачную кружевную накидку, когда они идут хлопотать по важным делам.

10) *Галантное банкротство* — дело красивых женщин; непристойно жаловаться на это, к прекрасному полу требуется соответствующее отношение. Красивая женщина имеет торговое дело, объявляет банкротство *, обкрадывает вас на тысячу талеров **, и если вы к ней придираетесь, то это лишь доказывает, что вы не умеете себя вести, она вправе обрушиться на строптивых. Я слышал, как одна из этих дам отзывалась о кредиторе: «Что за человек! Говорят, он еще недоволен; право, я не советую ему жаловаться на утрату своих пятидесяти луидоров, мне следовало нагреть его на двойную сумму!». Он позволял себе с дамой некоторые вольности, она была вправе считать его неблагодарным.

11) *Банкротство из милости,* при котором совершенно очевидно, что кредиторы наживаются; как же это происходит? В том случае, когда несостоятельный должник присваивает лишь незначительную часть, 40%, а на остальную сумму представляет обеспечение, весьма солидное поручительство. Это считается такой удачей, что нотариус поздравляет собравшихся кредиторов с завершением великолепного дела, с «истинной милостью» фортуны. Из десяти тысяч франков потерять только четыре, а шесть тысяч получить обратно — это настоящий выигрыш. Непривычный к торговле человек не сумел бы оценить этой милости; он хотел бы получить свои десять тысяч франков сполна и считал бы, что его обокрали на четыре тысячи. Что за неприличные манеры! Утверждать, что человек вас обкрадывает, когда он производит вам учет из 40% и в остальном обращается с вами, как друг!

12) *Сентиментальное банкротство* бывает у некоторых людей, которые произносят трогающие вас до глубины души речи и обрушивают на кредитора такие потоки чувств и добродетелей, что тот был бы варваром, если бы не сдался мгновенно, не почел бы для себя счастьем оказать услугу таким славным людям, нежно любящим всех, чьи деньги они пускают по ветру. Люди подобного сорта платят превосходными доводами и самыми льстивыми похвалами, они действуют на кредитора чувством, занимают его разговорами только о его и их добродетелях; к концу беседы вы чувствуете себя значительно совершеннее, обнаруживаете в себе массу добродетелей, которые с избытком покрывают похищенную сумму. Пусть у вас стало на несколько тысяч франков меньше, зато добродетелей стало намного больше, — чистая прибыль для прекрасных душ.

Один из таких комедиантов сказал мне однажды: «Мне было очень жаль господ таких-то, это очень порядочные, очень почтенные люди» — и прекрасный юноша, в доказательство своего уважения, обокрал их при первом же деле посредством векселя, который вручил им в качестве подарка и в знак приветствия. Он раскошелился на эту сумму, чтобы войти с ними в знакомство, а месяц спустя объявил себя несостоятельным. Какая радость для этих господ — получить его *уважение* *** в покрытие десяти тысяч франков!

Я сдержал слово; я обещал общество обольстителей. Не находишь ничего, кроме дружбы, благосклонности, хорошего тона и нежных чувств у всех банкротов этой поистине любезной категории. Но если она призвана завоевывать сердца, то другие вызовут восхищение, дадут пример блестящих порывов, возвышенных характеров, представят героев своей группы.

* Слова: «имеет торговое дело, объявляет банкротство» добавлены Энгельсом. *Ред.*

** У Фурье: «экю». *Ред.*

*** Курсив Энгельса. *Ред.*

V

ЦЕНТР. — ГРАНДИОЗНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Мы переходим теперь к величайшим достижениям духа торговли, к крупным операциям, знаменующим успехи века на пути к возрождению и совершенствованию. Банкротство проявит здесь все свое мастерство и будет действовать по обширным планам, разбор которых докажет мудрость принципа: предоставьте торговцам возможность действовать, предоставьте им полную свободу для осуществления их возвышенных концепций обмана и грабежа.

ТАКТИКИ

13) *Жирное банкротство* — это банкротство спекулянтов высокого полета, обладающих гением торговли. Банкир Дорант имеет два миллиона[176] и хочет как можно скорее и любыми средствами составить себе состояние в четыре-пять миллионов. На свой известный капитал он получает восемь миллионов кредита в векселях, товарах и прочее и может, следовательно, делать ставку на фонд в десять миллионов. Он пускается в крупную спекуляцию, в игру товарами и государственными бумагами. Быть может, к концу года вместо того, чтобы удвоить свои два миллиона, он их потеряет; вы сочтете его разорившимся, — ничуть не бывало, он с таким же успехом получит эти четыре миллиона, как если бы дела его шли хорошо; ибо у него остаются на руках те восемь миллионов, которые он заполучил в кредит, и посредством «честного» банкротства он устраивается так, чтобы растянуть выплату половины их на несколько лет. Таким образом получается, что, потеряв свои собственные два миллиона, он оказывается владельцем четырех миллионов, похищенных у публики. Какая великолепная вещь — свобода торговли! Теперь вы понимаете, почему приходится ежедневно слышать о торговце: дела у него идут очень хорошо со времени его банкротства!

Дальнейший шанс для банкрота: Дорант после скрытого присвоения четырех миллионов полностью сохраняет свою честь и уважение общества не как удачливый мошенник, а как неудачливый торговец. Поясним это.

Дорант завоевал общественное мнение, когда обдумывал свое банкротство; празднества, устраиваемые им в городе, его приглашения за город доставили ему горячих приверженцев; золотая молодежь за него; красавицы соболезнуют его несчастью — несчастье в наше время синоним банкротства; превозносят его благородный характер, достойный лучшей участи. Послушать его защитников — может показаться, что сам банкрот пострадал больше, чем те, чье состояние он похитил. Вся вина сваливается на политические события, неблагоприятные условия и прочий словесный арсенал, свойственный нотариусам, искушенным в искусстве отражать атаки раздраженных кредиторов. После первого натиска Дорант пускает в ход несколько посредников, своевременно раздает некоторую сумму денег и скоро общественное мнение так обработано, что каждого, кто стал бы говорить против Доранта, объявили бы бесчеловечным. К тому же, те, у кого он похитил наиболее крупные суммы, находятся на расстоянии ста или двухсот миль, в Гамбурге или в Амстердаме, они со временем уже успокоятся, да они и не играют большой роли, их отдаленный ропот не влияет на общественное мнение Парижа. Кроме того, Дорант лишил их только половины, а обычаем установлено, что тот, кто похитил лишь половину, скорее несчастлив, чем виноват; таким образом, Дорант с самого начала оказывается обеленным в глазах общественного мнения. Через

месяц общественное внимание отвлечено другими банкротствами, более сенсационными, при которых идет прахом от двух третей до трех четвертей. Новая слава для Доранта, который похитил только половину; к тому же это старая, забытая история. Дом Доранта уже снова начинает понемногу открываться для публики, его повар снова достигает своей былой власти над умами и приглушает крики некоторых желчных кредиторов, не сочувствующих несчастью и не умеющих считаться с хорошим обществом.

Так заканчивается, меньше чем в шесть месяцев, операция, при помощи которой Дорант и ему подобные похищают у публики миллионы, разоряют семьи, состояния которых держат в своих руках, и ввергают честных торговцев в банкротство, уподобляющее их мошенникам. Банкротство — единственное социальное преступление, которое распространяется как эпидемия и покрывает честного человека таким же позором, как и мошенника. Честный торговец, пострадавший от банкротства двадцати негодяев, вынужден в конце концов сам приостановить свои платежи.

Отсюда проистекает, что банкроты-мошенники, составляющие девять десятых всей этой клики, выдают себя за честных людей, с которыми случилось несчастье, и хором вопиют: нас следует больше жалеть, чем порицать. Послушать их — это все маленькие святые угодники, совсем как каторжники на галерах, которые всегда утверждают, что не причинили никакого зла.

На это приверженцы свободной торговли ответят разговорами о репрессивных законах, о трибуналах; помилуйте! Трибуналы против людей, похищающих несколько миллионов одним махом! Впрочем, поговорка, что мелких воров вешают, а крупных отпускают *, к торговле не применима, так как даже самый мелкий банкрот, пользуясь защитой торговцев, ускользает от правосудия.

14) *Космополитическое банкротство.* Это союз коммерческого гения с гением философским. Банкрот становится поистине гражданином мира, когда, использовав одно государство, устраивает поочередно банкротство в нескольких других. Это верная спекуляция. Прибыв в страну неизвестным человеком, он в случае необходимости меняет фамилию, как это делают евреи, и благодаря собранным при предыдущем банкротстве капиталам сразу получает кредит. Какая забавная идея нынешней политики — доверять управление промышленной продукцией людям, которые не имеют прочной связи со своей родиной, не привязаны к ней крупными земельными владениями и могут, как космополиты, спекулировать на полдюжине банкротств, устраиваемых одно за другим в Париже, Лондоне, Гамбурге, Триесте, Неаполе и Кадисе. Я опишу это банкротство в параграфе о банкротстве беглым огнем, где центральной фигурой маневра является космополит.

15) *Многообещающее банкротство.* Оно ведет свое начало лишь со времени революции ** и ему не более полстолетия. Прежде молодые люди не дебютировали так рано в торговле, никогда не становились шефами моложе тридцати лет. Теперь в восемнадцать лет они управляют торговым домом и в двадцать лет могут уже проделать первое банкротство, позволяющее им строить большие надежды на дальнейшее. Среди них имеются такие, которые к тридцати годам проделали уже три банкротства и не раз пожирали по сотни талеров у своих доверителей. Увидя их, говорят: «Он очень молод для такой славы, но мы живем в век молодых людей».

16) *Банкротство трансцендентное* требует обширного плана, огромного размаха, конторы с тридцатью или сорока служащими, много-

* Слова: «а крупных отпускают» добавлены Энгельсом. *Ред.*

** У Фурье: «возрождения». *Ред.*

численных кораблей, колоссальных связей во всех странах; затем наступает внезапный крах, страшное падение, ответные удары которого отдаются во всех четырех частях света и оставляют хаос ликвидаций, за счет которых деловые люди могут существовать в течение десяти лет. Это такая операция, в которой торгашеский гений развертывается во всем своем блеске; она должна повлечь за собой потерю, по крайней мере трех четвертей, так как в этой грандиозной картине все должно быть огромного масштаба.

17) *Постепенное банкротство* — это банкротство спекулянта, который при мудром ведении своей операции может дойти до семи-восьми следующих одно за другим банкротств. В этом случае он должен идти иным путем, чем если бы рассчитывал на одно или два банкротства.

Принципы таковы:

1) При первом банкротстве грабить лишь умеренно. 50% будет достаточно, не следует озлоблять людей с самого начала, иначе второе банкротство стало бы слишком затруднительным, если дискредитировать себя чрезмерным хищением при первом ударе.

2) При втором банкротстве следует грабить совсем мало, не больше 30%, чтобы доказать, что банкрот освоился, что он оперирует уже более умело и осторожно и станет законченным коммерсантом, достойным «другом торговли», если оправится от этого второго удара.

3) При третьем грабить основательно, по меньшей мере 80%, оправдывая себя тем, что дефицит не обычный, а вызван из ряда вон выходящей случайностью; провести его, воспользовавшись некоторыми критическими временными обстоятельствами, подчеркивая свое хорошее поведение при втором банкротстве, чтобы доказать, что виной всецело явились внешние события.

4) При четвертом банкротстве присваивать только 50%, чтобы показать, что ты человек осторожный и умеешь держаться в должных границах, когда обстоятельства не вынуждают нарушать их.

5) При пятом можно дойти уже до 60%, потому что публика к этому привыкла; 10% больше или меньше не препятствует подобной спекуляции, когда общественное мнение уже свыклось с ней; ибо известно, что тот, кто провел четыре банкротства, проведет и пятое и шестое. Я знал одного такого молодца, над которым после его четвертого банкротства потешались, поскольку он носил шляпу аббата в знак набожности и добрых нравов; он этим не смущался и подготовлял пятое банкротство.

Шестое и седьмое банкротства проводятся ad libitum *, их проделывают лишь к надвигающейся старости и в момент, когда уже думают о том, чтобы почить на лаврах. Нет ничего легче, чем оправдать шестое банкротство: человек уже слишком стар, чтобы измениться, никто больше не удивляется. Впрочем, ворчат немного на правительство, которое не хочет покровительствовать торговле и является причиной этих маленьких неудобств, испытываемых честными деловыми людьми.

Не следует удивляться тому, что я привожу здесь некоторые принципы, применяемые при банкротстве; это совершенно новое искусство, подобно политической экономии, от которой оно произошло, и не имеет еще ни твердых принципов, ни даже методической номенклатуры. Так, при постепенном банкротстве лишь первые четыре степени получили название.

Тот, кто проделал первое банкротство, является простым «рыцарем» **.

При втором он получает наименование «принца».

При третьем — титул «короля».

* — по желанию. *Ред.*

** Здесь и далее слова в кавычки взяты Энгельсом. *Ред.*

При четвертом — «императора».

Для пятой, шестой, седьмой степеней нет еще наименований. Истинный «друг торговли» должен возвыситься до полной октавы. Чтобы стать «гармоничным» банкротом, следует проделать семь «честных банкротств» с 50% убытка в среднем, а затем усиленное, полное банкротство как стержень всего ряда, при котором дозволено ограбить, по меньшей мере, 80% в возмещение за умеренность, проявленную при всех остальных банкротствах; ведь 50% при первых банкротствах — это лишь честный тариф, совсем маленькая дань, не дающая никому права на порицание, ибо это ставка, принятая при объявлении банкротства, твердая цена подобно цене пирожного или поездки на извозчике.

МАНЕВРИРУЮЩИЕ

В этом параграфе мы рассматриваем массовые передвижения, которые требуют взаимодействия нескольких банкротов на благо торговли и торжества возвышенной истины. Эти коллективные маневры дадут нам четыре вида мастеров передвижений.

18) *Банкротство беглым огнем.* Оно вызывается обычно ответными ударами, сплетением банкротств, из которых одно влечет за собой другое. Я опишу одно такое банкротство среднего типа, в буржуазном жанре, как наиболее понятное для массы читателей. В качестве центральной фигуры маневра беглым огнем мы возьмем одного из тех мастеров-космополитов, определение которых я отложил.

Еврей Искариот приезжает во Францию[177] с капиталом в 100 000 франков *, которые он заработал при первом своем банкротстве. Он открывает торговлю в каком-либо городе, где имеет соперниками шесть пользующихся уважением и доверием торговых домов. Чтобы отнять у них клиентуру и доброе имя, Искариот сразу начинает с того, что продает свои товары по себестоимости — верное средство привлечь массу. Вскоре соперники начинают громко проклинать его, он же посмеивается над их жалобами и тем более продолжает продавать товары по себестоимости.

Тогда народ восторженно кричит: да здравствует конкуренция, да здравствуют евреи, да здравствует философия и братство! Все товары стали дешевле с прибытием Искариота, и публика заявляет его соперникам: «Это вы, господа, вы — подлинные евреи, вы хотите слишком много заработать, один Искариот — честный человек, он довольствуется умеренной прибылью, потому что не живет на широкую ногу, как вы». Тщетны все заявления старых фирм, что Искариот — переодетый мошенник, который рано или поздно обанкротится; публика обвиняет их в зависти и клевете и все больше и больше обращается к израильтянину.

Расчет, который строит этот плут, следующий: продавая по себестоимости, он теряет только проценты со своего капитала, пусть 10 000 франков в год, но зато он образует для себя значительный рынок сбыта, создает себе в портовых городах имя крупного потребителя и, при условии аккуратных платежей, получает большой кредит. Эта проделка длится на протяжении двух лет, в течение которых Искариот ничего не заработал, хотя продал огромное количество товаров. Его маневр остается скрытым, потому что евреи держат у себя конторщиков только из евреев, людей, которые являются тайными врагами всех наций и никогда не раскрывают мошенничества, задуманного кем-либо из «своих людей».

Когда все созрело для развязки, Искариот пускает в ход весь свой кредит, делает колоссальные заказы во всех портовых городах, закупает

* У Фурье здесь и ниже: «ливров». *Ред.*

товары в долг на сумму в 500—600 тысяч франков. Он направляет эти товары за границу, а всю наличность товаров на складе распродает за бесценок. Когда все превращено в деньги, бравый Искариот исчезает со своим бумажником и возвращается в Германию, куда направил купленные в долг товары, быстро их продает и оказывается после отъезда из Франции в четыре раза богаче, чем был по приезде туда; он имеет 400 000 франков, и отправляется в Лондон или Ливорно, чтобы затеять третье банкротство.

Тогда завеса вдруг падает, и в городе, где он осуществил свой замысел, приходят в себя. Видят, как опасно допускать в торговлю евреев, ни с чем не связанных бродяг. Но это банкротство Искариота — лишь первый акт фарса; проследим за беглым огнем.

Израильтянин имел шесть соперников; назовем их A, B, C, D, E, F.

A был уже давно в стесненном положении и, не имея состояния, держался кое-как благодаря своему доброму имени, но, лишенный с прибытием израильтянина всей клиентуры, он смог выдержать конкуренцию лишь в течение одного года, и, не подготовленный для восприятия этих новых философских систем, покровительствующих бродягам, A видит себя вынужденным склониться перед тактикой Искариота и *объявить себя банкротом*.

B выдерживал удар дольше; он с самого начала разглядел мошенничество еврея и ждал, пока эта буря пройдет, чтобы восстановить свою клиентуру, отнятую мошенником Искариотом. Но в это время он оказывается запутанным в одно заграничное банкротство; этого достаточно, чтобы ускорить его крах; он полагал, что сможет выдержать два года, но уже на исходе 15 месяцев вынужден *объявить себя банкротом*.

C состоял в компании с одним заграничным торговым домом, который был разорен другим Искариотом, — таковые имеются в каждом городе; C захвачен крахом своего компаньона, и после того как он в течение восемнадцати месяцев приносил жертвы, чтобы выдержать конкуренцию плута-еврея, он также оказывается вынужденным *объявить себя банкротом*.

D отличался честностью больше кажущейся, чем действительной. У него остаются еще средства, чтобы держаться, хотя и он уже 20 месяцев страдает от конкуренции еврея; но озлобленный причиненными ему убытками, он уступает соблазну того порока, многочисленные примеры которого видит вокруг себя. Он видит, что трое из его братии начали поход, и ему как четвертому в союзе приходится участвовать в нем под предлогом действительных или мнимых несчастий. Двадцатимесячная борьба с Искариотом надоела D, и он не видит ничего более разумного как *объявить себя банкротом*.

E ссудил крупные суммы своим четырем коллегам, объявившим себя друг за другом несостоятельными; он считал их всех платежеспособными, какими они и были, пока маневр Искариота не погубил их дело. E чувствует себя разоренным банкротством этих четырех торговых домов; к тому же у него самого нет больше клиентов; вся публика устремляется к Искариоту, который продает товар по себестоимости. E остается без средств, кредит его подорван, его притесняют и, не будучи больше в состоянии выполнять свои обязательства, он кончает тем, что *объявляет себя банкротом*.

F располагает достаточными средствами, но вследствие пяти предыдущих банкротств, позволяющих заключить, что и он скоро последует за ними, он утратил кредит во всех портовых городах. К тому же некоторые из банкротов, покончив с соглашением, продают теперь свои товары за бесценок, чтобы иметь возможность сделать взнос с наступлением первых сроков платежей. Чтобы ускорить продажу, они теряют одну десятую часть

стоимости и все-таки зарабатывают четыре десятых, потому что они сошлись на 50%. Этим F окончательно раздавлен, и ему не оставалось ничего другого как, подобно своим соперникам, *объявить себя банкротом*.

Итак, достаточно обосноваться какому-нибудь одному бродяге или еврею, чтобы дезорганизовать всю торговую корпорацию большого города и вовлечь в преступление самых честных людей; ибо каждое банкротство является в большей или меньшей степени преступлением, как бы ни оправдывалось оно разными благовидными предлогами, подобно тем, которые обрисованы мной в этих шести банкротствах, и во всех этих предлогах нет почти никогда ни одного слова правды. Правда заключается в том, что каждый с жадностью хватается за возможность такого вида воровства, который не наказуется.

Временами беглый огонь принимает форму рикошета, действует на расстоянии и поражает одновременно дюжину торговых домов в разных странах. У них общие интересы, и крах главного торгового дома ведет к падению всех заинтересованных второстепенных домов, подобно падению ряда оловянных солдатиков, у которых фланговый получил щелчок *. Это — серьезная комбинация, достойная фигурировать в числе крупных маневров; во всяком случае, этот действующий на дальние расстояния рикошет должен образовать особый вид при более точной классификации.

19) *Банкротство сомкнутой колонной* требует благоприятной конъюнктуры, которая служит оправданием и побуждает значительные массы торговых людей решиться на роковой шаг. В этом случае они поддерживают друг друга, спасаются своей численностью подобно полку, который образует сомкнутую колонну, чтобы штыками пробить себе дорогу. Так и банкроты, при благоприятном случае, должны смыкать свои ряды, каждый день объявлять на бирже вереницу банкротств и проводить их одно за другим настолько быстро, что общественное мнение оказывается сбито с толку и соглашения достигаются легко, принимая во внимание сложные времена. Подобного рода банкротства периодически повторяются в Лондоне; Париж также проделал в 1800 г. прекрасный опыт банкротства сомкнутой колонной, который окончился весьма удачно для многих «друзей торговли».

20) *Банкротство в походном порядке* представляет из себя ряд банкротств, связанных между собой, но разражающихся с соответствующими интервалами в три месяца. В противоположность сомкнутым колоннам, когда банкротство следует одно за другим, день за днем, при походном порядке необходимо предварительно сговориться, чтобы объявлять банкротство поочередно, в тот момент, когда предшественник только что пришел к соглашению. Например, A добился соглашения с кредиторами через три месяца после банкротства, и B немедленно должен объявить себя несостоятельным, так как теперь посредники найдут публику подготовленной и смогут сказать: «Это та же история, что с A, одно должно было повлечь за собой другое, необходимо заключить такое же соглашение». Точно так же для C, который обанкротился через три месяца, затем для D, E, F, G, если они сумеют соответствующим образом согласовать свои действия и соблюдать интервалы, они достигнут одинакового соглашения для всех. Походный порядок — очень верный маневр при умелом руководстве, но подходит не для всех обстоятельств, и лишь гений банкротства может определить, в каких случаях он применим.

21) *Банкротство рассыпным строем* начинают те мелкие плуты, которые предваряют большое движение и устраивают то тут, то там мелкие банкротства в своей мелочной торговле. Отсюда делают вывод, что дела

* У Фурье: подобно ряду карточных домиков. *Ред.*

идут неважно и кампания будет жаркой. Действительно, вскоре слышен грохот тяжелой артиллерии, разражаются миллионные банкротства, которые надолго занимают общественное внимание. Наконец, движение заканчивается арьергардной стрельбой мелких банкротов, бакалейных торговцев маленьких городов, которые завершают кампанию, вылетая в трубу.

ВОЗМУТИТЕЛИ

Как! Неужели еще недостаточно всех этих скандалов, и вы можете привести нам нечто более худшее, чем вышеописанный перечень?

Я назвал лишь самых честных. Теперь мы подошли к нисходящему порочному * крылу и можем сюда отнести банкротов, которые действуют по обширному плану, но пренебрегают моральными методами и компрометируют высокую корпорацию.

22) *Банкротство большого масштаба* затрагивает все классы общества, вплоть до самых маленьких людей, прислуги и прочих, которые отдают лицемеру на хранение свои небольшие сбережения. Вскоре банкротство грабит сотнями земельных собственников, мелких буржуа и доверчивых людей. Целый город оказывается вовлеченным в это дело. Вообще подобного рода банкротство бьет в первую очередь по неторговым слоям общества и приносит значительный вред корпорации, так как вызывает в народе и среди мелких буржуа суждения, отнюдь не лестные для честной торговой братии.

23) *Обширное банкротство* — это банкротство какого-нибудь безвестного проходимца, которому удается без средств, без доверия пуститься в крупные дела, где он устраивает такое же огромное банкротство, как и высокопоставленные, могущественные банкиры. Все задают себе вопрос: как удалось такому мошеннику завязать столько связей и организовать столь жирное банкротство?

Этот субъект — противоположность предыдущему; другим путем он достигает той же цели, а именно, возбуждает общественное мнение против происков торговцев и нелепых законов, предоставляющих полную свободу этим торгашам.

24) *Банкротство в духе Аттилы* возносит до небес славу банкротов и опустошает страну так, как если бы по ней прошла целая армия вандалов. Можно привести в этом роде знаменитое банкротство, осуществленное в 1810 г. в Орлеане неким дилетантом Т. Он объявил себя несостоятельным с дефицитом 16 миллионов, которые были так мастерски размещены в несчастном Орлеане, что город был как громом поражен. Разорение постигло все слои населения. Беженцы добрались до Лиона и распространили весть: Орлеан уничтожен, все разорены, Т. ограбил всех дочиста. Согласно подробным сообщениям, он так осуществил свой замысел, что обольстил и ограбил все классы, от богатых капиталистов до бедных слуг, накопивших за всю жизнь несколько франков **, чтобы отдать их на хранение мелкому торгашу, а затем позволить ему украсть их под прикрытием прекрасного принципа: предоставьте действовать торговцам, они лучше всего знают, что в их интересах.

Какие грабежи! Какое многообразие преступлений в одной только области торговых подвигов! Одной-единственной, ибо следует заметить, что банкротство — только тридцать первая характерная особенность этой построенной на обмане торговли, для которой наука требует полной свободы под тем предлогом, что торговцы лучше всего знают, что в их интересах.

* Слово: «порочному» добавлено Энгельсом. *Ред.*

** У Фурье: «экю». *Ред.*

Да, это они знают слишком хорошо, но зато они слишком плохо знают, в чем заключается интерес государства и промышленности; вот как обманывает нас наука со своей теорией абсолютной свободы торговцев.

VI

НИСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО. — НЕЧИСТОПЛОТНЫЕ ОТТЕНКИ

От описания великих подвигов переходим к описанию более скромных трофеев. Не все столь же величественно в банкротстве, как три категории центра. Однако мы и в левом крыле обнаружим достойную внимания коллекцию банкротов, более скромных оттенков, чьи буржуазные добродетели и пороки будут приятнее для нашего глаза после ослепительного блеска столь многочисленных героических дел; мы встретим еще категории, способные развеселить читателя, — в особенности последняя — категория фальшивых братьев, дискредитирующих всю корпорацию банкротов. — Начнем с оттенка более серьезного.

КОВАРНЫЕ ПЛУТЫ

25) *Банкротство в возмещение* практикуется, чтобы возместить убыток от той или иной неудачи. Например, некий спекулянт проигрывает сегодня процесс, лишающий его 100 000 франков, а назавтра объявляет банкротство, которое приносит ему 200 000. Таким образом, вместо того, чтобы потерять оспариваемую сумму, он ее выигрывает. Эта способность торговли вознаграждать себя за неблагоприятный поворот событий есть одно из ее лучших свойств; она обладает искусством извлекать для себя выгоду из любого бедствия на суше и на море *. Узнав о кораблекрушении, судохозяин на следующий день поправляет свои дела удачным банкротством; и такого рода банкротства проходят беспрекословно, ибо нотариус заявляет: это не его вина, обстоятельства принудили его к этому, его следует скорее жалеть, чем порицать.

На это землевладелец, чей вклад, таким образом, идет прахом, возразит: я не могу вознаградить себя, когда град или наводнение губит мой урожай, мне не на кого переносить убыток. — Удивительный аргумент! Разве землевладельцы не знают, что при существующем порядке вещей они составляют подчиненный класс, зависимый от непроизводительной категории людей, именуемой торговцами, которые, захватывая в свои руки весь продукт производства, требуют, чтобы их оплачивали за счет масс, подобно отряду вольнонаемников, который, за неимением врага для грабежа, обворовывает собственных друзей и добрый народ? Таков купец, *настоящий казак от промышленности,* девизом которого является: я работаю не ради славы, мне необходимо что-нибудь наскрести. Каждому торговцу хочется наскрести, но если кто-нибудь вздумает у него поскрести с помощью процесса или иным путем, то у купца всегда найдется выход из положения и посредством банкротства в возмещение он скребет у другого.

26) *Банкротство вне ряда* устраивает человек умудренный, который предусмотрел все случайности и отложил некоторые сбережения, с чем может противостоять бурям и укрощать строптивых; если он на своем банкротстве хочет заработать 200 000 франков, он похищает 300 000,

* Слова: «на суше и на море» добавлены Энгельсом. *Ред.*

из которых одну треть употребит на полезные цели, подарки и прочее; он умеет успокоить самых отчаянных крикунов, парализовать правосудие; небольшую сумму сюда, другую — туда, одним словом, дело его ведется бойко, и банкротство в конце концов доставляет ему много друзей, получивших свою долю пирога и говорящих о нем, что это человек comme il faut *, который знает дело до тонкости.

27) *Банкротство crescendo* ** разыгрывается в виде фарса в нескольких актах, в которых действие развертывается с возрастающим интересом. Сначала дело представляют как небольшое затруднение, как заминку с извлечением капиталов, в связи с которой потребовалась скидка в 30%, чтобы избежать краха. Кредиторы испытывают беспокойство и идут на сделку втихомолку, так как им дали понять, что дело может принять дурной оборот и что известное лицо необходимо поддержать. Между тем через три месяца его положение снова пошатнулось. Опять обращаются к кредиторам и опять дают понять, что опасаются его краха; признаются, что дела обстоят хуже, чем предполагали, и что следовало бы согласиться на скидку в 50%. Некоторые кредиторы начинают сердиться, дело запутывается, банкротство объявляется и притом на таких благоприятных условиях, что вместо 50% идут на потерю от 80 до 90%, а остаток может быть выплачен лишь через несколько лет. Впрочем, сделку все еще легко можно заключить, так как кредиторы, ловко обработанные и постепенно свыкшиеся с потерей 30, а затем 50 и 70%, утомленные борьбой, подписывают и считают окончательно проигранным это злополучное дело, в котором первоначально речь шла об убытке лишь в 30%. Этот способ не самый худший и может быть рекомендован тем спекулянтам, которые придерживаются принципов.

28) *Ханжеское банкротство* — дело рук святоши, который состоит во всех братствах и несет во время процессий кисть балдахина[178]. Он легко находит кредит и вкладчиков и может устроить под сурдинку обширное банкротство. Я встречал подобного рода банкротства, при которых убыток кредиторов составлял 90%. Преимущество в данном случае заключается в том, что банкрот находит еще достаточно людей, которые его оправдывают: ах, это очень благочестивый человек; если ему не повезло в торговле, то лишь потому, что он пренебрегает благами этого мира. — Это его благочестие используется для того, чтобы ускорить соглашение, посредством которого благочестивый апостол сохраняет за собой изрядную толику земных благ наряду с надеждой на блага мира потустороннего.

ПАЧКУНЫ

В каждой профессии встречаются невежды, которые не руководствуются принципами и у которых из самого лучшего материала работа получается плохого качества. Точно так же и среди банкротов попадаются растяпы, которые умеют только превращать золото в медь и глупейшим образом разоряются там, где другие заключили бы превосходную сделку. Я приведу и кратко охарактеризую здесь четыре вида; ибо в этой действительно честной категории нет ничего занимательного. Я привожу ее только для полноты анализа.

29) *Банкротство на почве иллюзий* — это банкротство одураченных, которые увлечены модными разговорами, пускаются в торговлю, не зная ее хитростей, и, естественно, подобно мотыльку у огня, обжигают себе

* — порядочный. *Ред.*
** — с нарастающей силой. *Ред.*

крылья. В 1789 г. можно было наблюдать, как многие крупные собственники, которым вовсе не следовало впутываться в этот водоворот, попусту спускали в нем богатое наследство и кончали банкротством, поглощавшим их состояние и честь. Следует при этом заметить, что при банкротстве только честный человек теряет свою честь, тогда как мошенник, знающий великие принципы торговли, сумеет так осуществить свое банкротство, что приобретет и богатство и честь. Но благородные господа, попадая в осиное гнездо коммерции, хотели действовать честным образом, оказывались окруженными интриганами, становились игрушкой в их руках и должны были кончить банкротством из-за собственных иллюзий. Многие мелкие собственники совершали ту же ошибку. Охваченные коммерческой горячкой, они оставляли свое поле, продавали свой небольшой земельный участок, чтобы открыть в городе лавку, идя навстречу неминуемому разорению.

30) *Банкротство престарелого* — это банкротство неисправимого, который хочет умереть с оружием в руках. Встречается немало людей, которым пора бы отойти от дел, которые отягченные возрастом делают только промахи, не знают новейших усовершенствований, теряют на старости лет накопленное долгим трудом состояние, но упорствуют до тех пор, пока повторные ошибки не сделают банкротство неизбежным. Как назвать человека — восьмидесятилетнего холостяка, обладателя двух миллионов, что для старого холостяка, право, достаточно, который, тем не менее, упорно продолжает заниматься торгашеством в возрасте, когда ему следовало бы успокоиться и замаливать свои грехи. Если такой человек разоряется и теряет в восемьдесят лет свое блестящее состояние, то он, поистине, фанатик торговли. Такой банкрот — инвалид, послуживший прототипом для данного параграфа, ибо для каждого вида я могу привести соответствующий тип*, чтобы меня не обвинили в преувеличении. Впрочем, в каждом городе можно встретить много подобных фанатиков, глубоких стариков, которые, упорно продолжая свою торговлю, терпят в ней бесславную гибель; ибо в наши дни, когда все доводится до квинтэссенции, в торговле, как и на войне, требуются люди молодые, воспитанные на новой тактике; и если банкротство считается у молодых людей ловкой игрой, то оно, во всяком случае, позорно для богатых стариков, которым уже лет двадцать тому назад следовало подумать об отставке.

31) *Банкротство на подавление* вызывается грозными конкурентами, которые сознательно спешат навстречу своему разорению и разоряются, чтобы оспорить у соперника небольшую часть прибыли. Можно видеть множество таких людей, которые работают в убыток, в надежде на то, что конкурент разорится раньше их и они останутся победителями на поле сражения. В особенности в транспортных конторах и на текстильных ярмарках, как, например, на ярмарке в Бокере [179], преобладает эта беспорядочная борьба, в результате которой «подавленные» вынуждены объявить себя банкротами.

32) *Банкротство по-свински* устраивает желторотый новичок, который, вместо того, чтобы действовать по принципам, разоряется вкупе с женой и детьми и вдобавок отдает себя в лапы правосудия и на посмешище «друзьям торговли», которые питают уважение только к сильным и правоверным банкротам. На коммерческом воровском жаргоне говорят о таком банкроте, пустившем по миру свою семью: «Это же настоящее свинство». — Если бы он устроил жирное банкротство, его назвали бы ловким парнем, умной головой.

* Имена этих прототипов проставлены в оригинале рукописи Фурье.

ФАЛЬШИВЫЕ БРАТЬЯ

Я называю фальшивыми братьями тех, кто обрекает почтенную корпорацию банкротов на презрение публики. Одни из них вызывают негодование, другие насмешку. Я не включаю в эту категорию трансцендентов, похищающих миллионы, — эти неизменно респектабельны и не компрометируют всю корпорацию; к крупному вору при цивилизации никогда не относились с презрением, зато мелкие воры — верные люди для виселицы, и если они возбуждают общественное мнение против мошенничества и мелких банкротов, то становятся недостойными допуска их в корпорацию и заслуживают названия фальшивых братьев.

33) *Банкротство мошенническое* свойственно мелким прохвостам, которые при банкротстве совершают такие непристойные мелкие кражи, что соседи поговаривают о том, чтобы их повесить. Хищение 100 000 талеров не вызвало бы таких разговоров, но кража 100 талеров уже наводит на мысль о виселице, что, впрочем, для мошенника не опасно, так как братство банкротов не дает своего коллегу в обиду; правосудие скоро сочло бы себя вправе перейти от мелких воров к крупным, что было бы очень неприятно для тех, кто действовал по великим принципам и после «честного» банкротства нашел свое место в хорошем обществе.

34) *Банкротство висельника* — такое банкротство, при котором герой, кроме гнусных подлостей, совершает еще и подлости по-ученому, например, обкрадывает самого себя и затем пускает в ход сентиментальную тактику.

Скапен, мелкий лавочник [180], устраивает жалкое банкротство, всего на 40 000 франков *; он утаивает 30 000 франков, составляющих чистую прибыль операции; затем он преподносит кредиторам остаток, 10 000 франков. Когда его спрашивают о дефиците в 30 000 франков, он отвечает, что не умеет вести бухгалтерские книги, подобно крупным торговцам, и что его постигла «неудача». Вы полагаете, что Скапена накажут как мелкого вора, укравшего лишь 30 000 франков? Но разве кредиторы не знают, что если вмешается в дело правосудие, оно проглотит оставшиеся 10 000 франков за один лишь завтрак? А когда эти 10 000 франков будут израсходованы, все еще ничего не будет решено. А если добиваться, чтобы Скапена повесили, то придется, пожалуй, выложить на это еще 10 000 франков, и неизвестно, что из этого получится. Следовательно, уж лучше взять скромную сумму в 10 000 франков, чем потерять ее, да еще столько же выложить сверх того. Скапен, через своего нотариуса, пускает в ход этот аргумент, и, *таким образом, сам банкрот угрожает своим кредиторам правосудием.* И чего ради кредиторам Скапена неистовствовать против него? Одни думают последовать его благородному примеру, другие уже опередили его в карьере, а так как волки друг друга не пожирают, Скапен скоро находит некоторое число готовых подписать, что они согласны с его предложениями; одни подписывают из страха перед вмешательством правосудия, другие остаются непреклонными, говорят, что пожертвуют всем, чтобы отправить мошенника на галеры. Тогда Скапен направляет к ним свою жену и детей, которые хорошо заученным воем вымаливают пощаду; таким путем Скапен и его нотариусы собирают в течение нескольких дней большинство подписей, после чего смеются над колеблющимися, которые больше не нужны. Над их яростью потешаются, Скапен отвечает заискивающими словами, подобострастными поклонами и после счастливого исхода первого банкротства уже обдумывает новое.

35) *Банкротство с бегством* практикуется в больших городах мелкими арендаторами, которые бесшумно скрываются при приближении срока

* У Фурье здесь и ниже: «ливров». *Ред.*

платежа, увозя под покровом ночи свой жалкий скарб. Этот вид банкротства очень распространен среди ткачей шелка в Лионе; сюда следует причислить также всех франтов и франтих, которые заказывают себе в ресторане, у портного и сапожника все самое лучшее и очень сговорчивы насчет цены, так как намерены заплатить лишь красивыми словами и скрыться, как только кредиторы начнут им досаждать.

Этот забавный вид банкротства показывает корпорацию в плохом свете. Когда злословят о человеке, который обманул двадцать мелких лавочников, легко привыкают злословить и о человеке comme il faut *, разорившем своим банкротством двадцать семей, а такие критические вольности нужно подавлять, чтобы не поколебать того уважения, которым пользуются честные банкроты — «друзья торговли».

36) *Банкротство насмех* — это банкротство мелкого лавочника, который объявляет себя несостоятельным in optima forma **, совсем как влиятельные и могущественные банкиры, и предлагает своим кредиторам не более пяти процентов. Такого рода банкротство устроил, в числе прочих, один актер в Лионе, превосходный в комических ролях и за это очень любимый публикой. Он предложил своим кредиторам, с соблюдением всех правил, сумму в *три процента*. Некоторые возмутились и хотели послать к нему судебного пристава, но он мистифицировал правосудие, подобно тому как делал это на сцене в «Адвокате Пателене», и вся публика была на его стороне. Его банкротство было весьма забавной комедией из нескольких великолепных сцен. Сколько кредиторы ни неистовствовали, публика высмеяла их, как Гийома в «Адвокате Пателене».

Я дал здесь беглый обзор всех этих определений. Однако мой список так не полон, что его следует рассматривать лишь как набросок, к которому каждый может добавлять недостающие типы ***. А таких примечательных типов встречается масса. Всего несколько дней тому назад парижские газеты приводили блестящий случай банкротства некоего Y, который с какими-нибудь 10 000 франков учредил широко разрекламированное агентство, назвав его, кажется, бюро для возрождения торговли или другим каким-либо не менее громким титулом, и таким путем выудил у нескольких ротозеев миллион, который он оплатил, как обычно, хорошим банкротством. Одним словом, приведенное мной число различных видов банкротств легко можно удвоить.

VII

ВЫВОДЫ ****

Если принять во внимание, что банкротство — только одна из тридцати шести характерных особенностей торговли, то довольно трудно себе объяснить, почему этот столь обильный источник преступлений, этот механизм торговли до сих пор не был подвергнут анализу в наш век, так решительно выступающий против преступлений всех классов общества и предающий гласности даже преступления королей и пап.

Если прочесть этот свод грязных купеческих проделок, то сейчас же напрашивается вопрос, каким образом век, называющий себя другом возвышенной истины, мог совершенно серьезно увлечься торговлей, которая вся строится на обмане, под тем предлогом, что без торговли

* — порядочном. *Ред.*

** — по всей форме. *Ред.*

*** В начале и в конце данного абзаца Энгельс несколько перефразировал текст Фурье. *Ред.*

**** У Фурье: «Выводы о банкротстве». *Ред.*

нельзя обойтись; выходит поэтому следует покорно мириться и с мошенничеством и воровством, вроде тех, которые мы перечислили в одном лишь виде преступлений торговли — в банкротстве.

Закончим, однако, нашу тему о банкротстве.

Поговорка, что правосудие карает только мелких воров, в области торговли оказывается ложной. Банкрота, даже самого мелкого, спасает от судебных преследований покровительство самих же торговцев. Это видно было при рассмотрении последней категории (фальшивых братьев) * — этих банкротов в миниатюре.

Тщетно было бы приводить случаи наказания нескольких злостных банкротов; девяносто девять отделываются счастливо, а если сотый терпит неудачу, то это наверняка глупец, не умеющий вести интригу, ибо ныне эта операция настолько верная, что уже давно забыли о старых мерах предосторожности. Прежде банкрот спасался бегством в Триент, Льеж или Каруж. Но со времен возрождения 1789 г. этот обычай отпал. Каждый устраивает теперь банкротство в семейном кругу. Дело подготовляется спокойно, а когда наступает крах, банкрот отправляется на месяц за город, к родным и друзьям, а тем временем нотариус все улаживает. Через несколько недель виновник снова появляется, и публика настолько привыкла к этой истории, что рассматривает ее как милую шутку; это называется «разрешением от бремени», и говорят весьма хладнокровно: «Такой-то опять появился, он только что оправился после родов».

Я заметил, что банкротство — единственное социальное преступление, которое носит эпидемический характер и против воли увлекает честного человека на путь мошенника. Если прибавить к банкротству биржевую игру и многие другие подлости, то станет ясно, что я был прав, утверждая, что никогда люди эпохи цивилизации не совершили столько политических нелепостей, как с тех пор, как они предались торговле. Философы, мечтающие лишь о всяких противовесах и гарантиях, ни разу не подумали о том, чтобы добиться для общественного организма той гарантии, какую правительства требуют, довольно предусмотрительно, от своих агентов фиска! Государь обеспечивает себе добросовестность своего сборщика податей посредством денежного залога и перспективой неизбежного наказания, если он осмелится поставить на карту или растратить государственные деньги. Почему нам не приходится видеть, чтобы сборщики государственных денег присвоили себе доход от налогов и заявили правительству в жалобном послании: «Тяжелые времена, критические обстоятельства, прискорбные случаи и прочее, одним словом, я объявляю банкротство, несостоятельность или называйте это, как хотите. В вашей кассе должно содержаться десять миллионов; предлагаю вам из нее половину, пять миллионов, с выплатой в течение пяти лет. Пожалейте несчастного сборщика; сохраните за мной ваше доверие и управление вашей кассой, иначе я не смогу вам выплатить и половины, которую сейчас предлагаю; но если вы оставите за мной должность и доходы, я постараюсь честно выполнить свои обязательства, т. е. угостить вас вторым банкротством, как только касса опять наполнится».

Таково вкратце содержание всех писем объявивших себя несостоятельными должников. Сборщики податей не следуют этому примеру только потому, что, как им известно, никакая философская теория не может защитить их от наказания, от которого банкрот укрывается под сенью принципа: предоставьте торговцам полную свободу, не требуя гарантии против их козней.

---

* Слова в скобках добавлены Энгельсом. *Ред.*

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Так пишет Фурье. Продолжение этой статьи во второй книжке «Phalange» содержит три главы о биржевой игре, о барышнической скупке (accaparement) и о паразитизме, которые, однако, в большей своей части уже были опубликованы в «Четырех движениях» [181]. Отчасти по этой причине, отчасти потому, что помещенного выше отрывка вполне достаточно для моей цели, я на этом заканчиваю.

Пусть ученые господа немцы, которые так усердно бороздят «безбрежное море» бездонных * теорий, стремясь во что бы то ни стало выудить *«принцип»* «социализма», берут пример с commis marchand ** Фурье. Фурье не был философом, он питал сильную ненависть к философии, жестоко ее высмеивал в своих произведениях и высказал при этом много соображений, к которым наши немецкие «философы социализма» должны были бы отнестись внимательно. Правда, они мне возразят, что и Фурье был не менее «абстрактен», что посредством своих серий он сконструировал бога и мир не хуже самого Гегеля, но это их не спасет. Гениальные — несмотря ни на что — чудачества Фурье не оправдывают скучных так называемых построений засушенной немецкой теории. Фурье конструирует по-своему будущее, после того как правильно познал прошлое и настоящее; немецкая теория сначала разделывается по своему усмотрению с прошлой историей, а затем предписывает также и будущему, какое ему принять направление. Сравните, например, данные у Фурье эпохи общественного развития (дикость, патриархат, варварство, цивилизацию) и их характеристики с гегелевской абсолютной идеей, с трудом прокладывающей себе путь через лабиринт истории и в конце концов сооружающей, охая и кряхтя, некую видимость трихотомии — в противовес *четырем* мировым империям [182]; что же касается послегегелевских конструкций, то о них и говорить нечего. Ибо, если у Гегеля конструкция все же имеет какой-то смысл, хотя и превратный, то у послегегелевских изобретателей систем она лишена уже всякого смысла.

Немцам пора бы уже перестать, наконец, так кичиться своей основательностью. Из самых ничтожных данных они не только выведут вам что угодно, но и увяжут это со всемирной историей. На основании первого попавшегося, полученного из третьих рук факта, о котором им даже не известно, произошел ли он

* Игра слов: «grundlos» — «бездонный», а также «необоснованный», «пустой». *Ред.*

** — купеческого приказчика. *Ред.*

так или иначе, они вам докажут, что он *должен* был произойти именно так, а не иначе. Разве кто-нибудь в Германии писал о социальных вопросах, не сказав и о Фурье чего-нибудь такого, что самым основательным образом дискредитирует немецкую основательность? В числе прочих некий г-н Кайзер[183] сразу же использовал «отличное сочинение Л. Штейна» для создания всемирно-исторической конструкции, у которой, к сожалению, лишь тот недостаток, что все положенные в ее основу факты ложны. Что касается Фурье, то немецкая теория уже, по крайней мере, раз двадцать отводила ему «место в развитии абсолютной идеи» — и каждый раз другое место — и каждый раз в отношении сути дела немецкая теория полагалась на г-на Штейна или на другие такие же сомнительные источники. Поэтому-то немецкий «абсолютный социализм» так ужасающе жалок. Немножко «человечности», как сейчас принято выражаться; немножко «реализации» этой человечности или, скорее, животности, кое-что о собственности по Прудону — из третьих или четвертых рук, — несколько вздохов о пролетариате, кое-что об организации труда, жалкие союзы для улучшения положения низших классов народа[184] — наряду с безграничным невежеством в отношении политической экономии и действительного состояния общества — вот к чему сводится весь этот «социализм», который к тому же утрачивает последнюю каплю крови, последние следы энергии и силы в результате своей беспартийности в области теории, своего «абсолютного спокойствия мысли». И таким переливанием из пустого в порожнее хотят революционизировать Германию, привести в движение пролетариат, побудить массы к мысли и действию!

Если бы наши немецкие наполовину и вполне коммунистические доценты дали себе труд хоть немного познакомиться с главными произведениями Фурье, которые им ведь не менее доступны, чем любая немецкая книга, — какой бы они нашли в них неисчерпаемый источник материала для конструирования и прочих целей! Какую бы массу новых идей — и сейчас еще новых для Германии — они бы там нашли! Но эти добрые люди до сих пор не способны предъявить современному обществу никакого обвинения, кроме положения пролетариата, да и об этом они могут сказать не слишком-то много. Конечно, положение пролетариата — главный пункт, но разве критика современного общества этим исчерпывается? На примере Фурье, который, за исключением позднейших своих сочинений, совсем мало касается этого пункта, видно, как можно и без этого признать существующее общество совершенно негодным и одной только критикой буржуазии, — именно ее внутренних

взаимоотношений, не касаясь ее отношения к пролетариату, — прийти к выводу о необходимости переустройства общества. В такого рода критике Фурье доныне остается единственным. Фурье неумолимо вскрывает лицемерие респектабельного общества, противоречие между его теорией и практикой, пустоту всего его образа жизни, высмеивает его философию, его стремление к perfection de la perfectibilité perfectibilisante * и к auguste verité **; Фурье высмеивает его «чистую мораль», его единообразные общественные установления и сопоставляет с ними его практику, doux commerce ***, которую подвергает мастерской критике, разнузданные наслаждения, не дающие наслаждения, организованный в браке адюльтер, всеобщий хаос. Это все такие стороны существующего общества, о которых в Германии вопрос совсем еще не поднимался. Правда, кое-что было сказано о свободе любви, о положении женщины, об ее эмансипации; но к чему это свелось? Две три путаные фразы, несколько синих чулков, немного истерии и добрая толика жалоб по поводу немецкой семейной неурядицы — гора родила мышь!

Немцам следовало бы сначала хоть сколько-нибудь познакомиться с общественным движением за границей, с его практикой и с его литературой, — к практическому движению относится вся история Англии и Франции за последние восемьдесят лет, английская промышленность и французская революция, — затем им следовало бы сделать на практике и в литературе столько же, сколько сделали их соседи, и *лишь после этого* было бы уместно ставить такого рода праздные вопросы, как вопрос о бо́льших или меньших заслугах различных наций. Но тогда уже не найдется и аудитории для таких софистических дискуссий.

А пока самое лучшее было бы немцам прежде всего познакомиться с достижениями заграницы. Появившиеся до сих пор книги об этом — все без исключения *плохие*. Такого рода краткие изложения могут дать в лучшем случае только критику произведений, но не познакомить с самими произведениями. Последние частью являются редкостью и их нельзя достать в Германии, частью слишком объемисты, частью смешаны с материалами, сохранившими лишь историческое и литературное значение и уже неинтересными для немецкой публики в 1845 году. Чтобы сделать доступными эти произведения, ценное содержание которых и поныне еще ново для Германии, необходимо произвести отбор и обработку, подобно тому как

* — совершенству совершенствующей способности к совершенствованию. *Ред.*
** — высочайшей истине. *Ред.*
*** — милую торговлю. *Ред.*

это делают со всем поступающим к ним из-за границы материалом французы, являющиеся и в этих делах гораздо более практичными, чем мы. Обработанные таким образом важнейшие произведения иностранной социалистической литературы в ближайшем будущем начнут выходить. Несколько немецких коммунистов, между ними наиболее выдающиеся деятели движения, которые столь же легко могли бы дать оригинальные труды, объединились для этого начинания [185]; оно, надо надеяться, покажет мудрым немецким теоретикам, что вся их премудрость устарела, что по ту сторону Рейна и Ла-Манша все это уже давным-давно продискутировано pro et contra *. И лишь после того, как они узнают, что́ было сделано *до* них, они смогут показать, на что способны *они сами*.

Брюссель

Написано Ф. Энгельсом во второй половине 1845 г.

Напечатано в ежегоднике «Deutsches Bürgerbuch für 1846». Mannheim, 1846
Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту ежегодника

Перевод с немецкого

* — за и против. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФЕЙЕРБАХ [186]

a) Вся философия Фейербаха сводится 1) к натурфилософии — пассивному обожанию природы, восхищенному преклонению перед ее великолепием и всемогуществом, — 2) к антропологии, а именно α) к физиологии, — то, что здесь сказано, не содержит ничего нового сверх того, что материалисты говорили о единстве тела и души, только сказано это не так механически, но зато несколько напыщеннее, β) к психологии, которая сводится к дифирамбам в честь любви, возносящим ее до небес, аналогично культу природы, кроме этого — ничего нового, 3) к морали, к требованию — соответствовать понятию «Человека»; impuissance mise en action *. Ср. § 54, стр. 81: «Нравственное и разумное отношение человека к желудку состоит в том, чтобы относиться к нему не как к чему-то скотскому, а как к чему-то человеческому». — § 61: «Человек... как моральное существо» и пространные разглагольствования о нравственности в «Сущности христианства».

---

b) Что на нынешней ступени развития люди могут удовлетворять свои потребности только внутри общества, что вообще люди с самого начала, с тех пор как они существуют, нуждались друг в друге и только благодаря этому могли развивать свои потребности и способности и т. д., что они вступили в общение, — все это Фейербах выражает таким образом, что

«отдельный человек *сам по себе не обладает в себе сущностью* человека», что «*сущность* человека заключается только в общности, в *единстве*

* — бессилие, приведенное в действие [187]. *Ред.*

человека с человеком, в единстве, которое, однако, опирается на *реальность различия* между Я и Ты. — Человек сам по себе есть человек (в обычном смысле), человек же в *единении* с человеком, единство *Я и Ты, есть бог»* (т. е. человек в сверхобычном смысле) (§ 61, 62, стр. 83).

Философия дошла до того, что тривиальный факт необходимости общения между людьми, факт, без знания которого вообще никогда не появилось бы на свет последующее, когда-либо существовавшее, поколение людей и который заключается уже в половом различии, — этот факт философия в конце всего своего пути выставляет как величайший результат. И к тому же еще в мистической форме «единства Я и Ты». Эта фраза была бы совершенно невозможна, если бы Фейербах не имел в виду κατ' ἐξοχὴν * половой акт, акт продолжения рода, общность Я и Ты **. И поскольку фейербаховская общность становится *практической,* она и ограничивается половым актом и взаимным соглашением относительно философских мыслей и проблем, «истинной диалектикой» (§ 64), диалогом, «*порождением* человека, как духовного, так и физического» (стр. 67). О том, чтó еще впоследствии делает этот «*порожденный*» человек, помимо того, что он опять-таки «духовно» и «физически» «порождает людей», — об этом не говорится ни слова. Фейербах только и знает общение между *двумя,*

«ту истину, что ни одно существо не есть само по себе истинное, совершенное, абсолютное существо, что истина и совершенство — только в соединении, в единстве *двух* существ, одинаковых по своей сущности» (стр. 83, 84).

---

c) Начало «Философии будущего» тотчас же обнаруживает различие между нами и им:

§ 1: «Задачей нового времени было осуществление и очеловечение бога, превращение теологии в антропологию, растворение первой во второй». Ср.: «Отрицание теологии есть *сущность* нового времени» («Философия будущего», стр. 23).

---

d) Различие, проводимое Фейербахом между католицизмом и протестантизмом в § 2 — католицизм: «теология», «интересуется только тем, чтó есть бог сам по себе», имеет «спекулятивную и созерцательную тенденцию»; протестантизм же ограничивается одной христологией, предоставив бога самому себе,

* — главным образом. *Ред.*

** Потому именно, что Человек = голова + сердце и что для создания Человека требуются двое, — один фигурирует в их общении в качестве *головы,* а другой в качестве *сердца* — *мужчина* и *женщина.* Иначе непонятно, почему *двое* человечнее одного. Сен-симонистский индивид.

а спекуляцию и созерцание философам, — это различие есть не что иное, как разделение труда, возникшее из потребности, которая соответствовала сравнительно слабому развитию науки. Из одной лишь этой потребности, существующей *внутри теологии*, Фейербах объясняет протестантизм, а к этому затем уже непринужденно присоединяется самостоятельная история философии.

---

e) «Бытие не есть всеобщее, отделимое от вещей понятие. Оно едино с тем, чтó есть... Бытие есть полагание сущности. *Какова моя сущность, таково мое бытие*. Рыба существует в воде, но от этого бытия нельзя отделить ее сущность. Уже язык отождествляет бытие и сущность. Только в человеческой жизни, *да и то лишь в ненормальных, несчастных случаях*, бытие отделяется от сущности; здесь случается, что сущность человека не обретается там, где он сам существует, но именно вследствие этого разделения он уже и в подлинном смысле своей душой не обретается там, где действительно находится его тело. Только там, где Твое сердце, *находишься Ты*. Но все вещи — *за исключением противоестественных случаев* — охотно обретаются там, где они есть, и охотно являются тем, чтó они есть» (стр. 47).

Превосходная апология существующего. За исключением противоестественных случаев, немногих ненормальных случаев, Ты охотно становишься на седьмом году жизни привратником в угольной шахте, по четырнадцати часов проводишь один во мраке, и раз таково Твое бытие, то такова же и Твоя сущность. Точно так же — присучальщик у сельфактора. Такова уж Твоя «сущность», что Ты должен быть подчинен какой-либо отрасли труда. Ср. «Сущность веры» [188], стр. 11, «неутоленный голод»...

---

f) § 48, стр. 73: «*Средством* для непротиворечивого соединения — в одном и том же существе — противоположных или противоречащих определений служит только *время*. Так происходит, по крайней мере, в живом существе. Только таким путем обнаруживается здесь, — например в человеке, — *противоречие*, состоящее в том, что сейчас мною владеет и меня наполняет *данное* определение, данное намерение, а потом — совершенно иное и даже прямо противоположное».

Это Фейербах называет 1) противоречием, 2) соединением противоречий и 3) это, по его мнению, осуществляется временем. Конечно, «наполненным» временем, но все-таки временем, а не тем, чтó в нем происходит. Это положение равносильно тому, что только во времени возможно изменение.

Написано Ф. Энгельсом, вероятно, осенью 1845 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 5, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

*ОТВЕТ НА АНТИКРИТИКУ Б. БАУЭРА [189]

Брюссель, 20 ноября. *Бруно Бауэр,* заикаясь, лепечет в «*Wigand's* Vierteljahrsschrift», III том, стр. 138 и сл. несколько слов в ответ на сочинение *Энгельса* и *Маркса* «Святое семейство, или Критика критической критики. 1845». Прежде всего *Б. Бауэр* объявляет, будто *Энгельс* и *Маркс* не поняли его, повторяет с наипростодушнейшей наивностью свои старые претенциозные, давно превратившиеся в ничто, фразы и высказывает сожаление, что оба названные писателя не знают его словечек о «непрестанной борьбе и победе, уничтожении и созидании Критики», о том, что она-де — «единственная сила истории», о том, как «единственно критик и только критик *сокрушил* религию в ее целостности и государство в его различных проявлениях», как «работал и работает критик», все в том же тоне широковещательных заверений и патетических излияний. В самом своем ответе *Бауэр* дает непосредственно новый, разительный образец того, «*как работал и работает критик*». А именно, «трудолюбивый» критик находит более соответствующим своей *цели* сделать предметом своих восклицаний и цитат, вместо самой книги *Энгельса* и *Маркса,* посредственную и путаную *рецензию на эту книгу* в «*Westphälisches Dampfboot*» (майский выпуск, стр. 206 и сл.) [190] — *подтасовка,* которую он с критической осторожностью скрывает от читателя.

Списывая со страниц «Dampfboot», *Бауэр* прерывает эту «*тяжкую работу*» копирования только односложным, но многозначительным пожиманием плечами. К пожиманию плечами свелась вся критическая критика, с тех пор как ей больше ничего не осталось сказать. Она находит спасение для себя

в плечевых мышцах, несмотря на свою ненависть к *чувственности,* которую она не умеет представить себе иначе, как только в форме «*дубинки*» (смотри «*Wigand's* Vierteljahrsschrift», стр. 130), в форме орудия наказания для своей теологической наготы.

Вестфальский рецензент, в поверхностной торопливости, передает содержание реферируемой им книги в смехотворных резюме, прямо противоречащих самой книге. «*Трудолюбивый*» критик списывает эту пачкотню рецензента, подсовывает ее *Энгельсу* и *Марксу* и, торжествуя, восклицает, обращаясь к некритической массе, которую он одним взглядом повергает в прах, а другим кокетливо приманивает к себе: «*Смотрите, каковы мои противники!*».

Сопоставим теперь документальные данные дословно.

Рецензент в «Westphälisches Dampfboot»:

«Чтобы убить евреев, он *(Б. Бауэр)* «превращает их в теологов, а вопрос политической эмансипации — в вопрос эмансипации человеческой; чтобы уничтожить *Гегеля,* он превращает его в господина *Хинрикса;* а чтобы разделаться с французской революцией, коммунизмом, Фейербахом, он вопиет: «масса, масса, масса!» и еще раз: «масса, масса, масса!» и распинает эту массу во имя духа, каковым является критика, это истинное воплощение абсолютной идеи в Бруно из Шарлоттенбурга» («Westphälisches Dampfboot», там же, стр. 212).

«*Трудолюбивый*» *критик:*

«Критик критической критики» становится «под конец ребячливым», «он выступает арлекином на theatro mundi * и «хочет уверить нас», будто «он вполне серьезно *утверждает,* что *Бруно Бауэр,* чтобы убить евреев, и т. д. и т. д.» — следует *дословно* все только что приведенное место из «Westphälisches Dampfboot», совершенно отсутствующее в «Святом семействе» («*Wigand's* Vierteljahrsschrift», стр. 142).

Сравните с этим, как излагается отношение критической критики к еврейскому вопросу и к политической эмансипации в «Святом семействе», между прочим, на стр. 163—185, ее отношение к французской революции, стр. 185—195, к социализму и коммунизму, стр. 22—74, стр. 211 и сл., стр. 243—244, а также весь отдел о критической критике в образе Рудольфа, *князя* Герольштейнского, стр. 258—333 [191]. Об отношении критической критики к *Гегелю* смотри тайну «спекулятивной конструкции» и последующее изложение, стр. 79 и сл., далее стр. 121 и 122, стр. 126—128, стр. 136—137, стр. 208—209, стр. 215—227 и стр. 304—308; об отношении критической критики к *Фейербаху* смотри стр. 138—141 и, наконец, о результате и тенденции критических битв против французской революции, материализма и социализма — стр. 214—215.

---

* — мировой арене. *Ред.*

Иэ этих мест станет ясно, что вестфальский рецензент делает иэ всего этого самое превратное, до смешного неправильное и чисто воображаемое реэюме, — резюме, которое *«чистый»* и *«трудолюбивый»* критик *подсовывает* подлиннику с «соэидающей и уничтожающей» ловкостью.

Далее!

Рецензент в *«Westphälisches Dampfboot»:*

«На его» (именно *Б. Бауэра*) *«пошлый самоапофеоэ,* в котором он старается доказать, что там, где он прежде был скован предрассудками массы, эта скованность была только необходимой иллюзией критики, *Маркс* отвечает обещанием выпустить следующий *схоластический трактатец:* «Почему зачатие девы Марии должно было быть доказано именно господином *Бруно Бауэром»* и т. д. и т. д.» («Dampfboot», стр. 213).

«Трудолюбивый критик»:

«Он (критик критической критики) «хочет *доказать нам»* — и под конец сам начинает *«верить»* в свой обман, — что там, где *Бауэр* прежде был скован предрассудками массы, он желает теперь представить эту скованность только как необходимую иллюзию критики, а не наоборот, как результат необходимого хода развития критики, и сей критик предлагает поэтому, в качестве *ответа* на этот *«пошлый самоапофеоз»,* следующий схоластический трактатец: «Почему зачатие девы Марии и т. д. и т. д.»» (*«Wigand's* Vierteljahrsschrift», стр. 142—143).

В «Святом семействе» на стр. 150—163 [192] читатель найдет особый отдел о *самоапологии Бруно Бауэра,* но, к сожалению, в этом отделе нет *ни звука* об упомянутом схоластическом трактатце, который, следовательно, вовсе и не предлагается в качестве ответа на самоапологию *Бруно Бауэра,* как это воображает вестфальский рецензент и как это услужливо списывает у него *Бруно Бауэр* под видом цитат из *«Святого семейства»,* местами даже применяя *кавычки.* В действительности же о трактатце говорится в другом отделе и в другой связи. (Смотри «Святое семейство», стр. 164 и 165 [193]). В каком смысле там об этом идет речь, пусть читатель сам справится и еще раз подивится «чистому» хитроумию «трудолюбивого критика».

В заключение *«трудолюбивый» критик* восклицает:

«Все это» (т. е. рассуждения, заимствованные *Бруно Бауэром* из «Westphälisches Dampfboot» и *подсунутые* им авторам «Святого семейства»), «разумеется, основательно затыкает рот *Бруно Бауэру* и наставляет критику на путь истинный. *Наоборот, Маркс* показал нам зрелище, выступив под конец сам в роли забавного комедианта» (*«Wigand's* Vierteljahrsschrift», стр. 143).

Чтобы понять это *«наоборот»,* нужно знать, что *вестфальский рецензент,* у которого *Бруно Бауэр* работает в качестве *переписчика,* диктует своему критическому и трудолюбивому писцу следующее:

«Всемирно-историческая драма» (именно борьба *бауэровской* критики против массы) «превращается без особого искусства в *забавнейшую комедию*» («Westphälisches Dampfboot», стр. 213).

Тут злополучный переписчик вскакивает с места: переписать свой собственный приговор — выше его сил. «*Наоборот!*» — перебивает он диктующего вестфальского рецензента, — «*Наоборот... Маркс... забавнейший комедиант!*», — и он отирает со лба холодный пот.

Прибегнув к крайне неискусной *подтасовке*, к самой плачевной передержке, *Бруно Бауэр* только подтвердил в последней инстанции смертный приговор, вынесенный ему *Энгельсом* и *Марксом* в «Святом семействе».

Написано 20 ноября 1845 г.

Напечатано без подписи в журнале «Gesellschaftsspiegel», Bd. II, № 7, 1846

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

* ФРАГМЕНТЫ ИЗ РУКОПИСИ I ТОМА «НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ» [194]

ИЗ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ: «ФЕЙЕРБАХ. ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО И ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО ВОЗЗРЕНИЙ»

[1] Мы не станем, конечно, утруждать себя тем, чтобы просвещать наших мудрых философов относительно того, что «освобождение» «человека» еще ни на шаг не продвинулось вперед, если они философию, теологию, субстанцию и всю прочую дрянь растворили в «самосознании», если они освободили «человека» от господства этих фраз, которыми он никогда не был порабощен *; что действительное освобождение невозможно осуществить иначе, как в действительном мире и действительными средствами, что рабство нельзя уничтожить без паровой машины и мюль-дженни, крепостничество — без улучшенного земледелия, что вообще нельзя освободить людей, пока они не будут в состоянии полностью в качественном и количественном отношении обеспечить себе пищу и питье, жилище и одежду. «Освобождение» есть историческое дело, а не дело мысли, и к нему приведут исторические отношения, состояние промышленности, торговли, земледелия, общения... ** [2] затем еще, в соответствии с различными ступенями их развития, бессмыслицу субстанции, субъекта, самосознания и чистой критики, совершенно так же, как религиозную и теологическую бессмыслицу, и после этого снова устранят ее, когда они продвинутся достаточно далеко в своем развитии ***. Конечно, в такой

* Пометки Маркса на полях: «Философское и действительное освобождение». «Человек *вообще. Единственный. Индивид*». «Геологические, гидрографические и т. п. условия. Человеческое тело. Потребность и труд». *Ред.*

** Рукопись повреждена: оторван нижний край листа, отсутствует одна строка текста. *Ред.*

*** Пометка Маркса на полях: «Фразы и действительное движение. Значение фраз для Германии». *Ред.*

стране, как Германия, где историческое развитие происходит лишь в самом жалком виде, эти движения в области чистой мысли, это вознесенное на небеса и бездеятельное нищенство возмещают недостаток исторических движений, укореняются, и против них следует вести борьбу. Но это борьба местного значения *.

[29] даже в самой отдаленной степени не соответствует их «сущности», — то, согласно упомянутому месту, это является неизбежным несчастьем, которое следует, мол, спокойно переносить. Однако эти миллионы пролетариев или коммунистов думают совершенно иначе и в свое время докажут это, когда они практически, путем революции приведут свое «бытие» в соответствие со своей «сущностью». В подобных случаях Фейербах никогда не говорит поэтому о мире человека, но каждый раз спасается бегством в область внешней природы, и притом *такой* природы, которая еще не подчинена господству людей. Но с каждым новым изобретением, с каждым шагом вперед промышленности от этой области отрывается новый кусок, и та почва, на которой произрастают примеры для подобных фейербаховских положений, становится, таким образом, все меньше и меньше. Ограничимся одним положением: «сущность» рыбы есть ее «бытие», вода. «Сущность» речной рыбы есть вода реки. Но эта вода перестает быть ее «сущностью», она становится уже неподходящей средой для ее существования, как только эта река будет подчинена промышленности, как только она будет загрязнена красящими веществами и прочими отбросами, как только ее станут бороздить пароходы, как только ее вода будет отведена в каналы, где рыбу можно лишить среды для ее существования, просто прекратив подачу воды. Провозглашение всех противоречий подобного рода неизбежной ненормальностью, в сущности, не отличается от того утешения, которое святой Макс Штирнер дает недовольным, говоря, что это противоречие является их собственным противоречием, это плохое положение — их собственным плохим положением, причем они могут или успокоиться на этом, или оставить свое собственное недовольство при себе, или же фантастическим образом взбунтоваться против этого положения. Столь же мало отличается эта концепция Фейербаха и от упрека святого Бруно: эти злополучные обстоятельства проистекают, мол, из того, что те, кого постигло несчастье,

* Пометка Маркса на полях: «Язык есть язык действительности». *Ред.*

застряли в дерьме «субстанции», не дошли до «абсолютного самосознания» и не познали эти плохие отношения как дух от своего духа.

ИЗ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ: «СВЯТОЙ МАКС»

... *[и что буржуа... выражают... господства собственников... что ныне собственники стали буржуазией par excellence **]

[...] «Уже 8 июля заявление епископа Отёнского *** и Барера уничтожило видимость того, что Каждый, Отдельный имеет значение в законодательстве; оно показало полное бессилие избирателей; большинство депутатов стало хозяином положения».

«*Заявление* епископа Отёнского и Барера» является *предложением,* которое первый из них внес 4 (а не 8) июля и с которым Барер не имел ничего общего, кроме того, что он поддержал его 8 июля вместе со многими другими [195]. Оно было принято 9 июля, поэтому совершенно непонятно, почему святой Макс говорит о 8 июля. Это предложение отнюдь не «уничтожило» «видимости того, что *Каждый, Отдельный* имеет значение» и т. д. — напротив, оно уничтожило обязательную силу переданных депутатам наказов, то есть влияние и «значение» не «Каждого, Отдельного», а 177 феодальных bailliages и 431 divisions des ordres [196]; принятием этого предложения Собрание лишило Генеральные штаты их старого феодального характера. Впрочем, в то время речь шла не о правильной теории народного представительства, а о весьма практических, неотложных вопросах. Армия Брольи держала Париж под постоянной угрозой и с каждым днем подходила все ближе; столица была в крайнем волнении; прошло едва две недели после jeu-de-paume и lit-de-justice [197]; двор интриговал вместе с массой дворянства и духовенства против Национального собрания; наконец, в большинстве провинций вследствие существовавших еще в них феодальных таможенных пошлин и в результате феодального характера всего сельского хозяйства царил голод и давала себя знать большая нехватка денег. В этот момент было необходимо, заявил сам Талейран, assemblée essentiellement active ****, в то время как наказы дворян и прочей реакции давали двору возможность объявить недействительным решение Собрания, ссылаясь на избирателей. Приняв предложение Талей-

* Предшествующий данному фрагменту текст см. в настоящем издании, т. 3, стр. 187 (первые два абзаца). *Ред.*

** — по преимуществу; начало вышеприведенных строк повреждено. *Ред.*

*** Имеется в виду Талейран, который был епископом Отёнским с 1788 по 1791 год. *Ред.*

**** — исключительно активное Собрание. *Ред.*

рана, Собрание объявило себя независимым, узурпировало власть, которая ему была необходима, что, естественно, в области политики могло произойти лишь в рамках политических форм и при использовании существующих теорий Руссо и т. д. (сравни «Le Point du jour», 1789, № 15 и 17, издаваемый Барером де Вьёзак). Национальное собрание вынуждено было сделать этот шаг, ибо многочисленная масса, стоявшая за ним, толкала его вперед. Благодаря этому оно, таким образом, отнюдь не сделалось «совершенно эгоистичной Палатой, оторвавшейся от пуповины и не знавшей пощады», напротив, оно впервые стало *действительным органом* огромной массы французов, которая в противном случае его бы уничтожила, как это и случилось позднее с «совершенно эгоистическими» депутатами, «отрывавшимися от пуповины». Но святой Макс при посредстве своего маклера по делам истории * видит в этом решение только теоретического вопроса; он рассматривает Учредительное собрание, за шесть дней до штурма Бастилии, как собор отцов церкви, которые спорят относительно какого-то места в догматах! Впрочем, вопрос о «значении Каждого, Отдельного» может возникнуть лишь в демократически избранном представительстве, и во время революции он был поставлен лишь в Конвенте, по столь же эмпирическим причинам, как в данном случае вопрос о наказах. Вопрос, который Учредительное собрание разрешило *также* и теоретически, — это различие между представительством господствующего *класса* и представительством господствующих *сословий* и это политическое господство буржуазного *класса* было обусловлено положением каждого Отдельного, и, следовательно, тогдашними производственными отношениями. Представительство является совершенно специфическим продуктом современного буржуазного общества, которое столь же трудно отделить от него, как и современного отдельного индивида.

Подобно тому как святой Макс считает 177 bailliages и 143 divisions des ordres «Отдельными», так же он видит затем в абсолютном монархе и его car tel est notre plaisir ** господство «Отдельного» в противоположность конституционному монарху, «господству призрака» (стр. 141), а в дворянине, члене цеха снова «Отдельного» в противоположность гражданину государства (стр. 137).

«Революция была направлена не против *Существующего,* а против этого существующего, против этого *определенного состояния*» (стр. 145) [198].

---

* Намек на Б. Бауэра. *Ред.*

** — «ибо такова наша воля» — заключительная формула французских королевских эдиктов. *Ред.*

Первая страница
«Проекта Коммунистического символа веры» Ф. Энгельса

Следовательно, не против существующей системы земельной собственности, налогов, таможенных пошлин, препятствующих торговле на каждом шагу и...

Написано между ноябрем 1845 и началом 1846 г.

Впервые опубликовано на языке оригинала в журнале «International Review of Social History», Vol. VII, 1962, Part I

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке фрагменты из первой главы впервые опубликованы в журнале «Вопросы философии» № 10, 1965 г.; фрагмент из третьей главы публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОЕКТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СИМВОЛА ВЕРЫ [199]

Вопрос 1. *Ты коммунист?*

Ответ. — Да.

Вопрос 2. *Какова цель коммунистов?*

— Преобразовать общество так, чтобы каждый его член мог совершенно свободно развивать и применять все свои способности и силы, не посягая при этом на основные условия этого общества.

Вопрос 3. *Как вы намерены достигнуть этой цели?*

— Путем уничтожения частной собственности, место которой займет общность имущества.

Вопрос 4. *Чем вы обосновываете вашу общность имущества?*

— Во-первых, тем, что развитие промышленности, земледелия, торговли и колонизации породило массу производительных сил и жизненных средств, и тем, что бесконечные возможности их неограниченного увеличения заложены в машинах, химических и других вспомогательных приспособлениях.

— Во-вторых, тем, что в сознании или чувстве каждого человека известные положения существуют как непоколебимые принципы, положения, которые являются результатом всего исторического развития и не нуждаются в доказательстве.

Вопрос 5. *Что это за положения?*

— Например, каждый человек стремится к тому, чтобы быть счастливым. Счастье отдельного человека неотделимо от счастья всех, и т. д.

Вопрос 6. *Каким образом вы намерены подготовить вашу общность имущества?*

— Посредством просвещения и объединения пролетариата.

Вопрос 7. *Что такое пролетариат?*

— Пролетариат — это тот класс общества, который живет исключительно за счет своего труда [200], а не за счет прибыли с какого-нибудь капитала; тот класс, счастье и горе, жизнь и смерть которого зависит поэтому от смены хорошего и плохого состояния дел, одним словом, от колебаний конкуренции.

Вопрос 8. *Значит, пролетарии существовали не всегда?*

— Не всегда. *Бедные* и *трудящиеся классы* существовали всегда; и обычно трудящиеся почти всегда были бедняками. Пролетарии же существовали не всегда, так же, как не всегда конкуренция была свободной.

Вопрос 9. *Как возник пролетариат?*

— Пролетариат возник в результате введения машин, которые начали изобретать с середины прошлого столетия и из которых главнейшими являются: паровая машина, прядильная машина и механический ткацкий станок. Эти машины, которые стоили очень дорого и поэтому могли быть доступны только богатым людям, вытеснили тогдашних рабочих, ибо при помощи машин можно было изготовлять товары дешевле и быстрее, чем это в состоянии были делать прежние рабочие на своих несовершенных прялках и ткацких станках. Таким путем машины целиком отдали промышленность в руки крупных капиталистов и совершенно обесценили ту незначительную собственность, которая принадлежала рабочим и состояла главным образом из их инструментов, ткацких станков и т. п., так что капиталист получил все, а рабочий ничего. Тем самым было положено начало фабричной системе. Когда капиталисты увидели, насколько это им выгодно, они стали стремиться распространить фабричную систему на все большее количество отраслей труда. Они все больше и больше осуществляли разделение труда между рабочими, так что тот, кто раньше выполнял всю работу целиком, отныне стал делать только какую-то часть ее.

Упрощенная таким образом работа позволяла изготовлять изделия быстрее и поэтому дешевле, и лишь после этого почти в каждой отрасли труда обнаруживали, что и здесь можно было бы применить машины. Как только в какой-нибудь отрасли труда утверждалось фабричное производство, подобно тому, как это имело место в прядении и ткачестве, она переходила в руки крупных капиталистов, и рабочие лишались последних остатков самостоятельности.

Постепенно мы пришли к тому, что почти во *всех* отраслях труда утвердилось фабричное производство. Вследствие этого тогдашнее среднее сословие, в особенности мелкие ремесленные мастера, все более и более разорялось, прежнее положение работника совершенно изменилось и образовалось два новых класса, постепенно поглощающие все прочие. А именно:

I. Класс крупных капиталистов, которые во всех передовых странах являются почти единственными владельцами жизненных средств, а также тех средств (машин, фабрик, мастерских и т. п.), при помощи которых эти жизненные средства производятся. Это класс *буржуа* или *буржуазия*.

II. Класс совершенно неимущих, которые вследствие этого вынуждены продавать первому классу, буржуа, свой труд, чтобы за это получать от них одни лишь жизненные средства. Так как при этой торговле трудом стороны находятся не *в равном положении*, а буржуа — в более выгодном, то неимущие вынуждены мириться с плохими условиями, которые им ставит буржуа. Этот зависимый от буржуа класс называется классом *пролетариев* или *пролетариатом*.

Вопрос 10. *Чем отличается пролетарий от раба?*

— Раб продан *раз* и навсегда. Пролетарий вынужден сам продавать себя ежедневно и ежечасно. Раб является собственностью *одного* господина и именно поэтому существование раба обеспечено, как бы жалко оно ни было. Пролетарий, так сказать, раб всего *класса* буржуазии, а не *одного* господина, и поэтому его существование не обеспечено, когда никто его труд не покупает, когда никто в его труде не нуждается. Раб считается *вещью*, а не членом

гражданского общества. Пролетарий признается *личностью,* членом гражданского общества. Следовательно, раб *может* иметь более сносное существование, чем пролетарий, но последний стоит на более высокой ступени развития. Раб освобождает себя тем, что *становится пролетарием* и упраздняет из всех отношений собственности *только* отношение *рабства.* Пролетарий же может освободить себя, только упразднив *собственность вообще.*

Вопрос 11. *Чем отличается пролетарий от крепостного?*

— В пользовании крепостного находится участок земли, следовательно, орудие производства, и за это он отдает бóльшую или меньшую часть дохода. Пролетарий же работает орудиями производства, которые являются собственностью другого, и тот уступает пролетарию за его труд долю продукта, определяемую конкуренцией. Доля крепостного работника определяется его собственным трудом, следовательно, им самим. Доля пролетария определяется конкуренцией, следовательно, прежде всего самим буржуа. Существование крепостного обеспечено, существование пролетария не обеспечено. Крепостной освобождает себя тем, что он изгоняет своего феодала, и сам становится собственником, следовательно, вступает в сферу конкуренции и присоединяется до поры до времени к имущему, привилегированному классу. Пролетарий же освобождает себя тем, что уничтожает собственность, конкуренцию и все классовые различия.

Вопрос 12. *Чем отличается пролетарий от ремесленника?*

— В отличие от пролетария так называемый ремесленник, который еще в прошлом столетии существовал почти везде, да и теперь еще кое-где существует, является самое большее *временным* пролетарием. Его цель — самому нажить капитал и с его помощью эксплуатировать других рабочих. Этой цели он нередко может достигнуть там, где еще существуют цехи, или там, где свобода промысла еще не привела к ведению ремесла на фабричный лад и к сильной конкуренции. Но как только фабричная система вводится в ремесло и широко расцветает конкуренция, эта перспектива отпадает, и ремесленник все больше превращается в пролетария. Ремесленник, таким образом,

освобождает себя тем, что *либо* становится буржуа, или вообще переходит в среднее сословие, *либо* становится пролетарием вследствие конкуренции (как это теперь большей частью происходит) и присоединяется к движению пролетариата, т. е. к более или менее сознательному коммунистическому движению.

Вопрос 13. *Следовательно, вы не считаете, что общность имущества была возможна во все времена?*

— Нет. Коммунизм возник только тогда, когда машины и другие изобретения сделали возможной для всех членов общества перспективу всестороннего образования, счастливого существования. Коммунизм есть учение об освобождении, которое было невозможно для рабов, крепостных или ремесленников, а стало возможно только для пролетариев, и поэтому он неизбежно принадлежит девятнадцатому столетию и был невозможен когда-либо в прежние времена.

Вопрос 14. *Вернемся к шестому вопросу. Если вы намерены подготовить общность путем просвещения и объединения пролетариата, то вы, следовательно, отвергаете революцию?*

— Мы убеждены в том, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Мы знаем также, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции везде и всегда являются необходимым следствием обстоятельств, которые вовсе не зависят от воли и руководства отдельных партий, равно как и целых классов. Но вместе с тем мы видим, что развитие пролетариата почти во всех странах мира насильственно подавляется имущими классами и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом.

Вопрос 15. *Намерены ли вы вместо теперешнего общественного порядка сразу ввести общность имущества?*

— Мы об этом не помышляем. Развитие масс не допускает декретирования. Оно обусловливается развитием условий, в которых живут эти массы, и происходит поэтому постепенно.

Вопрос 16. *Каким образом вы считаете возможным осуществить переход от современного состояния к общности имущества?*

— Первым основным условием для введения общности имущества является политическое освобождение пролетариата путем установления демократического государственного устройства.

Вопрос 17. *Каким будет ваше первое мероприятие, после того как вы установите демократию?*

— Обеспечение пролетариату средств существования.

Вопрос 18. *Как вы намерены осуществить это?*

— I. Путем такого ограничения частной собственности, которое подготовляет постепенное превращение ее в общественную собственность, например, путем прогрессивных налогов, ограничения права наследования в пользу государства и т. д.

II. Путем предоставления рабочим работы в национальных мастерских и фабриках, а также в национальных имениях.

III. Путем воспитания всех детей на государственный счет.

Вопрос 19. *Как вы организуете это воспитание в переходный период?*

— Все дети с того момента, когда они могут обходиться без материнского ухода, будут воспитываться и обучаться в государственных учреждениях.

Вопрос 20. *Не будет ли вместе с введением общности имущества одновременно провозглашена общность жен?*

— Никоим образом. В личные отношения между мужем и женой, как и в дела семьи вообще, мы будем вторгаться лишь в той мере, в какой сохранение существующих форм стало бы препятствовать новому общественному строю. Впрочем, нам очень хорошо известно, что в ходе истории семейные отношения претерпевали изменения в зависимости от отношений собственности и периодов развития, и поэтому уничтожение частной собственности окажет и на них весьма значительное влияние.

Вопрос 21. *Сохранятся ли национальности при коммунизме?*

— Национальные черты народов, объединяющихся на основе принципа общности, именно

в результате этого объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут точно так же, как отпадут всевозможные сословные и классовые различия вследствие уничтожения их основы — частной собственности.

Вопрос 22. *Отвергают ли коммунисты существующие религии?*

— Все существовавшие до сих пор религии являлись выражением исторических ступеней развития отдельных народов или народных масс. Коммунизм же является той ступенью исторического развития, которая делает излишними и снимает [aufhebt] все существующие религии *.

От имени и по поручению конгресса

Секретарь *Хайде* **

Председатель *Карл Шилль* ***

Лондон, 9 июня 1847

Впервые опубликовано в книге: «Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847)», Hamburg, 1969

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 1, 1970 г.

* Здесь кончается текст, написанный рукой Энгельса. *Ред.*

** Союзная кличка Вильгельма Вольфа. *Ред.*

*** Союзная кличка Карла Шаппера. *Ред.*

К. МАРКС

ПРОТЕКЦИОНИСТЫ [201]

1) Никогда не защищали мелкую промышленность, только машинную промышленность. Пример, в Германии школа Листа. Гюлих.

2) Если верить тому, что говорят протекционисты, они сохраняют в лучшем случае status quo. Протекционизм никогда не достигает того, чтобы покровительствуемый продукт продавался на внешних рынках. Следовательно, протекционизм реакционен.

3) Последним утешением протекционистов является то, что страна эксплуатируется не иностранными, а отечественными капиталистами.

4) Говорят, что следует провести реформы внутри страны, прежде чем думать о свободе торговли. Протекционистской системе как таковой не дана власть реформировать положение классов. Но, говорят, было бы глупо реформировать международные отношения, прежде чем будут реформированы отношения внутри страны. Но что такое охранительная система? Доказательство того, что класс, который ее проводит, держит в своих руках власть. Следовательно, пока охранительная система остается в силе, капиталисты никаких уступок делать не будут. Кроме того, господа, крупные социальные и исторические реформы никогда не совершаются посредством уступок, благодаря великодушию господствующих классов, а лишь в силу nécessité des choses *. К этим реформам надо вынудить. Следовательно, нелепо думать, что в стране, где господствует

* — объективной необходимости. *Ред.*

протекционистская система, даже в форме пошлин на ввозимые товары, может что-либо измениться в отношениях между капиталом и трудом. Я не буду больше говорить о протекционистах.

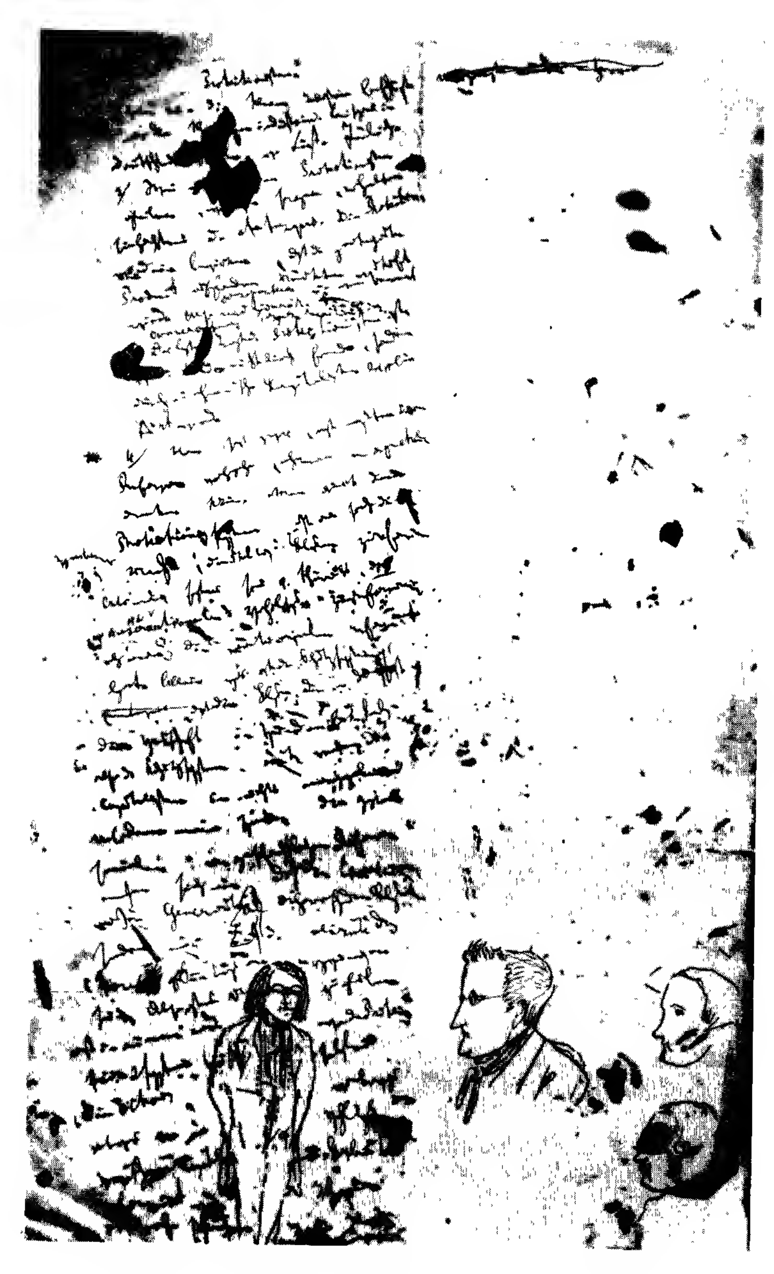
Написано К. Марксом около 18 сентября 1847 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 6, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Страница рукописи К. Маркса «Протекционисты»

К. МАРКС

СПРОС [202]

В большинстве работ по политической экономии *спрос* рассматривается почти только с индивидуальной точки зрения. Всемирное историческое развитие спроса — его всеобщее распространение — зависит прежде всего от знакомства различных стран мира с продукцией друг друга. Если в процессе развития спрос создает торговлю, то в свою очередь первоначальная торговля была создана спросом. Спрос составляет материальное содержание торговли — совокупность предметов обмена, совокупность товаров, предназначенных для обмена и торговли. Войны, путешествия, предпринимаемые с целью открытий и т. д., все исторические события, вследствие которых народы устанавливают между собой связи, также являются условиями для расширения спроса — образования мирового рынка. Увеличение спроса обеспечивается непосредственно и прежде всего тем, что происходит взаимный обмен уже *имеющимися в наличии изделиями* разных стран. Спрос постепенно теряет свой локальный и т. д. характер и становится широко распространенным. В потребление жителей той или иной страны все больше входит таким образом продукция всех стран.

Крестовые походы, например, сделавшие более известной продукцию Востока, сильно увеличили спрос на его изделия в Западной Европе (ср. J тетрадь III, стр. 106). Пункты, куда стекается эта продукция для обмена, превращаются в города мирового рынка; в такой форме мировой рынок существует преимущественно до открытия Америки. В XIV и XV вв. это Константинополь, итальянские города, Брюгге и Лондон. И теперь еще в них происходит *нечто вроде ярмарок*, т. е. они служат пунк-

тами, куда стекаются купеческие караваны. В XIX в. ярмарки уже имеют лишь второстепенное значение (ср. J тетрадь III, стр. 166). То обстоятельство, что эти рынки так мало еще зависят от собственной промышленности и что вообще их расцвет связан именно с тем, что они являются всеобщими торговыми складами, — видно из того, что после *1498 г.* торговля итальянских городов падает с того момента, когда главным рынком для индийских тканей и пряностей становится *Лиссабон.* Также и *Антверпен* в XVI в. сохраняет такой же ограниченный характер, как прежде Брюгге и т. д.

Главенство в области торговли. Первой господствующей *торговой нацией* являются голландцы (с конца XVI до середины XVII в.). До этого времени существовали лишь крупные *торговые города.* Испанцы и португальцы образуют переход от преобладания торговых городов к преобладанию торговых наций. Однако торговое судоходство и рыболовство составляют все еще решающую составную часть голландского главенства.

Европейский северо-восток и его отношение, как земледельческого района, к европейскому западу. По мере того, как здесь развиваются ремесла и судостроение, повышается спрос на северо-восточное сырье, и вместе с ним растет и его производство.

Голландия, первая торгово-промышленная нация с конца XVI до середины XVII в., является также первой нацией, которую не обеспечивало собственное земледелие и население которой увеличивалось значительно быстрее, чем земледельческое производство внутри страны. Поэтому она первой начинает производить крупные закупки зерна. *Амстердам* становится главным зернохранилищем Западной Европы (ср. J тетрадь III, стр. 167).

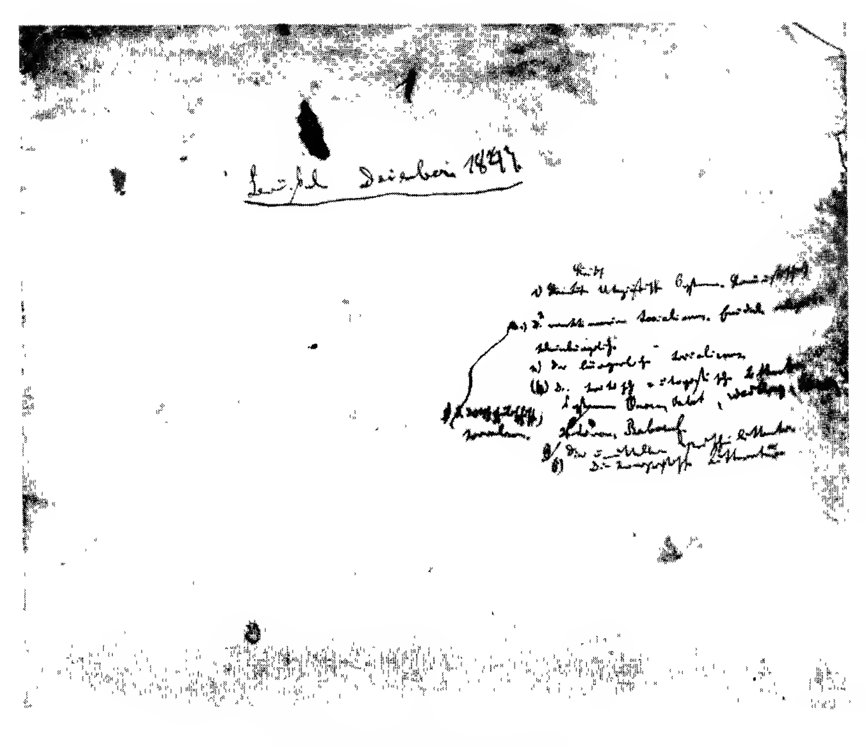
Написано К. Марксом в декабре 1847 г.

Впервые опубликовано на французском языке в книге: Karl Marx. «Oeuvres. Économie, II», [Paris], 1968

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

Набросок плана III главы
«Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса

К. МАРКС

* НАБРОСОК ПЛАНА III ГЛАВЫ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» [203]

1) ⟨Критика *⟩. Критически-утопические системы. (Коммунистические.)
2)

1) Реакционный социализм, феодальный, религиозный, мелкобуржуазный.
2) Буржуазный социализм.
3) Немецко-философский социализм **.
4) Критически-утопическая литература. Системы Оуэна, Кабе, Вейтлинга, Фурье, Сен-Симона, Бабёфа.
5) Непосредственно партийная литература.
6) Коммунистическая литература [204].

Написано К. Марксом в конце декабря 1847 — начале января 1848 г.

Впервые опубликовано в Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 6, 1932

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* В рукописи это слово зачеркнуто Марксом. *Ред.*

** Данный пункт плана Маркс вставил слева на полях страницы и соответственно изменил нумерацию последующих пунктов. *Ред.*

К. МАРКС

* СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 205

...пролетариев, в пользу закона о 10-часовом рабочем дне, не разделяя их иллюзий относительно результатов этой меры *.

Впрочем мы уже видели:

Коммунисты не выдвигают никакой новой теории частной собственности. Они лишь констатируют тот исторический факт, что ⟨средства производства⟩ ** буржуазные производственные отношения, а тем самым и буржуазные отношения собственности больше не ⟨соответствуют⟩ ⟨наиболее развитым⟩ ⟨обществ...⟩ развитию общественных производительных сил, а потому ⟨развитию самой промышленности⟩ и в...

Но не спорьте с нами ⟨противопоставляя⟩, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных идей о свободе, образовании и т. д. Ваши идеи сами ⟨являются лишь⟩ ⟨соответствуют⟩ являются продуктом ⟨существующих⟩ буржуазных производственных отношений, и буржуазных отношений собственности, точно так же, как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса.

⟨Ваше⟩ Пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои буржуазные производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических ⟨лишь⟩, преходящих, соответствующих лишь определенной ⟨зрелости⟩ ступени развития производительных сил, в вечные законы

---

* Первые две строчки написаны рукой Женни Маркс. *Ред.*

** В угловые скобки заключены зачеркнутые в рукописи слова. *Ред.*

природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами!

Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеете более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности феодальной.

И все же вы не можете отрицать того факта, что ⟨в ходе⟩ развития ⟨буржуазной⟩ промышленности односторонняя, на... *

Коммунисты не выдвигают никакой новой теории собственности. Они констатируют только факт. Вы же отрицаете самые очевидные факты, вы вынуждены их отрицать. Вы — утописты, обращенные к прошлому.

Написано К. Марксом
в декабре 1847 — январе 1848 г.

Впервые опубликовано в виде факсимиле
в журнале «Der wahre Jacob»
№ 565 (6), 17 марта 1908 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* В рукописи вся эта фраза, включая зачеркнутые слова, перечеркнута несколькими штрихами. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

БАНКЕТ СТОРОННИКОВ РЕФОРМЫ В ЛИЛЛЕ. — РЕЧЬ Г-НА ЛЕДРЮ-РОЛЛЕНА [206]

В ответ на тост: «За рабочих, — за их неотъемлемые права, за их священные интересы, пока непризнанные».

«Граждане! Да, за рабочих! За их неотъемлемые права, за их священные интересы, которые до сих пор не признаны. За неотчуждаемые права человека, которые были провозглашены в принципе двумя славными революциями *, но практически не применялись вследствие искусных уловок, постепенно были отобраны у народа и теперь являются лишь славным, но горьким воспоминанием! Политические права народу — это же, говорят, безумие. Как можно вверить их ему при его неспособности, невежестве, моральной развращенности? Предоставить народу политическую свободу — значит разнуздать слепую и опасную силу! Это революция — кровь — анархия — хаос! Господа, вы знаете народ, вы, живущие в этом промышленном городе, столь богатом и одновременно столь бедном, можете ли вы поверить в правдивость этой картины? О! Несомненно, если заглянуть в произведения некоторых писателей-романистов, которым важнейшая сторона дела кажется тривиальной, вульгарной, которые ради успеха изображали забавное, фантастическое, необычное, — то народ именно таков! Принимая за нормальную жизнь наших городов быт какой-либо местности, где находят убежище скрывающиеся от правосудия преступники, или образ жизни подонков общества, они говорят нам: «Таков народ!». Разумеется, он и был бы таким, если бы мы поверили этим продажным писакам, которые вопят о нашествии варваров, чтобы запугать богачей! *Варваров!* Они наделили этим эпитетом народ, нанеся ему самое тяжкое оскорбление. Ах! Если слово варвары всегда обозначает людей простодушных, сильных, общительных, полных юношеской энергии! — то лишь такие варвары и могут спасти наш обветшалый официальный мир, в своей немощи и коррупции быстро идущий к упадку. Нет, тысячу раз нет! Народ не таков. Его следует искать не на арене преступлений и разврата. Чтобы узнать народ, нам нужно отправиться в те промышленные города, где фабрикант, борясь с подавляющей его необузданной конкуренцией, находясь в гнетущих тисках

---

* Очевидно имеются в виду революции 1789—1794 и 1830 годов. *Ред.*

между деспотическим нажимом капитала и сопротивлением наемных рабочих, вынужден снижать заработную плату, чтобы избежать банкротства и бесчестия. О! Не верьте, что народ, ищущий справедливости, всегда считает хозяев виновниками этой жестокой необходимости. Ведь он знает, что наша промышленность нуждается в сбыте, что перед нами закрывается большинство рынков мира, и что наша торговля пришла в упадок там, где попирается ногами наш флаг. И вот, среди этих превратностей судьбы, среди этих колебаний, кризисного состояния заработной платы, что остается делать рабочему? Поскольку заработка отца уже не хватает, чтобы прокормить семью, дочь становится проституткой ради куска хлеба, малолетнего ребенка посылают обслуживать эту чудовищную машину и истощать свои еще неокрепшие силы. И любуясь прекрасными изделиями, продукцией нашей промышленности, ваш взгляд останавливается на рахитичных детях, на поблекших молодых девушках, на истощенных мужчинах, согнувшихся под тяжестью непосильного труда. И тем не менее, среди этого физически изношенного населения, каждый, кто избежал истощения, болезней, кто достиг нормального роста, смело идет воевать за родину, готовый умереть под ее знаменами! Таков народ городов, общительный, добрый, терпеливо переносящий повседневные мучения и, более того, черпающий в себе самом свет знаний, так скупо ему отпускаемых, читающий, иногда слагающий стихи о своих муках и чаяниях, выпускающий газеты, в которых освещаются важнейшие проблемы, касающиеся будущих судеб человечества и подготавливается их решение! Таков народ городов, которого некоторые писатели, по своему собственному скудоумию, называют варварами!.. В этом беглом, неполном наброске мы видели лишь обычную жизнь народа, его повседневную борьбу; но если вдруг обрушится какое-либо непредвиденное бедствие — сильное наводнение, вовлекающее все в свой водоворот, или страшный пожар, или внезапно начнет свирепствовать жестокая холера, — кто отзовется первый на призыв к гуманности? Кто забудет свои семьи, своих жен, прикованных к постели детей, которые завтра могут умереть, кто безвозмездно отдаст свою жизнь и, выполнив свой долг, скроется, не сообщив даже своего имени? — Народ! Своим умением и самоотверженностью, разумом и сердцем народ заслужил те права, которых он добивается. И кому это известно лучше, чем гражданам, победившим двойную тиранию дворянства и духовенства благодаря сверхчеловеческим усилиям народа? Обращаясь к этому духовенству, к этому дворянству во время Генеральных штатов 1614 г., представитель *буржуазии* сказал однажды: «Вы, наши старшие братья, и вы, наши младшие братья, — ибо все мы братья — составляем одну и ту же нацию». А духовенство и дворянство пытались заткнуть рот этому мужественному представителю *третьего* сословия и заставить своих лакеев избить его, считая плебея принадлежащим к подчиненной, низшей расе... Народ не только достоин сам представлять себя, но если быть справедливым, он *один* только и может успешно представлять *себя*. Действительно, кто в законодательной палате в настоящее время достаточно знает его интересы, его нужды, чтобы осмелиться их защищать?.. Многие люди, господа, готовы присоединиться к нашему принципу реформы, ибо ее необходимость в настоящее время самоочевидна. Но они все еще страшатся успехов демократии, а между тем никогда еще столь значительное и важное движение в поступательном развитии человечества, не имело таких благоприятных предзнаменований! Произведем беглый обзор выдающихся людей нашей собственной эпохи. Возвышаясь над всеми, стоит человек, чьи пророческие слова запечатлены в каждом сердце. «Не пройдет и пятидесяти лет, сказал Наполеон, и Европа станет либо

казацкой, либо республиканской»... Казацкой она не станет, и вы, в этом патриотическом городе, имеете право так сказать. Если где-либо и были бы возможны сомнения на этот счет, то, разумеется, не в среде тех, чья любовь к национальной независимости и к революции превратила в 1792 г. каждого гражданина в героя! Республиканской, — но здесь я делаю паузу, господа, — сентябрьские законы действуют [207], и чтобы быть сильными, вооружаясь для справедливого дела, мы должны уметь держаться в рамках закона. Я позволю себе поэтому лишь назвать в качестве выразителей моих мыслей имена некоторых людей, которые составляют славу нашей страны. Того, например, кто пропел возвышенный гимн легитимизму и завоевал славу, пытаясь возродить древние руины прошлого — Шатобриана, который, будучи искренним человеком, не мог представить себе ближайшее будущее мира иначе, как движение по пути демократии... Беранже, чьи патриотические гимны будут вечно распеваться всеми — гимны, которые мы, его современники, должны заставлять наших детей учить как молитвы, пока не совершится месть за Ватерлоо! Беранже верит в установление суверенитета народа. А Ламартин с его искрометной поэзией и красноречием — он прошел через легитимизм, — побывал в болоте умеренных, чтобы приблизиться к нам. Хотя он — страстный поклонник жирондистов, но благородная прямота его натуры позволила ему сделать выводы в пользу радикалов. Имеется, однако, нечто, что еще отделяет его от чистой демократии; что касается меня, я вижу лишь гигантские шаги, которыми он ежедневно стремительно приближается к нам. Так обстоит дело в области литературы, господа, и этого единодушного свидетельства таких известных людей в пользу нашей партии должно быть достаточно, чтобы укрепить ее надежды. Но загляните в область науки. Обратите внимание на человека, стоящего выше всех, которого и Старый и Новый свет хотели бы отнять у нас — Араго! Если бы не неотложные служебные обязанности, он был бы здесь, среди вас. Он намного лучше, чем на это способен я, рассказал бы вам о правах народа; ибо он первым отстаивал их в другой ассамблее, где для этого требовалось немало морального мужества. Так что же? Разве Араго не целиком предан демократии? А в области искусства, кто своим мощным резцом высекает из мрамора изображения людей, наилучшим образом послуживших народу? Кто вверяет навечно бронзе фигуры великих революционеров, чтобы передать их потомству для восхищения будущих поколений? Давид д'Анже! Разве и он не стоит за дело народа? Итак, если столько прославленных людей высказываются в пользу демократии или борются за ее осуществление, как не сделать отсюда вывод, что право и провидение сражаются вместе с нами и за нас? Таковы уроки, преподанные отдельными талантливыми людьми. А уроки, преподанные народами, разве не получают своего открытого проявления? Посмотрите на Польшу — на героическую Польшу — последнее биение ее сердца все еще отдано борьбе за свободу — у нее нет больше армии; каждый день новый мученик жертвует собой ради ее дела. Италия; она также стремится к объединению. Она восстает из руин, составлявших ее славу, чтобы завоевать себе новую славу. Пусть не будет она доверчива в своем пробуждении, пусть она помнит о Мазаньелло. Швейцария; — я чувствую, что должен хорошо взвесить свои слова в этот торжественный момент. Мы можем сделать только одно, господа, мы можем объединиться на время, в воспоминаниях и мыслях, с теми, кого мы считаем братьями, и пожелать, чтобы победа всегда была на их стороне, как были до сих пор на их стороне право и разум! Дело Швейцарии — наше дело, господа; радикалы сражаются там с двумя врагами, которые являются бичом нашей эпохи — аристократами и

недостойными священниками. Уважение к верованиям, но война против тех, кто под маской религии прислуживает деспотизму и тирании. Близоруки те, кто не видит в этом двойном союзе — гения и народа — близкого пришествия Мессии равенства! Итак, о народ, которому я желал бы пожертвовать всю свою преданность и силу, — *надейся* и *верь*. В этот период, когда гаснет твоя прежняя вера, когда на тебя пока еще не пролился новый свет, каждый вечер в своем жалком жилище повторяй благоговейно бессмертный символ — СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО! Да, свобода для всех; свобода совести, свобода мысли, свобода союзов; ибо человек не может стать нравственным без общения с другими людьми, а строй, основанный на коррупции, стремится изолировать человека, с целью еще большего порабощения его. Они знают, что нельзя сломать связанные воедино прутья. Равенство также для всех — равенство перед гражданским законом, равенство в политических делах, равенство в области образования, чтобы человек руководствовался только нравственностью и добродетелью! Братство — неисчерпаемый источник, который породит благородные и прославленные институты — единения и силы *. Тогда труд не будет только правом, он станет обязанностью. Пусть не будет иных доходов, кроме добытых трудом и для труда. Да, спасение. О великий и бессмертный символ, твое пришествие близко! Народ, пусть рукоплескания, расточаемые твоему покорному слуге, вернутся к тебе и принесут тебе одновременно утешение и надежду!».

Написано Ф. Энгельсом в первой половине декабря 1847 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 530, 18 декабря 1847 г. с пометкой редакции: «От нашего парижского корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* В речи Ледрю-Роллена: «великие институты — кредита, ассоциации, солидарности». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМУ ВО ФРАНЦИИ. — БАНКЕТ В ДИЖОНЕ [208]

Это собрание демократов департамента Кот-д'Ор явилось бесспорно самым блестящим из всей серии банкетов сторонников реформы. На обеде было 1 300 человек. Присутствовали депутации почти от всех близлежащих городов, и даже швейцарская депутация, состоявшая из граждан Невшателя, Женевы и Люцерна. О характере собрания можно судить по именам главных ораторов — гг. Луи Блана, Флокона, Ледрю-Роллена, Этьена Араго, — все они принадлежат к крайней демократической партии, представленной газетой «La Réforme». Нам нет необходимости говорить, что никаких тостов за Луи-Филиппа на этом обеде не произносилось.

Г-н Сипьяр из близлежащего города Гре произнес тост «За демократов Лилля», которые недавно на банкете в своем городе решительно отвергли компромисс с мнимыми либералами и благодаря своей энергии, единодушию и уму спасли честь демократии *.

Затем г-н Этьен Араго — известный представитель литературного мира Парижа, чья комедия «Аристократы» совсем недавно была поставлена и прошла с огромным успехом, говорил на тему «Развитие литературы, науки и изящных искусств»; он показал в своей блестящей речи, какое быстрое развитие получат литература и наука при свободном и демократическом строе.

Для тоста «Будущий прогресс Франции» ** председатель предоставил слово г-ну Луи Блану, который был очень горячо

* См. настоящий том, стр. 368—371. *Ред.*
** В речи Луи Блана: «Будущее Франции». *Ред.*

встречен собравшимися. Он произнес блестящую речь, содержащую много правильных и ярких мыслей о прошлом развитии Франции, о выводах, которые можно сделать из него в отношении ее будущего, об особом неизгладимом отпечатке, оставленном революцией на всем французском демократическом движении. Его речь неоднократно и заслуженно прерывалась аплодисментами. Она была вполне достойна лучшего писателя-историка, какого сейчас имеет Франция. Однако в ней есть один пункт, по поводу которого нам хотелось бы высказать кое-какие замечания, причем мы надеемся, что они будут приняты в таком же доброжелательном духе, в каком мы пишем о них.

Г-н Блан сказал:

«Нам нужно единение в рамках демократии. И пусть никто не заблуждается — мы мыслим и трудимся не только для Франции, но и для всего мира, ибо будущность Франции заключает в себе и будущность человечества. В самом деле, мы занимаем такое превосходное положение, что никогда не переставая быть национальными, мы неизбежно являемся космополитами, и даже более космополитами, чем национальными. Всякий, кто назвал бы себя демократом и пожелал бы быть в то же время англичанином, опроверг бы историю своей собственной страны, ибо роль, которую играла Англия, всегда сводилась к борьбе эгоизма против братства. Подобным же образом француз, не пожелавший быть космополитом, опроверг бы роль * своей страны, ибо во Франции никогда не могла бы получить преобладания такая идея, которая не шла бы на благо всему миру. Господа, во времена крестовых походов, когда Европа двинулась на завоевание гроба господня, именно Франция взяла это движение под свое покровительство. Позже, когда католические священники вознамерились навязать нам иго папского верховенства, галликанские епископы отстояли свободу совести. А кто в последние дни старой монархии поддержал молодую республиканскую Америку? [209] Франция, все та же Франция! И если это верно в отношении монархической Франции, то может ли оно быть не верным в отношении республиканской Франции? Где еще в летописях истории найдем мы что-либо похожее на удивительное, полное самопожертвования, бескорыстие Республики, когда, истекая кровью на наших границах и на эшафоте, она нашла еще возможным проливать кровь за своих батавских братьев! [210] Когда она, побежденная или победительница, озаряет даже своих врагов сиянием своего гения! Пусть Европа высылает против нас шестнадцать армий, мы в ответ пошлем ей свободу».

Без всякого намерения умалить значение героических усилий французской революции или огромной признательности, которую мир по праву выражает великим деятелям Республики, мы полагаем, что сравнительная позиция Франции и Англии в отношении космополитизма [211] обрисована в вышеприведенном отрывке вовсе не правильно. Мы полностью

* В речи Луи Блана: «историю». *Ред.*

отрицаем космополитический характер, приписываемый дореволюционной Франции; доказательством тому могут послужить времена Людовика XI и Ришелье. Что же, собственно, приписывает г-н Блан Франции? Что во Франции никогда не могла бы получить преобладания такая идея, которая не шла бы на благо всему миру. А мы полагаем, что г-н Луи Блан не сможет назвать нам ни одной страны в мире, которая могла бы поступить иначе, чем якобы поступала Франция. Возьмите для примера Англию, которую г-н Блан прямо противопоставляет Франции. Англия изобрела паровую машину; Англия построила железную дорогу; а эти вещи, полагаем мы, стóят не мало идей. Но изобрела ли их Англия для себя или для всего мира? Французы похваляются тем, что они повсюду распространяют цивилизацию, особенно в Алжире. А кто же распространил цивилизацию в Америке, Азии, Африке и Австралии [212], если не Англия? Кто основал ту самую республику, в освобождении которой некоторое участие принимала Франция? Англия, все та же Англия! Если Франция содействовала освобождению американской Республики от английской тирании, то Англия ровно двумя столетиями раньше освободила голландскую республику от испанского гнета [213]. Если Франция подала в конце прошлого столетия славный пример всему миру, то мы не можем обойти молчанием тот факт, что Англия подала такой же пример на полтораста лет раньше [214], и что в то время даже Франция не была еще готова последовать ему. Что касается идей, то те самые идеи, которые французские философы XVIII века — Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер и другие — так успешно популяризировали, то где первоначально зародились эти идеи, как не в Англии? Не будем забывать Мильтона, первого защитника цареубийства, Алджернона Сидни, Болингброка и Шефтсбери из-за их более блестящих французских последователей.

Если бы англичанин «назвал себя демократом.., он опроверг бы историю своей собственной страны», говорит г-н Блан.

А мы считаем самым главным свидетельством подлинной демократии именно то, что она *должна* опровергнуть историю своей страны, что она *должна* отказаться от всякой ответственности за прошлое, полное нищеты, тирании, классового угнетения и суеверия. Пусть французы не составляют исключения среди других демократов; пусть они не принимают на себя ответственности за действия своих королей и аристократов прежних времен. Поэтому то, в чем г-н Блан усматривает недостаток английских демократов, мы считаем их большим

преимуществом, а именно, что они *должны* отказаться от прошлого и смотреть только в будущее.

«Француз неизбежно является космополитом». Да, в таком мире, где преобладает французское влияние, французские нравы, обычаи, идеи, политические порядки. В таком мире, где каждая нация переняла характерные свойства французской национальности. Но именно это и не могут принять демократы других стран. Вполне готовые отказаться от грубых черт своей собственной нации, они ожидают того же от французов. Их не удовлетворяет утверждение со стороны французов, что они *являются* космополитами; подобное утверждение равносильно требованию, чтобы все остальные стали французами.

Возьмите для сравнения Германию. Германия является родиной огромного числа изобретений, например, печатного станка. Германия — и это признано всеми — породила значительно большее количество возвышенных и космополитических идей, чем Франция и Англия вместе взятые. А на практике Германия всегда подвергалась унижению, всегда оказывалась обманутой во всех своих надеждах. Она лучше, чем кто-либо, может рассказать, что такое французский космополитизм. В той же мере, в какой Франция могла жаловаться — вполне справедливо — на вероломство английской политики, Германия испытала на себе столь же вероломную политику со стороны Франции, начиная с Людовика XI и кончая Луи-Филиппом. Если бы мы стали применять мерку г-на Луи Блана, то истинными космополитами оказались бы немцы, а они вовсе не претендуют на это.

Но довольно об этом. Мы желали бы устроить дискуссию по данному вопросу, так как только это может привести к взаимопониманию, к прочному союзу между французской и английской демократией.

После г-на Блана г-н Флокон предложил тост «За демократов Европы».

Г-н Флокон сказал:

«Посмотрите вокруг себя, прислушайтесь к голосам, доносящимся из других стран; сетования или угрозы; жалобные вздохи или упования — о чем говорят они? Они взывают к принципам французской революции; перед лицом всякого деспотизма они провозглашают ее бессмертный девиз: *Свобода, Равенство, Братство!* Да, те самые народы, которые, будучи введены в заблуждение в силу своего рабского положения и невежества, вели нечестивую войну против революции; теперь они собираются толпами, чтобы встать под ее знамя, и обещают быть страстными защитниками славных принципов, в торжество которых они не верили в прошлом. Этот поразительный факт теперь очевиден всему миру, и я не

знаю ничего более грозного для наших врагов, ничего, что могло бы более эффективно напомнить нам о нашем долге. В Англии рядом со старыми фракциями, перед лицом самой богатой... и самой деспотической в мире аристократии, организуется народ. Огромная ассоциация, руководимая опытными лидерами, ежедневно вербует в свои ряды множество рабочих, которые возьмут на себя задачу отмщения за все несправедливости, причиненные человечеству. Права человека не являются новым девизом в Англии. Еще в период прежних гражданских * войн среди религиозного фанатизма и политических страстей многие партии ясно видели великую социальную истину:

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Где был тогда господин? [215]

Это провозгласили ковенантеры [216] почти триста лет тому назад. Тот же вопрос поднимается снова; хлопчатобумажные магнаты не меньше пренебрегают жалобами рабочего люда, чем лендлорды прежних времен. Поэтому мало заявить о своих правах, народ должен быть достаточно сильным, чтобы взять их, и английский народ это знает... В Бельгии как раз в настоящий момент организуется общество, объединяющее демократов всех наций, и подготовляется демократический конгресс [217]. В Германии, в то время как монархи забавляются игрой в дарование конституции, народ готовится к тому, чтобы самому решить задачу своего собственного спасения».

Затем оратор сделал краткий обзор движения в Польше, Италии и Швейцарии и закончил свою речь следующими словами:

«Да, семена революции дают ростки, почва плодородна, прекрасный цветок надежды украшает поля будущего. Но зима затянулась, мы должны скоро взять в руки серп, чтобы снять свой урожай. Так возьмемся же снова за дело революции, начав с того места, где кончили наши отцы. Поторопимся, иначе нам придется браться за него там, где они начинали». (Бурные аплодисменты.)

Следующий тост «За суверенитет народа» был произнесен г-ном Ледрю-Ролленом, депутатом палаты.

Затем были зачитаны письма с извинениями, полученные от гг. Франсуа Араго, Ламенне и Дюпон де л'Эра, и на этом собрание закрылось.

Эта демонстрация доказывает, что провинциальные демократы все больше и больше покидают партию «National» для того, чтобы сплотиться вокруг партии «Réforme».

Написано Ф. Энгельсом в первой половине декабря 1847 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 530, 18 декабря 1847 г. с пометкой редакции: «От нашего парижского корреспондента»

Печатается по тексту газеты

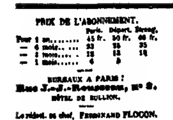
Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

---

* Слово: «гражданских» вставлено Энгельсом. *Ред.*

Lundi 10 Janvier 1848.

LA REFORME

PRIX DES INSERTIONS:
Librairie, en petit texte: 75 cent. la ligne.
RÉCLAMES
AFFRANCHIR tout ce qui concerne la rédaction et l'administration.
Imprimerie de BOULÉ, rue Coq-Héron, 3.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧАРТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ [218]

[ОБРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВА «БРАТСКИЕ ДЕМОКРАТЫ» К РАБОЧИМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ]

Общество «*Братские демократы*» на своем последнем собрании приняло обращение к рабочим Великобритании и Ирландии. Это обращение, составленное г-ном Гарни, из редакции «*Northern Star*», опубликовано в последнем номере этой газеты [219].

Нарисовав столь же кратко, сколь красноречиво картину страданий, испытываемых ныне рабочим классом, это обращение призывает рабочих обоих островов пополнить ряды своей партийной организации.

Буржуазия повсюду расставляет вам ловушки. Чтобы отвлечь вас от Народной хартии [220], — единственной цели, которой вам следует добиваться, она плодит всякого рода проекты поверхностных реформ. Между тем, на протяжении каких-нибудь нескольких лет вам уже дважды преподносили суровый урок и вы могли убедиться, что любой проект реформы, выдвинутый буржуазией, является для вас нечто вроде плодов, произрастающих, как говорят, на берегах Мертвого моря: красивые и свежие на вид, но совершенно гнилые изнутри. Вспомните агитацию в пользу *билля о реформе* [221] и кампанию за отмену хлебных законов [135].

...Тем не менее от вас еще требуют поддержки национальная лига устранения злоупотреблений, ассоциация против государственной церкви, всевозможные общества для искоренения коррупций, реформы денежной системы, отмены некоторых налогов и т. д. и т. п. Единственная цель авторов всех этих проектов — укрепить и расширить влияние буржуазии, которая уже стоит у кормила власти в Британской империи. Они все объединились, чтобы отказать вам в утверждении ваших гражданских прав; они, следовательно, — ваши открытые враги. Если бы они действительно желали улучшить вашу участь, они помогли бы вам овладеть верховной властью. Они прекрасно знают, что все реформы, которых они добиваются, и еще многое другое, будет осуществлено, когда только вы сможете избирать депутатов в законодательные органы. Как же смеют они называть себя вашими друзьями, если в то же время отказывают вам в избирательном праве?

Пусть каждый рабочий проникнется пониманием той великой истины, что возрождение рабочего класса и спасение всего общества — дело тех, кто родился в хижинах и на чердаках. Принимайте по-братски каждого выходца из привилегированных классов, который отказался от классовых различий и ищет союза с вами; но ни в коем случае не ждите освобождения от того или иного стоящего над вами класса... Вам, поставленным вне закона привилегированными классами, следует искать средства для своего возрождения в собственных просвещенных умах, мужественных сердцах и сильных руках.

...Необходимо обратить ваше внимание на подлейший заговор, который составили против ваших интересов противники всяких реформ и поверхностные буржуазные реформаторы. Эти заговорщики стараются возродить прежнюю национальную рознь, ныне почти угасшую, рознь, которая побуждала некогда рабочего одной страны истреблять, по сигналу своих правителей, граждан других стран. Они стараются разжечь среди народа наших островов непримиримую ненависть к народу Франции под тем предлогом, будто французский народ стремится захватить и поработить Англию.

Рабочие Великобритании и Ирландии! Ваши страны уже захвачены и порабощены врагами, но врагами внутренними, которые низвели вас и в политическом и в социальном отношении до положения илотов. Вы не сможете освободиться от этих врагов, умножая их вооруженную силу. Мы уверены, что подлинный народ Франции, пролетарии, по собственному опыту знает, что их враги так же, как и у нас, находятся не за границей, а в собственной стране. Как и в Англии, во Франции безраздельно господствует крупная буржуазия, попирая ногами сынов труда. Как и в Англии, народ во Франции ведет борьбу против этого врага за свободу, равенство и братство.

Но допустим на мгновение, что страна находится под угрозой неприятельского вторжения; в этом случае Англии нечего было бы опасаться, если бы ее народ был свободен. Вовсе не армии, не флот и не крепости являются истинной защитой нации; единственным защитником страны является подлинно свободный народ...

Пусть привилегированные классы будут лишены своих узурпаторских прав, пусть будет установлено политическое равенство и социальная справедливость — и Англии не будут страшны армии всего мира. Напротив, народ всех стран будет с радостью приветствовать рост английского могущества, если оно будет направлено на защиту свободы и социальное освобождение всего человечества.

Рабочие Великобритании и Ирландии! Зачем вам браться за оружие, зачем вам сражаться за сохранение институтов, в которых вы не участвуете, за сохранение законов, установленных не для того, чтобы вас охранять, а скорей для того, чтобы вас принуждать, за сохранение собственности, которую вы можете рассматривать только как накопление награбленных плодов вашего труда? У вас похищают продукт вашего ремесла, а затем бедность вашу используют как предлог, чтобы лишить вас гражданских прав! И от вас же, порабощенных, обобранных и оскорбленных собственниками, еще требуют, чтобы вы проливали свою кровь ради защиты тех же собственников! Пусть привилегированные, пусть собственники сами борются за свои интересы, привилегии и свою собственность! А если они сами слишком слабы, то пусть предоставят народу то, что ему подобает; пусть научатся подчиняться воле народа; тогда вся нация воздвигнет вокруг британских островов такую крепостную стену, которую никогда не сможет преодолеть ни один чужеземный захватчик!

Вам прежде всего нужно добиваться политической власти, необходимой для вашего социального освобождения. И пока вы не добились этой власти, открыто заявляйте: без права голоса мы не возьмемся за оружие! Предоставьте нам избирательное право, или мы не будем сражаться!

Рабочие Великобритании и Ирландии!.. Давайте отпор заговорщикам, стремящимся подстрекать один народ против другого под бесчестным и фальшивым предлогом, будто люди различных стран являются естественными врагами. Объединяйтесь вокруг знамени демократии, на котором начертано: все люди — братья!

От имени общества «Братские демократы» подписали: Дж. Джулиан Гарни, Эрнест Джонс, Томас Кларк, Чарлз Кин (Великобритания); Ж.-А. Мишло, Г. Бернар (Франция); Карл Шаппер, И. Молль (Германия); Я. Шабелиц, Г. Крелл (Швейцария); Петер Хольм, Лунтберг (Скандинавия); Людвик Оборский (Польша); К. Позе, П. Блюм (Россия).

Написано Ф. Энгельсом 9 января 1848 г.

Напечатано без подписи в газете «La Réforme», 10 января 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ [222]

Что делает правительство? Ничего.

Что делает парламентская, официальная оппозиция? Ничего.

Что может ждать Франция от нынешних палат? Ничего.

Чего хочет Гизо? Остаться министром.

Чего хотят Тьер, Моле и К°? Снова стать министрами.

Что выигрывает Франция от этого «ôte toi [de là], afin que je m'y mette?» *. Ничего.

Правительство и оппозиция обречены, таким образом, на ничегонеделание.

Кто один только совершит будущую французскую революцию? Пролетариат.

Что сделает для этого буржуазия? Ничего.

Написано К. Марксом между 9 и 14 января 1848 г.

Напечатано без подписи в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 5, 16 января и в газете «La Réforme», 19 января 1848 г.

Печатается по тексту «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», сверенному с текстом «La Réforme»

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — «убирайся отсюда, чтобы я занял твое место». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

СЕНСАЦИОННЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ. — АБД-ЭЛЬ-КАДИР. — ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГИЗО

Любопытный документ только что опубликован и распространен в палате депутатов [223], как бы в качестве новогоднего подарка. Это изложение фактов, раскрывающих, каким образом некий г-н Пти получил место сборщика налогов *(receveur particulier)* в Корбейе, недалеко от Парижа, и опубликован этот документ самим г-ном Пти. Он был вынужден пойти на этот шаг вследствие бракоразводного процесса между ним и его женой, во время которого было сделано заявление, будто г-н Пти купил свое место, используя близость своей жены с одним джентльменом, тесно связанным с г-ном Гизо. Г-н Пти заявляет теперь в своей публикации:

«Да, мое место было куплено, как покупаются все должности в наше время, но куплено не с помощью проституции, а за наличные деньги».

Далее г-н Пти подробно описывает, как вначале он добивался должности советника-референта в счетной палате; как в министерстве обещали ему это место, если только он добьется отставки одного из советников; как секретарь министра * намекнул ему, кто из советников более склонен продать свою должность; как затем за 15 000 франков он добился желаемой отставки; как ему после этого заявили, что он должен добиться отставки советника-референта не второго, а первого ранга, поскольку правительство желало этой отставки, чтобы выполнить обещание, которое оно дало с приходом к власти; как посредством различного рода перемещений была компенсирована

* Имеется в виду министр финансов Лякав-Лаплань. *Ред.*

разница в цене этих двух отставок; каким образом, наконец, отставки добились; как после этого министерство потребовало не только отставки, которой добились, но и отставки лица более высокого ранга, главного советника; каким образом и эта отставка была достигнута за «наличный расчет»; как, в конечном счете, г-ну Пти было предложено согласиться на место сборщика налогов в Корбейе взамен должности в счетной палате; как г-н Пти на это согласился; как, наконец, различные заявления об отставке были подписаны и обменены на заранее обусловленные суммы денег и как двумя днями позже были опубликованы все королевские указы, принимавшие отставки, производившие перемещения и назначения на должности заинтересованных лиц в соответствии с условиями сделки.

Таковы основные факты этого дела. Имеются еще и другие менее значительные факты, доказывающие, что г-н Пти, едва уплатив первую сумму, был вынужден вносить все новые и новые. Но на этом я не останавливаюсь. Я упомяну только, что в документе, опубликованном г-ном Пти, все имена приводятся полностью.

Нетрудно себе представить, какой шум эта небольшая брошюра произвела в Париже. Все газеты заполнены ей, тем более, что министр финансов (в ведомство которого входит счетная палата), под чьим руководством заключались вышеупомянутые сделки, публично отрицал подобного рода факты в своем ответе на запрос г-на Люно в палате. Г-н Люно тогда заявил, что продажа должностей в указанном департаменте является делом общеизвестным. Большинство палаты знает об этом так же хорошо, как и оппозиция. Короче говоря, известно всем, за исключением, по-видимому, самого министра. Г-н Лякав встретил это заявление категорическим отрицанием [224]. В настоящее время дело приняло такой оборот, что замять его уже невозможно. И хотя весь Париж занят им почти целую неделю, правительство, однако, хранит полное молчание.

Мы лишь повторим слова, произнесенные г-ном Дюпеном-старшим, когда г-н Люно поднял этот вопрос в палате:

> «Вряд ли стоило совершать революцию для уничтожения продажи должностей, если этой позорной системе дают возможность снова поднять голову».

Следующей темой, занимающей газеты, является пленение Абд-эль-Кадира и решение, к которому придет правительство относительно его будущего места поселения [225]. Несомненно, оно подтвердит и выполнит обещание, данное герцогом Омальским, и отправит эмира в Египет [226]. Любопытно, что почти все

оппозиционные газеты, от «National» до «Constitutionnel», требовали нарушения этого обещания. Теперь это не подлежит сомнению, что обещание было дано условно, и за правительством сохранялось право подтвердить его или нет. Отказ в подтверждении не означал бы, по мнению «Sun», прямого акта *бесчестия*. Но, несомненно и то, что подобный акт со стороны любого другого правительства, в частности английского, те же газеты истолковали бы как самое гнусное предательство. Совершенно очевидно, что поскольку невозможно восстановить то положение дел, при котором Абд-эль-Кадир сдался на определенных условиях, было бы в высшей степени невеликодушно отказать ему в подтверждении условий сдачи. Но в таких вопросах эти *национальные* газеты проявляют слепоту и допускают такие же действия, за которые они порицают других. Единственные две газеты, которые высказались в пользу подтверждения договора с Абд-эль-Кадиром, — это «Presse» и «Réforme». Первая, монархическая, газета требовала подтверждения потому, что правительство не может отказаться от слова, данного сыном короля *, *сыном Франции;* тем самым она возрождала старый дореволюционный титул принцев королевской крови. Нет, заявляет «Réforme», это вопрос весьма щекотливый — здесь затрагивается честь нашей страны; в таких вопросах лучше проявить чрезмерное великодушие, чем чрезмерную строгость, а поэтому следует подтвердить данное слово, *даже если это было слово принца*. Снова одна лишь «Réforme» заняла правильную позицию в этом вопросе.

В общем, по нашему мнению, весьма удачно, что вождь арабов был взят в плен. Борьба бедуинов была безнадежной, и хотя способ ведения войны с ними, применявшийся такими грубыми солдафонами, как Бюжо, заслуживает решительного осуждения, завоевание Алжира является важным и благоприятным фактом для прогресса цивилизации. Пиратские действия берберийских государств, которым английское правительство никогда не препятствовало, пока они не трогали его кораблей, могли быть пресечены лишь посредством завоевания одного из этих государств. А завоевание Алжира уже вынудило беев Туниса и Триполи, и даже императора Марокко **, вступить на путь цивилизации. Им пришлось искать иное занятие для своих народов, чем пиратство, и иные способы пополнения своей казны, чем за счет дани, взимаемой с малых государств Европы. И если мы можем сожалеть о том, что свобода бедуи-

---

* — герцогом Омальским, сыном Луи-Филиппа. *Ред.*

** — Абд-эр-Рахмана. *Ред.*

нов пустыни уничтожена, нам не следует и забывать, что эти самые бедуины были народом разбойников, основным средством существования которых было либо нападение друг на друга, либо набеги на оседлых сельских жителей, у которых они отбирали все, что находили, убивая всех, кто сопротивлялся, и забирая остальных в плен для продажи в рабство. Все эти народы свободных берберов лишь издали кажутся очень гордыми, благородными и славными; но присмотритесь к ним поближе и вы обнаружите, что они так же, как и более цивилизованные нации, руководствуются жаждой наживы и лишь применяют более грубые и более жестокие методы. В конце концов, современный *буржуа* с его цивилизацией, промышленностью, порядком и относительной просвещенностью, оказывается предпочтительнее феодального сеньора или мародерствующего разбойника с варварским состоянием общества, к которому они принадлежат.

Г-н Гизо представил палате часть дипломатической корреспонденции, касающейся Швейцарии и Италии. Первая из них снова доказывает, что он постоянно *попадался на удочку* лорда Пальмерстона, а та и другая свидетельствуют о том, что Франция вступила в тесный союз с Австрией. Это последняя ступень позора, от которого до сих пор Франция Луи-Филиппа была избавлена. Олицетворение тирании, угнетения, осуществляемого самыми гнусными методами, страна застоя и реакции, — вот кто оказался союзницей Франции, преобразованной двумя революциями! Ниже пасть невозможно. Но это совсем неплохо. Чем больше *буржуазия* унижает свою страну, тем ближе день расплаты. И он придет раньше, чем предполагает *буржуазия*. Существует партия, которую она не принимает в расчет, и эта партия — благородный, великодушный и мужественный французский народ.

Спор между «Réforme» и «National» был передан на рассмотрение жюри, избранного обеими партиями. Все враждебные выступления временно прекращены. В конце этого месяца будет вынесено решение. Каким бы оно ни было, мы надеемся, что «Réforme» будет и впредь проводить ту линию, которая только и может спасти демократию во Франции.

Написано Ф. Энгельсом около 10—13 января 1848 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 535, 22 января 1848 г. с пометкой редакции: «От нашего собственного парижского корреспондента»

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЧАРТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

[МИТИНГ В ПОДДЕРЖКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕТИЦИИ] [227]

В прошлый вторник * в Лондоне под председательством г-на Джулиана Гарни состоялся четвертый митинг, созванный чартистским Советом для принятия национальной петиции. Один за другим выступали гг. Кларк и Диксон от Центрального чартистского комитета [228], Уэст из Маклсфилда, Скелтон, Кин и Фассел. Но главными ораторами этого вечера были Гарни и Джонс. Вот выдержки из их речей:

Г-н Эрнест Джонс. — Мы собрались здесь, чтобы содействовать принятию *исключительного закона* против правительства, чтобы оказать такое *давление извне*, которое превратило бы в государственного деятеля даже бедного маленького лорда Джона Рассела. Нам нужно это давление извне **, ибо из всех парламентов, которые у нас были, нынешний парламент, безусловно, наиболее враждебный по отношению к рабочим. (Один голос: Нет, нет!) Кто-то говорит «нет». Но я повторяю, что никогда еще привилегированный класс не проявлял такой враждебности по отношению к рабочим, как наша буржуазия. (Одобрение.) Она сокрушила аристократию слева, а демократию справа и на их развалинах воздвигла свой трон. Я вовсе не желаю возрождать аристократию. Нет! Не трогайте раздавленную змею, она ужалит руку, которая захочет ее исцелить... При аристократическом правлении трудящиеся классы были сытыми рабами, при вашем правлении, господин защитник буржуазии, они — рабы, умирающие с голоду ***. (Гром аплодисментов.)

Поскольку мы имеем парламент более буржуазный, а следовательно, по отношению к нам более враждебный, чем когда-либо, настало время организовать сопротивление. И народ это понимает...

---

* — 11 января 1848 г. *Ред.*

** Первая половина фразы добавлена Энгельсом. *Ред.*

*** В речи Джонса эта фраза дана в следующей редакции: «При феодализме народ представлял собой сытых рабов — при вашем правлении, господин, они являются тощими рабами». *Ред.*

Мы тоже увеличиваем нашу армию; старая гвардия чартизма снова вступает на поле славы. Мы тоже набираем свою милицию — миллионы илотов. Мы тоже укрепляем нашу «национальную оборону»: отвагу в сердцах, дисциплину в своих рядах, единство в действиях! (Бурные аплодисменты.)

Но здесь присутствуют господа, которым всего этого мало и которые заявляют, что миллионов решительных, хорошо организованных и вполне сознательных людей недостаточно, чтобы завоевать Хартию. ...Эти господа призывают народ разбогатеть, утверждая, что тогда он будет свободен. А я вам заявляю: добейтесь свободы и тогда вы будете богаты! (Аплодисменты.)

...Вам разбогатеть! Но каким образом? В работном доме или в тюрьме? Или вы разбогатеете в заповедных лесах, где охотится знать? Или разбогатеете, получая шесть шиллингов (8 франков) в неделю? Или на кладбищах голодающей Ирландии? (Аплодисменты.) Скажите это выброшенным на улицу рабочим Манчестера или 20 тысячам безработных Брадфорда! Скажите это ирландскому крестьянину, умирающему от голода рядом со своей хижиной, сожженной землевладельцем! * Попробуйте это сказать нищему, обивающему пороги аристократов на Гровнор-сквере! Скажите ему раз навсегда, что он должен остаться рабом; но не оскорбляйте его нищету, требуя, чтобы он разбогател! Я знаю, что вы сошлетесь на наше славное *Земельное общество* [229] в доказательство того, что народ может разбогатеть... Уж не воображаете ли вы, что правительство предоставит вам свободу действий?.. Это общество спасло от разорения пятьдесят тысяч семей, но будьте уверены, парламент помешает вам создавать другие такие общества, если вы не добьетесь политической власти!.. Пусть члены общества вспомнят судьбу своих отцов, *йоменов* Англии, которые ведь уже владели землей. Каким образом они ее потеряли? Их задавили налоги.

...Ну что ж! Копите деньги, они потребуются на содержание милиции, на увеличение армии! Ваши деньги! ** Они нужны для возведения новых дворцов, создания новых епископств, для содержания будущих королевских детей! Копите деньги, превращайтесь сами в буржуа и тогда, вот увидите, буржуазия не станет больше испытывать страх перед вами! *** Копите деньги — это несбыточное дело является якобы вашим единственным средством спасения! А почему же не говорят о выборах, о нашей знаменательной победе в Ноттингеме [230], о нашей организации, о подготовке нашей национальной петиции... и Национального конвента?

...Нет, друзья мои, прежде всего нам необходимо избирательное право... И вы, лондонцы, можете сделать больше, чтобы его добиться, чем ваши братья в провинции... Наши отважные северяне находятся далеко отсюда; их голос теряется раньше, чем дойдет до парламента, от которого их отделяют к тому же многочисленные казармы и военные посты. А вы, жители Лондона, имеете возможность сами пойти постучать в двери Св. Стефана [231] и стучать до тех пор, пока ваши привилегированные должники не возместят вам, дрожа от страха, все, что они задолжали вам в течение столетий! Стучите же изо всех сил, не переставая, пока справедливость не восторжествует! (Гром аплодисментов.)

Г-н Джулиан Гарни. — Мы собрались здесь, чтобы принять петицию парламенту... Но мы не просим ни пощады, ни милосердия. Если

* Слово: «землевладельцем» добавлено Энгельсом. *Ред.*
** Слова: «Ваши деньги!» добавлены Энгельсом. *Ред.*
*** Данная фраза вставлена Энгельсом. *Ред.*

бы мы даже были способны унизиться до этого, то и тогда знали бы, что на милосердие наших угнетателей нам нечего рассчитывать... Ведь не моля деспота о милосердии, наши отцы освободились от ига изменника Карла I. И не моля о милосердии, сбросили американцы свои оковы. И не воплями о милосердии французский народ ниспроверг тиранию феодализма, церкви и монархии. (Бурные аплодисменты.)

Нет, тщетно стали бы мы выпрашивать милости у капитала. Все наши петиции ничего не достигнут, если не будут сопровождаться другими мерами. И с самого начала мы не милости требуем, мы требуем справедливости. Мы требуем ее не только своей петицией, но и своей агитацией, своей организацией, которая уже начала наводить ужас на парламентских буржуа. Следовательно, не прекращайте агитацию в стране, ибо как только вы ее прекратите, все ваши петиции останутся лишь пустыми словами.

...Действительно, цель этой борьбы стоит того, чтобы ради нее бороться. Взгляните на эту огромную империю, созданную силой рук ваших отцов и скрепленную их кровью; ...на эту империю, насчитывающую 160 миллионов жителей, занимающую шестую часть земного шара, над владениями которой никогда не заходит солнце [232]. И как могло случиться, что вы, завоеватели и собственники сотен тысяч квадратных миль, не имеете ни фута собственной земли, что миллионы наследников этой прекрасной империи умирают с голода, что тысячи ее жителей не имеют крова, чтобы укрыться от зимних холодов? Всевозможные богатства, как природные, так и промышленные изделия, производятся в пределах Британской империи... Наши фабрики вызывают изумление и зависть всего мира. Наши ремесленники, наши крестьяне, наши моряки повсюду славятся своей ловкостью, мастерством, смелостью. Налицо все элементы величия и благосостояния, а вы тем не менее задавлены нищетой. Но эта империя по праву является собственностью всего народа, а не кучки бездельников, спекулянтов и привилегированных. Разве она не стоит того, чтобы потрудиться над ее завоеванием? И вы завоюете ее посредством Хартии. (Аплодисменты). Когда же узурпаторы предложат вам взяться за оружие для защиты страны, отказывайте им в этом до тех пор, пока не добьетесь вашей доли в получаемых выгодах... Если вы встанете под ружье, какая судьба вас ожидает? Вспомните о том бедном солдате, который был недавно расстрелян в Индии за неподчинение: такова ваша доля; и сравните это с той огромной суммой в два с половиной миллиона фунтов стерлингов (60 миллионов франков), полученной герцогом Веллингтоном из государственной казны: такова доля аристократов.

Ну что ж! Если аристократия опасается за свои владения, пусть она и сражается в их защиту! Если церковь боится за свои огромные доходы, пусть священники и епископы берутся за оружие! Если ростовщики и хищники с Чейндж-алли [233] дрожат за свои капиталы, пусть идут их защищать! Если фабриканты, торговцы опасаются ограбления, пусть берутся за оружие и воюют за свою собственность! ...Но вы, люди из народа, сыны труда, обремененные тяжелой и плохо оплачиваемой работой, лишенные крова рабы привилегии, вы, не имеющие ни земель, ни доходов, ни ренты, ни десятины, ни государственных ценных бумаг, ни акций, ни прибылей, ни ростовщических процентов, ни избирательного голоса, вы, которым трон не гарантирует ни безопасности, ни закона о защите — вы должны сражаться за другое дело или не сражаться вовсе! (Возгласы «браво».) Если уж вам придется сражаться, то сражайтесь за самих себя. (Аплодисменты.) Когда лорды, священники или буржуа потребуют, чтобы вы шли в бой, ответьте им: без права голоса не возь-

мемся за оружие! Какие-то мошенники и глупцы болтают о национальной обороне; для чартистов она имеет единственный смысл: *земля всему народу, каждому свой дом, каждому — право голоса, каждому свое ружье!* (Гром аплодисментов.)

Написано Ф. Энгельсом 16—18 января 1848 г.

Напечатано без подписи в газете «La Réforme», 19 января 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ЧИТАТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ ЖУРНАЛА «GESELLSCHAFTSSPIEGEL» [234]

Благородное стремление спешить на помощь страждущему человечеству, которое к чести XIX столетия повсюду проявляется в настоящее время, не имеет пока в Германии центрального органа, на страницах которого предавались бы гласности как бедствия, подлежащие устранению, так и средства, желательные или уже осуществляемые с этой целью и подробнее освещалось бы их благотворное или безрезультатное действие. Предлагая читателям первый номер такого органа, мы надеемся, что каждый гуманный человек сам сочтет своим долгом поддержать *«Gesellschaftsspiegel»* надлежащими сообщениями.

Для изыскания и применения средств основательного и последовательного устранения многообразных и к тому же еще искусственно скрываемых пороков нашей социальной жизни прежде всего необходимо изучить эти пороки. *«Gesellschaftsspiegel»* намерен поэтому выносить на суд своих читателей все болезни общественного организма; он будет публиковать общие очерки, монографии, статистические заметки и описания отдельных характерных случаев, которые дадут возможность правильно осветить общественные отношения всех классов и окажут содействие *союзам*, создаваемым для устранения общественных пороков [184]; журнал будет стоять исключительно на почве фактов, приводить только факты и основанное непосредственно на фактах суждение, — такое суждение, дальнейшие выводы из которого сами опять-таки являются очевидными фактами.

Положению рабочего класса мы уделим внимание в первую очередь, так как из всех зол современного цивилизованного

общества оно является самым вопиющим. Особенно будут желательны нам описания, статистические данные, отдельные убедительные факты из всех местностей Германии, в первую очередь из тех, где господствует необычайная нужда. Желательны также и сведения о численном соотношении между нуждающимися в помощи, вообще неимущим классом, и классом имущим; о росте пауперизма и т. д.

В круг наших обсуждений мы включаем как духовное, интеллектуальное и моральное, так и физическое положение рабочих и охотно примем сообщения, касающиеся состояния здоровья, поскольку оно определяется общественными условиями, состояния образования и нравственности пролетариев. Статистика преступлений, проституции, особенно если при этом приводятся сравнительные данные по различным отрезкам времени, местностям и условиям жизни, также заслуживает особенного внимания.

Наиболее благодатное поле исследования для целей «*Gesellschaftsspiegel*» представляют в этом отношении:

1) *Большие города,* которые не могут существовать без многочисленного, скученного на небольшом пространстве неимущего класса. Кроме обычных последствий, которые повсюду влечет за собой нищета, мы будем обращать здесь внимание и на влияние, оказываемое такой централизацией населения на физическое, интеллектуальное и нравственное состояние трудящихся классов. Описания, статистические, медицинские и другие сведения наряду с отдельными фактами, проливающими свет на чаще всего скрытые от взоров «трущобы» наших больших и малых городов, будут приниматься с благодарностью.

2) *Промышленные и фабричные округа,* существование которых также зависит от наличия многочисленного неимущего класса. Здесь мы хотим обратить внимание наших сотрудников, в числе прочего, на следующие моменты:

a. *Характер труда* сам по себе; отдельные виды труда, которые, по своему характеру или в силу неподходящих условий и чрезмерной продолжительности работы в этом производстве, вредны для здоровья; детский и женский труд на фабриках и последствия его; небрежное отношение к работающим и не работающим детям и женам пролетариев, распад семьи, вытеснение труда взрослых мужчин женским и детским трудом, несчастные случаи, причиняемые машинами, и т. д.

b. *Зависимость рабочих от своего работодателя.* Что касается этого пункта, то мы будем считать своим долгом держать сторону беззащитного рабочего класса против власти, а именно,

против злоупотреблений властью, которые, увы, довольно часто допускаются капиталистами. Мы будем беспощадно предавать общественному осуждению каждый отдельный случай угнетения рабочих и будем особенно благодарны нашим корреспондентам за самые точные сообщения по данному пункту с указанием имени, места и даты. Если работа на фабриках продолжается слишком долго и даже в ночное время, если рабочие в свободные часы должны еще чистить машины, если фабриканты грубо или тиранически обращаются со своими рабочими, издают деспотические правила труда, выплачивают жалованье товарами вместо денег, — мы особенно будем преследовать эту бессовестную «truck-system», где бы и в каких бы формах она ни практиковалась, — если рабочие работают в нездоровых помещениях и вынуждены ютиться в принадлежащих фабриканту плохих жилищах, одним словом, если где бы то ни было капиталисты допускают по отношению к рабочим какие-либо несправедливые действия, мы просим каждого, кто в состоянии сообщить нам об этом, прислать как можно скорее точные сведения. Мы намерены предавать гласности все нарушения законов, изданных в защиту бедных против богатых, и каждое такое нарушение в отдельности в его мельчайших и позорных подробностях. Только таким образом могут действительно приобрести силу эти законы, существующие пока только на бумаге.

c. *Небрежное отношение к рабочим* со стороны общества вообще, когда они остаются без работы вследствие конкуренции, введения более усовершенствованных машин, применения труда женщин и детей, колебаний в торговле, иностранной конкуренции или когда они теряют работоспособность по причине болезни, увечья и старости, а также с каждым ухудшением положения рабочих вследствие падения заработной платы.

Мы будем описывать внутреннее и внешнее положение не только *неимущего*, но и *имущего класса*. На основе фактов мы докажем, что *свободная конкуренция частных предпринимателей без организации труда* и *обмена* ведет к *обнищанию среднего класса*, концентрируя собственность в руках немногих и косвенно восстанавливая таким образом монополию; что раздробление крупного землевладения разоряет мелкого землевладельца и косвенным образом восстанавливает крупное землевладение; что конкурентная борьба, в которую мы все втягиваемся, *подрывает основы общества* и грубым своекорыстием *деморализует все общество*.

«*Gesellschaftsspiegel*» будет описывать материальную нужду и духовную и моральную нищету не только в тех случаях, когда

они идут рука об руку, журнал намерен скорее изображать нищету во всех ее видах, следовательно, также и нищету более высоко поставленных классов. В своем изображении он не ограничится только статистическими заметками и описанием действительных случаев из жизни, но предоставит свои страницы и художественным произведениям в прозе и в стихах, разумеется, лишь таким, которые *правдиво* отображают жизнь. Очерки на *основании* жизни ему не менее желательны, чем очерки из *самой* жизни.

Тот, кому столь беспощадные разоблачения положения нашего промышленного, сельского и прочего населения, — а оно до сих пор чаще всего лицемерно приукрашивалось или скрывалось, — тот, у кого публичное изображение всего нашего общественного порядка, задуманное журналом *«Gesellschafts-spiegel»*, вызовет сильную головную и сердечную боль, тот не встретит дружелюбно наше начинание. Пусть же он задумается о том, что мужество, необходимое для того, чтобы прямо смотреть в лицо пороку, и успокоение ясным пониманием дела в конечном счете гораздо благотворнее действуют на ум и чувства, чем трусливая идеализирующая сентиментальность, ищущая утешения от безотрадной действительности в лживом идеале, которого нет и не может быть, ибо он построен на иллюзиях! Такая идеализирующая сентиментальность лицемерно выставляет напоказ свое сочувствие страданиям человечества, если они стали предметом политического скандала, — как мы видели во время силезских беспорядков [235], — когда все газеты и журналы вдруг заговорили о так называемом социализме, — но, лишь только *беспорядки* прекращаются, беднякам снова предоставляется возможность *спокойно* умирать с голоду.

Наконец, в круг интересов *«Gesellschaftsspiegel»* входят и те усилия, которые предпринимаются, чтобы положить конец общественным бедствиям и общественному неустройству, — следовательно, с одной стороны, *деятельность возникающих теперь союзов,* а с другой стороны, те принудительные меры, которыми ставится известный предел одним бедствиям, но лишь с тем, чтобы породить другие. К ним относятся: пагубные последствия позорящих честь приговоров, которые навсегда ставят преступника вне общества, обращение с закоренелыми преступниками в обычных тюрьмах и одиночное заточение в пенсильванских местах заключения, многочисленные убийства, как следствие законов о преследовании браконьерства, состояние и практика законов о бедных и санитарной полиции, характерные уголовные преступления и т. д.

Обращаясь за дружеским содействием ко всем тем, кто имеет возможность сообщать нам сведения по упомянутым выше или аналогичным пунктам, входящим в программу «*Gesellschaftsspiegel*», в особенности к господам священникам, школьным учителям, врачам и чиновникам, мы гарантируем во всех случаях, когда это потребуется, сохранение тайны имени и возлагаем на наших корреспондентов *ответственность* только за *точность сообщаемых ими фактов*. Ответственность же за опубликование берет на себя редакция.

Написано в конце января 1845 г.

Напечатано в журнале «Gesellschaftsspiegel», Bd. I, 1845

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, ПОТРЕБОВАННОЕ ОТ К. МАРКСА НЕ ПУБЛИКОВАТЬ В БЕЛЬГИИ РАБОТ ПО ВОПРОСАМ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКИ [236]

22 марта 1845 г.

Для получения разрешения проживать в Бельгии я согласен взять на себя обязательство не публиковать в Бельгии никаких работ по вопросам текущей политики.

Д-р *Карл Маркс*

Впервые опубликовано в журнале «L'Europe Nouvelle» № 346, 1924

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

УСТАВ СОЮЗА КОММУНИСТОВ [237]

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РАЗДЕЛ I

СОЮЗ

Ст. 1. Целью Союза является освобождение людей путем распространения теории общности имущества и возможно более скорого претворения ее в жизнь.

Ст. 2. Союз делится на *общины* и *округа,* во главе которых в качестве исполнительной власти стоит *Центральный комитет.*

Ст. 3. От каждого, кто пожелает вступить в Союз, требуется:

a) достойное поведение;

b) чтобы он никогда не совершал позорящего проступка;

c) признание принципов Союза;

d) чтобы средства существования были известны;

e) чтобы он не принадлежал ни к какой политической или национальной организации;

f) единогласный прием в одну из общин и

g) быть верным своему честному слову и хранить тайну.

Ст. 4. Все члены Союза равны, они — братья и, как таковые, обязаны во всех случаях помогать друг другу.

Ст. 5. Все члены носят союзные клички.

РАЗДЕЛ II

ОБЩИНА

Ст. 6. Общину составляют не менее трех и не более двенадцати членов. В случае превышения этого числа производится деление.

Ст. 7. Каждая община избирает председателя и его помощника. Председатель руководит собраниями, помощник заведует кассой, в которую поступают взносы членов Союза.

Ст. 8. Члены общины должны прилагать все усилия к увеличению численности Союза, привлекая дельных людей, и всегда стремиться к тому, чтобы руководствоваться принципами Союза, а не мнением той или иной личности.

Ст. 9. Прием новых членов производится председателем общины и тем членом, который ввел принимаемого в Союз.

Ст. 10. Общины неизвестны друг другу и имеют отличительные названия, которые они выбирают себе сами.

РАЗДЕЛ III

ОКРУГ

Ст. 11. Округ охватывает не менее двух и не более десяти общин.

Ст. 12. Председатели и помощники председателей этих общин составляют окружной комитет. Они выбирают из своей среды руководителя.

Ст. 13. Окружной комитет является исполнительной властью для всех общин округа.

Ст. 14. Самостоятельно существующие общины должны либо присоединиться к уже существующему окружному комитету, либо вместе с другими отдельными общинами образовать новый округ.

РАЗДЕЛ IV

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Ст. 15. Центральный комитет является исполнительной властью всего Союза.

Ст. 16. Центральный комитет состоит не менее чем из пяти членов и избирается окружным комитетом той местности, которая должна стать его местопребыванием.

РАЗДЕЛ V

КОНГРЕСС

Ст. 17. Конгресс является законодательной властью Союза.

Ст. 18. Каждый округ посылает делегата.

Ст. 19. Конгресс собирается ежегодно в августе. Центральный комитет имеет право в важных случаях созвать чрезвычайный конгресс.

Ст. 20. Конгресс каждый раз определяет место, где должен находиться в текущем году Центральный комитет.

Ст. 21. Все законодательные решения конгресса представляются общинам на предмет их принятия или отклонения.

Ст. 22. Центральный комитет, являясь исполнительной властью Союза, отчитывается перед конгрессом о своей деятельности и поэтому его члены присутствуют на конгрессе, но без права решающего голоса.

РАЗДЕЛ VI

ОБЩИЕ ПРАВИЛА

Ст. 23. Кто поступает недостойно или вопреки принципу Союза, либо отстраняется от дел в Союзе, либо исключается из него в зависимости от обстоятельств. Исключение делает невозможным обратный прием.

Ст. 24. Те члены, которые совершат преступление, подлежат суду окружного комитета; он же должен позаботиться об исполнении приговора.

Ст. 25. Каждая община должна строжайшим образом следить за отстраненными и исключенными лицами; кроме того, следует тщательно наблюдать за подозрительными личностями в своей местности и обо всем, что они могут совершить во вред Союзу, немедленно ставить в известность окружной комитет, который обязан после этого принять меры, необходимые для обеспечения безопасности Союза.

Ст. 26. Общины и окружные комитеты, а также Центральный комитет должны собираться не реже одного раза в две недели.

Ст. 27. Общины платят еженедельные или месячные взносы, размеры которых устанавливаются соответствующими окружными комитетами. — Эти взносы используются для распространения принципов общности имущества и на почтовые расходы.

Ст. 28. Окружные комитеты должны каждые шесть месяцев представлять своим общинам отчеты о денежных поступлениях и расходах.

Ст. 29. Члены окружных комитетов и Центрального комитета избираются на один год, после чего должны быть либо вновь избраны на свой пост, либо заменены другими.

Ст. 30. Выборы происходят в сентябре. Избиратели могут, впрочем, в любое время отозвать своих должностных лиц,

если они не удовлетворены тем, как последние выполняют свои обязанности.

Ст. 31. Окружные комитеты должны заботиться о том, чтобы в их общинах имелся материал для необходимых и полезных дискуссий. А Центральный комитет со своей стороны обязан рассылать во все окружные комитеты такие вопросы, обсуждение которых важно для нашего принципа.

Ст. 32. Каждый окружной комитет, а за отсутствием такового община и даже каждый член Союза, если он оказывается в единственном числе, должен вести регулярную переписку с Центральным комитетом или с окружным комитетом.

Ст. 33. Каждый член Союза, желающий изменить свое местожительство, обязан предварительно известить об этом председателя своей общины.

Ст. 34. Каждый окружной комитет может по своему усмотрению принимать такие меры, какие он сочтет нужным для обеспечения безопасности округа и усиления его деятельности. Однако эти меры не должны противоречить общему Уставу.

Ст. 35. Все предложения об изменениях в Уставе должны направляться в Центральный комитет, а Центральный комитет должен представлять их на решение конгресса.

РАЗДЕЛ VII

ПРИЕМ В ЧЛЕНЫ СОЮЗА

Ст. 36. После прочтения Устава предусмотренные ст. 9 два члена Союза задают принимаемому в члены Союза следующие пять вопросов. Если последний отвечает на них: «Да», то с него берется честное слово и он объявляется членом Союза.

Вот эти пять вопросов:

a) Убежден ли ты в истинности принципов общности имущества?

b) Считаешь ли ты необходимым существование сильного Союза, для того чтобы как можно скорее осуществить эти принципы, и желаешь ли ты вступить в такой Союз?

c) Обещаешь ли ты словом и делом постоянно способствовать распространению и практическому осуществлению принципов общности имущества?

d) Обещаешь ли ты хранить в тайне существование Союза и все его дела?

е) Обещаешь ли ты подчиняться решениям Союза?
Итак, дай нам в подтверждение свое честное слово!

От имени и по поручению конгресса

Секретарь **_Хайде_** * Председатель **_Карл Шилль_** **

Лондон. 9 июня 1847

Впервые опубликовано в книге: «Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847)». Hamburg, 1969

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Новая и новейшая история» № 6, 1970 г.

* Союзная кличка В. Вольфа. *Ред.*
** Союзная кличка К. Шаппера. *Ред.*

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ПЕРВОГО КОНГРЕССА СОЮЗА КОММУНИСТОВ — ЧЛЕНАМ СОЮЗА ИЮНЬ 1847

КОНГРЕСС — СОЮЗУ *

Дорогие братья!

Первый конгресс Союза, о созыве которого было объявлено Центральным комитетом (Народной палатой) в феврале прошлого года [238] и который открылся здесь, в Лондоне, 2 июня с. г., завершил свою работу. Его заседания, соответственно всему положению нашего Союза, не могли быть открытыми [239].

Но мы, делегаты конгресса, обязаны ознакомить вас теперь с этими заседаниями, хотя бы настолько, чтобы вы получили общее представление о наших дебатах.

Мы тем более должны это сделать, что прежнему Центральному комитету предстояло отчитаться перед нами, и *нам* надлежит доложить, какую оценку конгресс дал этому отчету. Нам необходимо сделать это и потому, что мы дополнили новый Устав статьей, согласно которой все законодательные решения конгресса должны быть утверждены каждой общиной [240]. Следовательно, по крайней мере для этой части наших решений мы уже по двум причинам обязаны изложить вам наши соображения.

После проверки мандатов прежняя Палата должна была в первую очередь отчитаться перед конгрессом за период своего руководства и сообщить о положении в Союзе. Делегаты полностью одобрили деятельность Палаты, которая отстаивала интересы Союза и приступила к его реорганизации. Так с этим пунктом было покончено. Из доклада Центрального комитета и из представленных конгрессу писем мы заимствовали материал для следующего краткого обзора.

---

* В оригинале рукой Молля добавлено: «в Гамбург». *Ред.*

В *Лондоне* наш Союз является наиболее сильным. Свобода ассоциации и слова необычайно облегчает пропаганду и дает возможность многочисленным энергичным членам его применить свои силы и таланты на благо Союза и его дела. Для этой цели Союз использует «Просветительное общество немецких рабочих» [241] и его филиал в Уайтчепеле. Далее члены Союза принимают участие в обществе «Братские демократы», во французских коммунистических обществах для дискуссий [242] и т. д.

Находившаяся в Париже Палата сама пришла к выводу, что Союз в Лондоне в большей степени, чем она, в состоянии взять на себя центральное руководство делами Союза. Надежность хранения всех документов и безопасность самих членов Центрального комитета нигде не могли быть так обеспечены, как здесь. Конгресс во время своих заседаний имел возможность убедиться, что лондонские общины располагают достаточным количеством дельных людей, которым можно доверить высшую исполнительную власть Союза. Поэтому он решил, что Центральный комитет остается в Лондоне.

В *Париже* Союз в течение последних лет пришел в большой упадок [243]. Члены окружного комитета и Палаты уже долгое время занимались лишь спорами о форме и о мнимых нарушениях Устава, вместо того чтобы заботиться о делах всего Союза или своих округов. В общинах также обсуждались подобные отнимающие время излишние и вызывающие раздоры мелочи. В крайнем случае начинали дискутировать старые вопросы, которые бесконечно и до отвращения пережевывались со времени «Гарантий» Вейтлинга [244]. В самом парижском Союзе не наблюдалось ни малейшего прогресса, ни малейшего участия в развитии принципов, в движении пролетариата, как это происходило в других организациях Союза и *вне Союза*. В результате все недовольные теми возможностями, которые им предоставлялись *внутри* Союза, искали дальнейшего просвещения вне Союза. Эту потребность в просвещении использовал литературный делец и эксплуататор рабочих, немецкий литератор *Карл Грюн*. Этот субъект примкнул к коммунизму, когда заметил, что на коммунистических писаниях можно заработать деньги. Через некоторое время он увидел, что становится опасным выдавать себя впредь за коммуниста, и нашел повод для своего отступления в новой переведенной им на немецкий язык книге Прудона о противоречиях в политической экономии [245]. Содержащиеся в этой в общем весьма незначительной книге политэкономические суждения упомянутый Грюн положил в основу лекций, которые он читал в Париже членам Союза. Эти лекции посещались людьми двоякого рода:

1. теми, кому коммунизм вообще уже надоел; 2. теми, кто, может быть, надеялся найти у этого Грюна ответ на множество вопросов и сомнений, которые не могли быть разрешены на собраниях общин. Последняя категория представляла собой довольно многочисленную группу, к которой принадлежали наиболее дельные и способные к развитию члены парижских общин. Упомянутому Грюну на некоторое время удалось при помощи своей болтовни и мнимой большой учености ослепить многих из этих людей. В результате Союз раскололся. На одной стороне находилась партия, которая полностью преобладала в Народной палате, округе, партия вейтлингианцев; на другой стороне были те, кто еще полагал, что и у Грюна можно коечему научиться. Но и они скоро увидели, что Грюн резко враждебно высказывается против коммунистов и что вся его доктрина совершенно не в состоянии заменить коммунизм. Происходили ожесточенные дискуссии, в ходе которых выяснилось, что почти все члены Союза остались верны коммунизму и только двое или трое защищали упомянутого Грюна и его прудоновскую систему. Одновременно выяснилось, что этот самый Грюн по своему обыкновению обманул рабочих, использовав в своих личных целях взносы в размере 30 франков, собранные ими в пользу польских повстанцев [246], и вообще выманил у них несколько сотен франков для печатания жалкой брошюры о решениях прусского ландтага [247]. В результате, большинство прежних слушателей Грюна отпали и образовали новую партию, которая считала своей главной задачей развивать дальше коммунистический принцип во всех его следствиях и в связи с общественными отношениями. Из-за этого раскола распалась организация Союза в Париже. Центральный комитет зимой направил эмиссара *, который, насколько это было возможно, восстановил организацию. Но споры скоро возобновились; три различные партии и три различных принципа были непримиримы. Прогрессивной партии с помощью вейтлингианцев удалось исключить из Союза 3—4 упорных грюнианцев, которые прямо высказались против коммунизма. Но во время выборов делегата на конгресс обе партии на заседании окружного комитета снова схватились друг с другом. Раскол стал неизбежным, и чтобы, по крайней мере, провести выборы, три общины, где прогрессивная партия была представлена сильнее других, решили отделиться от двух общин, составлявших главную опору вейтлингианцев, и выбрать на своем общем собрании делегата на конгресс. Так и произошло.

* — И. Молля. *Ред.*

Тем самым вейтлингианцы временно были исключены из Союза, и число членов Союза уменьшилось на $^1/_3$. Конгресс, рассмотрев представленные аргументы обеих партий, высказал свое согласие с образом действий трех общин, так как вейтлингианская партия повсеместно задерживала развитие Союза, в чем можно было убедиться на опыте в Лондоне и в Швейцарии. Конгресс единогласно постановил исключить парижских вейтлингианцев из Союза и допустить на конгресс делегата парижского большинства *.

Число членов Союза в Париже, разумеется, очень уменьшилось. Но зато устранены тормозящие элементы, и благодаря этой борьбе люди вдохновились к новой деятельности. Появился новый дух, небывалая энергия. Преследования полиции, по-видимому, прекратились, и вообще они были направлены не против той партии, которая теперь победила и из числа которой был выслан только один член, а касались почти исключительно грюновской партии — доказательство того, что причиной преследований явились сообщения прусского правительства, как будет ясно из последующего. А когда правительство распустило открытые собрания у городской заставы, то это тоже главным образом коснулось последователей Грюна, которые там произносили большие речи и резко выступали против коммунизма, поскольку коммунисты в этих условиях, разумеется, не могли им свободно отвечать. Таким образом, теперь в Париже положение Союза гораздо лучше, чем тогда, когда он согласился изменить местопребывание Народной палаты. Мы теперь менее многочисленны, но мы едины, и у нас там есть дельные люди.

В *Лионе* Союз имеет организованных членов, которые, по-видимому, в меру своих сил принимают участие в работе.

В *Марселе* мы также конституировались. Относительно членов тамошней организации нам пишут следующее: «Положение марсельского Союза не блестящее. Ободрение при помощи писем вряд ли помогло бы»; мы будем стараться, чтобы этой осенью некоторые из нас туда поехали и организовали Союз заново.

Союзу удалось также укрепиться в Бельгии. В Брюсселе существует деятельная община, членами которой являются немцы и бельгийцы, организовавшие в Льеже, среди валонских фабричных рабочих, вторую общину. Перспективы для Союза в этой стране весьма отрадны, и мы надеемся, что на следующем конгрессе Бельгия будет представлена несколькими делегатами.

* — Ф. Энгельса. *Ред.*

В Германии у нас было несколько общин в Берлине, которые этой весной были внезапно разгромлены полицией. Члены Союза, вероятно, знают из газет о том, что рабочее собрание, руководимое членами Союза, было разогнано полицией, что было возбуждено следствие и в результате арестовано несколько руководящих членов Союза. Среди арестованных был некий Фридрих Ментель, портной, родом из Потсдама, около 27 лет, среднего роста, приземистый и т. д. Раньше он был в Лондоне и в Париже, где принадлежал к партии Грюна и занимался сентиментальной болтовней о любви; впрочем, изучив довольно точно положение в Союзе во время своих путешествий, он оказался не в состоянии выдержать это маленькое испытание. Этот случай еще раз показал, что подобные экзальтированные натуры со своей ограниченностью и неясностью мысли находят себе в конце концов удовлетворение лишь в религии. Священнику удалось в течение нескольких дней полностью обратить упомянутого Ментеля, и во время своего тюремного заключения он дважды совершил комедию причащения. Один берлинский член Союза пишет нам следующее: «...он рассказывал перед судом об общинах в Париже, Лондоне, Гамбурге и Киле (которые он сам посетил) и сообщил адреса, по которым Герман Криге посылал в Берлин свою газету «Volks-Tribun». Он сказал это другому подсудимому прямо в лицо: разве я не продавал тебе эти книги? Разве мы не собирались там-то и там-то? Разве ты не член Союза справедливых? А когда на все эти вопросы был получен отрицательный ответ, Ментель сказал: как можешь ты брать на себя ответственность за это перед всемогущим и всеведущим богом? И еще много других подобных глупостей. К счастью, подлость упомянутого Ментеля не сбила с толку других обвиняемых, и потому правительству ничего иного не оставалось как пока отпустить арестованных. Доносы упомянутого Ментеля явно находятся в самой прямой связи с преследованиями немецких коммунистов в Париже. Мы можем себя поздравить с тем, что грюнианец Ментель считал грюнианцев действительными руководителями Союза и на них доносил. Тем самым подлинные коммунисты в основной массе не были затронуты преследованиями. Разумеется, в результате этого события весь берлинский округ был дезорганизован. Впрочем, мы надеемся, что благодаря известной нам энергии тамошних членов Союза скоро будет проведена его реорганизация.

В *Гамбурге* также произошло конституирование. Правда, тамошние члены Союза были несколько напуганы преследованиями в Берлине. Однако связи ни на один момент не прерывались.

Далее, Союз конституировался в Альтоне, Бремене, Майнце, Мюнхене, Лейпциге, Кёнигсберге, Торне *, Киле, Магдебурге, Штутгарте, Мангейме и Баден-Бадене. В Скандинавии он конституировался в Стокгольме.

Положение Союза в *Швейцарии* не так отрадно, как мы бы этого могли желать. Здесь с самого начала преобладала партия вейтлингианцев. Недостаток развития в общинах Швейцарии проявился особенно в том, что, с одной стороны, они не были в состоянии довести до конца старую борьбу с младогерманцами, а с другой — выступали против младогерманцев в религиозном духе и разрешали самым жалким аферистам, например напыщенному Георгу Кульману из Гольштейна, эксплуатировать себя самым подлым образом. В результате полицейских репрессий Союз в Швейцарии был настолько дезорганизован, что конгресс постановил принять чрезвычайные меры, чтобы конституировать его заново. Результат и характер этих мероприятий, разумеется, может быть доведен до сведения общин лишь позднее.

Относительно *Америки* нужно подождать более подробных сообщений от посланного туда Центральным комитетом эмиссара, и тогда можно будет представить отчет об условиях деятельности Союза там **.

Из данного отчета, а также из самих представленных писем вытекают два вывода: во-первых, что Союз в тот момент, когда Народная палата в Лондоне взяла на себя руководство, несомненно, находился в тяжелом положении, что прежний Центральный комитет [248] не понял обязанностей, которые на него возлагались; что он совершенно не заботился об единстве Союза, что наряду с этой дезорганизацией Союза в отдельных общинах постепенно зарождались враждующие элементы. В этих условиях, угрожающих существованию Союза, Лондонский Центральный комитет сразу же принял необходимые меры: разослал эмиссаров, отстранил некоторых членов Союза, опасных для существования всей организации, восстановил связи, созвал общий конгресс и подготовил вопросы, которые должны были там обсуждаться. Одновременно он предпринял шаги, чтобы вовлечь в Союз другие элементы коммунистического движения, которые раньше были далеки от Союза [249]. — Эти шаги увенчались полным успехом.

После разрешения этих вопросов конгресс приступил к рассмотрению Устава. Все статьи Устава в результате этого

---

* Современные названия: Калининград, Торунь. *Ред.*

** До этого места документ написан рукой В. Вольфа; далее другой почерк — либо И. Молля, либо Г. Бауэра. *Ред.*

обсуждения приняты единогласно; новый Устав предлагается общинам для окончательного принятия. В обоснование внесенных изменений мы хотим сделать следующие замечания:

Изменение названия Союза справедливых на Союз коммунистов было принято, во-первых, потому, что старое название вследствие подлого предательства упомянутого Ментеля стало известно правительству и уже поэтому целесообразно было его изменение. Во-вторых, и главным образом, потому, что старое название было принято при особых обстоятельствах, учитывая особые события, которые ничего общего не имеют с целью Союза в настоящее время. Это название, следовательно, уже не соответствует нашему времени и меньше всего выражает то, к чему мы стремимся. Многие хотят справедливости, вернее того, что они называют справедливостью, но это вовсе не означает, что они являются коммунистами. Мы же отличаемся не тем, что мы хотим справедливости вообще — это каждый может о себе утверждать, — а тем, что мы выступаем против существующего общественного строя и частной собственности, тем, что мы хотим общности имущества, тем, что мы коммунисты. Поэтому для нашего Союза имеется лишь *одно* подходящее название, которое выражает то, что мы действительно собой представляем, и это название мы выбрали. В том же духе мы заменили перешедшие к нам от политических организаций названия «Область» и «Палата», тевтонский характер которых производит отрицательное впечатление при антинационалистическом, широко открытом для всех народов, характере нашего Союза; эти названия мы заменили такими словами, которые означают действительно то, что они должны означать. Введение таких простых, ясных названий еще больше содействует тому, чтобы лишить наш пропагандистский Союз заговорщического характера, который так охотно приписывают нам враги.

Необходимость повторить созванный ныне впервые конгресс, созывать его *регулярно,* передать ему всю полноту законодательной власти Союза при условии последующего одобрения общинами была признана единогласно, без всяких дискуссий по этому поводу. — Мы надеемся, что в установленных здесь определениях найдены пункты, которые необходимы и благодаря которым обеспечивается эффективная деятельность конгресса в интересах всего Союза.

Устранение названий, которые заменены там, где шла речь об уставных определениях, конкретными статьями Устава, а там, где речь шла о всеобщих коммунистических принципах — Коммунистическим символом веры, придает Уставу бо-

лее простую и единообразную форму и одновременно более точно определяет роль каждого из руководящих органов.

После решения вопроса об Уставе перешли к обсуждению различных предложений, подготовленных Центральным комитетом или выдвинутых отдельными делегатами.

Прежде всего обсуждалось предложение одного депутата созвать через шесть месяцев новый конгресс. Конгресс сам понимал, что в качестве первого конгресса, который был созван и собрался в такое время, когда организация Союза была ослаблена, должен был рассматривать себя прежде всего как организационно-конституирующее собрание. Он понимал, что для того, чтобы серьезно решить имеющиеся важные вопросы, потребуется новый конгресс. К тому же новый Устав предусматривал созыв очередного конгресса на август месяц и, таким образом, промежуток составлял только около двух месяцев. Но так как нельзя было отодвинуть второй конгресс до августа 1848 г., то было решено этот второй конгресс созвать в понедельник, 29 ноября текущего года здесь, в Лондоне. — Нас не удерживало ни плохое время года, ни новые расходы. — Союз пережил кризис и при данных обстоятельствах не должен пугаться этого чрезвычайного напряжения. — Новая конституция Союза содержит соответствующие положения о порядке выбора делегатов, и мы поэтому надеемся, что на второй конгресс будут присланы представители от многочисленных округов.

Предложение того же делегата относительно выделения определенного фонда для посылки эмиссаров получило также всеобщее одобрение. — Сочли необходимым, чтобы наш Союз имел в своем распоряжении двоякого рода эмиссаров. Во-первых, таких, которые отправляются в определенные места на средства Союза со специальным поручением — либо конституировать Союз в местностях, где он еще не существовал, либо восстановить его там, где он распался. Эти эмиссары должны обязательно находиться под непосредственным контролем Центрального комитета. — Во-вторых, рабочих, которые возвращаются на родину или которым предстоят какие-либо другие поездки. Такие рабочие, зачастую очень толковые люди, с большой пользой для Союза могут быть использованы для посещения отдельных общин, расположенных недалеко от пути их следования, если Союз возместит им связанные с этим дополнительные расходы. Такие эпизодические эмиссары могли бы, разумеется, находиться под непосредственным контролем окружных комитетов и лишь в особых случаях должны действовать под контролем Центрального комитета. — Поэтому

конгресс постановил: поручить Центральному комитету взимать с каждого окружного комитета определенный денежный взнос каждые три месяца и из этих взносов составить фонд для посылки эмиссаров первого рода. Далее, поручить окружным комитетам чаще, чем это делалось до сих пор, использовать указанным образом дельных членов Союза в качестве *эпизодических* эмиссаров и оплачивать вперед дополнительные расходы по поездкам из своих собственных фондов. — В чрезвычайных случаях окружные комитеты могут прибегать к фонду Центрального комитета для этой цели. Вопрос, следует ли удовлетворить подобное требование денег, решает, разумеется, Центральный комитет. Каждый эмиссар ответствен перед той инстанцией, которая ему давала средства, и отчитывается перед ней.

Вы все увидите, как необходимо организовать пропаганду при помощи эмиссаров и подчинить ее централизованному руководству. — Мы надеемся, что наши тщательно обдуманные решения получат ваше одобрение и приведут к хорошим результатам нашего дела.

Следующим был вопрос о печатном органе Союза; было признано без всякой дискуссии, что он крайне необходим. Также без каких-либо возражений было решено, что этот орган должен издаваться только в Лондоне, что он должен выходить не чаще чем раз в неделю и не реже чем раз в месяц. — Заглавие, эпиграф и формат установлены и будут сообщены вам в пробном номере, который выйдет в июле. Для осуществления редакции создана комиссия, которая подготовит выход журнала. Редактор уже назначен *. Он будет осуществлять руководство в сотрудничестве с комиссией. — Обсудив все это, конгресс подошел к вопросу о расходах. Прежде всего необходимо приобрести еще многое для оборудования типографии, в частности железный печатный станок, для чего Центральному комитету поручается собрать взносы с округов. Затем подсчитали расходы. — Выяснилось, что при цене в 2 пенса = 4 су = 2 зильбергроша = 6 крейцеров за каждый еженедельный номер в один лист, для покрытия расходов необходимо будет такое число подписчиков, на которое в настоящий момент нельзя еще с определенностью рассчитывать. — Ежемесячный журнал без редактора мог бы просуществовать с небольшим числом подписчиков, но он не удовлетворял бы требованиям Союза. — Окажемся ли мы в состоянии собрать количество подписчиков, необходимое для еженедельника, было, как указано,

* — В. Вольф. *Ред.*

совершенно не ясно, и потому преждевременно было брать какие бы то ни было обязательства на этот счет. Поэтому мы решили следующее: сперва выпустить в июле бесплатный пробный номер. Затем общины через свои округа сообщат, сколько членов они насчитывают; ведь конгресс постановил, что, по крайней мере, пока журнал остается ежемесячным, каждый член Союза оплачивает *один* экземпляр, а каждая община получает только *один* экземпляр, и остальное распределяется бесплатно. — Члены Союза должны затем выяснить, сколько экземпляров можно будет наверняка распространить в их местности, должны собрать подписку и также сообщить об этом. — Затем конгресс в ноябре, в зависимости от полученных им от Центрального комитета сведений, примет дальнейшие решения и, по возможности, выпустит журнал до Нового года. — А пока лондонская типография будет использована для печатания листовок [250].

Наконец, вопрос о Коммунистическом символе веры. — Конгресс полагает, что открытое провозглашение принципов Союза является шагом величайшей важности; что такой Символ веры, который через несколько лет, а быть может и месяцев, уже не будет соответствовать времени и не будет в духе большинства, окажет столь же вредное воздействие, в какой мере хороший Символ веры будет полезен. Поэтому этот шаг следует делать особенно осторожно и не торопиться. Именно в этом вопросе, как и в вопросе о печатном органе Союза, конгресс сознавал, что он должен выступать не с окончательным проектом, а с учредительной инициативой, чтобы путем дискуссии о *плане* Символа веры дать новую пищу вновь пробуждающейся жизни в Союзе. Поэтому конгресс решил подготовить набросок этого плана и представить его общинам для обсуждения, и также для составления и присылки в Центральный комитет предложений об изменениях и дополнениях. План прилагается *. — Мы рекомендуем общинам серьезно и зрело обсудить его. — Мы пытались, с одной стороны, держаться подальше от всякого изобретения систем и всякого казарменного коммунизма, а с другой стороны, стремились отмежеваться от жалкой и пошлой болтовни о любви и слезливого умиления некоторых коммунистов. Напротив, мы старались постоянно принимать во внимание общественные отношения, которые только и порождают коммунизм, и стремились всегда сохранять твердую почву под ногами. Мы надеемся, что Центральный комитет получит от вас большое количество дополнений и предложений

* См. настоящий том, стр. 354—360. *Ред.*

об изменениях, и еще раз призываем вас к особенно обстоятельной дискуссии именно по этому вопросу.

Таков, дорогие братья, обзор работы конгресса, таковы результаты наших обсуждений *. Мы очень охотно бы изложили представленные нам пункты в виде законченных решений, основали бы орган Союза, провозгласили бы коммунистические принципы в Символе веры. Но в интересах Союза, в интересах коммунистического движения мы здесь сами должны были себя ограничивать, должны были снова апеллировать к большинству и предоставить второму конгрессу провести *то,* что мы подготовили.

Теперь вам, дорогие братья, остается доказать, что дело Союза, дело коммунизма близко вашему сердцу. Союз победоносно вышел из периода упадка. Преодолены слабость и вялость, устранены появившиеся в самом Союзе враждебные элементы. Влились новые элементы. Будущее Союза обеспечено. Но, дорогие братья, наше положение еще не таково, чтобы мы хоть на минуту могли ослабить свои усилия, еще не все раны зарубцевались, не все пробелы заполнены, еще дают себя чувствовать некоторые болезненные последствия той борьбы, через которую мы прошли. Поэтому интересы Союза, интересы коммунизма требуют от вас еще на короткое время напряженнейшей деятельности; поэтому в течение нескольких месяцев вы должны неутомимо трудиться. Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайной энергии. Кризис, подобный тому, который пережил наш Союз, когда нам сначала пришлось бороться с инертностью, вызванной тяжелым гнетом немецких и прочих полицейских преследований, но в еще большей мере тем, что надежда на скорое улучшение социальных отношений становилась все более далекой; — кризис, в котором мы должны были бороться не только с преследованиями со стороны наших противников — правительств, находящихся под влиянием буржуазии или выступающих вместе с буржуазией против нас, но и с врагами в нашей собственной среде, которых необходимо было победить и обезвредить, не взирая на лица, принимая во внимание только опасное положение Союза, и угрозу дезорганизации всей коммунистической партии немецкого языка. Такой кризис, братья, не преодолевают за одну ночь. И даже если существование Союза, если сила организации будет снова упрочена, все же потребуются еще месяцы непрерывной работы, прежде чем можно будет сказать: мы выполнили свой долг коммунистов, свой долг членов Союза.

* С этого абзаца снова идет текст, написанный В. Вольфом. *Ред.*

Братья! В полной уверенности, что вы так же, как и мы, почувствуете важность этих обстоятельств; в полной уверенности, что и при этих трудных обстоятельствах вы окажетесь на высоте положения, мы с доверием апеллируем к вам, к вашей преданности общему делу! Мы знаем, что подлая жажда наживы буржуазии не оставляет вам почти ни одной минуты для борьбы за наше общее дело; мы знаем, что буржуазия до предела сокращает нищенскую плату, которую вы получаете за свой тяжелый труд; мы знаем, что именно теперь вы особенно страдаете от голода и от кризиса, мы знаем, что буржуазия вас преследует, арестовывает, разрушает ваше здоровье, ставит под угрозу вашу жизнь, как только вы все-таки находите время и деньги, чтобы действовать в интересах общего дела. Мы все это знаем, и несмотря ни на что, мы ни одной минуты не колебались потребовать от вас новых денежных жертв и призвать удвоить свои усилия. Ведь мы сами вынуждены были бы, краснея от стыда, отойти от участия в движении, если бы не знали, что люди, которые нас избрали для принятия решений ко всеобщему благу, готовы решительно и без промедления осуществлять наши решения, если бы мы не знали, что в нашем союзе *нет* таких, для кого интересы коммунистической партии, свержение буржуазии и победа общности не являются самым кровным, самым дорогим делом; если бы мы не знали, что люди, которые обладали достаточной решимостью для вступления в Союз, что влекло за собой большие опасности, также достаточно решительны и сильны, чтобы противостоять этим опасностям, чтобы сделать Союз большим и могущественным во всей Европе; если бы мы, наконец, не знали, что такие люди становятся тем мужественнее, тем воодушевленнее, чем большие препятствия встречаются на их пути.

Братья! Мы представляем великое, прекрасное дело. Мы провозглашаем величайшее преобразование в истории — преобразование, которое по своей основательности и по своим результатам не имеет себе равного в мировой истории. Мы не знаем, суждено ли нам будет воспользоваться плодами этого преобразования. Но мы знаем *одно* — что это преобразование неотвратимо приближается. Мы видим, что повсюду, во Франции, в Германии, в Англии, в Америке, возмущенные массы пролетариата приходят в движение и подчас еще неуверенно, но все более громко и отчетливо требуют своего освобождения от власти денег, от оков буржуазии. Мы видим, что класс буржуа становится все богаче, что среднее сословие все больше разоряется и что само историческое развитие ведет к великой революции, которая разразится в свое время вследствие нужды

народа и наглости богачей. До этого дня, братья, мы все надеемся дожить, и если это не произошло прошлой весной, как это предсказывалось в обращении Народной палаты [251], если мы не смогли взяться за оружие, то не дайте ввести себя в заблуждение! Этот день придет, и в тот день, когда массы народа, сомкнув ряды, разобьют наемные войска капиталистов,— в этот день обнаружится, что собой представлял наш Союз и как он действовал! И если нам и не суждено воспользоваться *всеми* плодами великой борьбы, если сотни из нас и погибнут под картечью буржуазии, то мы все, даже погибшие, все-таки пережили *борьбу,* и эта борьба, сама эта победа достойна жизни, заполненной самым напряженным трудом.

На этом мы заканчиваем. Желаем вам всего хорошего!

От имени конгресса

Секретарь *Хайде* *

Председатель *Карл Шилль* **

Лондон, 9 июня 1847

Впервые опубликовано в книге: «Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847)». Hamburg, 1969

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 1, 1970 г.

---

* Союзная кличка В. Вольфа. *Ред.*

** Союзная кличка К. Шаппера. *Ред.*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА КОММУНИСТОВ В ЛОНДОНЕ — ОБЩИНЕ СОЮЗА В ГАМБУРГЕ [252]

Лондон, 24 июня 1847.

Дорогие братья!

Получили ваше письмо от 18 сего месяца вместе с берлинским приложением и рады были узнать, что вы как и прежде выражаете готовность словом и делом бороться за наше право.

Мы пересылаем вам Циркулярное письмо конгресса к Союзу, а также новый Устав и проект Коммунистического символа веры и просим вас возможно скорее ответить на шесть нижеследующих вопросов с тем, чтобы мы уже сейчас могли начать необходимые подготовительные работы по организации второго конгресса:

1. Удовлетворены ли вы работой конгресса и согласны ли с принятыми на этом конгрессе решениями;

2. Принимаете ли вы новый Устав или отклоняете его;

3. Можете ли вы предоставить нам на цели, указанные в Циркулярном письме конгресса, требуемые денежные средства за квартал или за полгода, и в каком размере можете это сделать;

4. Образовали ли вы уже округ, а если нет, то с какой местностью вам легче всего и лучше образовать его. — См. статью 14 Устава *;

5. Выделять ли для вашей местности и в каком количестве экземпляры печатного органа Союза, намеченного к выпуску в августе;

6. Осуществляется ли и какими средствами распространение среди населения вашей местности социальных и коммунистических идей и какой отклик они находят.

---

* См. настоящий том, стр. 398. *Ред.*

Далее мы просим вас обсудить самым серьезным образом проект Коммунистического символа веры и сообщить нам возможно скорее все дополнения и изменения, которые вы сочтете целесообразным сделать, чтобы мы могли их систематизировать и представить на обсуждение следующему конгрессу, который должен составить окончательный текст Символа веры.

Было бы хорошо также, если бы вы уже сейчас решили, сможете ли вы одни или вместе с другой местностью направить делегата на следующий конгресс, и сообщили бы нам о своем решении.

Мы надеемся, что вы сделаете все, что в ваших силах, для укрепления и организации Союза в Альтоне, Магдебурге, Берлине и т. д., и просим вас поэтому при возможности доставить членам Союза, находящимся в указанных местностях, Устав, проект Символа веры, а также Циркулярное письмо конгресса.

В заключение мы должны еще раз обратить ваше внимание на то, что, поскольку теперь лишь конгрессу предоставляется право вносить изменения в Устав, вам надлежит лишь сообщить, принимаете ли вы Устав или нет; если же вы сочтете необходимым внести какие-либо изменения или дополнения, то мы просим вас выслать нам ваши предложения на этот счет, мы же, в свою очередь, представим их следующему конгрессу, который их обсудит и вынесет решение.

На этом, братья, мы заканчиваем. — В надежде *скоро* получить от вас хорошие известия, шлем вам всем сердечный привет.

От имени и по поручению Центрального комитета

Секретарь *Иосиф Молль* Председатель *Карл Шаппер*

Так как В. Марр находится в Гамбурге и вы, вероятно, знаете его лично, мы вас спрашиваем, считаете ли вы возможным и желательным привлечь его к нашему делу?

Адрес: г-жа Росс
44 Честер-стрит, Кеннингтон-род
Лондон

Впервые опубликовано в книге: «Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847)». Hamburg, 1969

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ СЕНТЯБРЬ 1847

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ — СОЮЗУ [253]

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Братья,

Прошло уже три месяца с момента окончания работы конгресса и с тех пор, как вам было отправлено его Циркулярное письмо *. Поэтому мы снова представляем вам отчет о нашей деятельности за истекший период и даем обзор положения Союза в настоящее время.

Мы сожалеем, что не можем сообщить вам очень радостных известий, но мы решили говорить вам обо всем только правду, какой бы она ни была. Некоторые склонны думать, что всегда следует подчеркивать лишь лучшие стороны нашего положения, чтобы люди не падали духом; мы, напротив, придерживаемся того взгляда, что все должны знать о необычайных и разнообразных трудностях, с которыми нам приходится вести борьбу. — Настоящего человека это не отпугнет, а наоборот, побудит к более энергичным действиям.

Пока наш Союз не приобрел достаточно сил и не упрочился, пока он не вмешивается активно в современные события, наше влияние остается незначительным. — Правда, у нас теперь новая основа и кое-где действуют как будто с новым подъемом, однако в общем мы еще далеки от того, чем давно должны были бы стать. — Разослав Циркулярное письмо конгресса, мы надеялись получить отовсюду благоприятные и определенные ответы. — Центральный комитет вместе с Циркуляром направил сопроводительное письмо **, в котором еще раз подчеркива-

* См. настоящий том, стр. 402—414. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 415—416. *Ред.*

лись те вопросы, на которые надо было ответить, и содержалась прóсьба прислать быстрый и определенный ответ.

Определенный ответ мы получили пока лишь от Брюссельского окружного комитета *. Из других мест нас известили о получении Циркулярного письма, поблагодарили за наши старания, сделали некоторые общие замечания, и это — все.

Откуда проистекает подобная нерадивость и к чему она может нас привести? — Многие немецкие пролетарии мечтают стать свободными, но если они не будут действовать решительнее, чем до сих пор, то они в самом деле недалеко уйдут. — Жареные голуби сами в рот нам не влетят. — Многим мешает действовать их духовная инертность; другие, правда, много говорят, но когда дело доходит до денежных пожертвований, они делают кислые лица, придумывают всевозможные оправдания и ничего не дают; иные изрядно страдают трусостью буржуа, повсюду видят только полицейских прислужников и жандармов и всегда считают, что время действовать еще не наступило. Глядя на все это, можно нажить себе колики. Бóльшая часть пролетариев, к тому же наиболее дееспособных, находящихся в Силезии, Саксонии, Рейнской Пруссии, в Вестфалии и в Гессене, почти или совсем не имеет руководства, по крайней мере коммунистического.

Поэтому мы еще раз призываем членов нашего Союза, наконец, пробудиться ото сна и взяться за дело и в первую очередь дать определенный ответ на Циркулярное письмо конгресса, чтобы мы, по крайней мере, знали, на кого можем рассчитывать.

По окончании конгресса мы разослали его Циркулярное письмо, новый Устав, Коммунистический символ веры и сопроводительное письмо Центрального комитета в десять городов Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии и Швеции, где имеются общины. — Кроме того, из Лондона мы направили двух полномочных эмиссаров в Америку, по одному в Норвегию, Германию и в Голландию **. — Все они обещали Центральному комитету сделать все, что в их силах, и без промедления создать в тех местах, где они будут останавливаться, новые общины и связывать их с нами.

Согласно решению конгресса, новый печатный орган Союза *** должен был появиться в августе, обещали прислать для него статьи, а также оказать денежную поддержку; кроме

* В оригинале дано следующее подстрочное примечание: «Из Лейпцига мы получили письмо вчера, смотри ниже» (см. настоящий том, стр. 422). *Ред.*

** Вероятно, имеется в виду И. Доль. *Ред.*

*** — «Kommunistische Zeitschrift». *Ред.*

того всех членов Союза призвали помогать, насколько это будет в их силах. К сожалению, и в этом отношении большинство обещаний осталось на словах. За исключением Брюссельского округа, который пока высылает ежемесячно один фунт стерлингов на печать и пять франков на пропаганду, и брата Хайде, приславшего нам свою статью, мы до сих пор ни от кого ничего не получили. — Редакционная комиссия, которой со дня на день обещали прислать нужные статьи, была, в конце концов, вынуждена сделать все сама, чтобы выпустить хотя бы пробный номер. Если мы впредь не будем получать бо́льшую поддержку, чем до сих пор, то мы и в этом деле далеко не уйдем. Для того, чтобы нашу типографию привести в полную готовность, чтобы кроме органа Союза мы могли бы выпускать еще листовки и небольшие брошюры, нам не хватает еще 600 франков. Достать их в одном Лондоне мы не можем.

Со времени рассылки Циркулярного письма конгресса мы получили сообщения из следующих мест:

* *Швеция*. От посланного нами эмиссара **, проехавшего через Хельсингёр в Швецию и исходившего всю страну пешком, мы получили письмо, датированное: Упсала, 23 мая. Здесь, в Лондоне, так как другого при нем ничего не было, он наполнил свой чемоданчик коммунистическими листовками и благополучно перевёз их через границу в Швецию. — Он сообщает нам, что во всех городах, где есть немецкие рабочие, он посетил их в мастерских, распространил среди них наши листовки, и его пропаганда нашла живой отклик. К сожалению, он не мог, поскольку не находил работы, оставаться достаточно долго на одном месте, чтобы создавать общины. — В Стокгольме он передал местной общине (нашему коммунистическому форпосту на севере) два первых обращения Центрального комитета [254], и его сообщения придали мужество тамошним братьям. — Из Стокгольма он отправился в Упсалу, оттуда в Гёвле, где он проработал некоторое время, а теперь находится на пути в Умео и Торнео. Коммунистический эмиссар — среди лапландцев!

Один член Союза, прибывший из Карлскруны в Лондон, рассказал нам: брат К., находившийся раньше в Париже и Лондоне, основал общины в В., и Союз насчитывает там уже более 100 членов. Брат из Карлскруны дал нам адрес К., и мы направили ему настоящее обращение вместе с новым Уставом и специальным обращением к тамошним членам Союза. —

* В рукописи в начале абзаца стоит цифра 1. *Ред.*

** Имеется в виду Август Андерс, прозванный позднее «лапландцем». *Ред.*

Из Стокгольма мы получили письмо, датированное 8 июля. Наши тамошние братья с огромным энтузиазмом присоединяются к нашим принципам. Одному священнику, открыто нападавшему на коммунизм, ответил член Союза, брат Форселль, в брошюре, написанной на шведском языке, в которой он разъясняет наши принципы также и народу [255]. — «*Aftonbladet*», самая крупная шведская газета. тоже защищает коммунизм от поповщины. Они пишут нам далее: «Просветительное общество в Стокгольме, которое мы раньше рассматривали как подготовительную ступень к коммунизму, к сожалению, попало ныне в лапы филистеров. Зато внутри здешнего Скандинавского общества [256], членами которого все мы являемся, а один из нас — президентом его, преобладают настоящие демократические элементы, и из этого общества мы вербуем своих членов». Сразу же по получении этого письма мы переписали латинскими буквами Циркулярное письмо конгресса, Коммунистический символ веры и Устав, так как большинство шведов не знают готического алфавита, и послали им все почтой. — На это последнее послание мы ждем ответа.

Германия. Около шести недель назад отсюда в Берлин отправился эмиссар, который взял с собой наше письмо для тамошних братьев и должен был их подбодрить. — Он собирался пробыть там около недели, а затем поехать в Лейпциг и послать нам оттуда отчет. Мы надеемся вскоре получить сообщение.

Братья в Бр.* известили нас о получении наших посланий и обещали в ближайшее время дать на них обстоятельный ответ, но пока это еще не выполнено.

Братья в Гамбурге подтвердили получение наших посланий и выразили сожаление по поводу изменения названия Союза справедливых, которое они хотели бы восстановить; далее они заявляют, что им совершенно не нравится, когда так резко нападают на приверженцев В. Вейтлинга и Грюна, как это имеет место в Циркулярном письме конгресса. Они советуют придерживаться умеренности, единства и говорят: «За то, что человек стоит в отношении принципа на ступеньку ниже или выше, мы не должны подвергать его нападкам и раскалывать свои ряды, ибо, как, по вашему мнению, могли бы мы действовать, если бы хотели проявлять такую односторонность; мы привлекаем к себе все прогрессивные силы и пытаемся путем убеждения постепенно склонить их в пользу наших идей».

* Возможно, речь идет о Бремене или Бреслау (Вроцлаве). *Ред.*

Мы должны возразить братьям из Гамбурга, что причины, побудившие изменить название Союза и приведенные в Циркулярном письме конгресса, весьма основательны, и, если не будет выдвинуто серьезно аргументированных возражений, Центральный комитет на предстоящем конгрессе будет отстаивать сохранение названия Союз коммунистов. — Это название прямо выражает, что́ мы собой представляем и чего мы хотим, тогда как старое название этого не отражает. Название Союз справедливых означает все и ничего, мы же должны отличаться определенностью. — Поэтому пусть братья из Гамбурга еще раз прочтут приведенные в Циркулярном письме конгресса доводы. Если они сумеют их опровергнуть, тогда мы с ними согласимся, а одни лишь эмоции мы принимать во внимание не можем.

Относительно второго пункта мы хотим заметить, что вейтлингианцы и грюнианцы отнюдь не подвергаются нападкам, они лишь представлены в истинном свете. — Настало время проснуться, мы не можем больше мечтать и возиться с системами, лишающими нас всякой активности, мы не хотим иметь дело с мертвецами. Грюнианцы — это люди, которые много болтают о равенстве, не понимая значения этого слова, которые относятся критически ко всему, только не к самим себе, одним словом, самодовольные люди, которые много говорят и ничего не делают. Мы — не рафинированные буржуа и говорим поэтому не намеками, а напрямик, т. е. называем вещи своими именами.

Более десяти лет проповедовали в Союзе умеренность, осторожность и объединение, и при всех этих проповедях, при всей братской любви мы почти ничего не сделали и в последний год были близки к распаду. — Нам следует изменить свои методы; несправедливо требовать, чтобы мы всю свою жизнь занимались пустяками и предавались мечтам. — Мы придерживаемся такого мнения: 100 дельных людей лучше, чем 1 000, из которых половина нерешительных и равнодушных. — Вместо того чтобы задержаться и помочь неспособным двигаться, мы устремляемся мужественно вперед, возможно, это заставит подтянуться и других. — Впрочем, братья из Гамбурга, кажется, не очень многого добились со своей умеренностью, так как о присылке денег на пропаганду и печать они ничего не пишут, а по поводу печатного органа Союза они заявили, что в связи с ростом безработицы смогут приобрести только несколько номеров.

Мы должны здесь разъяснить, что каждый член Союза *обязан* приобрести один экземпляр журнала; если он не сможет

за него заплатить, пусть это сделает та община, в которой он состоит.

Еще раз обращаемся к вам, братья, не будем растрачивать все свои силы на несвоевременную умеренность, на сплочение противоположных направлений, становясь посмешищем для других партий — мы можем добиться успеха, если только захотим, если же захотим, то нам ничего не нужно кроме: мужества! мужества! мужества! Если люди не желают или не могут идти так далеко, как это делаем мы, — ну, что же, если у них честные намерения, мы не отказываем им в своем уважении, но если нас призывают вернуться назад, чтобы объединиться с отступающими, мы заявляем: никогда!

Наши братья из Лейпцига недавно писали, что некоторые члены Союза, напуганные несколько резким тоном письма Центрального комитета, покинули ряды Союза. Остальные обещали сохранять верность организации и сделать все, что в их силах. — Мы можем только поздравить братьев в Лейпциге с тем, что они освободились от людей, из которых ни один не обладает мужеством быть настоящим человеком. Письмо из Лейпцига, которое мы получили вчера, написано уже совсем в другом, более сильном стиле, чем предыдущие, — видно, что тамошняя община преодолела свою нерешительность.

Прежде всего община в Лейпциге считает, что необходимо придать Символу веры более научный и доступный всем классам общества характер. — Она предлагает почти полную переработку его и приводит для этого основания. Предложенные изменения мы представим на обсуждение предстоящего конгресса. С большинством приведенных в письме предложений Центральный комитет согласен. Далее община заявляет, что намерена приобрести, кроме положенных для ее членов экземпляров нашего журнала, еще 12 штук, чтобы их распространить. Если все общины последуют примеру Лейпцигской общины, тогда орган Союза сможет выходить каждую неделю и продаваться за полцены. — Собранные на пропаганду и печать взносы мы просим переслать нам возможно скорее. — Мы рассчитываем, что в Лейпциге скоро возникнет и вторая община; но если это не произойдет, то первая община может присоединиться к общинам в Б.*; мы примем для этого необходимые меры.

Из Мн.** мы не получили никаких сообщений и не знаем там никаких адресов, так как наш тамошний корреспондент,

* По-видимому, в Берлине. *Ред.*

** Вероятно, из Мюнхена. *Ред.*

видимо, уехал в Париж. — Мы попытаемся как можно скорее восстановить связь с тамошними общинами.

В Майнц мы не могли отправить Циркулярное письмо конгресса по почте. — Только месяц назад один здешний член Союза отправился туда, ему мы дали все с собой. — Поэтому мы не могли еще получить оттуда никакого ответа. В письме, полученном от членов Союза в Майнце, нам сообщают, что там намереваются основать вторую общину, вследствие чего будет образован округ. — Полиция ведет постоянную слежку за нашими братьями в Майнце. Однако это еще больше вдохновляет их на энергичную борьбу за наше дело. — Честь и слава храбрым пролетариям Майнца; если бы всюду в Германии действовали так, как там, наши дела обстояли бы блестяще.

Голландия. В Амстердаме существует Просветительный союз, который связан с нами и имеет в своем составе дельных людей. — Три недели назад мы направили туда полномочного эмиссара * с целью основать общину [257].

Америка. Эмиссар, посланный отсюда этой весной в Нью-Йорк, рисует нам печальную картину положения Союза в Новом Свете. — Союз в Нью-Йорке сделал уже большие успехи, когда туда прибыл Вейтлинг ** и зажег в нем факел раздора. — Начались ожесточенные споры на заседаниях, следствием чего явился развал всей организации. — Общины в Нью-Йорке раньше постоянно призывали нас к умеренности и настоятельно просили помириться с Вейтлингом; теперь же, когда они сами, спустя две недели после приезда Вейтлинга, вступили с ним в ожесточенный спор, корреспонденты так пали духом, что вовсе больше не пишут нам, чтобы не быть вынужденными раскрывать печальное положение дел местного Союза. — Об этом сообщает нам находящийся там эмиссар; при сложившихся обстоятельствах он ничего не смог сделать в Нью-Йорке и уехал в штат Висконсин, где обещает в меру своих сил действовать в пользу нашего дела.

В Филадельфии находятся еще многие члены Союза, которых мы настоятельно просили восстановить там общины. — Мы уполномочили двух эмиссаров, которые несколько недель назад уехали отсюда в Нью-Йорк и в Филадельфию, приложить все силы для восстановления в этих местах Союза на основе улучшенного Устава.

Франция. В Марселе положение остается неизменным. — Туда направилось несколько членов Союза из Лиона, обещавших

* — И. Доля. *Ред.*
** — в начале 1847 года. *Ред.*

сделать все возможное, чтобы вдохнуть в тамошний Союз новую жизнь.

Из Лиона сообщают, что члены Союза действуют в меру своих сил и обсуждают Символ веры. — Лионский округ согласен с новым Уставом, за исключением раздела 7, касающегося приема новых членов. — Лионцы считают, что не следует требовать от принимаемых, чтобы они давали клятву, так как имеется много примеров, когда люди все обещали и ничего не выполняли; главное внимание следует обращать на поведение человека. — Мы заметили лионцам, что требуется отнюдь не клятва, а честное слово. Далее лионцы пишут:

«В связи с тем, что в сентябре мы снова оказываемся в критическом положении, просим вас запросить парижан, не смогут ли они выделить несколько дельных членов Союза, которые во имя общего дела принесут себя в жертву и на некоторое время изберут своим местожительством Лион. Все старые члены Союза намерены уехать и поэтому не хватает людей, которые *могут взять на себя* руководство.

Постарайтесь поэтому предотвратить угрозу распада.

Что касается журнала, который будет у вас выходить, мы еще не можем определить, сколько экземпляров мы возьмем, так как все может принять другой оборот».

О деньгах на печать и пропаганду не сообщают ничего. — Мы настоятельно просим братьев в Париже, как можно скорее направить в Лион несколько дельных членов Союза.

Из Парижа нам пишут, что Устав там принят единогласно, что в общинах идет обсуждение Символа веры и что число членов Союза значительно увеличилось. Результаты обсуждения нам пока не известны, нет также сведений, собирают ли средства на печать и пропаганду. Впрочем, к чести парижан следует сказать, что за последнее время они сделали значительные денежные пожертвования, направив делегата * на конгресс и эмиссара в Швейцарию **.

Из частного письма одного члена Союза в Париже, переданного Центральному комитету ***, видно, что в парижских общинах имеется, к сожалению, еще много людей, которые и поныне не освободились от бессмыслицы Грюна и весьма своеобразных идей Прудона. Кажется странным, что эти люди, будучи членами Союза коммунистов, отвергают коммунизм; они хотят равенства, и только. — Эти внутренние раздоры,

* — Ф. Энгельса. *Ред.*

** — С. Борна. *Ред.*

*** Возможно, из письма Энгельса. *Ред.*

по-видимому, и являются причиной того, что мы так редко получаем сообщения из Парижа. Прудон стал в такой мере истинно немецким философом, что и сам не знает, чего хочет; Грюн сделал взгляды Прудона еще более неясными, поэтому вряд ли можно требовать, чтобы у людей, являющихся сторонниками учений обоих этих мужей, была ясность. — Мы призываем приверженцев Прудона и Грюна прочитать книгу Маркса «Нищета философии», которая, как мы слышим, переведена также и на немецкий язык [258], и они поймут, что государство равенства, которого они требуют так многословно, но весьма неопределенно, является не чем иным, как нынешним государством. — Таким образом вращаются в кругу ложных идей и в конце концов снова приходят к тому, от чего ушли.

Мы призываем коммунистов в Париже твердо держаться друг друга и добиваться того, чтобы ложные идеи в общинах исчезли. Если приверженцы Грюна и Прудона будут настаивать на своих принципах, то они должны, если являются честными людьми, выйти из Союза и действовать самостоятельно. — В нашем Союзе могут состоять только коммунисты. — Пока в наших общинах будут находиться приверженцы Грюна, то ни они, ни мы не сможем вести действенной пропаганды; силы будут распыляться, а молодежь падет духом, — следовательно, лучше раскол, чем внутренние раздоры [259].

Исключенные вейтлингианцы снова прислали нам пространное письмо, в котором обрушиваются на нас и на парижские общины и утверждают, что они являются подлинными коммунистами. В конце письма они просят указать надежный адрес, так как у них есть еще к нам поручения. — Однако вейтлингианцы ничего не говорят о том, что хотя они в меньшинстве, тем не менее, оставили у себя всю кассу парижских общин, которая находилась в руках одного из них. — Такой поступок вполне согласуется с проповедуемой их шефом теорией кражи [260].

Мы очень вежливо ответили, что действовали, повинуясь чувству долга и убеждению, и будем твердо стоять на том, что признаем правильным. Поэтому их оскорбления не могут нас задеть. — Мы послали им адрес, который они просили, но с тех пор ничего больше о них не слышали.

Швейцария. Центральный комитет уведомил братьев в Ла-Шо-де-Фоне о скором прибытии эмиссара * и призвал их содействовать ему в меру сил в деле реорганизации Союза в Швейцарии.

* — С. Борна. *Ред.*

Бернская община уже с некоторых пор предстает в двусмысленном свете. — Нам сообщили оттуда, что намереваются издавать коммунистическую газету «Der Wanderer» и просили нас о поддержке.

Мы послали 25 франков и чек на 50 франков в Лозанну и в Ла-Шо-де-Фон. Эти деньги были, однако, истрачены бернцами на печатание листовок Карла Гейнцена, который уже тогда выступал как злейший враг коммунистов. — 29 июня мы снова получили письмо из Берна, в котором нас уведомляли, что младогерманцы[261] пустили в ход все средства, чтобы противодействовать коммунистам в Швейцарии, и призывали как можно скорее основать печатный орган Союза. Одновременно нам прислали небольшую листовку «Голод в Германии и германские государи» и просили нас о добровольных пожертвованиях для дальнейшего распространения «Военных статей», «Подготовки» и т. д.[262] Нам писали: «Кое-кто из республиканской партии имеет, правда, благородные намерения, а именно бравый Гейнцен, но у него связаны руки, он не является душой немецко-республиканского движения, в настоящее время он — правая рука и т. д.».

Гейнцен особенно яростно выступал против коммунистов; однако община в Берне печатает и распространяет его листовки и, по-видимому, находится с ним в прямой связи. Это казалось и кажется нам подозрительным. — Мы не позволим водить нас за нос; сегодня каждый честный человек должен открыто развернуть свое знамя. Поэтому мы отправили серьезное письмо Бернской общине и просили немедленных разъяснений, но до сих пор ответа не получили.

Наш эмиссар пишет из Женевы, что там наши дела принимают самый благоприятный оборот. — Два члена Союза основали этой весной в Женеве общину; пока эмиссар там находился, образовалась вторая община и в перспективе намечалась третья. — Кроме того, существует открытое общество, которое используется для воспитания дельных коммунистов. Из этого можно заключить, что в Женеве наша партия, по-видимому, снова укрепила свои позиции, и если наши братья там будут продолжать столь же энергично действовать, как они это делали до сих пор, то коммунисты в Швейцарии скоро окажутся сильнее, чем где бы то ни было. — В Ла-Шо-де-Фоне, как сообщает эмиссар, от исключенных вейтлингианцев получен уже ряд писем, полных самых гнусных личных выпадов против некоторых членов Союза; в них вейтлингианцы призывают местных членов присоединиться к ним. — Однако общины в Ла-Шо-де-Фоне не поддались на происки этих людей и хотят дождаться прибытия нашего эмиссара, чтобы дать определенный ответ.

Будучи в Женеве, наш эмиссар установил контакт с Петерсеном из Лозанны, который еще оказывает довольно значительное влияние на коммунистов в Швейцарии. Надо надеяться, нашему эмиссару удастся привлечь его к нашему движению.

Парижские вейтлингианцы на деньги, украденные у нашего Союза, направили некоего Хорншу в качестве эмиссара в Швейцарию с заданием склонить тамошние общины на сторону вейтлингианцев. Этот Хорншу в настоящее время находится в Лозанне. Ранее он был в Лондоне, поэтому мы его хорошо знаем и можем с уверенностью сказать, что он совершенно не в состоянии вести какую бы то ни было пропаганду. — Он ужасно нудный болтун и вообще немногого стоит. — Уезжая из Лондона, он попросил у своей общины небольшой аванс на поездку, дав обещание в ближайшее время вернуть деньги. Община предоставила ему 25 франков. — С тех пор прошло два года, а Хорншу, хотя ему не раз напоминали об этом, еще ничего не вернул. Поистине печально, что люди, подобные Хорншу, единственной целью которых является ублажать свою леность и самонадеянность, до сих пор еще находят возможность растрачивать заработанные тяжелым трудом деньги пролетариев.

Наш эмиссар объезжает сейчас города, расположенные на Женевском озере, затем направится в Ла-Шо-де-Фон и т. д.— Он просил у нас дополнительные денежные средства для продолжения поездки; мы послали ему тотчас же 50 франков, которые, однако, нам пришлось взять в долг, так как наши кассы опустошены.

Бельгия. В Бельгии наши дела идут хорошо. — Со времени конгресса в этой стране образовалось уже два округа; с одним из них, который находится в Льеже, мы еще не находимся в непосредственной связи, однако ежедневно ждем писем.

Брюссельский округ установил связь с рейнской Пруссией и действует энергично [263]. Он уже организовал певческое и Просветительное общества [264]; обоими обществами руководят члены Союза коммунистов и оба они являются подготовительной школой для вступающих в Союз.

В Брюсселе приняли Устав; однако предложили два изменения для обсуждения на предстоящем конгрессе. — Первое предложенное изменение касается пункта «е», ст. 3, раздела I; второе — ст. 21, раздела V [265]. — Брюссельцы говорят: «Мы считаем политически неверным запрещать членам Союза вступать в какую-либо политическую или национальную организацию, ибо тем самым мы лишаемся всякой возможности оказывать влияние на эти организации». Далее, относительно ст. 21: «С наступлением более революционного времени это ограничение

сковало бы всю энергию конгресса. Вспомним, что в 1794 г. аристократы выдвинули в Конвенте такое же требование, чтобы парализовать все его действия».

Мы призываем общины подвергнуть внимательному рассмотрению упомянутые предложения и снабдить своих делегатов на конгресс инструкциями, касающимися данных предложений.

В связи с обсуждением Коммунистического символа веры было предложено много важных изменений, которые мы вынесем на рассмотрение конгресса.

Как уже упоминалось выше, Брюссельский округ выделил на печать 25 франков и на пропаганду на первое время ежемесячно 5 франков. — Мы просим все остальные округа как можно скорее последовать данному примеру.

Лондон. В Лондоне новый Устав был принят единогласно, и во всех общинах ведутся оживленные дискуссии о Символе веры. — Как только они закончатся, здешний окружной комитет передаст нам все предложения и дополнения. — За последние два месяца отсюда уехало большое число членов Союза, тем не менее мы в ближайшее время восполним образовавшийся пробел. Просветительные общества служат нам подготовительными школами, их огромная польза становится с каждым днем очевиднее.

В Лондонском округе царит полнейшее единство и всеобщее стремление действовать в меру сил в пользу нашего дела. — За последние полгода мы израсходовали здесь на печатные издания и т. д., на журнал *, на почтовые и типографские расходы, на расходы, связанные с конгрессом, на эмиссаров и т. д. более тысячи франков. — Затем каждый член Союза обязан вносить еженедельно 3 пенса в кассу Просветительного общества и, кроме того, почти ни одно вечернее заседание не обходится без частных сборов в пользу нуждающихся. — Больше половины наших членов Союза не имеют работы и живут в нужде, поэтому мы не можем одни нести все расходы, как мы это делали до сих пор. — Мы вынуждены поэтому настоятельно просить все округа и общины оказывать нам денежную помощь в меру своих возможностей и как можно скорее, для завершения оборудования типографии Союза, продолжения выпуска нашего журнала и для пропаганды. В настоящий момент наши средства полностью исчерпаны. Раньше мы всегда посылали деньги, как только это требовалось, поэтому мы можем позволить себе рассчитывать, что нас также не оставят в затруднении.

---

* — «Kommunistische Zeitschrift». *Ред.*

Пробный номер журнала нашего Союза хорошо разошелся в Лондоне и привлек большое внимание проживающих здесь иностранцев. — Мы выставили его для продажи во многих книжных магазинах и газетных лавках. Мы разослали экземпляры по всем адресам, и у нас осталось еще 1 000 экземпляров, которые могут быть посланы туда, где еще потребуются.

На этом мы заканчиваем наш отчет о положении Союза и о нашей деятельности; вам теперь предоставляется возможность самим судить о том, как обстоят наши дела, как Центральный комитет выполнял свои обязанности в течение трех последних месяцев в качестве исполнительной власти Союза.

Вы убедитесь, что, как уже сказано в начале нашего обращения, повсюду ведется энергичная работа, но в общем и целом мы еще далеки от той цели, которой должны были бы уже давно достигнуть. Поэтому мы надеемся, братья, что теперь вы приложите все свои силы, чтобы мы быстрее продвинулись вперед и в следующем отчете могли сообщить более отрадные вести, чем до сих пор.

Но прежде чем закончить, мы призываем вас обратить самое серьезное внимание на нижеследующие пункты. Мы просим настоятельно:

1. Все округа и существующие самостоятельно общины, если им представится хоть какая-нибудь возможность, должны избрать делегата на предстоящий конгресс и позаботиться о том, чтобы этот делегат смог прибыть 29 ноября сего года в Лондон. — Вы знаете, что на первом конгрессе мы не могли принимать окончательные решения и что по этой причине было признано необходимым созвать еще в этом году второй конгресс [266]. — Этот второй конгресс будет иметь весьма важное значение потому, что ему предстоит не только выработать Коммунистический символ веры, но и принять решения, касающиеся окончательной организации Союза и его органа, а также дальнейшего ведения нашей пропаганды. — Поэтому абсолютно необходимо, чтобы на этот конгресс явилось как можно больше делегатов. — Братья! Мы надеемся, что вы не остановитесь ни перед какими жертвами, чтобы выполнить свой долг;

2. Все округа и общины, которые еще не провели сбора средств на печать и пропаганду, обязаны сделать это без промедления. — Если все хоть *что-нибудь* дадут, то мы будем в состоянии энергично приняться за дело. — Без денег мы не можем вести никакой пропаганды. — Просим те округа и общины, которые уже собрали средства, как можно скорее переслать их нам;

3. Все округа и общины, которые еще не дали определенного ответа на Циркулярное письмо конгресса, должны это сделать без промедления;

4. Все округа и общины, которые еще не сообщили, сколько экземпляров нашего журнала они возьмут, должны сделать это немедленно, а также указать пути, по которым журнал скорее и безопаснее всего может быть доставлен в соответствующие местности;

5. Все округа и общины должны информировать нас о том, ведется ли в их округе коммунистическая пропаганда и каков ее характер;

6. Всех членов Союза просим присылать статьи и стихотворения в редакцию нашего журнала. — Для первого номера, как мы уже отмечали, многие члены Союза обещали свои статьи, но не сдержали своих обещаний; мы можем приписать это только небрежности, которой не должно быть места у нас.

В надежде получить от вас в ближайшее время благоприятные и определенные сообщения приветствуем вас.

От имени и по поручению Центрального комитета

Карл Шаппер *Генри Бауэр*

Иосиф Молль

Лондон, 14 сентября 1847

P. S. В тот момент, когда данное обращение должно было печататься, мы получили письма от эмиссаров из Германии и Швейцарии.

Из Германии нам сообщают: энтузиазм наших братьев в Берлине исключителен, особенно со времени известного события, имевшего там место [267]. — Правительство прямо действовало нам на руку. — Благодаря поднятому шуму вокруг коммунистов наши принципы стали широко известны, и народ, вместо того чтобы испугаться, воодушевился ими. Эмиссар заканчивает свое письмо словами: Братья, мы можем с уверенностью смотреть в будущее, повсюду есть достойные люди, которые отстаивают правое дело.

Из Швейцарии поступают в высшей степени благоприятные сообщения. — Там налажена организация Союза, и он уже существует более чем в 10 различных пунктах. — Петерсен перешел на нашу сторону. Эмиссар пишет: В Ла-Шо-де-Фоне и Ле-Локле мы имеем, по моему мнению, лучших и ревностных членов нашего Союза — их мужество непоколебимо. — Браво, братья, вперед! — Исключенные вейтлингианцы всюду изго-

няются. — Недоразумение с Бернской общиной улажено. — Теперь мы заявляем, что допустили несправедливость по отношению к тамошним братьям, они твердо придерживаются наших принципов. — Нас очень радует, что мы можем об этом заявить. О дальнейшем в следующем отчете.

Центральный комитет

Карл Шаппер ***Иосиф Молль***

Генри Бауэр

Впервые опубликовано в книге: «Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847)». Hamburg, 1969

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Новая и новейшая история» № 6, 1970 г.

ОТЧЕТ «NORTHERN STAR» О МЕЖДУНАРОДНОМ МИТИНГЕ В ЛОНДОНЕ 29 НОЯБРЯ 1847 г., ПОСВЯЩЕННОМ 17-й ГОДОВЩИНЕ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830 ГОДА [268]

Годовщина польского восстания 1830 г. была торжественно отмечена в прошлый понедельник, 29 ноября, публичным митингом, состоявшимся в зале Немецкого общества на Друри-Лейн.

Митинг был созван обществом «Братские демократы» совместно с Демократическим комитетом возрождения Польши. Зал был заполнен представителями Англии, Шотландии, Ирландии, Франции, Германии, Бельгии и Польши.

Г-н *Джон Арнотт,* избранный председателем, сообщил о цели митинга и предложил г-ну Столвуду огласить первую резолюцию.

Г-н *Столвуд,* рассказав о героизме и храбрости поляков в Варшаве, об их безграничной преданности делу свободы, восторженно отозвался о «Краковском манифесте» [269], назвав его образцом демократической программы, а затем огласил первую резолюцию следующего содержания:

«Мы рассматриваем расчленение Польши как тяжкое преступление, которое человечество должно заклеймить вечным проклятием. С благодарностью и восхищением вспоминаем мы о героических усилиях, предпринятых польским народом в 1830—1831 гг. для восстановления независимости своей родины. Мы чтим священную память мученически павших в славной борьбе за освобождение своего народа от рабства и глубоко сочувствуем всем жертвам угнетения, томящимся в настоящее время в тюрьмах, на каторге, в изгнании».

Затем председатель предоставил слово г-ну *Эрнесту Джонсу* для поддержки резолюции. Г-н Джонс сказал: «В этот день,

семнадцать лет тому назад, Польша пробудилась от своего глубокого сна для того, чтобы начать борьбу не на жизнь, а на смерть; в этот день, семнадцать лет назад, она напрягла свое тело, кровоточащее от пыток, которым подвергала ее Россия, и разбила свои оковы; в этот день, семнадцать лет назад, она превратилась из провинции в нацию! (Аплодисменты.) В Варшаве царило спокойствие. Россия менее всего ожидала восстания, — и вдруг оно вспыхнуло». Далее г-н Джонс ярко описал, как развивалось и как одержало победу восстание в Варшаве, особенно подчеркнув то обстоятельство, что до тех пор, пока население не было вооружено, исход был сомнителен. «Затем дело пошло с молниеносной быстротой, и, через несколько часов, великий князь Константин ретировался за Мокстовскую заставу со своими 11 000 русских и вынужден был, подобно бездомному бродяге, провести ночь под деревом, укрывшись листвой». (Аплодисменты.) Далее оратор вскользь упомянул о дальнейшем ходе восстания и выразил уверенность, что «восстание увенчалось бы успехом, если бы оно было не аристократическим, а народным восстанием, если бы оно опиралось на такой документ, как замечательный Краковский манифест. (Аплодисменты.) И тем не менее, нам не следует падать духом.— Польша готова к новой борьбе. — Память о целой армии мучеников для нас священна, и у нас будет новая армия героев, которой положение в Европе предвещает победу». Оратор указал далее на то, что все страны Европы стоят перед лицом внутренних перемен, проанализировал скрытые слабости великих держав и, произнеся несколько сильных и волнующих слов об Ирландии, закончил свою речь призывом к своим слушателям готовиться к грядущей борьбе в Англии и на континенте. Речь г-на Джонса была одной из самых сильных и проникновенных и вызвала восторженные аплодисменты.

Г-н *Мишло* в энергичной речи, произнесенной на французском языке, поддержал резолюцию, которая была принята единогласно.

Карл Шаппер, встреченный горячими аплодисментами, поднялся на трибуну, чтобы огласить вторую резолюцию, и сказал: «Граждане, когда люди борются за правду и свободу в великом деле, даже если сначала они не имеют успеха, но, в конце концов, непременно добьются своего; такие люди достойны всяческой похвалы, а потому, сказал оратор, честь и слава храбрым полякам. (Громкие аплодисменты.) Слава тем, кто пал под Варшавой, слава тем, кто пал от руки палача, слава тем, кто погиб в сибирских рудниках, и тем, кто сложил

голову в Кракове, и всем мученикам борьбы за свободу. (Продолжительные аплодисменты.) В июле 1830 г. произошла революция во Франции, а затем, в ноябре, призыв к свободе стал всеобщим, и многие хотели, чтобы Польша освободилась от России, но не хотели отмены крепостного права в Польше; можно быть уверенным, что если бы польская шляхта не стремилась увековечить рабство масс, революция победила бы, и вся славянская раса была бы теперь свободной. (Громкие аплодисменты.) Но польские пролетарии спросили: «Какая польза для нас от того, что Польша освободится от ига России, если я останусь под кнутом польского шляхтича?». (Слушайте, слушайте!) Итак, революция потерпела поражение, и сыны Польши вынуждены были эмигрировать, неся с собой семена свободы в Германию, Францию, Англию и в другие страны, а в 1845 г. обновленные духовно возвратились на польскую землю и выпустили свой знаменитый, навсегда прославленный манифест, провозгласивший демократические идеи от имени Краковской республики. (Продолжительные аплодисменты.) Но, увы, попытка оказалась тщетной, плохое семя, посеянное в 1830 г., дало плохой урожай, тиранам удалось использовать крестьян против патриотов [270], восстание было подавлено, и черная душа Меттерниха снова злорадствовала, упиваясь кровью павших польских мучеников. (Слушайте, слушайте!) Но к счастью, братство быстро укреплялось, принципы политического и социального равенства распространились повсюду. (Громкие аплодисменты.) Взгляните на Швейцарию [271]. (Продолжительные аплодисменты.) И свобода восторжествует, несмотря на старого высохшего тюильрийского паука *. (Шум при слове «паук».) Швейцарские радикалы победили Луи-Филиппа и Гизо. Затем явился прекрасный лорд Пальмерстон, который сказал: «Давайте полюбовно уладим дело». «Ах, ответил беспомощный старый парижский паук, именно этого я и хотел». (Смех.) И ни один полк не вступил в Швейцарию, старый паук не посмел их послать. (Громкие аплодисменты.) И это был успех демократии. Кто же теперь является заговорщиками? Это Меттерних, старый высохший паук во Франции, лорд Пальмерстон и иезуиты. (Громкие аплодисменты.) Но народ быстро покончит с их заговором». (Продолжительные аплодисменты.) Оратор сказал, что у него для сообщения имеется приятная новость о том, что в Брюсселе основана Демократическая ассоциация, т. е. Ассоциация братских демократов, и эта Ассоциация направила ученого, д-ра Маркса,

* — Луи-Филиппа. *Ред.*

в качестве своего представителя на этот митинг. (Продолжительные аплодисменты.) Затем гражданин Шаппер зачитал следующий документ:

Собранию членов общества «Братские демократы» в Лондоне.

«Мы, нижеподписавшиеся, члены комитета Демократической ассоциации, основанной в Брюсселе во имя объединения и братства всех народов, имеем честь направить к вам делегата д-ра Карла Маркса, вице-председателя нашего Комитета, чтобы установить корреспондентскую связь и дружеские отношения между нашими обществами. Д-р Маркс имеет полномочия действовать от имени Комитета в соответствии с вышеуказанными целями.

Шлем вам наш братский привет.

Меллине (генерал), почетный председатель.
Жотран, председатель.
Энбер, вице-председатель.
Пикар, секретарь.
Георг Веерт.
Лелевель.

Брюссель, 26 ноября 1847».

Это обращение было встречено восторженными аплодисментами. К. Шаппер горячо приветствовал великого польского патриота Лелевеля и седовласого ветерана, «сына французской республики» генерала Меллине, в заключение предложил следующую резолюцию:

«Принимая на себя обязательство оказывать всемерную посильную помощь польским патриотам, мы выражаем решительное несогласие с тем аристократическим духом, который столь роковым образом повлиял на борьбу 1830 года. Мы видим проявление прогрессивности Польши в Краковском манифесте 1846 г. *, охватывающем принципы широкой политической демократии и социальной справедливости, на которых только и может основываться подлинная свобода и общественное благополучие».

Т. Лукас, поддерживая резолюцию, выразил удовлетворение по поводу того, что встретил здесь так много своих братьев-демократов. Он уверен в том, что если английские демократы (чартисты) добьются свободы, то они смогут сказать «старому пауку в Париже» и всем другим тиранам: «Остановитесь, ни шагу дальше». (Аплодисменты.)

Резолюция была принята единогласно.

---

* В газете «Northern Star» опечатка: 1845. *Ред.*

Д-р *Маркс*, делегат из Брюсселя, поднялся затем на трибуну, и ему был оказан чрезвычайно восторженный прием. Он произнес энергичную речь на немецком языке, суть которой сводилась к следующему: его прислали сюда брюссельские демократы, чтобы от их имени обратиться к лондонским демократам, а через них и к демократам Великобритании с призывом созвать международный конгресс — конгресс рабочих с целью завоевания свободы во всем мире. (Громкие аплодисменты.) Буржуазия, *фритредеры* уже созывали конгресс [272], но их братство одностороннее, и как только они обнаружат, что подобные конгрессы скорее идут на пользу рабочим, их братство немедленно распадется и их конгрессы прекратятся. (Слушайте, слушайте!) Бельгийские демократы почувствовали, что английские чартисты являются настоящими демократами и что, как только они осуществят шесть пунктов своей Хартии, путь к свободе будет открыт для всего мира. «Рабочие Англии, добейтесь осуществления этой великой цели», сказал оратор, «и вас будут приветствовать как спасителей всего человечества». (Бурная овация.)

Джулиан Гарни огласил следующую резолюцию:

«Участники митинга с радостью узнали об основании брюссельского общества «Братские демократы», и в ответ на предложение этого общества о союзе приветствуют его делегата, д-ра Маркса, с глубоким чувством братского расположения; участники митинга горячо одобряют предложение о созыве конгресса демократов всех стран и обязуются направить делегатов на этот конгресс, когда бы его ни созвали лондонское и брюссельское общества «Братские демократы»».

Зачитав резолюцию, оратор произнес затем большую речь о польском восстании 1830 г., об успехах чартизма, о перспективах мощного движения в Англии за осуществление Хартии [220], о значении общества «Братские демократы», о той огромной пользе, которую может принести намечаемый конгресс демократов всех стран. Его замечания были приняты восторженно.

Г-н *Столвуд* поддержал резолюцию, которая была принята единогласно.

Затем трижды прокричали громкое ура в честь славного Лелевеля, трижды в честь героического генерала Меллине и трижды в честь брюссельских демократов.

Чарлз Кин внес четвертую резолюцию следующего содержания:

«Признавая братство всех людей, мы считаем своим долгом бороться за торжество демократических принципов во всех

странах, и, будучи уверенными в том, что осуществление «Народной хартии» дало бы возможность народу Великобритании оказывать делу поляков более действенную помощь, чем «протесты», которые британское правительство выражало до сих пор в газетах, мы с радостью приветствуем намерения британского народа приложить все усилия к тому, чтобы добиться законодательного признания и утверждения парламентом своих прав и привилегий, в которых ему долго отказывали».

Оратор сказал: мы проповедуем всеобщее братство, потому что испытали вред, проистекающий из-за отсутствия этого братства. Правда, в церквах и часовнях по воскресеньям нам тоже говорят: «Все мы братья», но если бы в случае дождя мы попытались по выходе из этих церквей или часовен сесть в экипаж своих богатых братьев, какой бы это вызвало скандал! (Громкий смех.) И это после того, как десять минут назад те же самые люди пели хором: «Все люди братья». (Слушайте, слушайте!) Тем не менее братство является истиной, не требующей доказательств, и пока не могут быть достигнуты какие-либо значительные и практические результаты, необходимо, чтобы братство было не только признано во всем мире, но и осуществлялось на деле. (Громкие аплодисменты.) Мы собрались, чтобы торжественно отметить годовщину польской революции, и возникает вопрос: чем мы можем помочь Польше? Не имея власти — ничем. Добьемся же Хартии и у нас будет власть. (Аплодисменты.)

Гражданин *Энгельс* (из Парижа), поддерживая резолюцию, сказал: Дорогие сограждане, празднование годовщины польской революции имеет значение не только для Польши, но и для всего мира, так как оно будет содействовать дальнейшему и более широкому распространению принципов демократии. (Слушайте, слушайте!) Он, как немец, весьма заинтересован в успехах Польши, ибо это ускорит освобождение Германии, а Германия решила рано или поздно завоевать свободу. (Громкие аплодисменты.) Он твердо убежден, что ни одна нация не может стать свободной, не принося тем самым пользы всем остальным. Он в течение некоторого времени жил в Англии и гордится тем, что может назвать себя чартистом «не только по имени». (Продолжительные аплодисменты.) Кто является теперь их главными угнетателями? Не аристократия, а богачи и стяжатели, буржуазия. (Громкие аплодисменты.) Итак, долг рабочего класса всех наций объединиться и добиться свободы для всех. (Восторженные аплодисменты.)

Гражданин *Тедеско* (из Брюсселя, обратился к собранию с речью на французском языке; приводимые здесь выдержки

из нее не позволяют полностью оценить его красноречия) сказал, что бельгийцы смотрят на английских демократов как на ведущую партию и верят, что они осуществят эту великую меру — Народную хартию. Он восхищен тем духом, который здесь преобладает. Он вернется в Брюссель, чтобы рассказать о тех прекрасных чувствах и энтузиазме, которым преисполнены английские пролетарии, и о их решимости бороться до тех пор, пока они добьются своей Хартии; и он убежден, что с введением Хартии будет установлена справедливая заработная плата за справедливый рабочий день. (Слушайте, слушайте!) Она даст такой толчок делу прогресса, что весь европейский континент последует этому примеру и свобода восторжествует во всем мире. (Громкие аплодисменты.)

Полковник *Оборский*, польский эмигрант, сказал, что, когда началась польская революция, двести унтер-офицеров сдерживали три полка русских, а когда последние узнали, что сражаются против Польши, они повернули оружие против своих угнетателей. Пусть старая Польша погибла, но поднимется молодая Польша, и она станет гораздо сильнее прежней. (Громкие аплодисменты.) Он все же надеется, что Польша первая окажется полем битвы за свободу. С искренней благодарностью английскому народу он воскликнет тогда: «Ура, да здравствует демократия!» (Продолжительные аплодисменты.)

Гражданин *Энгельс* сказал после этого, что он недавно прибыл из Парижа и что подлинные парижские демократы высказываются за созыв международного конгресса. (Громкие аплодисменты.)

Резолюция была принята единогласно.

Джулиан Гарни снова вышел на трибуну и зачитал выдержки из защитительной речи Людвика Мерославского, одного из руководителей восстания 1846 г., находящегося в настоящее время в берлинской тюрьме и приговоренного к смертной казни [273]. Чтение этих выдержек произвело огромное впечатление на присутствующих. Дж. Гарни затем заявил, что ему доставили особое удовлетворение высказывания его друга Энгельса. Он рад видеть, что немцы питают к полякам глубокие братские чувства. Он уверен, что стоит немцам добиться свободы, они не замедлят совершить великое дело национального возрождения и покончить с тем пагубным актом, который австрийские и прусские деспоты помогли осуществить Екатерине, — с актом уничтожения Польши. Он знает, что если французы обретут свободу, если они разрушат гнусный деспотизм, доведший их страну до самой низкой ступени позора, — их первой мыслью

будет — освобождение Польши. (Аплодисменты.) Если Франция в следующий раз пойдет на Москву, то не во главе с императором. Афоризм Наполеона гласил: «политическая ошибка хуже политического преступления». Он был виновен в преступлении и в самой грубой ошибке, когда, дойдя до Варшавы во время своего похода на Россию, отказался провозгласить восстановление Польши. Восстанови он польскую республику в ее прежних границах, он возродил бы душу нации, и двадцать миллионов человек составили бы его резервную армию, — армию, движимую непобедимым энтузиазмом и преданностью своему освободителю. Но нет, Наполеон, гроза королей, для народа был тираном; самый смертельный враг «божественного права», он в то же время был не меньшим врагом суверенитета народа. Он желал диктовать условия северному самодержцу *, но в своих интересах, а не в интересах Польши и других наций, попираемых железной пятой этого самодержца. Его эгоизм получил заслуженное возмездие. Когда он спасался от мстительных пик казаков и еще более страшных морозов и снежных буранов с их непременными спутниками — голодом и эпидемиями, — Наполеон не нашел в Польше опорного оборонительного пункта, где бы он мог укрыться и дать передышку своим потрепанным войскам, чтобы затем обрушиться на своих преследователей. Он отказался вернуть Польшу к жизни, и, таким образом, когда ему потребовались ее вооруженные силы, чтобы спастись от ударов московитов, — этих сил не оказалось. Но грядущая республика исправит политическое преступление императора, и совсем недалек день, когда Франция станет республикой, а английский народ получит свою Хартию. (Продолжительные аплодисменты.) В заключение оратор предложил выразить благодарность председателю **.

Карл Шаппер поддержал это предложение, за которое высказался и г-н Исаак Уилсон, отметив, насколько больше понравился ему ход настоящего митинга, чем митинга, происходившего недели две тому назад под председательством д-ра Боуринга в помещении «Краун энд Анкер», когда ему пришлось вносить поправку. (Аплодисменты.)

Благодарность председателю была выражена аплодисментами.

После того, как председатель выразил признательность за высказанное одобрение, троекратное ура прозвучало в честь «героя-мученика Мерославского»; троекратным ура привет-

* — Александру I. *Ред.*
** — Дж. Арнотту. *Ред.*

ствовали газету «Réforme» и французских демократов; три раза прозвучало ура в честь «Northern Star» и «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», трижды негодующими возгласами выразили решительное порицание «Times», «Journal des Débats», газете «Österreichischer Beobachter».

Затем гражданин Молль прекрасно исполнил «Марсельезу», и этим закончился этот интересный митинг.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 528, 4 декабря 1847 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ОБРАЩЕНИЕ БРЮССЕЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ К ШВЕЙЦАРСКОМУ НАРОДУ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ, ОСНОВАННАЯ В БРЮССЕЛЕ (БЕЛЬГИЯ) И ПРОВОЗГЛАСИВШАЯ СВОЕЙ ЦЕЛЬЮ ЕДИНЕНИЕ И БРАТСТВО ВСЕХ НАРОДОВ, — ШВЕЙЦАРСКОМУ НАРОДУ

Швейцарцы, наши братья!

Только что закончилась в вашей стране мучительная борьба [274]. Все народы взирали на нее с той тревогой, смешанной с грустью, которую всегда испытывают благородные сердца при зрелище гражданской войны.

Мы не собираемся заниматься здесь причинами этого конфликта. Обе стороны пожелали разрешить его сами, без всякого посредничества.

Пусть же те, кто без приглашения захотели выступить в роли добровольных судей ваших внутренних споров, примут упрек в преступной опрометчивости.

Но эта опрометчивость угрожает принять иной характер.

Все друзья свободы вправе возмущаться ею, если не бить тревогу.

Более или менее горячие, более или менее искренние пожелания, даже предложения помощи той или другой стороне вначале можно было объяснить, не прибегая к другим мотивам, кроме различия мнений в области политических или религиозных убеждений.

Теперь же речь идет о другом.

Вмешательство в ваши дела конгресса монархов [275] может быть воспринято только в смысле открытого или завуалированного наступления на ваши институты и в особенности на то их законное развитие, которого вы добились за последние пятнадцать лет.

Являясь почти шесть столетий хранителями свободы, которую феодальная узурпация последовательно изгнала из всех других

частей Европы, вы, швейцарцы, наши братья, обязаны перед нами, перед самими собой отстоять в последний раз это драгоценное наследие, в этот решающий час, когда все народы готовятся потребовать от вас его раздела.

Если вы позволите отнять его у вас, то шесть столетий упорной бдительности, за которую мы приносим вам глубокую благодарность, окажутся потерянными для вас и для всей остальной Европы.

Изгнанные за океан, на новую почву, ваши демократические институты надолго перестали бы служить нам образцом для постоянного изучения и доступного подражания.

Управление государством правителями, избранными всем народом; — ведение государственных дел без обременительных денежных поборов, без разорения трудящихся ради оплаты множества бесполезных чиновников; — оборона государства без постоянных армий; — торговое и промышленное процветание государства без таможен; — свобода верований без господства теократии; — где еще найти достойный подражания образец такого строя, к которому стремится ныне вся Европа, если Швейцария допустит вмешательство в свои дела сообщества королей, банкиров, министров, наемников, монополистов, доктринеров?

Их вмешательство не может иметь иной цели, как стереть с лица земли этот находящийся в центре Европы опасный для них пример народа, который управляет собой сам, без их помощи.

Это настолько ясно нам, собравшимся здесь со всех концов Европы вследствие политических превратностей последнего времени и находящимся среди маленького народа, свободного, как и вы, и почти на ваш манер, что мы сочли необходимым выразить вам, швейцарцы, наши братья, наше единодушное пожелание — чтобы вы оказали должное сопротивление дипломатическим интригам, замышляемым против вас.

Мы заклинаем вас не внимать этим коварным предложениям о посредничестве, с которыми к вам обращаются пять дворов (мы не говорим: пять народов), объединившись между собой, чтобы завлечь вас в пагубную ловушку. Вам не следует бояться возможных угроз с их стороны. Вы должны остерегаться лишь их происков.

Если бы их угрозы оказались серьезными, вы были бы в состоянии помериться с теми силами, которыми эти дворы располагают в действительности, учитывая наличие у них все возрастающих внутренних трудностей,

Если же они захотят принудить вас силой, у вас не будет недостатка в союзниках. Еще раз рекомендуем вам, швейцарцы, наши братья, хранить это священное наследие демократических вольностей Европы, которое вы так хорошо сохранили до сих пор и которое вы сумели поставить в последнее время на службу прав и интересов огромного большинства.

Заранее выражаем вам нашу благодарность за стойкость, которую вы покажете миру, и наши живейшие симпатии.

За вышеназванную Демократическую ассоциацию, на основании решения, принятого ее общим собранием 29 ноября 1847 г. после празднования годовщины польского восстания, состоявшегося в тот же день в городской ратуше Брюсселя,

Комитет Ассоциации:

Генерал *Меллине,* руководитель гражданских легионов в 1830 г., почетный председатель.

Л. Жотран, адвокат, бывший член бельгийского национального конгресса в 1830 г., председатель.

Майнц, адвокат Брюссельского апелляционного суда.

Энбер, вице-председатель, бывший редактор марсельской газеты «*Peuple souverain*».

Карл Маркс, бывший редактор «Rheinische Zeitung», вице-председатель.

Иоахим Лелевель, член Национального правительства.

Георг Веерт.

Секретарь Общества, *А. Пикар,* адвокат Брюссельского апелляционного суда.

Спильтхорн, адвокат при Гентском суде. Глава временного правительства Фландрии в 1830 году.

Пеллеринг, рабочий-сапожник.

А. Борнштедт, редактор «Deutsche-Brüsseler-Zeitung».

К настоящему Обращению присоединились немецкие рабочие, объединившиеся в Общество в Брюсселе. Об этом при-

соединении свидетельствуют нижеподписавшиеся члены Комитета этого Общества.

Председатель — *Валлау*
Вице-председатель — *Гесс*
Вольф — секретарь
Ридель — казначей

Написано 29 ноября 1847 г.
Напечатано в газете «La Réforme», 5 декабря 1847 г.

Печатается по рукописи
Перевод с французского
На русском языке публикуется впервые

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ Ф. ЭНГЕЛЬСА В ЛОНДОНСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ 30 НОЯБРЯ 1847 ГОДА [276]

Граждане! Когда 350 лет тому назад Христофор Колумб открыл Америку, он, наверное, не представлял себе, что его открытие не только опрокинет все тогдашнее европейское общество с его порядками, но и заложит основу для полного освобождения всех народов; между тем все больше обнаруживается, что дело обстоит именно так. В результате открытия Америки был найден новый морской путь в Ост-Индию, что совершенно изменило прежние торговые связи Европы; следствием этого явился полный упадок итальянских и немецких торговых отношений и выдвижение на первый план других стран; торговлей завладели западные страны, и, таким образом, главенствующую роль стала играть Англия. До открытия Америки отдельные страны, даже в Европе, были еще очень разобщены между собой, и торговля в целом занимала незначительное место. Лишь после того, как был найден новый путь в Ост-Индию и в Америке открылось широкое поле выгодной деятельности для европейских торговых наций, Англия начала все более и более концентрировать в своих руках торговлю, что вынуждало другие европейские страны все теснее сближаться друг с другом. Все это привело к возникновению крупной торговли и созданию так называемого мирового рынка. Огромные сокровища, которые европейцы вывозили из Америки, и прибыли, извлекаемые из торговли вообще, имели своим последствием упадок старой аристократии и возникновение буржуазии. С открытием Америки связано и то, что появились машины, а тем самым стала неизбежной борьба, которую мы теперь ведем, — борьба неимущих против имущих.

До изобретения машин почти каждая страна производила столько, сколько ей требовалось, и торговля ограничивалась в основном лишь теми продуктами, которые та или иная страна вовсе не могла производить; когда же появились машины, то стали производить такое количество, что во многих местах пришлось прекращать работу, ибо те самые люди, которые раньше такие же изделия изготовляли своими руками, теперь для собственного потребления стали покупать изделия машинного производства. Положение прежних рабочих совершенно изменилось, и все человеческое общество, состоявшее ранее из четырех — шести различных классов, разделилось на два враждебно противостоящих один другому класса.

С тех пор, как англичане завладели мировой торговлей и развили машинное производство до такой степени, что могли снабжать своими изделиями почти весь цивилизованный мир, с тех пор, как буржуазия добилась политического господства, — англичанам удалось преуспеть и в *Азии*, буржуазия и там стала возвышаться. С распространением машин варварское состояние других стран непрерывно разрушается. Мы знаем, что португальцы* застали *Ост-Индию* на той же ступени развития, что и англичане, и тем не менее индийцы столетиями продолжали жить по-старому, то есть ели, пили и прозябали; как дед обрабатывал свой клочок земли, так делал это и внук; а множество насильственных переворотов, которые имели место, представляли собой однако не что иное, как борьбу за власть между различными племенами. Когда туда пришли англичане и стали распространять свои промышленные товары, индийцы лишились заработка и в результате этого стали выходить из своего неподвижного состояния. Рабочие уже уходят из родных мест и, смешиваясь с другими народами, впервые становятся восприимчивыми к цивилизации. Старая индийская аристократия совершенно разорилась, и людей натравливают там друг на друга так же, как и у нас.

Позже мы видели, как в *Китае*, в этой стране, которая более тысячи лет противилась всякому развитию и движению истории, с появлением англичан и их машин все изменилось и втягивается в цивилизацию.

Австрия, этот европейский Китай, единственная страна, внутренние порядки которой не были поколеблены французской революцией и с которой даже Наполеон ничего не смог поделать, уступила силе пара; там внезапно все изменилось под влиянием машин; покровительственные пошлины вызвали

* В протокольной записи, видимо, описка: испанцы. *Ред.*

их появление в этой стране. В результате возвысилась мелкая буржуазия и свергла высшее дворянство; Меттерних оказался несколько обойденным, чего он, разумеется, никогда не ожидал; на последнем заседании богемского сейма буржуазия отказала ему в утверждении налогов на сумму в 50 000 гульденов. Классы общества претерпели изменения, мелкие ремесленники разоряются и вынуждены превращаться в простых рабочих, вследствие чего появился элемент, который может стать опасным для Меттерниха.

В *Италии* промышленное производство также возросло, буржуазия повсюду садится на шею Меттерниху, и правительство оказалось в таком затруднительном положении, что Меттерниху пришлось согласиться с отказом Богемии уплатить налоги в сумме 50 000 гульденов.

Итак, благодаря открытию Америки все общество разделилось на два класса, чего не случилось бы без возникновения мирового рынка. Рабочие всего мира повсюду имеют одинаковые интересы, промежуточные классы повсюду исчезают, и их различные интересы начинают совпадать. Если, следовательно, революция начнется в какой-либо одной стране, она неизбежно окажет воздействие и на другие страны, и только теперь может произойти действительное освобождение.

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Achter Jahrgang. Leipzig, 1919

Печатается по тексту издания

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ К. МАРКСА В ЛОНДОНСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ 30 НОЯБРЯ 1847 ГОДА

Относительно Бельгии могу сообщить, что там образовалось Рабочее общество, насчитывающее в настоящее время 105 членов [277]. Немецкие рабочие в Брюсселе, которые до сих пор были совершенно разобщены, теперь представляют уже силу; и если раньше их никуда не приглашали, то в этом году представителя Общества просили принять участие в праздновании годовщины польской революции, которое проводится в Брюсселе городскими властями, и выступить от имени этого Общества. В случае если правительство попытается притеснять Общество, поскольку оно безусловно окажет влияние и на бельгийских рабочих, Общество решило передать свою библиотеку, насчитывающую 300 томов, и другое имущество лондонскому Обществу.

Сделаю еще несколько замечаний о литературе. *Луи Блан* доказывает теперь в одной из своих работ [278], что во время французской революции, в тот момент, когда пролетариат штурмовал Бастилию, городскую тюрьму, буржуазия принимала решения против тех, кто своей кровью обеспечил ей победу. Все главные деятели революции предстают теперь в своем истинном виде, появилось множество листовок, написанных в духе пролетариата и оказывающих значительное влияние на общество. Французы действуют больше в интересах какой-либо партии, чем ради выгоды. Перед июльской революцией * циркулиро-

* — 1830 года. *Ред.*

вали листовки, написанные в духе буржуазии, точно так же, как теперь в ходу листовки в пролетарском духе.

Из всех трудов, созданных немецкой философией, наиболее важные посвящены критике религии; но эта критика исходила не из общественного развития. Все, что до сих пор писалось против христианской религии, ограничивалось доказательством того, что она покоится на ложных принципах, например, что писатели заимствовали друг у друга; но до сих пор еще не подвергнут исследованию практический культ христианства. Мы знаем, что высшей идеей в христианстве является жертвоприношение людей. *Даумер* доказывает в своей недавно вышедшей работе, что христиане действительно умерщвляли людей и во время причастия ели человеческое мясо и пили человеческую кровь[279]. Этим он объясняет, почему римляне, которые терпимо относились ко всем религиозным сектам, преследовали христиан и почему позднее христиане уничтожили всю языческую литературу, направленную против христианства. Сам апостол Павел горячо протестует против того, чтобы к причастию допускали лиц, не вполне посвященных в таинства. Теперь также легко поддается объяснению, откуда, например, взялись мощи 11 000 девственниц и т. д.; имеется документ, относящийся к средневековью, который рассказывает о контракте, заключенном между монахинями одного французского монастыря и настоятельницей о том, чтобы без согласия всех не допускалось больше никакого обнаружения мощей. Повод к этому подал некий монах, который постоянно разъезжал из Кёльна в Париж и обратно и каждый раз оставлял чьи-то мощи. Все, что с этим было связано, обычно рассматривалось как мошенничество попов, но при этом им приписывались ловкость и мудрость, далеко превосходившие время, в которое они жили. Жертвоприношение людей считалось священным делом, и оно действительно существовало. Протестантизм лишь перенес это на духовную жизнь человека и несколько смягчил дело. Поэтому среди протестантов встречается больше умалишенных, чем в любой другой секте. Эта история, как она изображена в работе *Даумера*, наносит христианству последний удар; спрашивается теперь, какое это имеет значение для нас. Это дает нам уверенность, что старое общество идет к своей гибели, что рушится все это здание обмана и предрассудков.

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Achter Jahrgang. Leipzig, 1919

Печатается по тексту издания
Перевод с немецкого
На русском языке публикуется впервые

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ Ф. ЭНГЕЛЬСА В ЛОНДОНСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ 7 ДЕКАБРЯ 1847 ГОДА

Гражданин *Энгельс* делает доклад, в котором доказывает, что торговые кризисы вызываются только перепроизводством и что биржи являются главными пунктами, где фабрикуются пролетарии.

Впервые опубликовано в издании: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Achter Jahrgang. Leipzig, 1919

Печатается по тексту издания

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ОТЧЕТА «DEUTSCHE-BRÜSSELER-ZEITUNG» О НОВОГОДНЕМ ВЕЧЕРЕ НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО ОБЩЕСТВА В БРЮССЕЛЕ 31 ДЕКАБРЯ 1847 ГОДА [280]

...Затем слово взял *Карл Маркс* и провозгласил на французском языке тост в честь брюссельской Демократической ассоциации [217], подчеркнув в ясном и четком анализе либеральную миссию Бельгии в противовес абсолютизму, по достоинству оценив благотворное воздействие либеральной конституции страны, в которой допускаются свободные дискуссии, право ассоциаций и могут распространяться семена гуманизма на благо всей Европы *. (Громкие аплодисменты.)

Напечатано в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 2, 6 января 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

---

* К данному месту отчета редакция газеты дала следующее примечание: «На одном из предыдущих собраний Немецкого рабочего общества Карл Маркс сделал доклад по важному вопросу: «Что такое заработная плата?»; он говорил ясно, по-деловому и доходчиво, подверг такой острой критике существующее положение, приведя фактические доказательства, что мы намерены в ближайшее время ознакомить с ним наших читателей» [281]. *Ред.*

ОТЧЕТ «DEUTSCHE-BRÜSSELER-ZEITUNG» О РЕЧИ МАРКСА НА СОБРАНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ 9 ЯНВАРЯ 1848 ГОДА [282]

Никогда еще собрание не было столь многолюдным. Многие слушатели стояли в глубине зала. Было принято семь новых членов.

Благодаря докладу *Карла Маркса* о свободе торговли это собрание явилось одним из самых интересных, из ранее созываемых Ассоциацией. Сообщение Маркса, сделанное на французском языке, длилось свыше часа, но внимание слушателей не ослабевало.

По предложению одного из членов было решено единогласно — нет, при *одном* голосе против, — отпечатать эту речь за счет Ассоциации.

Отметим лишь, что заключительные слова речи д-ра Брейера, а именно, что средства производства (машины и т. д.) должны принадлежать *всему* обществу, а не отдельным его членам, были встречены полным одобрением.

Приводим здесь краткий анализ речи Маркса:

«Великим достижением свободной торговли в XIX в. является отмена хлебных законов в Англии. Вообще промышленники под свободной торговлей понимают прежде всего свободную торговлю сырыми материалами и в особенности свободную торговлю зерном. Агитация Лиги против хлебных законов преследовала лишь филантропическую цель — сделать более дешевыми жизненные средства для народа, точно так же, как сторонники свободы торговли вообще жаждут лишь улучшения положения трудящихся классов».

Г-н Маркс отмечает поразительную неблагодарность народа, особенно английского, по отношению к этим самоотверженным

людям. «Pain à bon marché» *, сказал он, пользуется теперь в Англии такой же скверной репутацией, как «gouvernement à bon marché» ** во Франции. Он дает затем обзор наиболее типичных для английских фритредеров взглядов. Он высмеивает противоречивые и лицемерные фразы, с которыми они обращаются к различным слоям народа — к фабричным рабочим, мелким предпринимателям, арендаторам, к сельскохозяйственным рабочим. Он подробно характеризует три сочинения, премированных Лигой против хлебных законов и имевших целью доказать благотворное влияние отмены хлебных законов на английское земледелие.

Г-н Маркс кратко описывает отношение английских рабочих к своим фабрикантам, чтобы показать всю пустоту филантропических фраз фритредеров.

Борьба за отмену хлебных законов в Англии, продолжает он, была лишь борьбой между промышленными капиталистами и землевладельцами. Рабочий класс мог при этой отмене непосредственно лишь потерять. Разъяснив это обстоятельство, г-н Маркс указывает на тот политический интерес, который побудил английских рабочих поддержать капиталистов. А именно рабочие хотели ликвидировать последние остатки феодализма в Англии.

Затем г-н Маркс подробно опровергает утверждение фритредеров о том, что рабочий класс будто бы выигрывает от удешевления всех товаров и от роста национального богатства и производительного капитала. Напротив, указывает он, заработная плата должна все больше падать по мере увеличения так называемого национального богатства. «Впрочем», сказал он, «влияние свободной торговли на положение рабочего класса не является уже проблемой». Все экономисты при изложении экономических законов исходят из той предпосылки, что свободная торговля уже полностью осуществляется. Законы, касающиеся определения заработной платы, которые можно найти в каждом учебнике политической экономии, следовательно, применимы с тем большей точностью, чем полнее осуществляется свобода торговли. Основной закон, определяющий уровень заработной платы, закон, провозглашенный экономистами от Кенэ до Рикардо, заключается, однако, в том, что нормальной заработной платой является та, которая дает возможность рабочему существовать в качестве рабочего и продолжать свой род; это означает, следовательно, что минимум

* — «Дешевый хлеб». *Ред.*

** — «дешевое правительство». *Ред.*

заработной платы и является нормальным уровнем заработной платы.

Свобода торговли есть освобождение капитала от *национальных* оков, которые в большей или меньшей степени сковывают еще его развитие. Это свобода капитала по отношению к труду. Следовательно, вместо того, чтобы упразднить противоречие между капиталом и наемным трудом, свобода торговли еще более обостряет его. Разве мой враг, восклицает г-н Маркс, перестает быть моим врагом от того, что он разрывает путы, сковывающие его борьбу против меня? Рабочим может помочь лишь уничтожение всей системы отношений между наемным трудом и капиталом.

Такого же рода fraternité *, продолжает г-н Маркс, которое свобода торговли устанавливает между различными классами одной нации, устанавливает она и между различными нациями земного шара. Только в голове представителей класса буржуазии могла зародиться идея присвоить эксплуатации, освобожденной от национальных пут, эксплуатации, возведенной на космополитическую высоту, название fraternité universelle **.

Г-н Маркс отвечает далее на некоторые софизмы фритредеров, например, что свободная торговля осуществит международное разделение труда, при котором каждая нация будет производить в соответствии со своим *природным призванием* и в каждой отрасли промышленности изберет себе определенную специализацию и т. д. «Если приверженцы свободы торговли не способны понять, как это одна нация может обогащаться за счет другой, в этом нет ничего удивительного. Эти господа ведь не понимают, каким образом внутри каждой страны один класс может обогащаться за счет другого».

Г-н Маркс останавливается кратко на *покровительственной системе*, которая является при отсталости нации средством осуществить свободную торговлю внутри данной страны, сокрушить феодализм, установить господство буржуазии и поставить неразвитый в промышленном отношении народ в зависимость от мирового рынка, то есть от свободной торговли с другими народами.

Г-н Маркс заключает следующими словами:

«Но вообще говоря, господа, покровительственная система в наши дни является консервативной, между тем как система свободной торговли действует разрушительно. Она вызывает

* — братство. *Ред.*
** — всеобщее братство. *Ред.*

распад прежних национальностей и доводит до крайности антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Она ускоряет *социальную революцию*, и в этом смысле демократы могут подавать свой голос за свободную торговлю».

Напечатано в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 5, 16 января 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ИЗ ОТЧЕТА «DEUTSCHE-BRÜSSELER-ZEITUNG» О ПРАЗДНОВАНИИ В БРЮССЕЛЕ ВТОРОЙ ГОДОВЩИНЫ КРАКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1846 ГОДА

Годовщина Краковской революции была торжественно отмечена многолюдным собранием 22 февраля вечером в празднично освещенном и украшенном польскими и бельгийскими флагами зале «Старого Двора» в Брюсселе, улица Сер Нуар. Выступило несколько ораторов: Лелевель, Карл Маркс, Ф. Энгельс, Валлау, адвокат Люблинер и другие; они с большим воодушевлением говорили о чисто демократическом характере Краковского восстания. В ближайшем номере мы сообщим подробно об этом праздновании[283], пока лишь отметим, что после публичного заседания состоялся банкет, в котором приняло участие около 100 человек и на котором бельгийские и немецкие демократы произнесли немало тостов. Не было недостатка и в застольных песнях.

Напечатано в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 16, 24 февраля 1848 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Конспект статьи Энгельса «Наброски к критике политической экономии», опубликованной в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 544—571), находится в пятой из девяти тетрадей экономических выписок, сделанных Марксом в Париже («Парижские тетради»). Материалы этой тетради могут быть датированы примерно первой половиной 1844 года.

Данный конспект — одно из свидетельств той высокой оценки, которую снискала у Маркса первая экономическая работа Энгельса. Она в немалой степени повлияла на характер научных интересов Маркса, побудила его, среди других причин, к интенсивным занятиям политической экономией, которые продолжались с небольшими перерывами фактически всю его жизнь. Будучи уже зрелым экономистом, Маркс называл статью Энгельса гениальным наброском, неоднократно цитировал ее в «Капитале». — *3.*

2 Маркс излагает здесь то место статьи Энгельса, где говорится об условиях труда после уничтожения частной собственности (см. настоящее издание, т. 1, стр. 553). — *3.*

3 Данный конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии», составленный К. Марксом, по-видимому, в первой половине 1844 г. по ее французскому переводу Паризо («Élémens d'économie politique». Traduits de l'anglais par J. T. Parisot. Paris, 1823), является частью четвертой и пятой из девяти тетрадей экономических выписок, которые Маркс сделал в Париже с октября 1843 по январь 1845 года. В настоящей публикации все цитаты из Милля заключены в кавычки, а свободное изложение Марксом конспектируемого текста дается без кавычек, независимо от того, проставлены или не проставлены кавычки в рукописи самого Маркса. При подготовке русского перевода была проведена сверка всех выписок Маркса в основном на немецком языке не только с французским переводом, но и с английским оригиналом книги Милля, к которому Маркс не обращался.

В отличие от многих материалов подобного рода из архива Маркса (выписки, конспекты) в настоящем документе значительную долю

занимают собственные рассуждения Маркса, примыкающие по своему содержанию к «Экономическо-философским рукописям 1844 года» и им предшествующие. В квадратных (редакционных) скобках указаны римскими цифрами страницы той эксцерптной тетради Маркса, где содержится публикуемый конспект. Курсив в цитируемом тексте, как правило, принадлежит Марксу. — *5.*

4 Под новейшей политической экономией Маркс подразумевает учение Д. Рикардо, его последователей, в частности Д. Милля, а также, по-видимому, и других экономистов — современников Рикардо. — *17, 102.*

5 В этих определениях отчужденного бога и отчужденного человека Маркс воспроизводит мысли Фейербаха, выраженные в его произведении «Сущность христианства», в частности во второй и третьей главах: «Общая сущность религии» и «Бог как сущность рассудка». — *19.*

6 *Монетарная система* — ранняя форма меркантилизма; сторонники ее считали, что все богатство заключается в деньгах, в накоплении благородных металлов, — отсюда запрещение вывоза золота и серебра из страны, стремление меньше покупать в других странах и больше им продавать, политика активного денежного баланса (см. также примечание 50). — *19.*

7 Маркс цитирует здесь следующие работы: Destutt de Tracy. «Élémens d'idéologie». IV et V parties. Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826, pp. 68, 78 (Дестют де Траси. «Основы идеологии». Части IV и V. Трактат о воле и ее воздействии. Париж, 1826, стр. 68, 78). Adam Smith. «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations». Traduction nouvelle par Germain Garnier. Tome I. Paris, 1802, p. 46 (Адам Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Новый перевод Ж. Гарнье. Т. I. Париж, 1802, стр. 46). [Русский перевод: Адам Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». Москва, 1962, стр. 33]. — *24, 142.*

8 Употребление здесь слова «Schacher» (буквально: торгашество) для обозначения торговли вместо общепринятого немецкого слова «Handel», по-видимому, отражает в известной мере то крайне отрицательное отношение, которое питал к торговле Ш. Фурье (см. настоящий том, стр. 309—337), а также и традицию тогдашней немецкой социально-критической литературы, подчеркивавшей всячески, в том числе и употреблением терминов с явно отрицательным звучанием, свое осуждение стихийного рыночного обмена при системе частной собственности в противоположность «организованному обмену». — *28.*

9 *«Экономическо-философские рукописи 1844 года»* являются, по-видимому, первоначальным наброском задуманной Марксом книги «Критика политики и политической экономии». Работа дошла до нас в виде трех рукописей на листах в 30×40 см, каждая из которых имеет свою собственную пагинацию (римскими цифрами). В первой рукописи (36 страниц) отдельные страницы разделены на три или два параллельных столбца, и каждый столбец снабжен своим заголовком: «Заработная плата», «Прибыль на капитал», «Земельная рента». Начиная с XVII страницы, текстом заполнен только столбец, озаглавленный «Земельная рента», а с XXII страницы и до конца первой рукописи Маркс писал на всех трех столбцах, не считаясь с заранее проставленными заголовками. Текст этих шести страниц (XXII—XXVII) публикуется в настоящем томе под

редакционным заголовком «Отчужденный труд». Из второй рукописи сохранились только четыре страницы. Третья рукопись состоит из 17 сшитых белыми нитками больших листов (34 половинных листа). В конце третьей рукописи (на стр. XXXIX—XL) находится «Предисловие», которое в настоящем томе, как и в предыдущих изданиях, помещено в начале. Раздел рукописи, обозначенный как пункт 6 (о критике гегелевской философии), помещен в конце работы в соответствии с тем намерением, которое выразил Маркс в «Предисловии».

Заглавие всей рукописи Маркса, а также заключенные в квадратные скобки заголовки ее отдельных частей даны Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *41.*

10 Здесь и далее римские цифры обозначают авторскую пагинацию страниц рукописи. — *43.*

11 Началом этой критики является работа К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 414—429). — *43.*

12 Это намерение не было осуществлено. Возможно, писать названные брошюры Маркс не стал не столько в силу различных внешних обстоятельств, а потому, что пришел к убеждению о невозможности самостоятельного научного рассмотрения вопросов права, морали, политики и других категорий надстроечного порядка, пока не будет дан научный анализ базиса всякого общества, в том числе буржуазного, — производственных отношений. — *43.*

13 Имеется в виду Б. Бауэр, опубликовавший в «Allgemeine Literatur-Zeitung» две большие рецензии на книги, статьи и брошюры по еврейскому вопросу. Из этих рецензий, помещенных в выпуске I (декабрь 1843 г.) и выпуске IV (март 1844 г.) указанной газеты, и взято большинство цитируемых здесь Марксом выражений. Выражения «утопическая фраза» и «компактная масса» встречаются в статье Б. Бауэра «Что является теперь предметом критики?» в выпуске VIII «Allgemeine Literatur-Zeitung» (июль 1844 г.). Развернутая критика этого ежемесячника была позднее дана Марксом и Энгельсом в работе «Святое семейство, или Критика критической критики» (см. настоящее издание, т. 2). — *44.*

14 К этому времени Маркс, владевший, помимо немецкого, также и французским языком, достаточно хорошо был знаком с французской литературой. Он читал, а часто и конспектировал труды Консидерана, Леру, Прудона, Кабе, Дезами, Буонарроти, Фурье, Лаотьера, Вильгарделя и других авторов. Английским языком в первой половине 40-х гг. Маркс еще не владел и поэтому мог пользоваться произведениями английских социалистов лишь в переводах на немецкий или французский языки. Так, сочинения Оуэна он знал по французским переводам, а также по работам французских авторов, излагавших взгляды Оуэна. Текст самих «Экономическо-философских рукописей» и другие источники не содержат указаний на более обширное знакомство с творчеством английских социалистов, которое заметно позднее, например в «Нищете философии», написанной в 1847 году. — *44.*

15 Помимо главного произведения Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы» (1842), Маркс имеет, вероятно, в виду и статьи, публиковав-

шиеся в журналах, издаваемых самим Вейтлингом в 1841—1843 гг., а также написанное Вейтлингом программное сочинение для Союза справедливых «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть».

В изданном Георгом Гервегом сборнике «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz». Zürich und Winterthur, 1843 («Двадцать один лист из Швейцарии». Цюрих и Винтертур, 1843) были анонимно опубликованы три статьи Гесса: «Социализм и коммунизм», «Философия действия», «Единая и полная свобода». — *44.*

16 См. настоящее издание, т. 1, стр. 544—571. — *44.*

17 В письмах Маркса к Руге, в его статьях «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права. Введение», опубликованных в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (февраль 1844 г.), прослеживаются по крайней мере следующие первые элементы содержания «Экономическо-философских рукописей» — «Критики политики и политической экономии»: требование беспощадной критики существующего мира как одной из важнейших предпосылок образования нового мира; призыв к критике политики, к занятию определенной партийной позиции в политике и установление, таким образом, живой связи теории с действительной борьбой; раскрытие природы денежного фетишизма в буржуазном обществе, сущности денег как отчужденной от человека сущности его труда и его бытия; постановка проблемы отчуждения человека от себя самого и от природы в условиях капитализма; критическая оценка утопического («тогдашнего») коммунизма — той его формы, которую проповедовали Кабе, Дезами, Вейтлинг и другие; акцент на уничтожение частной капиталистической собственности, как главной цели и содержания радикальной социальной революции («общечеловеческой эмансипации»); тезис об образовании и возвышении с развитием капитализма пролетариата — класса, который призван уничтожить частную собственность и быть «сердцем», т. е. основной движущей силой революционного переустройства общества. — *44.*

18 L. Feuerbach. «Grundsätze der Philosophie der Zukunft». Zürich und Winterthur, 1843 (Л. Фейербах. «Основные положения философии будущего». Цюрих и Винтертур, 1843).

Статья Л. Фейербаха «Предварительные тезисы к реформе философии» была напечатана во втором томе сборника «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»). В этот двухтомный сборник кроме работ других авторов входила статья Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». Опубликованная здесь статья «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом», автором которой до недавнего времени считался Маркс, была написана Л. Фейербахом. — *44.*

19 Маркс подразумевает здесь все материалистическое воззрение Фейербаха в целом, которое сам Фейербах называл «натурализмом» и «гуманизмом», или «антропологией» и в котором развивалась та мысль, что новая, т. е. фейербаховская, философия делает человека как неотъемлемую часть природы (натуры) своим единственным и высшим предметом. Такая философия, или антропология, по мысли Фейербаха, включает в себя физиологию и становится универсальной наукой; сущность нового времени, утверждал он, составляет обожествление действительного, материально существующего; сущность новой фило-

софии заключается в отрицании теологии, в утверждении материализма, эмпиризма, реализма, гуманизма. — *44*.

20 Это свое намерение Маркс вскоре после написания данного «Предисловия» выполнил совместно с Энгельсом в книге «Святое семейство, или Критика критической критики» (см. настоящее издание, т. 2). — *46*.

21 Страницы первой рукописи Маркс делит на три параллельных столбца, снабдив их заголовками: «Заработная плата», «Прибыль на капитал» и «Земельная рента». Каждый столбец заполнен текстом, относящимся к указанным темам. Однако это трехчленное изложение нарушается, а к концу рукописи теряет, по существу, всякое значение. Принятые Марксом заголовки соответствуют трем категориям буржуазной политэкономии, которые, согласно учению Адама Смита, в свою очередь, представляют три вида доходов трех основных классов тогдашнего буржуазного общества — рабочего класса, промышленной буржуазии и земельных собственников. — *47*.

22 Маркс цитирует стр. 138, т. I работы А. Смита (см. примечание 7) [Русский перевод, стр. 66]. Все последующие ссылки даны Марксом на это издание. — *47*.

23 Цитируется стр. 162, т. II работы А. Смита (см. примечание 7) [Русский перевод, стр. 194]. — *49*.

24 Цитируется стр. 193, т. I работы А. Смита (см. примечание 7) [Русский перевод, стр. 84]. — *51*.

25 *Сложные проценты* — проценты, последовательно начисляемые не только на первоначальную величину, но и на приращение к ней за какой-нибудь определенный срок. Таким образом, эта первоначальная величина возрастает наподобие члена геометрической прогрессии: например, 2 × 2 = 4 × 2 = 8 × 2 = 16 и т. д. — *52, 63*.

26 На стр. VII первой рукописи, в отличие от предыдущих страниц, Маркс излагает тему «Заработная плата» на всех трех столбцах. На стр. VIII имеет место изложение двух тем: на первом, левом, столбце — «Заработная плата», на втором, правом, — «Прибыль на капитал». — *52*.

27 W. Schulz. «Die Bewegung der Production. Eine geschichtlich-statistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft». Zürich und Winterthur, 1843 (В. Шульц. «Движение производства. Историко-статистическое исследование для обоснования новой науки о государстве и обществе». Цюрих и Винтертур, 1843). — *55*.

28 C. Pecqueur. «Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Etudes sur l'organisation des sociétés». Paris, 1842 (К. Пеккёр. «Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ». Париж, 1842). — *56, 68*.

29 Ch. Loudon. «Solution du problème de la population et de la subsistance». Paris, 1842 (Ч. Лаудон «Разрешение проблемы народонаселения и пропитания». Париж, 1842). — *56*.

30 E. Buret. «De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France». T. I. Paris, 1840 (Э. Бюре. «О нищете рабочих классов в Англии и во Франции». Т. I. Париж, 1840). — *57*.

31 J. B. Say. «Traité d'économie politique». Troisième édition. T. I—II. Paris, 1817 (Ж. Б. Сэй. «Трактат по политической экономии». Издание третье. Т. I—II. Париж, 1817). — *59*.

32 Весь этот абзац принадлежит не А. Смиту, а Ж. Гарнье — французскому переводчику его «Богатства народов». — *60*.

33 В данном месте Маркс воспроизводит мысли А. Смита о благодетельном значении конкуренции, которые тот высказывал в своем главном сочинении «Богатство народов». Смит считал, что если бы, например, капитал оказался распределенным среди двадцати торговцев, то возросла бы конкуренция между ними, и это принесло бы прямую выгоду как потребителю, так и производителю, ибо различные торговцы вынуждены были бы продавать дешевле и покупать дороже, чем в том случае, когда вся отрасль монополизирована одним или двумя лицами. Возрастающая конкуренция между различными капиталами, по мнению Смита, должна способствовать повышению оплаты труда, и она не понижает прибыль. В условиях возрастающего спроса на рабочую силу и конкуренции между капиталистами последние оказываются перед необходимостью нарушить «естественное соглашение» не повышать заработную плату. — *64*.

34 Весь этот абзац, включая цитаты из книги Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения» и книги Сисмонди «Новые начала политической экономии», представляет собой выписку из книги: E. Buret. «De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France». T. I. Paris, 1840, p. 6—7 (см. примечание 30). — *69*.

35 Имеется в виду рассуждение Смита относительно факторов, определяющих преуспевание работающих и величину заработной платы. В числе этих факторов фигурирует «вероятность или невероятность успеха». Смит, в частности, говорит: «Отдайте своего сына в ученики к сапожнику, и вы можете почти не сомневаться, что он выучится шить башмаки; но пошлите его изучать юриспруденцию, и можно поставить, по крайней мере, двадцать против одного, что он не достигнет таких успехов, которые позволили бы ему жить этой профессией. В совершенно справедливой лотерее вынимающие выигрышные номера должны выигрывать все то, что теряют вынувшие пустые билеты. В профессии, в которой приходится двадцать терпящих неудачу на одного удачника, этот один должен выиграть все то, что должны были бы получить все двадцать неудачников». — *71*.

36 В данном месте Маркс приводит положение А. Смита, согласно которому возрастающий спрос населения на какой-либо продукт массового потребления, например картофель, рост числа потребителей этого продукта, даже если он получается с земли среднего качества, обусловят больший излишек стоимости в руках фермера после возмещения стоимости капитальных затрат и затрат на содержание рабочей силы. В свою очередь большая доля этого излишка будет доставаться земельному собственнику. Отсюда вывод: с увеличением численности населения повышается и уровень земельной ренты. — *76*.

37 Маркс формулирует здесь вывод, вытекающий из общего контекста рассуждений представителей так называемой новейшей политэкономии, прежде всего Д. Рикардо, об отношениях между земельными собственниками, получающими земельную ренту, не работая — по праву собственности на землю как основное средство производства — и производителями сельскохозяйственных продуктов — арендаторами, составлявшими значительную часть населения Англии в мануфактурную эпоху капитализма и на первых порах фабричного производства. Что касается А. Смита, то он, следуя за физиократами, доказывал еще мнимую идентичность интересов земельного собственника и общества. — *77, 102.*

38 Это замечание, скорее всего, касается мелкобуржуазных взглядов Сисмонди, идеализировавшего патриархальные отношения частной земельной собственности. — *80.*

39 Термину «торгашеские махинации» в оригинале соответствует трудно переводимое слово «Verschacherung». Социально-критическая литература того времени по традиции, восходящей к Фурье, частную торговлю, вообще всякого рода рыночные сделки третировала в общем как гнусное и мерзкое дело. В данном случае, как и в других местах «Экономическо-философских рукописей», налицо известное, по крайней мере терминологическое, влияние на Маркса его предшественников в трактовке торговли (см. также примечание 8). — *80.*

40 Подобный вывод был довольно распространен в социально-критической литературе того времени. В. Вейтлинг, например, писал в своей работе «Гарантии гармонии и свободы»: «Как яма возникает при сооружении вала, так и бедность возникает при накоплении богатства». — *87.*

41 В рукописи Маркс выражает отчуждение двумя нередко рядом употребляемыми терминами: «Entfremdung» и «Entäußerung». Как правило, это синонимические понятия и на русском языке их вполне можно передавать одним словом. В отдельных случаях, однако, термин «Entäußerung» употребляется Марксом в данной рукописи и в другом смысле, в частности для обозначения обмена деятельностью, перехода из одного состояния в другое, приобретения, т. е. таких экономических и социальных явлений, которые не означают отношений враждебности и чуждости. Наряду с термином «Entfremdung» у Маркса фигурирует также «Selbstentfremdung» (буквально «самоотчуждение»). Этим термином он обозначал деятельность рабочего, его труд на капиталистической основе, как повернутую против самого рабочего, от него не зависящую и ему не принадлежащую деятельность. — *88.*

42 В данном месте Маркс воспроизводит в переработанном виде одно из положений философии Фейербаха, который рассматривал религию как отчуждение человеческой сущности. В своем сочинении «Сущность христианства» Фейербах доказывал, что поскольку положительное в воззрении божественной сущности есть всего лишь человеческое, то воззрение человека, являющегося предметом сознания, есть исключительно отрицательное. Чтобы обогатить бога, говорил Фейербах, человек должен стать бедным, чтобы бог был всем, человек должен стать ничем. Человек отрицает в себе то, что он полагает в боге. — *88.*

43 Высказанная здесь мысль перекликается с положениями Фейербаха, видевшего в религии и идеалистической философии отчуждение бытия

человека и его духовной деятельности. Фейербах писал, что бог, как нечто экстремальное по отношению к человеку, как нечеловеческое представляет собой объективную сущность разума, бог и религия — это предметная сущность фантазии. Он же писал, что сущность гегелевской логики — это деятельность субъекта, его похищенное мышление, что абсолютная философия отчуждает у человека его собственную сущность, его деятельность. — *91.*

44 В этом и следующем абзаце Маркс использует терминологию Фейербаха и творчески ассимилирует его мысли: в религии у человека отчуждается его «родовая сущность», его общественный характер; религия покоится на существенном отличии человека от животного — на сознании, которое в строгом смысле налицо только там, где предметом, сущностью существа является его род; человек — это не частичное существо, наподобие животного, а универсальное, неограниченное существо. — *92.*

45 *Род, родовая жизнь, родовая сущность* — фейербаховские термины, выражающие понятие человека, истинно человеческой жизни, которая предполагает дружбу и добродетельные отношения, любовь, как самоощущение рода или действенное осознание принадлежности индивида к совокупности людей. Родовая сущность, полагал Фейербах, позволяет каждому конкретному индивиду осуществлять себя в бесчисленном множестве разных индивидов. Он признавал реально существующую взаимную враждебность и противоположность интересов людей, однако выводил ее не из исторически реальных условий классового общества, экономических условий жизни буржуазного общества, а из отчуждения от человека его подлинной, т. е. родовой сущности, из искусственного, но отнюдь не неизбежного, отрешения человека от предопределенной самой природой гармоничной родовой жизни. — *93.*

46 Здесь намечаются исходные положения критики Марксом концепции «равенства» на базе капиталистических отношений, которую Прудон изложил в известном труде «Что такое собственность?». Утопическо-реформаторским мелкобуржуазным рецептом Прудона предусматривалась замена частной собственности «общественной собственностью» в виде равного мелкого владения в руках непосредственных производителей при «равном» обмене произведенными продуктами. Фактически речь шла о дроблении частной собственности. «Равенство» обмена Прудон мыслил таким образом, что «ассоциированные рабочие» всегда должны получать равную плату, ибо при взаимном обмене их продуктов, даже если это в действительности неравные продукты, каждый получает одно и то же, а излишек продукта одного над продуктом другого будет оставаться вне обмена, не станет достоянием общества, и, таким образом, совершенно не будет нарушаться равенство заработной платы. Заявляя, что в теории Прудона общество предстает как абстрактный капиталист, Маркс тем самым говорит, что Прудон не принимает во внимание реальных противоречий товарного производства, которое остается в силе и при системе мелкого («равного») владения. Несколько позднее, в «Святом семействе», будет сформулирован вывод о том, что Прудон преодолевает экономическое отчуждение в пределах самого этого отчуждения, т. е. фактически вовсе его не преодолевает. — *98.*

47 Этими словами начинается XL страница второй рукописи Маркса. Начало фразы, как и первые 39 страниц этой второй рукописи, до нас не дошли. — *100.*

48 Имеется в виду новый закон о бедных, принятый английским парламентом в 1834 году. Он допускал только одну форму вспомоществования бедным — помещение их в работные дома с тюремным режимом. Одна из главных целей закона о бедных заключалась в создании для предпринимателей максимально выгодных условий найма рабочей силы. Подробная характеристика закона о бедных и созданных в соответствии с ним работных домов дана Энгельсом в работе «Положение рабочего класса в Англии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 507—513). — *101.*

49 Это добавление относится, видимо, к одной из несохранившихся страниц, как и следующее ниже добавление к стр. XXXIX, возможно, из второй рукописи. — *108.*

50 *«Просвещенную политическую экономию»,* связанную прежде всего с именем А. Смита, которого Маркс, вслед за Энгельсом, называет реформатором, «Лютером» этой науки, Маркс справедливо считает более высоким этапом в развитии экономической мысли по сравнению с монетарной системой и меркантилизмом — более ранними экономическими доктринами и соответствующими формами экономической политики. Обе системы (вернее обе ветви в сущности одной и той же системы) ориентировались на достижение активного денежного баланса (монетарная система) или активного торгового баланса (меркантилизм). В том и другом случае речь шла о накоплении денег ради денег; их приобретение любой ценой и тезаврация объявлялась, по существу, высшей целью и даже самоцелью. По отношению к деньгам, особой форме богатства, подлежащей, говоря языком Маркса, «сохранению и утверждению лишь внешним способом», меркантилисты выступали как идолопоклонники и фетишисты. В то же время приверженцы обеих систем не уделяли внимания собственно производству, не видели в развитии его основы общественного богатства. Своим главным принципом, или началом, признала производство, труд, лишь «просвещенная политическая экономия». — *108.*

51 См. Ф. Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» (настоящее издание, т. 1, стр. 549). — *108.*

52 Понятия *«противоположность»* и *«противоречие»* разграничивал Гегель в своей «Науке логики»: в *противоположности* отношение двух сторон таково, что каждая из них определяется другой и поэтому является только моментом, но в то же время каждая сторона определяется и сама собой, и это сообщает ей самостоятельность; в *противоречии,* напротив, отношение таково, что каждая сторона в своей самостоятельности содержит другую, и в связи с этим оказывается исключенной самостоятельность обеих. — *113.*

53 В своей утопии будущего мира, так называемого социетарного порядка, Шарль Фурье, вопреки реальным тенденциям экономического развития и основным положениям политэкономии, к которой он относился крайне отрицательно, считая ее ошибочной наукой, утверждал, что промышленное производство в условиях «разумного строя» должно поддерживаться только как дополнение к земледелию, как «средство отвлекать от затишья страстей» во время долгого зимнего безделья и проливных дождей; он утверждал, что самим богом, самой природой определено, чтобы социетарный человек отдавал

промышленному труду лишь четверть своего времени, что промышленный труд — занятие лишь вспомогательное и разнообразящее земледелие. — *114.*

54 Эти положения Сен-Симон развивал в работе «Катехизис промышленников» («Catéchisme des industriels». Paris, 1824). — *114.*

55 Здесь под «коммунизмом» Маркс подразумевает утопические системы воззрений, которые были разработаны во Франции Бабёфом, Кабе, Дезами, в Англии — Оуэном, в Германии — Вейтлингом. Свои собственные взгляды Маркс обозначает термином «коммунизм» впервые лишь в «Святом семействе». — *114.*

56 Под первой формой коммунизма Маркс, вероятно, подразумевает здесь прежде всего сложившиеся под влиянием французской буржуазной революции 1789—1794 гг. утопические взгляды Бабёфа и его сторонников об обществе «совершенного равенства» и путях его осуществления на основе вытесняющей частное хозяйство «национальной коммуны». Хотя эти представления и выражали требования пролетариата своего времени, в целом они носили еще грубоуравнительный примитивный характер. — *114.*

57 Вполне возможно, что это высказывание Маркса направлено против Руссо. Неестественным Маркс называет то состояние, которое Руссо и его последователи считали, напротив, естественным для человека: существование, не затронутое образованием, культурой и цивилизацией. Такого рода положения развиваются Руссо в «Рассуждении о науках и искусствах», «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и других произведениях. — *115.*

58 Используя терминологию Фейербаха, Маркс намечает здесь свою диалектико-материалистическую концепцию коммунизма, которая дает «решение загадки истории», т. е. иначе говоря, выводит неизбежность коммунизма из развития объективных противоречий общества, основанного на частной собственности. — *116.*

59 Имеются в виду критические высказывания Оуэна в отношении всех религий, которые, по его словам, внушали людям опасные и плачевные предпосылки, насаждали в обществе искусственную вражду; религиозная нетерпимость, указывал Оуэн, является прямым препятствием на пути достижения всеобщей гармонии и радости; представления всякой религии Оуэн считал грубыми заблуждениями. — *117.*

60 Категория *обладания* [«Haben»] встречается в сочинениях М. Гесса, в частности, в статье «Философия действия», опубликованной в сборнике «Двадцать один лист из Швейцарии» (см. примечание 15). — *120.*

61 *Психологией* Фейербах называл свою теорию познания. Видимо, здесь в таком смысле и употребляется этот термин. — *123.*

62 *Геогнозия* — употреблявшееся в XVIII—XIX вв. название описательной геологии. — *125.*

63 *Generatio aequivoca* — это выражение Маркс употреблял как синоним французского génération spontanée, что означает в буквальном пере-

воде — самопроизвольное, спонтанное зарождение. О generatio aequivoca — возникновении жизни путем самозарождения — говорит также Энгельс в «Диалектике природы» (см. настоящее издание, т. 20, стр. 611—612). — *125.*

64 Здесь намечается критика Марксом мальтузианских положений теории народонаселения Милля (см. настоящий том, стр. 7—12). — *134.*

65 Цитируются стр. 29—46, т. I и стр. 191—195, т. II работы Смита (см. примечание 7). [Русский перевод, стр. 27—30, 203]. — *142.*

66 Цитируются стр. 300, 76—77, т. I и стр. 6 и 465, т. II работы Сэя (см. примечание 31). — *142.*

67 F. Skarbek. «Théorie des richesses sociales». Seconde édition. T. I. Paris, 1839, pp. 25—27, 75, 121—131 (Ф. Скарбек. «Теория общественного богатства». Издание второе. Т. I. Париж, 1839, стр. 25—27, 75, 121—131). — *142.*

68 Маркс цитирует стр. 7, 11—12 книги Д. Милля (см. примечание 3). — *143.*

69 Имеется в виду трехтомная работа Б. Бауэра «Критика евангелической истории синоптиков» («Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker». Bd. 1—2. Leipzig, 1841; Bd. 3. Braunschweig, 1842). Синоптическими евангелиями в литературе по истории религии принято называть первые три близкие по содержанию евангелия (от Матфея, от Марка, от Луки), входящие в канонический «Новый завет». Близость этих евангелий — синоптиков подтверждается общей последовательностью изложения, взаимными заимствованиями, общностью многих источников, совпадением выражений и терминов. — *152.*

70 B. Bauer. «Das entdeckte Christenthum». Zürich und Winterthur, 1843 (Б. Бауэр. «Раскрытое христианство». Цюрих и Винтертур, 1843). — *152.*

71 B. Bauer. «Die gute Sache der Freiheit und meine eigene Angelegenheit». Zürich und Winterthur, 1842 (Б. Бауэр. «Правое дело свободы и мое собственное дело». Цюрих и Винтертур, 1842). — *153.*

72 Имеются в виду выступления младогегельянцев на страницах «Allgemeine Literatur-Zeitung». — *153.*

73 Маркс воспроизводит здесь направленные против Гегеля критические рассуждения Фейербаха в §§ 29—30 его книги «Основные положения философии будущего» (см. примечание 18). — *155.*

74 Эти восемь выражений «всестороннего преодоления предмета» выписаны почти дословно из последней главы «Феноменологии духа» Гегеля. — *161.*

75 Свои философские воззрения Фейербах называл натурализмом и гуманизмом, но в то же время обычно избегал термина материализм, очевидно, выражая тем самым свое несогласие с некоторыми принципами прежнего английского и французского материализма, в частности с абстрактностью, с сенсуализмом, усматривавшим в чувственности основу и единственный источник знаний. В данном месте Маркс говорит о дофейербаховских формах материалистической философии,

разделяет ту неудовлетворенность ими, которая была характерна для Фейербаха. Не этот старый материализм, и не идеализм, а философия Фейербаха — натурализм, гуманизм — способна постигнуть тайны всемирной истории. — *162.*

76 Излагаемые Марксом положения о человеке, как непосредственном и деятельном природном существе, основываются во многом на принципах, которые развивал Фейербах в противоположность религиозному и философскому идеализму: рассмотрение человека в качестве особого, сознательного существа природы, определение сущности характером внешнего предмета, непременно предметный характер всякого существа, всякой сущности, необходимость для существования чувственного существа других вещей вне его самого (воздуха для дыхания, воды для питья, света для зрения, животных и растительных продуктов для еды и др.). — *162.*

77 Термин «страдание» исходит от Фейербаха, у которого он трактовался так же, как и у Маркса, как форма проявления и способ воздействия на человека окружающей среды, внешнего мира. Фейербах говорил о том, что только страдающее, нуждающееся существо является необходимым существом; существование без потребностей — излишнее существование; только то, что страдает, достойно существования. Маркс, в отличие от Фейербаха, существенно переработал и расширил эмпирический принцип «страдания», включив сюда общественную практику, осмысленную и целенаправленную деятельность человека по освоению и преобразованию внешнего мира. — *164.*

78 Маркс критикует положения Гегеля, опираясь на Фейербаха и используя его терминологию. Фейербах, в частности, писал в «Предварительных тезисах к реформе философии», что мысль у Гегеля — это бытие, субъект, а бытие — в то же время и предикат, логика — это мышление в специфических ему формах, мысль как беспредикатный субъект или мысль, которая является как субъектом, так и предикатом самой себя; Гегель брал объекты только мысленно, как предикаты мыслящей мысли. Выражение «чистое, *безостановочное* кружение в самом себе» — это, по-видимому, парафраз гегелевских выражений «в себе поглощающийся круг», «круг кругов» из работы Гегеля «Наука логики». — *170.*

79 Здесь и далее Маркс цитирует страницы из книги: G. W. F. Hegel. «Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Dritte Ausgabe. Heidelberg, 1830 (Г. В. Ф. Гегель. «Энциклопедия философских наук в сжатом очерке». Издание третье. Гейдельберг, 1830). — *171.*

80 Цитируется стр. 393 книги Гегеля (см. примечание 79). — *174.*

81 Данная статья является второй статьей Маркса, опубликованной в немецкой газете «Vorwärts!» («Вперед!»), выходившей в Париже с января по декабрь 1844 года; сотрудничество Маркса в этой газете началось с лета 1844 г. с публикации его статьи «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 430—448). С сентября 1844 г., войдя в состав редколлегии, Маркс стал принимать непосредственное участие в редактировании газеты, оказывал влияние и на организацион-

ные дела редакции. По его предложению к сотрудничеству в газете был привлечен и Энгельс. В газете сотрудничали также Гейне, Гервег, Эвербек, Бакунин и другие. Под влиянием Маркса газета стала приобретать коммунистический характер, становилась органом социалистического движения; она подвергала острой критике реакционную политику прусского абсолютизма, а также умеренный немецкий либерализм. По требованию правительства Пруссии министерство Гизо в январе 1845 г. издало распоряжение о высылке Маркса и некоторых других сотрудников газеты из Франции; издание «Vorwärts!» прекратилось. — *175.*

82 Цитируется указ Фридриха-Вильгельма IV, опубликованный 9 августа 1844 г. в «Allgemeine Preußische Staats-Zeitung» («Всеобщая прусская государственная газета»). Поводом для его издания послужило неудавшееся покушение на короля, совершенное 26 июля 1844 г. в Берлине бывшим бургомистром города Шторкова Г. Чехом. — *175.*

83 Подразумевается предложение прусского дипломата Бунзена относительно реформы прусского государственного устройства, представленное им Фридриху-Вильгельму IV весной и летом 1844 г. в форме памятных записок. Согласно проекту Бунзена, предполагалось создание по образцу английского парламента двухпалатного прусского ландтага с аристократической верхней палатой и нижней палатой, избираемой на основе сословного принципа. — *178.*

84 Данной корреспонденцией, впервые публикуемой на русском языке, началось сотрудничество Энгельса в чартистской газете «Northern Star» («Северная звезда»), которое с некоторыми перерывами продолжалось до 1848 года. Ранее газета воспроизвела (11 и 25 ноября 1843 г.) статью Энгельса «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», опубликованную за его подписью в еженедельнике «New Moral World» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 525—541), предпослав ей следующее редакционное введение: «Под вышеуказанным заглавием в «New Moral World» от 4 ноября появилась интересная статья, принадлежащая перу Ф. Энгельса. Мы приводим из нее нижеследующие извлечения, так как ее объем слишком велик для нашей газеты». При публикации извлечений из второй части, посвященной Германии и Швейцарии, редакция в нескольких вводных словах еще раз отметила важное значение статьи Энгельса. С мая 1844 г. Энгельс стал регулярно посылать в газету сообщения о событиях в странах европейского континента, прежде всего, о политическом и социальном движении (см. публикуемое в настоящем томе (стр. 182) письмо Энгельса в редакцию газеты «Northern Star»). Корреспонденция напечатана в газете в рубрике «Германия». — *181.*

85 Имеется в виду Германский союз, созданный в 1815 г. по решению Венского конгресса и первоначально включавший 34 немецких государства и 4 вольных города с абсолютистско-феодальным строем. Союз закреплял политическую и экономическую раздробленность Германии и препятствовал ее прогрессивному развитию; общий орган Германского союза — Союзный сейм, составленный из представителей немецких государств, стал оплотом общегерманской реакции. — *181.*

86 Принятый конференцией министров государств Германского союза, состоявшейся в Вене в 1834 г., заключительный протокол предусма-

тривал репрессивные меры против демократического и либерального движения в Германии. Этот протокол и упоминаемые в цитате постановления Союзного сейма за июнь — июль 1832 г. явились ответом правящих кругов Германии на возбуждение, вызванное в стране французской революцией 1830 года. Главным вдохновителем этих полицейских мер был австрийский канцлер Меттерних.

Протокол Венской конференции вместе с другими секретными документами Германского союза был опубликован немецким либеральным публицистом и историком К. Г. Велькером в книге «Wichtige Urkunden für den Rechtszustand der deutschen Nation». Mannheim, 1844 («Важные документы о правовом положении германской нации». Мангейм, 1844). Этот протокол стал известен демократическим кругам, вероятно, еще до выхода книги. В январе 1844 г. он был опубликован в газете «Vorwärts!». — *181.*

87 Имеется в виду происходивший в январе — феврале 1844 г. судебный процесс над О'Коннелом, либеральным деятелем ирландского национального движения, организатором агитации за отмену англо-ирландской унии 1801 года. Уния уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Требование отмены унии (Repeal of Union) стало с 20-х годов XIX в. наиболее популярным лозунгом в Ирландии. В 1840 г. была основана Ассоциация рипиллеров, которая в 1843 г. развернула агитацию за отмену унии, охватившую широкие массы ирландского народа. Опираясь на массовое движение, О'Коннел и другие лидеры либерального крыла Ассоциации стремились удержать его в конституционных рамках, направить на путь компромисса с английскими правящими классами. Правительство тори, напуганное размахом ирландского национально-освободительного движения, решило нанести ему решительный удар, возбудив против О'Коннела судебное преследование. В феврале 1844 г. О'Коннел и его сторонники были приговорены к тюремному заключению сроком до 12 месяцев. Однако под влиянием массовых протестов приговор был отменен палатой лордов. — *181.*

88 Данное письмо Энгельса в редакцию газеты «Northern Star» сохранилось в виде отрывка, который процитирован в редакционной статье, напечатанной в газете 4 мая 1844 г. под заглавием «The movement at home and abroad» («Движение в стране и за границей»). В этой статье редакция сообщала о своем намерении придать газете международный характер, привлекая к сотрудничеству «тех, кто сможет оказать ей помощь в этом деле». В качестве примера такой помощи приводилась статья Энгельса «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (см. примечание 84), которую редакция, не называя автора, характеризовала как ранее помещенный в газете «интересный обзор континентального коммунизма, написанный знатоком этого вопроса».

Процитировав данный отрывок письма Энгельса, редакция писала: «Мы с удовлетворением принимаем предложение нашего друга, разделяя его уверенность в том, что в ближайшее время на континенте произойдут события огромного значения». С этого номера началось официальное сотрудничество Энгельса в чартистской газете. Его материалы стали публиковаться с пометкой редакции: «От нашего собственного корреспондента» в разделе «Движение на континенте» под редакционными рубриками с указанием страны, к которой относилась информация. Как видно из письма, Энгельс предоставил право редакции

использовать присланный им материал по ее усмотрению. Отчасти, возможно, этим объясняется, что иногда в одном номере под разными рубриками публиковалось несколько заметок Энгельса. — *182.*

89 В дальнейшем, как известно, Маркс и Энгельс придерживались того взгляда, что задачам последовательной борьбы за ликвидацию политической раздробленности страны и пережитков средневекового партикуляризма отвечало бы установление не федеративной, а единой централизованной республики. Во время революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс в противоположность мелкобуржуазным республиканцам, сторонникам принципа федерализма, отстаивали требование превращения Германии в единую демократическую республику. — *182.*

90 Данная заметка напечатана в «Northern Star» в рубрике «Пруссия». Описываемые в ней выступления берлинских студентов против усиления реакционных порядков происходили в феврале — марте 1844 года. Они получили освещение в немецкой печати, в частности в «Kölnische Zeitung», за которой следил Энгельс. Согласно сообщению этой газеты в № 46 от 15 февраля 1844 г., студенческое движение, начавшееся в Берлине, распространилось и на другие университетские города Германии (Бонн, Галле, Гейдельберг, Иена). — *185.*

91 Статья напечатана в «Northern Star» в рубрике «Германия». — *187.*

92 Энгельс упоминает книгу: F. A. Steinmann. «Caricaturen und Silhouetten des neunzehnten Jahrhunderts». Coesfeld, 1843 (Ф. А. Штейнман. «Карикатуры и силуэты девятнадцатого столетия». Косфельд, 1843). — *187.*

93 D. F. Strauß. «Das Leben Jesu». Bd. 1—2. Tübingen, 1835—1836 (Д. Ф. Штраус. «Жизнь Иисуса». Тт. 1—2. Тюбинген, 1835—1836); в этой книге давалась критика религии с левогегельянских позиций.

Упоминаемая работа Штрауса «Деяния Апостолов» не была издана. — *188.*

94 Статья напечатана в «Northern Star» в рубрике «Польша». — *189.*

95 Имеется в виду польское восстание 1830—1831 годов. — *189.*

96 Очевидно, Энгельс имел в виду книгу А. Гуровского «La vérité sur la Russie et sur la révolte des provinces Polonaises». Paris, 1834 («Правда о России и о восстании польских провинций». Париж, 1834), в которой развивались взгляды в духе реакционного панславизма. В 1841 г. вышли также его книги: «Цивилизация и Россия» (Лейпциг) и «Размышления о будущем Польши» (Берлин). — *189.*

97 Статья напечатана в «Northern Star» в рубрике «Бавария». — *191.*

98 Имеется в виду «Валгалла» — огромное здание близ Регенсбурга, построенное в 1841 г. по замыслу короля Людвига I Баварского. В нем собраны бюсты почти всех известных людей Германии.

«Walhalla's Genossen, geschildert durch König Ludwig den Ersten von Bayern, den Gründer Walhalla's». München, 1842 («Герои Валгаллы, описанные королем Людвигом Первым Баварским, основателем

Валгаллы». Мюнхен, 1842). В этом путеводителе содержались биографии немецких деятелей, бюсты которых собраны в Валгалле.

Стихи Людвига Баварского, представляющие собой образец бессодержательной и вычурной поэзии, были изданы в 1842 году. — *192*.

99 Эта заметка напечатана в «Northern Star» в рубрике «Пруссия». — *193*.

100 В данной корреспонденции, напечатанной в «Northern Star» в рубрике «Россия», речь идет об изменениях в составе комитета министров — высшем административном органе царской России (существовал с 1802 по 1906 год). — *194*.

101 Имеются в виду войны царского правительства против народов Северного Кавказа, ведших борьбу за независимость. В 20-х годах XIX в. освободительное движение горцев Северного Кавказа против колонизаторской политики царизма и произвола местных феодалов возглавил Шамиль, провозглашенный в 1834 г. имамом Дагестана. Достигнув высшего подъема в 40-х годах XIX в., движение Шамиля было подавлено лишь в 1859 году. — *194*.

102 Статья напечатана в «Northern Star» в рубрике «Франция». Освещаемая в статье стачка французских шахтеров в Рив-де-Жье происходила в апреле — мае 1844 года. — *195*.

103 Похороны Ж. Лаффита, вылившиеся в крупную демонстрацию республиканских сил Франции, состоялись в Париже 30 мая 1844 года. — *195*.

104 Национально-освободительная борьба алжирского народа под руководством Абд-эль-Кадира против французских завоевателей продолжалась с небольшими перерывами с 1832 по 1847 год. В течение 1839—1844 гг., имея значительное военное превосходство, французы завоевали государство Абд-эль-Кадира в Западном Алжире, но вождь алжирцев организовал партизанскую борьбу, используя помощь султана Марокко. После поражения армии султана во франко-марокканской войне 1844 г. Абд-эль-Кадир скрывался в оазисах Сахары. Последним этапом борьбы алжирцев было восстание в Западном Алжире в 1845—1847 гг., подавленное французскими колонизаторами (см. также примечание 225). — *196*.

105 Данная статья, напечатанная в «Northern Star» в рубрике «Швейцария», является первой из работ Энгельса, посвященных проблемам швейцарской истории. В ней нашел отражение первоначальный период борьбы между отсталыми католическими кантонами, объединившимися в 1843 г. в сепаратный союз — Зондербунд, и либерально-радикальными силами, выступавшими за проведение прогрессивных буржуазных преобразований в Швейцарии. Статья тесно связана с работой Энгельса о гражданской войне в Швейцарии 1847 года (см. настоящее издание, т. 4, стр. 349—356). — *198*.

106 *«Молодая Швейцария»* — организация швейцарских демократов и революционеров, основанная в середине 30-х годов; в 1835—1836 гг. издавала газету на французском («La Jeune Suisse») и немецком («Die Junge Schweiz») языках. Наряду с другими национальными организациями политических эмигрантов («Молодой Германией», «Молодой

Италией», «Молодой Польшей» и другими) входила в состав «Молодой Европы», созданной по инициативе Мадзини в Швейцарии в 1834 г. и ставившей своей целью борьбу за национальную независимость и установление республиканского строя в европейских странах. — *199*.

107 Статья напечатана в «Northern Star» в рубрике «Пруссия». Проект закона о разводе, история которого прослеживается в этой статье, был составлен в 1842 г. одним из основателей реакционной исторической школы права Савиньи, занимавшим в 1842—1848 гг. пост прусского министра по пересмотру законов. — *200*.

108 Несмотря на то, что подготовка законопроекта о разводе в правительственных кругах проводилась тайно, 20 октября 1842 г. он был опубликован на страницах редактируемой К. Марксом «Rheinische Zeitung», что и послужило началом его широкого обсуждения в немецкой печати. 19 декабря в «Rheinische Zeitung» была напечатана статья Маркса «Проект закона о разводе» (см. настоящее издание, том 1, стр. 161—164), в которой законопроект подвергся критике. Опубликование проекта закона на страницах «Rheinische Zeitung» и решительный отказ редакции назвать лицо, приславшее текст проекта, было одной из причин ее запрещения в марте 1843 года. — *200*.

109 *Ландтаги* — провинциальные и окружные сословные собрания, учрежденные в Пруссии в 1823 г., состояли главным образом из представителей дворянства; городские и сельские общины были представлены в них весьма незначительно; собрания созывались королем, и компетенция их, как правило, ограничивалась обсуждением законопроекта, а также вопросами местного хозяйства и провинциального управления. — *200*.

110 К этой статье Энгельса редакция «Northern Star» добавила следующий абзац:

«В дополнение к вышеизложенному приводим выдержку из газеты «Sun»: «По сведениям из Бреслау 9 числа сего месяца ткачи приступили к работе после того, как добились повышения заработной платы. Во время своих походов они врывались в некоторые лесничества и уносили охотничьи ружья и патроны, совершенно не трогая ничего другого»». — *201*.

111 Данная статья, в которой Энгельс описывает подробности волнений в Силезии летом 1844 г., была напечатана в «Northern Star» в рубрике «Пруссия». — *202*.

112 Энгельс имеет в виду революционную песню «Кровавая расправа», получившую распространение среди силезских ткачей. — *202*.

113 Статья «Континентальный социализм» написана в форме письма в газету «New Moral World» с вводными и заключительными словами, обращенными к редакции, которые также, по-видимому, принадлежат Энгельсу. — *207*.

114 Энгельс имеет в виду свое пребывание в конце августа — начале сентября 1844 г. в Париже, где состоялась его встреча с Марксом, положившая начало их дружбе и творческому сотрудничеству. — *207*.

115 Имеется в виду группа английских социалистов-утопистов, организовавших в 1842 г. колонию-коммуну «Конкордиум» в Хэм-коммоне

(в окрестностях Лондона); последователи английского мистика Дж. П. Гривса хэм-коммонские социалисты проповедовали нравственное самосовершенствование и аскетический образ жизни; колония существовала недолго и скоро распалась. — *207.*

116 Намек на захватнические войны Франции в Северной Африке. В августе 1844 г., обвинив марокканского султана в оказании помощи вождю алжирских племен Абд-эль-Кадиру (см. примечание 104), французские войска начали военные действия и против Марокко. Потерпев поражение, султан вынужден был прекратить помощь Абд-эль-Кадиру и пойти в 1845 г. на заключение выгодного для Франции договора. — *207.*

117 Данная работа была написана Энгельсом в ответ на возражения противников коммунизма, заявлявших о неосуществимости его в действительности. Как видно из его письма к Марксу, Энгельс в начале октября 1844 г. приступил к работе над небольшой брошюрой, чтобы в популярной форме рассказать «о существующей практике коммунизма в Англии и Америке» (см. настоящее издание, т. 27, стр. 8). Основным источником явилась серия из 29 писем английского путешественника-оуэниста Джона Финча, публиковавшаяся в «New Moral World» с 13 января по 19 октября 1844 г. под заглавием «Notes of Travel in the United States» («Заметки о путешествии в Соединенные Штаты»). Некоторые выдержки из писем Финча Энгельс приводит в собственном несколько вольном переводе на немецкий язык. Работа была опубликована не в виде брошюры, а на страницах ежегодника «Deutsches Bürgerbuch» («Книга для немецких граждан»), который вышел в декабре 1844 года. Автор не был указан. Энгельс упоминает ее в обзоре коммунистической литературы в серии своих статей об успехах коммунизма в Германии (см. настоящее издание, т. 2, стр. 529). — *211.*

118 Цитируется V письмо Финча из «New Moral World» № 33, 10 февраля 1844 года. — *214.*

119 Цитата приведена из корреспонденции Л. Питкетли «Where to, and how to proceed. Description of the Schaker Villages» («Где и как начать. Описание поселений шейкеров»), опубликованной в «Northern Star» № 286, 6 мая 1843 года. — *215.*

120 Цитируются VI и VII письма Финча из «New Moral World» №№ 34 и 35, 17 и 24 февраля 1844 года. — *217.*

121 Здесь и ниже при описании колонии сепаратистов использованы VIII и IX письма Финча из «New Moral World» №№ 36 и 37, 2 и 9 марта 1844 года. — *218.*

122 *Унитарии,* или *антитринитарии* — представители религиозного течения, оспаривавшего догмат о «триединстве божьем». Возникло в XVI в., как протест народных масс и радикальной буржуазии против феодальной церкви. В Англию и Америку унитаризм проник в XVII веке. В его доктринах на первый план выдвинулась морально-этическая сторона религии в противовес внешней, обрядовой ее стороне. — *220.*

123 При описании коммунистической колонии «Гармония» в Гэмпшире, основанной последователями Оуэна в 1841 г. и просуществовавшей

до начала 1846 г., Энгельс использовал очерк Сомервилла, опубликованный в «Morning Chronicle» 13 декабря 1842 г. за подписью «One who has whistled at the Plough» («Один из тех, кто сам ходил за плугом»). — *222*.

124 Данная заметка, озаглавленная Марксом «Гегелевская конструкция феноменологии», находится в его записной книжке за 1844—1847 гг. (первой из дошедших до нас записных книжек Маркса). Основные идеи, содержащиеся в четырех пунктах этих заметок, были развиты Марксом в работе «Святое семейство», в частности, в параграфе «Разоблаченная тайна «точки зрения»» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 90, 209—211). — *226*.

125 Набросок плана работы о современном государстве не имеет авторского заглавия и находится в записной книжке Маркса за 1844—1847 годы. Основные пункты наброска совпадают с пунктами предметных указателей, составленных Марксом еще летом 1843 г. к его «Крейцнахским тетрадям» по всемирной истории, в том числе по истории французской революции конца XVIII века. Возобновив после приезда в Париж осенью того же года изучение этих проблем, Маркс намеревался написать «Историю Конвента» С этой целью он составил конспект мемуаров якобинца Левассёра (см. настоящее издание, т. 40). Собранные им, но большей частью не дошедшие до нас материалы, он частично использовал в «Святом семействе». В связи с намерением написать работу по французской революции, вероятно, и был составлен данный набросок. Маркс не просто воспроизвел в нем текст предметных указателей к «Крейцнахским тетрадям», но и сделал существенное дополнение в пункте 9: «борьба за *уничтожение* [Aufhebung] государства и гражданского общества», т. е. борьба за упразднение эксплуататорского государства и всей существующей системы социально-экономических отношений. — *227*.

126 Данная рукопись Маркса является черновым наброском задуманной им работы о книге немецкого буржуазного экономиста Ф. Листа «Das nationale System der politischen Ökonomie. Erster Band. Der internationale Handel, die Handelspolitik und der deutsche Zollverein», вышедшей в 1841 году. В этой книге автор хвастливо обещал дать исследование сущности и причин заблуждений господствовавшей в политэкономии теории международной торговли и торговой политики. По выходе она широко рекламировалась в Германии, была как бы манифестом молодой немецкой буржуазии, жаждавшей богатства и господства, своеобразным рецептом политико-экономического стимулирования «благосостояния, культуры и мощи» Германии. Энгельс в письме к Марксу от 19 ноября 1844 г. упомянул о своем намерении написать брошюру с критикой этой книги, а в письме Марксу от 17 марта 1845 г. он одобрительно отозвался о планах самого Маркса подвергнуть критическому разбору теоретические взгляды Листа. Специально брошюры о Листе Энгельсу написать не удалось, но протекционистские вожделения немецких капиталистов, приведенные в систему Листом, он подверг критике в одной из своих «Эльберфельдских речей» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 548—549).

Статья Маркса о Листе также не появилась в печати. Данная рукопись Маркса дошла до нас в неполном виде. Отсутствует первый лист, на котором, по-видимому, имелось авторское заглавие. Не разысканы листы 10—21 и 23. В рукописи Маркс анализирует и цитирует

первый том указанной книги Листа. Цитаты из французских источников он приводит в собственном немецком переводе. Курсивы в цитатах, как правило, принадлежат Марксу. Им же в начале каждого листа проставлены арабскими цифрами номера листов рукописи, заключенные в настоящем томе в квадратные скобки. При подготовке работы к публикации исправлены явные описки в рукописи. К отдельным главам даны редакционные заголовки, заключенные в квадратные скобки.

Набросок статьи о Листе был обнаружен среди рукописного наследства Маркса, хранившегося долгое время у внуков его старшей дочери Женни Лонге. — *228.*

127 *Молосс* — шестидольная стопа в античном стихосложении, состоящая из трех долгих слогов. Маркс иронически употребляет этот термин для характеристики тяжеловесного стиля Листа. — *230.*

128 По поводу книги Серра Лист пишет следующее: «Первым произведением по политической экономии в Италии является сочинение Антонио Серра из Неаполя: о средствах создания для «королевств» избытка золота и серебра» (см. стр. 456 первого тома разбираемой работы Листа). — *232.*

129 *Трибунат* — орган законодательной власти во Франции в период консульства и империи Наполеона I; учрежден в 1799 г., упразднен в 1807 году. — *233.*

130 Имеются в виду А. Смит и его последователи. — *239.*

131 Термину *«продажа»* в оригинале соответствует «Verschacherung»; термину *«отчуждение»* — «Veräußerung». — *242.*

132 Термину *«торгашество»* в оригинале соответствует «Schacher». — *243.*

133 В известном смысле эти высказывания Маркса предвосхищают положение «Манифеста Коммунистической партии» о том, что «рабочие не имеют отечества», у них нельзя отнять то, чего они не имеют. — *244.*

134 Маркс имеет в виду книгу Дж. Ф. Брея «Labour's wrongs and labour's remedy; or, the Age of might and the age of right». Leeds, 1839 («Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости». Лидс, 1839). [Русский перевод, стр. 113]. — *253.*

135 *Хлебные законы* в Англии (впервые принятые еще в XV в.) устанавливали высокие пошлины на импорт продуктов земледелия с целью поддержания высоких цен на них на внутреннем рынке. В первую треть XIX в. было проведено несколько законов (1815 и 1822 гг.), видоизменяющих условия хлебного импорта, а в 1828 г. введена скользящая шкала, повышавшая ввозные пошлины на хлеб с понижением его цены на внутреннем рынке и, напротив, понижавшая их с повышением этой цены.

Вокруг хлебных законов происходила острая борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией. Кампанию за отмену хлебных законов возглавляла *Лига против хлебных законов,* основанная в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Лига выступала под лозунгом полной свободы торговли, добивалась ослабле-

ния экономических и политических позиций земельной аристократии и одновременно понижения заработной платы. Хлебные законы были отменены в 1846 году. — *254, 273, 377.*

136 Движение за земельную реформу, бесплатное наделение каждого трудящегося участком земли, а также за другие демократические реформы, развернулось в Соединенных Штатах в 40-х гг. XIX в. и возглавлялось Национальной Ассоциацией реформы. — *254.*

137 *Континентальная система,* или *континентальная блокада* — экономическая блокада Англии, объявленная специальным декретом Наполеона I в 1806 г. с целью обеспечить установление французской гегемонии в Европе. Будучи одним из проявлений соперничества между английской и французской буржуазией, декрет запрещал торговые, почтовые и другие сношения с британскими островами; кораблям Англии и ее колоний запрещалось заходить в порты континентальной Европы. В период действия декрета блокада не была достаточно эффективной; формальная ее отмена последовала в 1814 году. — *255.*

138 *Метуэнский договор* — англо-португальский торговый договор, заключенный 27 декабря 1703 г. английским дипломатом Метуэном и открывший широкий доступ в Португалию английским шерстяным изделиям, взамен чего Португалия получила право ввозить в Англию свои вина на льготных условиях. О невыгодности Метуэнского договора для Португалии Лист говорит на стр. LXI, 28, 109—117 своей книги. — *258.*

139 План «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов» находится в записной книжке Маркса за 1844—1847 гг. среди записей, относящихся к марту 1845 года. Как видно из писем Энгельса Марксу за февраль — март 1845 г., этот план ими неоднократно обсуждался. Однако осуществить задуманное издание не удалось из-за отсутствия издателя. Единственно выполненной работой оказался переведенный Энгельсом «Отрывок из Фурье о торговле» с его введением и заключением (см. настоящий том, стр. 306—341). — *259.*

140 *Социальный кружок* (Cercle social) — организация, созданная представителями демократической интеллигенции в Париже и действовавшая в первые годы французской революции конца XVIII века. Идеолог этого кружка К. Фоше выдвигал требование уравнительного передела земли, ограничения крупных состояний, а также предоставления работы всем трудоспособным гражданам. Критика Фоше и его сторонниками формального равенства, провозглашенного в документах французской революции, подготовила значительно более смелые выступления в защиту имущих представителей радикально-плебейского течения «бешеных» Жака Ру, Леклерка и других. — *259.*

141 Установить личность или источник, обозначенный здесь Марксом, не удалось. Не исключено, что в рукописи допущена описка. Маркс мог иметь в виду де Лаборда (написание имен Лаланд и Лаборд схоже). На одной из следующих страниц записной книжки Маркса встречается название книги Лаланда «De l'Association», а в первом томе «Капитала» Маркс ссылается на книгу де Лаборда «De l'esprit d'association dans tous les intérêts de la communauté». Paris, 1818 («О духе ассоциации во всех сферах общественной жизни». Париж, 1818). — *259.*

142 Маркс имел в виду Т. Дезами, Ж. Гея и их сторонников, материалистические воззрения которых были им охарактеризованы в главе VI «Святого семейства» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 146). К революционному и материалистическому направлению во французском утопическом коммунизме принадлежали и находившиеся под идейным влиянием Дезами тайные бабувистские общества 40-х годов — «работники-эгалитарии» («Travailleurs égalitaires»), состоявшие в основном из рабочих (общество издавало журнал «L'Égalitaire»), и гуманитарии, группировавшиеся вокруг газеты «L'Humanitaire». О критике представителями этих обществ буржуазного брака и семейных отношений Энгельс еще в 1843 г. писал в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 530). — *259.*

143 В записной книжке 1844—1847 гг. эти заметки Маркса непосредственно предшествуют «Тезисам о Фейербахе». — *260.*

144 «Тезисы о Фейербахе» были написаны К. Марксом в Брюсселе, по всей вероятности, в апреле 1845 года. Они находятся в его записной книжке 1844—1847 гг. под заголовком «I. К Фейербаху». Заглавие «Тезисы о Фейербахе» было дано Энгельсом в его предисловии к отдельному изданию 1888 г. его работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в приложении к которой был впервые опубликован этот важнейший теоретический документ. При подготовке к печати Энгельс внес в текст некоторые редакционные изменения, чтобы сделать краткие заметки Маркса, не предназначавшиеся для публикации, более понятными для читателя. В настоящем томе «Тезисы» даются в двух вариантах: первоначальный текст Маркса и текст, отредактированный Энгельсом. — *261.*

145 Имеется в виду содержание следующих двух глав работы Л. Фейербаха «Das Wesen des Christenthums» (Leipzig, 1841): «Значение творения в иудействе» и «Исходная точка зрения религии». — *261.*

146 Данная статья была написана Энгельсом во второй половине 1845 г. (вероятно, в конце лета) после выхода в свет «Положения рабочего класса в Англии». Как видно из заглавия, подзаголовка, помеченного цифрой I, и самого текста, Энгельс намеревался написать серию статей, дополняющих книгу конкретным фактическим материалом. Основным источником для данной статьи послужили опубликованные в «Northern Star» за октябрь 1844 — январь 1845 г. сообщения о стачке строительных рабочих, ход которой подробно освещается в статье Энгельса.

Статья была напечатана в январском и февральском выпусках журнала «Westphälische Dampfboot» («Вестфальский пароход») за 1846 г., на страницах которого, по словам Энгельса, помещались «статьи о социализме и сообщения о положении трудящихся» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 529). Продолжение задуманной Энгельсом серии статей не последовало. После первой публикации статья не включалась автором ни в одно из прижизненных изданий «Положения рабочего класса в Англии». — *269.*

147 См. настоящее издание, т. 2, стр. 449.

Вандименова земля — первоначальное название острова Тасмания, данное ему европейцами; служил местом ссылки. — *270.*

148 *Догберри* (Dogberries) — так называли мировых судей в Англии по имени персонажа из пьесы Шекспира «Много шума из ничего». — *272.*

149 Цитируется резолюция рабочего митинга в Аштоне-на-Лейне 9 мая 1842 г., принявшего решение о походе на Манчестер во время восстания 1842 года (о восстании см. настоящее издание, т. 2, стр. 455). — *273.*

150 Очевидно Энгельс имеет в виду статью «Объединенный митинг строительных союзов Манчестера», опубликованную в «Northern Star» № 375, 18 января 1845 года. В статье отмечалось, что митинг, созванный 11 января 1845 г. для обсуждения условий прекращения стачки строителей фирмы Полинг и Хенфри, носил бурный характер. Последующих сообщений об этой стачке в «Northern Star» не появилось. Согласно отчету «Manchester Guardian» от 24 декабря 1844 г. стачка закончилась 23 декабря 1844 года. Предприниматели были вынуждены соблюдать правила труда, установленные на других стройках. — *281.*

151 Данная корреспонденция была второй из цикла статей, которые Энгельс стал посылать в «Northern Star» после возобновления сотрудничества в чартистской газете в сентябре 1845 года. В связи с отъездом из Англии в конце августа 1844 г. и занятостью работой над книгой «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс временно прекратил посылку корреспонденций в газету. Летом 1845 г. (между 12 июля и 26 августа) Маркс и Энгельс предприняли поездку из Брюсселя в Лондон и Манчестер. Во время пребывания в Лондоне имела место их встреча (в середине августа) с редактором «Northern Star» — Гарни. По возвращении в Лондон Энгельс возобновил систематическое сотрудничество в «Northern Star», открыв его статьей «Недавняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 555—558), которая так же, как и данная, вторая, статья была напечатана в газете с обычной пометкой: «От нашего собственного корреспондента». — *283.*

152 Упомянутая Энгельсом стачка парижских плотников началась в июне 1845 г. и продолжалась более трех месяцев; вошла в историю как «стачка 9 июня». Забастовщики требовали от предпринимателей установления твердого тарифа заработной платы и подписания контракта с рабочими. Газета «Réforme» широко освещала ход стачки, а затем и судебного процесса над ее участниками, выражая симпатии и поддержку бастовавшим рабочим со стороны демократических сил Франции. — *284.*

153 Данная корреспонденция явилась откликом на статью, появившуюся в швейцарской конституционно-монархической газете «Constitutionnel Neuchâtelois» № 109, 11 сентября 1845 года. Статья давала повод для полицейских преследований немецких эмигрантов, проживавших в Швейцарии.

Энгельс приводит статью из «Constitutionnel Neuchâtelois» в сокращенном переводе; курсив в цитируемом тексте принадлежит Энгельсу. — *285.*

154 *«Молодая Германия»* — тайное революционное общество немецких эмигрантов, основанное в начале 30-х годов в Швейцарии (оформилось в 1834 г.); была связана с организацией «Молодая Европа» (см. примечание 106). Сначала значительную роль в «Молодой Германии» играли

представители мелкобуржуазной немецкой эмиграции (студенты, публицисты и другие), ставившие своей целью установление республиканского строя в Германии путем заговора. Вскоре все большее влияние на ее деятельность стали оказывать члены рабочих союзов и коммунистических клубов, выступавших за открытую пропаганду коммунистических идей. В середине 30-х годов в результате массовой высылки немецких эмигрантов из Швейцарии деятельность «Молодой Германии» сошла на нет. Отдельные ее группы, продолжавшие действовать в демократических кантонах Швейцарии (Женева, Во), способствовали ее возрождению в 40-х годах. Под влиянием членов коммунистических клубов, выступавших против заговорщической тактики, «Молодая Германия» стала все большее внимание уделять социальным вопросам. — *285*, *288*.

155 Движение «*немецких католиков*», одним из руководителей которых был священник И. Ронге, возникло в 1844 г. в ряде германских государств и охватило значительные слои средней и мелкой буржуазии; отвергая главенство римского папы и многие догматы и обряды католической церкви, «немецкие католики» стремились приспособить католицизм к нуждам развивающейся немецкой буржуазии.

«*Друзья света*» — оформившееся в 1841 г. религиозное течение, направленное против господствовавшего в официальной протестантской церкви пиетизма и свойственного ему крайнего мистицизма. Эта религиозная оппозиция была одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии в 40-х годах XIX в. реакционными порядками Германии. В 1846 г. движение «Друзей света» привело к образованию так называемых «Свободных общин», выделившихся из официальной протестантской церкви. — *287*.

156 Энгельс ссылается на свою статью «Недавняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 555—558). — *287*.

157 Вейтлинг и его сторонники были арестованы в июне 1843 г. цюрихскими властями и предстали перед судом в сентябре того же года. Прокуратура не сумела доказать виновность обвиняемых в государственной измене и заговоре, и Вейтлинг был приговорен за подстрекательство к преступлениям против собственности и за оскорбление религии к тюремному заключению и высылке из Швейцарии; его последователи были высланы из Цюрихского кантона. Процесс Вейтлинга освещен Энгельсом в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 525—541). — *288*.

158 Данная работа была написана Марксом для ежемесячного демократического журнала «Gesellschaftsspiegel» («Зеркало общества»), в организации и в составлении проспекта которого принимал участие Энгельс (см. настоящий том, стр. 391—395 и примечание 234). Она представляет собой публикацию переведенных им на немецкий язык выдержек из четырехтомного издания «Мемуаров» Пеше, вышедшего в Париже в 1838 году. Эти извлечения Маркс сопроводил своими комментариями в вводной части и отдельных отступлениях; использована глава из первого тома «О самоубийстве и его причинах». Маркс приводит текст в сокращенном, вольном переводе без обозначения пропусков, некоторые места передает в собственной редакции, заостряющей их критическую направленность. Сведения об авторе, приведенные Марксом

в вводной части, почерпнуты из введения Левассёра — издателя «Мемуаров».

В настоящем томе собственный текст Маркса напечатан корпусом, выдержки из книги Пеше — петитом. В подстрочных примечаниях отмечены более важные случаи перефразировки и другие отступления Маркса от оригинала при цитировании, а также сделанные им перестановки. Курсив в цитатах, как правило, принадлежит Марксу. Статья была опубликована в январском номере журнала за подписью Маркса. — *290.*

159 Имеется в виду «Dictionnaire universel de la géographie commerçante par. J. Peuchet». Paris, 1799—1800. — *293.*

160 *Сто дней* — вторичное правление Наполеона I с момента восстановления его на императорском престоле 20 марта (после возвращения с острова Эльба во Францию) до нового отречения от престола 22 июня 1815 г., последовавшего через 4 дня после поражения под Ватерлоо. — *293.*

161 J. Peuchet. «Statistique élémentaire de la France». Paris, 1805. Очевидно, здесь описка или опечатка: 1807 г. — *293.*

162 Перевод извлечений из рукописи Ш. Фурье о торговле был сделан Энгельсом в связи с планом издания в Германии «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов», возникшим у Маркса и Энгельса еще в начале 1845 года. Набросок плана, составленный Марксом, свидетельствует, что издание было задумано как широкая серия публикаций произведений французских и английских авторов (см. настоящий том, стр. 259). Работу по переводу рукописи Энгельс, по-видимому, начал летом 1845 г. в Брюсселе. Введение и заключение скорее всего были написаны осенью 1845 г., поскольку они явились ответом на вышедшие в это время произведения некоторых «истинных социалистов».

Энгельс избрал для перевода отрывок из семи первых глав незаконченной рукописи Ш. Фурье «Des trois unités externes» («О трех внешних единствах»), большая часть которой впервые была посмертно опубликована в журнале фурьеристов «La Phalange» в первых двух выпусках (за январь — февраль и март — апрель 1845 года). Текст рукописи, совпадающий с соответствующими местами из работы Фурье «Théorie des quatre mouvements et des destinées générales» («Теория четырех движений и всеобщих судеб»), опубликованной анонимно в 1808 г., редакция заменила отточием и отсылками к страницам этой работы. В своем переводе Энгельс восстановил совпадающие места по изданию этой работы, вышедшему в 1841 году.

Текст семи глав рукописи Энгельс воспроизвел в своем переводе с сокращениями, не везде обозначая пропуски отточиями, а в отдельных случаях соединил переведенные фрагменты собственными вставками. Перевод некоторых мест дан Энгельсом в сокращенном или в перефразированном виде, а кое-где содержание передано в собственном изложении.

В настоящем томе перевод рукописи Фурье воспроизведен в полном соответствии с публикацией Энгельса. Важнейшие отступления Энгельса от текста Фурье оговариваются в подстрочных примечаниях. Введение и заключение Энгельса печатаются корпусом, весь его перевод из Фурье печатается петитом. Курсив в цитируемом тексте, как правило, принадлежит Энгельсу. — *306.*

163 Энгельс имеет в виду книгу L. Stein. «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte». Leipzig, 1842 (Л. Штейн. «Социализм и коммунизм современной Франции. Очерк современной истории». Лейпциг, 1842). — *306*.

164 Под *«немецкой теорией наихудшего сорта»* Энгельс имеет в виду так называемых «истинных социалистов» — мелкобуржуазное социалистическое течение, существовавшее в 1844—1845 гг. и получившее распространение среди немецкой интеллигенции и ремесленников; представляло собой своеобразный синтез идеалистических сторон фейербахианства с французским утопическим социализмом, воспринятым в выхолощенной форме. Вульгаризация «истинными социалистами» взглядов французских утопистов-социалистов, сочетавшаяся с высокомерно-пренебрежительным отношением к ним, особенно проявилась в книге Грюна «Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien» («Социальное движение во Франции и Бельгии»), изданной в Дармштадте в августе 1845 года.

Данная работа Энгельса отражает созревшее у него и у Маркса к этому времени намерение публично размежеваться с «истинным социализмом» и выступить с критикой его представителей. Развернутая критика «истинного социализма» была дана Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» (см. настоящее издание, т. 3). — *306*.

165 Речь идет о содержащихся в работах Фурье фантастических описаниях тех перемен, которые якобы должны произойти в будущем в области природы: изменение неприятного вкуса морской воды, появление над Северным и Южным полюсами излучающих тепло венцов, превращение хищных зверей в полезных для человека животных и т. п.

Метод серий — характерный для Фурье метод классификации, применяемый им при анализе различных природных и общественных явлений. С помощью этого метода Фурье, в частности, пытался разработать новую социальную науку, положив в ее основу учение о социально-психологическом факторе — притяжение и отталкивание страстей — как главном, по его мнению, принципе общественного развития. В этом методе и его применении у Фурье сочетались ненаучные и фантастические элементы с рациональными наблюдениями и стихийными проявлениями диалектики. — *307*.

166 В раздел I Энгельс включил материал из введения («Постановка вопроса») и первой главы рукописи Фурье, озаглавленной автором «Последовательный ряд торговых методов». Начало цитируемых фрагментов со слов «Мы касаемся теперь самого чувствительного места цивилизации» до «сдерживают все пружины обращения» взято из работы «Теория четырех движений», стр. 331—332. — *309*.

167 Под *«идеологией», «идеологами»* Фурье имеет в виду группу эпигонов французской философии XVIII в., возглавлявшихся либеральным мыслителем, экономистом и политическим деятелем Антуаном Дестют де Траси, автором вышедшего в 1804 г. пятитомного сочинения «Élémens d'idéologie» («Основы идеологии»). — *309*.

168 На Аахенском конгрессе (1818 г.) государств Священного союза (Англии, Австрии, Пруссии и России) к подготовке вопроса об условиях выплаты Францией контрибуции, наложенной на нее после поражения Наполеона, были привлечены главы крупнейших банкирских

домов Европы. Кредитные операции по контрибуционным платежам Франции было решено производить через английский банк Беринга и голландско-английский банк Хопа. По-видимому, этих двух банкиров здесь и имел в виду Фурье. — *313.*

169 *Федераты 1815 года* — добровольцы, примкнувшие к Наполеону I в период его кратковременного правления в 1815 г. с момента возвращения с острова Эльба до поражения при Ватерлоо. — *313.*

170 Имеются в виду банковские билеты, выпущенные во Франции в 1716 г. с разрешения правительства специальным банком, который был основан бежавшим из Англии авантюристом Джоном Ло. В 1720 г. предприятие Ло обанкротилось, и он бежал. Поскольку ранее Ло передал банк в собственность государства, крах его явился скрытой формой государственного банкротства.

Ассигнаты — ценные бумаги, выпускавшиеся с декабря 1789 г. в период французской революции под обеспечение поступлений от продажи конфискованных у феодальной аристократии и церкви владений (национальных имуществ). Ассигнаты получили хождение в качестве бумажных денег. В результате эмиссии и спекуляции, особенно усилившихся после контрреволюционного переворота в июле 1794 г. (9 термидора), они быстро обесценились. В декабре 1796 г. выпуск ассигнатов был прекращен. — *318.*

171 Фурье ошибочно приписывает эту операцию Конвенту. Она была проведена 30 сентября 1797 г. Директорией — верховным правительственным органом режима, пришедшего на смену господству Конвента. Директория сократила на две трети все обязательства государства и признала обязательной к выплате казначейством только одну треть их, которая и получила наименование консолидированной трети. — *318.*

172 Текст от слов «Когда преступление совершается очень часто, к нему привыкают и становятся равнодушными свидетелями его» до «спекулянт похищает только половину» взят Энгельсом из работы «Теория четырех движений», стр. 341—343. Далее Энгельс следует публикации в журнале «La Phalange». — *318.*

173 Под новым французским кодексом Фурье подразумевает Гражданский кодекс (Code civil) Наполеона I, введенный в 1804 году. — *319.*

174 В рукописи Фурье в перечислении разновидностей банкротств были указаны конкретные фамилии обанкротившихся дельцов. Однако при публикации работы в журнале «Phalange» эти фамилии были опущены и оставлены лишь вымышленные, заимствованные из литературных произведений имена. Энгельс сам в подстрочном примечании указывает на это обстоятельство (см. настоящий том, стр. 334). — *319.*

175 Намек на сочинение испанского богослова-иезуита XVI — начала XVII вв. Томаса Санчеса «Рассуждения о святом таинстве брака», отличавшееся изощренной казуистикой и вместе с тем развязностью, граничащей с порнографией. — *323.*

176 Текст от слов «Банкир Дорант имеет два миллиона» до конца пункта 13 («против людей, похищающих несколько миллионов одним махом»!) взят Энгельсом из работы «Теория четырех движений», стр. 343—346. — *325.*

177 Текст от слов «Еврей Искариот приезжает во Францию» до слов «каждый с жадностью хватается за возможность такого вида воровства, который не наказуется» взят Энгельсом из работы «Теория четырех движений», стр. 348—351. — *328.*

178 Во время католического богослужения под балдахином торжественно несут так называемые святые дары. — *333.*

179 Небольшой город на юге Франции, Бокер, приобрел известность благодаря ежегодным большим ярмаркам.— *334.*

180 Текст от слов «Скапен, мелкий лавочник» до конца 34 пункта взят Энгельсом из работы «Теории четырех движений», стр. 346—347. — *335.*

181 В мартовско-апрельском выпуске журнала «La Phalange» были опубликованы, помимо трех упомянутых Энгельсом глав рукописи «О трех внешних единствах» (VIII—X), с пропуском текста, совпадающего с соответствующими местами работы «Теория четырех движений», и главы XI—XVIII рукописи. — *338.*

182 Энгельс иронически сравнивает картину исторического развития, нарисованную Гегелем в его «Философии истории», со средневековой христианско-феодальной периодизацией всемирной истории по четырем империям: Ассиро-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греко-Македонской и Римской (последняя в разных формах, в том числе в виде Священной Римской империи германской нации, должна была якобы существовать до окончания века). Согласно концепции Гегеля, всемирная история, в основе которой лежит процесс самопознания абсолютной идеи, или мирового духа, прошла через три основные стадии, а именно, историю Передней Азии и Древнего Египта, историю греко-римского мира, историю германских народов. Народы, история которых не укладывалась в рамки этой трехчленной схемы, Гегель обозначал как неисторические. — *338.*

183 Энгельс имеет в виду книгу: H. W. Kaiser. «Die Persönlichkeit des Eigenthums». Bremen, 1843 (Г. В. Кайзер. «Личный характер собственности». Бремен, 1843). — *339.*

184 Имеются в виду союзы для улучшения положения рабочего класса, создававшиеся в ряде городов Пруссии в 1844—1845 гг. по инициативе немецкой либеральной буржуазии с целью отвлечения немецких рабочих от борьбы за свои классовые интересы. Несмотря на старания правящих классов придать этим союзам безобидный филантропический характер, их возникновение послужило толчком к оживлению политической активности городских масс и привлекло внимание широких общественных кругов Германии к социальному вопросу. Прусское правительство, напуганное нежелательным для него направлением деятельности союзов, поспешило пресечь ее весной 1845 г., не утвердив их устава и запретив их дальнейшую деятельность. — *339, 391.*

185 Подразумевается задуманное Марксом и Энгельсом издание «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов» (см. примечание 139). К изданию этой «Библиотеки» они намеревались привлечь и других участников движения, в том числе Гесса. Однако неустойчивые идейные позиции последнего, ставшего одним из идеологов «истинного

социализма», затруднили сотрудничество Маркса и Энгельса с ним и с рядом других издателей и редакторов немецких журналов и послужили одной из причин, помешавших осуществлению издания «Библиотеки». — *341.*

186 Эти рукописные заметки Энгельса предназначались, очевидно, для работы над I главой первого тома «Немецкой идеологии» и были написаны, вероятно, в ноябре 1845 года. В них цитируется книга: L. Feuerbach. «Grundsätze der Philosophie der Zukunft». Zürich und Winterthur, 1843 (Л. Фейербах. «Основные положения философии будущего». Цюрих и Винтертур, 1843). — *342.*

187 Выражение из книги Ш. Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб», глава двенадцатая. Эпилог. — *342.*

188 L. Feuerbach. «Das Wesen des Glaubens im Sinne Luthers. Ein Beitrag zum «Wesen des Christenthums»». Leipzig, 1844 (Л. Фейербах. «Сущность веры в смысле Лютера. Дополнение к «Сущности христианства»». Лейпциг, 1844). — *344.*

189 Данная заметка, опубликованная анонимно, является ответом авторов «Святого семейства» на ту критику этой работы, которая содержалась в статье Б. Бауэра «Charakteristik Ludwig Feuerbachs» («Характеристика Людвига Фейербаха»), напечатанной в «Wigand's Vierteljahrsschrift», Bd. III, 1845. Текст заметки отчасти совпадает с текстом одного места из II главы первого тома «Немецкой идеологии» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 98—99). — *345.*

190 Упомянутая рецензия на «Святое семейство» была напечатана анонимно в журнале «Das Westphälische Dampfboot» в майском выпуске 1845 года. — *345.*

191 См. настоящее издание, т. 2, стр. 25—59, 117—131, 132—138, 148 и следующие. — *346.*

192 См. настоящее издание, т. 2, стр. 109—117. — *347.*

193 См. настоящее издание, т. 2, стр. 118—119. — *347.*

194 Публикуемые в томе фрагменты из рукописи I тома «Немецкой идеологии» были обнаружены в 1962 г. и опубликованы на языке оригинала в журнале «International Review of Social History». Vol. VII, 1962, part I. Русский перевод двух фрагментов, относящихся к первой главе, впервые опубликован в 1965 г. в журнале «Вопросы философии» № 10, а затем в 1966 г. в книге: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». М., 1966 (текст первого фрагмента см. на стр. 32—33, второго — стр. 57—58). См. также К. Маркс и Ф. Энгельс. «Избранные произведения в трех томах». М., 1970, т. 1, стр. 15—16 и стр. 38—39. Фрагмент из третьей главы, написанный на двух страницах рукописи, публикуется в настоящем томе впервые. Предшествующий данному фрагменту текст см. в настоящем издании, т. 3, стр. 187 (первые два абзаца). — *349.*

195 Разбираемое здесь предложение епископа Отёнского (Талейрана), внесенное 4 июля 1789 г., было направлено на расширение компе-

тенции Национального собрания. Согласно этому предложению дебаты в собрании не должны ограничиваться вопросами, включенными в так называемые cahiers de doléances — наказы, которые избиратели каждого сословия давали своим депутатам в связи с созывом Генеральных штатов; за депутатами должно быть признано право решать любой вопрос согласно их собственному суждению. — *351.*

196 *Bailliages* — судебные округа в дореволюционной Франции, которые были также и избирательными округами при выборах в Генеральные штаты.

Divisions des ordres — деления по сословиям: дворянство, духовенство и третье сословие, на которые делился каждый bailliages. Цифра 431 указана, видимо, неточно: должно быть 531 divisions des ordres. — *351.*

197 *Jeu-de-paume* — зал для игры в мяч в Версале. 20 июня 1789 г. депутаты третьего сословия, которые 17 июня провозгласили себя Национальным собранием, собрались в этом зале и дали торжественную клятву не расходиться до тех пор, пока не будет принята конституция Франции.

Lit-de-justice — заседание парламентов (высших судебно-административных органов дореволюционной Франции) в присутствии короля, что делало обязательным регистрацию королевских распоряжений, приобретавших в результате этого силу закона. В данном случае речь идет о заседании Генеральных штатов 23 июня 1789 г., на котором король объявил недействительными решения, принятые третьим сословием 17 июня, и потребовал, чтобы депутаты немедленно разошлись. Однако депутаты отказались покинуть зал и продолжали дебаты. — *351.*

198 Цитируется стр. 145 из книги: Max Stirner. «Der Einzige und sein Eigenthum». Leipzig, Verlag von Otto Wigand, 1845 (Макс Штирнер. «Единственный и его собственность». Лейпциг, издательство Отто Виганда, 1845). — *352.*

199 Проект Коммунистического символа веры представляет собой программный документ, обсуждавшийся на первом конгрессе Союза коммунистов в Лондоне 2—9 июня 1847 года. Этот документ вместе с проектом Устава и Циркулярным письмом первого конгресса к членам Союза (см. настоящий том, стр. 397—414) был обнаружен в 1968 г. в архиве активного деятеля Союза коммунистов Иоахима Фридриха Мартенса. Найденная рукопись написана рукой Энгельса, за исключением нескольких вставленных слов и заключительной фразы, а также подписей председателя и секретаря конгресса.

Активное участие в конгрессе принимал Энгельс (Маркс не смог приехать в Лондон), что сказалось на его работе и решениях. Союз был переименован в Союз коммунистов, прежний девиз Союза справедливых: «Все люди — братья» был заменен новым, классовым девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На последнем заседании конгресса 9 июня 1847 г. были утверждены проект Устава Союза и данный проект его программы.

Проект Коммунистического символа веры вместе с проектом Устава был разослан общинам Союза для обсуждения, результаты которого предполагалось учесть при окончательном утверждении

программы и Устава на II конгрессе. Разрабатывая в конце октября 1847 г. другой, более совершенный, проект программы Союза коммунистов — «Принципы коммунизма» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 322—339), Энгельс использовал текст Символа веры, о чем свидетельствуют прямые текстологические совпадения в ряде пунктов, а также ссылки в тексте «Принципов» на более ранний документ вместо ответов на некоторые вопросы, которые Энгельс, по-видимому, решил сохранить в прежнем виде. — *354.*

200 В произведениях, написанных в 40—50-х гг. (до того, как Марксом была разработана теория прибавочной стоимости), Маркс и Энгельс пользовались такими понятиями, как «стоимость труда», «цена труда», «продажа труда», которые, как отмечал Энгельс в 1891 г. во введении к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал», «с точки зрения позднейших работ являются неудачными и даже неверными». После того, как Марксом было установлено, что рабочий продает капиталисту не свой труд, а свою рабочую силу, эти понятия были уточнены. В последующих произведениях Маркс и Энгельс употребляли понятия «стоимость рабочей силы», «цена рабочей силы», «продажа рабочей силы». — *355.*

201 Настоящий документ является, по-видимому, черновым наброском части речи, которую Маркс намеревался произнести 18 сентября 1847 г. на конгрессе экономистов в Брюсселе. Не получив слова на конгрессе, Маркс после его закрытия обработал свою речь для печати (см. настоящее издание, т. 4, стр. 254—256). Набросок сделан на последней странице 10-й тетради с выписками Маркса, которая была в основном заполнена между второй половиной 1845 и началом 1846 года. Несколько мест в рукописи не поддаются расшифровке из-за чернильных пятен. Внизу на самом тексте и на полях имеется несколько рисунков Энгельса, по-видимому, изобразившего участников конгресса экономистов. — *361.*

202 Данный рукописный отрывок сохранился в тетради Маркса, содержащей рукопись «Заработная плата» и датированной декабрем 1847 года (см. настоящее издание, т. 6, стр. 579—602). Точных сведений о связи этого отрывка с другими работами Маркса в сохранившихся рукописях и письмах нет. Можно предположить, что он представляет собой подготовительный набросок либо к «Речи о свободе торговли», с которой Маркс выступил 9 января 1848 г. на собрании брюссельской Демократической ассоциации (см. настоящий том, стр. 452—455), либо к лекциям по политической экономии, которые он читал в декабре 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе (см. примечание 264).

В тексте имеется несколько ссылок Маркса на одну из его тетрадей с выписками, относящимися к лету 1847 года. Тетрадь содержит конспект книги G. Gülich. «Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit». Bd. I—V. Jena, 1830—1845 (Г. Гюлих. «Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени». Тт. I—V. Иена, 1830—1845). Указанные места находятся в I томе книги. В рукописи начальная буква фамилии автора обозначена как J (Маркс обычно писал фамилию Gülich как Jülich). Материалы были использованы

Марксом при работе над «Манифестом Коммунистической партии»; отдельные мысли и обобщения прослеживаются в I главе. — *363.*

203 Набросок плана III главы «Манифеста Коммунистической партии» сделан на обложке тетради Маркса, содержащей рукопись «Заработная плата» (см. предыдущее примечание) и помеченной «Брюссель. Декабрь 1847». — *365.*

204 В окончательном тексте «Манифеста Коммунистической партии» пункты 5 и 6 плана не получили отражения. — *365.*

205 Данная рукопись является единственной сохранившейся страницей чернового варианта «Манифеста Коммунистической партии». Чистовая рукопись, посланная в конце января 1848 г. для напечатания в Лондон, не сохранилась. Страница черновой рукописи относится частью к первой, а в основном ко второй главе «Манифеста». — *366.*

206 Данная корреспонденция Энгельса представляет собой перевод речи Ледрю-Роллена на банкете сторонников избирательной реформы во Франции, состоявшемся в Лилле 7 ноября 1847 года. Перевод сделан по отчету «Réforme» от 10 ноября 1847 г. с некоторыми сокращениями. — *368.*

207 *Сентябрьские законы 1835 г.*, изданные в период Июльской монархии, ограничивали компетенцию суда присяжных, усиливали репрессивные меры в отношении прогрессивной печати. — *370.*

208 Статья «Движение за реформу во Франции. — Банкет в Дижоне» является более расширенным вариантом корреспонденции Энгельса «Речь Луи Блана на банкете в Дижоне», опубликованной в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» 30 декабря 1847 года (см. настоящее издание, т. 4, стр. 384—387). Описанный в статье банкет состоялся 21 ноября 1847 г., отчет о нем был напечатан в «Réforme» 24 и 25 ноября 1847 года. — *372.*

209 Имеется в виду военный союз, заключенный в 1778 г. правительством Людовика XVI с Соединенными Штатами Америки во время американской войны за независимость (1775—1783), и участие французского экспедиционного корпуса и морского флота в военных действиях против Англии — торгового и колониального соперника Франции. — *373.*

210 Подразумевается вступление французских республиканских войск в январе 1795 г. на территорию Нидерландов с целью поддержки местного восстания против аристократического режима штатгальтера Вильгельма V. В результате свержения штатгальтера была провозглашена Батавская республика (1795—1806), которая попала вскоре в зависимость от наполеоновской Франции. — *373.*

211 Слова «космополитизм», «космополитический» Энгельс употреблял в смысле «свободный от национальной ограниченности и национальных предрассудков». — *373.*

212 Сосредоточив в этой статье главное внимание на критике националистического тезиса Луи Блана о якобы особой цивилизаторской роли Франции, Энгельс в полемике с Бланом не ставил себе задачи

раскрытия подлинного характера той буржуазной «цивилизации», которую капиталистические государства распространяли в экономически отсталых странах. В последующих статьях и письмах, посвященных Индии, Ирландии, Китаю, Ирану и т. д., Маркс и Энгельс показали, что втягивание этих стран в орбиту капиталистических отношений происходило путем их колониального порабощения капиталистическими государствами, путем превращения их в аграрно-сырьевой придаток метрополии, беззастенчивого грабежа их природных богатств и жестокой эксплуатации народных масс этих стран колонизаторами. — *374.*

213 Колониальное соперничество Англии с Испанией во второй половине XVI в. тесно переплелось с событиями Нидерландской революции 1566—1609 годов. Поражение испанской «Непобедимой армады» в 1588 г. и другие победы англичан над испанцами облегчили сопротивление Голландской республики (Республики Соединенных провинций) попыткам испанского абсолютизма восстановить свое господство в этом районе Нидерландов. В войне с Испанией в этот период англичане и голландцы часто действовали как союзники. — *374.*

214 Имеется в виду английская революция середины XVII в., приведшая к установлению буржуазного строя в Англии. — *374.*

215 Популярное среди участников крестьянского восстания 1381 г. в Англии (восстание Уота Тайлера) двустишье. Широко использовалось в проповедях перед восставшими крестьянами одним из идеологов восстания Джоном Боллом. По-видимому, является перефразировкой текста английского поэта XIV в. Ричарда Ролле Хамполя. — *376.*

216 *Ковенантеры* — шотландские кальвинисты XVI и XVII вв., заключавшие особые соглашения и союзы (ковенанты) с целью защиты своей религии от посягательств со стороны склонявшихся к католицизму аристократических кругов. Накануне английской революции XVII в. ковенант стал политической и идеологической формой организации борьбы шотландцев против абсолютизма Стюартов, за независимость своей страны. — *376.*

217 Речь идет об основании в Брюсселе осенью 1847 г. *Демократической ассоциации*. Она объединяла в своих рядах пролетарских революционеров, преимущественно из числа немецких революционных эмигрантов, и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Активную роль в создании Ассоциации сыграли Маркс и Энгельс. 15 ноября 1847 г. Маркс был избран ее вице-председателем (председателем Ассоциации был избран бельгийский демократ Л. Жотран). Благодаря влиянию Маркса брюссельская Демократическая ассоциация сделалась одним из центров международного демократического движения. Вскоре после ее организации стал обсуждаться вопрос о созыве международного демократического конгресса с целью интернационального сплочения революционных сил Европы в обстановке назревавших революционных событий. Маркс и Энгельс активно участвовали в подготовке этого конгресса. Во время своего пребывания в Лондоне на втором конгрессе Союза коммунистов Маркс вел успешные переговоры относительно конгресса с чартистскими лидерами и представителями пролетарских и демо-

кратических кругов лондонской эмиграции. Аналогичные переговоры, по-видимому, велись Энгельсом с французскими социалистами и демократами. В начале 1848 г. была достигнута договоренность о проведении конгресса в Брюсселе, приурочив его открытие к 18-й годовщине бельгийской революции, исполнявшейся 25 августа 1848 года. Однако в связи с начавшимися в феврале 1848 г. революционными событиями в Европе эти планы не были осуществлены. В дни февральской буржуазной революции во Франции пролетарское крыло брюссельской Демократической ассоциации добивалось вооружения бельгийских рабочих и развертывания борьбы за демократическую республику. Однако после высылки Маркса из Брюсселя в начале марта 1848 г. и расправы бельгийских властей с наиболее революционными элементами Ассоциации бельгийские буржуазные демократы не сумели возглавить антимонархическое движение трудящихся масс. Деятельность Демократической ассоциации приобрела более узкий, чисто местный характер и в 1849 г. фактически прекратилась. — *376, 451.*

218 Данная и последующая (см. настоящий том, стр. 385—388) корреспонденции о чартистском движении написаны Энгельсом для французской демократической газеты «Réforme», в которой он сотрудничал в 1847—1848 гг., стремясь использовать ее для пропаганды коммунистических идей и сплочения пролетарских и демократических сил европейских стран. В намерение Энгельса входила, прежде всего, широкая популяризация во Франции чартистского движения и материалов чартистской прессы, в первую очередь, газеты «Northern Star». Корреспонденции Энгельса или подобранные им и переведенные на французский язык отчеты из этой газеты помещались в «Réforme» под рубрикой «Чартистское движение», «Чартистская агитация» и сопровождались обычно вводными словами редакции: «Нам пишут из Лондона». Всего за период сотрудничества в «Réforme» (с октября 1847 по январь 1848 г.) было опубликовано семь корреспонденций Энгельса (пять из них см. в т. 4 настоящего издания), а также перепечатаны при его содействии из других газет некоторые статьи Маркса. Статьи Энгельса, пропаганда им опыта чартизма способствовали в известной мере преодолению национальной замкнутости газеты французских республиканцев и мелкобуржуазных социалистов и оказывали революционизирующее влияние на ее читателей — представителей французского рабочего класса и радикально настроенных средних слоев. — *377.*

219 Обращение «Братских демократов», которое Энгельс цитирует ниже с некоторыми сокращениями, было принято на собрании Общества 3 января 1848 г. и опубликовано в «Northern Star» № 533, 8 января 1848 года.

«Братские демократы» — международное демократическое общество, основанное в Лондоне в 1845 г. представителями левого крыла чартизма и революционными эмигрантами (членами Союза справедливых и др.) с целью установления тесных связей между демократическим движением разных стран. Маркс и Энгельс, находившиеся летом 1845 г. в Англии, приняли участие в подготовке собрания демократов различных наций 22 сентября 1845 г., на котором фактически было основано это Общество. На самом собрании в связи с отъездом из Лондона они не присутствовали. Маркс и Энгельс поддерживали постоянный контакт с обществом «Братские демократы», стремясь оказать идейное воздействие на пролетарское ядро Общества, вошед-

шее в 1847 г. в Союз коммунистов, и повлиять через него в духе пролетарского интернационализма и научного коммунизма на участников чартистского движения. Деятельность Общества продолжалась до 1853 года. — *377*.

220 *Народная хартия,* содержавшая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайная подача голосов, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. В 1839 и 1842 гг. петиции чартистов с требованием принятия Народной хартии были отклонены парламентом. В 1847—1848 гг. чартисты вновь развернули массовую кампанию за принятие Хартии. — *377, 436*.

221 Речь идет о движении 1830—1831 гг. за парламентскую реформу в Англии. Согласно принятому в 1832 г. акту о реформе право голоса в городах получили собственники и арендаторы домов, приносящих не менее 10 ф. ст. дохода в год. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, не получили избирательного права. — *377*.

222 Впервые публикуемая в томе заметка «Положение во Франции» была напечатана в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» 16 января 1848 г. без подписи. Авторство Маркса обосновывается содержанием статьи, в которой дана соответствующая его и Энгельса взглядам характеристика французской буржуазии, а также оценка роли пролетариата, как единственного класса, способного совершить и довести до конца революцию во Франции. В форму вопросов и ответов Маркс не раз облекал свои публицистические статьи, в частности, в «Neue Rheinische Zeitung». Авторство Маркса подтверждается опубликованием французского перевода данной заметки в «Réforme» 19 января 1848 г., с редакцией которой Энгельс, находясь в Париже в это время, поддерживал тесный контакт (см. примечание 218). — *380*.

223 Энгельс цитирует и излагает брошюру: «Réponse de M. Petit, ex-receveur des finances à Corbeil, aux calomnies répandues à l'occasion de son procès en séparation». Paris, 1847 («Ответ г-на Пти, бывшего сборщика налогов в Корбейе, на клевету, распространяемую в связи с его бракоразводным процессом». Париж, 1847). — *381*.

224 Эпизод с интерпелляцией Люно в палате депутатов по поводу продажи должностей в финансовом ведомстве и отрицательным ответом на нее тогдашнего министра финансов Лякав-Лапланя имел место 13 июня 1846 года. В связи с публикацией брошюры Пти (см. предыдущее примечание) и острой реакцией на нее общественного мнения «Réforme» 7 января 1848 г. воспроизвела выдержки из указанных дебатов между Люно и министром финансов, а также выступление по этому вопросу оппозиционного депутата А. М. Дюпена, которое ниже цитирует Энгельс. — *382*.

225 Разбирая сообщение печати о пленении вождя алжирцев Абд-эль-Кадира (см. примечание 104), в данной статье Энгельс высказал свое суждение об этом движении с иной точки зрения, чем в более ранней

статье (см. настоящий том, стр. 196—197). Осуждая варварские методы покорения Алжира буржуазной Францией, Энгельс увидел в нем неизбежность вытеснения капиталистическими отношениями более отсталых феодальных и патриархальных, а противодействие этому процессу счел обреченным на неудачу. В дальнейшем, глубже изучив историю колониальных захватов и сопротивления угнетенных масс колониальному господству, Энгельс показал освободительный и прогрессивный характер борьбы угнетенных народов против колониальной системы капитализма — борьбы, объективно облегчавшей рабочему классу осуществление задачи ниспровержения капиталистического строя. В таком духе Энгельс, в частности, осветил освободительное движение алжирцев в статье «Алжир», написанной им для «Новой американской энциклопедии» в 1857 году (см. настоящее издание, т. 14, стр. 99—110). — *382.*

226 К данному месту редакция «Northern Star» дала следующее примечание: «Это письмо, которое должно было дойти до нас на той неделе, было доставлено нам из Парижа одним другом лишь в прошлый вторник. В то время наш корреспондент оказался жертвой иллюзий, допустив хотя бы на мгновенье возможность справедливого или великодушного поступка со стороны Луи-Филиппа или его людей. Абд-эль-Кадира не отправят в Египет; он будет содержаться в строгом заключении во Франции. Еще один образчик честности королей! — честности бесчестного Филиппа!».

Абд-эль-Кадир провел во Франции в качестве пленника около 5 лет; только в 1852 г. ему было разрешено переселиться в Сирию, в Дамаск. — *382.*

227 В данной корреспонденции Энгельс описывает митинг, созванный чартистами для принятия национальной петиции. Цитируемые выдержки из речей Гарни и Джонса заимствованы из отчета, опубликованного в газете «Northern Star» № 534, 15 января 1848 г., и приведены Энгельсом с некоторыми сокращениями и в ряде случаев в несколько вольной передаче. Редакция «Réforme», по-видимому, опустила часть представленной Энгельсом статьи, использовав содержавшиеся в ней факты и соображения в следующих трех абзацах:

«Мы уже обращали внимание наших читателей на чартистскую агитацию. «Réforme» является пока единственной французской газетой, интересующейся этой обширной организацией, силы и энергия которой с каждым днем возрастают и которая в определенный момент должна неминуемо опрокинуть чудовищное здание английской олигархии.

Сегодня мы печатаем речи двух главных ораторов чартистов гг. Э. Джонса и Дж. Гарни. Читая их, можно убедиться в том, какой степени гнева достигли массы, понять то чувство разочарования, которое побудило Роберта Пиля подать в отставку, хотя для облегчения бремени народа он сделал то, чего до него не решилось даже попытаться сделать ни одно министерство.

Чтобы вполне понять смысл и значение приведенных нами речей, надо вспомнить, что привилегированные классы пытаются отвлечь народ, ввести его в заблуждение лживыми разговорами о возможных вторжениях в ближайшее время. Они не предлагают окружить Лондон фортами, но собираются значительно увеличить постоянную армию. Это все тот же метод. С англичанами хотят поступить так,

как поступили с парижанами. Сейчас увидим, как народ отвечает на эти намеки. Предоставляем слово нашему корреспонденту». — *385*.

228 Имеется в виду *Исполнительный комитет национальной чартистской ассоциации*, основанной в июле 1840 г., — первой в истории рабочего движения общенациональной массовой партии пролетариата, насчитывавшей в годы подъема чартизма до 50 тысяч членов. Ассоциация была инициатором многих политических кампаний, созыва чартистских конвентов. Однако в ее деятельности сказались отсутствие идейного и политического единства и известная организационная расплывчатость. После поражения чартистов в 1848 г. и раскола в рядах Ассоциации она утратила характер массовой организации, однако вела под руководством революционных чартистов борьбу за возрождение чартистского движения на социалистической основе. Окончательно деятельность Ассоциации прекратилась в 1858 году. — *385*.

229 *Земельное общество*, основанное в 1845 г. по инициативе О'Коннора, существовало до 1848 года. Целью Общества была покупка земель на собранные средства и сдача их в аренду мелкими участками на льготных условиях рабочим-пайщикам. Положительной стороной деятельности Земельного общества было выступление — в петициях парламенту и в печатной пропаганде — против монополии аристократии на владение землей. Однако идеи о возможности избавления рабочих от эксплуатации, сокращения безработицы и т. д. путем возвращения их на землю носили утопический характер. Деятельность Общества практических результатов не имела. — *386*.

230 Подразумевается избрание лидера чартистов Фергюса О'Коннора и ряда радикальных деятелей в парламент на выборах, состоявшихся 5 августа 1847 г. в Ноттингеме. — *386*.

231 *St. Stephen's Chapel* — помещение церкви св. Стефана (Вестминстерское аббатство), в котором с 1547 г. происходили заседания палаты общин. — *386*.

232 В речи Гарни использовано выражение современников испанского короля и германского императора Карла V о его владениях, в которых «никогда не заходит солнце». — *387*.

233 *Чейндж-алли* (Change-Alley) — улица в Лондоне, местоположение правления торгово-финансовой компании Южных морей, одно из главных мест всевозможных денежных операций и спекулятивных сделок. — *387*.

234 Обращение к читателям и сотрудникам эльберфельдского журнала «Gesellschaftsspiegel» было написано Ф. Энгельсом и М. Гессом. Как видно из письма Энгельса к Марксу от 20 января 1845 г. (см. настоящее издание, т. 27, стр. 16), Энгельс принимал участие в подготовке издания журнала, в выработке его проспекта, который был опубликован в первом номере в форме данного обращения. Вначале Энгельс предполагал войти в редакцию журнала, о чем он писал в одной из своих корреспонденций «Быстрые успехи коммунизма в Германии» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 518—531). Разработанный Энгельсом план обследования положения рабочих во многом соответствовал тем задачам, которые он в это время ставил перед собой как автор

книги «Положение рабочего класса в Англии»; с другой стороны, в проспекте нашли место некоторые абстрактно-сентиментальные филантропические иллюзии в духе «истинного социализма», исходящие от Гесса. Неудовлетворенность позицией Гесса явилась, очевидно, одной из причин отказа Энгельса войти в редакцию. «Gesellschaftsspiegel», редактируемый Гессом, вскоре отошел от намеченной Энгельсом в проспекте линии и превратился в рупор реформистских и сентиментальных идей «истинного социализма». — *391.*

235 Речь идет о восстании силезских ткачей в июне 1844 года (см. настоящий том, стр. 201—204). — *394.*

236 Данный документ свидетельствует о тех тяжелых условиях, в которые Маркс был поставлен бельгийскими властями после высылки из Франции. Ему пришлось дать это письменное обязательство в полицейском управлении в Брюсселе, куда он был вызван 22 марта 1845 года. Об этом случае Маркс сообщал в письме к Гейне 24 марта 1845 года (см. настоящее издание, т. 27, стр. 387). — *396.*

237 Проект Устава Союза коммунистов был принят на его первом конгрессе в начале июня 1847 г. и разослан округам и общинам для обсуждения. В проекте нашла отражение работа по перестройке организации, проделанная руководством Союза справедливых в соответствии с советами Маркса и Энгельса. В начале 1847 г. Маркс и Энгельс дали согласие на вступление в Союз при условии его реорганизации на демократических началах и устранения элементов заговорщичества и сектантства в его структуре и деятельности. На выработку Устава непосредственное влияние оказал Энгельс, принимавший участие в работе конгресса (см. примечание 199). Вместо прежнего руководящего органа — узкой Народной палаты — верховным органом Союза становится конгресс, созываемый из делегатов местных округов, а исполнительным органом — Центральный комитет. Взаимоотношения всех организаций Союза строились на основе демократизма и централизма. В то же время ряд пунктов проекта свидетельствовал о незавершенности реорганизации и влиянии прежних сектантских представлений. По предложению Брюссельского окружного комитета, который находился под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса, эти пункты в дальнейшем были уточнены (см. примечание 265). Второй конгресс (декабрь 1847 г.) принял Устав, окончательно определивший организационную структуру Союза коммунистов на принципах научного коммунизма (см. настоящее издание, т. 4, стр. 524—529).

Текст проекта Устава был обнаружен в 1968 г. одновременно с текстом проекта Коммунистического символа веры и других публикуемых в томе документов Союза коммунистов в бумагах члена Союза коммунистов в Гамбурге Мартенса. — *397.*

238 Возглавлявшая Союз справедливых Народная палата (в ноябре 1846 г. местопребывание ее было перенесено из Парижа в Лондон) — в феврале 1847 г. обратилась к местным организациям Союза с призывом избрать делегатов на конгресс, который должен был открыться в Лондоне 1 июня. В обращении Народной палаты определялась и повестка дня конгресса. Конгресс сохранил местопребывание в Лондоне исполнительного руководящего органа Союза, кото-

рый, однако, в соответствии с принятым проектом Устава с этого момента стал называться Центральным комитетом. — *402.*

239 Как нелегальная организация, Союз коммунистов не мог открыто проводить заседания своих конгрессов и публиковать их материалы. — *402.*

240 Имеется в виду ст. 21 проекта Устава Союза коммунистов (см. настоящий том, стр. 399). — *402.*

241 *Лондонское Просветительное общество немецких рабочих* было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых. После основания Союза коммунистов руководящая роль в Обществе принадлежала местным общинам Союза. В разные периоды своей деятельности Общество имело филиалы в рабочих районах Лондона. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. Однако 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с временным усилением влияния в нем сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, вызвавшей раскол в Союзе коммунистов. С конца 50-х гг. Маркс и Энгельс вновь приняли участие в работе Просветительного общества, которое в значительной степени содействовало утверждению принципов марксизма в программе I Интернационала. Общество просуществовало до 1918 г. как интернациональный клуб и было закрыто английским правительством. — *403.*

242 Имеются в виду французские тайные рабочие общества 40-х гг. XIX в., среди членов которых были широко распространены различные социалистические и коммунистические идеи утопического толка (Кабе, Дезами и другие). — *403.*

243 Описанное в данном отчете положение в парижских общинах Союза справедливых в 1845—1846 гг. соответствует той информации, которую Энгельс, находившийся с 15 августа 1846 г. в Париже, направлял в Брюссель Марксу и другим членам Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета (см. письма Энгельса за август — декабрь 1846 г. в т. 27 настоящего издания). Эта часть отчета была, по-видимому, составлена на основании сообщений Энгельса, который сыграл решающую роль в преодолении идейного разброда внутри парижских общин Союза и в размежевании их революционного крыла с мелкобуржуазными элементами, тяготевшими к мещанскому «истинному социализму» и уравнительному утопическому коммунизму Вейтлинга. Не исключено, что этот раздел был написан самим Энгельсом. — *403.*

244 W. Weitling. «Garantien der Harmonie und Freiheit». Vivis, 1842 (В. Вейтлинг. «Гарантии гармонии и свободы». Веве, 1842). — *403.*

245 Книга П. Ж. Прудона «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère» («Система экономических противоречий, или Философия нищеты») в немецком переводе К. Грюна вышла в Дармштадте в 1847 году. — *403.*

246 По-видимому, речь идет о денежных средствах, собранных парижскими членами Союза справедливых для участников Краковского восстания 1846 года (см. примечание 269). — *404.*

247 Имеется в виду брошюра К. Грюна «Die preussischen Landtags-Abschiede. Ein Wort zur Zeit». Birwinken, 1846 («Решения короля, адресованные прусским ландтагам; о вопросах современности». Бирвинкен, 1846). — *404*.

248 Подразумевается Народная палата Союза справедливых, которая до перенесения местопребывания из Парижа в Лондон (в ноябре 1846 г.) состояла преимущественно из вейтлингианцев. — *407*.

249 Очевидно, речь идет об обращении руководства Союза справедливых к Марксу и Энгельсу с предложением вступить в Союз и принять участие в его реорганизации на основе принципов научного коммунизма. От имени Народной палаты переговоры с Марксом в Брюсселе и с Энгельсом в Париже вел в конце января — начале февраля 1847 г. И. Молль. — *407*.

250 Попытки лондонского Центрального комитета наладить выпуск регулярного органа — газеты или журнала — Союза коммунистов не увенчались успехом из-за отсутствия денежных средств. Удалось издать лишь пробный номер «Kommunistische Zeitschrift», который вышел в Лондоне в начале сентября 1847 года. Он был напечатан в типографии лондонского Просветительного общества немецких рабочих. На содержании этого номера сказалось влияние Маркса и Энгельса. В опубликованных статьях (В. Вольфа, К. Шаппера и др.) подвергались критике «истинный социализм» и другие направления утопического социализма, давался отпор выпадам Гейнцена против коммунистов, излагались тактические положения пролетарского движения. В пробном номере журнала впервые в печати в качестве эпиграфа появился девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Фактически постоянным органом Союза коммунистов стала «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» с сентября 1847 г., когда Маркс и Энгельс, став сотрудниками газеты, сосредоточили в своих руках ее редакционные дела. — *411*.

251 Имеется в виду «Ansprache der Volkshalle des Bundes der Gerechten an den Bund, Februar 1847» («Обращение Народной палаты Союза справедливых к Союзу, февраль 1847») (см. примечание 238). — *414*.

252 Аналогичные сопроводительные письма Центральный комитет Союза коммунистов направил в июне 1847 г. всем общинам Союза в разных странах, посылая им документы, принятые первым конгрессом. — *415*.

253 Обращение Центрального комитета Союза коммунистов от 14 сентября 1847 г. представляет собой квартальный отчет о деятельности Союза после первого конгресса (июнь 1847 г.). Оно было обнаружено, как и другие документы первого конгресса, в бумагах члена Союза в Гамбурге Мартенса. Адресованная ему на последней странице приписка К. Шаппера доказывает, что данный экземпляр предназначался для гамбургской общины. — *417*.

254 Речь идет о двух обращениях, выпущенных руководящим органом Союза справедливых в ноябре 1846 и феврале 1847 г., то есть до его преобразования в Союз коммунистов (см. примечание 251). — *419*.

255 Имеется в виду брошюра Форселля «Kommunismen och kristendomen». Stockholm, 1847 («Коммунизм и христианство». Стокгольм, 1847). — *420*.

256 *Скандинавское общество* — радикально-демократическое общество, существовавшее во второй половине 40-х гг. XIX века. Было связано с Союзом коммунистов, в него входили, главным образом, рабочие и ремесленники. Председателем Общества был член Союза Пер Йётрек, переводчик, издатель и книготорговец, секретарем — Экстрём. — *420.*

257 Посланный в Амстердам в августе 1847 г. Иоганн Доль в октябре сообщил Центральному комитету об образовании амстердамской общины Союза коммунистов из 8 человек.

Просветительное рабочее общество в Амстердаме было создано 14 февраля 1847 года. В его организации и деятельности активную роль играли члены Союза коммунистов. В марте 1848 г. лондонское Просветительное общество немецких рабочих направило Просветительному рабочему обществу в Амстердаме 100 экземпляров «Манифеста Коммунистической партии». За организацию 24 марта 1848 г. массового народного собрания в Амстердаме в поддержку революции во Франции и Германии члены Союза коммунистов руководители Просветительного общества в Амстердаме подверглись суровым полицейским репрессиям. — *423.*

258 Намерение Маркса издать немецкий перевод книги «Нищета философии» не было осуществлено. При жизни Маркса на немецком языке публиковались лишь отрывки из II главы этой работы. Первое немецкое издание этой работы, отредактированное Энгельсом, вышло в 1885 году. — *425.*

259 К осени 1847 г. в парижских общинах Союза коммунистов возникла сложная ситуация. Исключенные первым конгрессом вейтлингианцы объединились со сторонниками Грюна. В октябре произошел раскол. Одна из общин высказалась против коммунистических принципов и решением Центрального комитета была исключена из Союза. Энгельс, находившийся в то время в Париже, писал Марксу 25—26 октября 1847 г.: «За несколько дней до моего приезда были вышвырнуты последние грюнианцы, целая община, из которой половина, однако, вернется обратно. Нас теперь всего-навсего 30 человек. Я сразу же организовал пропагандистскую общину, бегаю целый день и поучаю. Я тотчас же был выбран в окружной комитет, и мне было поручено ведение корреспонденции. Предлагается принять 20—30 кандидатов. Мы скоро будем опять сильнее» (см. настоящее издание, т. 27, стр. 96). — *425.*

260 Намек на вышедшую в Берне в 1845 г. книгу В. Вейтлинга «Das Evangelium eines armen Sünders» («Евангелие бедного грешника»), в которой кража оправдывается как средство борьбы против капитализма. — *425.*

261 Имеются в виду бывшие члены тайной революционной организации немецких эмигрантов в Швейцарии «Молодая Германия», разгромленной полицией в 1845 году (см. примечание 154). — *426.*

262 Упоминаются следующие издания: анонимная листовка «Der deutsche Hunger und die deutschen Fürsten»; брошюра К. Гейнцена «Dreißig Kriegsartikel der neuen Zeit für Officiere und Gemeine in despotischen Staaten». Neustadt («Тридцать военных статей нового времени для офицеров и солдат в деспотических государствах». Нейштадт). — *426.*

263 Речь идет о группах коммунистов в Кёльне, Вестфалии, Эльберфельде, которые ранее были связаны с основанными Марксом и Энгельсом Брюссельским коммунистическим корреспондентским комитетом, а после I конгресса Союза коммунистов стали создавать общины Союза. — *427.*

264 Имеется в виду *Немецкое рабочее общество,* которое было основано Марксом и Энгельсом в Брюсселе в конце августа 1847 г. с целью пропаганды среди рабочих идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников Общество сделалось легальным центром объединения революционных пролетарских сил в Бельгии. Лучшие элементы Общества входили в Союз коммунистов. Общество оказало значительное влияние и на бельгийское рабочее движение и сыграло видную роль в основании брюссельской Демократической ассоциации (см. примечание 217). Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *427.*

265 Поправки Брюссельского окружного комитета к проекту Устава Союза коммунистов отражали борьбу Маркса за усовершенствование организационных принципов пролетарской партии и преодоление в ее структуре остатков сектантской замкнутости, свойственной Союзу справедливых, и были приняты вторым конгрессом Союза коммунистов. Пункт об утверждении общинами решений конгрессов был снят, а запрещение членам Союза участвовать в других политических организациях распространено лишь на организации, цели которых были чужды Союзу. — *427.*

266 Принятые на первом конгрессе документы — Проект Коммунистического символа веры и Устав — рассматривались им как предварительные проекты, подлежавшие обсуждению на местах, доработке и окончательному утверждению на втором конгрессе Союза коммунистов (декабрь 1847 г.). — *429.*

267 Речь идет о судебном процессе против арестованных в Берлине весной 1847 г. членов Союза справедливых. В связи с тем, что основной свидетель Ментель, выдавший членов Союза, отказался от своих прежних показаний, суд был вынужден ограничиться легкими наказаниями для ряда арестованных, а некоторых из них оправдать. — *430.*

268 Отчет о международном митинге, созванном обществом «Братские демократы» в помещении лондонского Просветительного общества немецких рабочих (см. примечания 219 и 241), был опубликован в газете «Northern Star» под заглавием «The Polish Revolution. — Important Public Meeting» («Польская революция. — Важный публичный митинг»). Речи Маркса и Энгельса на митинге переданы в отчете в сокращенном виде (авторский текст этих речей см. настоящее издание, т. 4, стр. 371—373). Отчет содержит некоторые подробности о митинге, которые дополняют краткую корреспонденцию Энгельса о нем, опубликованную в газете «Réforme» (см. т. 4, стр. 374—376). — *432.*

269 Имеется в виду манифест Национального правительства Польской республики, созданного 22 февраля 1846 г. в ходе национально-освободительного восстания в Краковской республике. Манифест призы-

вал польский народ к решительной борьбе за национальную независимость, провозглашал демократические права, отмену феодальных повинностей, передачу в собственность крестьян их земельных наделов. Главными инициаторами восстания были польские демократы (Дембовский и другие). В марте 1846 г. восстание в Кракове было подавлено силами Австрии и царской России, а в ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении «вольного города Кракова» к Австрийской империи. — *432*.

270 Во время Краковского национально-освободительного восстания в феврале 1846 г. (см. примечание 269) австрийским властям удалось спровоцировать столкновение в Галиции между украинскими крестьянами и шляхетскими повстанческими отрядами. — *434*.

271 Имеется в виду победа прогрессивных сил в гражданской войне 1847 г. в Швейцарии и провал попыток Зондербунда добиться в своих интересах вооруженного вмешательства европейских держав (см. настоящий том, стр. 198—199 и примечание 275). — *434*.

272 Маркс противопоставляет предложение о созыве международного демократического конгресса — конгрессу экономистов, проходившему в Брюсселе 16—18 сентября 1847 года (о нем см. настоящее издание, т. 4, стр. 249—253). — *436*.

273 Людвик Мерославский, направленный в качестве члена «Централизации» (руководящего органа польского Демократического общества) в Познань для организации восстания в польских землях, был арестован прусскими властями незадолго до восстания (февраль 1846 г.) и приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена пожизненным заключением. Был освобожден в связи с началом революции в Германии в марте 1848 года. — *438*.

274 Имеется в виду гражданская война в Швейцарии (см. примечания 271 и 275). — *441*.

275 Речь идет о попытках организации дипломатического и вооруженного вмешательства пяти европейских держав (Франции, Англии, России, Австрии и Пруссии) в гражданскую войну в Швейцарии в пользу Зондербунда, инициатором которых был австрийский канцлер Меттерних, поддержанный французским правительством Гизо. В планы Меттерниха и Гизо входил созыв конференции пяти великих держав по швейцарскому вопросу, которая должна была продиктовать воюющим в Швейцарии сторонам условия мира. Быстрый разгром войск Зондербунда сорвал эти реакционные планы. — *441*.

276 Во время пребывания в Лондоне в качестве делегатов второго конгресса Союза коммунистов в конце ноября — начале декабря 1847 г. Маркс и Энгельс принимали также участие в собраниях лондонского Просветительного общества немецких рабочих (см. примечание 241). Ими был прочитан ряд докладов для членов Общества. Сохранившиеся записи выступлений Маркса и Энгельса весьма лаконичны и несовершенны. В настоящем томе они публикуются в той последовательности, в какой они были зафиксированы в протокольной книге Общества. Книга с протокольными записями не разыскана. — *445*.

277 Имеется в виду *Немецкое рабочее общество,* основанное Марксом и Энгельсом в Брюсселе в конце августа 1847 года (см. примечание 264). — *448.*

278 Подразумевается вышедшая в 1847 г. в Париже работа Л. Блана «Histoire de la Révolution française» («История французской революции»). — *448.*

279 Имеется в виду книга Даумера «Die Geheimnisse des christlichen Alterthums» («Таинства христианской древности»), изданная в Гамбурге в 1847 году. — *449.*

280 Как сообщалось в отчете, напечатанном в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 2, 6 января 1848 г., на новогоднем вечере Немецкого рабочего общества в Брюсселе 31 декабря 1847 г. присутствовало около 130 человек. Среди них были видные деятели революционного и демократического движения различных стран (Бельгии, Германии, Польши, Франции и других). Кроме Маркса, с речью выступил немецкий революционер, друг Маркса и Энгельса В. Вольф, который провозгласил тост за процветание «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» — «выразительницы взглядов и чаяний пролетариата». От имени польской демократии приветствовал революционеров и демократов других стран известный деятель польского освободительного движения И. Лелевель, встреченный бурными аплодисментами всего собрания. В заключение вечера с чтением стихов выступила Женни Маркс. Новогодний вечер, отмечалось в отчете, явился важной демонстрацией роста и сплочения сил международной демократии. — *451.*

281 В последующих номерах «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» сообщений о докладе Маркса «Что такое заработная плата» не обнаружено. Во второй половине декабря 1847 г. Маркс прочел ряд лекций в Немецком рабочем обществе о наемном труде и капитале. Наряду с другими подготовительными материалами к лекциям Маркс составил набросок «Заработная плата» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 579—602). — *451.*

282 Данный отчет с изложением речи Маркса о свободе торговли был напечатан в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» № 5, 16 января 1848 г. под заглавием «Sitzung der demokratischen Gesellschaft am verflossenen Sonntag, den 9 Januar» («Собрание Демократической ассоциации в прошлое воскресенье, 9 января»). Через эту газету Демократическая ассоциация дважды (6 и 9 января) оповещала о предстоящем публичном собрании, приглашая своих сторонников послушать «доклад Карла Маркса по вопросам политической экономии». На собрании было решено издать речь Маркса на средства Ассоциации. Заметка о выступлении Маркса 9 января, составленная Борнштедтом, была напечатана также в «La Réforme» 19 января 1848 года. Речь Маркса о свободе торговли издана в Брюсселе в начале февраля 1848 года (см. настоящее издание, т. 4, стр. 404—418).—*452.*

283 Отчет о праздновании в Брюсселе второй годовщины Краковского восстания 1846 г. в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» не появился, так как 27 февраля 1847 г. вышел последний № 17 этой газеты. — *456.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В

М

У

Ф

Х

Э

Ю

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение (настоящее издание, т. 1, стр. 414—429).
— Zur Kritik der Hegel'schen Rechts-Philosophie. Einleitung. In: «Deutsch-Französische Jahrbücher». 1-ste und 2-te Lieferung. Paris, 1844. — 43.

Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона (настоящее издание, т. 4, стр. 65—185).
— Misère de la philosophie. Réponse à la Philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris—Bruxelles, 1847. — 425.

Маркс, К. Речь о свободе торговли, произнесенная на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации 9 января 1848 года (настоящее издание, т. 4, стр. 404—418).
— Discours sur la question du libre échange, prononcé à l'Association Démocratique de Bruxelles, dans la Séance Public du 9 Janvier 1848) [Bruxelles, 1848]. — 452.

Энгельс, Ф. «Молодая Германия» в Швейцарии. Заговор против церкви и государства (настоящий том, стр. 285—287).
— «Young Germany» in Switzerland. Conspiracy against church and state.
In: «The Northern Star» № 411, 27 сентября 1845 г. — 288.

Энгельс, Ф. Наброски к критике политической экономии (настоящее издание, т. 1, стр. 544—571).
— Umrisse zu einer Kritik der Nationaloekonomie.
In: «Deutsch-Französische Jahrbücher». 1-ste und 2-te Lieferung. Paris, 1844. — 3, 4, 44, 108.

Энгельс, Ф. Недавняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии (настоящее издание, т. 2, стр. 555—558).
— The late butchery at Leipsic. — The German working men's movement.
In: «The Northern Star» № 409, 13 сентября 1845 г. — 287.

Энгельс, Ф. Новости из Пруссии.— Волнения в Силезии (настоящий том, стр. 200—201).
— Prussia.
In: «The Northern Star» № 346, 29 июня 1844 г. — 202.

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам (настоящее издание, т. 2, стр. 231—517).
— Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845. — 269, 270.

Энгельс, Ф. Проект Коммунистического символа веры (настоящий том, стр. 354—360).

— Entwurf des Kommunistischen Glaubensbekenntnisses. In: Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847). Hamburg, 1969. — 408, 411, 412, 415, 416, 418, 420, 422, 424, 428, 429.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании (настоящее издание, т. 2, стр. 3—230).

— Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten. Frankfurt am Main, 1845. — 345—348.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ АВТОРОВ *

[Bauer, B.] Charakteristik Ludwig Feuerbachs. In: «Wigand's Vierteljahrsschrift». Dritter Band. Leipzig, 1845 (*[Бауэр, Б.]* Характеристика Людвига Фейербаха. В журнале: «Wigand's Vierteljahrsschrift». Том третий. Лейпциг, 1845). — 345—347.

**Bauer, B.* Das entdeckte Christenthum. Zürich und Winterthur, 1843 (*Бауэр, Б.* Раскрытое христианство. Цюрих и Винтертур, 1843). — 152—153.

Bauer, B. Die gute Sache der Freiheit und meine eigene Angelegenheit. Zürich und Winterthur, 1842 (*Бауэр, Б.* Правое дело свободы и мое собственное дело. Цюрих и Винтертур, 1842). — 153.

Bauer, B. Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker. Bände 1—2. Leipzig, 1841; Band 3. Braunschweig, 1842 (*Бауэр, Б.* Критика евангелической истории синоптиков. Тома 1—2. Лейпциг, 1841; том 3. Брауншвейг, 1842). — 152.

Bauer, E. Der Streit der Kritik mit Kirche und Staat. Charlottenburg, 1843 (*Бауэр, Э.* Спор критики с церковью и государством. Шарлоттенбург, 1843).— 208.

**Blanc, L.* Histoire de la Révolution française. Tomes I—II. Paris, 1847 (*Блан, Л.* История французской революции. Тома I—II. Париж, 1847). — 448.

**Bray, J. F.* Labour's wrongs and labour's remedy; or, the Age of might and the age of right. Leeds, 1839 (*Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. Лидс, 1839). — 253.

Buret, E. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. Tome I. Paris, 1840 (*Бюре, Э.* О нищете рабочих классов в Англии и во Франции. Том I. Париж, 1840). — 57—58, 69.

Cours complet d'économie politique pratique. Volume complémentaire. Mélanges et correspondance d'économie politique; ouvrage posthume de J. B. Say, publié par Ch. Comte, son gendre. Paris, 1833 (Разные очерки и письма Ж. Б. Сэя по вопросам политической экономии, посмертно изданные его зятем Шарлем Контом. Париж, 1833). — 233—234.

**Daumer, G. F.* Die Geheimnisse des christlichen Alterthums. Bände 1—2. Hamburg, 1847 (*Даумер, Г. Ф.* Таинства христианской древности. Тома 1—2. Гамбург, 1847). — 449.

Destutt de Tracy, A. L. C. Élémens d'idéologie. IV-e et V-e parties.

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовались Маркс и Энгельс, сообщается дата и место выхода ее первого издания.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826 (*Дестют де Траси, А. Л. К.* Основы идеологии. Части IV и V. Трактат о воле и ее воздействии. Париж, 1826). — 24, 142.

Dictionnaire universel de la géographie commerçante par J. Peuchet. Tomes 1—5. Paris, 1799—1800 (Всеобщий словарь коммерческой географии, составленный Ж. Пеше. Тома 1—5. Париж, 1799—1800). — 293.

Ferrier, F. L. A. Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce. Paris, 1805 (*Ферье, Ф. Л. О.* О правительстве с точки зрения его взаимоотношений с торговлей. Париж, 1805). — 232, 255—258.

* *Feuerbach, L.* Grundsätze der Philosophie der Zukunft. Zürich und Winterthur, 1843 (*Фейербах, Л.* Основные положения философии будущего. Цюрих и Винтертур, 1843). — 44, 124, 153, 342—344.

* *Feuerbach, L.* Vorläufige Thesen zur Reformation der Philosophie. In: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Hg. v. Arnold Ruge. Zürich und Winterthur, 1843 (*Фейербах, Л.* Предварительные тезисы к реформе философии. В сборнике: «Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики». Под редакцией Арнольда Руге. Цюрих и Винтертур, 1843). — 44, 153.

* *Feuerbach, L.* Das Wesen des Christenthums. Leipzig, 1841 (*Фейербах, Л.* Сущность христианства. Лейпциг, 1841). — 155, 261, 264, 342.

Feuerbach, L. Das Wesen des Glaubens im Sinne Luthers. Ein Beitrag zum «Wesen des Christenthums». Leipzig, 1844 (*Фейербах, Л.* Сущность веры в смысле Лютера. Дополнение к «Сущности христианства». Лейпциг, 1844). — 344.

Finch, J. Notes of Travel in the United States. In: «The New Moral World» № 29, 13 January — № 52, 22 June (Vol. 5); № 1, 29 June — № 17, 19 Oktober 1844 (Vol. 6) (*Финч, Д.* Заметки о путешествии в Соединенные Штаты. В газете: «The New Moral World» № 29, 13 января — № 52, 22 июня (Том 5); № 1, 29 июня — № 17, 19 октября 1844 г. (Том 6). — 213, 214, 216—219.

Forssell, C. D. Kommunismen och kristendomen. Stockholm, 1847 (*Форселль, К. Д.* Коммунизм и христианство. Стокгольм, 1847). — 420.

Fourier, Ch. Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. In: *Ch. Fourier.* Oeuvres complètes. Tome I. Paris, 1841 (*Фурье, Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. В книге: *Ш. Фурье.* Полное собрание сочинений. Том I. Париж, 1841). — 308, 309, 318, 319, 325, 326, 328, 329, 338.

Fourier, Ch. Théorie de l'unité universelle. Vol. III. In: *Ch. Fourier.* Oeuvres complètes. Tome IV. Paris, 1841 (*Фурье, Ш.* Теории всеобщего единства. Том III. В книге: *Ш. Фурье.* Полное собрание сочинений. Том IV. Париж, 1841). — 311.

Fourier, Ch. Section ébauchée des trois unités externes. In: «La Phalange». Tome I. Paris, 1845 (*Фурье, Ш.* Набросок секции о трех внешних единствах. В журнале: «La Phalange». Том I. Париж, 1845). — 307, 308, 309—318, 319—325, 326—328, 330—338.

[Grün, K.] Die preussischen Landtags-Abschiede. Ein Wort zur Zeit. Birwinken, 1846 (*[Грюн, К.]* Решения короля, адресованные прусским ландтагам; о вопросах современности. Бирвинкен, 1846). — 404.

Gülich, G. Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeuten-

dsten handeltreibenden Staaten unserer Zeit. Bände I—V. Jena, 1830—1845 (*Гюлих, Г.* Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени. Тома I—V. Иена, 1830—1845). — 363, 364.

Gurowski, A. La vérité sur la Russie et sur la révolte des provinces Polonaises. Paris, 1834 (*Гуровский, А.* Правда о России и о восстании польских провинций. Париж, 1834). — 189.

**Hegel, G. W. F.* Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Dritte Ausgabe. Heidelberg, 1830 (*Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук в сжатом очерке. Третье издание. Гейдельберг, 1830). — 156, 171, 173, 174.

**Hegel, G. W. F.* Phänomenologie des Geistes. In: Werke. Band II. Berlin, 1832 (*Гегель, Г. В. Ф.* Феноменология духа. В сочинениях. Том II. Берлин, 1832). — 44, 152, 155, 156, 157—161, 164—166.

**Hegel, G. W. F.* Wissenschaft der Logik. In: Werke. Bände III—V, Berlin, 1833—1834 (*Гегель, Г. В. Ф.* Наука логики. В сочинениях. Тома III—V. Берлин, 1833—1834). — 44, 152, 172, 173.

[Heinzen, K.] Der deutsche Hunger und die deutschen Fürsten [Bern, 1847] (*[Гейнцен, К.]* Голод в Германии и германские государи [Берн, 1847]). — 426.

Heinzen, K. Dreißig Kriegsartikel der neuen Zeit für Officiere und Gemeine in despotischen Staaten. Neustadt, [1846] (*Гейнцен, К.* Тридцать военных статей нового времени для офицеров и солдат в деспотических государствах. Нейштадт, [1846]). — 426.

[Heß, M.] ([Гесс, М.])
— Sozialismus und Kommunismus (Социализм и коммунизм)
— Die Eine und ganze Freiheit (Единая и полная свобода)
— Philosophie der That (Философия действия)
In: Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz. Zürich und Winterthur, 1843 (Двадцать один лист из Швейцарии. Цюрих и Винтертур, 1843). — 44, 120.

Kaiser, H. W. Die Persönlichkeit des Eigenthums in Bezug auf den Socialismus und Communismus in heutigen Frankreich. Bremen, 1843 (*Кайзер, Г. В.* Личный характер собственности в отношении к социализму и коммунизму в современной Франции. Бремен, 1843). — 339.

**List, F.* Das nationale System der politischen Ökonomie. Erster Band. Der Internationale Handel, die Handelspolitik und der deutsche Zollverein. Stuttgart und Tübingen, 1841 (*Лист, Ф.* Национальная система политической экономии. Том первый. Международная торговля, торговая политика и германский Таможенный союз. Штутгарт и Тюбинген, 1841). — 228, 232—236, 240—242, 248, 250, 252.

Loudon, Ch. Solution du problème de la population et de la subsistance, soumise à un médecin dans une série de lettres. Paris, 1842 (*Лаудон, Ч.* Разрешение проблемы народонаселения и пропитания, изложенное в виде писем к врачу. Париж, 1842). — 56, 57.

Mill, J. Élémens d'économie politique. Traduits de l'anglais par J. T. Parisot. Paris, 1823 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Перевод с английского Ж. Т. Паризо. Париж, 1823). — 5—17, 29—32, 37—40, 134, 135, 142—143.

Morellet. Prospectus d'un nouveau dictionnaire du commerce. Paris, 1769 (*Морелле.* Проспект нового торгового словаря. Париж, 1769). — 293.

Möser, Y. Patriotische Phantasien. Vierte verbesserte Auflage. Bän-

de I—IV. Berlin, 1820 (*Мёзер, Ю.* Патриотические фантазии. Четвертое улучшенное издание. Тома I—IV. Берлин, 1820). — 104—105.

Pecchio, J. Histoire de l'économie politique en Italie, ou Abrégé critique des économistes italiens; précédée d'une introduction. Traduite de l'italien par L. Gallois. Paris, 1830 (*Пеккьо, Д.* История политической экономии в Италии, или Краткое критическое изложение итальянских экономистов с предпосланным введением. Перевод с итальянского Л. Галлуа. Париж, 1830). — 232—233.

Pecqueur, C. Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Études sur l'organisation des sociétés. Paris, 1842 (*Пеккёр, К.* Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ. Париж, 1842). — 56, 68—69.

Petit. Réponse de M. Petit, ex-receveur des finances à Corbeil, aux calomnies répandues à l'occasion de son procès en séparation. Paris, 1847 (*Пти.* Ответ г-на Пти, бывшего сборщика налогов в Корбейе, на клевету, распространяемую в связи с его бракоразводным процессом. Париж, 1847). — 381—382.

Peuchet, J. Mémoires tirés des Archives de la police de Paris. Tomes I—IV. Paris, 1838 (*Пеше, Ж.* Мемуары, извлеченные из Архивов парижской полиции. Тома I—IV. Париж, 1838). — 290, 293, 294—304.

Peuchet, J. Statistique élémentaire de la France. Paris, 1805 (*Пеше, Ж.* Основы статистики Франции. Париж, 1805). — 293.

Pitkethly, L. Emigration. Where to, and how to proceed. Description of the Shaker Villages. In: «The Northern Star» № 286, 6. May. 1843 (*Питкетли, Л.* Эмиграция. Где и как начать. Описание поселений шейкеров. В газете: «The Northern Star» № 286, 6 мая 1843 г.). — 21.

Proudhon, P. J. Philosophie der Staatsökonomie oder Nothwendigkeit des Elends. Deutsch bearbeitet von Karl Grün. Bände I—II. Darmstadt, 1847 (*Прудон, П. Ж.* Философия политической экономии, или Необходимость нищеты. Переведена на немецкий язык Карлом Грюном. Тома I—II. Дармштадт, 1847). — 403.

**Ricardo, D.* Des principes de l'économie politique et de l'impôt. Traduit de l'anglais par F.—S. Constancio avec des notes explicatives et critiques par. J. B. Say. Tomes I—II. 2-em éd., Paris, 1835 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Перевод с английского Ф. С. Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—II. Изд. 2-е. Париж, 1835). — 69, 235, 252.

**Saint-Simon.* Catéchisme des industriels. Paris, 1824 (*Сен-Симон.* Катехизис промышленников. Париж, 1824). — 114.

**Say, J. B.* Traité d'économie politique, ou Simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses. Troisième édition. Tomes I—II. Paris, 1817 (*Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии, или Простое изображение того, как богатства создаются, распределяются и потребляются. Издание третье. Тома I—II. Париж, 1817). — 59, 63, 72, 74, 142.

Say, L. A. Études sur la richesse des nations et réfutation des principales erreurs en économie politique. Paris, 1836 (*Сэй, Л. А.* Очерки о богатстве народов и опровержение основных заблуждений политической экономии. Париж, 1836). — 234.

Schulz, W. Die Bewegung der Production. Eine geschichtlich-sta-

tistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft. Zürich und Winterthur, 1843 (*Шульц, В.* Движение производства. Историко-статистическое исследование для обоснования новой науки о государстве и обществе. Цюрих и Винтертур, 1843). — 54—56, 67—68, 70—71.

Serra, A. Breve trattato delle cause che possono far abbondare li regni d'oro e d'argento dove non sono miniere (1613). In: «Scrittori classici italiani di economia politica. Parte antica». Tomo I. Milano, 1803 (*Серра, А.* Краткий трактат о причинах, по которым могут изобиловать серебром и золотом королевства, не располагающие рудниками (1613). В издании: «Итальянские классики политической экономии. Старые экономисты». Том I. Милан, 1803). — 232.

Sismondi, J. Ch. L. Simonde de. Études sur l'economie politique. Tome II. Bruxelles, 1838. (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Очерки политической экономии. Том II. Брюссель, 1838). — 236.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Tome II. Paris, 1819 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Том II. Париж, 1819). — 69.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde édition. Tome II. Paris, 1827 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Издание второе. Том II. Париж, 1827). — 236.

Skarbek, F. Théorie des richesses sociales. Suivie d'une bibliographie de l'économie politique. Seconde édition. Tome I. Paris, 1839 (*Скарбек, Ф.* Теория общественного богатства с приложением библиографии по политической экономии. Издание второе. Том I. Париж, 1839). — 142.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observation; par Germain Garnier. Tomes I—II. Paris, 1802 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Ж. Гарнье, с комментариями и замечаниями переводчика. Тома I—II. Париж, 1802). — 24, 47, 49, 51, 59—66, 69—80, 140—142.

[Somerville, A.] (One who has whistled at the Plough) Notes from the Farming Districts № XVII. In: «The Morning Chronicle», 13 December 1842 (*[Сомервилл, А.]* (Один из тех, кто сам ходил за плугом). Заметки из фермерских округов № XVII. В газете: «Morning Chronicle», 13 декабря 1842). — 222—223.

**Strauß, D. F.* Das Leben Jesu. Bände 1—2. Tübingen, 1835—1836 (*Штраус, Д. Ф.* Жизнь Иисуса. Тома 1—2. Тюбинген, 1835—1836). — 188.

Stein, L. von. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig, 1842 (*Штейн, Л.* Социализм и коммунизм современной Франции. Очерк современной истории. Лейпциг, 1842). — 306, 339.

[Steinmann, F. A.] Caricaturen und Silhouetten des neunzehnten Jahrhunderts. Vom Verfasser des Mefistofeles. Coesfeld, 1843 (*[Штейнман, Ф. А.]* Карика-

туры и силуэты девятнадцатого столетия. Автор Мефистофеля. Косфельд, 1843). — 187.

Stirner, M. Der Einzige und sein Eigenthum. Leipzig, Verlag von Otto Wigand, 1845 (*Штирнер, М.* Единственный и его собственность. Лейпциг, издательство Отто Виганда, 1845). — 352.

Ure, A. Philosophie des manufactures, ou Économie industrielle. Traduit sous les yeux de l'auteur. Tome I. Paris, 1836 (*Юр, Э.* Философия фабрики, или Промышленная экономика. Переведено под наблюдением автора. Том I. Париж, 1836). — 249—250.

Weitling, W. Das Evangelium eines armen Sünders. Bern, 1845 (*Вейтлинг, В.* Евангелие бедного грешника. Берн, 1845). — 425.

**Weitling, W.* Garantien der Harmonie und Freiheit. Vivis, 1842 (*Вейтлинг, В.* Гарантии гармонии и свободы. Веве, 1842). — 403.

ДОКУМЕНТЫ

Ansprache der Volkshalle des Bundes der Gerechten an den Bund, November 1846. In: «Demokratisches Taschenbuch für 1848». Leipzig, 1847 (Обращение Народной палаты Союза справедливых к Союзу, ноябрь 1846. В издании: «Demokratisches Taschenbuch на 1848». Лейпциг, 1847). — 419.

Ansprache der Volkshalle des Bundes der Gerechten an den Bund, Februar 1847. In: «Demokratisches Taschenbuch für 1848». Leipzig, 1847 (Обращение Народной палаты Союза справедливых к Союзу, февраль 1847. В издании: «Demokratisches Taschenbuch на 1848». Лейпциг, 1847). — 414, 419.

Die Centralbehörde an den Bund in Hamburg, den 24ten Juni 1847. In: Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847). Hamburg, 1969 (Центральный Комитет — Союзу в Гамбург, 24 июня 1847. В книге: Учредительные документы Союза коммунистов (июнь — сентябрь 1847). Гамбург, 1969). — 417, 418.

Centralbehörde an den Bund, den 14ten Sept. 1847. In: Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847). Hamburg, 1969 (Центральный Комитет — Союзу, 14 сентября 1847. В книге: Учредительные документы Союза коммунистов (июнь — сентябрь 1847). Гамбург, 1969). — 419.

Cracow manifesto (Краковский манифест), 22 февраля 1846 г. — 432, 433.

Entwurf einer Verordnung über Ehescheidung, vorgelegt von dem Ministerium für Revision der Gesetze, im Jule 1842. In: «Rheinische Zeitung» № 293, 20 Oktober 1842. Beiblatt (Проект закона о разводе, предложенный министерством по пересмотру законов в июле 1842. В газете: «Rheinische Zeitung» № 293, 20 октября 1842. Приложение). — 200.

The Fraternal Democrats (Assembling in London), to the Working Classes of Great Britain and Ireland. January 3, 1848. In: «The Northern Star» № 533, January 8th, 1848 (Обращение общества «Братские демократы» к рабочим Великобритании и Ирландии 3 января 1848. В газете: «The Northern Star» № 533, 8 января 1848). — 377—379.

Der Kongreß an den Bund im Hamburg, den 9ten Juni 1847. In: Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847). Hamburg,

1969 (Конгресс — Союзу в Гамбург, 9 июня 1847. В книге: Учредительные документы Союза коммунистов (июнь — сентябрь 1847). Гамбург, 1969). — 415—421.

Das Schlußprotokoll der Wiener Conferenz vom 12. Juni 1834. In: Wichtige Urkunden für den Rechtszustand der deutschen Nation. Mannheim, 1844 (Заключительный протокол Венской конференции министров от 12 июня 1834 года. В книге: Важные документы о правовом положении германской нации. Мангейм, 1844).

Idem. In: «Vorwärts!» № 7, 24 Januar, 1844. Supplement (То же. В газете «Vorwärts!» № 7, 24 января 1844 года. Приложение). — 181.

Statut des Bundes der Kommunisten, den 9ten Juni 1847. In: Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847). Hamburg, 1969 (Устав Союза коммунистов, 9 июня 1847. В книге: Учредительные документы Союза коммунистов (июнь — сентябрь 1847). Гамбург, 1969). — 402, 407—409, 415, 418—420, 424, 427, 428.

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ, АВТОРЫ КОТОРЫХ НЕ ИЗВЕСТНЫ

«Deutsche Vierteljahrs Schrift» («Немецкий ежеквартальный журнал»). Штутгарт и Тюбинген, № 3, 1838. Der bergmännische Distrikt zwischen Birmingham und Wolverhampton; mit besonderer Bezugnahme auf die Gewinnung des Eisens. (Горнопромышленный округ между Бирмингемом и Вулвергемптоном; с особым учетом производства железа). — 70.

«Constitutionnel Neuchâtelois» («Невшательский конституционалист») № 109, 11 сентября 1845 г. [Корреспонденция из Невшателя]. — 285—286.

«Daily Advocate and Advertiser» («Ежедневный адвокат и уведомитель»). Питтсбург, 17 июля 1843 г. [Описание колонии сепаратистов в Зоаре, штат Огайо]. — 218.

«The Northern Star» («Северная звезда»). Лондон

— № 362, 19 октября 1844 г. Great Meeting of the Carpenters of Manchester and Salford (Большое собрание плотников Манчестера и Солфорда). — 271, 272.

— № 363, 26 октября 1844 г. Manchester. — The Strike of Messrs: Pauling and Co's Carpenters and Joiners. (Манчестер. — Стачка плотников и столяров фирмы г-на Полинга и К°). — 271, 272.

— № 365, 9 ноября 1844 г. Henfrey v. Salmon. — Assault (Хенфри против Салмона. — Нападение). — 275, 276.
The Carpenters' and Joiners' Strike (Стачка плотников и столяров). — 278, 279.

— № 366, 16 ноября 1844 г. Another of Labour's Victories.— The Carpenters and Joiners of Manchester (Еще одна победа рабочих. — Плотники и столяры Манчестера). — 276—279.

— № 367, 23 ноября 1844 г. Manchester. — Great Aggregate Meeting of the Building Trades (Манчестер.— Огромный объединенный митинг строительных союзов). — 279—280.

— № 368, 30 ноября 1844 г. Extension of the Strike. Another Victory for Labour (Расширение стачки. Еще одна победа рабочих). — 280—281.

— № 375, 18 января 1845 г. Aggregate Meeting of the Manchester Building Trades (Объединенный митинг строительных союзов Манчестера). — 281.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ*

---

* Звездочкой отмечены заглавия работ, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС
(январь — август 1844)

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС
(сентябрь 1844 — февраль 1848)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовили к печати
А. К. Воробьева и *А. И. Малыш*

Помощники подготовителей
Т. Т. Гиоева и *Л. Л. Калинина*

Редакторы *И. А. Бах* и *А. И. Малыш*

Технический редактор *А. П. Агафошина*

Корректоры
В. А. Зотова, Н. Д. Черединцева

★

Сдано в набор 31 мая 1974 г. Подписано в печать 26 ноября 1974 г. Формат 60×92 1/16. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 35,13. Учетно-изд. л. 34,6. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 1480.
Цена 1 руб.

★

Издательство политической литературы. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

★

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.